

В. Т. ПАШУТО

РУСЬ. ПРИБАЛТИКА. ПАПСТВО

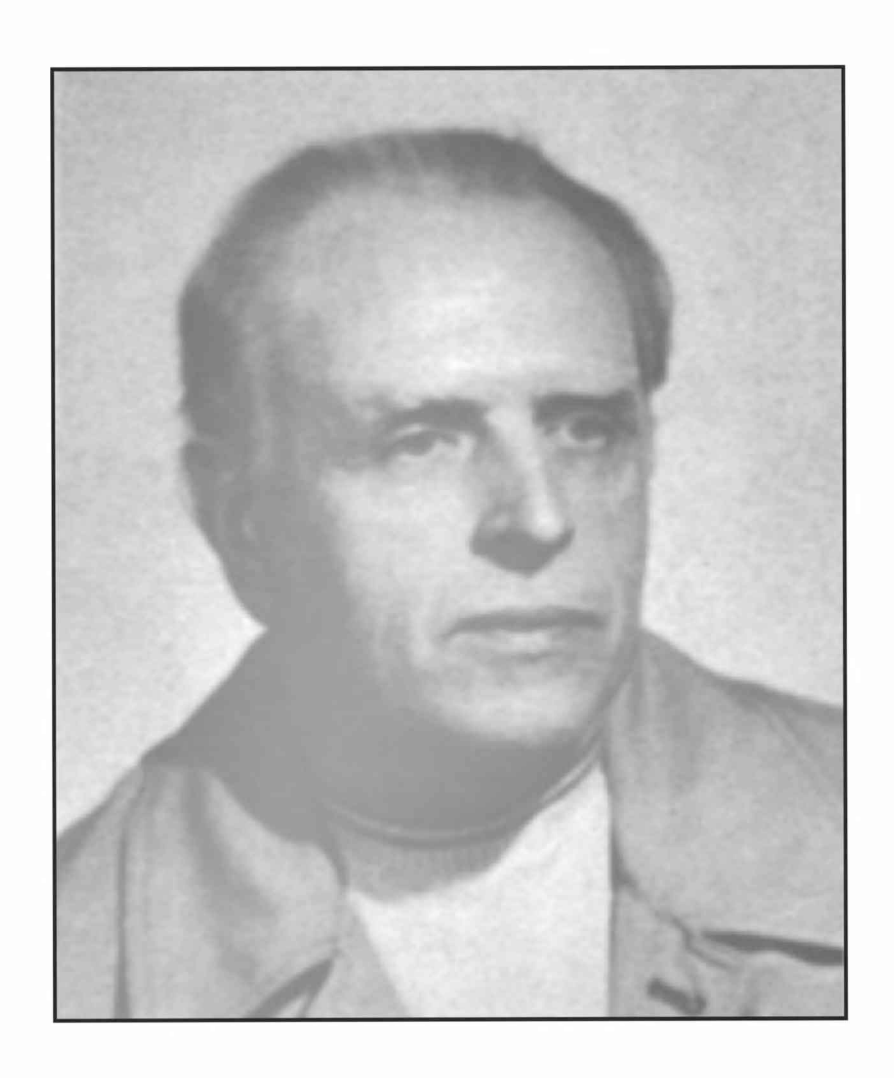
Университет Дмитрия Пожарского

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

2008 год

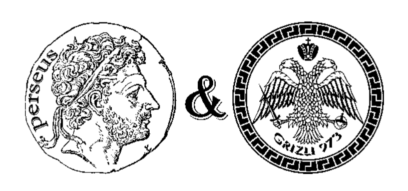
В. Т. ПАШУТО

РУСЬ. ПРИБАЛТИКА. ПАПСТВО

Избранные статьи

Москва, 2011

УДК 94(4)
ББК 63.3
Д73

Издание подготовлено в рамках работы над проектом
«Исторический опыт разрешения конфликтов в эпоху политогенеза
(компаративное исследование)
Программа фундаментальных исследований ОИФН РАН
«Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов»

Пашуто В.Т.
Д73 Русь. Прибалтика. Папство (Древнейшие государства Восточной Европы, 2008 год) / Ин-т всеобщей истории РАН. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. — 688 с.

ISBN 978-5-91244-078-6

Труды по социально-политической истории Древней Руси и Прибалтики выдающегося отечественного историка В.Т. Пашуто (1918–1983) определили на многие годы важнейшие направления исторических исследований и насыщены идеями и наблюдениями, не утратившими актуальность и в настоящее время. Публикация избранных работ В.Т. Пашуто имеет целью привлечь внимание современных исследователей к дискуссионным или мало изученным аспектам отечественной истории, а также к ранней истории стран Балтии, имеющей важное значение как для типологического изучения путей становления государства, так и для исследования политической и экономической истории Древней Руси.

ISBN 978-5-91244-078-6

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Совсем недавно один из маститых немецких историков из числа младших сверстников В.Т. Пашуто, прочитав нашу статью о последнем[1], счел необходимым письменно засвидетельствовать нам свое недоумение, вызванное неуместным, по его мнению, под пером современного историка «панегириком» человеку, который приложил столько сил для «разоблачения» (пользуемся терминологией тех времен) многих заветных идей немецкой русистики. От внимания нашего почтенного корреспондента ускользнуло то важнейшее обстоятельство, что путь от «холодной войны» идеологий в исторической науке до заинтересованного внимания к концепциям западных коллег-русистов для историка советской формации естественным образом пролегал через идейное и, мы бы даже сказали, душевное опамятование внутри национальной исторической парадигмы. Именно этому применительно к В.Т. Пашуто на примере его работы над книгой о русских историках-эмигрантах (1992 г.) и была посвящена наша статья. Впрочем, обида немецкого коллеги понятна: тяжелая рука В.Т. Пашуто была долго наложена на немецкую *Ostforschung* — и в том, что сам этот термин почти исчез из ученого обихода даже в Германии, есть, думается, и его заслуга, а не только переориентации концептуальных усилий тех из немецких историков, ученый интерес которых простирается на так называемую *Ostmitteleuropa*.

Да, пора непримиримой полемики давно миновала, нынче в чести — и слава Богу! — совместные проекты и дружеские коллоквиумы. Время идет, но вот что странно: чем дальше в залетейскую область с несколько неуклюжим названием история исторической

---

[1] *Назаренко А.В.* Два лица одной России: В.Т. Пашуто как русский историк // *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 349–360 (ДГ. 2007 год); первый вариант работы был опубликован в 1993 г.

науки отодвигаются от нас монументальные фигуры последних корифеев советской эпохи, тем больше растет ощущение потери. В его природе не мешало бы разобраться.

Разумеется, те, кто лично были близки с Владимиром Терентьевичем — автор настоящих строк имеет счастливое право принадлежать к этому кругу, — не могут не испытывать чувства личной утраты. С годами подобное чувство имеет обыкновение притупляться, и только память о больших людях растет обратно пропорционально времени. Вот и во Владимире Терентьевиче была удивительная прочность, учительствующая не одним словом, а и всей целокупностью личности, которой так шло категорическое лютеровское *hic sto.*

Все это так, но дело далеко не только в этом.

Среди пестрой разноголосицы, пышного цвета всевозможных виртуальностей, почти повсеместного зыбкого флера метанаучной «культурологической» неопределенности, дилетантских — часто до комизма — батрахиомиомахий на «постсоветском пространстве», беспризорного одичалого журнально-экранного «плюрализма» современному историку Руси и России остро не хватает чего-то, ушедшего вместе с людьми поколения В.Т. Пашуто. И если пытаться назвать это «что-то» одним словом, то более всего подошло бы — з н а ч и т е л ь н о с т ь. Мы как-то уж слишком быстро, почти разом измельчали. Не странно ли: вместе со своими заблуждениями и очевидными пороками советского регулирования исторической науки старики унесли с собой к р у п н о с т ь — крупность идей и тем, твердость стояния, веру в значительность истории и достоинство историка, в важность, общественную и государственную, его дела — словом, то ощущение твердой почвы под ногами, без которого не может родиться и жить никакое подлинно гуманитарное знание.

Вот почему наша память и наша научная интуиция снова и снова обращается к учителям и предшественникам, к их мыслям и наследию. Ничто не в силах отменить евангельского: «Ученик не бывает выше своего учителя, но, и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его» (Лк. 6, 40).

Вот почему мы испытываем такую насущную нужду еще и еще раз попробовать вскарабкаться на их плечи (следуя одному из любимых речений В.Т. Пашуто: «Надо стоять на плечах, а не на костях предшественников») — в надежде не только увидеть дальше, но и через них, быть может, хотя бы отчасти обрести желанную прочность.

Вот какие мысли приходят в оправдание тому, что том «Древнейших государств Восточной Европы» за юбилейный, 2008-й, год (к 90-летию со дня рождения и 25-летию со дня кончины В.Т. Пашуто) составляют не посвященные памяти покойного ученого труды, а труды самого ученого. Обычно в таких случаях пишется, что переиздаваемые в сборнике работы рассеяны по труднодоступным изданиям и стали библиографической редкостью. Что ж, и это справедливо.

Задача отбора текстов для сборника была одновременно и сложна, ввиду обширности научного наследия В.Т. Пашуто, и проста. В центре интересов Владимира Терентьевича всегда стояла Древняя Русь, но и его увлеченность ранней Литвой — а отчасти и шире: Восточной Прибалтикой в целом — никак не назовешь периферийной. Если кандидатская диссертация ученого была посвящена Галицко-Волынской Руси (1950 г.), то докторская — уже происхождению Литовского государства (1959 г.). Все возраставшее с конца XII столетия участие Рима в событиях на востоке Европы и Балтики обусловило внимание к теме миссионерской политики папства.

Так родилась трехчастная структура тома. В ее рамках выбор диктовался как важностью содержания, так и соображениями объема. Понятно, что отдельного внимания вполне заслуживал бы, например, и блок работ о юридических текстах — от «Прусской» и «Помезанской правд» (1952, 1955 гг.) до «Корчульского статута» (1976 г.) — и статьи по летописеведению или истории международных связей — да мало ли еще о чем. Но одно дело — юбилейный том, и совсем другое — собрание сочинений.

Поверь, читатель, что том, который ты держишь в руках, достоин заинтересованного и сочувственного внимания, что его содержимое заслуживает спокойного, но неравнодушного перечтения. Хочется верить, что будет немало и молодых коллег, кто обратятся к этим текстам впервые. Сейчас, когда временное и случайное в них не застит взор, отчетливее встает главное и непреходящее. Акциденции осыпались, но никуда не делись сущности.

Автор этих строк живо помнит, с какой радостью (отнюдь не злорадством!) Владимир Терентьевич отмечал на полях — он тогда работал над обширной рецензией на первый том итогового немецкого *«Handbuch der Geschichte Russlands»,* которой придавал принципиальное значение, но которой так и не успел написать — всякий признак отхода от конфронтационных схем, каждый внимательный

взгляд в сторону отечественной историографии. В наших глазах выглядит глубоко символичным жест Манфреда Хелльманна (одного из столпов *Ostforschung* и, пожалуй, главного противника В.Т. Пашуто как на древнерусском, так и на литовском «фронтах»), который уже после смерти В.Т. Пашуто и совсем незадолго до собственной кончины прислал нам — а он не мог не знать, что имеет дело с питомцем своего давнего и принципиального оппонента — книгу с примирительной дарственной надписью. И этот заочный привет, право же, дорогого стоит.

А для нас он — еще один, почти лишний, повод попристальнее присмотреться к своему наследству, нерадивыми преемниками которого так не хотелось бы стать. Хорошее ли, плохое ли, но оно наше. И только от нас зависит, как мы им воспользуемся и распорядимся.

Так сделаем это ответственно, трезво, честно — и с любовью.

А.В. Назаренко

А.С. Щавелев

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В.Т. ПАШУТО: ВЗГЛЯД ИЗ 2000-Х ГОДОВ

Просматривая список трудов В.Т. Пашуто или даже просто взглянув на названия работ, отобранные для настоящего сборника, любому медиевисту сразу же бросается в глаза исключительная прозорливость, чутье историка в выборе тем своих исследований. Практически все проблемы, вынесенные в заголовки статей или параграфов написанного им раздела монографии «Древнерусское государство и его международное значение», так или иначе оказались в дальнейшем в центре самых острых дискуссий современной историографии. Некоторые выводы В.Т. Пашуто не были приняты, некоторые — пересмотрены, некоторые доказательства его тезисов не выдержали пристрастную источниковедческую проверку, но актуальность выбранных тем сомнений не вызывает.

Коллективная монография «Древнерусское государство и его международное значение» стала этапом русской исторической науки. Ее замысел и структура до сих пор задают образец для обобщающих работ по истории Древней Руси[1]. Особенно это касается раздела, посвященного политической системе древнерусского государства.

Новаторский для своего времени и традиций советской историографии замысел анализа *структуры* политических институтов и *формы* раннего государства был задуман В.Т. Пашуто несколько раньше. Схема будущего монографического текста просматривается уже в статье 1962 года «О мнимой соборности древней Руси»[2].

---

[1] Ср.: *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008.

[2] *Пашуто В.Т.* О мнимой соборности Древней Руси // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962. С. 162–214.

Эта статья «официально» была посвящена критике спекулятивных теорий об «особом пути» России, ее гармоничной всенародной «соборной» государственности, но включала в себя и содержательный анализ принципов организации власти домонгольской Руси. В оттиске статьи В.Т. Пашуто разметил текст на «параграфы»: «собор», «вече» и т. д., из которых потом будет состоять его раздел книги «Древнерусское государство» (*см. рис. 1*). Кстати, и объект его критики — «теория соборности» стала в наши дни исключительно популярна в религиозной социальной философии и околонаучной публицистике.

Первый параграф раздела «Черты политического строя» — «Собор» — открывает перечень институтов власти Древней Руси. Существование отдельного властного «представительского» института «собор» вызывает некоторые сомнения, и определенный скепсис по этому поводу чувствуется уже в работе Я.Н. Щапова[3]. Но можно полностью согласиться с В.Т. Пашуто, что приводимые им случаи «соборов» — это примеры расширенного совета при князе, причем, можно добавить, созванные в связи с экстраординарными обстоятельствами. Другое дело, что за определением (условно, «термином») «собор» не было закреплено одно единственное значение, это слово применялось к самым разным случаям собраний людей. Видеть в соборе особую форму совещательной практики, видимо, нет веских оснований. Тем более, не доказана историческая связь между домонгольскими соборами и расширенными советами с соборами времени Московской Руси[4]. Однако, полностью исключить их историческую преемственность априорно тоже нельзя.

Несколько иная ситуация связана с другим «сословным» органом власти — советом при князе. Определение В.Т. Пашуто — «верховный орган власти раннефеодального государства» — скорее дань даже не идеологической «лингвистической моде», а складу научной терминологии. Вопрос о совете А.А. Горский назвал «спорным»[5]. Проанализировав сообщения о советах/думе, исследователь дружины приходит к выводу, что перед нами не «учреждение с какой-либо

---

[3] *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 184–185.

[4] См., например: *Петрухин В.Я.* Древняя Русь: народ, князья, религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I. Древняя Русь. С. 227.

[5] *Горский А.А.* Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М., 1989. С. 61–64.

Рис. 1 is a reproduction of article fragments:

О МНИМОЙ СОБОРНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В белоэмигрантской литературе давно живет миф о всенародной соборности как исконном элементе истории Русского государства. Этот миф пережил породивших его авторов и ныне воспринят реакционной буржуазной историографией, которая ищет средств доказать, что история России стоит «вне закона», а потому неприемлема для «Европы» порожденная этой историей социалистическая революция. Так, идейную борьбу с революцией

Этот поборник древнерусской народной соборности почему-то не обращается к сколько-нибудь полному анализу известий о соборе в летописях. Известий немного, и они вполне доступны пониманию.

§1 Собор

Термин «собор» (сбор) имеет несколько значений. Впервые встречаем это слово в связи с описанием перенесения в Киеве мощей Бориса и Глеба: «И бысть сбор велик, сшедшюся народу с всих стран». Помимо церковной знати, здесь были «князи же и бояре, и вси людье». Это — не собор, а праздник, который продолжался три дня. Его описание любопытно для оценки взгляда книжника на народ. Дело в том, что во время выноса мощей толпы заполонили город: «не бе лзе вести от множества народа: поламляху воръ, а инии и покрили бяху град и

Но что Г. Вернадскому Русь, когда источник всякого прогресса он привык олицетворять с «Западом»! Вот он и пишет, что «лишь в Западной Украине отдельные феодальные обычаи и институты развивались отчасти как результат иноземного влияния (а в основном как что?— *В. П.*)... Галицкие бояре пытались отстоять себя как феодальная аристократия»[60]. А новгородские и псковские, стало быть, не пытались?

§2 Совет.

Второй элемент — боярский совет, дума. Говоря об элементах власти и соотношении между ними, белоэмигрантские историки и, в частности, Г. Вернадский игнорируют их классовую природу. Между тем анализ известий о княжеском совете, а также о снеме (почему-то оставленном без внимания поборниками соборности) позволяет вполне определенно ответить на вопрос о месте этих институтов среди органов власти и о возможности признания их выразителями всенародной соборной воли «земли».

Первые сведения о совете восходят к докиевской старине и

Снем — орган государственной власти феодалов, решавший коренные вопросы, относящиеся к общественной организации, государственному строю и внешней политике страны. Никаких следов соборности или народоправства в его деятельности источниками не отмечено.

§4 Вече.

Поговорим, наконец, о «демократическом элементе» — вече, которое, как пишет Г. Вернадский, действовало «с точки зрения городских интересов»[130]. Спрашивается, а что такое «городской интерес»? Этот автор написал специальную рецензию на исследование М. Н. Тихомирова о древнерусских городах, но так и не понял, что их политическую жизнь раздирали острейшие социальные противоречия.

Рис. 1

четкой организационной структурой», а «совещание князя» с ближайшим окружением. Эту мысль позже продолжил П.В. Лукин[6]: он констатирует очевидность «показаний» древнерусских источников, в которых слово «совет» обозначает самые разные собрания, в том числе и вечевые. Вряд ли опытный историк В.Т. Пашуто не знал, что частотная лексема «совет» полисемантична и в древнерусских текстах (как и в современном, кстати, русском языке) приложима к самым разным ситуациям. Но это не отменяет того простого факта, что в ряде случаев «советом» летописец называет определенное, неоднократно повторяющееся событие, связанное с реализацией властных функций князя и его (дружинного в своем большинстве) окружения. Совет/совещание при князе вполне выдерживает проверку на «политическую институциональность», другое дело, что интерпретация отдельных конкретных случаев может быть предметом споров.

В.Т. Пашуто практически впервые в советской историографии обратил должное внимание на съезды («снемы») князей. Во время написания книги господствовала достаточно ограниченная (и по набору рассматриваемых эпизодов, и по интерпретации их политического содержания) трактовка этого феномена, предложенная Б.Д. Грековым[7]. После дореволюционной статьи Г.Г. Тельберга[8] и абсолютно забытой работы конца 20-х годов Виктора[9] Новицкого[10] глава В.Т. Пашуто — первое полноценное рассмотрение статистически значимой серии прецедентов княжеских съездов. Выводы В.Т. Пашуто о политических задачах и круге вопросов, решаемых на между-

---

[6] *Лукин П.В.* К вопросу о так называемом совете в домонгольской Руси // ДГ. 2003 г. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 132–142.

[7] *Греков Б.Д.* Киевская Русь // *Греков Б.Д.* Избранные труды. М., 1959. Т. II. С. 398–400.

[8] *Тельберг Г.Г.* Несколько замечаний о междукняжеских снемах в древней Руси // ЖМНП. 1905. № 6. С. 332–338.

[9] Отчество В. Новицкого мне не известно, и, видимо, не может быть установлено без специальных архивных изысканий.

[10] *Новицький В.* Снеми Руської Землі X–XII вв. // Праці комисії для виучування історії західньо-руського та вкраїнського права. Київ, 1927. Вип. 3 / Под ред. акад. Н.П. Василенка. С. 1–58. Идеи В. Новицкого о снеме/совете старших князей как о верховном органе власти на Руси конца XI — начала XIII веков звучат и у В.Т. Пашуто (*Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. и др.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 76, 82), но эта мини-монография вряд ли была ему известна.

княжеских встречах, корректны и открывают новые перспективы: на их основе стало возможным дальнейшее исследование темы[11].

Вокруг древнерусского и — шире — славянского веча дискуссия ведется уже на протяжении почти двух столетий. В.Т. Пашуто в своем очерке, по сути, предлагает классическую трактовку веча как архаичного института народного собрания, трансформировавшегося в феодальном обществе в аристократический орган власти. Однако именно в этом разделе звучит важная и все еще недооцененная мысль В.Т. Пашуто о том, что рассмотренные властные совещательные институты — суть «*видоизменяющиеся политические формы*». Учет изменчивости и нестабильности властных органов в древнерусском обществе позволит последующим исследователям значительно продвинуться в понимании принципов организации власти Древней Руси. Не случайно, история веча стала предметом ряда современных исследований. Принципы описания вечевых собраний в летописях изучены в ряде статей Т.В. Вилкул[12]. Рассмотрение исторического контекста вечевых прецедентов, социальной сущности и эволюции «веча» продолжает П.В. Лукин[13]. Развернутая критика понимания веча как политического института была предпринята Ю. Гранбергом, который проделал большую работу по анализу летописных упоминаний веча и «терминов», которые обозначают этот феномен[14]. Однако отказ признавать вече политическим институтом

---

[11] *Щавелев А.С.* Съезды князей как политический институт Древней Руси // ДГ. 2004 г. Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 268–278; *Он же.* Процедура съезда князей // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2007. С. 297–301.

[12] *Вилкул Т.Л.* «Людье» и князь в конструкциях летописцев XI–XIII вв. / Ruthenica. Київ, 2007. Supplementum I; *Она же.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII в. М., 2009.

[13] *Лукин П.В.* Вече: социальный состав // *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь. С. 33–147; *Он же.* Вече, племенные собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 70–130; *Он же.* О так называемой многозначности понятия «вече» в русских летописях. Домонгольское время // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В.А. Кучкина. М., 2005. С. 36–83.

[14] *Гранберг Ю.* Вече в древнерусских письменных источниках: функции и терминология // ДГ. 2004 г. Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 3–163; *Granberg J.* Veche in the Chronicles of Medieval Rus. A Study of Functions and Terminology. Göteborg, 2004. Рец.: *Лукин П.В.* Терминологический анализ: плюсы и минусы (По поводу монографии Юнаса Гранберга о древнерусском вече) // Средневековая Русь. М., 2009. № 8. С. 215–243).

имплицитно предполагает, что в средневековом обществе существовали жестко фиксированные, устойчивые институции, тогда как само определение «политический институт» (так же как и «потестарный институт») достаточно условно, а историческое содержание «институтов» подвержено — как справедливо отметил В.Т. Пашуто — изменениям. Таким образом, если вывод историка о связи городского веча в Древней Руси с догосударственными племенными собраниями отвергнут всеми тремя новейшими исследователями веча, то вопрос о степень «институциональности» органов власти на Руси и их трансформации заслуживает дальнейшего изучения.

При анализе «ряда» В.Т. Пашуто сосредотачивает свое внимание на договорах князя и элиты городов. Ясно, что это некоторое сужение проблемы — «ряды» заключались и между князьями. Тем не менее, обсуждение внутренней договорной практики Древней Руси как особой проблемы (более подробно, но все еще скорее в форме конспекта, она была рассмотрена в последней статье В.Т. Пашуто «Опыт периодизации истории русской дипломатии»[15]) принципиально важно: она все еще остается мало исследованной, особенно с точки зрения реконструкции неявных, «мерцающих» в летописных известиях следов договорной практики, например, «династических проектов» наиболее сильных из князей-Рюриковичей[16].

Более уязвима «феодальная» интерпретация «подручничества» и «кормления». Определение «подручник», судя по всему, бранный гапакс политической риторики Древней Руси[17]; это слово обозначает просто слугу, никакой же группы князей-подручников, насколько представляется по источникам, в среде Рюриковичей не было. До сих пор остается не совсем ясным вопрос о генезисе «местничества» в Московской Руси и возможности реконструкции его домонгольских протоформ.

Разделы «обязанности вассала» и «княжеский суд» — если отвлечься от «феодальной» терминологии — короткие, но емкие экскурсы в политическую этику Древней Руси. Это направление исследований стало крайне популярно в постсоветской историографии, но многие наблюдения В.Т. Пашуто не устарели до сих пор.

---

[15] Публикуется в настоящем сборнике.

[16] *Назаренко А.В.* Династический проект Владимира Мономаха: попытка реформы киевского столонаследия в 30-е годы XII века // *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 88–102.

[17] ПСРЛ. Т. II. Стб. 573.

«Коллективный сюзеренитет» старших князей над Киевом и Русью признан современными исследователями княжеской власти фикцией: в монографии А.П. Толочко дана ее развернутая критика[18], со справедливостью которой согласился и рецензент монографии А.В. Назаренко[19]. Однако вряд ли может быть с легкостью полностью отброшена мысль В.Т. Пашуто о сохранении в удельный период ряда явлений, поддерживавших единство домонгольской Руси: церковная организация, княжеский род, восходящий к одному первопредку, сходный набор политических практик и ритуалов власти, наконец, общая историческая память и др.; гипотеза о «коллективном сюзеренитете» как политической скрепе должна была служить еще одним аргументом в пользу его концепции. И хотя критика концепции В.Т. Пашуто имеет под собой основания и базируется на целом ряде показаний источников, однако, при этом забывается, что и его гипотезы опираются на обширное собрание фактов. Установка же на поиск интегративных моментов в истории домонгольской Руси, попытки найти контраргументы против идеи ее тотального распада в период «феодальной раздробленности», и вообще исследование соотношения общего и особенного в домонгольское и послемонгольское время, дезинтегрального и интегрального в истории Киевской Руси остаются актуальными.

В.Т. Пашуто сумел создать четкую схему «черт политического строя» Древней Руси, хотя такая структурная модель потребовала определенного упрощения политической реальности, выполненной, впрочем, чрезвычайно корректно. Представляется, что историк вполне понимал условность разделения прецедентов «совета», «собора», «веча», «съезда» на отдельные «политические институты». При этом в исследовании каждого явления он опирался на группы более или менее бесспорных случаев (принцип «репрезентативной выборки»), которые определены самими источниками или надежно интерпретированы исследователями как «вече», «совет с дружиной», «снем князей» и т. п.

Сейчас все чаще звучит критика применения термина «политический/правовой институт» в отношении ранних, архаичных и средне-

---

[18] *Толочко А.П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 54–66.

[19] *Назаренко А.В.* К проблеме княжеской власти и политического строя Древней Руси. Замечания и размышления по поводу книги: *Толочко А.П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992 // Средневековая Русь. М., 1992. № 2. С. 178–180.

вековых государств. Формы осуществления власти рассматриваются как набор устоявшихся процедур и типических «исторических ситуаций»[20], а не как жестко закрепленный юридически и теоретически осмысленный «институт» со строго демаркированной функциональной компетенцией. Применительно к архаичным и средневековым обществам речь ныне идет только о регулярно повторяющихся «практиках» власти. Но за этой критикой стоит скорее изменение научно-теоретической моды, а не какой-то принципиальный методологический прорыв. Вне зависимости от терминов проблема каждый раз заключается в интерпретации конкретных известий источников об отдельных ситуациях-прецедентах.

«Истоки древнерусского государства» — самая спорная и богатая историографией тема русской медиевистики. В.Т. Пашуто сосредоточил свое внимание на сущности восточнославянских общностей — «племен». Он видит в них политические, а не «этнические»/«этнографические» объединения. Продолжением этой темы стала его статья о «славянских племенах». В ней он полемизирует с ведущим археологом, занимавшимся древностями славянских «племен», — И.И. Ляпушкиным, доказывая политический характер «племенных княжений».

Решение спора о «политическом» или «этническом» (еще один вариант — «этносоциальном») характере славянских «племен», видимо, требует отказа от жесткого противопоставления этих определений. Упомянутые в летописях «племена» не были однотипны по принципам общественной организации и не принадлежали к одному таксономическому уровню социально-политического развития[21]. Другими словами, среди «племенных» этнонимов летописи есть названия политических общностей, этнографических (этносоциальных) групп и даже гораздо более мелких объединений[22]. Но сама дискуссия, в которую были вовлечены историки, археологи, лингвисты и этнологи, стала самым длительным (ее начало фактически

[20] Как кажется, впервые в постсоветской историографии эксплицитно это было сформулировано в статье: *Бойцов М.А.* Накануне. Ахенские коронационные въезды под разными углами зрения // Одиссей. Человек в истории. 1997. М., 1998. С. 172.

[21] Ср.: *Шинаков Е.А.* Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика. СПб., 2000. С. 303–346.

[22] Гораздо сложнее определить, какая по своей сути общность стоит за каждым из этнонимов.

положено знаменитой статьей А.А. Спицына 1899 года[23]) и интересным сюжетом русской медиевистики, требующим и заслуживающим отдельного историографического исследования.

Статья «Голодные годы древней Руси» уникальна для советской историографии и по тематике, и по глубине разработки проблемы: дореволюционные работы на эту тему носят общий характер и посвящены более поздним периодам. Статья анонимно принимает эстафету замечательного исследования выдающегося русского мыслителя, пассажира «философского парохода» П.А. Сорокина[24]. Книга П.А. Сорокина была запрещена советской цензурой и впервые была полностью опубликована в переводе на английский язык в 1942 году. Возможно, В.Т. Пашуто был знаком с ее текстом или с общим замыслом П.А. Сорокина, или с серьезно сокращенным подцензурным текстом русского издания книги.

В этой работе со ссылкой на публикацию в знаменитом французском журнале «Анналы» В.Т. Пашуто ставит сакраментальный вопрос русской истории: «Не кроется ли в климатических условиях одна из причин отставания русской средневековой экономики?» и обстоятельно показывает, что наряду с влиянием естественно-географической среды, важнейшую роль играли факторы социально-политические: «Феодальный общественный строй с его примитивным натуральным хозяйством, суровой эксплуатацией крестьян и экономической раздробленностью был чреват частыми неурожаями, вызывавшими голод во всей стране или в отдельных ее частях. Политическая раздробленность Руси, борьба между феодалами за ренту, торговая вражда городов порождали дороговизну и усугубляли бедствия пораженных голодом земель». Развитием этой темы станет фундаментальное исследование Л.В. Милова «Великорусский пахарь»[25].

Наконец, заслуживает внимания уникальный для его времени взгляд В.Т. Пашуто на трансконтинентальные нити культурных взаимовлияний и дипломатических связей в средневековье. Избегая

---

[23] *Спицын А.А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. СПб., 1899. Ч. 324. Август. С. 301–340.

[24] *Сорокин П.А.* Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003 (написана в 1922 г.).

[25] *Милов Л.В.* Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // ВИ. 1992. № 4–5. С. 37–56; *Он же.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

«евразийского соблазна» глобальных геополитических построений, В.Т. Пашуто видел серьезную ущербность убежденности историков в том, что древние и средневековые цивилизации были замкнуты в своих политических границах и культурных ареалах своих языков и религий. Имена Джованни Плано Карпини, Вильгельма Рубрука, Марко Поло и Афанасия Никитина стали хрестоматийными. Но им «навстречу», бросая вызов пространству, шли их менее знаменитые коллеги-путешественники из Поднебесной империи — монахи-несториане уйгуры Ябалаха III и Саума[26]. За этими эпизодами, за отдельными проявлениями внешней политики Папской курии или «кибиточных политиков» Монгольской державы В.Т. Пашуто ощущал — и стремился исследовать — круговорот людей и технологий (например, знаменитая легенда о вывозе в Византию шелкопряда из Китая[27]), текстов и идей, предметов роскоши и редкостей в Евразии, что было нормой, а не случайным исключением в Средние века.

Работы В.Т. Пашуто отличает главная черта, утраченная многими современными исследователями, — его анализ направлен на разрешение четко сформулированной и поставленной исторической проблемы, его источниковедческие изыскания не являются самоцелью, а служат обоснованию новых исторических выводов. Именно поэтому темы, выбранные В.Т. Пашуто, часто связаны с социологическими и философскими вопросами («соборность», «природно-климатический фактор», «политическое и/или этническое», «геокультурные горизонты»), но для рассмотрения этих проблем предлагается конкретное историческое решение, основанное на прочном фундаменте источников.

---

[26] История мар Ябалахи III и раббан Саумы / Исслед. и пер. с сирийского Н.В. Пигулевской. М., 1958.

[27] *Костин Ю.* Из истории китайско-византийских отношений // ВВ. 1958. Т. 13. С. 292–297.

Е.Н. Швейковская

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ В ТРУДАХ В.Т. ПАШУТО

Я остановлюсь на научной деятельности В.Т. Пашуто, которая заслонена его огромной созидательной работой по созданию сектора древнейших государств на территории СССР. Именно ею ученый занимался с 1968 г. Вместе с тем он отдавал немало сил и творческой энергии направлению, господствовавшему тогда в институтских планах, а именно — социально-экономической истории.

В данной статье я не ставлю целью дать всестороннюю характеристику его исследованиям в этой области, а намечу основные вехи работы на этом направлении. Уже в монографии В.Т. о судьбах Галицко-Волынской Руси присутствует обширная глава о социально-экономических отношениях в юго-западной Руси. В ней ученый проследил формирование и рост крупного феодального землевладения, которое шло параллельно с социальным структурированием в боярско-княжеской среде. Экономическая компонента органично вписана в рассмотрение общественного устройства. В.Т. разбирает отношения собственности, а она имела расчлененный вид. Привилегированное боярское землевладение выступало в двух главных формах: одна из них представлена полной собственностью владельцев (аллод), и другая обусловлена службой (бенефиций и феод). Ученый выявил тенденцию к слиянию этих двух форм землевладения и установил для XII–XIII вв. превращение временных пожизненных держаний в наследственные вотчины (феода в аллодиальную землю). В непосредственной связи с ростом крупного землевладения (и экономическим и правовым усилением феодалов) ученый говорит о судьбах сельского населения. По мере роста крупного землевладения и становления вотчины-сеньории свободные крестьяне-общинники превращались в зависимых от своих землевладельцев,

обязанных им уплатой оброка, а также несением повинностей и платежей в пользу государства.

Передача светскими лицами земель, сел и волостей монастырям в виде вкладов и пожалований было таким же распространенным явлением, как и раздача великокняжеской властью населенных земель в руки частных владельцев за обязанность «службы», с наделением их правами сеньора. Ученый выяснил, что вотчины XIII–XIV в. отличались от вотчин киевской поры своими разросшимися размерами в целом, укрупнением боярских дворов и земельных массивов, а главное, использованием труда крестьян, сидящих на оброке[1].

Книга В.Т. вышла из печати в конце 1950 г. В конце же 1949 г. учитель ученого Б.Д. Греков возглавил созданную в Институте истории АН СССР Комиссию по истории земледелия. В ее образовании претворился в жизнь проект, выношенный Б.Д. Грековым и С.И. Вавиловым, который, как считает Н.А. Горская, «должен был, хотя бы частично, послужить воплощению в жизнь погибшей мечты Николая Ивановича Вавилова»[2]. Замысел Грекова состоял в издании отдельных сборников материалов, которые бы в дальнейшем стали основой большого обобщающего труда по истории русского земледелия и его распространения на восток страны. Под редакцией Грекова вышло 2 тома (2-й в 1956 г.), в которые вошли исследования по истории земледелия в дофеодальный и феодальный периоды.

В 1950 и 1951 гг. Б.Д. Греков выступил организатором двух первых всесоюзных конференций по истории производительных сил в земледелии. Именно эта деятельность ученого, пишет Н.А. Горская, «лежит в основе и другого начинания, развернувшегося с конца 1950-х годов по инициативе С.Д. Сказкина, В.К. Яцунского и эстонских ученых во главе с Х.Х. Круусом»[3]. Имеется в виду основание Симпозиума по изучению проблем аграрной истории как регулярной конференции. Итак, идея и инициатива учреждения форума историков-аграрников, каким стал Симпозиум, разработка плана его организации принадлежали специалистам по истории России феодального периода. Первая сессия Симпозиума состоялась в 1958 г.

---

[1] *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 152–155.

[2] *Горская Н.А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 187.

[3] *Горская Н.А.* Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. С. 107–108.

Хронологически его тематика первоначально охватывала период с XVI (впоследствии с древнейших времен) по конец XIX века, и в этих временных рамках работали 4 секции. Только через 7 лет, в 1965 г. появилась пятая секция — по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. По 1972 год сессии Симпозиума созывались ежегодно, а затем один раз в два года.

Симпозиум, начав свою научную жизнь в 1958 г., действует по настоящее время, и в 2008 г. состоялась его юбилейная, приуроченная к 50-летию, XXXI сессия. Направлял и направляет работу Симпозиума Оргкомитет. Его председателями были такие ученые как акад. С.Д. Сказкин, член-корр. В.И. Шунков, академики Ю.В. Бромлей и В.Л. Янин.

В 1978–1982 годах возглавлял Оргкомитет член-корр. (с 1976 г.) В.Т. Пашуто. Однако и до своего руководства Симпозиумом В.Т. участвовал в его работе. Так, в 1962 г., на сессии в Минске, В.Т. выступил с интересным докладом о голодных годах в Древней Руси. Он проследил, главным образом, на летописном материале сведения о голодных годах, а также об эпидемиях и эпизоотиях, о нашествиях и войнах. На время с 1024 по 1332 г. (за 308 лет) пришлось 42 голодных года, т.е. голод следовал с частотой раз в 7 лет. В.Т. проанализировал причины голода и его последствия; частоту эпидемий на примере Пскова и Новгорода в XIV–XV в. Ученый рассмотрел последствия голода, спекуляцию хлебом, бегство и переселение людей из голодных районов, похолопление свободных людей, увеличение закупничества-закладничества и, как следствие, нарастание и обострение социальных противоречий. В.Т. считал, что бедствия голодных лет на Руси схожи с таковыми в странах Европы и, кроме того, были усугублены «гибельными последствиями набегов и господства кочевников»[4]. Эта работа ученого не только не утратила своего значения, но остается актуальной для сегодняшней историографии. Историки России XX в., участвующие в нескольких последних сессиях Симпозиума, изучают голодоморы советского времени 1920-х, 1930-х годов и локальные голодовки послевоенного времени.

На VI сессии Симпозиума 1963 г. в Вильнюсе рассматривались вопросы о производительных силах в сельском хозяйстве на разных хронологических этапах и в разных регионах, о степени товарно-

---

[4] *Пашуто В.Т.* Голодные годы в Древней Руси // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск, 1964.

сти аграрного производства, уровне феодальной ренты и развитии феодального землевладения. На ней Пашуто выступил с пленарным докладом, в котором подробно охарактеризовал существовавшие к тому времени в зарубежной историографии концепции об аграрной истории России периода феодализма. Развитие капиталистических отношений, в том числе в аграрной сфере, не мыслилось тогда вне контекста антифеодальной и национальной борьбы крестьян. Вильнюсская сессия сосредоточилась на этой теме в связи со столетием восстания 1863–1864 гг. в Царстве Польском, Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине.

Во второй половине 1960-х годов В.Т. Пашуто вместе с Л.В. Черепниным и А.П. Новосельцевым участвует в создании труда, сравнительно-исторического и вместе с тем типологического характера. Он вышел в 1972 г. под названием «Пути развития феодализма», хотя первоначально авторское название было другим — «На пути (путях) феодализма». В центре внимания соавторов генезис и развитие феодализма на его ранней стадии в четырех крупных регионах страны: закавказском, среднеазиатском, древнерусском и прибалтийском. Основной объект изучения — определение состояния земельной собственности общины ко времени образования государства. От той или иной формы общины и уровня ее развития при возникновении государства зависит вызревание феодальной собственности и формирование общественных классов. Рассмотрение собственности подчинено характеристике эволюции ее государственной и частной форм, а в последней выясняется — крестьянская и феодальная. Авторы считали: «Типология не — самоцель, она должна помочь постепенному познанию истории, прежде всего *аграрного строя* четырех регионов — стержневой проблемы их общественно-политического развития в докапиталистический период, более глубокому познанию его закономерности»[5].

Перу В.Т. в этой монографии, как известно, принадлежит раздел «Страны Прибалтийского региона». Автор во главу угла ставит не страноведческий подход, а структурно-типологический. Собственно главный раздел назван: «особенности раннефеодальной структуры». В нем ученый раскрыл сложность общественно-политической структуры в регионе. В нем происходил переход от патриархально-

---

[5] *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В.* Пути развития феодализма. М., 1972. С. 5, 8.

общинного к феодальному строю. Основная масса земледельцев-общинников была еще лично свободна, но уже появился слой знати по титулу с наследственной собственностью на землю, челядью и зависимыми людьми. Однако знать при ее ведущей роли в управлении землями и их конфедерацией не слилась в единое господствующее наследственное сословие. Разделение общества на феодалов и крестьян не завершилось. Историк убедился в неравномерности и отсутствии единообразия в развитии структуры для разных областей прибалтийского региона от ранних форм в части Эстонии до наиболее зрелых в Литве, где складывалось раннефеодальное государство[6].

Таким образом, в занятиях В.Т. социально-экономическими проблемами немалое место занимали сложные темы большой и дискуссионной проблемы о феодальной собственности — ее складывание, иерархичность, поглощение ею общинных земель вместе с населявшими их земледельцами (той поры), их превращение из свободных в зависимых.

Итак, под председательством Пашуто были подготовлены и проведены 3 сессии Симпозиума по аграрной истории: 1978 г. в Ростове на Дону, 1980 г. в Воронеже и 1982 г. в Уфе. Следует отметить тот факт, что далеко не сразу, а лишь со второй половины 1970-х гг. на обсуждение Симпозиума стала выноситься, как правило, одна крупная проблема, сквозная для всех хронологических периодов и соответственно секций. Как раз, сессии под руководством В.Т обсуждали крупные проблемы: XVII-я 1978 г. (Ростов-на-Дону) «Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества», XVIII-я 1980 г. (Воронеж) «Социально-политический и культурный облик деревни в его историческом развитии». Замечу, что Симпозиум, как историческая наука в целом, обязан был откликаться на решения съездов КПСС, что нашло отражение в тематике его сессий. Под главенством В.Т. XIX сессия 1982 г. рассматривала проблему «XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР. Социально-политическое развитие деревни» (Уфа). Как следует из приведенной формулировки, Оргкомитет Симпозиума конкретно обсуждаемую тему сопроводил соответствующей шапкой.

Значительной проблемой, которая не раз поднималась на сессиях и была одной из значимых для 1960–1970-х годов, это — генезис

---

[6] Там же. С. 287.

феодальной земельной собственности и ее эволюция. Как раз упомянутая уже ростовская сессия 1978 г. остро дебатировала вопрос о сущности феодальной земельной собственности на землю. Сторонники двух дискутирующих точек зрения — московской и ленинградской — на социальную природу черной волости еще раз обосновали свои не раз зафиксированные позиции. А.Д. Горский, понимая феодальную земельную собственность как разновидность частной собственности с присущими ей чертами — монопольностью, сословностью и привилегированностью, иерархичностью и условностью, рассмотрел ее конкретные формы и виды на Руси в XIV–XV в. и аргументировал положение о сущности "черного" землевладения как разновидности феодальной земельной собственности, а именно, государственно-феодальной ее формы. Ленинградские оппоненты характеризовали «черное» землевладение XV–XVII вв. как непривилегированную крестьянскую земельную собственность. Ее основой они считали общинные земли, поглощаемые феодальной вотчиной и поместьем. Крестьянская земельная собственность, утрачивая свои позиции в центре государства, продолжала существовать на севере страны. Она была значимым фактором социально-экономического развития, базой для генерирования новых форм собственности, порождая при становлении феодализма вотчину и поместье, а при развитом феодализме буржуазные отношения.

Б.Н. Флоря на сравнительном материале Киевской Руси и западнославянских стран — Польши и Чехии показал соотношение разных форм эксплуатации на этапе раннего феодализма — государственной и частно-вотчинной. Он сосредоточил внимание на социальном статусе и специфике эксплуатации населения, вовлеченного в систему княжеского хозяйства. Очень важно выдвинутое ученым положение о том, что эта группа населения обслуживала отрасли княжеского хозяйства, потребности князя и его ближайшего окружения, а в целом верхнего слоя господствующего класса. В.И. Корецкий сконцентрировался на поместной системе XVI в. как виде феодальной собственности. Он подчеркнул, что она, уходя своими корнями в условное владение предшествующих столетий, о чем писал на изучаемом им материале В.Т. Пашуто, свидетельствует об определенной экономической отсталости России. Насаждение поместного землевладения в XVI в. я изменило состав господствующего класса, обеспечив власть сторонниками государственной централизации. Этот процесс привел к повышению феодальной эксплуатации.

По мнению В.И. Корецкого, направленность поместной системы против крупного вотчинного землевладения удельно-княжеской аристократии и монастырей четко видна в предопричных и особенно опричных мероприятиях. К концу XVI в. поместная система стала превалирующей в Центральной России, определив дальнейшее существование феодальной собственности.

На этой же сессии Ю.Л. Бессмертный, привлекая сравнительный западноевропейский XI–XIV вв. и русский XIV–XVI вв. материал, проанализировал отношения собственности двух структур государственной и частновладельческой и по компонентам — верховенство, власть, взимания, которые, в принципе, были едины у государей и сеньоров. Он высказал мнение, что в зависимости от конкретно-исторических проявлений "сеньориальная и государственная собственность" не есть жестко обособленные социальные феномены, а диалектически связанные части целого, варианты единой по сущности и строению феодальной собственности.

В непосредственной связи с формами феодальной собственности находятся виды эксплуатации крестьян. Их закрепощение неоднократно обсуждалось на сессиях симпозиума. Проявление региональных особенностей этого неоднозначно протекавшего в XVI–XVII вв. процесса было показано участниками XIX сессии под руководством В.Т. Пашуто В.И. Корецким, В.Б. Кобриным, П.В. Советовым и другими. Историко-правовой подход в приложении к агарным темам и, прежде всего, к раскрытию положения крестьян на основе законодательства и обычного права четко был осуществлен в выступлениях участников на Воронежской сессии 1980 г.

В.Т. Пашуто в роли председателя Оргкомитета Симпозиума поддерживал компаративный метод в исследованиях аграрной истории, участие медиевистов и ученых других смежных направлений в сессиях. Он выступал за здравое обсуждение дискуссионных вопросов, был лоялен к мнению и предложениям своих коллег по Оргкомитету. Это подтверждает высказывание В.А. Александрова, который был в то время заместителем председателя Оргкомитета и председателем в секции XVIII в. Предложенный им историко-правовой аспект рассмотрения социально-экономических в целом и аграрных тем в частности, а также другие его научные соображения не встречали по его собственному выражению «возражений со стороны последовательно сменявших друг друга председателей Оргкомитета — В.Т. Пашуто, В.Л. Янина и И.Д. Ковальченко, и… сессии, прошед-

шие на протяжении 15 лет в Ростове на Дону, Воронеже, Уфе, Казани, Таллинне и Минске, прошли плодотворно»[7].

Те же самые организационные качества, дополненные привлечением к новому делу молодых исследователей, проявились в работе над масштабным проектом по созданию 2-го тома «Истории крестьянства СССР». В.Т. Пашуто вместе с И.Д. Ковальченко стоял у истоков его замысла и был непосредственным руководителем работы по тому. В.Т. на рабочих заседаниях неоднократно говорил и подчеркивал необходимость создания труда именно как проблемного, синтезирующего, призванного аккумулировать имевшиеся к 1980-м годам изыскания по истории производительных сил деревни. В томе уделено внимание накоплению определенного объема материальных ресурсов для утверждения феодального строя и для вычленения его разных этапов. Это важно и для установления исторической типологизации, т. к. она дает возможность выявить качественные скачки в истории феодальных обществ. Однако В.Т. не пришлось увидеть результатов этого труда, в который он вложил много организационных и интеллектуальных сил.

---

[7] *Александров В.А.* Путь в историю, пути в истории (моя жизнь). М., 1998. С. 95.

Часть I

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Общественно-политический строй древнерусского государства

ПРЕДИСЛОВИЕ

Древняя Русь... Сколько книг и статей посвящено ей. Сколько споров разгорается вокруг нее... Возникают все новые и новые проблемы истории столь далекой от нас и столь близкой нам Древней Руси.

Советскими историками выполнена гигантская работа. Многое выяснено, но многое еще не раскрыто.

Недостаточно исследована история расслоения крестьянства и влияние этого процесса на развитие форм классовой борьбы, на эволюцию законодательства, на государственную структуру страны.

В связи с отставанием нашей истории права остаются неизученными многие важные институты государственного строя, такие, как собор, снем, вече. Мало изучена история этнической структуры Древнерусского государства как государства, объединившего целый ряд народов Восточной Европы. Недостаточно учитывался также феодальный характер властвования над этими народами древнерусских князей и бояр.

Между тем наши идейные противники, особенно историки США и ФРГ, пользуются имеющимися в советской медиевистике пробелами. Сейчас некоторые буржуазные зарубежные авторы одержимы идеей, которая сводится к тому, что Древняя Русь не знала устойчивого государственного строя, не знала строго очерченных сословий и потому Древнерусское государство было общенародным и в то же время выражало якобы присущий русским «империалистический дух».

Вот почему историку Древней Руси еще рано откладывать перо в сторону. Нет, изучение закономерностей истории Родины, защиты ее прошлого от наветов недругов зовут к творчеству.

Авторы этого коллективного труда ставили своей целью осветить спорные или забытые вопросы общественной, государственно-

политической и международной истории Древней Руси. Книга состоит из ряда очерков, связанных единством темы, замысла, методологии, методики и конечных выводов.

Основанная на достижениях русской медиевистики, книга старается дать ответ на новые теоретические вопросы, вставшие перед наукой в связи с творческим подъемом, вызванным историческими решениями XX, XXI и XXII съездов КПСС.

Этот труд имеет и другой, историографический аспект. Марксистскими работами последних лет достаточно полно вскрыты социологические, теоретические основы современной зарубежной буржуазной концепции древней Руси (см.: «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма». М., 1962). В настоящем издании авторы стремились противопоставить названной концепции позитивное изложение проблемы развития Древнерусского государства, обосновав свое понимание этого процесса развернутой источниковедческой аргументацией. Они старались показать феодальную сущность общественного строя Древней Руси, классовую природу ее государственной организации, заодно предложить и некоторые новые направления методики анализа русских и иностранных материалов.

Перед авторами стояла задача расширения источниковедческой базы и усовершенствования методики исследования используемого материала. В последние годы наука обогатилась таким ценным и ранее неизвестным источником, как берестяные грамоты, извлеченные из-под земли в Новгороде усилиями археологов. Берестяные грамоты освещают разные стороны социально-экономической и политической жизни Древнерусского государства. Кроме того, они проливают новый свет на некоторые темные места Начальной летописи и Русской Правды, позволяют в ряде случаев по-новому понять тексты этих памятников и сделать важные выводы, касающиеся общественного развития Древней Руси.

Еще далеко не все выполнено исследователями в области текстологического анализа самой Русской Правды путем применения метода сопоставления содержащихся в ней сведений с данными летописи, памятников общественной мысли и публицистики, договоров Руси с Византией и других древнейших актов, источников церковного характера. Думается, что результаты такого сравнительного анализа, приведенные в книге, способствуют новому пониманию ряда явлений в истории Древнерусского государства.

Заново проведена работа по изучению рукописей, содержащих древнейшие княжеские уставы, освещающие многие стороны древнерусского общественно-политического строя и права, в частности, проблему взаимоотношения государства и церкви в процессе феодализации.

Наряду с русскими источниками большой интерес представляют источники иностранные. В научный оборот уже давно введены произведения средневековых восточных авторов (арабских, персидских и др.). Но они использовались часто в очень несовершенных переводах и без предварительного критического анализа их текстов и содержащихся в них сведений. Заново обработанные и критически проверенные, они помогают более полно, детально и правильно осветить остающиеся еще темными вопросы Древнерусского государства, в том числе на ранних этапах его истории.

Если сочинения византийских авторов, писавших о восточных славянах и Руси, исследованы уже достаточно, то произведения западноевропейских средневековых писателей на латинском языке еще в должной мере не изучены. В настоящей книге собрано и обобщено значительное количество малоизвестных сведений, извлеченных из латинских хроник и других памятников письменности. Они обогащают наши представления о Древней Руси.

Авторы считают, что наиболее надежным приемом обработки источников является их комплексное изучение, позволяющее взаимно проверять данные, содержащиеся как в памятниках древнерусской письменности, так и в иностранных источниках.

Коренной вопрос социально-экономической истории Древней Руси — аграрный — освещается в связи с анализом этапов законодательства, как они отразились в Русской Правде. Изучение этого источника в связи с летописными и нарративными известиями позволяет вскрыть процесс расслоения общины и борьбы феодализируемых групп крестьян — изгоев, смердов, закупов, — выявить источники самого права, а также показать гибкость государственной власти, которая, расширяя нормы права (заменяя казуальные абстрактными), совершенствовала аппарат угнетения.

Текстологический анализ Русской Правды позволяет восстановить фрагменты древнерусского законодательства, восходящего еще к концу X в., ко временам князя Олега, при котором произошло объединение под властью киевского князя крупнейших экономических и политических центров того времени — Киева и Новгорода. Это за-

конодательство включало в себя в значительной мере обычное право восточных славян, причем институты родоплеменного строя княжеская власть ставила на службу раннефеодальному государству.

Дальнейшее изучение разновременных юридических пластов, отложившихся в дошедших до нас редакциях Русской Правды (Краткой и Пространной), дает возможность проследить постепенное вытеснение правовых норм дофеодальной поры нормами классового, феодального общества. Удается установить, что отдельные части Русской Правды возникли в наиболее сложные и острые моменты истории Древнерусского государства, когда обострялась классовая борьба в стране, выливаясь в массовые народные движения. Таким образом, через Русскую Правду можно уловить, как развитие феодальных отношений определяло характер и формы классовой борьбы, а классовая борьба влияла на изменение государственного строя и эволюцию права. Выявляются ведущие линии общественно-политической истории от образования раннефеодального государства до его расчленения на ряд отдельных княжеств и республик. Раскрывается во всем конкретном многообразии основа этого процесса — складывание феодального способа производства, образование различных категорий зависимого от феодальных собственников населения, рост феодальной эксплуатации в ее различных формах.

Процесс феодализации получил свое выражение и в церковном законодательстве. Княжеские церковные уставы изучаются в книге как своего рода договоры представителей светской и духовной власти о разделе земли, ренты, подданных, об иммунитете.

Этот процесс может быть прослежен и в истории таких институтов, как совет, снем, собор, ряд, вече, местничество, вассалитет, княжеский суд и подобные институты политической организации собственно Руси, а также органы власти и управления, характеризующие структуру Древнерусского государства в целом.

Древнерусское государство включало свыше двадцати народов. Оно было закономерно возникшей политической общностью и сыграло прогрессивную роль в истории многих земледельческих, кочевых и промысловых народов.

Но это было вовсе не народное, бессословное, а классовое феодальное государство. Под гнетом русских феодалов изнывали и русские холопы, закупы, смерды, и трудовое население сел и городов других подвластных Руси народов. Экономическую основу этого государства составляло естественно-географическое разделение труда,

исторически сложившаяся неравномерность развития хозяйства у отдельных народов нашей страны.

Политическая структура этого государства была основана на вассалитете подвластной знати и различных формах данничества народов.

Это государство, видоизменяя свою форму, просуществовало вплоть до 30-х годов XIII в. Его ослабляли феодальные распри. Растущие классовые противоречия и движения подвластных народов подрывали его. Оно пало под ударами монгольской Орды.

Господство последней принесло тяжелейший гнет народам, часть которых (половцы, булгары и др.) исчезла с карты мира. Однако процесс консолидации народов не заглох, потому что Древнерусское государство в отличие от непрочных империй имело преобладающее, славянское ядро, глубокие корни в дофеодальной народной колонизации, значительные традиции борьбы народов против социального гнета и за независимость. Последующее возрождение придавленных Ордой, Орденом и другими захватчиками народов начинается с образованием и укреплением Русского централизованного государства.

Итак, не все стороны истории Древнерусского государства нашли одинаково полное освещение в книге. Неравномерное распределение внимания к различным сторонам этой истории объясняется двумя причинами: 1) состоянием историографии вопроса; 2) наличием источников и степенью их изученности. Читатель легко убедится, что главное внимание в книге обращено на наименее изученные вопросы — общественно-политический строй, характер государственной организации, положение церкви в системе государственной власти, международное значение Древнерусского государства. А рассмотрение этих проблем глубже раскрывает положение народа, его роль в общественной жизни, его борьбу с социальным и национальным угнетением.

Книга распадается на две неравные части. В первой освещается внутриполитическая история Древней Руси и взаимоотношения ее с подвластными народами. Во второй части говорится о внешнеполитическом положении Древнерусского государства. Восточные, арабские источники рисуют процесс его складывания (VI–IX вв.), западно- и восточноевропейские — процесс развития и расчленения (XI–XIII вв.).

Авторы сознают, что их книга в немалой степени дискуссионна, и хотят надеяться, что вызванный ею обмен мнений позволит лучше понять историческое прошлое нашего народа.

Глава 1

ЧЕРТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Наша историография сплоченно противостоит буржуазной идеологии в понимании характера государственного строя древней Руси, признавая его классовым, феодальным, основанным на эксплуатации, и с этой позиции оценивает органы власти и управления того времени.

В этом очерке мы предлагаем вниманию читателя анализ классовой природы некоторых важнейших институтов государственной власти Древней Руси, а также исследование ряда особенностей вассалитета в связи с дискуссией, возникшей по этой проблеме в международной историографии.

СОБОР

Собор в интересующем нас смысле сословного собрания впервые упоминается в летописи под 1187 г. Под этим годом в волынском своде находим отрывок галицкой летописи, в котором рассказывается, что Ярослав Осмомысл, когда состарился и «позна ся худ», решил передать княжение Олегу, незаконному сыну от Настасьи, в обход Владимира. Он «созва мужи своя и всю Галичкую землю позва же и съборы вся и монастыре и нищая и силныя и худыя». Князь обратился к собравшимся с речью: «Отци и братья и сынове, се уже отхожю света сего суетьнаго и иду ко творчю своему, а согреших паче всих, яко же ин никто же сгреши. А отци, братья, простите и отдайте». И «тако плакашеся, — продолжает летописец, — по три дни передо всими съборы и передо всими людми»[1].

[1] ПСРЛ. Т. II. Стб. 656–657.

После выхода в свет труда М.Н. Тихомирова по истории древнерусского города, в котором не только поставлена и разработана проблема городового строя, но и тщательно определен социальный состав горожан[2], мы вправе отказаться от односторонней трактовки таких терминов, как «киевляне» («кияне»), «галичане», и им подобных, а также «люди», «горожане» и «мужи», отказаться от попыток отождествлять их либо только с феодалами, либо только с торгово-ремесленным населением.

В жизни все было гораздо сложнее, и любой из этих терминов требует при каждом упоминании специального источниковедческого анализа. Например, термин «галичане» употребляется и в широком значении «горожан»[3], и в значении только «бояр»[4]. Слово «люди» («людье») имеет в летописи два главных значения: во-первых, люди вообще, вне классов[5], во-вторых, в сословном смысле слова, с добавлением прилагательных «простые» или «добрые», последнее, как правило, означало купцов.

Нужно, однако, подчеркнуть, что на Руси, где шел процесс формирования правящих сословий — боярства (в меньшей мере дворянства) и духовенства и угнетенного сословия — «людей» (черных, меньших и т. п.), купечество еще не имело очерченных сословных прав. Получая от княжеской власти известные льготы имущественного[6] и личного[7] характера, купцы стояли много ниже бояр и в сословном смысле относились к «людям». В этом отношении древнерусское купечество не отличалось от своих зарубежных собратьев[8].

---

[2] *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 158, 166, 174 и др.

[3] См., например: ПСРЛ. Т. II. Стб. 750, 758, 777.

[4] Там же. Стб. 727–728, 774, 791, 793, 931. Ср.: *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 8, 194–195, 199, 203, 206, 216 и др.

[5] Ольга, отвергая руку князя Мала, говорит, что ее не пустят «людье киевстии» (ПВЛ. Ч. 1. С. 41); сообщая о прибытии новгородских послов, людей, понятно, нарочитых, летописец замечает: «придоша людье» из Новгорода (Там же. С. 49); христианство приняли, говорит летописец, «князь и боляре», а ниже — «князь и людье» (Там же. С. 81).

[6] Пространная редакция Русской Правды, статьи 48, 54 (ПРП. Вып. 1. С. 113, 114). См.: *Данилова Л.В.*, *Пашуто В.Т.* Товарное производство на Руси (до XVII в.) // ВИ. 1954. № 1. С. 122.

[7] См.: Устав князя Ярослава Владимировича, статьи 1, 2, 23 (ПРП. Вып. 1. С. 259, 261).

[8] См. очень интересную статью Н.А. Сидорова: *Сидоров Н.А.* Некоторые вопросы истории Франции и советская медиевистика // Средние века. М., 1960. Вып. XVII. С. 65–66; см. также: *Пригожин А.Г.* Карл Маркс и проблема социально-экономических формаций // Изв. ГАИМК. Л., 1934. Вып. 68. С. 54.

Возвращаясь к собору 1187 г., заметим, что едва ли Осмомысл три дня кряду повторял свои покаяния. И действительно, ниже упомянута его деловая речь, когда он «молвяшеть мужемь своим: “Се аз одиною худою своею головою ходя удержал всю Галичкую землю, а се приказываю место свое Олгови, сынови своему меншему, а Володимеру даю Перемышль”»[9].

Собор закончился «рядом», т. е. утверждением княжого распоряжения: Ярослав «урядив я» и «приводи» пострадавшего на этом деле Владимира «ко хресту и мужи галичкыя на семь, яко ему не искати под братом Галича». Чрезвычайное событие в политической жизни — желание князя подкрепить свои действия поддержкой разных групп правящего сословия — породило этот собор, что не помешало, впрочем, галицким мужам по смерти Осмомысла вступить в сговор с Владимиром и передать ему стол[10].

Собор был по составу довольно широк: были созваны князья союзные и вассальные («братья и сынове»), бояре, дворяне и мужи градские («мужи своя», «вся Галичкая земля»), духовная знать — епископы и игумены соборных церквей и монастырей («съборы вся и монастыре», «отци»). Упомянутые летописцем в конце перечня «нищая... и худыя» — это принятый в Древней Руси литературно-церковный оборот и декорум любой «праведной» княжеской кончины.

Думать так заставляет сообщение летописи о роли этих «нищих». Князь «повеле раздавати имение свое монастыремь и нищим и тако даваша по всему Галичю по три дни и не могоша раздавати». А главное — не нищие и убогие, а галицкие мужи были приведены к присяге («приводи Володимера ко хресту и мужи галичкыя»), и именно они затем и сорвали решение собора («бысть мятеж велик в Галичкой земли, и здумавше мужи галичкыи с Володимером, переступивше крестное целование»). Иначе и быть не могло: смешно даже предполагать, что в стране, где законом была Русская Правда, нищие и убогие решали, кому занять княжой стол Осмомысла.

Пытаясь передать Галич по наследству, Осмомысл, конечно, учел печальный опыт своего черниговского собрата Игоря, занявшего киевский стол вопреки воле магистрата. В Киеве тоже произошел

---

[9] ПСРЛ. Т. II. Стб. 657.

[10] ПСРЛ. Т. II. Стб. 657; ср.: Стб. 660–661, 664, 666.

«собор» — народное восстание с целью убить Игоря, которое летописец характеризует как «лукавый же нечестивый събор»; в нем нищие и убогие могли участвовать, ибо восставшие «вопияше, глаголя: “побейте, побейте!”» князя[11].

Примечательно, что по сходному с галицким поводу был собран собор во Владимиро-Суздальской земле. Здесь в 1211 г. Всеволод Большое Гнездо, желая передать великокняжеский стол сыну Юрию в обход Константина, «созва всех бояр своих городов и с волостей, епископа Иоана и игумены, и попы, и купце, и дворяны, и вси люди, и да сыну своему Юрью Володимерь по собе и води всех к кресту и целоваша вси людие[12] на Юрьи; приказа же ему и братию свою»[13]. Старший сын Константин «слышев то и вздвиже бръви собе с гневом на братию свою, паче же на Георгиа». Кончилось дело тем, что после недолгой распри, приведшей к Липицкой битве, великим князем стал все же Константин[14].

Поражает сходство обстоятельств созыва и результатов галицкого и владимирского соборов. Владимирский собор включает те же сословные группы, что и галицкий, но летопись детальнее характеризует их. Это бояре (вероятно, кормленщики) из городов и волостей, церковная знать (епископ, игумены, попы) и, здесь особо выделенные, купцы и дворяне. Специальное упоминание дворянства и купечества свидетельствует об их возрастающем политическом значении. Можно лишь гадать о том, насколько полно та или иная сословная группа была представлена на этих соборах. В обоих случаях собор созывал сам князь. Созыв подобного рода соборов позволяет говорить о достаточно развитом и оперативно действующем административном аппарате на Руси XII–XIII вв. Собор — это своего рода расширенный совет, созванный для обсуждения сравнительно второстепенного законодательного вопроса. Всенародным его могли считать те, кто правил именем народа, и, конечно, княжеские летописцы. Зако-

---

[11] Там же. Стб. 353.

[12] Конечно, кроме духовенства; летописи знают лишь один случай присяги епископа в Чернигове (ПСРЛ. Т. II. Стб. 522–523, 1164 г.).

[13] ПСРЛ. Т. XXV. С. 108; ср. сообщение под 1206 г., когда Константина провожали на новгородский стол его отец Всеволод, братья-князья, бояре, купцы и послы тех князей, которые не могли, видимо, прибыть лично (ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 422).

[14] Неудачей кончилась в свое время и попытка Юрия Долгорукого, который (может быть, тоже на соборе) понудил города Ростов, Суздаль и Переяславль присягнуть своим младшим сыновьям Михаилу и Всеволоду, в обход Андрея. Города, «преступивше» присягу, посадили Андрея, «а меньшая выгнаша» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 595).

нодательная деятельность собора не может, однако, идти ни в какое сравнение с той, которую осуществляли княжеские советы и снемы[15].

Хронологически зарождение соборов в нашей стране совпадает с появлением парламента как органа феодальной знати во Франции[16]. Монгольское нашествие надолго заглушило развитие этого института на Руси.

СОВЕТ

Первые сведения о совете восходят к докиевской старине и выражены летописцем словом «сдумаша». Этот термин очень непростой и требует в каждом случае отдельного рассмотрения, потому что ранний наш источник — «Повесть временных лет» — памятник не юридический, а повествовательный, притом сложного состава, с сильным церковным акцентом, говорящий о далеком прошлом глухо и в терминах более поздней поры. Летописец писал о политическом строе Руси, и современном и древнем, как о бессословном. Поэтому, когда он сообщает, что «поляне», «сдумавше», решили дать хазарам меч от дыма, то термин «поляне» нужно считать не менее сложным, чем «кияне» или «новгородцы».

Понять этот термин правильно можно лишь в том случае, если видеть в дофеодальной Руси конфедерацию отдельных земель — полян, северян, кривичей и других, которые находились под властью местной знати, не составлявшей еще единого общерусского правящего сословия. Решение полян в приведенном известии — это решение совета знати одной земли[17]; а решение руси, чуди, словен, кривичей и других о призвании варягов для «наряда»[18] — это решение совета знати нескольких земель — членов конфедерации. В последней своей работе Б.Д. Греков намечал именно такую трактовку вопроса[19].

---

[15] В Черниговской земле, кажется, также был созван собор в 1180 г., когда князь Святослав решал вопрос о войне с Киевом и Смоленском. Он тогда «съзва все сыны своя и маложьшюю братью и совокупи всю Черниговьскую сторону и дружину свою и поча думати». Но, может быть, это обычный совет (ПСРЛ. Т. II. Стб. 615)

[16] См.: История государства и права / Под ред. З.М. Черниловского. М., 1949. Т. 1. С. 343.

[17] ПВЛ. Ч. 1. С. 16.

[18] Там же. С. 18.

[19] См. его статью о генезисе феодализма в России, помещенную в приложении к книге: *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 517–534.

Предлагаемое понимание термина «поляне» и сходных в этих текстах можно подкрепить тем, что все это были, по словам летописца, «княжения», т. е. Русь до ее объединения представляла собой конфедерацию княжений, выросших на землях бывших племен. Из истории поморских славян, а также пруссов на аналогичной стадии их общественного развития мы знаем[20], что решения той или иной земли принимались советом знати[21]. Наконец, мы имеем убедительное свидетельство о древлянах, бывших непрочной частью нового единого государства. Здесь правили не «велиции князи», подручные Киеву, а местные, сохранившие порядки дофеодального строя власти.

Древляне вовсе не безвластны, у них есть князь и знать. Когда встал важный для их земли вопрос, «сдумавше со князем» и «послаша» послов к Ольге. Посланные говорят: «посланы... земля», но это не собор земли, ибо сами послы — «лучьшие люди», «идеже держать Деревьскую землю», т. е. нобили; ответственность за все дела несут «старейшины», которых Ольга позднее и захватила[22]. Можно полагать, что там, где объединение земель в одно государство шло более мирно, советы знати земель вливались в совет при великом князе.

Этот совет существовал до торжества феодальной раздробленности и достаточно отражен источниками. Решая вопрос о принятии христианства, Владимир I «созва» не нищих и убогих, а бояр и старцев градских (ниже князь именует их «дружиной»), чтобы получить их совет: «да что ума придасте». Собравшиеся решили сложный вопрос[23].

Термин «дружина» Владимир понимал широко: это бояре, гриди (будущие дворяне), сотские, детские, словом, нарочитые мужи. Эту дружину он любил, «с ними думая о строи земленем (т. е. политическом строе. — *В.П.*), и о ратех (т. е. вопросах мира и войны. — *В.П.*), и об уставе земленем (т. е. о государственном законодательстве. — *В.П.*)»[24]. Следовательно, совет раннефеодальной Руси — это

---

[20] *Рыбаков Б.А.* Древние руссы // СА. 1953. Т. XVII. С. 23–104.

[21] *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 334–337.

[22] ПВЛ. Ч. 1. С. 40, 43; ПСРЛ. Т. II. С. 43–45.

[23] ПВЛ. Ч. 1. С. 74–75. О совете Игоря с дружиной: Там же. С. 34; Святослав, решая идти на Болгарию, известил об этом Ольгу и бояр своих (Там же. С. 48); «старци и боляре» предлагали Владимиру I метать жребий о жертве богам (Там же. С. 58); ср. «боляре рекоша» (Там же. С. 75).

[24] Там же. С. 86.

высший орган государственной власти. С торжеством феодальной раздробленности эта функция в общерусском масштабе перейдет, как мы увидим, к великокняжеским снемам.

После принятия христианства для решения некоторых законодательных вопросов привлекалась церковная знать: закон о казни разбойников присоветовали Владимиру епископы; позднее епископы же и старцы предложили заменить казнь вирой, и Владимир их предложение утвердил, сказав: «Тако буди»[25].

Когда раннефеодальное государство стало дробиться, возросло значение дворян, которые требовали места под солнцем и кое-где от случая к случаю заменяли старую знать. Летопись (впитав информацию Яна Вышатича[26]) отразила эти ранние противоречия сословных групп. Ян помнил случай, когда Святополк, решая вопрос о войне против половцев, «не здумав с болшею дружиною отнею», но «совет створи» с другой группой феодалов, по мнению Яна, — с людьми «несмышлеными»[27].

Владимир Мономах признавал значение совета. В «Поучении» он говорит и о совете, и о суде: «Седше думати с дружиною или люди оправливати»[28]. С развитием политической раздробленности советы действовали во всех княжествах. Суздальский князь Юрий Долгорукий хотел было посадить в Киев своего вассала, «бояре же размолвиша» его, говоря: «Брату твоему не удержати Киева, да не будеть его ни тобе, ни оному», и Юрий, «послушавше бояр», остался княжить сам[29]. В другой раз он, «сдумав с детми своими и с мужи своими», изменил намеченный военный план[30]. Советы поначалу содействовали укреплению княжеской власти на местах. В дальнейшем более сильные князья меньше считались с советом. Так, Всеволод Большое Гнездо правил и судил, «не обинуяся лица силных своих бояр»[31]. Однажды на совете его черниговские и рязанские вассалы предложили воевать, он же «не улюби думы» и пошел

[25] Там же. С. 87. Иларион писал о Владимире: «Ты же с новыми отци нашими епископы снимаяся часто с многим смерением съвещаваашеся, како в человецех сих новопознавшиих закон уставити» (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Изд. А.И. Пономарев. СПб., 1894. Вып. 1. С. 73).

[26] *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 18–20.

[27] ПВЛ. Ч. 1. С. 143 (1092 г.).

[28] Там же. С. 158.

[29] ПСРЛ. Т. II. Стб. 394 (1150 г.); Т. I. Вып. 2. Стб. 326; Т. XXV. С. 47.

[30] ПСРЛ. Т. II. Стб. 487 (1158 г.).

[31] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 437 (1212 г.).

на мир[32]. Но вообще-то и он сотрудничал с советом: когда из Новгорода пришли послы просить сына его на княжение, то Всеволод, «здумав с дружиною своею», дал им сына[33]. Юрий Всеволодович занял владимирский стол и, «сдумав с братьею своею и с бояры», отпустил рязанских князей из плена[34].

В Галицкой земле местные бояре однажды «сдумаша», чтобы их князь не участвовал в битве[35], они же прогнали со стола князя Владимира, который «думы не любяшеть с мужми своими»[36]. С советом решали дела князья Романовичи[37]. В мирное время в состав совета входил епископ: черниговская княгиня решала дела, «сгадавши с пискупом и с мужи князя своего с передними», в их числе упомянут тысяцкий; эти же мужи названы «дружиною». Но это не вся дружина, а лишь ее избранная, боярская часть — совет, ибо епископ сообщал, что «дружина ти по городам далече»[38].

Киевский князь Вячеслав, «сдумав с Мьстиславом [Изяславичем] и с мужьми», решил не пускать черниговского князя в Киев[39]. Когда Всеволод Большое Гнездо потребовал себе доли в «Русской земле» за участие в ее защите, то великий князь Рюрик, понимая, что без Всеволода «нельзе быти», начал «обмышляти с мужи своими», думать «с братьею и с мужи своими» и дал суздальскому князю требуемое[40]. Таким образом, повсюду бояре, мужи — советники князей[41].

При рассмотрении хозяйственных вопросов на совет приглашались лица, понимавшие в них толк. Ростислав, заняв киевский стол по смерти Вячеслава, собрал совет для рассмотрения насущных дел: «созва мужи» покойного князя, а также тиунов и ключников.

---

[32] ПСРЛ. Т. II. Стб. 699 (1196 г.).

[33] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 415 (1200 г.).

[34] ПСРЛ. Т. XXV. С. 109 (1212 г.). Иначе думал о совете во Владимиро-Суздальской земле С.В. Юшков (*Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 400).

[35] ПСРЛ. Т. XXV. С. 58 (1153 г.).

[36] ПСРЛ. Т. II. Стб. 659 (1188 г.).

[37] *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 141, 145–147.

[38] ПСРЛ. Т. II. Стб. 522–523 (1164 г.).

[39] Там же. Стб. 469 (1154 г.); ср.: ПСРЛ. Т. XXV. С. 38 (1146 г.), 39 (Святослав «сгодав з братиею и с половци и с мужи своими»).

[40] ПСРЛ. Т. XXV. С. 96 (1196 г.).

[41] В Пронске — ПСРЛ. Т. XXV. С. 93 (1186 г.), в Киеве — ЛПС. С. 74 (1159 г.), в Рязани — ПРП. Вып. 3. С. 97; ср.: *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 200 (XIII в.).

С ними князь «изрядил» имущество Вячеслава, одну часть отдал церкви, а другую — княгине.

Ближняя дружина — совет — всегда была в курсе планов князя; когда Мстислава обвинили в измене и он то «яви» своей дружине, она отвергла обвинение, заявив: мы не знали — значит, не было, «тобе без нас того нелзе было замыслити, ни створити»[42]. Члены совета назывались «думцами»[43].

По мере того как крепли города, возрастало политическое значение «старцев градских», которые стали называться «мужами градскими». В вольных городах представители магистратов входили в состав княжеского совета. Волынский князь Изяслав сидел в Киеве, когда черниговские князья пригласили его воевать с суздальским князем. Изяслав «съзва бояры своя и всю дружину свою [и] кияне». Участие киевлян в совете понятно, ибо война требовала денег и людей. На этот раз Киев нашел невыгодным выступать, но разрешил (как это бывало и в Новгороде) набрать добровольцев («тот добр, кто по мне пойдет»)[44]. В другой раз Киев поддержал войну с Юрием Долгоруким, что и выразили его представители («кыяне же рекоша... да поидеть всякой без оминки, аще кои может уже древо в руце взяти, а кто ли не пойдет, того нам дай, да сами побьем и»)[45].

Городской вооруженный контингент киевлян и черных клобуков сохранял за собой право участвовать (понятно, через представителей) в княжом совете и во время походов. Изяслав во время похода «созвавше братью свою и почаша думати»; на совете, кроме его дружины и дружин союзных князей, присутствовали и киевляне. Когда киевляне и черные клобуки высказались против продолжения похода, князю пришлось прервать его[46]. Более подробно вопрос о влиянии магистратов на деятельность совета при князе мы рассмотрим в связи с вечем. Когда на Галичине временно ослабла

[42] ПСРЛ. Т. II. Стб. 542 (1170 г.); Т. XXV. С. 78 (1168 г.).

[43] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 384 (1177 г.); Т. II. Стб. 650 (1185 г.); ср. Стб. 643 («бояре думающеи»), 861; НПЛ. С. 58 (1218 г.).

[44] ПСРЛ. Т. II. Стб. 344 (1147 г.); Т. XXV. С. 41 (1147 г.), 46 (1149 г.).

[45] ПСРЛ. Т. XXV. С. 52 (1150 г.). Любопытно сходство вечевых решений о сборе ополчений: ср. ПСРЛ. Т. II. Стб. 370 (1148 г.) — о Новгороде; НПЛ. С. 45 (1201 г.) — о Руссе.

[46] ПСРЛ. Т. II. Стб. 426 (1151 г.), 358 (в походе «начаста думати с мужи своими и с дружиною и с черными клобуки» — 1147 г.), 380 (1149 г.); ср.: Изяслав, «всед на конь», совещается с вассалами и венгерскими мужами, которые пришли на думу — Там же. Стб. 413 (1150 г.).

великокняжеская власть в начале XIII в., здесь отмечаются самостоятельная деятельность боярского совета (думы)[47] и даже попытки бояр «вокняжиться» в Галиче. Позднее, при Болеславе — Юрии II, особенно возросла роль боярского совета.

Совет при князе — явление, типичное не только для Руси, но и для других стран средневековой Европы. Ничего специфического в русском совете не было, потому и представители союзных государств, имевшие земельные держания на Руси, допускались к участию в нем. Знатный византиец Андроник, живя в Галиче[48], заседал в княжеской думе. О совете, решавшем вопрос относительно союза с папской курией, сообщает Плано Карпини: князья Даниил и Василько «совещались между собой, с епископами и другими достойными уважения людьми». Без участия Даниила, местного великого князя, совет не считал себя правомочным решать это дело[49].

Обзор известий о совете позволяет заключить, что феодальный совет при князе — однопалатный сословный орган, давний устойчивый институт политического строя древней Руси. В состав совета входили вассалы князя и бояре, в мирное время — духовная знать, в военное время — руководители союзников. При обсуждении дел, касавшихся вольных городов, в которых князь правил по «ряду», в совете участвовали представители магистратов. Члены княжеского совета назывались «думцами», с которыми князь думал о делах. Совет имел многообразные формы; участники могли собираться и в княжеском тереме, и в сенях[50], и в шатре, и в монастыре, и сидя на конях[51], — суть его от этого не менялась.

Совет при князе возник как верховный орган власти раннефеодального государства; он поглотил советы знати объединенных земель. С возобладанием феодальной раздробленности советы стали действовать при князьях отдельных самостоятельных земель.

Ведению совета подлежали вопросы законодательства, управления, отношений с церковью, внешней политики сперва всей Руси, затем — отдельных земель. При участии совета князь вершил и свой суд. Решения совета не были обязательны для более сильных

---

[47] Там же. Стб. 748, 762 («седящим же им в доуме»); ср.: князь Лев «дума много с бояры своими» (1291 г.).

[48] Там же. Стб. 524 (1165 г.).

[49] *Иоанн де Плано-Карпини.* История монголов. СПб., 1911. С. 44–45, 61.

[50] ПСРЛ. Т. II. Стб. 318, 397.

[51] Там же. Стб. 403, 413.

князей. При отсутствии князя и в пору междукняжия совет брал на себя его функции. Каких-либо элементов народоправства или соборности в деятельности совета не обнаруживается.

СНЕМ

Термин «снем» имеет несколько значений. Часто этим словом обозначается военная встреча союзных войск[52], иногда снем — это встреча для беседы[53]. Нас интересует снем в значении встречи князей для решения государственных вопросов. Говоря о его роли, придется прежде всего вспомнить русско-византийские договоры, которые не только свидетельствуют о феодальном государственном строе на Руси, но и являются результатом снема князей и знати, выступавших от имени «всех людий Руския земля»[54]. Сами «люди» — вои решили исход русско-византийской борьбы, их ладьи штурмовали Константинополь, в походах они могли быть рулевыми, но у кормила власти они уже не стояли.

Далее нужно напомнить о Русской Правде, постепенно выработанной на снемах в Киеве, в Вышгороде и в Берестове[55], решавших коренные вопросы русского законодательства, орудия экономического и политического господства собственников земли — светских и духовных — над трудящимися. Правда — юридический памятник, и потому он тоже совершенно точно фиксирует классовую принадлежность участников снемов: на съездах Ярославичей — это трое князей и их советники-мужи, имевшие свои дворы в Киеве, бывшие воеводами и наместниками. Владимир Мономах тоже «созва дружину свою» — трех тысяцких и еще трех мужей[56].

Следов «соборности» и даже присутствия «простых» людей или «убогих» не было тут и в помине. Конечно, народ своими выступлениями 1015–1016, 1024–1026, 1068–1071, 1113 гг. влиял на законодательство князей, незримо присутствуя на их снемах, где вырабатывались средства борьбы с ним, но практические решения принимал не народ.

---

[52] ПСРЛ. Т. II. Стб. 767, 771, 775, 810, 821, 824, 872, 894, 895.

[53] Там же. Стб. 916.

[54] ПВЛ. Ч. 1. С. 26, 35; ПСРЛ. Т. II. С. 23–24, 35–36.

[55] ПРП. Вып. 1. С. 94, 139, 162.

[56] Там же. С. 79, 108, 113.

Летописи подкрепляют взгляд на снем как на высший орган власти феодалов. Описывая упомянутый снем в Вышгороде, летописец говорит, что, помимо князей, присутствовали бояре, что «обедаша» Ярославичи «на скупь, кождо с бояры своими». Были здесь и митрополит, и несколько епископов, и все игумены, среди которых названы главы крупнейших монастырей Киева, Чернигова, Переяславля. Законодательная работа была приурочена к церковному торжеству[57]. Это не всенародный собор, а съезд главных князей Руси, совместно державших киевско-черниговско-переяславский домен.

Сохранилось немало известий и о других снемах. Съезд 1097 г. в Любече, имея в виду «строение мира», решал вопрос о разделе страны на отчины и, видимо, о разделе коренного домена — собственно «Русской земли» (Киев, Чернигов, Переяславль) — с обязательством получающих части в ней блюсти ее всем «за один»[58]. Этот съезд принял решения, определившие судьбы Киева на несколько столетий.

Съезд 1100 г. в Уветичах занимался распределением ленов; на нем также присутствовала знать, заседал совет-дума, и князья, «сдумавше», приняли свое решение[59].

Вопросы мира и войны тоже подлежали рассмотрению снемов: в 1101 г. совет князей на р. Золотче пошел на мир с половцами[60], а уже в 1103 г. князья «снястася думати» на Долобском озере «в едином шатре» о войне с половцами[61].

Итак, из Повести временных лет и Русской Правды видно, что снемы древней Руси суть совещания князей и бояр для решения вопросов основного законодательства, распределения земель, войны и мира. Согласия народа они, разумеется, не спрашивали.

Институт снема действовал и позднее. Киевский великий князь Мстислав Изяславич «созва братью свою» в 1170 г. и «нача думати с ними». Князь выступил с речью, призвав участников к совместной защите торговых путей. Присутствовали здесь и мужи — члены

---

[57] ПВЛ. Ч. 1. С. 121.

[58] Там же. С. 170–171.

[59] Там же. С. 181.

[60] Там же. С. 182.

[61] Там же. С. 183, 190; ПРП. Вып. 2. С. 474. См. также: *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 170.

княжеских советов. «И угодна бысть речь его преже богу и всее братье и мужем их»,– читаем в летописи[62].

Благодаря редкой обстоятельности киевского свода князя Рюрика мы можем поближе присмотреться к одному из снемов и убедиться, что это не мимолетная встреча витязей на конях, а дипломатические переговоры, имевшие устойчивую форму. На снеме 1195 г. киевского князя Рюрика со смоленским Давыдом они обдумывали вопрос о земле и «о братьи», т. е. о распределении ленов. После того как Давыд «ряды все укونча», состоялось несколько, как мы бы теперь выразились, приемов: Рюрик принимал Давыда и смольнян в Киеве и одарил их; его сын Ростислав принимал их в Белгороде. В свою очередь Давыд устроил прием для киевского князя и его детей и одарил их. Затем он принимал духовную знать — «позва монастыря вся на обед» и одарил их. Особый прием был им организован для черных клобуков (вероятно, их командного состава) — федератов Киевской земли, бывших под началом магистрата; они «попишася у него» и тоже были одарены. После этого «кыяне», т. е. магистрат, пригласили Давыда на пир, где оказали ему честь и дали дары. Наконец, князь позвал «киян» к себе на обед[63].

Следовательно, деловая работа снема двух князей сопровождалась семью приемами, по которым можно судить, что успех снема зависел не только от князей и бояр, но и от Киева, его духовной и светской знати и тюркского вооруженного корпуса[64]. Последний снем — совет князей — был в Киеве в 1223 г. и решал вопрос о войне с татарами[65].

Помимо великокняжеских и вообще крупных снемов в Киеве, не раз были снемы князей отдельных земель. В киевском летописании отражена, например, серия встреч волынского князя с Давыдовичами и Ольговичами (под 1146[66], 1148[67] и 1159 гг.[68]), связанных с их борьбой за киевский стол. В свою очередь у их противника —

---

[62] ПСРЛ. Т. II. Стб. 53.

[63] ПСРЛ. Т. II. Стб. 682. Ср. снем — «съезд на великую любовь» киевского Ростислава Мстиславича и черниговского Святослава Ольговича в Моравийске: Там же. Стб. 504 (1160 г.).

[64] «Сильный полк» киевский — политическая реальность: ПСРЛ. Т. II. Стб. 414, 397–398 (1150 г.).

[65] Там же. Стб. 741; ПСРЛ. Т. XXV. С. 119.

[66] ПСРЛ. Т. XXV. С. 38.

[67] ПСРЛ. Т. II. С. 366–367; ПСРЛ. Т. XXV. С. 44.

[68] ПСРЛ. Т. XXV. С. 64.

Юрия Долгорукого был снем с галицким Владимирком в Печерском монастыре (под 1148 г.[69]), а Андрей Юрьевич «снимастася» с Изяславом Давыдовичем на Волоке[70].

С развитием раздробленности снемы стали постоянным политическим институтом отдельных земель. Во Владимиро-Суздальской земле не раз происходили снемы, на которых князья примиряли возникавшие противоречия — «смиришяся»[71], «исправиша нелюбие»[72]. В Черниговской земле, чтобы решить вопрос о походе на Галич, «совкупишася Олговичи вси» в местную столицу «на снем»[73]. Здесь были Всеволод Чермный «с своею братьею», Владимир Игоревич «с своею братьею», смоленский Мстислав Романович «с своими сыновци» и «мнози» половцы. Во время галицкой войны черниговские князья на совете (снеме) приняли решение истребить несколько сот галицких бояр и передать их владения и имущество черниговским[74]. В Рязанской земле известен кровавый снем в Исадах, на котором князья присутствовали с «бояры и слугы»[75] (последние в других летописях названы также «дружиною» и «дворянами»[76]). Были снемы и между городами — известен, например, новгородско-полоцкий снем[77]; видимо, на снемах представителей Смоленска, Полоцка и Витебска вырабатывались совместные условия торговли с немецкими городами.

Наконец, снемы были и формой дипломатии в иностранной политике. Специальные снемы с половецкими ханами (обычно в Каневе) устраивали сменявшиеся в Киеве великие князья. Известны снемы с участием Юрия Долгорукого[78], Изяслава[79], Глеба, которому половецкие послы так объясняли необходимость «поряда»: «Мы с тобою хочем поряд положити о всем и утвердитися межи собою, и

[69] Там же. С. 48.

[70] ПСРЛ. Т. II. С. 509 (1161 г.).

[71] ПСРЛ. Т. XXV. С. 109 (1212 г.).

[72] Там же. С. 123 (1229 г.); ср. снем князей в походе на булгар (Там же. С. 116, 1220 г.).

[73] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 426 (1206 г.).

[74] ПСРЛ. Т. II. Стб. 724.

[75] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 440–441 (1217 г.).

[76] ПСРЛ. Т. XXV. С. 115 (1217 г.).

[77] НПЛ. С. 40 (1191 г.); ПСРЛ. Т. XXIV. С. 82 (1175 г.: Ростов, Суздаль и Переяславль). Ср.: ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. С. 371.

[78] ПСРЛ. Т. XXV. С. 61, 391 (1155 г.). ПСРЛ. Т. II. Стб. 479–480.

[79] ПСРЛ. Т. XXV. С. 63 (1157 г.); ПСРЛ. Т. II. Стб. 490.

внидем в роту к тебе, а ты к нам, да ни мы вас начнем боятися, ни вы нас»[80].

Феодальные съезды — явление, распространенное во всей Европе. Наши источники не различают русские, польские, венгерские и немецкие феодальные съезды. Летопись называет снемом венгерско-польский съезд в Спиши[81], сообщает, что польский князь Лешко был убит на сонме[82].

Не раз созывались международные снемы и для решения спорных территориальных вопросов с Польшей — таковы снемы у Берестья[83], в чешском походе[84], у Тарнавы[85]. В Польше (Мазовия) с начала XIII в. известны местные съезды князей с участием их администраторов и знати — colloquium, placitum, а позднее, в XIV–XV вв., — conventio generalis, съезды князей с советниками[86]. Были снемы и с Венгрией — известен снем княгини Анны с венгерским королем[87]; с Чехией — снем Льва Даниловича с чешским королем[88]; в русских снемах участвовали и литовские[89], и половецкие[90] князья. После татаро-монгольского нашествия институт снемов возродился к концу XIII в. — снемы во Владимире (1296 г.), Дмитрове (1300 г.), Переяславле (1303 г.)[91].

Как видим, институт феодальных съездов (снемов) князей, общерусских, местных (внутри земель) и смесных (несколько земель) был присущ политическому строю Руси. На феодальных съездах бывали представлены князья, их союзники («братья»), и вассалы («сыновцы»), и бояре, иногда — церковная знать, позднее — и дворяне.

---

[80] ПСРЛ. Т. XXV. С. 80 (1168 г.).

[81] ПСРЛ. Т. II. Стб. 731 (1214 г.).

[82] Там же. Стб. 754.

[83] Там же. Стб. 243 (1907 г.), 313 (1143 г.), 533 (1169 г.).

[84] Там же. Стб. 821, 823.

[85] Там же. Стб. 857–858 (1260 г.). Следующий польско-русский снем был намечен здесь же (Там же. Стб. 865, 1268 г.). Ср. снем о передаче князем-сюзереном Владимиром своего подручника, князя мазовецкого Конрада, луцкому князю Мстиславу (Там же. Стб. 907).

[86] См. дискуссию по докладу: *Bardach J.* O genezie sejmu polskiego // VIII powszechny zjazd historików polskich. Sekcja VII. «Historia państwa i prawa». Warszawa, 1959. S. 5–32, 54–67. Выступление С. Руссоцкого: Ibid. S. 48–51.

[87] ПСРЛ. Т. II. Стб. 717.

[88] Там же. Т. II. Стб. 936.

[89] Там же. Стб. 868.

[90] Там же. Стб. 746.

[91] Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XIII вв. М., 1953. С. 883.

Общерусские съезды созывались великими князьями киевскими и решали вопросы основного законодательства, распределения ленов, войны и мира с иностранными государствами, охраны торговых путей. Местные и смесные съезды решали вопросы распределения ленов, войны и мира между русскими землями, а также с соседними иностранными государствами.

Известны и снемы международные, на которых правители Руси решали территориально-политические вопросы с государственными руководителями Польши, Венгрии, Чехии и других стран.

Снем — орган государственной власти феодалов, решавший коренные вопросы, относящиеся к общественной организации, государственному строю и внешней политике страны. Никаких следов соборности или народоправства в его деятельности источниками не отмечено.

ВЕЧЕ

Если основное законодательство страны, если решение коренных вопросов внутренней и внешней политики находилось в руках княжеских советов и снемов, то, спрашивается, что же оставалось на долю веча? Было ли вече народным собранием, было ли оно органом власти или управления; если было, то чьим и в какой мере?

Во избежание недоразумений считаю не лишним подчеркнуть, что я здесь не изучаю историю возникновения и развития веча на Руси и его особенностей в отдельных частях страны; меня интересует лишь один вопрос — классовая природа веча и его место среди органов власти и управления.

Для ответа на этот вопрос рассмотрим все упоминания термина «вече» в летописных источниках. Конечно, несколько десятков этих известий не исчерпывают всех случаев созыва веча, но их все же достаточно для определения социальной природы этого института.

Писавшие о вече занимающей нас дотатарской поры использовали известия о нем выборочно и притом давали свои толкования глухим и сложным терминам «людье», «киевляне», «владимирцы» и пр. Я позволю себе, не вдаваясь в полемику по каждому отдельному случаю упоминания веча, предложить свое понимание источников, полагая, что совокупность всех упоминаний поможет прояснить характер этого института.

Впервые с вечем встречаемся в голодном, осажденном печенегами Белгороде: «створиша вече в городе» и решили, что терпеть осаду больше невозможно. Состав собрания здесь не раскрыт, но ниже о нем сказано: «и тако совет створиша» — решение было принято при участии «старейшин градских», понимавших, что «не стерпять людье глада». Сами-то они, видимо, стерпели бы, так как «княжи медуши» еще были целы[92]. Старейшины — это «старци градские», из тех, кого приглашал на свой совет Владимир I.

Другой случай переносит нас в Новгород. Здесь при Ярославе «новгородцы» перебили варягов, «вставше». Подняли на это дело новгородцев «нарочитые мужи» (возмущенные насилиями варягов над их женами — «на мужатых женах»), часть которых и казнил Ярослав, а уцелевших («избыток новгородець») он на «вечи» в «поле» называет любимой дружиной, зовя в поход против Святополка. Здесь вече — собрание части «нарочитых мужей», санкционирующее войну и сбор ополчения[93] для князя, который в 1014 г. освободил Новгород от урочной платы 2000 гривен Киеву (сохранив, впрочем, сбор 1000 гривен на содержание своих гридей)[94].

Следующий пример относится к Киеву, где вече действует вопреки воле князя, но в согласии с частью городских мужей. После военного поражения от половцев «людье кыевстии... створиша вече на торговищи» и послали к князю требование вооружить народное ополчение. Князь Изяслав Ярославич не только отказался выполнить решение веча о вооружении ополчения, но и держал под стражей киевскую «дружину», связанную с участниками веча (им эта дружина «своя»). Произошло народное восстание в защиту прав веча. Прямо «с веча» горожане двинулись, во-первых, ко двору воеводы, во-вторых, к погребу, где сидела под замком захваченная князем киевская дружина, и, наконец, к порубу, в котором был заключен Всеслав. Известно, что Всеслав был освобожден, что восставшие разгромили княжой двор Изяслава[95]. Выступление веча было вызвано народом. Восстание сопровождалось актами классовой расправы с отдельными феодалами.

---

[92] ПВЛ. Ч. 1. С. 87 (997 г.).

[93] Там же. С. 96 (1015 г.); НПЛ. С. 174–175.

[94] ПВЛ. Ч. 1. С. 88–89.

[95] Там же. С. 114–115 (1069 г.).

Освобождение Всеслава соответствовало замыслам и правящей группировки городской знати, в том числе духовной и купеческой, враждебной Изяславу и союзной Чернигову. Судить так дает основание не только столкновение с Изяславом Печерского монастыря[96], но и все последующие события. Когда Всеслав покинул киевлян под Белгородом, то «людье князя» (т. е. киевские советники, враждебные Изяславу), прибежав в Киев, вновь «створиша вече» и провели решение позвать княжить черниговских князей Святослава и Всеволода Ярославичей, грозя в противном случае уйти в Греческую землю, а город сжечь. Справедливо предполагал М.Д. Приселков, что так грозить могли купцы, причем не мелкие. Быть может, на притесняемом Изяславом посаде подобные планы давно зрели в умах и нашли своеобразное преломление в известии о волхве, предрекавшем, что Русская и Греческая земли вскоре поменяются местами. Черниговская группировка была, однако, слаба, и вечевое решение не помогло ей избежать княжой расправы, как мало помог и демарш черниговских князей (понудивший, правда, сократить польскую союзную рать). Примечательно, что об этом выступлении будут вспоминать сторонники волынской партии в 1146–1147 гг. Выступление кончилось тем, что Мстислав, сын Изяслава, вступив в Киев, велел казнить 70 киевлян, освобождавших Всеслава из поруба, а многих других ослепил и «погубил», «не испытав», т. е. обошелся с ними хуже, чем с разбойниками. Это подготовило приезд самого Изяслава, на встречу которого «изидоша людье» и «прияша князь свой кияне». После этого события князь распорядился перенести торг «на гору», чтобы затруднить влияние купечества на черных людей.

Такие сложные события скрываются подчас за простой формулой — «прияша» киевляне князя. Это случай, когда источник (пусть не городской, а княжеский) позволяет разглядеть состав веча, но большинство подобных формул — глухие. Кто эти «кыяне», что «не прияша» тмутараканского Мстислава[97], «миняне», не пожелавшие впустить Ярославичей[98], «черниговцы», что «затворишася» от Изяслава и Всеволода[99], «муромцы», которые «прияша» сына

[96] Там же. С. 128 (1071 г.).
[97] Там же. С. 99 (1028 г.).
[98] Там же. С. 112 (1067 г.).
[99] Там же. С. 133 (1078 г.).

Изяслава[100], и «смолняне», что «не прияша» черниговского князя Олега?[101].

Вот свидетельство, что под этими терминами могли таиться действия правящего слоя горожан. Тот же Олег «изъима ростовци, и белозерци, и суздалце и покова». Из дальнейшего ясно, что не всех жителей он поковал, ибо когда подошел к Суздалю, то «суждалци дашася» ему, и он, «омирив город», т. е., надо думать, посадив в нем по «ряду» своих сторонников, «овы изъима, а другыя расточи, и именья их отъя». Конечно, речь идет не о смердах и меньших, лишенных подобного «именья», а о части мужей градских. Видимо, то же произошло, когда «ростовци вдашася ему»[102].

Следующее упоминание веча связано с волынским городом Владимиром. Когда галицкие князья осадили Владимир, в котором укрывался Давыд, они передали горожанам, что им нужны не Давыд, не город, а мужи — участники ослепления Василька. «Гражане», услышав это, «созваша вече» и «рекоша» Давыду «людье на вечи: Выдай мужи сия, мы не бьемъся за сих, а за тя можем ся бити, а за сих не бьемся, аще ли [не послушаешь], то отворим ворота граду, а сам промышляй о собе». В конце концов, князь должен был выдать мужей[103]. Здесь термин «людье» употреблен без социального смысла — они просто участники веча. Вскоре же во время осады погиб преемник Давыда князь Мстислав. Власти три дня скрывали его смерть, но потом, видя, что без князя воевать трудно, что, кроме того, надвигается голод и нужна срочная помощь Святополка, — «поведаша на вечи». Вече послало передать Святополку: «Се сын твой убьен, а мы изнемогаем голодом, аще не придеши, хотять ся людье предати, не могуще глада терпети». Здесь, как и в Белгороде, термин «людье» имеет социальный оттенок — простые люди. Из этого послания видно, что писали князю

---

[100] Там же. С. 150 (1095 г.).

[101] Там же. С. 151 (1096 г.). См. еще примеры: Святополк задаривает «киян», которых он «созва» [Там же. С. 90 (1015 г.), 95 («созвав люди»)]; решая участь Василько теребовльского, князь «созва боляр и кыян»; ниже: «реша боляре и людье» (Там же. С. 172); митрополит передает Владимиру «молбу кыян» о примирении; ответ он везет «Святополку и кияном» [Там же. С. 175 (1097 г.)]; ср.: новгородцы, «смолняне», «людие черниговцы» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 301 (1139 г.)].

[102] ПВЛ. Ч. 1. С. 168 (1096 г.); ср. известие о «белозерцах», поддержавших борьбу Яна Вышатича против восставших крестьян [Там же. С. 117 (1071 г.)].

[103] Там же. С. 177 (1097 г.); ср.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 242.

Святополку не сами «людье», а те, кто ими управлял с помощью веча[104].

Иначе сложились обстоятельства в галицком Звенигороде, также попавшем в осаду. Горожане решили предаться противнику и с этой целью «створиша вече». Но Ивач Халдеевич, воевода князя Владимирка, возглавлявший здесь его «засаду», захватил трех зачинщиков веча; это были «мужи», которых воевода приказал зверски разрубить на части и сбросить с городской стены; так он «загрози» горожанам, и они продолжали сидеть в осаде[105]. Состав веча не раскрыт, но упомянуты три городских «мужа», пытавшихся его собрать. Мужи — это не простолюдины.

В Полоцке, самостоятельно менявшем своих князей, как показывают уцелевшие о нем известия XII в.[106], одно из вечевых выступлений против князя возглавила купеческая «братьщина», которая сперва хотела захватить князя обманом, а когда это не удалось, прибегла к помощи веча (князю сообщили: «Вече ти в городе, а дружину ти избивають, а тебе хотять яти»[107]). Состав веча не раскрыт, но несомненна его связь с братьщиной.

О деятельности новгородского веча периода феодальной раздробленности приходится брать известия из киевского летописания, т. к. в новгородской летописи термин «вече» упоминается лишь в начале XIII в. Киевские известия после обособления Новгорода в 1136 г. не могли быть ни многочисленными, ни беспристрастными. Но все же несколько упоминаний о новгородском вече здесь есть. Когда в 1141 г. «почаша въставати новгородци у вечи на Святослава про его злобу», он обратился к брату своему, киевскому великому князю Всеволоду со словами: «Тягота, брате, в людех сих, а не хочю в них быти». Всеволод думал помочь делу, заманив к себе «лепших мужей» Новгорода, но еще не успел в этом, как получил известие, что «въсташа» новгородцы «в вечи и избивають приятеле Святославле про его насилье». Святослав был изгнан[108].

---

[104] ПВЛ. Ч. 1. С. 180 (1097 г.); ср.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 247.

[105] ПСРЛ. Т. II. Стб. 320 (1146 г.); ПСРЛ. Т. XXV. С. 36 (1144 г.).

[106] ПСРЛ. Т. XXV. С. 30 (1127 г.), 32 (1131 г.), 64 (1159 г.); ПСРЛ. Т. II. Стб. 526 (1167 г.).

[107] ПСРЛ. Т. II. Стб. 495 (1159 г.); Ср.: ПСРЛ. Т. XXV. С. 64.

[108] ПСРЛ. Т. II. Стб. 307 (1141 г.); Ср.: НПЛ. С. 25 (1138 г. — о вече здесь не говорится). О приглашении Святослава см.: ПСРЛ. Т. XXV. С. 34 (1139 г.: «новгородци же послашася» за Святославом в Киев, где «заходивше ему роте»).

Состав веча не раскрыт, но ответственность за его деятельность несут «лепшие мужи».

Другой случай действия веча. Волынский князь Изяслав хотел привлечь Новгород и Псков к борьбе против Юрия Долгорукого. Для этого он сперва через новгородских бояр, подвойских и биричей собрал новгородцев (видимо, городскую знать) на угощенье в Городище, а уж потом послал на Ярославль двор «и повеле звонити, и тако новгородци и плесковичи снидошася на вече»[109]. Сговорившись с частью знати, князь получил разрешение веча двинуть ополчение из новгородцев, псковичей и корел. Бесспорна зависимость решения веча от сговора князя с антисуздальской группировкой, которая, может быть, была недостаточно сильна и потому привлекла своих сторонников из Пскова.

С великим князем Ростиславом новгородцы столкнулись, когда они «вече створиша» и изгнали сперва Давыда, а потом, тоже с помощью веча, и Святослава Ростиславичей. Киевский княжой летописец готов осуждать новгородцев, ибо формально они присягали князю держать его «до живота»[110]. Ростислав в ответ на действия Новгорода уморил бывших в Киеве новгородских купцов[111]. Состав веча нам не известен, но ответственность за его решения понесли купцы.

Были случаи, когда князья покидали Новгород, не дожидаясь, пока тайная подготовка их смещения выльется в вечевое решение Новгорода; при князе Святославе Ростиславиче «начаша новгородьци вече деяти в тайне по двором»; вероятно, это были вместительные дворы знати. Князю его «приятели» сообщили, что «деють людье вече [в] ночь» с целью захватить его. Он сообщил о том своей дружине, т. е. дворянам, которые ответили: новгородцы «неверни суть всегда ко всим князем, а промышлаимы о собе или начнуть о нас люди промышлять»[112]. Бесспорно, что в данном случае вече —

---

[109] ПСРЛ. Т. II. Стб. 370 (1148 г.); ПСРЛ. Т. XXV. С. 45 (1149 г.); ср.: НПЛ. С. 28 (1148 г.) — о вече здесь не говорится.

[110] ПСРЛ. Т. II. Стб. 510 (1161 г.).

[111] Там же. Стб. 511; подробнее: ПСРЛ. Т. XXV. С. 68–69 (1160 г.); ср.: НПЛ. С. 30 (1160 г.) — о вече здесь не говорится.

[112] ПСРЛ. Т. II. Стб. 537 (1170 г.) — здесь князь ошибочно назван «Ярославичем»; ПСРЛ. Т. XXV. С. 77 (1168 г.); ср.: НПЛ. С. 32 (1168 г.) — о вечах здесь не говорится. Быть может, в Киеве иначе понимали вече, чем в Новгороде? Впрочем, в летописании XII–XIII вв. наблюдается смешение терминов сонм (снем), вече, совет (дума). Позднее оно станет правилом. См., например: ПСРЛ. Т. XXII. Ч. 1. С. 387 («вечем снемшеся»).

не общенародное собрание, а тайные совещания сторонников знати, враждебной этому князю.

Новгородское боярское правительство очень умело использовало противоречие между князьями на Руси, не давая ни одному из них прочно осесть в республике. Положение осложнилось, когда на Новгород стали посягать владимиро-суздальские князья. Едва ли не половина первых ста лет новгородской самостоятельности приходится на правление здесь их ставленников. Наступая на вольности Новгородской республики, они обзаводились сторонниками среди местного боярства, поддержкой купечества и не раз успешно использовали вече в своих интересах.

Уже действия Андрея Боголюбского серьезно повлияли на политическую жизнь и борьбу группировок в Новгороде: с этой поры начали новгородцы «мясти» (волноваться) и «вече часто начаша творити»[113]. Это известие глухое и о составе веча данных не содержит.

В самой же новгородской летописи впервые о «вече» идет речь тогда, когда новгородцы, которых Всеволод Большое Гнездо одарил «бес щисла» и которым дал «волю всю и уставы старых князь»[114], «створиша вече» и затем разгромили владения посадника боярина Дмитра, главы семейства Мирошкиничей и аристократической группировки. Последняя соперничала с группировкой Михалковичей, давно, еще со времени Юрия Долгорукого, связанных с суздальскими князьями. Здесь вече собрано сторонниками Всеволода. Вече применило против посадника Дмитра «поток и разграбление». Сделать это было нетрудно. Мирошкиничи обвинялись в незаконных денежных и натуральных поборах с новгородцев, в частности с купцов. Организаторы выступления сумели распродать села и челядь Мирошкиничей и поделить их добро среди горожан, тайно прихватив немалую его часть; не забыли они передать и князю значительную долю имущества этой боярской семьи[115]. Любопытно, что совсем недавно «Мирошкина чадь» искала сближения с Всеволодом и была готова уступить ему Новгород чуть ли не в «отчину и

---

[113] ПСРЛ. Т. II. Стб. 510 (1160 г.); подробнее: *Пашуто В.Т.* Очерки истории СССР (XII–XIII вв.). М., 1960. С. 39–41.

[114] Ср. замечание владимирского свода: «издавна суть свобожени новгородци прадеды князь наших» [ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 362 (1169 г.)].

[115] НПЛ. С. 51 (1209 г.); ПСРЛ. Т. XXV. С. 107 (1207 г.).

в дедину»[116]. Всеволод, умело пожертвовав Дмитром, укрепил свои позиции в Новгороде.

Идеальным князем вечевого Новгорода изобразил летописец Мстислава Удатного. Он занял стол в пору резкого обострения новгородско-суздальских отношений. Мстислав по Галичу известен как боярский политик, и, надо думать, самовластное новгородское боярство при нем окрепло и усилило свои позиции на вече. Собравшись в поход на Чернигов, князь зовет и новгородцев, которые на Ярославлем дворе, на созванном им вече решают принять участие в деле. Состав этого совещания не раскрыт, но любопытно, что войско, отправляемое по решению веча, сохраняло в походе вечевое же самоуправление. Об этом свидетельствует тот факт, что, дойдя до Смоленска, где произошел какой-то конфликт смольнянина с новгородцем, новгородское ополчение «створиша вече особе» и отказалось продолжать поход. Посадник лишь с трудом переубедил его[117]. Трудно спорить с тем, что здесь вече — не собрание всех горожан и, пожалуй, не всего войска. Это военный совет. Кстати говоря, так же поступали в походах и другие вечевые ополчения; например, в одном из походов смоленские ополченцы «начаша вече деяти», отказываясь от участия в деле[118].

Мстислав Удатный еще трижды собирал вече: когда уходил из Новгорода[119], вновь возвращался, чтобы довести борьбу с суздальскими князьями до Липицкой битвы[120], и вновь уйти[121].

Состав этих собраний на Ярославлем дворе точно не обозначен («новгородьци»). Перерыв в княжении Удатного пытался использовать суздальский князь Ярослав Всеволодович. Приглашенный посадником, тысяцким и десятью мужами («купец старейших»), он тоже «створи вече» на Ярославлем дворе, но был вскоре изгнан, т. к. начал карать своих противников[122].

---

[116] ПСРЛ. Т. XXV. С. 99 (1200 г.).

[117] ПСРЛ. Т. XXV. С. 99 (1214 г.).

[118] ПСРЛ. Т. II. Стб. 647 (1185 г.). В Смоленске вообще было неспокойно: недавно здесь умер былой сторонник ростовских бояр Роман Ростиславич, который «многия досады прия от смолнян» (Там же. Стб. 617), а вскоре произошла «въстань» между князем и смольнянами, когда «много голов паде луцыших муж...» (НПЛ. С. 38).

[119] НПЛ. С. 53 (1215 г.: «створи веце» на Ярославлем дворе).

[120] Там же. С. 55 (1215 г.).

[121] Там же. С. 57 (1218 г.).

[122] НПЛ. С. 54 (1215 г.).

Временное ослабление (после Липицкой битвы) суздальских позиций в Новгороде, в сочетании с его трудным экономическим и внешнеполитическим положением, повело к тому, что в Новгородской земле резко обострились классовые противоречия, наложившие печать и на борьбу между суздальской и черниговской партиями среди боярства, купечества и духовной знати. Сторонники этих группировок лишились возможности вершить свои дела посредством сговора и были вынуждены все чаще поднимать друг на друга отдельные территориальные и корпоративные организации города (концы, улицы, сотни). Такие действия были, однако, чреваты новыми стихийными взрывами классовой борьбы.

Тому пример — попытка суздальской группировки свалить черниговского князя, когда власть в Новгороде как бы раздробилась: вече Неревского конца собиралось у церкви 40 святых, вече жителей Торговой стороны — у церкви св. Николы, и «тако быша веча по всю неделю». Здесь вече, бесспорно, не общенародное собрание, а совещание сторонников двух группировок, которые затем находят общий язык, и с помощью сговора дело приходит к примирению на общем вече[123].

Когда вновь утвердилась суздальская партия, стал назревать конфликт ее противников с Ярославом Всеволодовичем. Это обнаружилось во время одного из походов при стоянке на Неве, где новгородцы «створиша вече и хотеша» убить Судимира, одного из сторонников князя[124]. Здесь вече тоже не народное собрание, а совещание в походе представителей антисуздальской группировки. Эти суздальцы, прервав поход, увели новгородское войско из-под начала князя. Чтобы упрочить свое положение, Ярослав, как позже говорили на вече, посадил за «мзду» нового архиепископа Арсения, с которым был так тесно связан, что собирал своих сторонников на вече «на владычни дворе»[125].

Но в городе назревало народное восстание. Неуспех в Пскове и срыв похода на Ригу повели (после отъезда Ярослава) к открытому выступлению «простой чади» — простого народа против продажного архиепископа Арсения. Владычный летописец замечает, что дьявол

---

[123] Там же. С. 59 (1218 г.). Душильчевичи с Торговой стороны — сторонники суздальской партии (НПЛ. С. 59, 67).

[124] Там же. С. 65 (1228 г.), о разгроме двора Судимира — С. 67, о его связях с Ярославом — С. 74.

[125] Там же. С. 66, 272 (1228 г.).

воздвиг эту крамолу: Арсений был изгнан «в шию», город же «взъмятеся». В этих условиях собралось («створше») вече на Ярославлем дворе, и верх на нем одержала черниговская партия, сумевшая временно направить народный гнев на своих противников. Дворы многих представителей суздальской группировки были разграблены.

Избавившись от властного Ярослава и его архиепископа, боярский совет оказался, однако, под угрозой широкого народного восстания. Если он был еще готов вернуть Ярослава на условиях отмены забожничьего и устранения княжеских судей из волостей[126], то вскоре севший княжить на «всех грамотах Ярославлих» черниговский князь Михаил Всеволодович уже был вынужден дать сбежавшим смердам на пять лет свободу от даней, обязав оставшихся платить ее по-старому, по уставам прежних князей. Эти уставы, как и грамоты Ярослава и разного рода «уроки», видимо, входили в понятие новгородской Правды.

Но позиции черниговской группировки не были прочными: хотя князь и прельщал новгородских купцов свободной торговлей со своей землей[127], Новгород тяготел экономически к земле «Низовской».

Новый конфликт двух группировок происходит в вечевой форме, сопровождается разгромом двора посадника и других сторонников Чернигова, имущество пострадавших делится по городским и (может быть, но сомневаюсь) сельским сотням («постом»), а Ярослав Всеволодович вновь присягает вечу на грамотах Ярослава[128].

Еще в одном качестве выступает интересующий нас термин во время княжения Александра Невского, когда беднота («меньшие» люди) собирала свое собственное вече у церкви св. Николы — единственный случай обособленного совещания простого народа. Но и в этом случае беднота сохраняла наивную веру в то, что во всем виноваты бояре, а «князь без греха»[129]. Кончилось дело тем, что князь путем сговора со знатью отстранил популярного посадника Анания и занял стол «на всей воли новгородской»[130], которая, следовательно, в данном случае с волей «меньших» не совпадала.

С помощью небольших уступок, подкупа и социальной демагогии народные движения еще используются боярами и купечеством в со-

[126] НПЛ. С. 67 (1228 г.).
[127] Там же. С. 64 (1225 г.).
[128] Там же. С. 70 (1230 г.).
[129] Там же. С. 81 (1255 г.); ср. «ти на зло князя водять» — С. 67 (1228 г.).
[130] Там же. С. 80–81 (1255 г.).

словных и политических интересах и неоднократно направляются к защите политического сепаратизма Великого Новгорода, новгородской «воли» и Правды, по своей сущности феодальной.

Есть еще одно известие о вече — в Галицкой земле. Уменье ладить со служилым боярством и купечеством — «местичами» (бюргерами), с горожанами вообще, характеризует не только владимиро-суздальских, но и галицко-волынских князей, среди которых Роман Мстиславич, жестоко каравший непокорное боярство и духовную знать[131], прослыл как покровитель «лепших мужей»[132], он их «свободил бяшеть от всих обид». Еще более широко опирался на поддержку «мужей градских»[133] его преемник князь Даниил. Когда в разгар феодальной войны против крамольного боярства князь Даниил обратился за помощью к галицкому вечу («созвавшю вече»), сотский Микула, выражая настроения сочувствовавшей князю части горожан, заявил: «Господине, не погнетши пчел, меду не едать»[134]. Это — знамение времени[135].

Из приведенных фактов княжого и епископского летописания как будто следует предварительный вывод, что термин «вече», обозначая совещание вообще, употреблялся применительно к разнородным явлениям. Вече — это совещание правителей города, принимающее решение о его будущем в условиях обострения народного недовольства или открытых восстаний, вызванных голодом, войной, боярским самовластьем, общим наступлением феодалов на сельскую и городскую бедноту. В тех же условиях вече — это обособленное совещание городских «меньших» людей. Вече — это совещание князя со всей (или дружественной ему) знатью города, приводящее

---

[131] *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 92.

[132] ПСРЛ. Т. II. Стб. 920.

[133] Там же. Стб. 778.

[134] Там же. Стб. 763–764. Волынский князь Владимир Василькович продолжал ту же линию: «лепшие мужи» ценили его за предоставленную им «свободу» (Там же. Стб. 920).

[135] В волынской летописи вече встречается еще раз, применительно к Польше; так названо совещание мужей Калиша («вече их»), которые, стоя на укреплениях города, обсуждали условия сдачи с воеводами осаждавших (ПСРЛ. Т. II. Стб. 756). В аналогичном качестве — военного совета — упомянуто и вече, на котором новгородцы и псковичи «гадали» об условиях подчинения им осажденного города Отепяа; внезапное нападение немцев заставило их прямо «с вечя» вступить в битву [НПЛ. С. 57 (1217 г.)]. К одной из форм веча восходит и сейм (*Bardach J.* O genezie sejmu polskiego. S. 18).

к военно-политическому соглашению между ними. Вече — тайный сговор городской знати против правящего в городе князя, сговор, поддержанный выступлением либо боярских дружин («чадь»), либо масс горожан, использующих свои территориальные и корпоративные организации (концы, улицы, сотни, братьщины и т. п.). Наконец, вече — это военный совет руководителей городового ополчения в походе.

Вече — один из наиболее архаических институтов народовластия — было использовано собственниками земли и поставлено на службу государству в форме своеобразной феодальной демократии. Вече, как и совет, и снем, и собор, было одной из тех видоизменяющихся политических форм, в которых находят выражение результаты классовой борьбы. На вече классовая борьба поддается в большей мере непосредственному наблюдению, хотя и здесь она в основном получает превратное выражение в виде противоречий внутри класса феодалов или между последним и нарождающимися элементами будущего третьего сословия.

РЯД

Рассмотрим теперь вопрос о «ряде», с тем чтобы попытаться найти дополнительный материал для характеристики социальной сущности веча. Летописи свидетельствуют, что соблюдение городских Правд, отраженных в княжеских жалованных грамотах и уставах, составляло основу политического «ряда» любого вольного города с князем. Нужно подчеркнуть, что все крупные города — даже такие большие центры земель, как Киев, Новгород, Владимир, Галич, собиравшие ополчения по нескольку десятков тысяч воев, считали нужным ради безопасности обзавестись князем. Это было необходимо для поддержания социального «порядка» и сохранения независимости волостных владений. «Боярина не вси слушають»[136], а княжеская дружина, дворянская «засада» — вооруженный отряд профессиональных воинов, всегда готовый к действию.

Сказанное нетрудно подтвердить примерами. Киев нуждался в князе, опасаясь половцев: «Тогды тяжко бяше кияном, не остал бо

---

[136] ПСРЛ. Т. II. Стб. 426 (1151 г.).

ся бяше у них ни един князь у Киеве»[137]. Еще нужнее был князь в моменты обострения социальных противоречий. Достаточно вспомнить, как киевские мужи градские, правящая знать магистрата («свет створиша кияне»), напуганная народным восстанием, разгромом дворов тысяцкого и купеческих сотских и опасаясь за безопасность боярских, монастырских, княжеских владений, спешила с приглашением Владимира Мономаха в Киев[138].

Новгород не меньше стремился иметь князя. Местный летописец особо отмечал случаи, когда город оставался без князя: «И сидеша новгородци бес князя 9 месяц»[139], — писал он; в другой раз, отвергая домогательства неугодного князя, новгородцы заявили: «У нас князя нетуть, но Бог и Правда и святая Софья»[140].

Владимирский летописец в свою очередь готов считать чудом Богоматери то, что местная столица удержалась, будучи без князя: «И прославиша же вси всемогущего Бога и пречистую его матерь, скорую помощницю граду своему, заступившу его от великих бед, и люди своя укрепи, и не вложи им страха в сердци, ни убояшяся князя два имуще в волости еи, а боляр их прещение ни во что же вмениша, семь бо недель без князя будуще в граде, възложивъше всю свою надежю и упование к святей Богородици и на свою Правду»[141].

Галичане, опасаясь оставаться без князя («а князя оу них нету»), не стали ждать уже приглашенного Ярослава Всеволодовича, а срочно призвали Владимира Игоревича[142].

Словом, выходит, что городской коммунальный строй не мыслился без участия князя.

Занятие князем стола вольного города оформлялось «рядом» («порядом», «нарядом»). Прежде всего, надо отметить, что и ряд имел несколько значений. Во-первых, это международный договор[143],

---

[137] Там же. Стб. 476 (1154 г.); Т. XXV. С. 60.

[138] ПВЛ. Ч. 1. С. 196 (1113 г.). О совете галицких бояр см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 748.

[139] НПЛ. С. 26 (1141 г.); ср.: С. 32 (1167 г.), С. 43 (1196 г.).

[140] Там же. С. 89 (1270 г.).

[141] ПСРЛ. Т. XXV. С. 86 (1176 г.); на съезде представителей Ростова, Суздаля, Переяславля во Владимире говорилось: «князю не сущю в нас», а «боимся мьсти» князей рязанских и муромских [ПСРЛ. Т. II. Стб. 595 (1175 г.)].

[142] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 427 (1206 г.).

[143] См., например: ПСРЛ. Т. XXV. С. 80 (1168 г.); ср.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 858 (1260 г.). Право на такой ряд имел князь, присвоение его прерогатив боярином осуждается волынским летописцем — см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 765–766.

во-вторых, это договор между князьями о распределении ленов[144] или добычи в зависимости от того, «кто како страдал за Русскую землю»[145], в-третьих, это порядок управления и суда: у Мономаха был «наряд» и в государстве, и в домене, где он правил «на посадники не зря, ни на биричи»; был у него и «ловчий наряд», наконец, он считал обязательным соблюдение «церковного наряда»[146]. Один старый киевский князь, который уже не мог «рядов рядити», т. е. править суд, говорил своему преемнику: «А се полк мой и дружину мою ряди и ведой»[147]. Ведать войском — еще одно значение ряда.

Нас интересует ряд князей с городами. Здесь речь идет не о частновладельческих городах, будь то княжеских (вроде Любомля, Всеволожа, Шеполя и др.), боярских (подобных Плеснеску), церковных (как Полоный или Гороховец), а о вольных, имевших право самостоятельного выбора князей.

Если вольный город видел гаранта своей независимости в сильном князе, то это не значило, что последний мог легко въехать в любой такой город. Требовался «ряд». Князь должен был быть достаточно сильным, чтобы охранять Правду, уставы и вообще интересы города от покушений других, и достаточно покладистым, чтобы вместе со своими боярами и дворянами не покушаться на них самому. Понятно, что в тогдашних условиях не могло быть устойчивых соглашений этого рода.

Летописная традиция возводит практику ряда к почтенной старине, когда Киев, Чернигов, Переяславль, Новгород, Ростов, Полоцк и другие новые центры земель-«княжений» словен, кривичей, полян и пр., заинтересованные в поддержании внутреннего мира и отражении набегов кочевников, выступили инициаторами «поряда» с князьями. Земли древлян, полян, кривичей и других представляли собой конфедерацию княжений, уже находившихся в руках знати — земельных собственников. Если так, то и вече на этапе существования этих княжений (как то наблюдается и у прибалтийских славян,

---

144 Князь «урядил» с братом, дав ему Переяславль [ПСРЛ. Т. XXV. С. 32 (1131 г.), 59 (1154 г.: «ряд вси починим»), 115 (1217 г.: рязанские князья собрались «поряд положити межи собе»); ПСРЛ. Т. II. Стб. 613 (1180 г.); НПЛ. С. 51 (1210 г.)].

145 ПСРЛ. Т. XXV. С. 101 (1203 г.).

146 ПВЛ. Ч. 1. С. 163.

147 ПСРЛ. Т. XXV. С. 59 (1154 г), 70 (1160 г.: «рядити» полки), 88 (1177 г.: «наряди полкы»); ПСРЛ. Т. II. Стб. 404 («розирая наряд его, како город стоить»).

и у пруссов) уже не было всенародным, а находилось под решающим влиянием местной знати.

Отсюда неизбежно следует, что призвание варяжских князей (если верить летописи) частью земель — членов конфедерации должно было заставить этих пришельцев признать юридические условия, в определенной мере гарантирующие вечевые права местной знати и ее опорных центров — возникших городов.

Призванный князь, выражая волю местной знати, «рядил по ряду, по праву». Право это, порожденное частной собственностью, феодальной по своей социальной природе. Отсюда, между прочим, и раздача ленов («раздая мужем своим волости и городы»)[148].

По ряду центральная княжеская власть получила право на «уроки» с городов: например, с Новгорода Киев до начала XI в. получал 2000 гривен, да тысяча шла киевской дружине — «засаде» в Новгороде[149]. Но, с другой стороны, и права, полученные центрами земель в то время, когда единое феодальное сословие еще складывалось, были достаточно разнообразны и широки. Как видно из договоров с Византией, города сохраняли тогда даже право на часть добычи от походов: существовали «уклады» городам собственно Русской земли — Киеву, Чернигову, Переяславлю прежде всего, а может быть, Полоцку, Ростову и другим, в которых сидели «велиции князи», признававшие власть Киева[150]. Мы лишены возможности подробнее рассмотреть эту тему, но ясно и так, что князья раннефеодальной поры считались с городами, особенно подчеркивая значение Киева.

Не случайно и Повесть временных лет проводит мысль, что подлинный «поряд» («обряд») о земле можно сделать именно в Киеве. За нарушение этого принципа она хулит черниговского князя Олега. Изображая его врагом столичных горожан, летописец приводит случай, когда Святополк и Владимир звали Олега на «поряд» о совместной обороне «Русской земли», предлагая оформить его «пред епископы, и пред игумены, и пред мужи отець наших и пред людми градьскыми». Черниговский князь не только отказался, но и обозвал

---

[148] ПСРЛ. Т. II. Стб. 14; ср.: ПВЛ. Ч. 1. С. 18.

[149] ПСРЛ. Т. II. Стб. 114; остатки этого порядка видим в том, как Мстислав Удатный делил добычу: две трети Новгороду, треть — своей дворянской «засаде» в Новгороде (НПЛ. С. 53). Дань с древлян тоже делилась на три части: две трети шли Киеву, а треть — Вышгороду, частновладельческому городу Ольги, где, может быть, стояли ее гриди (дворяне) (ПВЛ. Ч. 1. С. 43).

[150] ПВЛ. Ч. 1. С. 24.

киевлян смердами: «Несть мене лепо судити епископу, ли игуменом, ли смердом»[151]. Мономах бы так не ответил — он дорожил поддержкой городов.

И позднее князь не мог править в свободном городе без ряда. Князь Ростислав, уходя из Новгорода на киевский стол, оставил новгородцам своего сына Давыда, но «възнегодоваша новгородци, зане не створи им ряду, нъ боле роздъра» и изгнали Давыда[152]. Видимо, Ростислав вообще придерживался своеобразного взгляда на ряд. Прибыв в Киев, где по смерти Вячеслава жители «посадиша» его княжить, Ростислав похоронил своего предшественника, распорядился относительно его имущества, присоединил «прок» его дружины к своим полкам и, собрав совет, стал думать о походе на Чернигов.

Но оказывается, ряда с Киевом он еще не заключил, и поэтому его мужи не советовали («бороняхуть») ему идти в поход, говоря: «Ты ся еси еще с людми Киеве не утвердил, а поеди лепле в Киев»; утвердишься, будут «люди у тобе укреплены» и воюй[153]. Советники имели в виду военное содержание ряда, т. е. то, что в городе станет княжая «засада» и положение Ростислава на войне будет прочнее. Ростислав не послушал совета и проиграл дело.

Во время второго княжения в Киеве Ростислав исправил былое упущение в Новгороде: во-первых, он «урядися» с Андреем Боголюбским относительно своих сюзеренных прав над республикой[154], во-вторых, после острого конфликта[155] имел «поряд» с ее правящей знатью; на переговоры в Луки об этом договоре он пригласил «огнищаны, и гридьбу, и купце вятьшии»[156].

Договор князя с городом упоминается наряду с его соглашениями с вассалами. Киевляне одновременно с князьями звали «от собе» княжить Мстислава Изяславича. Вступив со своими полками в Киев,

---

151 Там же. С. 1150; Ср.: С. 168.

152 НПЛ. С. 29 (1154 г.).

153 ПСРЛ. Т. II. Стб. 471, 474 (1154 т.); ПСРЛ. Т. XXV. С. 59 (1153 г.), С. 60 (1154 г.). Волынский летописец как редкое исключение отметил случай, когда Луцк, будучи «не утвержден и не уряжен», устоял перед войском Куремсы и то лишь потому, что горожане успели обрубить подвесной мост (ПСРЛ. Т. II. Стб. 842).

154 НПЛ. С. 218 (1191 г.).

155 ПСРЛ. Т. II. Стб. 511 (1161 г.); ср.: ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 351 (1160 г.); НПЛ. С. 30 (1160 г.).

156 НПЛ. С. 219 (1166 г.); ср.: С. 42 (1195 г.), 43 (1197 г.: «переднии мужи и сътьскии»); ПСРЛ. Т. II. Стб. 529 (1168 г.).

он «възма ряд с братьею и с дружиною и с кияны»[157]. Такое уряжение с Киевом было формой его освоения князем («освоившу Кыев»[158]).

Сам по себе ряд не выражает строго одинакового объема прав города потому, что у каждого города была своя Правда, а кроме того, многое зависело от условий, при которых заключался ряд. Скажем, венгерский король под видом помощи Владимиру Ярославичу посадил в Галиче своего сына; король знал силу городских коммунальных прав на Руси и потому «даде весь наряд галичанам», среди которых в данный момент имели перевес враждебные Владимиру «мужи»-бояре[159]. Как отнеслись к королю купцы и их сотские, мы не знаем. Другое дело, когда Мстислав с большим новгородским войском, после победоносного похода на эстов, вошел в Псков и «изыма сотьскеи», которые не желали держать его вассала («сыновца») Бориса, и «тако утвердивосъ с людьми»[160]. Ясно, что подобный ряд не улыбался Пскову, коммунальные права которого были нарушены. Сильный князь мог еще более существенно стеснить свободы города. Так поступил, например, Мстислав Данилович, давший жителям Берестья за их крамолу дополнительный устав о сборе с них «ловчего» в княжую казну[161].

Города сами по себе представляли для князей первостепенный экономический, политический, в частности военный интерес. Наличие городских ополчений делало правящую знать городов серьезной силой, которую и стремились использовать в своих интересах великие князья, борясь за политическое единство[162]. Отсюда неизбежно встает вопрос — как соотносились между собой решения княжеского снема и ряд с городами. Можно думать, что вольные города, юридически подданные княжеской власти, нельзя было раздавать в лены без согласования с городскими советами.

Вот почему, должно быть, правда, что в расширенный государственный совет при Владимире I входили и сотские. Видимо, го-

---

[157] ПСРЛ. Т. II. Стб. 534 (1169 г.); ПСРЛ. Т. XXV. С. 76 (1168 г.).

[158] ПСРЛ. Т. XXV. С. 48 (1149 г.).

[159] ПСРЛ. Т. II. Стб. 660–661 (1188 г.). «Мужи»-бояре заправляли тогда делами в городе (Там же. Стб. 664, 666).

[160] Там же. Стб. 608 (1178 г.).

[161] Там же. Стб. 901–902.

[162] Важную роль сыграли горожане в борьбе за политическое единство Галицко-Волынской Руси (см.: *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 183–185, 186–187, 194, 203, 206–207, 211, 215, 217).

родские мужи привлекались и к деятельности снемов. Известно, что Владимир-Волынский, переданный снемом 1097 г. Давыду, угрожал ему изгнанием[163]. Мы знаем, что представители Новгорода присутствовали при попытке великого князя Святополка сделать переряд, дать Мономаху г. Владимир, а себе взять Новгород; представители Новгорода решительно отвергли этот план («аще ли две голове имееть сын твой, то посли»), и Святополк должен был от него отказаться[164].

Там, где княжеская власть теснее сотрудничала с городами, защищая права «местичей», она имела больше возможностей на передачу этих городов по наследству: «Дал ти есть землю свою всю и городы по своемь животе», — говорил владимирский князь Владимир Василькович своему преемнику Мстиславу[165]. Однако и в этом случае решение согласовывалось с советом города. Получив землю и города по ряду, князь Мстислав поехал в стольный город Владимир и в епископском храме «созва бояры володимерьскыя брата своего и местиче, русци и немце и повеле передо всими чести грамоту братню о даньи земли и всех городов и столного города Володимеря». Совет выслушал, одобрил, и епископ благословил Мстислава на княжение[166].

Думаю, что подобный же совет собирал и Ярослав Всеволодович, который «созва вси переяславци» к церкви св. Спаса, произнес речь, видимо, по традиционной форме: «Братие переяславци, се отец мой иде к Богови, а вас отдал мне, а мене вдал вам на руце; да рците ми, братия, аще хощети мя имети собе, яко же иместа отца моего и головы свои за мя сложити»[167]. В условиях, когда «богат возглаголеть — вси молчат и вознесут его слово до облак; а убогий возглаголеть — вси на нь кликнуть»,[168] было бы наивно искать в подобного рода формах феодальной демократии элементы народоправства.

Среди городского населения летописи иногда упоминают «горожан» — местичей (бюргеров) в собственном смысле слова. Напри-

---

[163] ПСРЛ. Т. II. Стб. 242 (1097 г.).

[164] Там же. Стб. 251 (1102 г.).

[165] Там же. Стб. 900.

[166] Там же. Стб. 905 (1287 г.). Ср.: *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. С. 320.

[167] ЛПС. С. 110 (1213 г.).

[168] Слово Даниила Заточника // Памятники древнерусской литературы. С. 11.

мер, в Галиче летописями называются «бояре и гражане»[169]. Местичи — это особый слой горожан, бюргерская верхушка посада, не случайно упоминаемая во Владимире рядом с иностранными купцами, т. е. гостями. Источники выделяют «место» в городе: «въеха в место, а в город нелзе бысть въехати»,– сказано о Кракове, где, так же как и во Владимире, местичи составляли особую группу горожан[170]. Порядки на Руси и в Польше были схожие.

Мы видели, как пытались некоторые сильные князья, прибегнув к помощи соборов, утвердить на Руси наследственную власть — их стремлениям не суждено было осуществиться. Еще менее удачными оказались попытки нарушить традиционные формы договоров с вольными городами и превратить их в наследственную собственность князей. Примеры подобных нарушений ряда, быть может, помогут еще яснее увидеть, кто был руководящей силой веча.

Яркий пример нарушения ряда — попытка черниговских князей распространить на Киев порядки, бывшие в частновладельческих городах. Всеволод Ольгович созвал съезд князей и, ссылаясь на прецедент (Мономах оставил Киев сыну Мстиславу, а тот, в свою очередь, передал его брату Ярополку), принудил вассалов присягнуть своему брату Игорю. Но этого было мало — следовало склонить к такому же решению и киевский магистрат. На исходе своих дней князь Всеволод «ста под» Вышгородом «в Острове», «призва к собе кыяны»[171] (думаю, что он пригласил к себе городских советников) и предложил им принять в князья своего брата Игоря. Советники согласились и вместе с князем пошли в Киев, где под Угорским[172] князь уже «созва все кыяны», т. е., видимо, совещание, участники которого, а также жители Вышгорода присягали новому князю (нужно учитывать условность летописных выражений вроде «вси», «от мала до велика», «бесчисла» и пр.). Как видим, то, чего Ярослав Осмомысл и Всеволод Большое Гнездо старались добиться с помощью сословных соборов, черниговский князь пытался достичь через магистрат и вече. С тем он и умер.

---

169 ПСРЛ. Т. II. Стб. 722.

170 Там же. Стб. 934.

171 Там же. Стб. 317–320 (1146 г.); ПСРЛ. Т. XXV. С. 37.

172 Киев, как и Новгород, умел держать сразу по нескольку князей — в столице и в пригородах; так, одно время Вячеслав сидел «на велицем дворе», а Изяслав — «под Угорскым» [ПСРЛ. Т. XXV. С. 54 (1151 г.)]; См.: *Каргер М.К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. I. С. 269.

По смерти Всеволода князь Игорь созвал «кияне вси» на Гору, на Ярославль двор, где они вновь присягнули ему и целовали крест. Едва ли это было общекиевское собрание. Ни на Ярославлем дворе (несмотря на его большие размеры), ни в храме Софии, ни в других избираемых для ратуши местах собрать общенародное совещание было нельзя[173]. Да в нем и не было нужды, если принять во внимание налаженность городского административного аппарата.

Вскоре произошли события, князем и черниговской группировкой городских советников не предусмотренные. На этот раз «совокупившеся вси кияны» на вече у Туровой божницы и сами позвали князя Игоря: «Княже, поеди к нам». Опасаясь такого оборота дел, князь поехал с дружиной, а на самое вече отправил брата Святослава. Киевляне собрались конные и, вероятно, при оружии. Можно сомневаться в том, что и это собрание было общекиевским. Едва ли все киевляне располагали лошадьми в 1146 г., если сравнительно недавно, в 1068 г., их снабжали конями из княжеских табунов. Кажется более вероятным (ввиду различного подхода к решению одного и того же вопроса), что совещания на Ярославлем дворе и у Туровой божницы были созваны представителями враждующих, черниговской и волынской, группировок. Летописью упоминаются «от киян мужи», среди них тысяцкий Улеб и Иван Войтишич[174]; они сеяли вражду к Ольговичам, отстаивали городские вольности, отказываясь «быти акы в задничи» у Чернигова[175].

На последнем собрании киевляне, обжаловав действия прежних судей-тиунов, которые «испустошили» Киев и Вышгород, потребовали соблюдения Правды, отмены суда тиунов, восстановления княжеского суда и выборности судей. Святослав присягнул в этом вечу, целовал крест, сойдя с коня; в свою очередь и «кияне же вси, съседше с конь», присягали Игорю. Представители (и, вероятно, инициаторы) веча — «лучшие люди кияны» — поехали вместе со Святославом к Игорю, чтобы узнать его мнение.

«Аз, брате, целовал крест на том кияном,– сообщил Святослав брату,– яко быти тебе князем в Правду, а людем, кому до кого будет, ино ти их судити в Правду самому или мне, а тиуном их не судити, ни продавати. А что были тивуны брата нашего Ратьша и Тудор, а

[173] О ратушах см.: *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. С. 231.
[174] ПСРЛ. Т. II. Стб. 324.
[175] Там же. Стб. 323.

тем не быти, а коим будет быти, ино им имати к суду уроком, а в свою волю им людей не продавати».

Словом, Киев потребовал соблюдения своей Правды, которой здесь (как подобными документами в Новгороде и других городах) регулировались отношения с князьями[176]. На этих условиях Игорь и урядился с киевским советом, но «не поча по тому чинити, яко же люди хотяху, и не угодно бысть им»[177]. Тогда партия мужей градских, ориентировавшихся на Изяслава Мстиславича, который как сюзерен, видимо, сулил больше выгод, прибегла к помощи городского плебса: «разграбиша кияне с Изяславом дружины Игоревы и Всеволоже и села и скоты, взяша именья много в домех и в монастырех»[178]. Захватили они и бояр княжеских и отпустили их «на искупе». Ясно, что грабили черниговских князей и их сторонников не те киевляне, которых наставлял Всеволод. Это представители волынской группировки.

Но, как не раз бывало в подобных случаях, плебейская струя движения перехлестнула границы, намеченные сговором князя с городской знатью. Чтобы отобрать власть и имущество у черниговской группировки светской и духовной знати вечевым способом, приходилось мириться с тем, что народ грабил дворы тиунов и обратил свой гнев «на мечьникы»[179]. Как бы то ни было, движение кончилось тем, что Игорь утратил власть в пользу Изяслава, а сам попал сперва в поруб, затем — в монастырь. Происшедшее свидетельствует об успешном использовании волынским князем Изяславом внутренних противоречий в Киеве в своих интересах.

Через некоторое время попытка того же князя заручиться поддержкой киевского ополчения для борьбы против Чернигова дала возможность более ярко проявиться народному возмущению, оставив нам еще одно упоминание о вече. Изяслав направил послов в Киев к своему наместнику Владимиру и тысяцкому с приказом: «Еди, брате, к митрополиту и созови кияны все, да молвят пред ними мужи си (т. е. послы) лесть черниговскых князей». По при-

---

[176] Ср. ссылки на подобные же нарушения этой Правды в Киеве в последние годы княжения Всеволода Ярославича, когда тиуны разоряли народ, мешая ему дойти до княжого суда, а «земля оскудела от ратей и продаж» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 207–208 (1093 г.)]. Княжение Святополка лишь усугубило произвол, и дело кончилось народным восстанием 1113 г.

[177] ПСРЛ. Т. XXV. С. 37.

[178] ЛПС. С. 56 (1146 г.).

[179] ПСРЛ. Т. II. Стб. 322; НПЛ. С. 27.

зыву митрополита «придоша кыян много множество народа и седоша у святое Софьи [слышати]»[180],– так сообщает древний вариант киевской летописи; в другом варианте читаем: «Всим съшедшимся от мала до велика к святой Софьи на двор, въставшем же им в вечи»[181]. Это было, может быть, расширенное совещание городского совета во дворе храма Софии.

Совещание осудило заговор Ольговичей против Изяслава и связанных с ним киевлян[182] и решило послать ему в помощь ополчение. Созванное на этот раз у св. Софии митрополитом вече кончилось неожиданно. Видимо, политическая атмосфера была накалена, и совещание части киевлян с князем нашло своеобразный отклик в народе. Все шло нормально до тех пор, пока «един человек» (имя его не названо, видимо, потому, что летопись прошла цензуру Изяслава[183]) не выступил с предложением убить князя Игоря (для которого старались заговорщики) и мотивировал свое предложение тем, что участники черниговской группировки могут освободить его, подобно тому как в 1068 г. сторонники черниговских князей освободили Всеслава. Возможно, что предлагавший хотел устранить Игоря «законным» путем[184]. Но «слышавше народ» про эту речь и охотно поднялся за вожаками, которые «кликнуша» клич (выражаясь по-новгородски, «възвадили», «воздвигли» народ) идти на Игоря, оставившего по себе темную память.

Эти восставшие для княжеского летописца «безаконии, несъмыслении», не ведающие истины, «ослеплении очима»[185]. Он осуждает действие, которое осуществляется против закона: убийство князей городскими Правдами не предусматривалось! Когда народ кинулся к монастырю св. Федора, где находился Игорь, то правители пыта-

---

[180] ПСРЛ. Т. XXV. С. 41; ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Стб. 316.

[181] ПСРЛ. Т. II. Стб. 348.

[182] Послы Изяслава передали его слова: «Не мене одиного хотели убити, но и вас искоренити» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 349).

[183] Полнее сохранил описание происшедшего переяславский источник. Перед сидящими в Софии киевлянами князь Владимир сообщает митрополиту Климу: «Се прислал брат два моужа киянина, ат и молвять та къ братии своей». Добрынко и Рядило, послы Изяслава (конечно, основываясь на его грамоте), прямо призывают убить Игоря: «Целовал тя братия, митрополиту поклонялься. А зде есть ворог князя нашего и вашь, а хочем и оубити, то же поидемъ бится за свой князь с детми» (ЛПС. С. 58).

[184] Может быть, так, как Святополк расправился с Василько в 10 верстах от Киева (ПСРЛ. Т. II. Стб. 234).

[185] ПСРЛ. Т. II. Стб. 353 (1147 г.).

лись вмешаться. Князь Владимир увещевал: «того вам брат мой не приказал»[186], митрополит «много взбраняше им», тысяцкие Лазарь и Рагуил тщетно старались удержать толпу. Не удалось укрыть Игоря и на княжом дворе. Убив Игоря, выступавшие проволокли его труп через Бабин Торжок на Подол. Быстро вспыхнувшее движение, видимо, быстро и затихло. Узнав о происшедшем, Изяслав «негодоваше на кияны»[187] и даже обращался к своей дружине, прося подтвердить его невиновность в гибели соперника.

Анализируя киевские события 1146–1147 гг., приходишь к выводу, что вече здесь ярко отразило противоречия внутри правящего класса[188] и послужило поводом к народному восстанию, которое закончилось убийством неугодного князя.

Бесспорно, что подобные народные выступления должны были весомо содействовать защите городских Правд и препятствовать развитию феодальной политической анархии.

Не менее яркий пример нарушения ряда — это действия князей Ростиславичей (и союзных им ростовских бояр) в отношении г. Владимира. Мне представляется, что и в городах Владимиро-Суздальской Руси сложились сильные советы, часть которых была под большим влиянием боярства. Полагаю, что «ростовци и суздальци», которые, «сдумавъше вси, посадиша» у себя Андрея Юрьевича, в нарушение ряда с Юрием Долгоруким[189], — это мужи градские, подкрепившие свое решение вечем.

Думать так заставляет деятельность этих советов, особенно ощутимая после смерти князя Андрея. Когда заговорщики убили Андрея, советники г. Владимира их не поддержали, «и рекоша володимерьци: да кто с вами в думе, то буди вам, а нам не надобе»[190]. Они же предложили похоронить князя («рекоша володимерце игумену Феодулови»)[191].

---

[186] Ср. обращение его к восставшим: «братие и дружино», сохраненное в ПСРЛ. Т. XXIII. С. 34.

[187] ПСРЛ. Т. XXV. С. 42; ПСРЛ. Т. II. Стб. 353; ср.: ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. С. 109 («ворог мой»).

[188] Борьба феодальных группировок иногда очень глубоко затрагивала и город, и волость. От 1317 г. имеем известие, что новгородец Данило Писцев «убьен бысть на рли от своего холопа», который показал горожанам, что тот посылал его с грамотами к князю Михаилу, бывшему с Новгородом во вражде (НПЛ. С. 95).

[189] ПСРЛ. Т. XXV. С. 63 (1157 г.); ЛПС. С. 73 (1157 г.).

[190] ПСРЛ. Т. II. Стб. 590 (1175 г.).

[191] Там же. Стб. 593.

Нельзя считать общенародной вечевой сходкой и съезд представителей городов и боярства во Владимире, когда ростовцы, суздальцы, переяславцы и вся дружина «съехашася» во Владимир[192], чтобы обдумать, кого посадить княжить. Вероятно, повторилось в более широком масштабе то, что было, когда звали княжить Андрея. Происходило сословное совещание, издавна известное на Руси в подобных случаях. Решение о новых князьях было принято на этом совещании по предложению рязанских бояр Бориса и Дедильца — ярых врагов Юрьевичей.

Когда Ростиславичи обосновались в Ростове, владимирцы «утвердишася» с ними «крестным целованием, яко не створити има в граде никако же зла». Владимирцы приняли их «по своей воли», это был «поряд»[193]; местом, где было заключено это соглашение, и здесь являлся храм, владимирская церковь Богородицы[194].

Но пришлые князья попали под руководство своих «думцев» — ростовских (и рязанских) бояр, которые мечтали превратить Владимир в пригород Ростова («посадника у них посадим»), чтобы пользоваться богатыми доходами с бывшей столицы. Князьям это тоже нравилось, т. к. пришли они с дружинами, которые жаждали получить богатые кормления и держания. Не удивительно, что Ростиславичи «раздаяста грады земли тоя дружине своей, иже бяху с ними из Руси пришли». Видимо, и Владимир пострадал: летописец глухо говорит, что Ростиславичи дали посадничество «роусьским детьскым», т. е. своим дружинникам[195].

Пришлые князья и их боярские советники посягнули и на владимирскую епископию, решив закрыть ее, ибо понятно, что в пригороде Ростова ей не место. И вот теперь «и грады, и власти (т. е. волости) и дани церковные», пожалованные молодой владимирской епископии Андреем Боголюбским, были отданы пришельцам и ростовской светской и духовной знати, а «еще же злато и сребро церковное поима, и ключи полатей церковных отьятъ, иде же бе кузнь церковная вся»[196].

Это обстоятельство, любопытное само по себе для княжества, в котором шла острая борьба государства с церковью, наложило пе-

---

192 Там же. Стб. 595; ЛПС. С. 84.

193 ЛПС. С. 86 (1175 г.); ПСРЛ. Т. II. Стб. 598; ПСРЛ. Т. XXV. С. 85 (1176 г.). Имена боярских вожаков (ПСРЛ. Т. XXV. С. 82–84, 88).

194 ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 374.

195 ЛПС. С. 86.

196 ПСРЛ. Т. XXV. С. 85 (1176 г.); ЛПС. С. 87.

чать на местное епископско-княжеское летописание. В нем сохранился интересный, но, как кажется, недостаточно понятый текст о вечевых порядках.

После победы Михаила и Всеволода Юрьевичей были восстановлены отношения княжеской власти с городами, существовавшие при Андрее Боголюбском. В Суздали и Ростове, горожане которых отмежевались от действий крамольных бояр («мы, княже, на полку... не были, но бояре..., на нас сердца не держи, но поеди на свою отчину»), князь Михаил «створи людем весь наряд», утвердил его крестоцелованием, был встречен с честью и получил «дары многы»[197]. Еще более тесными должны были быть у него отношения с Владимиром и Переяславлем, хотя какие-то переяславцы (и полторы тысячи владимирцев) воевали против него «принуждением ростовскым»[198]. Как бы то ни было, владимирцы звали Всеволода княжить не «до живота» (как было принято тогда в новгородской и киевской Правдах), а наследственно: «целоваша к нему крест и на детех его и посадиша»[199]. Были восстановлены и права владимирской епископии и возвращены ей все отнятые земли и богатства («до пенязя»)[200].

В этой связи и следует анализировать известный текст епископско-княжеской летописи о вечевом строе на Руси. Летописец, довольный, что Владимир, будучи новым городом, устоял и защитил епископские владения от ростовского боярства, выступил с обоснованием того, что в местном краю сломан издревле бывший порядок вассального соподчинения городов. Он пишет: «Новгородци бо и кияне и смолняне и вси власти (т. е. волости) обычаи сице изначала имуть: на вече сходятся и на чем старейшии положат, на том и пригороди станут». И у нас, рассуждает летописец, был такой строй, да устарел, это — старая Правда, а теперь есть новая. «Зде же старии гради Ростов и Суждаль, вси же боляре их (ниже они названы — «старейшая дружина»), хотяще свою Правду поставити, а не хотяще ставити Правды Божиа».

---

[197] ПСРЛ. Т. XXV. С. 87 (1177 г.).

[198] ЛПС. С. 85; ПСРЛ. Т. II. Стб. 597.

[199] ПСРЛ. Т. XXV. С. 87 (1177 г.). Иное видим, когда позднее на Липице победу одержал ростовский князь Константин: он «одари князи и бояре многими дары, а володимерци води ко кресту» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 114, 1216 г.). Права их тогда могли быть урезаны, т. к. город был настолько ослаблен, что не имел сил для защиты укрывшегося в нем князя Юрия.

[200] ЛПС. С. 88.

Старая Правда юридически, может быть, и верна, но она противоречит жизни, Правде божьей, по которой со времен Андрея Боголюбского г. Владимир, вместе с его епископией, не может быть подвластен Ростову[201]. Из этого следует, что известие о вечевых порядках как таковое не может быть поставлено под сомнение[202], другое дело, какова их классовая природа. Эти порядки были повсюду на Руси и, вероятно, подобным же образом уточнялись.

Например, Псков после событий 1136 г. отбил попытку Новгорода сделать его рядовым пригородом. Насколько можно судить, Псков признал верховенство Новгорода и призываемых им князей, но получил права «стольного» города, самостоятельно заключающего ряд с назначаемым ему князем наместником. Развитие боярского сепаратизма привело его к попытке полностью обособиться в 1228 г.; освобождение Пскова от немецких рыцарей войсками Александра Невского вызвало новый «ряд», отраженный в Псковской судной грамоте. В частности, этот князь восстановил уничтоженный немцами старинный суд «братчин», т. е. право юрисдикции ремесленно-купеческих объединений[203].

Вероятно, подобные же противоречия возникали в Галицко-Волынской земле, по мере того как столица перемещалась из Перемышля в Галич, а оттуда — в Холм и Львов.

Особенно примечательны события, происшедшие во Владимиро-Суздальской земле после победы владимирско-переяславской группировки. Феодальная война была очень ожесточенной: ростовское крамольное боярство не ожидало пощады. Поэтому, когда Всеволод предлагал Мстиславу Ростиславичу поделить землю: тому — Ростов, себе — Владимир, а Суздаль «нам буди обеч, кого восхотять, то им буди князь», ростовское боярство отвергло эту идею и при-

---

[201] Защищая свободу Владимира от посягательств ростовских бояр, летописец одновременно отстаивает права владимирского князя и бояр на Новгород, хотя формально новгородцы «издавна свобожены суть» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 81; ср.: С. 82 — московскую приписку, трактующую коммунальный строй как «обычай окаянных смердов изменников»). То, что во времена Олега черниговского и Владимира Мономаха считалось одиозным, стало официальной политикой.

[202] Ср.: ЛПС. С. 87–88, где уже говорится, что г. Владимир был построен «преже», Владимиром I, и что «новые же люди мезинии», владимирцы и переяславцы, боролись за правое дело.

[203] См.: Псковская судная грамота. СПб., 1914 (статьи 109–110); *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 436 и сл.; *Рыбаков Б.А.* Ремесло древней Руси. М.; Л., 1948. С. 764; ПРП. Вып. 2. С. 328.

грозило своему князю: «аще ты мир даси ему, но мы не дадим». И князь продолжал борьбу до полного поражения. Ход событий очень напоминает несколько позднее пережитое Галицко-Волынской Русью, где на стороне князей Даниила и Василько были свободные города.

Когда Ростиславичи были разбиты, князья и бояре попали в плен. Имущество части крамольных бояр было начисто разграблено и роздано вассалам Всеволода; самих бояр он «овых казни, овых же, пожаловав, отпусти». Князья Мстислав Ростиславич, а также Глеб и Роман были доставлены во Владимир. Тогда здесь произошло нечто подобное киевским событиям. На третий день «бысть мятеж велик», «въста бо весь град». Но примечательно, что в летописях отмечены те, кто вызвал это восстание и собирался использовать в своих политических целях: «въсташа бояре и купци»[204]. Они говорили князю: «Княже, мы тобе добра хочемь, за тя головы свои съкладываемь. Ныне вороты свои держишь просты; а се ворози твои и наши — сужьдальци и ростовци, а казни их, любо слепи, аль дай нам». Князь на это не пошел, тогда был поднят народ. Народ с криками устремился на княжой двор, требуя убить, ослепить или выдать на расправу князей, причинивших столько горя владимирцам «продажами и вирами»[205]. Однако Всеволод не хотел «сего створити», а велел посадить князей в поруб, «людей деля, дабы уставился мятежь»; тогда же, видимо, под давлением горожан он вытребовал из Рязани оставшегося на свободе Ярополка и тоже заключил его в поруб.

Уловка не удалась, и «въсташа второе людие вси». Во владимирской летописи читаем: «всташа опять людье вси и бояре» (в Радзивилловской: «людье, бояре и вси велможи и до купець»)[206]. На княжеский двор нагрянуло «многое их множество в оружии» с криками: «Что сих додержати, хощем их слепити». Всеволод был против, но «не могшу ему удержать людий множества». Восставшие разметали поруб и ослепили князей Мстислава и Ярополка; о Глебе глу-

[204] ПСРЛ. Т. II. Стб. 605; ср.: ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 385 и ЛПС. С. 91 (1177 г.).

[205] ПСРЛ. Т. II. Стб. 598.

[206] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 385. См.: *Пашуто В.Т.* О мнимой соборности древней Руси // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962. С. 200 и сл. Сходные выводы см.: *Насонов А.Н.* Малоисследованные вопросы Ростово-Суздальского летописания XII века // Проблемы источниковедения. М., 1962. Вып. X. С. 388 и сл.; там же см. тонкое наблюдение о боярской идеологии ростовского летописания (С. 362–363).

хо сказано, что он «ту умре»[207], а Романа Глебовича удалось спасти (его «одва выстояша»)[208]. Приведенные факты позволяют заключить, что в этом восстании гнев владимирской бедноты, пережившей все тяготы войны, был искусно направлен местной знатью города против ее политических врагов. Объективно это народное выступление содействовало политической консолидации княжества.

Итак, оба случая нарушения поряда — в Киеве и во Владимире — кончились гибелью князей-нарушителей. Подобные же события произошли в 1211 г. и в Галиче, где черниговские князья нарушили ряд и казнили несколько сот местных бояр, захватили и роздали своим вассалам их имущество. За это князья поплатились жизнью: восстановив на престоле князя Даниила галицкие бояре повесили нарушителей ряда[209].

Можно взять и новгородские договоры с «низовскими» и литовскими князьями, поддаются восстановлению и ранние полоцкие (и витебские) грамоты такого рода. Ясно видна их главная цель — энергичная защита иммунитетных прав местных феодалов[210].

Бесспорные данные документов могут быть подкреплены уцелевшими в летописях сведениями о содержании тех Правд, на защиту которых выступало вече. Однако эти сведения можно использовать, лишь подчеркнув их условность. Они хронологически разнородны и относятся к разным городам (Киеву, Владимиру, Пскову, Новгороду, Галичу). Кроме того, они воссоздают лишь формальное содержание ряда, фактическое выполнение которого, как мы старались показать, зависело от множества факторов экономического и политического характера.

Тем не менее, из них узнаем следующее: а) князь владел свободным («мы есмь волная», — говорили владимирцы[211]) городом пожизненно («до живота»)[212] и не мог передавать его по наследству, завещать без согласования с городским советом; б) князь не всегда мог править городом через посредство вассала[213]; в) князь имел

---

[207] ПСРЛ. Т. XXV. С. 88–89.

[208] ПСРЛ. Т. II. Стб. 606. В ЛПС. С. 91 (1177 г.) известие искажено с целью оправдания Всеволода (см.: *Приселков М.Д.* История русского летописания. С. 65, 85).

[209] См.: *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 139, 198.

[210] См.: *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. С. 320.

[211] ПСРЛ. Т. II. Стб. 599.

[212] Киев — ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 342; ЛПС. С. 70 (1154 г.).

[213] Псков — ПСРЛ. Т. II. Стб. 608 (1178 г.).

право суда, но личного и по Правде[214], на городскую волость его судебная власть могла и не распространяться («судей по волости не слати»)[215]; г) представители городского самоуправления — посадники, тысяцкие, сотские, — там, где оно было выборным, не могли быть лишены князем должности без предъявления им вины («без вины мужа не лишити»)[216]; д) князь не должен был казнить мужа, «не испытав»[217]; е) князь не должен был посягать на владения, подвластные городскому самоуправлению, захватывать пригороды, земли, дани с них, вымогать деньги, обирать сверх нормы Правды бояр, купцов, смердов, вообще население[218]; ж) наконец, главное — князь должен был укрепить город, дав ему свою «засаду»[219], и защищать его (с волостью) территориальную неприкосновенность.

Князь, нарушивший ряд, мог быть лишен стола в законном порядке. При отказе оставить стол выступало городское ополчение, действия которого неоднократно сопровождались разгромом княжого двора и имущества его дружины — «засады». Если князь, оставив город, пытался вернуться в него с помощью вооруженной силы, то городская знать собирала, помимо ополчения горожан, также волостное войско и подчиненные неславянские контингенты (черных клобуков, карел и др.). Наличие среди правящей знати всех крупных городов феодалов и купцов, экономически и политически связанных с различными князьями, вызывало (несмотря на формальное признание за жителями вольного города права искать князя, «где им любо»[220]), особенно в моменты смены князей, острые противоречия внутри города, зачастую перераставшие во взаимные военные и экономические репрессии враждебных друг другу группировок. Нередко создавались условия и для открытого социального протеста, для городских народных восстаний.

Города боролись за полный судебный и податной иммунитет. Иммунитет в древней Руси достаточно не изучен[221], а между тем он ва-

[214] Киев — Там же. Стб. 207–208 (1093 г.).

[215] Новгород — НПЛ. С. 67 (1228 г.).

[216] Новгород — Там же. С. 59 (1218 г.).

[217] Киев — ПВЛ. Ч. 1. С. 116; ср.: С. 87 (1069 г.).

[218] Новгород — НПЛ. С. 89 (1270 г.), 67 (1228 г.); Киев — ПСРЛ. Т. XXV. С. 83 (1175 г.).

[219] ПСРЛ. Т. II. Стб. 246, 717, 928.

[220] НПЛ. С. 43 (1196 г.).

[221] Верную постановку вопроса об иммунитете см.: *Тихомиров Б.* О генезисе и характере иммунитета в феодальной Руси // Историк-марксист. 1936. № 3. С. 3–25.

жен для понимания истории классовой борьбы. Ясно, что его объем зависел от размера собственности сельских и городских феодалов и размаха классовой борьбы. Расширение иммунитетных прав в немалой степени определялось успехом местных феодалов в подавлении сопротивления угнетенных. Классовая борьба обусловливала и специфику норм эксплуатации и формы политического строя в разных частях Руси.

Важно отметить, что существование рядов — бесспорное свидетельство признания верховной государственной властью за вольными городами прав собственности: городские советы (в затруднительных случаях использующие поддержку той или иной части горожан) выступали как корпорация сеньоров с присущим ей коллективным правом на иммунитет. Разумеется, это право было неполным и, в зависимости от размера и структуры собственности и политического положения города, очень разнообразным, но в целом тогдашний город содействовал укреплению феодального общественного строя, составной частью которого он являлся.

Никаких норм, защищающих народоправство в смысле свободы крестьян от феодальной эксплуатации, а лично свободных городских «меньших» людей — от поборов и повинностей, ни в летописных известиях о рядах, ни в дошедших договорных и судебных грамотах Новгорода, Пскова и Полоцка нет.

Нет, следовательно, оснований считать вече формой «непосредственной демократии»[222] — собранием всех свободных жителей города и пригородов. Так думал полвека назад М. Дьяконов, так думает и теперь Г. Вернадский[223], который исходит из ложной посылки, будто совет был для боярства тем же, чем вече — для народа. Мы видели, что дело обстояло иначе: совет был органом классового господства феодалов, а вече не являлось органом народовластия. Принимая во внимание общеизвестную налаженность органов власти и управления, существование народных собраний представляется особенно невероятным.

---

[222] Как писал М. Дьяконов, вече «есть форма непосредственного участия народа в обсуждении и решении дел, а не через представителей» (*Дьяконов М.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1910. С. 127).

[223] *Vernadsky G.* Kievan Russia. New Haven, 1953. P. 187. Повторение тех же идей находим и в работах менее известных историков. См., например: *Kovalevsky P.* Manuel d'histoire Russe. P., 1948. P. 53–56; ср.: *Пушкарев С.Г.* Обзор русской истории. Нью-Йорк, 1953. С. 59, 61, 75.

Вече — это совещание горожан. Видов таких совещаний отдельных групп горожан могло быть много. Но руководящей политической силой в вольных городах являлась знать — бояре и богатые купцы. Источники в тех случаях, когда они содержат конкретный материал о деятельности веча: в Киеве — в 1068 и 1146–1147 гг., в суздальском Владимире — в 1175–1176 гг., в волынском Владимире — в 1287 г., в Новгороде — неоднократно, позволяют видеть в вече институт, подчиненный феодалам. Примечательно, что холопы к участию в нем не допускались; оно функционировало в рамках феодального закона («Русской Правды») при наличии экономической власти в руках князя, бояр, духовенства и купцов.

На вече влияло постоянное пребывание в городе боярской «чади» (дружин) и почти постоянное — вооруженной княжеской «засады» (дворян). С него не спускала глаз церковь, представители которой входили в совет и располагали внушительной силой городских монастырей. Имел место и подкуп плебса, который за скромные доходы от участия в разгроме нескольких богатых имений не раз служил интересам борющихся групп феодалов.

В юридических актах вече иногда выступало как высший орган города и волости и говорило от имени «всех людей». Но так говорили и князья в договорах с Византией, а ведь никто не скажет на этом основании, что договоры утверждало народное собрание.

ПОДРУЧНИЧЕСТВО И КОРМЛЕНИЕ

В вассалитете мы видим политическую форму, политическую и военную иерархию, соответствующую расчлененному характеру феодальной собственности на землю: иерархию, связанную с системой вооруженных дружин, при которой высшая военная и судебная власть принадлежит собственникам земли, а не крестьянству; ассоциацию привилегированных монопольных земельных собственников, классово противостоящую угнетенному ими крестьянству; короче говоря — одно из средств внеэкономического принуждения[224].

[224] Подробнее см.: *Черепнин Л.В.* Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.) // ВИ. 1953. № 4. С. 38–63; *Данилова Л.В., Пашуто В.Т.* Товарное производство на Руси (до XVII в.) // ВИ. 1954. № 1. С. 117–136. Следует пожалеть, что наши историки, посвятив немало работ собственности и обмену, до сих пор не дали сводного анализа проблемы распределения.

Здесь мы будем заниматься преимущественно одной стороной этого института — формами регулирования внутренних противоречий, возникавших среди феодалов в ходе их борьбы за землю, за ренту, за иммунитет.

Вопрос о вассалитете подразделяется буржуазными учеными на два: один касается времени появления на Руси политической структуры на смену генеалогической (по Г. Вернадскому — середина XII в.[225]), другой — наличия связи между «вещным правом на землю и обязанностью службы» (по Г. Вернадскому — не было нигде, кроме Галичины XIII в.[226], по П.Б. Струве — вовсе не было[227]). В досоветской историографии эти взгляды оспаривал с буржуазных же позиций Н.П. Павлов-Сильванский. Назвав свою работу «Феодализм в древней Руси»[228], он, однако, почти не использовал материал ранних источников, который мы ниже приведем. Парадоксально, что часть этого материала была собрана отрицавшей «феодализм» юридической школой русских историков[229]. Не попал он и в поле зрения советской науки, давшей принципиально новую трактовку классовой сущности вассалитета[230].

Признаком политической структуры Г. Вернадский считает подручничество. Подручниками называли тех, кто получал в держание (кормление) города и волости. Факты такого рода многочисленны и появляются задолго до середины XII в.

Владимир I, выбрав из варягов «мужи добры смыслены», «раздая им грады»[231]; Болеслав, вступив в Киев, просит Святополка: «роз-ведете дружину мою по городам на покоръм»[232], Изяслав, придя в Киев с польской дружиной, «распуща ляхы на покори»[233]; Всеволод Ярославич, досаждаемый вассалами («сыновцами»), которые «хотя-

---

[225] *Vernadsky G.* Kievan Russia. P. 184.

[226] Ibid. P. 185.

[227] *Струве П.Б.* Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего времени, в связи с развитием русской культуры и ростом Российской государственности. Париж, 1952. С. 228.

[228] *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в древней Руси. М.; Пгр., 1923.

[229] См., например: *Сергеевич В.* Русские юридические древности. СПб., 1900. Т. II. С. 135, 164, 169 и др.

[230] *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 329–343.

[231] ПВЛ. Ч. 1. С. 56 (980 г.).

[232] Там же. С. 97 (1018 г.).

[233] Там же. С. 116 (1069 г.).

ще властие (т. е. волостей. — *В.П.*) ов сея, ов же другое», смирял их тем, что «раздавайте волосте»[234]; Мстислав Владимирович, доверившись черниговскому Олегу, «распусти дружину по селом»[235]. Налицо факты кормления дружины — вассалов и подвассалов.

Кормление и есть подручничество. Получив на снеме 1096 г. Теребовль от Святополка, князь Василько стал его вассалом-подручником, «ходя в руку его»[236]. Но это и кормление, ибо позднее, оставляя Володарю Перемышль, князья-сюзерены говорили: «Пусти Василка семо, ать его кормим зде»[237]. Кормления шли и боярству[238]. Эта форма жила непрерывно[239].

Перечисленные раздачи кормлений подручникам и держателям ничем не отличаются от подобных же актов (признаваемых Г. Вернадским феодальными) князя Даниила и его преемников[240]. Своеобразной формой вассалитета В.К. Гарданов считает кормильство[241].

Кормление имело видимо, два значения — дохода с административной службы и с земли. С утверждением собственнических прав местных княжеских фамилий (1097 г.) обе формы кормлений все шире распространяются на боярство, одновременно приобретая наследственный характер[242].

---

[234] ПСРЛ. Т. II. Стб. 208 (1093 г.).

[235] Там же. Стб. 229 (1097 г.).

[236] Там же. Стб. 232.

[237] Там же. Стб. 250. Ср. в письме Мономаха, что Мстислав с братом сидели в Ростове, «хлеб едучи деден» (ПВЛ. Ч. 1. С. 165; Ч. 2. С. 457).

[238] Ср.: «Галицкие мужи»-бояре отмечали, что Владимирко их «кормил и любил» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 466 (1153 г.)]; ср. князь Даниил «разда городы боярам и воеводам и бяше корма у них много» (Там же. Стб. 771).

[239] ПСРЛ. Т. II. Стб. 289 (1126 г.), 478 (1155 г.), 408 (1150 г.).

[240] *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 138–140, 146–147. Отличный материал о подручничестве-вассалитете см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 906–908 (1287 г.).

[241] *Гарданов В.К.* Кормильство в древней Руси // СЭ. Т. 6. 1959. С. 57; *Он же.* О «кормилице» и «кормиличиче» Краткой редакции Русской Правды // КСИЭ. 1960. Вып. 35. С. 38–48; *Он же.* «Дядьки» древней Руси // ИЗ. 1961. Т. 71. С. 236–250. О кормильцах см. также: ПСРЛ. Т. II. Стб. 546 (1171 г.), 609 (1179 г. — Борис Захарьич назначен кормильцем по духовной Мстислава Ростиславича: «Се приказываю детя свое Володимера Борисови Захарьичю и с сим даю братоу Рюрикови и Давыдови с волостью на роуце, а что о мне, Бог промыслить»). Ср.: *Пресняков А.Е.* Княжое право в древней Руси. СПб., 1909. С. 234–238. Насколько устойчивы были пережитки патриархальщины в княжеской среде, см.: *Комарович В.Л.* Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. XVI. С. 84–104.

[242] Ср.: *Грушевський М.С.* Історія України — Руси. Львів, 1905. Т. III. С. 309 и сл.

Вассальная служба была организована по нормам закона — Правды, согласно которой все категории вассалов — братья, сыновья, сыновцы, будь они ротники или подручники, — знали свое место в феодальной иерархии. Вассалитет пронизан духом наследственной собственности, хотя и опутан патриархальной терминологией. Нормальной формой преемственности и сюзеренных и вассальных прав по нормам Правды считалось наследование братьев, которые и согласно правам местничества считались знатнее и старше сыновей; впрочем, с этим правом, как мы видели, не считались вольные города.

МЕСТНИЧЕСТВО

Считается, что местничество сложилось в пору образования централизованного государства[243]. Но оно бесспорно существовало и пронизывало княжеско-боярскую жизнь в древней Руси. Г. Штёкль, повторяя П.Б. Струве, пишет: «Не существовало правовой формы непосредственной связи между пожалованием земли и передачей власти на одной или нескольких ступенях, поэтому не приходится говорить о феодальной системе»[244]. На самом деле все тяжбы князей как раз и происходили из-за реального объема власти, зависевшей от размера пожалованной земли. О том же свидетельствует и местничество.

Вассал имел различные права, он мог рассчитывать на защиту сюзерена при угрозе нападения врагов, на соблюдение своих местнических прав, на гарантию от опалы без вины, наконец, на личный суд. Когда рязанские Глебовичи пожаловались Всеволоду («ты, господин и отець нашь, разсуди межи нами») на своего брата Романа, который вопреки праву «уемает волости» у них, то сюзерен тотчас же перераспределил волости «по старейшиньству»[245]. Формулы родства и старейшинства, упоминаемые в постоянных спорах князей из-за столов, скрывали и такой элемент вассалитета, как местничество. Можно проследить появление соответствующих терминов.

---

[243] См. очень интересную работу: *Василевская Е.А.* Терминология местничества и родства // Тр. Московского гос. историко-архивного института. М., 1946. Т. 2. С. 155 и сл.

[244] *Stökl G.* Russische Geschichte von Anfängen bis Gegenwart. Stuttgart, 1962. S. 70–71.

[245] ПСРЛ. Т. XXV. С. 89; ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 387–388 (1180 г.).

Когда в середине XII в. Вячеслав и Изяслав делили власть в Киеве, они постоянно подчеркивали и свое местническое равенство. Вячеслав предлагал: «Будеве оба в Киеве, аче нам будет который ряд или христианых или поганых, а идеве оба по месту»; в своем ответе Изяслав подтвердил согласие с этим принципом: «Отче, кланяю ти ся, како есве рекла, тако же нам и дай бог быти по месту, доколе же и жива будеве». Они действительно так и правили: послов в Венгрию, например, отправили, «оба скупившася по месту»[246]; в письме Вячеслава к смоленскому Ростиславу Мстиславичу тоже говорилось: «Се, брате, бог съвокупил нас по месту с твоим братом, а с моим сыном Изяславом»; Вячеслав звал князя приехать, «ать вся по месту видим, што ны бог явить»[247].

Можно предположить, что и термин «поместье» возник уже в эту пору, означая распределение ленов по иерархии либо миром, либо как «мироположение в волостех»[248]. При нарушении законных прав на наделы обиженные роптали, как, например, черниговские князья на Всеволода Ольговича, «оже любовь имееть с Мьстиславичи, с шюрьями своими, а с нашими ворогы и осажалъся ими около, а нам на безголовие и безъместье»[249]. Но князь отверг их домогательства. Были и другие князья, которые считали, что «не идет место к голове, но голова — к месту»[250]. На практике бывало, конечно, иначе.

Решения о распределении ленов принимались на снемах, где все собирались «по месту», т. е., видимо, строго соблюдая иерархию. Когда Изяслав Мстиславич, Юрий Долгорукий и все князья съехались в Пересопницу ко двору Вячеслава на снем, то «седшим им на едином месте и уладишася, где что свое познавше лицем имати». «Лицем» — значит по нормам Правды[251].

Если мы признаем, что «осадиться» вассалами, получающими «места», значит обеспечить себя «головами», т. е. дружиной, то понятнее будет нам и формула, когда князь ставит вассала командо-

[246] ПСРЛ. Т. II. Стб. 420 (1151 г.).

[247] Там же. Стб. 422 (1151 г.). Ср. требование, обращенное к Владимиру Володаревичу: «Изяслава ти ся не отлучати до живота своего, доколе же еси жив, но с ним ти быти на всих местех» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 453–454); Изяслав с венгерским королем «съехавшаяся по месту» (Стб. 454).

[248] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 420 (1205 г.).

[249] ПСРЛ. Т. II. Стб. 313 (1142 г.).

[250] Там же. Стб. 442 (1151 г.).

[251] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 326 (1149 г.).

вать ратью «в себе место»[252], т. е. с сохранением своих местнических прав, старейшинства и т. п.

Можно видеть, что местнический принцип действовал и в организации войск, как, вероятно, и в других органах власти и управления, почему летописцами и брались на заметку боярские выходцы от «племени смердья»[253], из поповичей[254] и т. п. и отмечались неосновательные попытки превратить дворян-отроков в бояр. Вот характерный пример. Когда бояре не поддержали намерение князя Владимира Мстиславича в тайном сговоре с торками изменить Изяславу, он легкомысленно заявил, что превратит своих детских — младшую дружину — в бояр: «а се будут мои бояре». Но тюрки не вняли такому словесному превращению и тотчас обнаружили обман — «ездиши один и без мужий своих, а нас перельстив» — и сделали вывод: «а нам лучьше в чюжю голову, нежели в свою», и обстреляли его отряд[255]. Принцип старейшинства-местничества действовал при распределении волостей среди князей и бояр[256].

Как применялось местничество в войске, видно из описания похода на половцев. Среди участников был известный воитель переяславский князь Владимир Глебович; он попросил разрешения «ездити на переди полком своим», его просьбу поддержали другие князья — участники похода, они ему «дале бяхуть на переде ездити в Роуской земли», но князь Игорь Святославич «не да ему того»[257]. История повторилась и во время похода Святослава с Рюриком[258]. Чем кончилась попытка осуществить то, что позже называлось «безместьем», не знаем, однако ясно, что главную роль в определении воеводных мест играла родовая знатность. Где бы ни собирались феодалы — в тереме, в монастыре, в шатре, на конях в походе[259], — каждый из них занимал на совете место, соответствующее его реальному

---

[252] ПСРЛ. Т. II. Стб. 628 (1183 г.).

[253] ПСРЛ. Т. II. Стб. 790.

[254] Там же. Стб. 789 (боярин Доброслав Судьич — «попов внук»; ср.: *Василевская Е.А.* Терминология местничества и родства. С. 174 («псарев внук» и т. п.); наряду с этим фиксировалось и родовитое боярство: Мирослав, Хилич внук — Там же. Стб. 325 (1146 г.); Ивор Гюргевич, Мирославль внук — Там же. Стб. 327 (1146 г.); Ольстин Олексич, Прохоров внук — Там же. Стб. 638 (1185 г.).

[255] Там же. Стб. 536 (1169 г.).

[256] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 388 (1180 г.); ПСРЛ. Т. II. Стб. 790.

[257] ПСРЛ. Т. II. Стб. 628 (1183 г.).

[258] Там же. Стб. 652 (1187 г.).

[259] Там же. Стб. 318, 413, 447.

положению в вассальной иерархии. Должны были существовать и родословцы. Местничество среди феодалов вытекало и из тех различий в их среде, которые отражены в юридических памятниках (Русской Правде, договорах и т. п.).

Приведенный материал, думается, дает основание изучать историю местничества, как, впрочем, и других институтов вассалитета, начиная с древнерусских времен. Местничество — одно из проявлений иммунитета, защиты феодалом служебных прав и доходов от собратьев по классу.

Нарушение вассального права в княжеской среде было чревато конфликтами. Когда черниговский Всеволод Ольгович завладел Киевской землей, он посадил сына в Турове, а сыновца — во Владимире-Волынском, а также попытался удержать за собой и землю «Вятичь», т. е. Чернигов и Новгород-Северский. Он немедленно встретил сопротивление своих братьев, которых думал наделить меньшими центрами во вновь полученных владениях: «Бысть братьи его тяжко-сердце... волости бо даеть сынови, а братьи не надели ничим же».

Подобное стремление сюзеренов к прямому наследованию и к единодержавию в ту пору осуждалось вассалами как самовластье. Святослав старался избежать конфликта: он «позва» своих братьев в Киев. Они съехались и расположились — Святослав, Владимир и Изяслав — в Ольжичах, а Игорь — у Городца. Снесясь между собой, князья установили, что их новый сюзерен («брат старейший») дает им лишь по «русскоземельному» городу (Берестье, Дорогичин, Черторыйск, Клеческ) в Туровской и Волынской землях, а «от отчины своея не дасть Вятичь». Взбунтовавшиеся вассалы не явились к князю на обед, велев ему передать: «Се в Киеве седиши, а мы просим оу тобе Черниговьской и Новгородской волости, а Киевское не хочем».

Князь вел с ними торг, а они угрожали бунтом: «Ты нам брат старейший, аже ны не даси, а нам самем о собе поискати»[260]. Князь согласился заменить Черторыйск двумя городами — Рогачевым и Городцом. На том и сошлись: вассалы «сташа на воли его» и прибыли в Киев «вси на едино место». Впрочем, торг на этом не кончился[261].

---

[260] ПСРЛ. Т. II. Стб. 311 (1142 т.); ср. другой пример, когда вассал решается «припрашивати» волость: Там же. Стб. 543 (1171 г.).

[261] Там же. Стб. 312.

О наследственной структуре вассалитета есть и другие вполне ясные свидетельства. Когда во Вщиже умер Святослав Владимирович, то князь Олег настаивал, чтобы Святослав Всеволодович отвел ему долю оставшегося владения: «Олег бо просяше в Правду наделенья». Но тот «не пода ему, но вда брату своему лепшюю волость, а сына посади в Вщижи». Иначе отнесся к этому делу князь Ростислав. Он «оусмотрив Правду», т. е. изучил документы и закон, убедился, что Святослав «обидить Ольга, тем же нача помагати» ему и неоднократно писал Святославу, «веля ему оу Правду наделите» Олега[262]. Распря привела к войне, в результате которой Святослав «да Олгови 4 городы и хрест целоваста»[263].

Вассал мог требовать надела по наследственному праву, по своему старейшинству, местническому превосходству над другими претендентами. А в трудную для сюзерена минуту вассал мог и набить себе цену, настаивать на новых пожалованиях. Когда Игорь Ольгович послал к своим братьям Владимиру и Изяславу с вопросом: «стоита ли, братя оу мене оу хрестьном целовании?», то «она же и въспросиста оу него волостий много. Игорь же има вда и повеле има ити к собе; она же поидоста»[264].

Получая надел по закону, вассал по Правде же должен был нести службу сюзерену («отцу», «брату старейшему»). Когда битый поляками волынский князь Роман Мстиславич обратился за помощью к своему тестю киевскому Рюрику, тот, посоветовавшись с мужами, решил: «Аже ми ся оуже молить и кается о своей вине всей, то яз его приму и ко кресту вожу и наделок ему даю (пренебрежительный тон понятен в княжеском летописце), да же в томь устоить и отцемь мя имети почнеть во Правду и добра моего хотети, то яз и сыном имею собе, якоже и первое имел есмь ею и добра ему хотел»[265].

Можно было стать вассалом по наследству, а можно и по выслуге. Остфоршер — историк права Л. Шульц утверждает, что на Руси отсутствовали два существенных признака феодализма: во-первых, князья не распределяли земельных владений в качестве возмещения за оказанную службу; во-вторых, служебные должности были не наследственными, а временными[266]. Источники свидетельствуют

[262] Там же. Стб. 525 (1167 г.).
[263] Там же. Стб. 526.
[264] Там же. Стб. 324 (1146 г.).
[265] Там же. Стб. 688 (1195 г.).
[266] *Schultz L.* Russische Rechtsgeschichte. Lahr, 1951. S. 32.

о другом. Ростислав Мстиславич дал Святославу Всеволодовичу Туров и Пинск, пояснив: «Се ти даю... про то, оже еси приехал к отцу моему Вячеславу и волости ми еси сблюл, то про то наделяю тя волостию». Святослав поклонился «и прия с радостью»[267].

Споры о наделах предполагают отличную осведомленность вассалов об экономической ценности и политической значимости того или иного податного и военного центра. Волынский Роман Мстиславич как-то сказал своему тестю Рюрику: «Отче, то ци про мене тобе не жити с сватом своим (речь идет о Всеволоде Юрьевиче, который за свое участие в обороне южной Руси потребовал от Рюрика земли, уже отданные им зятю. — *В.П.*) и в любовь не внити, а мне любо иноую волость в тое место даси, либо коунами даси за нее, во что боудеть была»[268]. Эта денежная оценка стоимости земли (видимо, включавшей сумму налогов и ренты за определенный срок) — дело не новое. Вспомним, что на княжеском съезде в Уветичах, где происходил суд над Давыдом Игоревичем, у него отобрали Владимир-Волынский, дав взамен четыре города и 400 гривен[269]. Земли подлежали тщательному учету[270]. Всеволод Юрьевич, отвергнув митрополичьего кандидата в епископы Микулу, «повеле [ему] описывати земли Ростовскиа»[271]. Земли продавались и покупались: смоленский епископ Игнатий, желая соорудить церковь в конце XII в. и зная, что «есть въне града и таково суще место близь и равьно, угодно на поставьление церкве и вся могуще въсприяти ряд монастыреск и скупи ограды овощныя окрест его и постави церквицю»[272].

Вассалы — и князья, и бояре, и дворяне — дружинники несли службу с земли. Численность княжой дружины зависела от экономических возможностей князя, от размеров его земли, шедшей в раздачу служилым вассалам. Так можно понять и свидетельство

---

[267] ПСРЛ. Т. II. Стб. 471 (1154 г.).

[268] Там же. Стб. 684–685 (1195 г.); ср.: ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. С. 140 (1196 г.: «или цену во что судна»).

[269] ПВЛ. Ч. 1. С. 181 (1100 г.).

[270] Смоленско–новгородский князь Мстислав Ростиславич, предпринимая в 1178 г. поход на Полоцк, ссылался на то, что тамошний князь в 1067 г. захватил один новгородский погост (ПСРЛ. Т. II. Стб. 608).

[271] ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. С. 135.

[272] Житие Авраамия смоленского // Памятники древнерусской литературы / Изд. *С.П. Розанов*. СПб., 1912. Вып. I. С. 18. Владимир Василькович купил село Березовичи у Федорка, дав за него 50 гривен кун, 5 локтей сукна (скарлата) и «броне дощатые» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 904, до 1287 г.).

летописи. Дружина советовала волынскому Изяславу Мстиславичу продвигаться туда, где сидели его служилые вассалы: «Будешь на Тетереви, а ту к тобе дружина твоя вси приедуть», до Белгорода «доидешн... а боле дружины к тобе приедеть»; советники основывались на том, что по Тетереву сидело «многое множество» дружинников[273].

Усложнение структуры земельной собственности затемнило содержание генеалогических терминов родства «единого деда» внуков, которым «отчины в оугрех нетуть, ни в ляхах», а «токмо в Русской земли»[274], превратив их в юридическую форму вассалитета. Это затруднило и запутало приспосабливание к новым условиям политически раздробленного государства древних норм семейного наследственного права, ранее действовавших в едином домене «Русской земли».

Вассальные отношения между князьями оформлялись договорами — «рядами». Форм этих рядов, видимо, существовало множество, и можно только пожалеть о гибели несчетного количества договорных грамот, которые едва ли были беднее социально-экономическим материалом, чем дошедшие новгородские соглашения с князьями.

Одно из значений ряда — это договор между князьями о распределении ленов[275] или добычи в зависимости от того, «кто како страдал за Русскую землю»[276].

Договоры заключались на съездах князей, представителей вольных городов и т. п. Они были письменными и скреплялись крестоцелованием. Здесь существовали устойчивые формы внутренней дипломатии, отраженные в посольском церемониале[277]. Связь поддерживалась через послов, которые осуществляли крестоцелование[278], представительствовали вместо своих князей и, может быть, наряду с ними[279] и т. п. Лены были юридически пожизненными.

---

[273] ПСРЛ. Т. II. Стб. 412–413 (1150 г.).

[274] Там же. Стб. 405 (1150 г.).

[275] ПСРЛ. Т. XXV. С. 32 (1132 г.: князь «урядил» с братом, дав ему Переяславль), С. 59 (1154 г.: «ряд вси починим»), 115 (1217 г.: рязанские князья собрались «поряд положити межи собе»).

[276] Там же. С. 101 (1203 г.).

[277] *Лихачев Д.С.* Русский посольский обычай XI–XIII вв. // ИЗ. 1946. Т. 13. С. 42–55.

[278] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 420 (1204 г.).

[279] Там же. Стб. 422 (1206 г.: когда Всеволод отправлял сына в Новгород, присутствовали его братья, бояре, купцы «и вси посли братья его»).

ОБЯЗАННОСТИ ВАССАЛА

Характеризуя обязанности вассала, следует прежде всего назвать военную службу подле стремени сюзерена. Рязанские Глебовичи писали Всеволоду: «Ты отець, ты господин, ты брат. Где твоя обида будеть, мы переже тобе главы свои сложим за тя»[280]. На деле подчинение рязанских вассалов оказалось хлопотным и до конца неудавшимся. Когда волынский Изяслав Мстиславич занял Киев, то отправил черниговского Игоря в поруб, а Святослава «поча» «водити подле себе»[281].

Нельзя видеть в юридических институтах лишь форму, надо стараться постичь очень сложное, многообразное содержание, скрытое за формулами вассалитета. После смерти галицкого Владимира его сын Ярослав, чтобы избежать войны, тоже признал себя вассалом Изяслава, но сопроводил это признание такими намеками, которые делали его покорность призрачной. Он писал: «Бог отца моего взял, а ты ми буди в отца место; а ты ся с моим отцем сам ведал, что межи вама было, а то оуже бог осудил; аже бог отца моего взял, а мене бог на его месте оставил, а полк его и дружина его оу мене суть, разве едино копье поставлено оу гроба его, а и то в руку моею есть. Ныне, отче, кланяю ти ся, прими мя, яко сына своего Мьстислава, такоже и мене; ать ездить Мъстислав подле твой стремень по одиной стороне тебе, а я — по другой стороне подле твой стремен еждю с всеми своими полкы»[282]. При своей силе галицкий Ярослав недолго был вассалом волынского князя.

Вассалы выторговывали себе не только более доходные наделы, но, спекулируя на трудностях сюзерена, всегда были готовы к бунту против него. Когда Изяслав Мстиславич завладел Киевом, прогнав Святослава Ольговича и заточив Игоря Ольговича, то другие черниговские князья Владимир, Изяслав и Святослав Давыдовичи, получив от нового сюзерена земли изгнанных, признали его власть «до живота своего». Но эта власть была им тяжела, и они, нарушив вассальную верность, вступили в тайный сговор с Юрием Долгоруким и беглым Святославом. Когда же Изяслав, получив от «приятелей» из Чернигова весть об этой измене, обличил их через посла, они «ничтоже могоша отвещати, толико съзрешася и долго молчавше». Лишь после

---

280 Там же. Стб. 403 (1186 г.); ср.: Стб. 387–388 (1180 г.).

281 ПСРЛ. Т. II. Стб. 327 (1146 г.).

282 Там же. Стб. 464–465 (1152 г.).

продолжительной думы они вручили ему ответ, из которого видно, сколь сложен был такой подневольный вассалитет, к тому же обеспеченный фактическим заложничеством их брата Игоря.

«Брате, — писали князья, — целовали есме крест к Святославу Ольговичу, жаль бо ны есть брата нашего держиши, Игоря, а он оуже чернець и схимник, а поусти брата нашего, а мы подле тебе ездим: тобе бы, брате, любо ли а быхом мы брата твоего держали?»[283] Форма заложничества практиковалась и в отношениях с вассальной иноязычной знатью.

Иногда под формами вассалитета скрывались, напротив, отношения равновластия. Киев, подобно Новгороду, Смоленску[284] и, вероятно, другим вольным городам, приспосабливаясь к обстановке политической раздробленности, умел держать сразу нескольких князей[285], позволяя им выступать в виде соправителей. Диархия была, впрочем, известна и Хазарии[286]. Так правили в Киеве Изяслав Мстиславич с Вячеславом Владимировичем. Первый несколько раз обманывал второго и, наконец, решил: «Отче, кланяю ти ся, аж ми бог отца моего Мстислава отнял, а ты ми еси отець, ныне кланяю ти; се съгрешил есмь и первое, а то ся каю, а изнова, коли ми бог дал победити Игоря у Кыева, а я есмь на тобе чести не положил, а потом коли у Тумаша. Ныне же, отче, того всего каюся пред Богом и пред тобою; оже ми, отче, того отдаси ты, то и Бог ми отдасть. Ныне же, отче, се даю ти Киев, поеди, сяди же на столе деда своего и отца своего»[287]. Следовательно, Изяслав, дав Киев Вячеславу, одновременно номинально признал его сюзереном.

Ответ Вячеслава вновь свидетельствует, что термины родства уже давно стали формой вассалитета. «Сыну, Бог ти помози», — писал старый Вячеслав, — оже на мене еси честь възложил, то аще бы ты и давно тако оучинил, то ци мене еси почестил? Бога еси почестил. Се аже дееши, ты мой еси отец (т. е. поскольку ты произносишь вассальную присягу. — *В.П.*), а ты мой сын, оу тебе отца нету, а оу мене сына нетуть, а ты же мой сын, ты же мой брат». Вячеслав,

---

[283] ПСРЛ. Т. II. Стб. 346.

[284] Так я понимаю и известие, восходящее к новгородскому своду XV в.: «и по сем разделиша Смоленск на три части» (Софийская I летопись под 1060 г.: ПВЛ. Ч. 2. С. 391).

[285] См.: *Пашуто В.Т.* О мнимой соборности древней Руси. С. 397.

[286] См.: *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 408 и сл.

[287] ПСРЛ. Т. II. Стб. 418 (1151 г.).

зная силу Изяслава, вполне здраво подчеркнул их юридическое равенство. На том князья «хрест честьный целоваста, яко не разлучитися има ни в добре, ни в зле, но по одному месту быти». Формула их местнического правового равенства имела под собой реальную основу, — и во внутреннем управлении землей и во внешней политике: в дипломатической переписке из Киева направлялись по две грамоты — от каждого из соправителей.

По смерти Изяслава (1154 г.) в такие же отношения встал к Вячеславу смоленский Ростислав Мстиславич, что видно из обращенных к нему слов старого князя[288].

В 80-х годах XII в. в Киеве установилась новая диархическая власть Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича, который, подобно Изяславу, «състоупися ... старешиньства и Киева, а собе взя всю Роускоую землю»[289]. Когда эти князья созвали снем о Галичине, то собрались с вассалами: «и бывшим им по местоу всим и рядяшимся».

Отмеченная форма вассалитета, конечно, далеко отстоит от подручничества, при котором сюзерен может свободно распоряжаться судьбой мелкого вассала, подчас стирая грань между ним и «простым» человеком. Когда Андрей Боголюбский, не рассчитав сил, вздумал помыкать смоленскими Ростиславичами, они напомнили ему: «Мы тя до сих мест, акы отца имели по любви (вар.: «тя нарекли есмы отцемь собе»), а еже еси с такими речьми прислал, не акы к князю, но акы к подручнику и просту человеку, а что оумыслил еси, а то деи, а Бог за всеми»[290].

Вассал — советник сюзерена. Великий князь Изяслав Мстиславич, чтобы решить вопрос о мире с Ольговичами, отправил мужей к смоленскому Ростиславу. Последний в своем ответе подчеркнул, что дает совет по поручению сюзерена: «Брате, кланяю ти ся. Ты еси мене стареи, а како ты вгадаеши, а яз в том готов есмь. Аже брате, на мне честь покладываешь, то яз бых, брате, тако рекл»[291]. Далее он рекомендует попытаться заключить мир.

Обязанный являться по вызову сюзерена вассал не мог делать это самовольно. Когда по смерти Изяслава Мстиславича на Днепр

---

[288] Там же. Стб. 470–471.

[289] Там же. Стб. 624 (1180 г.). Под властью Орды Киев был заменен Владимиром с подвластными ему городами, а понятие «Русская земля» перешло на Северо-Восточную Русь.

[290] Там же. Стб. 573 (1174 г.).

[291] Там же. Стб. 365 (1148 г.).

прибыл Изяслав Давыдович, то Вячеслав сказал ему: «Пошто еси приехал и кто тя позвал, еди у свой Чернигов»[292].

Вассальная присяга — устойчивая норма феодального права. Когда Изяслав и Вячеслав заключили союз, они утвердились крестоцелованием на том, что «Изяславу имети отцемь Вячеслава, а Вячеславу имети сыномь Изяслава»[293].

Понятно, что вассалитет давно вытеснил родство. Потерпев поражение, Глеб Юрьевич заявил Изяславу: «Яко мне Гюрги отець, тако мне и ты отець, а яз ти ся кланяю, ты ся с моим отцем сам ведаешь, а мене поусти к отцю»[294]. Т. е. младший вассал пояснил, что его будущее будет определено сюзереном-отцом.

Напротив, Ростислав, старший сын Юрия, поссорившись с отцом, пришел служить его врагу Изяславу потому, «оже ему отець волости не да». Он принес присягу новому сюзерену: «Отец мя переобидел и волости ми не дал и пришел есмь нарек Бога и тебе, зане ты еси старей нас въ Володимирих вноуцех, а за Рускую землю хочю страдати подле тебе ездити»[295]. Новый сюзерен дал ему три города (Божский, Межибожье и Котельницу).

Принимая пожалованье, вассал не только произносил присягу верности, но и кланялся («бил челом») сюзерену. Юрий Долгорукий «да» сыну Андрею три города, тот «поклонивъся отцю своему и шед» в Пересопницу[296]. Вассальные формулы были разнообразны: быть «за один», «во едино сердце», «за один брат», «за один муж» и т. п. Они перешли и в московскую юридическую практику[297]. Церемонию вассальной присяги, включая инвеституру мечом, прекрасно отражают древнерусские миниатюры[298].

Субвассалы не имели права принимать решений, подлежащих юрисдикции «старейших» (видимо, объем их прав был оговорен в недошедшей рыцарской Правде). Ростислав Рюрикович, сын киевского великого князя, однажды явно нарушил это право, когда решил по просьбе черных клобуков отправиться на половцев. При-

---

[292] Там же. Стб. 469 (1154 г.); ср.: ПВЛ. Ч. 1. С. 202 («когда тя позову»).

[293] ПСРЛ. Т. II. Стб. 399 (1150 г.).

[294] Там же. Стб. 395 (1150 г.).

[295] Там же. Стб. 366–367 (1148 г.).

[296] Там же. Стб. 404 (1150 г.); ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 403 («выбил челом»).

[297] *Сергеевич С.* Русские юридические древности. С. 169.

[298] *Арциховский А.В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 30–34, 36.

глашая в поход Ростислава Владимировича, он писал: «Брате, хотел бых ехати на вежа половечькия, а отци наши далече соуть, а иных старейших нет, а мы будеве за старейшая»[299]. Волынский боярин Мирослав самовольно вступил в соглашение с венграми, за что имел «порок... велик» от князей[300].

Два равных между собой сюзерена могли передавать друг другу своих вассалов. Святослав Ольгович просил Юрия Долгорукого помириться со своим вассалом: «веля ему прияти в любовь сьновца своего Всеволодича», суздальский князь послушал и «тому мир дасть»[301].

Сбросить власть сюзерена — снять старейшинство можно как будто только войной, т. е. с явным риском потерять свою землю, если не удалось загодя обзавестись другим не менее сильным сюзереном. Перед битвой под Переяславлем Долгорукий пенял Изяславу Мстиславичу: «Се, брате, на мя еси приходил и землю повоевал и старешиньство еси с мене снял (речь идет, быть может, о доле участия Юрия в управлении «Русской землей». — *В.П.*), ныне же, брате и сыну, Роускыя земля и христьян деля не пролеиве крови хрестьянскы, но дай ми Переяславль, ать посажю сына своего... а ты седи, царствуя в Киеве»[302]; Долгорукий требовал «причастья» в Русской земле, соглашаясь с тем, чтобы верховным главой Руси был Изяслав.

Нарушение договора одним из равных сюзеренов-союзников освобождало другого от всех обязательств. Когда смоленский Ростислав, будучи киевским великим князем, опасаясь Ольговичей, обнаружил готовность уступить им не только Киев «под собою», но и Переяславль «подо Мьстиславом» Изяславичем, последний заявил: «Да ни мне будет Переяславля, ни тобе Киева», — и, поворотив коня, уехал с дружиной от недавнего союзника[303].

П.Б. Струве утверждал, что на Руси отсутствовало «обязательство взаимной верности, которое составляло душу и определяло дух феодального права»[304]. Ему поверили другие авторы[305].

---

[299] ПСРЛ. Т. II. Стб. 671 (1190 г.).

[300] Там же. Стб. 765.

[301] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 344 (1154 г.).

[302] ПСРЛ. Т. II. Стб. 380 (1149 г.).

[303] Там же. Стб. 475 (1154 г.).

[304] *Струве П.Б.* Социальная и экономическая история России. С. 229.

[305] *Hellmann M.* Probleme des Feudalismus in Russland // Studien zum mittelalterlichen Lehenwesen / Hzsg. Th. Meyer. Konstanz, 1960. S. 247; Ср.: *Graus F.* Über die sogenannte deutsche Treue Historica. Praha, 1959. Č. I. S. 71–121.

На деле же вассал должен был сохранять верность сюзерену. Лишь в силу особых условий нарушение ее не вело к наказанию. Так, Глеб Юрьевич, изменив Ольговичам и сдав Городок Изяславу Мстиславичу, потом оправдывался: «Поневоли есмь хрест целовал к Изяславу, оже мя был остоупил в городе, а от вас ми помочи не было (т. е. сюзерены не защитили. — *В.П.*), ныне же всяко с вама хочю быти и прияю вама»[306]. «Приятели» — значит союзники и вассалы. Они — один из элементов прочной власти. «Про што ми обрекл еси Киев, а приятели ми не даси приимати»[307], — жаловался Игорь Ольгович князю Всеволоду.

С торжеством феодализма вооруженные силы были отделены от народа. Дружина получала специальную профессиональную подготовку — владела мечом и копьем в конном и пешем строю, — недоступную смердам, чье место было среди пешьцев. Лишь пешие и конные полки вольных городов могли противостоять дружинному войску.

Соблюдение присяги, верность сюзерену считались добродетелями русских рыцарей-дружинников. Обман осуждался кодексом феодальной чести, что не мешало ему процветать. Черниговские князья, которых Юрий Долгорукий однажды подвел под удар Изяслава Мстнславича, в другой раз отказались поддержать суздальского правителя, заявив: «А ныне целовала есве крест к Изяславу Мьстиславичю, с теми же хочеве быти, а душою не можеве играти»[308]. Князья прибегли к очень выразительному образу, чтобы подчеркнуть именно свою рыцарскую верность.

«Играть» — термин не простой. На Руси «игра» обозначала, кроме прочего, рыцарский турнир — это значение термина не попало в поле зрения И.И. Срезневского, хотя в летописи есть несколько свидетельств. Известно, что при Изяславе Мстиславиче в Киеве на Ярославлем дворе был устроен турнир, когда венгры «на фарех и на скокох играхуть... многое множество»[309]. Почти через сто лет черниговский союзник венгров князь Ростислав Михайлович устроил турнир — «сотвори игру» — под осажденным Ярославом; князь

---

306 ПСРЛ. Т. II. Стб. 360 (1148 г.).

307 Там же. Стб. 316 (1144 г.); ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 312; ср.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 307, 506, 533, 562, 564.

308 ПСРЛ. Т. II. Стб. 377 (1149 г.).

309 Там же. Стб. 416 (1150 г.).

сразился с венгерским рыцарем Воршем, но неудачно: «падеся под ним конь и вырази собе плече»[310].

Это все конные состязания, но бывали и пешие фехтования. Однажды, когда галицкие бояре сидели и совещались на думе, подготавливая убийство князя Даниила, случилось войти князю Василько и в шутку обнажить меч на одного из княжеских слуг: «обнажившоу меч свой, играя на слоугоу королева, иномоу похватившю щит, играющи»[311]. Описывая битву, происшедшую в Литве под городом Ворута, где русские и союзные им половецко-ятвяжские силы столкнулись с немецкими рыцарями, автор говорит: «гонишася на поли, подобно игре»[312]. Во время одной из русско-польских встреч князь Болеслав посвятил в рыцари галицкую знатную молодежь («пасаше Болеслав сыны боярьскы мечем многы»[313]).

Конечно, Г. Вернадский может сказать, что это западные районы и дело объясняется влиянием из-за рубежа. Но турниры были известны и в другой части Руси, где не исчезли и позднее: в московском своде читаем, что «Осей, кормиличичь князя великого, поколот бысть на Коломне в игрушке»[314].

Образ рыцаря широко проник и в церковную идеологию: православная церковь видела «воинов Христовых» в тех, кто участвовал в походах за данью в земли «поганых». Давно отмечено, что метафора «воин Христов» широко распространилась в русской житийной литературе[315]. «Воинствующая церковь» — ходовое слово в летописях[316]. Русский miles Christi в этом смысле не отличался от крестоносца других стран Европы.

---

[310] Там же. Стб. 801 (1245 г.).

[311] Там же. Стб. 762. Этого рода подготовка была необходима, ибо во время битв воины нередко схватывались врукопашную — «изручь бодяхуся» (Там же. Стб. 811).

[312] Там же. Стб. 818.

[313] Там же. Стб. 386; см. также: *Дашкевич Н.П.* Рыцарство на Руси в жизни и поэзии // Чтения в Обществе Нестора Летописца. Киев, 1901. Кн. 15. Отд. II. Вып. IV. С. 95–150; Киев, 1902. Кн. 16. Отд. II. Вып. IV. С. 1–23. С термином «пасати» — опоясывать мечом — связано, вероятно, появление слова «пасынок» в значении дружинник (*Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. С. 19).

[314] Троицкая летопись. С. 436 (1390 г.).

[315] *Адрианова-Перетц В.П.* Очерки поэтического стиля древней Руси. М.; Л., 1947. С. 103–109.

[316] ПВЛ. Ч. 1. С. 149, 152, 153, 191, 192. Славянский святой изображался подчас в виде рыцаря (*Воронин Н.Н.* Археологические заметки // КСИА. 1956. Вып. 62. С. 31).

Имелись на Руси и геральдические эмблемы, которые служили прославлению власти их владельца: они красовались не только на стягах, но проникали в памятники архитектуры. Геральдической эмблемой владимиро-суздальских князей были лев и барс[317].

Конечно, среди вассалов было немало и кондотьеров, далеких от соблюдения норм права. В этом смысле примечателен берладский князь Иван Ростиславич. Он сидел в Звенигороде, когда был позван в Галич, который выступил против власти близкого боярству Владимира Володаревича. Разбитый Владимиром, он бежал через Дунай (видимо, через свой Берлад, который тоже должен был оставить) в Киев, к Всеволоду[318]. Через каких-нибудь два года Иван Берладник прямо с поля битвы («с полку»), вероятно, вместе с небольшой дружиной прибежал к князю Святославу Ольговичу в Новгород Северский[319]. Получив здесь 200 гривен серебра и 12 золота, он изменил Святославу и переметнулся в Смоленск к Ростиславу[320]. Однако в 1149 г. он уже служит его врагу Юрию Долгорукому, перехватывая новгородских даньщиков в Заволочье[321].

Что произошло потом, не знаем, но Долгорукий стал держать его в большой «нужи» и, наконец, в 1158 г. привел «рекомого берладника» в оковах из Суздаля в Киев, чтобы выдать своему зятю галицкому князю Ярославу Владимировичу на «убойство»; тот прислал за ним князя Святополка и воеводу Константина Серославича «с многою дружиною». Но поскольку князь был из Берлада и дело касалось прав на Подунавье, где сталкивались интересы Галича и Византии, вмешался и запротестовал митрополит. Тогда Юрий отправил окованного князя Ивана назад в Суздаль. Однако по пути Изяслав Давыдович перехватил суздальский отряд, освободил берладского князя и «поя» его к себе в Чернигов. «Тако же избави бог Ивана от великия тоя нужа»[322].

Иван опять попал в коалицию князей, которые во главе с Изяславом Давыдовичем пытались именем Берладника прикрыть свои

---

[317] *Вагнер Г.К.* Грифон во владимиро-суздальской скульптуре // СА. 1962. № 3. С. 78–90; *Некрасов А.* О гербе суздальских князей // Сборник в честь А.И. Соболевского. Л., 1928. С. 406–409.

[318] ПСРЛ. Т. II. Стб. 317 (1144 г.).

[319] Там же. Стб. 329 (1146 г.).

[320] Там же. Стб. 338 (1146 г.).

[321] НПЛ. С. 28 (1149 г.).

[322] ПСРЛ. Т. II. Стб. 488 (1158 г.).

попытки воевать против Галича за Подунавье. При черниговско-половецкой поддержке Иван вновь побывал в «городах Подунайских», а также в Кучельмине, под Ушицей, где он, воюя против галицкого князя, использовал силы южного ушкуйничества[323]. Галицкий князь отстоял свои права. На киевском столе вскоре сел его союзник, смоленский Ростислав. Во время борьбы Чернигова против Ростислава князь Иван захватил Олешье[324], а потом опять нашел приют в Черниговщине, где видим его в Выре[325]. В 1162 г. он умер в Солуни, по слухам «с отравы»[326].

Иван Берладник — не исключение. Он типичная для европейского средневековья фигура. Рязанский князь Константин Владимирович, участник убийства князей на съезде в Исадах, позднее тоже немало шатался по свету — служил и на Волыни, и в Литве: псковский князь Владимир Мстиславич стал, в конце концов, вассалом Ордена; черниговский Ростислав Михайлович — баном в Венгрии. Эти и подобные фигуры могли появиться только в очень сложных и запутанных общественно-политических условиях феодализма, чреватых постоянными войнами, изобилующих снемами и «рядами», предательствами, разбоем.

Источники — летописи — сохранили нам главным образом сведения о вассальных взаимоотношениях среди высшей группы феодалов — князей, но имея в виду деятельность таких органов, как совет, снем, собор и вече, а также отдельные штрихи, характеризующие ближнюю дружину, мы можем заключить, что все феодальное сословие руководствовалось вассальным принципом.

Ведь вассальные обязательства князя зависели от воли его субвассалов-бояр. Это учитывали князья в междоусобной борьбе. Князь Всеволод Ольгович, чтобы воздействовать на Мстислава Владимировича слово пропущено, «бояры его подьоучивая и дары дая моляшеться им»[327]. Соглашение Вячеслава с Изяславом было утверждено при участии боярства: «На том же и моужи ею целоваша хрест, яко межи има добра хотети и чести ею стеречи и не сваживати ею»[328].

[323] См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XIII вв. М., 1953. С. 368–369.

[324] ПСРЛ. Т. II. Стб. 505 (1160 г.).

[325] Там же. Стб. 508 (1160 г.).

[326] Там же. Стб. 519 (1162 г.).

[327] Там же. Стб. 291 (1128 г.).

[328] Там же. Стб. 399 (1150 г.).

Князья старались иметь приспешников среди бояр своих соперников. Любопытный эпизод произошел, когда однажды бояре напугали овручского Рюрика и вышгородского Давыда известием, будто Изяслав Мстиславич зовет их на обед, чтобы захватить. Изяслав обратился к свидетельству своей боярской дружины, которая подтвердила его невиновность, заявив, что ничего не слышала, а без ее ведома князь не мог такое дело ни замыслить, ни осуществить. Изяслав тогда заявил напуганным князьям: «Крест целую к вама, яко лиха на ваю не замыслив, а вы ми выдайта, кто ны сваживаеть». На что Давыд резонно возразил: «А пакы ми кто повесть, оже тех выдам?» Дело окончилось крестоцелованием, «обаче сердце их не бе право» с Изяславом[329].

Сильным князьям бояре служили поколениями, например галицкие бояре Ивач Халдеев[330] и Избигнев Ивачевич[331]; долгие годы нес службу Константин Серославич[332] — автор первой упомянутой летописью подложной грамоты. (Отправляя воеводу с войском в Киев, Ярослав Владимирович, как положено, снабдил его грамотой, определявшей срок и размер службы; боярин подделал грамоту и, сославшись на нее, увел войско назад). Продолжительное время служили Тудор Елчич[333], Петр Бориславич[334] и др.

Бояре подчас единолично решали важнейшие дела своих князей. Молодого Ярослава Владимировича галицкие бояре однажды не допустили к участию в битве, решив: «ты, еси молод, а поеди прочь, и нас позоруй (т. е. смотри за ходом битвы. — *В.П.*), како ны будеть; отец твой кормил и любил, а хочем за отца твоего честь и за твою

---

[329] Там же. Стб. 542–543 (1170 г.).

[330] Там же. Стб. 320 (1146 г.).

[331] Там же. Стб. 449, 497 (1152, 1159 гг.).

[332] ПСРЛ. Т. II. Стб. 488 (1158 г.), 549 (1172 г.). Смоленский боярин Борис Захарьич тоже долго служил: Там же. Стб. 531 (1169 г.), 609 (1178 г.); подолгу служили, неоднократно меняя сюзеренов, бояре Ян Вышатич: стб. 165 (1071 г.), 199 (1089 г.), 257 (1106 г.); Иван Войтишич: стб. 284 (1116 г.), 292 (1128 г.) — он служил Мономаху и его сыновьям; заняв Киев, Игорь Ольгович сказал Улебу и Ивану: «како еста была у брата моего, тако же будете у мене»: стб. 324 (1146 г.), однако они предпочли служить Изяславу; Шварн: стб. 335 (1146 г.), 425 (1151 г.), 518 (1162 г.), 527 (1167 г.); польский выходец Володислав: стб. 526 (1167 г.), 549 (1172 г.), 562 (1173 г.), 570 (1174 г.); на основе этих известий можно составить любопытные биографии служилых бояр XI–XII вв.

[333] Там же. Стб. 507 (1160 г.), 616 (1180 г.).

[334] Там же. Стб. 461 (1152 г.), 541 (1170 г.).

головы своя сложити»[335]. Это пример рыцарской верности вассалов, благодарных за доходные кормления.

Иногда, напротив, ближняя, боярская дружина отказывалась служить князю. Когда Ярослав Святополчич бежал из Владимира в Венгрию, то «бояре его отступиша от него»[336]. Дружина порой открыто отвергала замыслы князей. Когда Владимир Мстиславич изменил Мстиславу Изяславичу и тайно вступил в сговор с частью черных клобуков, он сообщил об этом дружине («являя им думу свою»), но та его не поддержала, заявив: «а собе еси, княже, замыслил, а не едем по тобе — мы того не ведали»[337]. Замысел князя сорвался.

Были случаи частичной измены вассалов. Когда Святослав Ольгович, опасаясь Изяслава, оставил Новгород-Северский, чтобы спастись в Карачеве у Долгорукого, то «дружина же его — они по нем идоша, а друзии осташа его»[338].

Могла дружина, и не выступая открыто, все же сорвать намерение князя. Так случилось с одним походом Андрея Боголюбского на Булгарию, когда вассалы «идучи, не идяху», т. е. бойкотировали сбор в поход. Это тревожный симптом их будущего бунта[339]. Даже дружины сильных князей своевольничали во время походов. Всеволод Юрьевич должен был получить дань с Торжка, но местные власти «не управиша». Дружинники стали роптать — «начаша князю жаловатися: мы не целовать их приехали, они, княже, Богови лжют и тобе» и «се рекше, удариша в коне и взяша город на щит»[340]. Не знаем, насколько это верно: придворный хронист был склонен все предосудительные деяния князя перекладывать на непокорных слуг[341]. Но все же ясно, что князья, даже сильнейшие, были, в свою очередь, связаны волей боярства, прочность вассальной службы которого определялась множеством конкретно-исторических условий.

---

[335] ПСРЛ. Т. II. Стб. 466–467 (1153 г.).

[336] Там же. Стб. 285 (1117 г.).

[337] Там же. Стб. 536 (1169 г.).

[338] Там же. Стб. 334 (1146 г.).

[339] Там же. Стб. 565 (1173 г.).

[340] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 386 (1178 г.).

[341] См.: НПЛ. С. 36 (Всеволод «изгоняв Новый търг и възя»).

Г. Штёкль утверждает, что поскольку в древней Руси отсутствовали учреждения, которые могли бы гарантировать преемственность государственности, «само государство и продолжительность его существования были функцией личности князя»[342]. Поэтому в книге Штёкля нет анализа деятельности органов власти и управления как государственных институтов. Лучшим опровержением подобного взгляда является материал, относящийся к княжескому суду. Последний основывался не на личном капризе, а на нормах права и был функцией не личности, а класса.

Такой суд существовал в отношении крестьян, как это ясно видно из ст. 33 «Русской Правды»[343] и из тщетного требования восставших белозерских смердов[344]. Это суд угнетателей над угнетенными.

Но имелся суд и внутрисословный, одной из важнейших функций которого было урегулирование конфликтов из-за земли и службы с земли. Он распространялся на бояр, что видно из судебной расправы с «коромолующими» боярами князя Даниила[345].

Там, где князь был сильнее, его суд мог обратиться и на церковную знать, как было при князьях суздальских. Богатый ростовский епископ лишился своего имущества по решению княжеского суда: «все богатьство отъяся от него некакою тяжею, судившю Ярославу (Всеволодовичу) тако, ту сущю ему на сонме»[346].

Можно думать, что на местах княжой суд происходил во время объезда сюзереном своих владений, сохранявшего древнее название — полюдье. Оно отмечено при Юрии Долгоруком в районе Димитрова[347], при Всеволоде Юрьевиче в Ростове и в Переяславле[348].

Суд сюзерена распространялся и на князей-вассалов. Чтобы лишить крупного вассала волости по праву, надо было доказать его

---

[342] *Stökl G.* Russische Geschichte von Anfängen bis Gegenwart. S. 80.

[343] ПРП. Вып. 1. С. 79, 101. См. также: *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. С. 222, 231.

[344] ПВЛ. Ч. 1. С. 118; подробнее см.: *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 511 и сл.

[345] Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 226, 143, 146.

[346] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 452 (1228 г.).

[347] ПСРЛ. Т. XXIV. С. 77 (1154 г.).

[348] ПСРЛ. Т. II. Стб. 408–409 (1150 г.); ср.: Стб. 528–529 (1168 г.); в уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича (1150 г.) (ПРП. Вып. 2. С. 39–40).

вину, нарушение им рыцарской Правды; сделать это можно было либо на снеме — съезде князей, как было при разборе известного дела об ослеплении князя Василько[349], либо на суде сюзерена с его советом-думой.

Андрей Боголюбский лишил трех Ростиславичей владений в «Русской земле» за то, что те «не послушаша» требования о выдаче бояр, убивших его брата Глеба. Ростиславичи увидели в этом нарушение закона. Они писали Андрею: «Брате, в Правду тя нарекли есмы отцемь собе и крест есмы целовали к тобе, и стоим в крестьном целованьи, хотячи добра тобе. А се ныне брата нашего Романа вывел еси ись Киева, а нам путь кажеши изь Русьской земли без нашее вины, да за всими бог и сила крестнаа»[350]. Ростиславичи знали закон: без суда вассала отчины не лишать. Но Андрей шел напролом[351].

Процедура суда существовала давно, коль скоро она имела строго определенный устойчивый порядок. Вот некоторые выразительные примеры. В Киеве был суд над Ростиславом, сыном Юрия Долгорукого. При дворе Изяслава Мстиславича стали обвинять («начаша... поведати») Ростислава в измене (покинув отца и перейдя на службу к Изяславу, он держал, как мы видели, три города). Тогда Изяслав «посла по Ростислава», а когда тот явился, распорядился поставить ему шатер и «повелел» в нем сидеть.

Затем направил к нему своих мужей, которые передали слова сюзерена заподозренному вассалу: «Се, брате, ты еси ко мне от отца пришел еси, оже отец тя приобидел и волости ти не дал; яз же тя приях в Правду, яко достойного брата своего, и волость ти есмь дал, ако ни отець того вдал, что я тобе вдал, и еще есмь и Роуской земли приказал стеречи тобе, а то ти есмь рекл — се я, брате, идоу на отца твоего, а на своего стрыя, а ты постерези Роуской земли, либо ся с ним оумирю, паки ли како мя с ним Бог оуправить». Процитировав это свое распоряжение Ростиславу, Изяслав писал «Ты же еси, брате, удумал был тако, оже на мя Бог отцю твоему помогл и тобе было въехавши в Киев, брата моего яти и сына моего и жену мою и дом мой взяти»[352]. Обвинение было серьезное. Ростислав от-

[349] ПВЛ. Ч. 1. С. 181, 174.
[350] ПСРЛ. Т. II. Стб. 570.
[351] Там же. Стб. 573 (1174 г.).
[352] Там же. Стб. 373 (1149 г.).

ветил следующее: «Брате и отче, яко ни в уме своем, ни на сердци ми того не было, пакы ли на мя кто молвит, князь ли который, а се я к нему, моуж ли который в христьянех или в поганых, а ты мене старей, а ты мя с ним и соуди», — т. е. он потребовал законного судебного разбирательства. Но Изяслав отверг это домогательство, опасаясь распрей: «Того на мне не проси, хотя мя заворожити с хрестьяными или с погаными, а ныне я того тобе не творю, но поиди к своему отцю». Отказав Ростиславу в праве на суд, Изяслав одновременно порвал с ним вассальную связь — выслал его в насаде (на судне) в сопровождении четырех слуг, а дружину и имущество его забрал.

Вот другой пример. Князь Владимир Мстиславич решил изменить Мстиславу Изяславичу и «нача думати», видимо, с советниками своими, как это сделать. Но один из его мужей Василь Настасий раскрыл его замысел Давыду, а тот — Мстиславу. Узнав, что Мстиславу «явлена бысть дума его», Владимир приехал «оправливатися».

На этот раз суд происходил в Печерском монастыре. Мстислав велел провинившемуся вассалу сидеть в «икономли кельи», т. е. в келье эконома, а сам сел «в игуменьи кельи». Видимо, процедура суда исключала личное общение сюзерена с вассалом, который не допускался перед очи господина[353]. Мстислав послал спросить Владимира: «Брате, что деля еси приехал, а я по тя не посылал». В ответ через дьячка вассал сообщил: «Брате, слышал семь, оже суть молвили на мя злии человеци». Мстислав подтвердил: «Поведал ми брат Давыд».

Дальше судебная процедура пошла по закону, по Правде, появились правоведы и послухи. Мстислав послал за Давыдом, который прислал «на тяжбу» Василя Настасича и «пристави к нему Радила тысячьского и Василя Волковича», а потом, переждав три дня, и сам явился в монастырь. Со своей стороны Владимир тоже выставил правоведов — «мужи своя» Рагуила и Михаля.

Представители сторон «начаша спиратися». Тогда «вылезе послух по Васили», некий Давыд Борынич. Когда дело приняло столь сложный оборот, что ему не виделось конца, князь Мстислав прервал суд и «положи то на Бозе», а Владимиру сказал: «Брате, хрест еси целовал, а и еще ти ни уста не осхла, но обаче то есть отец наших и дед наших оутвержение, а кто преступить, а Бог ему буди

---

[353] Ср.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 697 («в его воли быти и зрети на нь»).

судья; а ныне яко на мя еси не думал, а не ищеши ми лиха, целуй ми крест». Вассал вновь подтвердил свою верность и был отпущен в Котельницу[354]. Однако он все же изменил, и Мстислав о нем выразился так: он «ловить головы моея всегда». Дружина не поддержала неверного вассала, который один нашел прибежище при дворе Андрея Боголюбского. Последний, сказав «а яз тя наделю», направил его в Рязань[355].

Во Владимиро-Суздальской земле князья тоже чинили суд. По словам придворной летописи, князь Всеволод Юрьевич «судя суд истинен и нелицемерен, не обинуяся лица силных своих бояр, обидящих менших и работящих сироты и насилье творящим»[356]. Сохранилось известие об его суде над группой вассальных рязанских князей, которые вступили в тайный сговор с Ольговичами («свещалися суть»), а к Всеволоду явились лицемерно («на льстех»).

Великий князь принимал рязанцев на берегу Оки, где стояли его шатры. Порядок был похож на известный нам по Киеву. «Целовав их», Всеволод «повеле им сести в шатре», а сам «сед в полъстници», т. е. в части шатра, наглухо отделенной пологом.

Он тоже стал сноситься с ними через посредников — «нача к ним слати» муромского князя Давыда и своего мужа Михаила Борисовича, видимо, правоведа, «на обличенье их». У рязанских князей в свою очередь были их «думцы». Разбирательство и в данном случае затянулось — «и ходящим им (речь идет о княжеских уполномоченных. — *В.П.*) долго время межи ими». Обвиняемые упорствовали: «онем же кленущимся и ротящим, яко несть то тако».

Дело решили и здесь по закону послухи: «Глеб же и Олег Володимерича, братичича им своя, пришедше, обличиста их». Тогда «князь же великый, слышав, яко въображена (т. е. установлена. — *В.П.*) бысть истина, повеле изъимати их с своими думцами и вести их» во Владимир. Приводится и точная дата, видимо, стоявшая в княжеском акте[357].

К вопросу о связи между «вещным правом на землю и обязанностью службы» надо тоже подходить конкретно-исторически. Нельзя утверждать, что вассал всегда терял свое владение, когда изменял

---

[354] Там же. Стб. 535–536 (1169 г.).
[355] Там же. Стб. 537.
[356] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 437 (1212 г.).
[357] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 430–431 (1207 г.).

сюзерену, однако иногда он лишался и головы, а князья мечтали о таких порядках, когда бы за провинность перед сюзереном князь-вассал платился волостью, а боярин-субвассал — жизнью («оже ся князь извинить, то в волость, а муж — у голову»[358]). Следовательно, нет оснований утверждать, что «отказ от службы не вел к потере владения»[359].

Говоря о тогдашней Руси, нельзя связывать себя устоявшимися нормами буржуазного права. Средние века — повсюду в Европе — время борьбы двух тенденций: единодержавия и сепаратизма. Везде значение князя зависело от размера его земельных владений, а, следовательно, и войска. Подручничество и кормление как формы вассалитета охватывали и князей, и бояр, и слуг (гридей, дворян, милостников, детей боярских — дружину в широком смысле слова). Источники позволяют утверждать, что представители всех групп собственников земли (включая вотчинников — князей, бояр, а кое-где и епископов) рассматривались верховной княжеской властью как вассалы.

Если князь был силен, то вассалы — и крупные бояре, и мелкие князья — подчинялись ему, лишаясь за измену своих сел и «животов» (имущества)[360]. Когда бояре Петр Бориславич и Нестер послали своих холопов воровать коней из табуна князя Мстислава и пятнать их боярским тавром, князь их «отпустил от себя про ту вину», т. е. лишил своей милости и, вероятно, данных ранее наделов, почему бояре и озлобились на него[361].

Подобные казусы происходили по всей Руси, и в Галичине и в Суздальщине, где Андрей Боголюбский прогнал «передних мужей» своего отца, а Всеволод Юрьевич, как мы видели, завладел землями крамольного боярства; да что боярство, немало местных епископов утратили власть и часть своих богатств по воле великих князей[362].

---

[358] ПСРЛ. Т. II. Стб. 603–604; Мстислав Владимирович лишил столов полоцких князей, которые «не слушаху его, коли е зовяшеть»: Там же. Стб 303.

[359] *Stökl G.* Russische Geschichte von Anfängen bis Gegenwart. S. 81.

[360] ПСРЛ. Т. II. Стб. 409, 724, 754 и др.

[361] ПСРЛ. Т. II. Стб. 541 (1170 г.).

[362] Епископ Федор (ЛПС. С. 78, 1169 г.); грек Никола, поставленный за взятку митрополитом, не был допущен в епископию Всеволодом (ЛПС. С. 94, 1185 г.; ср. любопытное дополнение ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. С. 135); епископа Ивана прогнал Юрий Всеволодович (ЛПС. С. 112, 1214 г.); епископа Кирилла — Ярослав Всеволодович (ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Стб. 452, 1228 г.). Черниговского епископа Антония изгнал свой князь (ЛПС. С. 76, 1168 г.; ср.: ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. С. 124) за связь с ересью печерского

Жизнь была сложна, форм зависимости существовало множество. Если, оставляя одного сюзерена, вассал попадал к более сильному, он мог рассчитывать сохранить, по крайней мере свой домен, свою отчину, то в другом случае — нет.

К ВОПРОСУ О ФОРМЕ ГОСУДАРСТВА

В заключение несколько слов о политической форме Древнерусского государства периода политической раздробленности. П.Б. Струве видел в домонгольской Руси лишь анархию: «Княжье, опираясь на свой коллективный суверенитет, осуществляет его sit venia verba — в порядке анархии»[363]. Едва ли это верно. Похоже на то, что вообще вплоть до монгольского нашествия Киев признавал власть нескольких «старейших» князей Руси, т. е. юридически придерживался, видимо, оставленной ему (как и Новгороду) Правды Ярослава Мудрого.

Основу государственной территории собственно Древнерусского государства составляла «Русская земля», бывшая некогда княжеским доменом, размеры которого тщательно определены А.Н. Насоновым. В свою очередь Древнерусское государство распоряжалось обширной многоязычной сферой, держа, как увидим, в разного рода вассальной зависимости территории свыше двадцати народов.

С развитием феодализма «Русская земля» (и само Древнерусское государство) постепенно утратила единство. Первая трещина в ней относится к 1026 г.[364], затем в 1034–1054 гг. она была собрана при Ярославе, который в 1054 г. «наряди» своих сыновей, поделив домен на три доли[365], в 1097 г. произошел новый раздел на три части с придачами[366]. Вновь собран был домен при Мономахе и затем после

игумена Поликарпа; черниговского епископа Перфурия хотел «яти» князь Всеволод Юрьевич (ЛПС. С. 100, 1187 г.). Подобное происходило и в Галицко-Волынской земле [*Пашуто В.Т.* Очерки истории СССР (XII–XIII вв.). С. 15]; смоленский епископ Лазарь оставил свое место в 1224 г. «за много обидение своих церквей, иже обидят волостели, отнимающие имение и злая без Правды творяще» (*Павлов А.С.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871. Т. I. С. 6). Изучение «борьбы за инвеституру» на Руси — назревшая задача науки.

[363] *Струве П.Б.* Социальная и экономическая история России. С. 81.

[364] ПСРЛ. Т. II. Стб. 136.

[365] Там же. Стб. 149–150.

[366] Там же. Стб. 231.

ряда неудачных попыток подчинить его личной власти кого-либо из сильнейших князей конституировался таким образом, что все князья, отвечающие за судьбы уцелевшей под властью Киева «Русской земли», требовали себе в ней «причастия»[367], т. е. доли земель и доходов, а свои права и обязанности определяли на общерусских снемах. На них, как правило, присутствовали князья той коалиции, которая в данный момент имела превосходство в «Русской земле».

Приглашаемый Киевом князь оставался номинальным главой и «Русской земли», и подвластной ей части страны. В судьбах «Русской земли» немалая роль принадлежала самому Киеву, боярское правительство которого, опираясь на подвластные владения и тюркский вассальный корпус, отстаивало свои права, видимо, подобно Новгороду и Владимиру-на-Клязьме, обеспечивая договором — рядом соблюдение сменяющимися князьями главного условия, а именно, что все территории, приобретенные ими или их наместниками в «Русской земле», полученные в кормление, захваченные или купленные, подлежали возврату по оставлении князем киевского стола или подвластных Киеву столов «причастий».

Сильнейшими князьями, ведшими борьбу за Киев — центр «Нижней Руси», были те же люди, что сталкивались и в борьбе за Новгород — центр «Верхней Руси», только соперничество это на беду исследователям отразилось не в боярской летописи (как в Новгороде), а в княжеском волынском своде конца XIII в., ставшем источником идеализации князей. Ученых почему-то не удивляет, что те же князья, попав в Новгород и на страницы тамошней летописи, оказываются алчными разбойниками. До сих пор историки продолжают противопоставлять Новгород Киеву, Владимиру или Перемышлю, не смущаясь тем, что для характеристики севера и юга страны в их руках находятся летописные источники, отражающие интересы не одинаковых соперничающих групп феодального класса.

В борьбе за «Русскую землю» (точнее, ту ее часть, которую князьям не удалось вырвать из-под власти Киева) наиболее влиятельными стали две коалиции: Суздаль — Галич и Волынь — Смоленск, важную роль играл также Чернигов.

Совместная суздальско-галицкая борьба за влияние на Киев при Юрии Долгоруком и Владимире Володаревиче сменилась враждой

---

[367] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 321 (1148 г.); ПВЛ. Ч. 1. С. 132 (1078 г.); НПЛ. С. 53 (1214 г.).

сторон в годы княжения Андрея Боголюбского[368], а затем новыми более тесными союзными действиями владимиро-суздальской (Всеволод Юрьевич) с галицкой (Ярослав Владимирович) и галицко-волынской (Роман Мстиславич) княжеских группировок. Притом, разумеется, продолжались и распри между союзниками из-за размеров «причастья». При Всеволоде Юрьевиче оно включало города Торческ, Треполь, Корсунь, Богуславль, Канев, т. е. опорные пункты тюркского корпуса и всей степной политики. Сам Всеволод в письме к киево-смоленскому Рюрику Ростиславичу очень колоритно сформулировал свою роль в Киевской земле: «Вы есте нарекли мя во своемь племени в Володимере [за] старейшего, — писал князь, — а ныне [ты] сел еси в Кыеве, а мне еси части не оуделил (вар.: «оучинил». — *В.П.*) в Роуской земле, но роздал еси инемь моложьшой братьи своей, да же мне в ней части нет, да то ты, а то Киев и Роуская область, а комоу еси в ней часть дал, да с тем же ю и блюди и стережи; да како ю с ним оудержишь, а то оузрю же, а мне не надобе»[369]. Есть упоминания об одновременном признании Киевом прав галицко-волынского и владимиро-суздальского князей, которые, не занимая Киев лично, назначали сюда князя: «посади великый князь Всеволод и Роман (упоминание волынского Мстиславича похоже на пренебрежительную приписку) Инъгвара Ярославича в Кыеве»[370].

Летописи смоленских Ростиславичей и черниговских Ольговичей, обычно назначаемых на киевский стол, тщательно камуфлируют эту зависимость от воли старейших; в свою очередь владимирская летопись склонна изображать суздальских князей в виде распорядителей судьбами не только Киева, но и самого Галича. Здесь читаем, что Всеволод возвращает Киев Рюрику («да емоу опять») по его просьбе и по совету своего вассала Романа Мстиславича, который будто бы говорил Рюрику: «То оуже еси крест целовал (владимиро-

---

[368] См. сведения об участии в киевской политике военной «галицкой помощи», достигавшей пяти полков: ПСРЛ. Т. II. Стб. 481, 488, 491, 500, 505, 507, 509, 517, 533, 546, 548–549, 616, 631. Получая «причастье», не только галицкие, но и суздальские князья выделяли войска для защиты Киева и его владений. См. любопытный эпизод, когда, вероятно по предварительному сговору великих князей, владимиро-суздальские гарнизоны Киева и других городов «Русской земли» перешли на сторону галицкого князя (ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 417–418, 1202 г.).

[369] ПСРЛ. Т. II. Стб. 683.

[370] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 418 (1202 г.).

суздальскому князю. — *В.П.*), пошли ты моуж своего ко свату своему, а я слю своего мужа ко отцю и господину великому князю Всеволоду, и ты ся моли и я ся молю, а бы ти дал Киев опять»[371].

Здесь явно принижена роль Романа, ибо позднее, когда заключался мир с Ольговичами, ко кресту водили и Всеволода Юрьевича, и Романа Мстиславича[372]. Суздальская летописная традиция давно изображает галицких князей подручниками: Ярослава Владимировича как младшего при Юрии Долгоруком[373], Владимира Ярославича как вассала при Всеволоде Юрьевиче[374].

Тем не менее летопись ясно говорит, что к 1223 г. «старейшими» князьями на Руси, значит за «причастье» обязанными охранять собственно «Русскую землю», были Мстислав Романович (Смоленск, Киев), Мстислав Святославич (Козельск, Чернигов), Мстислав Мстиславич (Галич) — «то бо беахоу старейшины в Роуской земли», съехавшиеся на общий «с[о]вет» всех князей в Киев; среди них должен был быть и владимиро-суздальский Юрий, о котором летописец заметил: «Юрия же, князя великого соуждальского, не бы в том свете». Он, видимо, был отвлечен прибалтийскими делами и ограничился посылкой вспомогательной рати[375].

Есть князья-сюзерены — члены высшего совета[376]. Есть и «млади князи», это волынский Даниил Романович — вассал Удатного, черниговский Михаил Всеволодович, киевский Всеволод Мстиславич «и инии мнозии князи». Ясно, что эти более мелкие вассалы съехались в Киев во множестве.

Итак, источники позволяют думать, что и после триумвирата Ярославичей, и после Мономаха на Руси сохранялась общерусская форма правления, при которой киевский стол стал объектом коллективного сюзеренитета наиболее сильных князей.

---

[371] Там же. Стб. 419 (1203 г.).

[372] Там же. Стб. 420 (1204 г.).

[373] Там же. Стб. 345, 347 (1155–1156 гг.); Ср.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 479 (1155 г.).

[374] ПСРЛ. Т. II. Стб. 667 (1190 г.). Видимо, здесь отрывок дружественного Всеволоду свода.

[375] Там же. Стб. 741.

[376] См. также: *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. С. 447.

Глава 2

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Советская историческая наука выяснила коренные проблемы социально-экономической истории России, а также (в меньшей мере) эволюции ее политического строя. Открылась, следовательно, возможность изучения политики внешней как продолжения внутренней политики определенного класса, его отдельных групп, сменявших друг друга у кормила власти; политики, осуществлявшейся средствами войны и дипломатии, при использовании различных форм международных экономических, политических и культурных сношений.

Чтобы правильно судить о внешней политике древней Руси в раннефеодальный период (до начала XII в.) и на первом этапе феодальной раздробленности (до установления монгольского ига, когда Русь утратила значительную часть своих суверенных внешнеполитических прерогатив), целесообразно разделить проблему на две — на историю политики в подвластных Руси землях и историю политики внешней. Эти проблемы сходны, но не идентичны.

Старая дворянско-буржуазная историография — Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и другие — не видела в иноязычных народах Российской империи субъекта истории. Им была отведена традиционная в буржуазной науке третьестепенная роль «дикарей», покорению и «просвещению» которых служили русская государственная власть и церковь[1]. Дореволюционная наука

---

[1] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 1. Т. II. С. 67, 70 и др.; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. I. Т. 1–2. С. 74, 118–120, 197 и др., ср. С. 751; *Ключевский В.О.* Курс русской истории //

в исследовании данной темы была подчинена политическим целям защиты столпов царизма — православия, самодержавия и народности.

Наиболее примечательной в этом отношении была книга Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869 г.). Автор — враг современных ему «гуманитарных голов»[2], т. е. революционно-демократически мыслящих людей; он — апологет самодержавной власти. Самодержавие служит народу[3], опираясь на его «дисциплинированный энтузиазм»[4]; религия составляет «для русского народа преобладающий интерес во все времена жизни»[5]; наконец, «идея славянства» выше «идеи свободы»[6] — таковы исходные идеи Н.Я. Данилевского.

Эти мысли пронизывают и оценку международного значения России. Во-первых, поскольку самодержавие народно, Россия, т. е. — в его понимании — царское государство, отождествляется с народом[7]. Пользуясь такой нехитрой подменой понятия самодержавия понятием народ, Данилевский выступает как защитник феодально-колониальной политики внутри Российской империи. Во-вторых, народ России терпел много «неправд и утеснений»[8] от внешних врагов[9], но русское самодержавие никого не угнетало[10]. Наконец, поскольку «европеизм» — это западнический нигилизм, то утверждается, что Россия — не Европа[11], а часть славянского мира, населенная определенным культурно-историческим типом[12]. Критикуя реакционный европоцентризм в политике других правительств, автор противопоставлял ему столь же реакционную идею самодержавно-славянского федерализма.

Сочинения. М., 1956. Т. 1. С. 160 и сл., 279 и сл.; *Затыркевич М.* О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя Русского государства в домонгольский период // ЧОИДР. 1873. Кн. 1. С. I–VIII, 1–106.

[2] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1888. С. 31.

[3] Там же. С. 282, 204, 206, 278.

[4] Там же. С. 502.

[5] Там же. С. 199.

[6] Там же. С. 133.

[7] Там же. С. 38.

[8] Там же. С. 23; ср. С. 238–240.

[9] Там же. С. 39.

[10] Там же. С. 24–26, 28, 404–406.

[11] Там же. С. 61; ср. С. 472.

[12] Там же. С. 65.

Идеи, изложенные в книге Н.Я. Данилевского, широко отразились в светской и церковной историографии интересующей нас темы. Кроме того, и современная буржуазная наука обращается к этой книге в поисках идейных корней «советского империализма».

Марксистско-ленинская историография начала коренной пересмотр дворянско-монархических великодержавных схем. В этом деле большая заслуга принадлежит М.Н. Покровскому. Он, а также А.Г. Пригожин, М.М. Цвибак, В. Рахметов[13] и другие решительно отвергли дворянско-буржуазную концепцию и подчеркнули, что царизм и русский народ — понятия разные, что национальная политика царизма была феодально-колониальной, что под гнетом царизма томились все народы, включая и русский.

Правда, увлеченные критикой дворянско-буржуазной историографии, М.Н. Покровский и другие как бы забыли, что угнетением народов история Российской империи не исчерпывается, что колониальное иго — лишь тяжкая цена, которой народы расплачивались за прогресс в условиях феодального строя.

Советская историография 30–50-х годов много сделала для изучения именно этой стороны проблемы: прогрессивное влияние России на подвластные ей народы, традиции совместной борьбы народов против царизма в период позднего феодализма имеют обширную и ценную литературу.

Однако мы, прежде всего русские историки, уделили недостаточно внимания изучению феодальной сущности Российской империи, особенно на ранних этапах ее возникновения и развития, что повлекло за собой недооценку классовой, освободительной борьбы подвластных ей народов.

В нашей историографии пока не исследован вопрос об этнической и экономической сложности и обусловленной ею политической неоднородности структуры Древнерусского государства. Фактически еще не изучены общие закономерности естественно-исторического процесса формирования этого государства, сумевшего не только со-

---

[13] Изучение этнической структуры выдвигалось в качестве задачи. См.: *Пригожин А.Г.* Карл Маркс и проблема социально-экономических формаций // Известия ГАИМК. Л., 1934. Вып. 68.; ср.: *Цвибак М.М.* Марксизм-ленинизм о возникновении восточноевропейских национальных государств // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л., 1934. № 1. С. 53–57; для более позднего времени см.: *Рахметов В.* Образование Российской империи // Книга для чтения по истории народов СССР. Харьков, 1930. С. 88–137.

хранить (видоизменяя форму власти) свое единство вплоть до горьких лет вторжения монгольских полчищ с Востока и рыцарских войск шести держав с Запада, но и возродить и упрочить его в последующие столетия. Не изучены и особенности антифеодальной борьбы подвластных Руси народов и ее соотношение с историей классовой борьбы русских смердов и городской бедноты.

Этим пробелом в нашей науке не замедлили воспользоваться идейные противники за рубежом. От дворянско-буржуазной науки они взяли тезис о бессословности России, а от М.Н. Покровского — вывод об ее захватнической, колониальной природе. Они стали писать о народном характере экспансии, а русский народ поносить как исконного завоевателя — предшественника «советского империализма»[14].

Вкривь и вкось толкуя теории «Киев — второй Иерусалим» и «Москва — третий Рим», они стараются представить советский строй в качестве наследника древнерусского или московского «империализма» и панславизма, пишут о «великом союзе» между «коммунистическим интернационализмом и русским национализмом», под которым произвольно понимают советский патриотизм, хотя последний порожден новым общественным строем и пронизан идеей классовой борьбы.

Таким образом, фальсификация русской внешней политики на ее ранних этапах оказывается важной составной частью современной буржуазной концепции истории России. Надлежит восстановить историческую правду. Было бы неверно полностью возвращаться ко взглядам М.Н. Покровского, возникшим на ранней стадии нашей историографии. Было бы не менее странно придерживаться «романтического» представления о структуре Древнерусского государства и искать традиции братства народов нашей страны в их мнимой гармонии под началом Владимира Красное Солнышко или Владимира Мономаха, а не в их совместной борьбе против феодалов. Нужно изучить проблему всесторонне. Это позволит расчистить и поле нашей борьбы с зарубежными фальсификаторами истории СССР. Такое изучение требует времени и места.

---

[14] *Kolarz W.* Russia and her Colonies. L., 1952. P. 2; *Baczkowski W.* Russian Colonialism: The Tsarist and Soviet Empires // The Idea of Colonialism. N.Y., 1958. P. 70–114; см.: *Пашуто В.Т.* Истоки немецкой неофашистской концепции истории России // ВИ. 1962. № 10. С. 61–79.

Цель настоящего очерка обратить внимание ученых на некоторые особенности возникновения и развития этнической, экономической и политической структуры Древнерусского государства и прежде всего на социальную природу национальной политики его господствующего класса.

Если мы бросим взгляд на карту нашей страны времен Владимира Мономаха, то без труда обнаружим, что граница собственно Руси не была однородной; лишь на сравнительно незначительном протяжении она была государственной, т. е. отделяла Русь от других самостоятельных государств, а именно — Венгрии, Польши и, может быть, Чехии; на всем остальном протяжении Русь граничила с землями народов, либо еще не имевших государственной организации, либо знавших лишь ее начальные формы; кроме того, подавляющее большинство этих народов находилось в той или иной форме политической зависимости от Руси.

Встает вопрос, как регулировались взаимоотношения феодального правительства Руси с этими землями? Можно ли видеть в них обычные взаимоотношения держав, определяемые нормами тогдашнего международного права?

Нет, источники не позволяют отождествлять русскую политику в отношении Венгрии и Византии и, скажем, мордвы, югры (ханты-манси), корел или эстов. У последних нет государств, с ними нет договоров. Правда, договоры заключались с некоторыми из половецких «кочевых княжений», но это не меняет основ политики в отношении окрестных неславянских народов в целом. Отношения с этими народами имели существенное влияние на собственно внешнюю политику Руси. Ведь за пределами некоторых из этих земель находились самостоятельные государства: земли ижоры, води, эстонцев, латышей, литовцев отделяли Русь от Польши и через прусско-польское Поморье от Германии; земли финнов, корел и лопарей — от Норвегии и Швеции; черемисов (мари), мордвы и буртасов — от Волжской Булгарии; половцев и хазар — от государств Мавераннахра, владений Византии, Болгарии; ясов (осетин) и косогов (черкесов) — от государств Закавказья.

Источники свидетельствуют, что политика Древнерусского государства на землях подвластных народов имела существенные особенности. Конечно, в главном — по классовой природе — она была такой же угнетательской, как и в коренной Руси. Но были и особенности, которые, если мы хотим правильно понять изучае-

мое время, подлежат внимательному учету, ибо, во-первых, правительство, власть — русская (древнерусская), господствующий класс — тоже русский, а окраинные народы — неславянские; во-вторых, господствующая религия — христианство, православие, а вера окраинных народов — язычество; в-третьих, неславянские земли не имели самостоятельных русских княжеских столов, а шли, как правило, в придачу к русским ленам; в-четвертых, их эксплуатация осуществлялась при сохранении местных норм права на условиях вассалитета неславянской знати и различных форм данничества подчиненного ей населения; наконец, Русь была феодально развитой страной, а подвластные народы еще только шли к феодализму.

Это понуждает выделить взаимоотношения Руси с подвластными народами в особую сферу вассальной политики. Нет нужды пояснять, что эта политика феодальной древней Руси не может отождествляться с империализмом новейшего времени — категорией совершенно иной эпохи[15].

Огромное Древнерусское государство включало 22 разноязычных народа. В отличие от Византийской империи, подчинявшей 20 народностей[16], среди которых греки представляли меньшинство, Древнерусское государство имело экономически, политически, культурно и этнически преобладавшее ядро, населенное древнерусской народностью. Все возраставшее прогрессивное влияние собственно Руси на подвластные народы бесспорно. Именно эта особенность структуры предопределила его долговечность.

Выделяя для исследования Древнерусское государство в его полном территориальном объеме, я основываюсь на источниковедческой и некоторой историографической традиции.

Политические деятели и идеологи древней Руси не сомневались в значении созданного ими государства, включавшего более двух десятков разноязычных народов. Подчеркивая равноправное положение Древнерусского государства среди таких империй, как Византийская, Германская и другие, они усвоили ее государственному главе — «самовластцу»[17] или «самодержцу»[18] — титул царь (це-

---

[15] См.: *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 27. С. 379.

[16] *Левченко М.В.* История Византии. М.; Л., 1940. С. 143.

[17] ПВЛ. Ч. 1. С. 101 (1036 г.); «единовластец» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 138).

[18] ПСРЛ. Т. II. Стб. 715 (1205 г.).

зарь[19]), кир[20] или каган[21]. Этот титул носили и князья — соправители Руси. Использовались и римская, и греческая, и восточная традиции.

Государственный строй Руси, как это явствует из источников, сохранил элементы единства и в период феодальной раздробленности, когда номинальный глава ее, «царствуя» в Киеве и в собственно «Русской земле»[22], был, как мы видели, зависим от сильнейших князей, которые определяли свою политику на общерусских съездах — снемах. Признание общерусского строя власти на Руси открывает возможность создать, наконец, связную картину её средневековой политической истории.

Историографически такой взгляд на Русь восходит к К. Марксу. В известном памфлете «Тайная дипломатия России», многие факты и концепции которого были в дальнейшем пересмотрены самим автором, а также Ф. Энгельсом и В.И. Лениным, есть ряд мыслей, сохраняющих свою неувядаемую ценность. К их числу относится и сравнение Древнерусского государства на его раннефеодальном этапе (как тогда считалось «империи Рюриковичей») с Германской

---

[19] См.: *Рыбаков Б.А.* Русская эпиграфика X–XIV вв. // История, фольклор, искусство славянских народов. V Международный съезд славистов. М., 1963. С. 58 (граффити подтверждает усвоение царского титула Ярославу Мудрому); ср.: в «Послании о повинных», адресованном, вероятно, Владимиру Мономаху, автор наделяет его «господьскым и царьскым саном» (*Тихомиров М.Н.* Малоизвестные памятники // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. XVI. С. 455).

Восставшие киевляне «ругающися царьскому и священному телу» князя Игоря Ольговича: ПСРЛ. Т. II. Стб. 352 (1147 г.); «царскою» рукой Андрея Юрьевича бог спас Русь от епископа Федора: ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 357 (1169 г.); «царю мой благый» называла смоленского князя Романа Ростиславича причитавшая над его гробом жена: ПСРЛ. Т. II. Стб. 617 (1180 г.); «помилуй мя, сыне великого царя Владимера», — писал своему адресату Даниил Заточник: Слово Даниила Заточника // Памятники древнерусской литературы. С. 11; волынский Роман Мстиславич «бе царь в Роуской земли»: ПСРЛ. Т. II. Стб. 808; в битве на Руте воины славили Изяслава Мстиславича, «яко царя и князя своего»: ПСРЛ. Т. II. Стб. 439 (1151 г.); когда он умер, то «плакася по нем вся Руская земля и вси черннии клобуци, яко по цари и господине своем»: ПСРЛ. Т. II. Стб. 469 (1154 г.).

[20] ПСРЛ. Т. II. Стб. 711 (1199 г.): «великыи князь Рюрик кюр Василий»; НПЛ. С. 50 (1209 г.); «Кюр Михаил побеже переди ис Пронска»; ср.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 524 (1165 г.): «Прибеже ис Царягорода братан царев кюр Андроник»; о Фридрихе Барбароссе — «царь немецкий»: ПСРЛ. Т. II. Стб. 667.

[21] В «Слове о законе и благодати» Илариона (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Изд. А.И. Пономарев. СПб., 1894. Вып. 1. С. 59).

[22] Суздальский Юрий Долгорукий предлагал волынскому Изяславу Мстиславичу мировую, требуя себе доли — «причастья» в «Русской земле» за согласие уступить тому киевский стол («а ты седи царствуя в Киеве»): ПСРЛ. Т. II. Стб. 380 (1149 г.).

империей[23]. Исследования по истории Германии дают основание утверждать, что сравнительно-историческое изучение Древнерусского государства и Германской империи обещает быть особенно плодотворным, если его распространить на IX–XIII столетия[24].

Советские историки, используя эти мысли, уже сделали немало для раскрытия характерных особенностей Древнерусского государства[25]. Изучение его иноязычной сферы как единого целого, имеющего общие черты в своей структуре и закономерности в истории, служит той же цели.

ИСТОКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

В нашей науке постепенно утверждается верная мысль, что так называемые племена Повести временных лет — поляне, северяне и другие — были на самом деле политическими объединениями.

Нужно ожидать, что противники советской концепции генезиса феодализма встретят эту точку зрения в штыки хотя бы потому, что из руин норманизма им, как они думают, удалось отстоять одно положение: «Только традиция о происхождении племени Руси» является безусловно достоверной в предании о призвании варягов, — писал недавно А. Стендер-Петерсен[26], один из наиболее крупных знатоков этой темы. Если вся структура тогдашней Руси оказывается не этнографической, племенной, а политической, то, понятно, рушится и пресловутое «русское» племя и славяно-скандинавский симбиоз народов.

Наши доводы в пользу нового взгляда советской науки начнем с известного (но пока игнорируемого норманистами) сообщения летописи о том, что после смерти первых киевских князей Кия, Щека и Хорива их «род», т. е. потомство, «держати почаша... их княженье в

[23] См.: *Marx K.* Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. L., 1899. P. 76–77.

[24] *Неусыхин А.И.* Исторический миф третьей империи // Уч. зап. МГУ. М., 1945. Вып. 81. С. 55–116; *Колесницкий Н.Ф.* Исследование по истории феодального государства в Германии (IX — первая половина XII в.). М., 1959.

[25] См.: *Бахрушин С.В.* Держава Рюриковичей // ВДИ. 1938. № 2 (3). С. 88–98; *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951; Ср. наши соображения о структуре Древнерусского государства: ВИ. 1951. № 2. С. 58; 1953. № 8. С. 167; 1954. № 1. С. 122–123; Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958. С. 37–38; о древнерусской раннефеодальной империи пишет Б.А. Рыбаков (*Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. М., 1963. С. 5).

[26] *Stender-Petersen A.* Varangica. Aarhus, 1953. S. 245.

полях»; у других «племен» были тоже свои княженья: «в деревлях свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новегороде, а другое на Полоте, иже полочане»[27]; ниже замечено, что первоначальным населением («перьвии насельници») в Полоцке были кривичи, значит и у них было свое древнее княжение.

Внутренняя структура этих княжений на Руси еще достаточно не изучена. Мы знаем, что они жили в язычестве, что у них складывались и органы власти на основе местных правовых норм, они «творяше сами собе закон»[28]. В устах летописца XII в. это звучало как осуждение, ибо для него источник закона и власти — христианская церковь и князь. В переяславском летописце под 852 г. читаем: «начаша быти без власти»[29], это значит — без князя. Кто управлял этими княжениями, мы видели на примере Древлянской земли.

На примере Полянской, Северянской, Вятичской и Радимичской земель мы знаем, что в них имелся уже достаточно организованный аппарат сбора дани мехом или монетой в пользу хазар. Это предполагает наличие подобных же сборов в пользу самой местной знати, наличие стоимостной оценки движимой и недвижимой собственности при юридической ответственности каждой семьи — большой (дым) и малой (рало)[30].

Далее, историки, зачарованные схемой Повести, до сих пор не обратили внимания на то, какой общественно-политический строй скрывается под племенными названиями на всем протяжении их существования. Это традиция, уцелевшая от досоветской науки: видя в племенах Повести этнографическую категорию, она оставляла без внимания летописные известия о них времен феодальной раздробленности потому, что политическая природа «племен» для этого периода была слишком очевидна. Молчаливо допускалось, что с образованием государства «племена» исчезли.

И доныне, в сущности, остается не поколебленным взгляд, что Древнерусское государство возникло в результате насильственного объединения племен и охватило огромный кусок восточноевропейской территории. С исследованием эволюции политического строя

---

[27] ПВЛ. Ч. 1. С. 13.

[28] Там же. С. 18.

[29] ЛПС. С. 5.

[30] Жители Вятичской земли платили «по беле и веверице от дыма» (ПВЛ. Ч. 1. С. 18), ниже сказано, что они платят «по щьлягу от рала» (Там же. С. 47), так же платили и радимичи (885 г.).

восточных славян произошло примерно то же, что с изучением их экономики: пестрота и сложность были заменены социологической генерализацией. Изучение всех летописных известий о племенах позволяет установить, что древнерусские книжники вовсе не вкладывали в этот термин этнографического смысла, а обозначали им сперва земли славянской конфедерации, а затем те из них (например, кривичи, вятичи), которые старались сохранить свою былую автономию в рамках нового Древнерусского государства.

Не безуспешны и поиски союзов земель. С первых страниц летописи некоторые земли славянской конфедерации оказываются связанными между собой. Так, общая судьба была у Словенской и Кривичской земель и примыкающих к ним неславянских — Чудской, Мерьской и, возможно, Весьской земель.

Иностранные (арабские и немецкие) источники кое-что добавляют к летописным данным об этих землях. Земля Весь — финских вепсов — лежала на торговом европейско-арабском пути и как Wisū, с которой торговала Булгария, известна по сообщениям Ибн Фадлана (начало X в.), ал-Марвази (1120 г.), Абу Хамида ал-Андалузи (1162 г.)[31]. Адам Бременский (XI в.) называет земли веси (Wizzi), мери (Mirri), отсутствующей в летописи лами (Lami), и чуди (Schuti)[32]. Эти земли он помещает в глубине Прибалтики, к востоку от шведов и «земли женщин» (по Т. Левицкому, лежавшей к северу от Таллина)[33]. Он сообщает, что на Руси можно было «часто» видеть пленных, приведенных из этих земель. Свои сведения хронист мог получить от купцов, которые, двигаясь с запада, проходили владения чуди, лами, мери и веси. Лами, вероятно, жили в районе Ламского волока[34]. Структура и эволюция этих земель изучена еще недостаточно[35].

---

[31] *Lewicki T.* Ze studiów nad żródlami arabskimi // Slavia antiqua. Poznań, 1952. T. III. S. 165.

[32] Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / Ed. B. Schmeidler. Hannoverae; Lipsiae, 1917. Lib. IV. Cap. 14.

[33] *Lewicki T.* Arabskie legendy o kraju Amazonek na pólnocy Europy // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków, 1957. № 13. Filologia. Zesz. 3. S. 290, 303.

[34] Т. Левицкий думает, едва ли справедливо, что Lami — это емь (*Lewicki T.* Ze studiów. S. 172). О ней см.: *Насонов А.Н.* «Русская земля». С. 90.

[35] См.: *Голубева Л.А.* Археологические памятники веси на Белоозере // СА. 1962. № 3. С. 53–77; ср.: *Зимин А.А.* Новгород и Волоколамск в XV вв. // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1961. Вып. 10. С. 97–116 (интересны данные использованного автором патерика Досифея Топоркова о Волоке как одном из окраинных владений Новгорода).

Четыре земли — Словенская, Кривичская, Чудская и Мерьская были вынуждены платить дань варягам, которые не имели здесь опорных пунктов, а совершали набеги — «приходяще из заморья». Эта дань платилась «от мужа», т. е. ни племя, ни род, ни даже большая семья уже в оклад не шли[36]. Под 862 г. летопись сообщает, что именно эти четыре земли, не дав варягам дани, изгнали их «за море». Такое согласованное действие четырех земель свидетельствует об усилении тенденции к их слиянию, ускоренной северной опасностью.

Изгнав «находников», эти четыре земли «почаша сами в собе володети», но вскоре их охватили распри. Мы знаем подобные явления и в истории поморских славян и пруссов, где нобили постоянно враждовали между собой. Летописец говорит, что «въста род на род», однако под родом в его время понимали вовсе не то, что во времена буржуазной социологии.

Источник XI в. сообщает: «Род на трое ся речет: по единому убо образу от рожденного, яко же от Израиля израилите наричутся; по иному же образу от отьчьства, якоже и от Иерусалима иерусалимляне наричутся; по третьему же образу род наричуть — разделяемое в виды, еже и уставляюште глаголють, род есть еже о многыих и подобьныих в виду в том, в нем же чьто есть о глаголаемое». Такое понимание рода (семьи, отечества и, наконец, философского вида), по справедливому замечанию поборника соборности М. Шахматова[37], наличествует и в летописи.

Когда усобицы охватили эти обильные и обширные земли и они «воевати сами на ся почаша», то решили они искать себе князя. Это естественный шаг для нобилей союзных земель, которые не хотели поступаться своими правами в пользу соседа, но все вместе нуждались (как это хорошо видно из последующей истории феодальной Руси даже на примерах вольных боярских республик и городов) в сильной власти для господства над народом и отражения опасности извне. Представители трех земель — Словенской, Кривичской и Чудской — рассуждают так, как мыслили феодалы XII в.: князь владеет вольной землей по Правде и по «ряду» с местной знатью, которой

---

[36] НПЛ. С. 106 (под 854 г.). Принципиально неважно, было ли в конфедерации три или четыре земли (ср.: *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 294).

[37] *Шахматов М.* Опыты по истории древнерусских политических учений. Прага, 1927 (гектографированное издание). Т. I. Кн. 1. Начало соборности. С. 94; ср.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. III. Стб. 135–138.

дает «наряд»[38], они говорят: «Поищем сами в собе (не очень ясное выражение. — *В.П.*) князя, иже бы володел нами и рядил по ряду и по праву» в земле, которая, что нам здесь особенно важно отметить, мыслится как некое единство, не имеющее наряда.

Таким образом, сам по себе факт призвания князя есть следствие внутреннего общественного развития страны, чьей знати на службу он и ставится. И потому вовсе не исключено, что Древнейшая Правда хранит в себе следы подобного ряда, обеспечивающего взаимные права славянской знати и их защиту от произвола и самого князя, и сопровождающей его иноземной дружины. Поэтому вполне возможно, что, освободившись от иноземного господства варягов-захватчиков, славянская знать призвала одного из варяжских князей с дружиной в качестве своего законного слуги.

Итак, до образования Древнерусского государства уже возникали союзы славянских и неславянских земель в Северной Руси, их ядром были новгородская Словенская земля и полоцкая Кривичская.

Нечто подобное было, видимо, и в Южной Руси. Часть Нижней Руси: Полянская, Северянская, Радимичская и Вятичская земли — члены конфедерации какое-то время находились под игом каганата, платили ему подымную дань деньгами и мехами[39]. Под власть Хазарского каганата Полянская земля попала, когда после смерти Кия и его преемников была «обидима» Древлянской землей «и инеми околними»[40], т. е. на юге происходило то же, что и в Верхней Руси, — распри между членами конфедерации вели к потере независимости. Сбросила Киевская земля хазарское иго уже во времена Аскольда и Дира. Давнее сближение этих земель, вероятно, подготовило почву для быстрого, после занятия Полянской земли, подчинения северян (884 г.) и радимичей (885 г.) власти нового государства.

Когда начало складываться Древнерусское государство, оно стало освобождать тяготевшие к нему славянские земли от чужеземной власти каганата, а затем подчинило и его, узурпировав (как это делали позднее московские цари) титул кагана. Новая государственная власть гибко пользовалась обстановкой: овладев Киевом, центром Полянской земли, определила дань со словен, кривичей и мери; со сло-

---

[38] *Пашуто В.Т.* О мнимой соборности древней Руси // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962. С. 191 и сл.: ср.: *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 370 и сл.

[39] ПВЛ. Ч. 1. С. 18, 20.

[40] Там же. С. 16.

венского центра Верхней Руси, с Новгорода, — 300 гривен варягам «мира деля»; в Киев с него позднее (под 1014 г.) шло 3000 гривен; с жителей Древлянской земли — по черной куне[41], а победив северян, освободила от хазарской дани, положив на них «дань легъку»[42]; Радимичскую землю Киев привлек переговорами — они, сбросив хазар, стали платить ему ту же дань «по щьлягу»[43], возможно, от рала, ибо так платили вятичи еще перед походом Святослава на хазар[44]; видимо, он освободил их от хазарской дани, но о новой дани в Киев речи нет; на радимичей легло и обязательство везти «повоз», т. е. поставлять средства передвижения киевскому князю[45].

Факт существования таких союзов земель в Северной и Южной Руси отразился в последующем летописании, которое знает «верхние земли» и собственно русские с их киево-черниговопереяславским ядром[46]. В 997 г. князь Владимир пошел в Новгород собирать «верховьние вои» для борьбы против печенегов[47]; император Константин (X в.) называл северную часть «внешней Русью»[48]; в 1148 г. обменивались отечественными и иноземными дарами союзные князья — волынский Изяслав со смоленским Ростиславом: первый дал дары «от Роускыи земле и от всих цесарьких земль», второй «от верьхних земль и от варяг»[49]; в 1185 г. Святослав Всеволодович, готовя поход на половцев, собирал у Карачева «от верхъних земль вои»[50]. В новгородском летописании

---

[41] Там же. С. 20 (под 882 и 883 гг.); эту дань увеличил Игорь: С. 31 (под 914 г.). См. также: *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 149.

[42] ПВЛ. Ч. 1. С. 20.

[43] Там же.

[44] Там же. С. 47.

[45] Там же. С. 59 (под 984 г.); ср.: *Chitimia I.* Histoire et sémantique de deux termes slaves. Повозъ et подводь, chez les Slaves et chez les Roumains // Sl. r. XIX. № 3–4, 1950. S. 349–362; пограничные тиверцы должны были служить «толковинами», вероятно, обязанными сгонной барщиной-толокой (ПВЛ. Ч. 1. С. 23; Ч. 2. С. 263).

[46] *Насонов А.Н.* «Русская земля». С. 28 и сл.

[47] ПВЛ. Ч. 1. С. 87.

[48] *Константин Багрянородный.* Об управлении государством / Пер. Н.В. Малицкого // Изв. ГАИМК. Л., 1934. Вып. 91. С. 8.

[49] ПСРЛ. Т. II. Стб. 369; ср.: «верхняя земля» у тебя,– писал Изяслав Ростиславу: Там же. Стб. 359.

[50] Там же. Стб. 645. Установлено и существование в Нижней (Киевской) и Верхней (Новгородской) Руси разных денежно-весовых систем: *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья (Домонгольский период). М., 1956. С. 204–205.

под «низовской землей» впоследствии стали понимать владимиро-суздальский край.

Возникает вопрос, когда, каким образом и какие земли оказались на положении иноязычных окраин возникшего Древнерусского государства.

Едва наметилось превращение союзов земель в Древнерусское государство, как у кормила власти появились представители славянской знати; используя в своих целях иноземную княжескую династию и связанных с нею воинов и купцов, эта знать на первых порах скупо привлекала в административные органы неславянские элементы. Чтобы это понять, придется допустить существование уже на этой стадии известной древнерусской этнической общности, которую укрепляли не норманны, а нарождавшийся славянский феодальный класс.

Хотя создание и упрочение институтов нового, государственного строя взяла в свои руки славянская знать, Древнерусское государство возникло и развивалось как этнически неоднородное. Объяснение этому надо искать в очень сложных явлениях славянской догосударственной народной колонизации и в последующем государственном объединении земель — членов славянской конфедерации; некоторые из них находились под иноземной властью, другие были союзны с землями не славянскими (например, кривичи — с литовцами, словене — с эстами и т. п.). Объединяя славян, государство походя включало и некоторые неславянские земли, которые из угнетателей или союзников славян превращались наряду с коренной Русью в объект постепенно растущей феодальной эксплуатации.

Освобождая и объединяя славянские земли и одновременно подчиняя неславянских соседей и ассимилируя некоторых из них, менее сплоченных, Русь не представляла собой какого-то исторического исключения. Подобное же явление можно наблюдать в позднейшей истории Литвы, которая, объединившись в государство, одновременно подчинила немало русских, украинских и белорусских земель. Правда, стоя ниже их в экономическом отношении, она не смогла в процессе общественного синтеза их ассимилировать, однако существенно осложнила их этническое развитие.

Четырнадцать земель (бывших племен) славянской конфедерации по-разному вошли в состав государства, но их знать попала в более привилегированное положение, особенно знать Полянской земли —

основы Нижней Руси и Словенской земли — основы Верхней Руси; некоторые же из славянских земель, насколько можно судить по источникам, и при новой структуре власти довольно долго хранили следы былой дофеодальной автономии — днестровско-дунайские тиверцы, древляне, кривичи и особенно вятичи. Очевидно, от активности колонизации, от степени исторического развития колонизуемых земель зависела их судьба.

В формировании Древнерусского государства можно выделить два этапа. Неславянские земли, подвластные Верхней Руси, были колонизованы позднее[51] и в большей степени. Из упомянутых в перечне Повести временных лет земель-данников некоторые были колонизованы полностью, утратили свой этнос: финно-угорские — меря, весь, мурома — на северо-востоке; из не упомянутых Повестью (видимо, потому, что они были подвластны не Киеву, а Новгороду) также полностью колонизовались водь и ижора на северо-западе, а также лама (?) — на северо-востоке; исчезла с карты, войдя в состав других народов, и заволочская чудь. На колонизованных землях возникли русские города Рязань, Муром, Суздаль, Белоозеро, Ростов и др. Это славяно-финский симбиоз, следы которого жили очень долго (вспомним Чудской конец в Ростове)[52].

Эта же славянская колонизация не привела к ассимиляции упомянутых в Повести этнически и экономически более устойчивых народов. Напротив, в Прибалтике совокупность эстонских областей слилась в «Чудскую землю», аукштайтско-жемайтско-ятвяжских — в Литву, заметно окрепла Латгалия; в Поволжье консолидируется мордва, черемисы (мари); на Севере пермь и печора образуют народ коми; из не названных в перечне данников крепнет и выделяется в особую землю Корелия, сохраняются более отдаленные этнические группы — лопари, самоеды, югра (ханты-манси). Следовательно, глубоко прогрессивная этническая консолидация ряда народов Восточной Европы восходит ко временам Древнерусского государства.

Консолидация земель степного юга, которую изучал Б.А. Рыбаков, велась «в совершенно иной исторической обстановке, иными сред-

---

[51] См.: *Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Археологическое изучение Древнерусского города // КСИА. 1963. Вып. 96. С. 10–13.

[52] См.: *Насонов А.Н.* «Русская земля». С. 93 и др.

ствами и приводила к иным результатам»[53]. Б.А. Рыбаков полагает, что южные степи были некогда колонизованы славянами по Дону, Северному Кавказу, Тамани и Дунаю, а Святослав прошел по ним, чтобы их прочнее привязать к Киеву, который как столица возник «не на краю славянских земель, а в историческом и территориальном центре распространения славянства в VIII–IX вв.»[54]. Даже если это так, все же печенежское нашествие и тысячеверстный барьер кочевников плотно отрезали славянских колонистов от основного массива, и их влияние на степную политику едва уловимо.

В отличие от колонизации северо-западной, где Русь столкнулась с внешнеполитическими соперниками (Швецией, Данией, Норвегией, Германией) лишь в конце XII в., и северо-восточной, где противником была одна Волжская Булгария, на юге колонизация встречала потоки кочевников-аваров, болгар, венгров, печенегов, торков, половцев — и испытывала сопротивление Византии, Хазарии, а в дальнейшем Венгрии и Польши.

Консолидация степных народов осуществлялась по мере развития симбиоза тюркской кочевой и древнерусской земледельческой форм общественного строя.

Определяющим в отношениях Руси с подвластными народами было прогрессивное влияние, которое проявлялось многообразно. Эта первостепенной важности проблема все более полно изучается нашими археологами в течение последних двадцати лет. В трудах А.В. Арциховского, Х.А. Моора, В.В. Седова, Я.В. Станкевич, Ф.Д. Гуревич и других представлена история славянской колонизации северо-западных земель[55]; начальные этапы северо-восточной колонизации отражены в работах В.И. Равдоникаса, М.В. Талицкого, Л.А. Голубевой, Г.А. Черно-

---

[53] *Рыбаков Б.А.* Предпосылки образования Древнерусского государства // Очерки истории СССР. III–IX вв. М., 1958. С. 868.

[54] Там же.

[55] *Арциховский А.В.* Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 11–12; *Моора Х.А.* Возникновение классового общества в Прибалтике (по археологическим данным) // СА. 1953. Т. XVII. С. 105–132; *Седов В.В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. М., 1960 (МИА. № 92); *Он же.* Кривичи // СА. 1960. № 1. С. 47–62; *Он же.* Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси // СА. 1961. № 2. С. 103–121; *Станкевич Я.В.* К истории населения верхнего Поволжья в I и начале II тыс. н. э. // МИА. 1960. № 76. Древности северо-западных областей РСФСР в первом тысячелетии н.э. С. 7–327; *Гуревич Ф.Д.* Древности белорусского Понеманья. М.; Л., 1962.

ва, А.В. Никитина, Н.Н. Гуриной и других[56]; исследования А.П. Смирнова, Е.И. Горюновой, А.Л. Монгайта, О.Н. Бадера, Т.Н. Никольской, В.А. Оборина по-новому раскрывают процесс колонизации Волги, Камы и Оки[57]; труды М.И. Артамонова, П.П. Ефименко, П.Н. Третьякова, А.Е. Алиховой и других — земель Подонья[58]; И.И. Ляпушкина — Поднепровья[59]; С.А. Плетневой — степей Причерноморья[60]; Г.Б. Федорова — Прутско-Днестровского бассейна[61].

Это огромный, пока еще недостаточно в нашей историографии оцененный фонд наблюдений и выводов, убедительно свидетельствующих, что главной фигурой могучей экономической колонизации, развернувшейся во второй половине первого тысячелетия на Восточноевропейской равнине, был славянский земледелец, что экономический прогресс выражался во внедрении земледелия в среду скотоводческих, охотничьих и промысловых народов. Складывание

---

[56] *Равдоникас В.И.* Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье // Изв. ГАИМК. Л., 1934. Вып. 94; *Талицкий М.В.* Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. 1951. № 22. С. 33—96.; *Голубева Л.А.* Белозерская весь и ее западные соседи в X — начале XII в. // Скандинавский сборник. Таллин, 1964. Вып. 8. С. 285–296; *Чернов Г.А.* Стоянки древнего человека в бассейне реки Печоры // КСИИМК. 1948. Вып. 23. С. 50–59; *Никитин А.В.* О начальном периоде истории города Вологды // КСИИМК. 1960. Вып. 81. С. 31–37; *Гурина Н.Н.* Древняя история северо-запада европейской части СССР. Л., 1961 (МИА. № 87); *Она же.* Некоторые данные о заселении южного побережья Кольского полуострова // СА. 1950. Т. XII. С. 105–127.

[57] *Смирнов А.П.* Волжские булгары. М., 1951; *Он же.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952. (МИА. № 28); *Он же.* Очерк древней истории мордвы // Труды ГИМ. М., 1960. Вып. XI; *Он же.* Железный век чувашского Поволжья. М., 1961; *Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961 (МИА. № 94); *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М., 1961; *Бадер О.Н.* Городища Ветлуги и Унжи // МИА. 1951. № 22. Материалы и исследования по археологии Приуралья. С. 110–158; *Никольская Т.Н.* Культура племен бассейна верхней Оки в I тыс. н.э. М., 1959 (МИА. № 72); *Оборин В.В.* Камская археологическая экспедиция 1955 г. // КСИИМК. 1959. Вып. 74. С. 101–109.

[58] *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962; *Он же.* Саркел — Белая Вежа // МИА. 1958. № 62. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. С. 7–84; МИА. 1959. № 75. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 2; *Ефименко П.П., Третьяков П.Н.* Древнерусские поселения на Дону. М., 1948 (МИА. № 8); *Алихова А.Е.* Русский поселок у села Березовка // МИА. 1960. № 80. Куйбышевская археологическая экспедиция. Т. 3. 1960. С. 15–37.

[59] *Ляпушкин И.И.* Днепровское лесостепное побережье в эпоху железа. М., 1961 (МИА. № 104).

[60] *Плетнева С.А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62. С. 150–226.

[61] *Федоров Г.Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в 1 тыс. н. э. М., 1960 (МИА. № 89).

ремесленно-торговых очагов в национальных областях содействовало их этнической консолидации.

Общественный прогресс выступал в развитии национальных групп феодалов, а также в том, что некоторые народы от родовой и первобытной патриархальщины перешли к феодализму, минуя развитое рабство.

Политический прогресс виден в подготовке местной национальной администрации и в совместной борьбе против других, подчас более алчных феодалов (скандинавских, датских, немецких рыцарей). Прогрессивное, культурное значение имело распространение христианства. Наконец, уже в Древнерусском государстве начали складываться традиции совместной борьбы русского и других народов против социального гнета.

Хронологической гранью сформирования Древнерусского государства в его сложной этнической структуре можно условно считать время княжения Владимира I и Ярослава Мудрого. Именно в это время христианским монархом собственно Руси был усвоен титул «самовластец»; к этому времени более или менее четко определился круг подвластных Руси народов.

Славяно-финно-угорский, славяно-тюркский и славяно-балтийский симбиоз засвидетельствован археологией (трудами Е.И. Горюновой, С.А. Плетневой, В.В. Седова, Х.А. Моора и др.) как длительный, многовековой процесс, археологически отраженный в чересполосных поселениях и смешанных формах материальной культуры, постепенно приводящий к консолидации народностей на более четко очерченных территориях. Примечательно, что не норманны, а славяне были носителями этой колонизации.

С упрочением Древнерусского государства этот процесс ускорился, охватив огромную территорию от Финского залива до Дуная, от Белого моря до Волги и Дона; он приобрел классовую, феодальную форму организации, важнейшими элементами которой были данничество, торговля, христианизация.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВАССАЛИТЕТА НЕСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЕЛЬ

Письменные, археологические и этнографические источники дают основание утверждать, что экономическую основу русской политики в иноязычной сфере составляло естественно-географическое раз-

деление труда, исторически сложившаяся неравномерность развития хозяйства у отдельных народов нашей страны.

Основное ядро государства — древняя Русь, при всем разнообразии естественно-географических предпосылок и общественно-политических форм, — представляла собой относительно феодально развитую земледельческую страну. Притом и внутри коренной Руси аграрная структура не была однородной (смесь пашни, подсеки, перелога). Другие, подвластные Руси народы еще только находились на пути к феодализму, и по уровню своего хозяйства они могут быть разделены, понятно очень условно, на несколько весьма рознящихся между собой групп: прибалтийские земледельческие народы (пруссы, литовцы, латыши, эстонцы, водь, ижора) — на западе; причерноморские кочевые, народы степные скотоводы (печенеги, торки, половцы) — на юге; известные своими охотничье-рыболовными промыслами корелы, лопари (саамы), коми, югра (ханты-манси) — на севере; смешанные формы хозяйства наблюдались у народов Поволжья (черемисы-мари, мордва, буртасы, вяда) и Северного Кавказа (косоги-черкесы, ясы-осетины).

Разумеется, степень зависимости перечисленных народов и размеры подданной Руси территории были весьма разнообразны и неустойчивы, и при общей скудости источников точно определить их едва ли возможно.

Во главе этих народов стояла местная знать. На протяжении XI–XIII вв. источники фиксируют не только ее сотрудничество с древнерусскими феодалами, но и возрастающую тенденцию к самостоятельности — на Северном Кавказе, в Половецкой степи, в Прибалтике.

Русские князья и бояре, опираясь на иноязычную знать, сохраняли в качестве основной формы эксплуатации земледельцев уже пройденный коренной Русью (хотя и живший в терминологии) сбор дани. По мере консолидации народов крещеная иноязычная знать все шире вовлекается в аппарат государственного управления и сбора даней, видимо, получая свою долю доходов.

В «Повести временных лет» есть перечень народов, «иже дань дают Руси». Он не полон. Из народов Прибалтики в нем упомянуты литовцы (Литва — Аукштайтия и Нерома-Жемайтия), земгалы, курши (латыши), ливы, чудь (эстонцы); из народов Севера — емь (финны), коми (пермь, печора); из народов Поволжья — черемисы (мари), мордва. Упомянуты в этом списке и финно-угорские наро-

ды, уже не встречаемые в летописях XII в., видимо, в основном колонизованные в более раннее время — меря, весь, мурома. Этот перечень составлен, вероятно, тогда, когда через Белоозеро, Ростов и Муром утверждалось господство русской знати в северо-восточном крае, ибо в нем не упомянуты такие народы Поволжья, как буртасы и вяда, судя по «Слову о погибели», бывшие в зависимости от Владимира Мономаха.

Нет в этом перечне и некоторых народов Прибалтики: латгалов, води и ижорян, а также народов северо-востока: корел, лопарей, чуди заволочской, югры, самояди. Можно думать, что в нем названы лишь народы, издавна попавшие в зависимость от южной Киевской Руси; народы же, зависимые от Новгорода, в перечень не включены. Нужно учесть и то, что с торжеством политической раздробленности часть народов, ранее бывших под властью Киева, попала под управление Новгорода, Пскова, Полоцка (эстонцы, латыши); земли заволочские, печерские, югорские стали объектом острых новгородско-киевско-суздальских противоречий; некоторые земли вовсе освободились от зависимости (Литва, Черкесия).

Список «Повести» можно сопоставить со «Словом о погибели». Круг языческих земель («поганьския страны»), покоренных христианами, приведенный в «Слове», тоже грешит неполнотой: «Отселе до угор, и до ляхов, и до чяхов, от чяхов, до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немець; до корелы, до Устьюга, где бяху тамо тоймицы погании, а за Дышючим морем, от моря до болгары, от болгарь до буртас, от буртас до чермис, от чермис до мордви»[62]. Автор «Слова», видимо, не переяславец, как мы думали ранее[63]; весьма вероятно, что он — киевлянин[64], написавший «Слово» в пору кратковременного пребывания в древней столице князя Ярослава Всеволодовича. Поэтому он оставил без внимания такие связанные с Новгородом народы, как водь, ижора, лопари; вовсе не упомянул емь, в его время еще не захваченную Швецией (которую, как и Норвегию, он не назвал среди дальних соседей Руси). Полное представление о круге всех подвластных Руси земель можно будет получить лишь в результате сопоставления рус-

[62] Текст «Слова» в публикации В.И. Малышева см.: ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. V. С. 188.

[63] См.: Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1954. Т. XIII. Вып. 2. С. 189–190.

[64] Ср.: *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литература XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 123.

ских летописей с иностранными источниками. О целях властвования над народами (если оставить в стороне действие собственно внешнеполитических и внешнеторговых факторов) можно в некоторой мере судить по количеству и составу доходов, извлекаемых русской феодальной знатью и купечеством Древнерусского государства со времени его окончательного сформирования.

Представление относительно доходов с народов Прибалтики дают факты, относящиеся к Эстонии. Случайно узнаем, что в 1060 г. князь Изяслав Ярославич ходил на землю сосол (Саккала) «и дань заповеда 2000 гривен»[65]. Вспомним, что до начала XI в., пока в Новгороде самостоятельно не утвердился Ярослав, новгородцы, видимо со времен Олега, платили Киеву дань-урок в сумме 2000 гривен да 1000 шла на содержание киевской дружины-засады в Новгороде[66]. Со Смоленской земли дань (отвлекаемся от формы) составляла тоже 3000 гривен (XII в.). Сравнительное изучение размеров даней с земель русских и других народов — интересная самостоятельная тема.

Саккальцы дань платить отказались; тем не менее, источники сохранили достаточно других свидетельств о данничестве Эстонии, относящихся к XI–XIII вв.[67]. Вторжение немецкого Ордена в Восточную Прибалтику, начавшееся завоевание латвийских и эстонских земель нарушило их подданство Руси. Поступление дани все чаще прерывалось по вине Ордена и вызывало ответные действия со стороны Новгорода. До захвата немецкими крестоносцами Юрьева (Тарту) русские и немецкие источники отмечают сбор новгородскими властями дани, в размере 100 гривен с Отепяа (1210[68] и 1212[69] гг.), в размере 175 гривен[70] с Харьюмаа[71] (1214 г.[72]); в походе Ярослава Всеволодовича на захваченный датчанами Ревель тоже

[65] НПЛ. С. 183.

[66] ПСРЛ. Т. II. Стб. 114. Известно, что вплоть до смерти Ярослава Мудрого Новгород (не Киев!) платил варягам 300 гривен в год «мира деля». Это пережиток давнего соглашения Олега со скандинавами, от той поры, когда государство было невелико и нуждалось в мире на севере. Сравнение этой символической суммы с новгородской данью Киеву красноречиво определяет истинное место варяжского элемента в жизни Руси. Ср.: *Шахматов А.А.* Разыскания. С. 333.

[67] ПСРЛ. Т. II. Стб. 294; НПЛ. С. 22.

[68] ГЛ. XI, 7.

[69] НПЛ. С. 52.

[70] Там же С. 52–53.

[71] ЛПС. С. 111 (под 1213 г.).

[72] ГЛ. XV, 8.

были добыты золото[73] и серебро[74] (1223 г.). Наконец, когда верный русско-эстонскому союзу князь Вячко пришел с дружиной оборонять Тарту от немецких рыцарей, то эсты «отдали ему подати с окружающих областей»[75]. Вероятно, более или менее регулярную[76] подать по погостам собирали по числу жителей.

Можно думать, что сходно обстояли дела в Латвии[77] и Литве. Правда, в глоссе переяславского летописца замечено, что литовцы — исконные данники и «конокормцы» Руси[78], но, конечно, главное место должна была занимать денежная дань. Даже покоренные волынскими войсками князя Даниила жители сравнительно отсталой прусской земли Ятвягии после одного из поражений «послаша послы своя и дети своя (т. е. заложников) и дань даша и обещевахоуся работе быти ему и городы рубити в земле своей». Представители княжеской власти — данщики — собирали с них в виде дани «черны куны и бело серебро»[79].

Обращаясь к истории народов Севера, узнаем, что князь Мстислав Владимирович, будучи в Ладоге, беседовал с «мужи старии» (едва ли по возрасту, скорее речь идет о более известных, знатных), которые «ходили за югру и за самоядь», т. е. в ханты-мансийские земли. В «Слове о погибели» к покоренным Русью землям отнесены «тойминци» (р. Тойма впадает в Северную Двину) и народы, что «за Дышючим морем», т. е. Ледовитым океаном. С них собирали дань. В летописи под 1096 г. помещен рассказ, который этот князь слышал в Новгороде от Гюряты Роговича, чей «отрок» собирал дань в землях печоры (коми) и югры (ханты-манси). Этот данщик, мешая были с небылицами, говорил, что в далеких горах, до которых русские данщики не всегда доходят, да и еще дальше к северу («есть же и подаль на полунощии») живут люди, чей язык (в отличие, видимо, от языка печоры и югры) новгородцам непонятен («не разумети языку их»), но с ними возможна меновая торговля: они «кажать на железо и помавают рукою, просяще же-

---

[73] НПЛ. С. 61.

[74] Там же. С. 66.

[75] ГЛ. XXVII, 5.

[76] ГЛ. XIX, 10; Арнольд Любекский говорит, что полоцкий князь собирал дань с ливов «время от времени» (MGH SS. T. XXI. P. 212)

[77] Во всяком случае ливы платили дань Полоцку: ГЛ. I, 3; XIV, 9.

[78] ЛПС. С. 2.

[79] ПСРЛ. Т. II. Стб. 835.

леза; и аще кто дасть им ножь ли, ли секиру, и они дають скорою противу»[80].

В переяславском летописце этот текст пополнен глоссой, отражающей последующий опыт XII–XIII вв.: «дают соболи, куницу, белку против, тысящю дороже цены»[81]. Типичная картина торговли более развитой феодальной страны с народом экономически отсталым.

Переяславская глосса достойна доверия. Напомним описание похода воеводы Ядрея с отрядом в две сотни за югорской (ханты-мансийской) данью. Осажденные с князем в укреплении югорцы говорят: «Копим серебро и соболи и ина узорочья, а не губите своих смерд и своей дани»[82]. Б.А. Романов справедливо заметил, что здесь обязанность сбора дани была возложена на местную знать[83]. Вопрос о начале разработок серебряных и золотых руд в России является весьма актуальной, но, к сожалению, забытой задачей археологии[84].

В новгородском церковном уставе князя Святослава (1137 г.) частично отражена разветвленная система сбора даней с населения северо-восточного края; здесь отмечены епископские владения на реках Онеге и Сороти. С Онежской земли в княжий двор шел доход, из которого он выделил епископу гарантированные 100 гривен новых кун в год[85]. С северных погостов ставки равнялись 3, 2, 1½,

---

[80] ПВЛ. Ч. 1. С. 167; текст внесен в летопись в 1118 г. (ПВЛ. Ч. 2. С. 127). Киев тоже претендовал на этот край: великий князь Ярополк Владимирович в 1133 г. направил князя Изяслава Мстиславича «к братьи Новугороду, и [они] даша дани Печерьские и от Смолиньска дар»: ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 302 (1133 г.). См.: *Сенкевич-Гудкова В.В.* Отражение фольклора народов Севера в Повести временных лет // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. XVI. С. 411–460; но край ненцев знали еще плохо — см.: *Анучин Д.Н.* К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. М, 1890.

[81] ЛПС. С. 51 (под 1091 г.).

[82] НПЛ. С. 40–41. Это и был один из источников «закамского» серебра.

[83] См.: *Романов Б.А.* Деньги и денежное обращение // История культуры древней Руси. М.;Л., 1948. Т. 1. С. 376.

[84] На это с основанием указывал наш немецкий коллега из ГДР Б. Видера (см.: *Widera B.* Ware — Geld — Beziehungen // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. B., 1961. Bd. II. S. 322–331).

[85] ПРП. Вып. 2. С. 116–120; см.: *Насонов А.Н.* «Русская земля». С. 93–100. Походы в Подвинье начались давно: под 1032 г. сообщается о походе Улеба к «железным воротам», видимо в устье Северной Двины, и отмечено, что «опять мало их приде» (есть мнение, что речь идет о Карских воротах: *Белов М.И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М., 1956. С. 34). Ср. огромные поборы с Подвинья в XIV — начале XV в. — 5000 рублей, 50000 белок, 6 сороков соболей (НПЛ. С. 380–381, 393, 415; см.: *Данилова Л.В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955. С. 204 и сл.).

1, ½ сорочка в год. Устав более чем на 43 сорочка увеличил поступление десятины от даней в пользу епископии. Обложено было и приморское население, видимо у устья р. Онеги: «на мори от чрена (чрен — чан для выпарки соли. — *В.П.*) и от салгы (котел. — *В.П.*) по пузу (пузо — мера веса. — *В.П.*)».

Подвинье — новгородское владение, но путь туда лежал через область чересполосных интересов новгородских бояр и суздальских князей[86], неоднократно враждовавших здесь из-за сбора даней[87].

В Уставе Ярослава о мостах среди перечисленных сотен есть «Лопьскаа»[88]. Район Терского берега — Кольского полуострова платил дань Новгороду: из летописи под 1216 г. узнаем о существовании «тьрьского даньника»[89]. Едва ли с лопарями (саамами) новгородские купцы торговали иначе, чем с другими далекими северными народами. Что касается дани, то из русско-норвежского соглашения середины XIII в. («Разграничительная грамота») узнаем, что было решено брать «не более пяти серых (беличьих) шкурок с каждого лука (охотника) или по старине, если они (жители) хотят, чтобы по старине было»[90]. Земли севернее Онежского озера еще не были освоены, там жила «дикая лопь»[91].

О формах экономического освоения земель Поволжья сведений у нас меньше. В «Слове о погибели» сказано, что мордвины, черемисы, буртасы и вяда (вероятно, мордовское племя в Мещерском крае) «бортничаху на князя» Владимира Мономаха[92]. Буртасы (одно из мордовских племен) попали в зависимость от Руси, видимо, после похода Владимира I на Булгарию[93]. С началом феодальной раздро-

---

[86] *Насонов А.Н.* «Русская земля». С. 188–190; на какие-то доходы претендовал и Смоленск: ПСРЛ. Т. II. Стб. 550 (1172 г.).

[87] Столкновение при Юрии Долгоруком — НПЛ. С. 28 (1149 г.); ПСРЛ. Т. II. Стб. 367 (1148 г.); при Андрее Боголюбском — НПЛ. С. 39 (1168 г.); ПСРЛ. Т. IV. Вып. 1. С. 163; ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 353 (1166 г.); при Всеволоде Юрьевиче — НПЛ. С. 43 (1196 г.) и позднее — НПЛ. С. 59 (1219 г.); ПРП. Вып. 2. С. 120.

[88] НПЛ. С. 507.

[89] Там же. С. 57.

[90] *Шаскольский И.П.* Договоры Новгорода с Норвегией // ИЗ. 1945. Т. 14. С. 52–53.

[91] Псковские летописи. Вып. 1. С. 141.

[92] ТОДРЛ. 1947. Т. V. С. 188; ср.: *Циркин А.В.* Русско-мордовские культурные связи в X–XIII вв. Автореф. дисс. к.и.н. Саранск, 1964. С. 6.

[93] *Левицкий Т.* «Китаб ар-Рауд ал-ми'тар» Ибн Абд ал-Мун'има ал Хими'ари (XV в.) как источник сведений о восточной, центральной и северной Европе // Проблемы востоковедения. М., 1960. Т. III. С. 135; *Lewicki T.* Die Vorstellungen arabischer Schriftsteller des 9. und 10. Jahrhunderts von der Geographie und von den ethnischen

бленности эти народы стали зависимы от Владимиро-Суздальской Руси. Из летописи узнаем, что мордвины несли и конокормную повинность: в 1183 г., возвратившись во Владимир из похода на Булгарию, князь Всеволод Юрьевич «кони пусти на Моръдву»[94].

Из народов Северного Кавказа, согласно летописи, дань платили косоги (черкесы)[95]. Ее собирал князь, сидевший в Тмутаракани. Так продолжалось вплоть до прихода половцев.

Кочевые народы, граничившие с Русью, составляли одно из очень сложных звеньев степной политики русских феодалов. Печенеги и торки были подчинены к концу XI в. Половецкие ханы не раз совершали набеги на Русь. Причиной набегов была, конечно, не только нужда кочевников в хлебе и других продуктах; в их основе лежало хищничество кочевой раннефеодальной знати; свою роль сыграло и отсутствие стабильной политики у русских князей, искавших среди половецких веж политических союзников в своих распрях на Руси.

В течение полутора столетий юго-восточная Русь систематически разорялась половцами. В этом одна из особенностей экономики Руси; другие страны Европы подобных вторжений не знали. Источники не оставляют сомнений, что этот район считался голодным краем.

На долю русского народа выпала нелегкая задача в течение столетий противостоять напору кочевых орд. Трудность борьбы усугублялась тем, что князья разных русских земель не имели, как правило, единой степной политики. И все же Русь вплоть до монгольского нашествия выстояла в этой суровой борьбе.

В целом половецкие набеги охватывали (как отметил уже Д. Расовский[96]) около 1/15, главным образом степной части страны. При

Verhältnissen Osteuropas // Der Islam. B., 1960. Bd. 35. S. 37; *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. С. 157–161; *Сафаргалиев М.Г.* Заметка о буртасах // Зап. Мордовского научно-исслед. ин-та. Саранск, 1950. Т. 13. С. 88–96. О вядах см.: *Соловьев А.В.* Заметки к «Слову о погибели Русской земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XV. С. 102–104.

[94] ПСРЛ. Т. XXV. С. 90.

[95] Их «победи» еще Святослав: ПВЛ. Ч. 1. С. 47 (965 г.); «дань возложи» на них Мстислав: С. 99 (1022 г.), который водил их и в походы: С. 99 (1023 г.); потом Ростислав из Тмутаракани «емлющю дань у касог и у инех стран», т. е. у хазар или у осетин: С. 111 (1066 г.).

[96] *Расовский Д.А.* Половцы // Seminarium Kondakovianum. Praha, 1935. Т. VII. С. 161–182; 1937. Т. IX. С. 71–85; 1938. Т. X. С. 155–178; 1940. Т. XI. С. 95–127 (в силу невозможности во времена публикации этой работы упоминать труды русских историков-эмигрантов ссылка на фундаментальное исследование Д.А. Расовского отсутствовала и добавлена нами. — *Примеч. ред.*).

надлежащей организации обороны ни Галич, ни Полоцк, ни Смоленск, ни Новгород, ни Суздаль не были для них досягаемы, а в Киев, Чернигов и Переяславль они вступали лишь в качестве княжеских наемников.

Со своей стороны князья считали половецкое поле самим богом предназначенным служить источником разнообразного дохода, ради этого они легко нарушали русско-половецкие союзы, заключенные ими самими или их политическими противниками по борьбе за гегемонию на Руси. Княжеская власть, церковь и подчиненные им светские[97] и духовные[98] летописцы настойчиво прославляли активные формы степной политики, но прошло немало времени, пока удалось добиться крупных побед, стоивших русскому народу, в первую очередь жителям степного порубежья, больших жертв.

Половцы появились у границ Руси в 60-х годах XI в. и нанесли ей немалый урон. Лишь начало XII в. отмечено переломом в отношениях: в 1103 г. русские войска, повоевав половцев, взяли «скоты, и овце, и коне, и вельблуды, и веже с добытком и с челядью»; один из ханов пытался спастись, предлагая «злато и сребро и коне и окот», но тщетно[99]. Продвинувшись до Дона, русские войска взяли там 1000 веж (1109 г.)[100]; во второй половине XII в. тоже бывали успешные походы (в 1152[101], 1165[102], 1167[103], 1168[104], 1170[105] гг.).

«Сказание о пленном половчине» рисует нам судьбу пленного кочевника, который был «богат зело». Он сидел «все лето» в Киеве, «железы окован» у одного «смысленого человека». Хозяин отпустил его за «искупом», приняв в качестве поручника св. Николу. Последний помог обуздать «безумного варвара», который «повеле рабом своим нарядитися и стадо коней отлучити, им же бяше дати искуп». Кроме того, «малое стадце» перепало и церкви[106].

---

97 ПВЛ. Ч. 1. С. 162.
98 Там же. С. 149.
99 Там же. С. 174.
100 Там же. С. 187; ср. Ч. 2. С. 471.
101 ПСРЛ. Т. II. Стб. 460.
102 Там же. Стб. 525.
103 НПЛ. С. 33.
104 ПСРЛ. Т. II. Стб. 532.
105 Там же. Стб. 540.
106 Памятники старинной русской литературы. Вып. I. С. 71–73.

XIII век начался успешным[107] половецким походом киевских, волынских и других князей (1203 г.), принесшим им богатую добычу[108]. Возросшая угроза монгольского нашествия, разгром воеводами Чингис-хана союзной суздальскому князю волго-донской половецкой орды и бегство ее остатков за Днепр побудили половецких ханов во главе с Котяном, кочевавших к западу от Днепра, искать помощи дружественных киевских и галицких князей. Просьба о союзе была подкреплена богатыми дарами, в которые входили «кони и вельблуды и буволы и девкы»[109]. Печальный исход русско-половецкой битвы с монголами на Калке известен.

Следовательно, половецкая степь, постоянно угрожавшая Руси разорительными набегами, тоже могла служить источником серебряной и золотой дани, челяди и скота для русских князей и бояр, но источник этот был ненадежный: он зависел от политических превратностей и на Руси и в расколотой на орды половецкой степи, и от международных отношений в Северном Причерноморье.

Челядь и скот, бывшие обычным источником обогащения князей во время войн в коренной Руси, изыскивались ими и в других, вассальных, землях — в Эстонии (в 1116[110], 1130[111], 1178[112], 1191[113] и др. годы[114]), и в Латвии[115], и в Корелии[116], и в Мордве[117] и в Ятвягии[118], словом повсюду, где источники отразили действия русских властей.

Преобладал, однако, мирный сбор натуральных даней. Рост этого рода доходов с подвластных Руси земель находит объяснение в изменении характера и внутренней, и международной торговли, в которой с XII в. возрастает роль сырья и продуктов первой необхо-

---

[107] НПЛ. С. 240.

[108] ПСРЛ. Т. XXV. С. 101.

[109] НПЛ. С. 62.

[110] ПВЛ. Ч. 1. С. 201.

[111] НПЛ. С. 22.

[112] ПСРЛ. Т. II. Стб. 608.

[113] НПЛ. С. 40.

[114] Там же. С. 52–53; ср. С. 61; ЛПС. С. 111.

[115] НПЛ. С. 45.

[116] Есть красноречивые данные от 1338 г. об отношении правительств Новгорода и Швеции к корелам, искавшим лучшей доли за рубежом (НПЛ. С. 350).

[117] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 449; Т. XXV. С. 122.

[118] ПСРЛ. Т. II. Стб. 834. ср. Стб. 812; подробнее см.: *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 31.

димости[119]. Нумизматика ясно свидетельствует о проникновении западных денариев в районы русских интересов Поволжья, Приладожья, Подвинья и Прикамья[120]. Металлическое денежное обращение сопутствовало русскому проникновению.

Эти действия общественно обусловлены и закономерны: добыча от внутренних феодальных распрей (окупы, выкупы, ландскнехтство и т. п.), от дани с земель подвластных народов, от войн с соседними державами повсюду в Европе считалась в эту эпоху естественным источником государственного дохода, который представлял собой разновидность ренты.

По мере консолидации народов крещеная иноязычная знать в разных концах страны все шире вовлекается в аппарат государственного управления и сбора даней, видимо, получая свою долю доходов.

Торговля с народами, попавшими под власть Руси, имела солидную давность. Первые известия о торговле Киевской Руси с печенегами, у которых покупались быки, кони и овцы, восходят к X в.[121]. Торговля со степью велась и в XII в., даже военные действия не всегда ее прерывали[122]. Если уже торговые акты Новгородской Руси с немцами богаты криминальным материалом, то легко представить, как торговали с менее опытными в этом деле народами, и не только с «самоядью». Этой выгодной торговлей в Новгороде занимались, видимо, специальные купеческие сотни, упомянутые и в Уставе князя Ярослава о мостех: Лопьская, Водьская, Обонежская[123]. Наличие в Новгороде Чудинцевой и Прусской улиц давно уже понимается в таком же смысле.

Показателен и пример торговли хлебом волынского Владимира Васильковича с голодающей Ятвягией. Ее послы заявили: «Господине княже Володимере, приехали есмя к тобе ото всих ятвязь, надеючись на князь [и] бог и по твое здоровие. Господине, не помори нас, но перекорми ны собе, пошли, господине, к нам жито свое про-

---

[119] *Потин В.М.* Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 88. См. также: *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., и др.* Древнерусское государство. С. 305–306.

[120] *Потин В.М.* Экономические связи древней Руси по материалам кладов западноевропейских монет. Автореф. дисс. к.и.н. Л., 1961. С. 13.

[121] *Константин Багрянородный.* Об управлении государством. С. 6.

[122] *Якубовский А.Ю.* Рассказ ибн-ал-Биби // ВВ. Т. 25. Л., 1928. С. 67.

[123] В 1317 г. шведы «побиша много обонижьскых купець» на Ладожском озере: НПЛ. С. 95.

даят, а мы ради купим, [а взамен] чего восхочешь: воску ли, бели ль, бобров ли, черных ли коун, серебра ль, мы ради дамы»[124].

Состав вывоза упомянут в немногих случаях — это хлеб, железо и изделия из него. Археология убедительно свидетельствует о значительном проникновении русской ремесленной продукции на земли всех подвластных народов.

Как ни слабы были экономические связи Руси с подвластными народами, основанные на естественно-географическом разделении труда, они все же породили симбиоз, переплетение хозяйства аграрно-развитой страны с землями менее развитыми.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НЕСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЕЛЬ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

За время существования Древнерусского государства основы политической структуры подвластных ему неславянских земель существенно не менялись. С развитием самостоятельных княжений на Руси органы власти и управления на вассальных землях разрастались и уплотнялись, охватывали новые районы. На смену полюдью пришло управление через города и крепости и погосты с устойчивым обложением данью «уставленных» земель или (в более отдаленных местах) с периодическими наездами данщиков (остатками древнего полюдья). Феодальная раздробленность и в собственно Руси, и в ее иноязычных владениях отмечена усилением эксплуатации.

Опорные пункты. Основными центрами были, понятно, города и крепости, либо древние, местные, лишь занятые и освоенные русской властью, либо наново построенные ею со специальной целью укрепить свое влияние в национальных областях.

Круг этих опорных пунктов достаточно широк: в прусско-литовских землях — Новогородок, Берестье, Визна[125]; в эстонских — Изборск, Юрьев, Отепяа; в латвийских — Кокнесе[126], Ер-

---

[124] ПСРЛ. Т. II. Стб. 879.

[125] Она находилась под русской властью в 40–70-х годах XII в. (см.: *Kamiński A.* Wizna na tle pogranicza polsko-rusko-jaćwieskiego // Rocznik Białystocki. Białystok, 1961. T. I. S. 9–61.

[126] *Стародубец П.А.* Княжество Кокнезе в борьбе с немецкими захватчиками в Восточной Прибалтике в начале XIII в. // Средние века. М., 1955. Вып. VII. С. 199–216.

сике[127]; в водьских — Копорье; в корельских — Ладога, Олонец. В северо-восточном направлении колонизация шла из Ладоги, Белоозера, Устюга; последний стал важным центром ханты-мансийской, а вместе с Унжой и Городцом-Радиловом и булгарской политики. Наряду с древними центрами поволжской колонизации — Ростовом, Муромом и другими, возник Нижний Новгород; на Северном Кавказе (в частности, в Адыгее) некоторое время центром властвования была Тмутаракань. Степная колонизация опиралась на города Переяславль, Торческ, Канев, Белгород и десятки менее значительных укреплений, стянутых в относительно единообразно организованный тюркский служилый оборонительный пояс; наконец, в галицком Понизье упоминаются Берладь, Текуч, Малый Галич. В Поднестровье, в северной Буковине летописью названы города Васильев, Онут, Хотин[128].

В этих и других опорных пунктах находились русские посадники или сходные с ними должностные лица с дружинами. Здесь строились их дворы, церкви, склады и т. п.

Иногда некоторые окраинные крепости использовались и как места ссылки политически неугодных лиц. В 1140 г. новгородские власти «заточиша Якуна в чюдь с братом (сторонников черниговосуздальских князей), оковавъше и руце к шьи»[129]; в Ладогу был сослан князь Святослав Ростиславич[130]; в Ростов, когда он еще был окраиной, Ярослав сослал новгородского посадника Константина[131]; в Берладь грозил отправить непокорных вассалов Андрей Боголюбский[132] и т. п.

В военно-административные центры стекалась дань из погостов (там, где они были); отсюда выходили ватаги данщиков в те земли, где погостов не было (например, коми, ханты-манси, лопарей-саамов и др.): здесь подчас заключались текущие соглашения с представителями национальной знати окрестных земель. Управление несла-

---

[127] В «Тидрек-саге» встречается «ярл из города Герсике (Gersekeborg), родич Владимира конунга»: Saga Didriks konungs of Bern / Utg. C.R. Unger. Christiania, 1853. S. 271; ср.: *Веселовский А.Н.* Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском. СПб., 1906. С. 73–75.

[128] *Тимощук Б.А.* Древнерусские поселения северной Буковины // КСИИМК. 1955. Вып. 57. С. 109.

[129] НПЛ. С. 26.

[130] Там же. С. 30 (1160 г.); ПСРЛ. Т. II. Стб. 511 (1161 г.).

[131] ПСРЛ. Т. IV. Вып. 1. С. 110 (1020 т.); ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 123 (1019 г.).

[132] ПСРЛ. Т. II. Стб. 573.

вянскими землями составляло важную функцию государственного аппарата, нередко требовало использования военных сил, а когда речь шла о далеких землях, то было сопряжено и с риском. Поэтому в Новгородской республике оно находилось под контролем концов, которые выставляли равное количество воинов (по 100 человек от конца) для сопровождения сборщиков даней[133].

Но при этом, как хорошо показал А.Н. Насонов, внутреннюю национальную структуру этих земель, как правило, не перекраивали, используя исторически сложившиеся формы властвования[134]. Погосты, упоминаемые в Прибалтике[135], в землях северо-востока и некоторых других были звеньями русской власти; в погосте можно было получить «корм» и «подводы»[136]; здесь возводились церкви.

Понятно, что управление столь обширной територией, значительно превосходившей собственно Русь, опиралось на разнообразные формы сотрудничества с национальной знатью. Сотрудничество было гибким, оно варьировалось от «равноправных» и матримониальных союзов до разных хорошо известных по внутридревнерусской вассальной дипломатии форм ротничества, подручничества и заложничества и, наконец, просто подкупа — «приголубления»[137]. Градаций подчинения было великое множество. Если ижорянин старейшина Пелгусий нес военную пограничную службу как вассал-поручник (она ему «поручена бе»), то в северных владениях мелкий нобилитет выделялся из массы общинников лишь большим размером дани. Вспомним подвинского Тудора (новгородский Устав 1137 г.), платившего сорочек белок[138]. Матримониальные союзы использовались как будто только с тюркскими ханами и знатью Северного Кавказа, из других народов — с Литвой, но после образования в ней государства.

Поручничество. Ротничество. О поручничестве узнаем относительно Эстонии: нобили Саккалы «поручьшеся» за выплату дани Новгороду[139] (были ли это поручные записи или они дали заложни-

---

[133] См.: *Насонов А.Н.* «Русская земля». С. 110; ср.: *Арциховский А.В.* Городские концы в древней Руси // ИЗ. 1945. Т. 16. С. 3 и сл.

[134] *Насонов А.Н.* «Русская земля». С.82, 93 и сл.

[135] Погосты у ливов и латгалов назывались pagasts.

[136] ГВНП. С. 141, № 83; *Насонов А.Н.* «Русская земля». С. 109.

[137] ПСРЛ. Т. II. Стб. 612.

[138] ПРП. Вып. 2. С. 117, 119.

[139] НПЛ. С. 183.

ков, неизвестно, но обременительное соглашение саккальцы сорвали). Ротничество как взаимная присяга вассала и сюзерена известна в отношениях с национальной знатью давно. Еще когда Varяжко — дружинник Ярополка бежал к печенегам и с ними много досаждал Владимиру I, тот «едва привабил и, заходив к нему роте»[140].

Среди ротников суздальских князей видим мордовского князя Пуреша[141], половецкого князя Емяка[142]. Тот и другой участвовали в борьбе против Булгарии. И в борьбе за Киев широко применялось ротничество кочевых ханов: печенеги в составе черных клобуков присягали волынскому Мстиславу[143], половцы Чернигову «роте заходиша»[144], с суздальским Глебом Юрьевичем у них тоже были ряд и «рота»[145] и т. д. В сущности, каждая смена великого князя в Киеве предполагает ряд с половцами, а, значит, и роту. Роты легко давались и так же легко нарушались (см. «потоптать роту» — 1190 г.).

Сравнительно-историческое изучение вассальной службы кочевых ханов, подвластных Руси, Венгрии и Византии, позволило выяснить[146], что за ними сохранялись исконные законы, верования и обычаи («се и при нас ныне половци закон держать отець своих» и «обычая отець своих творять»[147]), включая суд по нормам обычного права, полигамию[148], освобождение от налогов с принадлежащих и с пожалованных им земель, сохранение обособленной военной организации, правда, подчиненной русским воеводам, получение добычи[149]. Понятно, что ханы, как и представители знати других народов, принявшие православие, попадали в более привилегированное положение.

С первых лет существования древней Руси, когда лишь закладывались основы вассальной политики, ставшей потом традиционной, применялась и практика союзов. История этой политики полна примеров повсеместного использования союзов и военных континген-

---

[140] ПВЛ. Ч. 1. С. 55 (980 г.).

[141] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 451 (1228 г.).

[142] Там же. Стб. 389–390 (1184 г.).

[143] ПСРЛ. Т. II. Стб. 533 (1169 г).

[144] Там же. Стб. 356 (1147 г.).

[145] Там же. Стб. 551 (1171 г.).

[146] См.: *Расовский Д.А.* Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // Seminarium Kondakovianum. Praha. 1933. Т. VI. С. 1–66.

[147] ПВЛ. Ч. 1. С. 101.

[148] ПСРЛ. Т. II. Стб. 669 (1190 г.).

[149] См.: *Греков Б.Д.* Избранные труды. М., 1959. Т. II. С. 282.

тов для взаимного ослабления противников как Киева, так и других самостоятельных земель. Уменье использовать внутренние столкновения противостоящих сил — старый политический принцип. Достаточно вспомнить слова Мстислава: «Кто сему не рад? Се лежит северянин, а се — варяг, а дружина своя цела»[150].

Новгородские бояре видели в корелах, вожанах, ижоряиах, входивших в состав республиканской волости, своего рода конфедератов (подобных черным клобукам Киева) и с их помощью подчиняли земли финнов и лопарей (саамов)[151], корелы и ижоряне боролись вместе с Русью против Ордена и Швеции. Местная служилая знать (вроде ижорского нобиля Пелгусия) не только несла воинскую повинность, но и использовалась (как финский выходец Семен) в иных целях: Семен с новгородской дружиной собирал дань в Подвинье.

Полоцк прибегал к помощи литовских, ливских и водьских[152] отрядов в своих домогательствах на Руси. Суздальские князья привлекали половецких и мордовских вассалов к наступлению на Булгарию, использовали их и для освоения самой Мордвы; имея устойчивые связи с «дикими» (т. е. незамиренными) половцами, суздальские князья долгое время сохраняли и матримониальные союзы с владетелями Северного Кавказа, при владимирском дворе встречаются служилые осетины и т. д.

Но особенно широко использовались дипломатические приемы в степной политике. Уже Святослав нанимал печенегов против дунайской Болгарии (970 г.), Владимир I водил их на волжских булгар (985 г.). При киевском дворе служили выходцы из печенегов, хазар, торков. Здесь имелись люди, знавшие печенежский язык[153]; в войске Святополка среди воевод, шедших на половцев, был Козарин[154].

Затем выдвинулись и служилые торки. На снеме в Уветичах среди послов к Давыду от Святополка и Владимира были русские, а от Давыда и Олега посол — торчин[155]. Посол — высокий служилый пост. У черниговского князя Святослава Всеволодовича среди милостников

---

[150] ПВЛ. Ч. 1. С. 100 (1025 г.).

[151] НПЛ. С. 39 (1191 г.), 65 (1228 г.). См.: *Пашуто В.Т.* Очерки истории СССР (XII–XIII вв.). М., 1953. С. 206–207.

[152] НПЛ. С. 17 (1069 г.). Затем водь входит в круг новгородских владений.

[153] ПВЛ. Ч. 1. С. 47.

[154] Там же. С. 185 (1106 г.).

[155] Там же. С. 181 (1100 г.).

назван Кочкарь[156]. Был момент, когда служилый поляк Володислав водил половецкую рать против Волыни, а затем торков — на половцев[157]. Это хорошо отражает сложность задач, стоявших перед русскими государственными деятелями в их степной политике.

Первоначально степную проблему пытались решить, используя регулярную гарнизонную службу русских и других иноязычных контингентов земледельческих народов. Владимир I использовал здесь варягов, в их числе, возможно, и Сигурда, брата Олава Трюггвасона[158]; он «нарубал» «муже лучшие» из разных мест, в том числе и из Эстонии, и поселял на печенежском порубежье (988 г.)[159]. «Нарубать» — значит набирать, ибо «нерубленные люди» — это добровольцы[160].

Избавленная от угрозы скандинавских завоеваний и набегов эстонская знать нашла свое место в новой структуре власти[161], и потому эстонские дружинники были, видимо, в числе послов Руси, заключавших при Игоре мир с Византией[162]. И позднее выходцы из Эстонии служили в дружине киевских князей. Владимир I водил эстонскую рать на непокорного Рогволода, которого и убил в Полоцке[163]. Таким образом, Эстонская земля служила целям борьбы за объединение Руси из Киева, отказавшись от былого союза с Кривичской землей. Эстонская знать была использована Владимиром I и для заселения городов на южном печенежском порубежье[164], где уже тогда возник прообраз будущей засечной черты[165].

Часть эстонской знати получила образование и вышла в число видных древнерусских правоведов. Бояре Тукий и его брат Микула Чудин (т. е. он уже крещен) служили при киевском дворе. Тукий

---

[156] ПСРЛ. Т. II. Стб. 614 (1180 г.). Торки фигурируют в качестве княжеских конюхов, овчаров и т. п. более мелких служилых людей.

[157] Там же. Стб. 550, 562–563 (1172, 1173 гг.).

[158] *Рыдзевская Е.А.* Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюггвасоне // ТОДРЛ. 1935. Т. II. С. 5–20.

[159] Здесь же Ярослав селил пленных поляков: ПВЛ. Ч. 1 С. 101 (1031 г.).

[160] *Срезневский И.И.* Материалы для словаря. Т. III. Стб. 182.

[161] ПВЛ. Ч. 1. С. 23 (907 г.).

[162] Там же. С. 34 (944 г.).

[163] Там же. С. 54 (980 г.).

[164] Там же. С. 83 (988 т.).

[165] *Оглоблин Н.* Письмо архиепископа Брунона к германскому императору Генриху II. Киев, 1873; лучшее немецкое издание: *Giesebrecht W.* Geschichte der deutschen Kaiserzeit. Braunschweig, 1885. Bd. II. S. 689–692.

был в дружине Изяслава (1068 г.) и погиб в битве с половцами на р. Соже (1078 г.). Микула имел лен в Вышгороде и «двор» в Киеве. Упомянутый летописью под 1068, 1072 и 1078 гг., он участвовал в составлении Правды Ярославичей[166]. Практика службы эстонской знати на юге сохранялась довольно долго: Иванко Чудинович — боярин, дружинник князя Олега Святославича, был участником снема, созванного Мономахом, когда принимался устав о резах[167]; под 1136 г. известен Станислав Добрый Тукович, боярин князя Ярослава Владимировича[168]; наконец, в 90-х годах XIII в. воеводой волынского князя Мстислава Даниловича был Чудин[169].

Служба выходцев из эстонских лучших мужей в Южной Руси, как увидим, вовсе не гарантировала покорности эстов русской феодальной власти.

Когда в степи оборонительную стратегию сменила наступательная, князья и бояре решили защищать Днепр на Дону, одновременно прикрыв Русь кольцом военных поселений тюркских конфедератов — черных клобуков. Район их поселений определен на карте К.В. Кудряшова[170]. По замыслу устроителей этого тюркского пояса он должен был подчиняться единой власти киевского князя и противостоять натиску на Русь других кочевых народов, в первую очередь половцев, как связанных с Киевом и Черниговом днепровско-донских, так и союзных Галичу днестровско-дунайских и тяготевших к Суздалю «диких» волго-яицких. Это был щит, прикрываясь которым, можно было, казалось, обуздать любого хана Половецкой земли.

С годами тюркский корпус оказался в ведении киевского магистрата; им ведали русские воеводы (1128, 1160 гг.); он имел свои вассальные права и разделял с Киевом успехи и неудачи его союзов с князьями политически раздробленной страны. Корпус вместе с киевлянами участвует в «ряде» и «роте» (1147, 1150, 1169 гг.); чтобы овладеть «Русской землей», надо «въехать» в опорные пункты торков (1150 г.), для этого следует заранее сблизиться с ними посредством «поездства» (1161 г.).

---

[166] ПВЛ. Ч. 1. С. 114, 121, 132; ПРП. Вып. 1. С. 79. Любопытно, что послом Ольги, жившей в Вышгороде, был человек, носивший эстонское имя Искусеви.

[167] ПРП. Вып. 1. С. 113.

[168] ПСРЛ. Т. II. Стб. 298.

[169] Там же. Стб. 933.

[170] *Кудряшов К.В.* Половецкая степь // Зап. Всесоюзного географического общества. М., 1948. Т. 2 (Карта: Русские походные пути в Половецкую землю XII в.).

Поначалу дело шло довольно гладко: князья ходили на Дон, а торки отбивали половецкие набеги.

Летопись полна примеров использования кочевников против кочевников: столкновения половцев с торками (1080, 1093 гг.), торков (1126, 1151, 1162, 1173, 1190 гг.), коуев (1185 г.), берендеев (1155, 1161, 1171, 1173, 1174 гг.) с половцами.

Но с торжеством феодальной раздробленности управление торками осложнилось. В Киеве сложились черниговская, волынская и суздальская группировки среди бояр и купцов, среди горожан вообще. Это отразилось и на служилых торках: их былой военной исполнительности пришел конец, появились измены и переходы от одной враждующей группировки к другой — подкуп и продажность разъедали корпус, превращая его в подобие преторианцев.

Характерный факт: берендеи (как и все черные клобуки) опасались князей, державших союз с «дикими» половцами. Так, среди берендеев и торков в лагере Изяслава Давыдовича под Белгородом возникла измена в пользу волынского Мстислава. Руководители тюркского корпуса тайно «снашивахуться речьми межи собою». Названы три организатора сговора. С одним из пленных, «написавше ему свое знамение», они велели передать князю: «В нас ти есть, княже, и добро и зло. Еже ны хощеши любити, яко же ны есть любил отець твой, и по городу ны даси по лепшему (феодально-вассальная природа «любви» не оставляет сомнений. — *В.П.*), то мы на том отступим от Изяслава»[171].

После раздела домена «Русской земли» на три части — волынскую, черниговскую и суздальскую — и обострения борьбы между ними кризис русской степной политики приобрел двусторонний характер: князья использовали союзы с враждующими половецкими ханами, а, занимая Киев, втягивали в свои соглашения и тюркский корпус. Практически этот корпус больше всего опасался тех половецких ханов, отношения с которыми у Киева не были урегулированы, т. е. прежде всего «диких» половцев. Едва Юрий Долгорукий перешел с ними Днепр, как черные клобуки забеспокоились о своих вежах (они говорят Изяславу: «К нам приставите брата своего Володимира, атъ поедем к своим вежам, заяти же хочем вежи свое, и жены свое, и дети свое, и стада свое и што своего всего — поидем же к Киеву» на помощь[172]).

---

[171] ПСРЛ. Т. II. Стб. 501–502 (1159 г.).

[172] Там же. Стб. 427 (1151 г.).

Степная политика еще более запуталась, когда в пестрый по этническому составу вассальный тюркский пояс были включены и некоторые орды половцев; они осели по Роси — русские, близ Переяславля — переяславские, под Черниговом и т. д. Началось самостоятельное сближение торкской и половецкой знати. И хотя враждующие группировки князей «кормят» конфедератов городами (1159, 1190, 1193 гг.), словом, «приголубливают» их, эта политика, как ниже увидим, начинает давать осечки (1187, 1190, 1192 гг.).

Конечно, ни торкам, ни половцам не было под силу сбросить русскую власть, а уход за Дунай, на Кавказ или за Яик (что показал опыт Атерака-Отрока, Гатара и Котяна) не сулил лучшей доли. Русские князья выгодно использовали матримониальные союзы, с которыми патриархально-феодальная кочевая знать очень считалась. Владимир Мономах в своем «Поучении» славословит наступательную политику в степи. Он осуждает Чернигов за союзы с половцами, но сам заключил с половецкими ханами 19 миров, двести князей убил, сто — отпустил[173], конечно, за выкуп. Против хана Боняка он вел войну, но с Осенем имел мир и на его внучке, дочери хана Аепы, женил сына Юрия (1107 г.), что, впрочем, не помешало последнему сотрудничать с Боняком[174].

Чернигов завел дружбу с ханами, враждебными Киеву (1094 г.), а Олег, в свою очередь, женил сына на другой внучке Осеня[175]. Святополк сам женился на дочери Тугоркана (1094 г.), а когда Аепа погиб в булгарском походе, Мономах выдал сына Андрея за внучку Тугоркана[176]. Чернигов продолжал сотрудничать с потомством Боняка — с Севенчем Боняковичем (1151 г.), с Шаруканем (1159 г.). Хан «диких» половцев Башкорд тоже был связан с Черниговом, как отчим Святослава Владимировича, мать которого бежала к половцам и вышла за него (1159 г.); водил дружбу Чернигов и с Кончаком, и с Кобяком (1178, 1180 гг.), Владимир Игоревич женился на дочери Кончака; Игорь Святославич — Кончаку сват. Когда смоленско-киевские Ростиславичи женили Рюрика на дочери Беглука (1163 г.), последовало разорение «Беглюковых веж» Ольговичами (1168 г.). С «дикими» по-

---

[173] ПВЛ. Ч. 1. С. 162.
[174] Там же. Ч. 2. С. 443
[175] ПВЛ. Ч. 1. С. 187.
[176] Там же. С. 201.

ловцами были тесные связи и у суздальских князей: сильнейший хан Юрий Кончакович — тесть Ярослава Всеволодовича (1206 г.).

Родственные узы связывали с ханами галицко-волынских князей: Мстислав Удатный был зятем хана Котяна. Фактически кочевая знать из составного элемента киевской причерноморской политики превратилась в компонент затяжных смут феодальной раздробленности на Руси.

При таких тесных связях русской знати с кочевой понятно формирование половецкого (иногда христианизированного) служилого люда и включение его в пестроязычную русскую дружину. Половчин Кунут вел отряд пешцев и держал в битве стяг Мономаха[177]; Георгий Иванович, брат хана Шаруканя, ездил послом от Святослава к Изяславу Давыдовичу[178] и т. п. Среди половецкой знати немало лиц носит православные имена, видимо, они христиане.

Анализ политики Древнерусского государства в иноязычной сфере является убедительным свидетельством его прочности, давности политических институтов и т. п. В структуре этого этнически сложного государства скандинавский элемент — одно из второстепенных слагаемых.

Роль церкви в вассальной политике. Заинтересованность церкви в этой политике была прямой: по статьям 4 и 5 устава Владимира Святославича церковная юрисдикция, а значит и десятина от даней распространялась на всю христианизированную территорию: «по всем градомь... и по погостомь и по свободам, где христьяне суть»[179]. В уставе Святослава и приписках к нему весьма конкретно изображена церковная фискальная организация по сбору даней — денежных, меховых, медовых, соляных.

Церковники проповедовали идею богоизбранности русских (особенно четко это сформулировал митрополит Иларион) и обреченности других, «нечистых людей», окружающих Русь и ей подвластных. Иларион славил объединительную политику Владимира I, который «покорив под ся окрутныа страны, овы миром, а непокоривыя мечем»[180]. Когда во время одного из половецких набегов пострадал Печерский монастырь, известие об этом было сопровождено «Сло-

[177] Там же. С. 170 (1096 г.).

[178] ПСРЛ. Т. II. Стб. 499 (1159 г.).

[179] ПРП. Вып. 1. С. 237.

[180] Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 1. С. 70.

вом о нечистых людях»[181]. Подобная же хула на половцев, которые упрямо «закон держать отець своих», имеется и во введении к «Повести временных лет»[182].

Божьим промыслом летописцы освящают все успехи в борьбе против половцев[183]; враждебные «самому богу» и смоленско-киевским князьям ханы Кончак и Кобяк действуют, однако, как союзники князей черниговских, и бог помогает поразить их[184]. Впрочем, если Киев и Чернигов объединяются для похода на половцев, это тоже от бога[185].

Митрополит Иоанн II (1080–1089 гг.) оставил колоритные мысли о язычниках. Он осуждает «некых, иже купять челядь», а потом продают ее «в поганые». Этого делать не следует, ибо они «гонивъше нашу веру и многы от веры в неверьство приведше». Сближение русских с язычниками происходило легко, т. к. простые люди на «краицех» земли далеко не всегда причащались и пост соблюдали. Осуждает митрополит и торговлю с «погаными» вообще и тех, «иже своею волею ходять к поганым купля ради и скверное едять»; если уж они «ядят с погаными не ведая», то надо хотя бы «молитвы творити на осквернение»[186].

Жизнь была сложнее церковных доктрин. Утверждалось (устами князя-крестоотступника): «не дай Бог поганому веры яти николи же»[187] — а приходилось верить. Считалось, что «божьим гневом» гибнут печенеги (разбитые по преданию на месте, где соорудят Софию), торки и половцы[188]. А когда в конце XII в. обнаружился неуспех в использовании торков против половцев, то при дворе смоленско-киевского великого князя Рюрика Ростиславича даже родилась мысль об его равной любви и к православным, и к «поганым»: «зане всих приимаше с любовью и хрестианыа и поганыя и не отгоняше никого же»[189]. Ничего не поделаешь — политика.

Схожими мыслями пронизан и Киево-Печерский патерик. Монастырь — апологет политики вассалитета, ее ревностный идео-

---

[181] ПВЛ. Ч. 1. С. 152–153 (1096 г.).
[182] Там же. С. 16.
[183] ПСРЛ. Т. II. Стб. 540 (1170 г.).
[184] Там же. Стб. 613 (1179 г.), 618, 621 (1180 г.), 628 (1183 г.).
[185] Там же. Стб. 633 (1183 г.).
[186] Сборник памятников по истории церковного права / Сост. В.Н. Бенешевич. Пг., 1915. С. 117, 110, 119, 116.
[187] ПСРЛ. Т. II. Стб. 537 (1171 г.).
[188] ПВЛ. Ч. 1. С. 102 (1036 г.), 109 (1060 г.); НПЛ. С. 62 (1224 г.).
[189] ПСРЛ. Т. II. Стб. 681 (1194 г.).

лог. Его монахи — Христовы воины воинствующей «необоримой» церкви[190]. Они безропотно гибнут от рук «неверных», как «прьвый престолник» епископ ростовский Леонтий, как крестивший вятичей Кукша[191]. Их стойкость в вере перед лицом поганых господь вознаграждает, увеличивая паству верующих. Тому пример — монах Никон. Попав в половецкий плен, он перенес тяжкие мучения, но не дал «искуп» поганым. И вот сам бог освободил его. Придя в монастырь, Никон учил «не вкусити ничтоже от поганых». Пример его и других праведников побуждал половцев к крещению — «и поганым крестишася и быша мнихи»[192]. Князья, любившие монастырь, одерживали победы над половцами, а враждебные ему терпели поражения. Князь Святополк Изяславич помирился с монахом Прохором после ссоры с монастырем из-за соли и потому одержал победу над агарянами, «взя всю землю их»[193]. Когда князья Ростислав Всеволодович и Владимир Мономах шли в поход на половцев мимо монастыря, то первый велел утопить монаха Григория, мывшего посуду на Днепре. Тот предрек князю гибель, и Ростислав в гневе не взял благословенья в монастыре, а Мономах взял. Последствия не замедлили сказаться: Ростислав утонул у Треполя, а Мономах уцелел[194].

Авторы Патерика осуждали иудейство. Монах Евстратий вместе с тридцатью «от монастырских работник» был продан «некоему жидовину» в Корсунь. У скупого хозяина все они умерли с голоду, а Евстратий был постник и потому сперва уцелел, но и он был убит. За это бог покарал еврея: он погиб, когда по указанию царя были разгромлены евреи, обвиненные в торговле пленными христианами. Видя это «чудо страшно», крестились тогда «окааннии же» иудеи[195].

Сам Феодосий якобы тоже искал мученичества: он не раз «в нощи въстаа, отай всех исхожаше к жидом (т. е. шел в еврейский квартал Киева)[196] и тех, еже о Христе препираа, и укоряя же, и досажаа

[190] Патерик. С. 25, 69.
[191] Там же. С. 76, 81.
[192] Там же. С. 88.
[193] Там же. С. 109.
[194] Там же. С. 98–99.
[195] Там же. С. 78–79.
[196] См.: *Малышевский И.И.* Евреи в Южной России и Киеве в X–XIV вв. Киев, 1878. С. 68–69; *Барац Г.М.* Собрание трудов по вопросу об еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. Париж, 1927. Т. I. Отдел второй. С. 455–456.

темь, и яко отметникы и безаконники тех наричаа, желаше бо оже о Христе в исповедении убиену быти ему»[197]. Впрочем, не только в Патерике, а и в реальной жизни Феодосий считал (он писал об этом князю), что ни латинин, ни сарацин, ни булгарин, ни еврей не спасутся, и говорил князю — милуй их, но разоблачай суеверие их[198].

Патерик обличает и «неверных» армян: врач-армянин не смог вылечить одного из вельмож князя Всеволода, это сделал монах Агапит; армянин, увидев, что православная вера выше его науки, решительно заявил: «оставляю арменьскую веру»[199].

Монастырь был в курсе доходных дел: на Северном Кавказе, в Тмутаракани Никон основал монастырь, который еще в XIII в. «приклад же имый в сей Печерьскый монастырь»[200]. И на другом конце страны в Заволочье монастырь, видимо, имел интересы, как причастный к доходу от «печерской дани», и держал там своих агентов. Монах Никита в 1079 г. раньше других проведал об убийстве князя Глеба в Заволочье[201]. Патерик, этот кладезь знаний по истории Руси, позволяет отчетливо видеть, сколь активно участвовала церковь в проповеди феодальной идеологии.

У нас все еще бытует взгляд, будто православная церковь сражалась только словом, не прибегая к мечу. Этот взгляд основан на высказывании митрополита Никифора, содержащемся в его письме Мономаху: «Еже на войну ходити епископом и попомь и свои руце кровию оскверняти, ею же Христос не повеле»[202]. Факты, однако, говорят о другом.

Когда половцы захватили Юрьев, то князь Святополк распорядился срубить укрепленный город Святополч на Витичевском холме и велел «епископу Марину... сести ту» вместе с отрядами юрьевцев, засаковцев «и прочим от инех град»[203]. Юрьевское и Каневское епископство Поросья было не в малой степени русским вариантом церковного центра in partibus. Духовные лица вовсе не чужды ры-

[197] Патерик. С. 47–48.

[198] *Еремин И.П.* Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. 1947. T. V. C. 172.

[199] Патерик. С. 94–95.

[200] Там же. С. 26.

[201] Там же. С. 91.

[202] Памятники российской словесности XII в. / Изд. К. Калайдович. М., 1821. С. 161.

[203] ПВЛ. Ч. 1. С. 149 (1095 г.).

царских навыков: владимирский епископ Стефан, прежде игумен печерский, когда понадобилось, легко скакал верхом на коне[204].

В крупных опорных пунктах русской окраинной политики строились церкви, а если позволяли условия, то и монастыри — церковники видели перспективу. Не одна богатая церковь была в Ерсике — полоцкой крепости в Латвии[205]; среди русского населения Кокнесе упомянут дьякон Стефан[206]. На другом конце страны, в Тмутаракани, по известию, внесенному в летопись Никоном, была церковь в честь богородицы, поставленная Мстиславом, которому она помогла в единоборстве победить адыгейского князя Редедю: «И вынзе ножь и зареза Редедю. И шед в землю его, взя все имение его, и жену его и дети его и дань възложи на касоги»[207], — без тени морализации по поводу этого действия сообщает летопись. Столь же хладнокровно поведано о вероломном убийстве Владимиром Мономахом половецких князей Итларя и Кытана с их дружинами, которое он осуществил в сговоре с вассалом Святополка Славятой и торками: «и тако зле испроверже живот свой Итларь»[208], — вот и все, что сказал летописец.

Духовенство — непременный участник военных действий против других народов. Во время похода на приморских половцев Мономах «пристани попы своя, едуче перед полком, пети тропари коньдаки хреста честного и канун святой богородици»; не удивительно, что и ангелы включились в битву на его стороне и «падоша мнози врази наши супостаты»[209]. Были убиты 20 пленных половецких князей, в их числе Белдюз, который предлагал богатый выкуп[210]. Так было на юге.

То же видим на севере. Во время похода новгородского воеводы Ядрейко на ханты-мансийскую югру поп Иванко Леген участвовал вместе с ним в переговорах с югорцами и был убит; среди участников этого похода назван Моислав Попович[211].

---

[204] Патерик. С. 60.
[205] ГЛ. XIII, 4.
[206] Там же. X, 3–4; *Стародубец П.А.* Княжество Кокнезе. С. 201.
[207] ПВЛ. Ч. 1. С. 99 (1022 г.).
[208] Там же. С. 149 (1095 г.).
[209] Там же. С. 191–192 (1111 г.).
[210] Там же. С. 184–185 (1103 г.).
[211] НПЛ. С. 40–41 (1193 г.); ср.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 370 (1148 г.) о решении веча привлечь часть духовных лиц к походу против Долгорукого.

На востоке жестоким нападкам церкви подвергалась мусульманская Булгария. Под 1096 г. сказано, что булгары «суть от дочерю Лотову, иже зачаста от отца своего, темь же нечисто есть племя их»[212]. Церковь — неизменная участница наступления на этот народ. В Типографской летописи (ростовский свод 1528 г. хранит оригинальные известия о Булгарии) под 1107 г. сообщается, что во время булгарской осады жители Суздаля усердно помолились богу и тот внял: он ослепил булгар, а горожане, «из града изшедше, всех избиша»[213]. И во владимирском своде о них пишется как о «поганых бохмитах». Во время разорительного похода на Булгарию в 1164 г. в войске Андрея Боголюбского по распоряжению князя возили икону Богородицы («ю же взял с собою благоверный князь»); ее поместили, конечно, не в дружине: пешцы стояли с ней «на полчищи под стягы»; были тут, вероятно, и попы: «хвалы и песни воздающе ей», был взят город Бряхимов[214] (ср. известия о походах 1173, 1182, 1186 гг.[215]).

В обстановке неоднократных булгарских походов церковь искусно использовала факт гибели в Великом граде «некоего христианина» купца Авраамия. «Бысть же сей иного языка не русьского, но христьан сый, имение же бе много ему, а гостьбу деяше по землям». Он приплыл в ладье. Булгары, видя, что он богат, «а не от русскых град пришедша», стали принуждать его переменить веру, возможно используя это как повод поживиться. Он воспротивился и был убит 1 апреля 1229 г. Тогда «христьяне же вземше тело его и положиша в гроб на месте, идеже и прочих христиан погребаху в земли болгарьстей». Бог отмстил неверным — в городе произошел пожар. Казалось бы, достаточно, но владимиро-суздальские князья и церковь решили заработать на угоднике политический капитал. 6 марта 1230 г. прах «мученика» Авраамия с помпой перевезли во Владимир в монастырь княгини Всеволожей[216].

---

[212] ПВЛ. Ч. 1. С. 152.

[213] ПСРЛ. Т. XXIV. С. 73.

[214] Там же. С. 73; ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 352–353. Не случайно в сказании поход Андрея сопоставляется с мнимым походом Мануила на арабов. Ср.: *Воронин Н.Н.* Сказание о победе над болгарами 1164 г. и праздник Спаса // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 88–92.

[215] ПСРЛ. Т. II. Стб. 564–565, 590, 625–626; ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 400.

[216] ПСРЛ. Т. XXV. С. 123–124 (1229–1230 гг.).

Как православная церковь освящала неоднократные походы волынского князя Даниила Романовича на литовцев и ятвягов, мне уже приходилось отмечать[217].

В буржуазной, особенно немецкой, историографии допускается односторонняя трактовка политической истории русской церкви, при которой пропадает прогрессивное значение распространения христианства среди неславянских народов.

Это мнение, восходящее к немецкому хронисту Генриху[218], едва ли справедливо. Здесь разница не качественная, а количественная. Русские власти имели собственные, и, вероятно, идущие от античности через Византию традиции гибкой политики. Мы уже видели примеры широких матримониальных связей русского княжеского дома с кочевой знатью, среди которой немалое число ханов выступает под русскими православными именами[219]. Последний факт этого рода — торжественное крещение в Киеве, перед совместным русско-половецким походом на Калку великого князя половецкого Бастыя[220].

И в Прибалтике православная церковь давно действовала достаточно приметно. В земле ижорян у власти был поставлен представитель местной знати старейшина Пелгусий, в крещении Филипп; из среды финской знати на высокие посты в Новгородской боярской республике выдвигались люди, подобные Семену Емину. В Толове, подвластной Пскову северной части Латгалии, боярские власти ввели христианство в 1207 г.[221], чтобы политически затруднить продвижение Ордена; то же сделали в Эстонии новгородские власти после похода 1210 г. под Отепяа (в Угандии): по условиям мира они «крестили некоторых» эстов[222]. Наконец, с усилением колониального наступления Швеции на земли финнов и корел князь Ярослав Всеволодович, правивший тогда в Новгороде, «послав, крести множество

---

[217] *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. С. 26–27.

[218] ГЛ. XVI, 2; XXVIII, 4; ср.: *Donnert E.* Heinrich von Lettland und die Anfänge der Deutschherrschaft in Livland // Изв. АН Латвийской ССР. 1959. № 6 (143). С. 29.

[219] Половецкая «Глебова чадь» и половчин Глеб (ПВЛ. Ч. 2. С. 447); «Василь половцин» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 341 — 1147 г., ср. Стб. 325 «полочанин»); ханы Глеб Тирьевич, Алак и Толгый Давыдовичи (ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 395–396 — 1185 г.); хан Роман Кзичь (ПСРЛ. Т. II. Стб. 644 — 1185 г.); половчин Лавор помог бежать Игорю (Там же. Стб. 650); хан Данило Кобякович (ПСРЛ. Т. XXV. С. 119 — 1223 г.) и т. п.

[220] ПСРЛ. Т. II. Стб. 741.

[221] ГЛ. XI, 7.

[222] ГЛ. XIV, 2.

корел, мало не все люди»[223]. Кого посылал князь, не сказано, но, очевидно, своих администраторов и попов. Этот единовременный акт, вероятно, сопровождался основанием церквей и монастырей.

В известном «Вопрошании» Кирика (XII в.) есть вопрос о сроках оглашения крещеных, который компетентно разъяснил один «чернець пискоупль», видимо основываясь на новгородской практике той поры. Вот этот любопытный текст: «Молитвы оглашеныя творити: болгарину, половчиноу, чюдиноу преди крещения 40 дний поста, ис церкви исходити от оглашеных; словениноу — за 8 дний; молодоу детяти — все дроуг, а оже бы пред за колко дний, а то лоуче вельми. А то крестяще, потрижды ты же молитвы соуть 4 [и] же глаголяться по 10, теми огласити»[224]. Ясно, что крещение булгар, половцев и чудин (не знаем, заволочских или прибалтийских) — дело хорошо налаженное. Распространение христианства имело последствия, далеко выходившие за узкие рамки классовой корысти православной церкви, содействуя распространению среди подвластных Руси народов элементов более передовой феодальной культуры.

Географическое распределение монастырей подтверждает их участие в окраинной политике. По данным XII–XIII вв. И.У. Будовниц зарегистрировал в Новгородско-Псковской земле 36 монастырей и во Владимиро-Суздальской — 48, а всего, следовательно, по этой части Верхней Руси 84 монастыря. Имелись монастыри и в центрах, связанных с подчинением иноязычных окраин — в Ростове, Ярославле, Костроме, Муромской земле, Рязани, Нижнем Новгороде, Устюге, Белоозере, Вологде[225]. Не случайно выступления против русской власти сопровождались нападениями на монастыри.

Мы не располагаем описью церковных земельных владений той поры. Случайные упоминания о них попали в летопись в связи с действиями кочевников в 1172 г., когда половцы пограбили митрополичий город Полоный. В Киеве тогда княжил суздальский Глеб Юрьевич. Исход событий изображен как чудо, которое сотворил бог и десятинная богородица, чье добро князю Михалку Юрьевичу удалось отбить у половцев. Имея сто переяславцев и полторы тысячи

---

[223] НПЛ. С. 270 (1227 г.).

[224] РИБ. Т. VI. Стб. 33.

[225] *Будовниц И.У.* Борьба крестьян с монастырями на Руси в XIV–XVI вв. (по материалам «житий святых»). Рукопись (эта книга И.У. Будовница была опубликована посмертно: *Будовниц И.У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М., 1966. — *Примеч. ред.*).

берендеев, он разбил половецкий дозор и семитысячную рать[226]. Полоный — в центре степной политики Руси; впрочем, и в другом важнейшем центре — Каневе находился одно время какой-то епископ[227]. У владимирской епископии были свои заботы, ее город Гороховец был вынесен к волжской сфере. Его пожгли монголы, когда довоевывали Мордву[228]. О владениях новгородской Софии нечего и говорить: по уставу Святослава Ольговича ее десятинный доход с Обонежского ряда составлял 100 гривен, а с других земель Подвинья и без того немалые поступления, вычисленные в гривнах и в мехах, были увеличены[229].

Ясно, следовательно, что церковь — не только деятельный поборник феодальной политики, но и ее ревностный апологет. Это обязывает историка осторожно, но непреклонно под цветистыми палимпсестами официальных хроник различать писаные кровью строки истории народных бедствий.

Источники свидетельствуют, что ни старания государства, ни сотрудничество русских феодалов с иноязычной знатью, ни вмешательство церкви не могли предотвратить освободительной борьбы русского и других народов.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА НА РУСИ И ДВИЖЕНИЯ ПОДВЛАСТНЫХ НАРОДОВ

Тема освободительной борьбы народов древней Руси как будто новая: предполагается, что освободительная борьба народов началась чуть ли не с крестьянскими войнами. Источники же свидетельствуют, что в древней Руси проходило зарождение первых, незрелых, тем не менее многообразных и сложных форм такой борьбы. Источники сохранили некоторые, пусть разрозненные, сведения о ней.

Наша историография показала, что кризис Древнерусского государства отмечен усилением классовой борьбы и политическим дроблением страны. Факты свидетельствуют о знаменательном яв-

---

[226] ПСРЛ. Т. II. Стб. 557–558; ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 357–361; ср. Стб. 379 (1149 г.).

[227] ПСРЛ. Т. II. Стб. 476 (1154 г.).

[228] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 470.

[229] Этот вопрос решен Я.Н. Щаповым см.: *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т.* и др. Древнерусское государство. С. 287 и сл.

лении — о том, что с основными этапами классовой борьбы в собственно Руси (60–70-е годы XI в., 30-е и 80-е годы XII в.) совпадают вспышки освободительных движений других народов. Кризис Древнерусского государства охватил, следовательно, и его иноязычную сферу. Рассмотрим факты.

Недавно наши эстонские коллеги поставили восстание 60-х годов XI в. в Саккале в связь с классовой борьбой в собственно Руси[230]. Может быть не случайно и летописец, говоря о тогдашних народных движениях на Руси, отметил, что новгородцы прибегали к услугам эстонских волхвов[231]. Получается, что эстонские волхвы дружили с простыми новгородцами, а эстонский знатный человек Микула Чудин участвовал в княжеском съезде, где уточнялся закон страны — Русская Правда, каравшая простых людей за социальный протест.

Видимо, и выступления против русской власти всей Эстонской земли в 30-х и 70-х годах XII в. надо сопоставить с известными общественными движениями в Новгороде и Пскове. Выступление всех земель Эстонии свидетельствует об экономической и этнической консолидации края. Киевские князья совместно с новгородскими войсками[232] организовали походы на отдельные эстонские области[233] и, наконец, с новгородско-псковским войском завладели в 1116 г. городом Отепяа[234].

Но умиротворения Эстонской земли не произошло, как можно видеть из сообщения о походах в 1130–1131 гг. Всеволода Мстиславича с новгородской ратью; на следующий год тот же князь предпринял поход вместе со своими братьями от имени киевского великого князя Мстислава Владимировича: князья «взяша» землю эстов и «възложиша на не дань»[235]. О размахе эстонского восстания можно судить по тому, что эстами был занят Юрьев и лишь во время нового похода зимой 1133 г. Всеволод Мстиславич с новгородской ратью «възя город Гюргев»[236].

После установления самостоятельности Новгородской республики (30-е годы XII в.), уже столетие ведавшей и делами Пскова, от-

---

230 См.: История Эстонской ССР. Таллин, 1961. Т. I. С. 110–111.
231 ПВЛ. Ч. 1. С. 119.
232 НПЛ. С. 20 (1111 г.).
233 Там же. (1113 г.).
234 ПВЛ. Ч. 1. С. 201; НПЛ. С. 20 (здесь псковичи не упомянуты).
235 НПЛ. С. 22; ПСРЛ. Т. II. Стб. 294.
236 НПЛ. С. 23.

ношения с Эстонией, видимо, целиком перешли в ведение новгородского боярства.

Выступления эстов, попавшие в летопись, были достаточно крупными. В 1176 г. уже не отдельные земли, а «приходиша вся Чюдьска земля» ко Пскову (т. е., видимо, Юрьев и другие опорные пункты или пали, или были блокированы) «и бишася с ними»; здесь «чюди множество избиша», но были также убиты и некоторые псковичи и названные летописью знатные новгородцы. Может быть, это известие попало в летопись, поскольку эти деятели связаны с домом Софии: следом сообщается о том, что посадник Михаил Степанович соорудил церковь Михаила на Прусской улице[237], а Моисей Доманежич (вероятно, из купеческой семьи) — другую на Чудинцевой улице[238]. Чем кончилось движение, мы не знаем, но, видимо, Эстония бурлила, т. к. зимой 1178 г. смоленский Мстислав Ростиславич с новгородцами двинулся на эстонскую землю Очелу, а эсты «отбегоша къ морю»[239]. Следовательно, новгородские войска воевали в поморской Вирумаа.

Об этом движении гораздо подробнее пишет южная летопись смоленских князей, сообщение ее пронизано духом воинствующей церкви. Когда князь Мстислав сел в Новгороде, то «вложи Бог» ему в сердце «мысль благоу поити на чюдь»; он созвал новгородских мужей и произнес речь, из которой видно, что движение в Эстонии отразилось на жизни Новгорода: «Братье, се обидять ны погании, а быхом оузревше на бога и на святой богородици помочь, помьстили себе и свободиле быхом Новгородьскоую землью от поганых». Мысль понравилась, и было двинуто в поход немалое по тому времени 20-тысячное войско (для сравнения напомним, что наибольшая из упомянутых летописями рать Андрея Боголюбского составляла 50 тысяч человек). Здесь уточнено, что князь воевал «по всей земле их» и вернулся «приемше от бога на поганыя победу»[240]; говоря о смерти Мстислава, летописец вложил в уста оплакивающих его новгородских «лепших мужей» такие слова: «Уже не можем, господине, поехати с тобою на иноую землю поганых и поработити во область Новгородьскоую»[241]; они хвалят князя, который створил

237 *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы. С. 108.

238 НПЛ. С. 35.

239 Там же. С. 36.

240 ПСРЛ. Т. II. Стб. 608 (1178 г.).

241 Там же. Стб. 610.

«толикоую свободу новгородьцем от поганых». Церковно-княжеский летописец, как видим, путал свободу с угнетением. В этой связи следует вспомнить и справедливое наблюдение А.Н. Насонова, что эсты никогда не упоминаются в составе новгородского войска[242].

В конце XII в. размах освободительного движения в Прибалтике возрастает. Из-под власти Руси выходит независимая Литва. Земля пруссов в результате походов со стороны Ордена, Польши и Руси утрачивает самостоятельность[243].

Подобно тому как отдельные русские княжества некогда переросли рамки древней Руси и привели к его расчленению, теперь власть отдельных княжений потрясают ранее втянутые в них национальные территории.

Развитие феодальной эксплуатации в коренной Руси совпадает с возросшим натиском древнерусских феодалов на народы. Если на раннефеодальном этапе дело ограничивалось «рядом» с национальной знатью и включением ее в вассальную иерархию на условиях уплаты дани и военной службы, то на втором этапе энергично растет подвластная сфера, строятся города, крепости; с принятием христианства — монастыри, церкви. В наступлении феодалов на национальные окраины были две струи, основная — государственная и частная — боярско-ушкуйническая. Крестьянская колонизация использовалась как средство утверждения феодальной власти над трудящимися (включая и русских переселенцев) национальных окраин.

Народная колонизация была подчинена политике правительства. Русские холопы и смерды искали спасения от гнета на землях язычников, на что указывала дальновидная церковь: «Душегубьства же различна суть: не едино то, еже убити человека, но и се, еже не по вине челядь казнити, и не по силе делом или наготою или гладом, или должника резы насиловати, они же ли удавятся, или потопятся, или в поганыа забежат»[244]. Не исключено, что подобные беглецы участвовали в движениях народов. Понятно, что окрепшие народы, почувствовав стеснение своих прав, начали борьбу. Социальное размежевание этой борьбы — дело далекого будущего. Характер обще-

---

[242] *Насонов А.Н.* «Русская земля». С. 71.

[243] *Пашуто В.Т.* Борьба прусского народа за независимость (до конца XIII в.) // ИССР. 1958. № 6. С. 54–81.

[244] Слово святых отец, како жити крестьяном // Православный собеседник. Казань. 1859. Январь. С. 142.

ственного строя подвластных Руси народов позволяет думать, что правящая знать, используя выступления трудящихся, домогалась безраздельного присвоения даней.

На беду обеим сторонам — и Руси, и подвластным ей народам — этим кризисом воспользовались иноземные завоеватели. Вторжение сперва немецких, а затем датских рыцарей в Прибалтику осложнило политическое положение. Древние связи русского народа с народами Прибалтики оказали огромное влияние на ход событий. Истребительная политика Ордена открыла и прибалтийской знати глаза на то, чья сторона предпочтительнее. Литва заключила прочные союзы с Русью. Эстонские нобили тоже выбрали Русь и оформили соглашения с Полоцком, Новгородом и Псковом. Латыши вместе с русскими защищали опорные пункты в Подвинье.

Это сближение сделало возможной совместную героическую борьбу народов. Но монгольский удар на Калке и монгольское нашествие пагубно отразились на судьбах Прибалтики.

Правда, славное Ледовое побоище остановило немецко-датский натиск на Русь, которая сохранила свои водьские и ижорские владения[245], однако часть Прибалтики надолго выпала из числа подвластных Руси земель и попала под жестокое иго Ордена. Начался наиболее тяжелый период в истории эстонского и латышского народов. Только Литва, вобрав земли Белоруссии, сумела сохранить независимость.

Обратимся к другим частям страны. Сохранилась серия известий о выступлениях северо-восточных народов против новгородского боярства. Есть основание ставить и их в связь с волной общественных движений 60–70-х годов XI в. на Руси. Известно, что народные движения произошли в разных частях страны, включая Новгород. Здесь правил Глеб Святославич. Судя по летописи, он убил топором руководителя выступления новгородских простых людей, после чего «людье разидошася»[246]. Вероятно, так и было, но в том же Комиссионном списке Новгородской I летописи отмечено, что этого Глеба новгородцы «выгнаша из города» и он «бежа за Волок, и убиша и Чюдь»[247]. Когда его выгнали новгородцы, сказать трудно, но выступление чуди и убийство в Синодальном списке датирова-

---

[245] НПЛ. С. 89.

[246] Там же. С. 196 (под 1071 г.).

[247] Там же. С. 161.

но точно — 30 мая 1079 г.[248]. Это выступление имело некоторый общественный резонанс и, как мы видели, отразилось в Патерике[249]. В самом Подвинье сохранились предания о борьбе чуди против русского владычества[250].

Если выступления новгородцев и чуди против Глеба близки хронологически, то борьба жителей Подвинья, народов коми и югры (ханты-манси) в 80-х годах XII в. еще более явственно ассоциируется с народными движениями в других частях Руси.

Во Владимире отмечены «на крестьяньске роде страх, колебанье» (1185 г.), в суздальском Переяславле 24 мая 1186 г. был убит Никита Столпник[251]. Тогда же произошла «въстань» в Смоленске, вызванная столкновением горожан с князем; в результате ее «много пало лучших людей», т. е., вероятно, местной знати, поддерживавшей князя[252].

А в 1187 г. за Волоком и в земле коми (в Печоре) были перебиты новгородско-печерские (т. е. действовавшие в земле коми) и югорские (т. е. ханты-мансийские) данщики; здесь «паде голов о сте къметьства»[253]. А.Н. Насонов обратил внимание и на то, что кметы равнозначны «доброименитым», и на то, что данщик — «даньник» — вообще термин социально обусловленный[254]. Показательно и то, что ханты-мансийских данщиков избили в земле коми.

Наконец, крупные народные движения произошли в 1185 г. в Черниговской земле — Новгороде Северском и городах Посемья (к ним относились тогда Путивль, Курск, Рыльск, Вырь и другие, имевшие значительную прослойку тюркского населения), издавна бывших объектом разорительной борьбы между половцами и князьями черниговскими, волынскими, суздальскими и смоленскими. Движение вспыхнуло после того, как стало известно о гибели русского войска Игоря Северского в половецком походе и о намерении князя Святослава передать Посемье сыну Олегу.

---

[248] Там же. С. 18. Примерно в это же время был убит ростовский епископ Леонтий.

[249] Патерик. С. 91.

[250] *Насонов А.Н.* «Русская земля». С. 104.

[251] *Зверинский В.В.* Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. II. С. 213. № 947; ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 393.

[252] *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 220.

[253] НПЛ. С. 38.

[254] *Насонов А.Н.* «Русская земля». С. 114, 110–111.

Летопись так сообщает о происшедшем: «То бо слышавше возмятошася городи посемьские, и бысть скорбь и туга люта, якоже николи же не бывала во всемь Посемьи и в Новегороде Северьском и по всей волости Черниговьской. Князи изымани и дружина изымана и избита; и мятяхуться акы в мутви; городи воставахоуть и не мило бяшеть тогда комоуждо свое ближнее, но мнозе тогда отрекахоуся душь своих, жалоующе по князих своих».

Не знаем, в какой мере участвовали в этом движении торкские поселенцы, но известно, что положение еще более обострилось после половецкого набега на Путивль; половцы пожгли его острог и «повоевали» волость. Дело приняло такой оборот, что бежавший из плена князь Игорь, ненадолго задержавшись в Новгороде Северском, направился к своему брату в Чернигов, «помощи прося на Посемье». Черниговский князь не то помог, не то обещал помочь. Как было подавлено движение, источники не сообщают[255]. Следовательно, выступления в разных частях страны отражали общие закономерности в развитии вассальной иноязычной сферы и свойственные ей противоречия, по-видимому, осложненные экономическими трудностями, вызванными неурожаями и голодными годами[256].

Возможно, что в ханты-мансийском крае уже тогда началась глухая борьба против власти русских князей. Она прорвалась наружу в 1193 г., когда новгородцы пошли «в югру ратью» с воеводой Ядреем (Ядрейком). Ядрей — возможно, отец будущего владыки Добрыни (Антония). Если так, то для подробного описания похода был двоякий повод: наличие епископских экономических интересов в Подвинье и личное участие близкого кафедре человека в походе.

Новгородцы, пройдя к югре (ханты-манси), «взяша город (т. е. некий опорный пункт) и придоша к другому граду», где непокорные югорцы «затворишася». Осаждали они город 5 недель, ведя переговоры с югрой, которая «высылаху» к ним своих представителей, «льстьбою рекуще», будто копит дань. Как могли осажденные югор-

---

[255] ПСРЛ. Т. II. Стб. 645–646 (1185 г.); см.: *Пашуто В.Т.* Очерки истории СССР. С. 30. Любопытно, что уже Борису Владимировичу приходилось умиротворять южные порубежные города после изгнания печенегов: «умирив грады вся, възвратися вспять» (Чтение о Борисе и Глебе // Памятники древнерусской литературы. Вып. 2. С. 8; *Насонов А.Н.* «Русская земля». С. 67).

[256] См.: *Пашуто В.Т.* Голодные годы в древней Руси // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Минск, 1964, С. 80, 86–87 (публикуется в настоящем томе. — *Прмеч. ред.*).

цы копить дань? Видимо, знатные югорцы просили повременить, пока подвезут дань, а на самом деле югра «вои копяче». Когда «скопиша вое», то пригласила воеводу: «поиди в город»; взяв с собою 12 вятших мужей (т. е. вновь видим, что данщики — это феодальная организация), Ядрей пошел с вятшими и с попом, но их перебили. Дана точная датировка очевидца («на канун св. Варвары»). Потом были перебиты еще две группы новгородцев, 30 и 50 человек. Всего погибло 93 человека. Почему именно эту часть осаждавших пригласили в город, не знаем.

Видимо, югорцы действовали не наобум, при них были какие-то советники. В отчете очевидца (по Комиссионному списку) читаем: «Потом рече Савка» — один из ватаги, который «перевет держаше отай с княземь югорьским» (был, значит, и свой князь): «Аще, княже, не убиешь еще Якова Прокшиница, а живого пустиши в Новъгород, то тому ти, княже, опять привести вои семо, и землю твою пусту сътворит». Савка хорошо знал приемы новгородских данщиков. Этот Яков, может быть сын освобожденного Долгоруким Прокши (Прокопия), которого новгородцы в 1141 г. ссылали в чудь; тогда следует видеть в нем возможного продолжателя политики суздальской ориентации, а весь конфликт внутри новгородской ватаги рассматривать как отражение новгородско-суздальских противоречий.

Князь позвал Якова и велел его убить. Тот успел сказать Савке: «Брате, судит ти бог и святая Софея, аще еси подумал на кровь братьи своей; и станеши с нами пред богом и отвещаеши за кровь нашю».

Остальная новгородская рать, простояв шесть недель под городом, ослабла от голода, и тогда югорцы, «вылезьше из города», перебили многих («на праздник св. Николы»). Уцелело 80 мужей и тем «бе туга и беда». Видимо, в походе участвовала обычная рать — четыреста воинов от новгородских концов. Этот поход был не частным, а государственным предприятием, в котором заинтересованы и бояре, и князь, и архиепископ; поход планировался накоротке, а тут «не бяше вести черес всю зиму» о них «ни на живы, ни на мьртвы, а печаловахуся в Новегороде князь и владыка и вьси Новгород».

Вследствие распри среди данщиков поход стоил многих жертв. Когда в 1194 г. вернулись уцелевшие, то выяснилось, что и на обратном пути они трех участников похода убили, убили бы и больше, но другие, видимо по Правде, «кунами ся откупиша». А обвиняли их за связь с югорцами «на свою братью». Такова интересная

страница северной югорской политики республики; хорошо видны нравы людей, проводивших эту политику. Любопытно, что еще в отсутствие данщиков в Новгороде начались пожары и прежде всего «загоресь Савъкине дворе»[257]. Вероятно, эти явления связаны: в Новгороде могли столкнуться те группировки, чьи интересы вступили в противоречие среди данщиков.

Судя по «Слову о погибели», начало XIII в. отмечено кризисом столетней политики суздальских князей в Поволжье: автор, вспоминая безоблачные дни, когда черемисы, мордва, буртасы, вяда бортничали на Мономаха, дает понять, что времена изменились[258]. Причина заключалась, вероятно, в постепенном экономическом развитии и этническом сплочении тамошних народов. Источники отметили обострение отношений с Мордвой[259] и самостоятельные действия мордовского князя Пургаса, который ходил на Нижний Новгород, где пожег монастырь и церковь[260].

Видимо, ни союзы с мордовскими князьями, ни использование против них половцев, ни разорительные походы на Булгарию, имевшую в Мордве свою креатуру, не избавили суздальских князей от тревоги за будущее своего господства в Поволжье, тревоги, столь ясно прозвучавшей в «Слове о погибели» в разгар монгольского нашествия.

Осложнение вассальной политики было глубоким и охватывало и земледельческие, и охотничьи, и кочевые народы. Последние имели, пожалуй, больше возможностей для сопротивления. Факты говорят и об их постепенном сплочении (в котором немалая роль принадлежит их хозяйственному симбиозу с оседлым русским населением) и сближении между собой части торко-поло-вецкой знати, не желающей служить политическим видам русской власти. В борьбу и здесь втягивается простой народ. О большом походе волынско-киевско-черниговских князей половцев предупредил кощей (т. е. раб из по-

[257] НПЛ. С. 40–41, 233.

[258] Слово о погибели. С. 188.

[259] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 450–451 (1226 г.), 449 (1228 г.); ПСРЛ. Т. XXV. С. 122. Наступление на Мордву сочеталось с продолжающимся подчинением еще неосвоенной князьями части Вятичской земли по р. Пра (Тепра): ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 435 (1210 г.).

[260] ПСРЛ. Т. I. Стб. 451 (1229 г.); монгольские рати уже зимовали у булгарских границ, когда князь Юрий отправил на Мордву большое войско, включавшее владимиро-суздальские, рязанские и муромские силы (Там же. Стб. 459, 1232 г.).

ловцев) Гаврилы Изяславича, и те успели сохранить свое войско, потеряв вежи, семьи и имущество[261].

Особенно угрожающим симптомом было нежелание (все в те же 80-е годы XII в.) торков — черных клобуков воевать против половцев. В 1187 г. Киев готовил поход на днепровских половцев; торки заняли их вежи, но сами половцы ушли на Дунай[262], наверное, торки их известили, как сделали уже раз, когда Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич готовились к походу на днепровских половцев у Татинуи — тогда черные клобуки известили своих половецких «сватов», и те ушли за Днепр[263].

Показателен и уход служилого торкского князя Кунтовдея от суда Святослава Всеволодовича к половцам; это событие — свидетельство напряженности, и Кунтовдей ее обострял: скрывшись у хана Тоглыя, он начал половцев «водити, подътыча» их на Русь[264]. Кончилось тем, что Рюрик Ростиславич — более гибкий политик — вступил с ним в переговоры, одарил, водил на «роту» и дал город Дверен в Поросье «ради Руской земли»[265]. Насколько ослабла княжеская юрисдикция над торками, видно из эпизода, относящегося к походу Ростислава Рюриковича с черными клобуками из Торческа на половцев. В плен к торкам попал половецкий хан Кобан. Опасаясь вмешательства князя, торки и половцы самостоятельно договорились между собой, «не водя его (Кобана. — *В.П.*) в полк, уладившеся с ним на искуп и пустиша и»[266].

Если прежде клобуки тайно предупреждали днепровских половцев о готовящемся походе, то в 1193 г. дело зашло дальше. Клобуки были готовы с Рюриком идти на подунайских половцев, но когда Святослав Всеволодович повел было их на половцев поднепровских, дело сорвалось, т. к., дойдя до Добра, клобуки дальше идти отказались, заявив, что у них «сваты» за Днепром[267]. Наши источники отрывочны, да едва ли все удалось собрать, но и приведенного материала достаточно, чтобы засвидетельствовать примечательное совпадение в развитии разных форм антифеодальной и освободительной борьбы.

---

[261] ПСРЛ. Т. II. Стб. 540 (1170 г.).
[262] Там же. Стб. 659 (1187 г.).
[263] Там же. Стб. 652 (1187 г.).
[264] Там же. Стб. 670 (1490 г.), 672–673.
[265] Там же. Стб. 674 (1193 г.).
[266] Там же. Стб. 672 (1190 г.).
[267] Там же. Стб. 674 (1193 г.).

На горе земледельческим и кочевым подданным кризисом Древнерусского государства воспользовались иноземные завоеватели. Монгольское нашествие с востока и вторжение рыцарских ратей шести держав с запада обрушилось на нашу страну. Монгольские полчища смяли и разорвали вековые связи Руси с народами Поволжья, Северного Кавказа и Причерноморья. В кровавых смутах монгольских завоеваний некоторые народы (хазары, печенеги, торки, половцы, булгары, буртасы, вяда и др.) исчезли с исторической арены.

Кровавое дело, начатое Чингис-ханом и продолженное его потомками, дорого обошлось русскому народу и другим народам нашей страны, принесло им неисчислимые бедствия. Нашествие подорвало хозяйство; были уничтожены центры городской культуры. Земли нашей страны оказались разорванными на части и поделенными между правителями отдельных враждующих орд и улусов. Тяжелые дани, разорительные набеги и поборы надолго затормозили общественное и этническое развитие народов, ставших жертвами завоевателей[268].

Судьбы этих народов зависели от будущего возрождения России и организованной ею борьбы за уничтожение «злогорького» ига.

Жестокое иго немецких феодалов пало на эстонский и латышский народы; на эстонской земле, кроме того, хозяйничали датские захватчики; часть корел оказалась под властью Швеции.

Восточноприбалтийский край, опустошенный войнами и массовым истреблением жителей, попал сразу под власть нескольких господ: немецкий Орден, папская курия, Германия, Дания, Швеция, рассматривали его как источник своих доходов. Каждый из иноземных властителей имел здесь особые формы государственного устройства и права, проводил самостоятельную внешнюю политику. Право покоренных было подчинено власти завоевателей. На прибалтийские народы пали тяжкие поборы и повинности; завоеватели препятствовали экономическому сплочению прибалтийских земель, оттирали местные народы от занятий ремеслом и торговлей, затрудняли этническую консолидацию народов, насильственно внедряя чуждый им язык и веру.

Все это надолго задержало историческое развитие народов Прибалтики. Их судьбы зависели от будущего России.

---

[268] *Мерперт Н.Я., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В.* Чингис-хан и его наследие // ИССССР. 1962. № 5. С. 92 и сл.

* * *

Итак, каковы же особенности структуры Древнерусского государства, взятого в целом?

Территориально, экономически и политически преобладающей частью государства была Русь. Феодальный способ производства утвердился на Руси раньше, чем у народов, попавших в зависимость от нее. Эти народы оставались на дофеодальной стадии общественного развития, либо только вступали на путь феодализма. Большая тема — многообразное обратное влияние подвластных народов на собственно Русь — еще ждет научного синтеза.

Экономика страны основывалась на естественно-географическом разделении труда, что обусловило значительную роль внеэкономического принуждения в политической ее структуре.

Политическая структура государства базировалась на вассалитете национальной знати и разных формах данничества подвластных ей народов.

Можно сделать вывод и о классовой сущности политики Древнерусского государства. Вассальная политика была своеобразным продолжением внутренней политики класса феодалов, и не нужно ее отрывать от этой политики.

Сказанное является ответом тем зарубежным авторам, которые ищут в древней Руси традиции пресловутого «народного» империализма.

Важно не забывать, что только сказанным отношения Руси с подвластными народами не исчерпывались, что бремя феодальной эксплуатации — это лишь та дорогая цена, которой подвластные народы (как, впрочем, и древнерусский трудовой народ) расплачивались за прогрессивное влияние Русского государства, за то, что оно охраняло их от других (подчас более алчных) захватчиков, за то, что оно способствовало внедрению земледелия в среду кочевников, охотников и рыболовов; за то, что оно несло им начала христианской культуры, создавало слой национальной администрации и т. п.

Изучение Древнерусского государства как некоего этнически сложного политического единства открывает путь к сравнительно-историческому сопоставлению его с Германской, Византийской, Монгольской, Османской и другими империями.

Возникновение Древнерусского государства как этнически разнородного политического единства — закономерный процесс в исто-

рии народов Восточной Европы. Древнерусское государство было не только колыбелью трех братских славянских народов — великорусского, украинского и белорусского, оно оставило глубокий след в истории многих народов, часть которых этнически и политически консолидировалась в его составе, где родились первые ростки трудовой дружбы разноязычных простых людей, их общего протеста против классового гнета и борьбы с иноземными захватчиками.

Варварское вторжение монгольских полчищ и немецких рыцарских войск прервало и деформировало этот естественноисторический процесс вызревания самостоятельных славянских и иноязычных государств, связанных властью сначала единой, а затем феодально раздробленной Руси. Этот процесс не заглох потому, что в отличие от непрочных империй Древнерусское государство имело преобладающее славянское ядро, глубокие корни в дофеодальной народной колонизации, значительные традиции борьбы народов против социального гнета и за независимость; оно оставило неизгладимые прогрессивные следы в истории многих народов (часть которых — народы Севера, некоторые народы Прибалтики, Поволжья — удержалась под властью Руси).

Процесс возобновился с образованием Русского централизованного государства и развитием Российской империи. Завершился он лишь после того, как Великая Октябрьская социалистическая революция разрушила царскую тюрьму народов и открыла ее бывшим узникам путь к развитию в свободные социалистические нации.

Впервые опубликовано в кн.: А.П. Новосельцев, В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин, В.П. Шушарин, Я.Н. Щапов. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 11–127.

Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос

Ныне наблюдается все убыстряющееся исследование русско-скандинавских отношений раннесредневекового периода. Достаточно просмотреть материалы симпозиума о викингах в Копенгагене (1968 г.), сессии по норманнам в Сполето (1968 г.), наконец, IV и V конференций по изучению истории скандинавских стран и Финляндии в Петрозаводске (1968 г.) и в Москве (1971 г.).

Все эти собрания (как, впрочем, и последние, очень интересные работы А.В. Соловьева, А.В. Рязановского, К.Р. Шмидта, Г. Штёкля) свидетельствуют, что вопрос о характере общественно–политической структуры восточных славян до появления норманнской династии признается одним из ключевых (его касались М. Хеллманн в Сполето[1], Д.С. Лихачев в Копенгагене[2] и я в Петрозаводске и в Москве[3]). Поставлен был этот вопрос в его современном виде Б.Д. Грековым, разрабатывают его у нас и историки, и археологи.

Из иностранных ученых более подробно по этой теме высказался М. Хеллман. Он отказался от старых тезисов о завоевании норманнами Руси и о решающей роли норманнов в образовании Древнерусского государства. Насколько я понимаю дело, он приблизился к

---

[1] *Hellmann M.* Einheimische und aussere Faktoren bei der Entstehung des mittelalterlichen Russland // I normanni e la loro espansione in Europa nell'alto medioevo. Spoleto, 1969. P. 205–232.

[2] *Lichačev D.S.* The Legend of the Calling-in of the Varangians and Political Purposes in Russian Chronicle-Writing from the Second Half of the 11th to the Beginning of the 12th Centuries // Varangian Problems. Scando-Slavica. Copenhagen, 1970. Supplementum I. P. 170–185.

[3] *Пашуто В.Т.* Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сборник. Таллин, 1970. Вып. XV. С. 51–61; *Он же.* Норманнский вопрос в свете летописной традиции о племенах и княжениях // Тезисы V Международной конференции по изучению истории скандинавских стран и Финляндии. М., 1971.

точке зрения Б.Д. Грекова, попытавшись соединить ее с известным тезисом Г. Людата (Кёльн) о равнозначности «туземных и иноземных» элементов в образовании славянских государств Восточной Европы[4]. «Образование средневековой России рисуется как продолжительный и сложный процесс. Туземные и внешние факторы играли при этом свою роль, не во все времена одинаково интенсивную, но они все содействовали тому, чтобы Киевское государство в течение полутора веков выросло в значительную политическую силу», — пишет М. Хеллман. Со своей стороны советские историки подчеркнули значение славянских общественно-политических элементов, как основных. Таким образом (отвлекаясь от разницы взглядов на классовую природу государства), признание славяно-скандинавского общественного синтеза — общая платформа для дискуссии между учеными разных мировоззрений. Главное теперь — определить удельный вес синтезируемых элементов.

Внимательно перечитывая летописи, легко заметить, что и до прихода варягов на Руси существовала власть. Летопись, правда, говорит, что варягов призвали некоторые славянские «племена», но дело в том, что сами-то эти племена, даже в их летописной характеристике, оказываются понятием далеко не простым.

Спор о характере общественного строя славян накануне образования Древнерусского государства в советской науке идет между представителями двух точек зрения. Одни видят в четырнадцати землях (полян, древлян и др.), упомянутых летописью, совокупность племенных княжений (Б.Д. Греков, Б.А. Рыбаков, П.Н. Третьяков) с элементами зарождающейся политической организации, другие — союзы племен (В.В. Седов, И.И. Ляпушкин).

Недавно И.И. Ляпушкин вновь пересмотрел этот вопрос и пришел к выводу, что «нет сведений, позволяющих признать в племенных княжениях славян (полянах, древлянах, северянах и др.) государственные образования»[5]. По его мнению, это «союзы племен» во главе с князьями, которые «еще не управляют», власть находится «в руках народа»[6], имеющего, впрочем, за спиной минимум двухсотлетнее существование сельской общины с индивидуальным ве-

---

[4] *Ludat H.* Der europäische Osten in abendländischer und sovjetischer Sicht. Köln, 1954. S. 16.

[5] *Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства Л., 1968 (МИА. № 152). С. 168.

[6] Там же. С. 169.

дением хозяйства[7]. Следовательно, перед нами не политические, а этнические общности. Потому известные образования союзов — нескольких таких общностей (например, словен, кривичей и чуди) характеризуются как «объединительные стремления славян», а Древнерусское государство — как слияние племен: «в конце IX в. Север и Юг сливаются в одно государство с центром в Киеве», впрочем и после этого «некоторые из славянских племен», в частности древляне, «все еще сохраняют свои первобытнообщинные устои»[8].

И.И. Ляпушкин был реалистично мыслящим исследователем, но мне думается, что затронутый вопрос поставлен им несколько жестко: или союзы племен, или государственные образования. При рассмотрении этого вопроса полезно принять во внимание два момента: во-первых, трактовку полян, древлян и им подобных не только «Повестью временных лет», но и последующими летописными сводами, частью которых она является, и, во-вторых, общественно-политическую жизнь соседних Руси народов (польского Поморья, прусского Поморья, народов Восточной Прибалтики, Литвы) на синхростадиальном этапе развития.

Коснемся подробнее первого момента. В науке уже давно замечено желание придворного киевского книжника прославить Полянскую землю, изобразив прочие тринадцать земель менее развитыми, даже дикими. Стоит задуматься над тем, насколько актуальна была такая трактовка истории Словенской, Древлянской, Вятичской, Радимичской, Кривичской земель в трудах летописцев времен Владимира Святославича, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха или даже Изяслава Мстиславича и Рюрика Ростиславича, имея в виду изменяющиеся отношения великокняжеского стола с Овручем, Новгородом, Черниговом, Полоцком.

Хорошо известно, что летописные понятия «род» и «племя» не дают ключа к пониманию общественной структуры этих земель, но спрашивается, дают ли этот ключ тексты, приводимые И.И. Ляпушкиным в качестве свидетельств народоправства на заре Древнерусского государства.

Возьмем, к примеру Древлянскую землю. Древляне, как и другие, «имяху бо обычаи свои, и закон отец своих и преданья», словом,

---

[7] Там же. С. 167.
[8] Там же. С. 169.

«свой нрав»[9]; они «творяще сами собе закон»[10]; у них, как и у полян, было свое «княженье», восходящее к незапамятной давности полянского Кия с братией[11]. Текст о древлянах весьма архаичен, и в нем Овруч выступает как соперник Киева на юге. По летописцу, древляне «живяху звериньским образом, живуще скотски»[12], но спрашивается, можно ли ожидать другой оценки древлян, если сперва жившие с ними в мире поляне потом (накануне их перехода под власть хазар) «быша обидимы древлянами и инеми окольными»[13]; притом сами древляне в числе хазарских данников не значатся[14].

Древляне — непрочное приобретение киевских великих князей. Олег правил, «обладая» древлянами, но лишь после того как, войною «примучив» их, обложил данью по черной куне[15]; ходили они с ним и на Византию[16]. Но уже от Игоря древляне «затворишася», видимо, в своих укреплениях[17]. Дальнейшее известно — он победил их и возложил дань «болша Олговы»[18]; на Византию с ним они не ходят[19]. Затем Игорь начал замышлять новый поход на древлян, «хотя примыслити большюю дань». Вместе с дружиной он действительно «примышляше к первой дани и насиляше им и мужи его». Затем он, «желая больша именья», отправив дань домой с небольшой дружиной, пошел еще «походить» по земле древлян. Дважды пережившие за короткий срок увеличение дани, древляне «сдумавше со князем своим Малом», «вышедше из града» Искоростеня, убили Игоря и дружину его, и есть могила его в Деревах «и до сего дне»[20]. Формула «до сего дне» встречается в летописи до 1051 г. (статьи о поставлении Илариона в митрополиты и сообщение о Печерском монастыре)[21].

И.И. Ляпушкин полагает, что убийство Игоря «замышляет народ», «сватовство за князя Мала решает народ», «состав посоль-

[9] ПВЛ. Ч. I. С. 14.
[10] Там же. С. 15.
[11] Там же. С. 13.
[12] Там же. С. 15.
[13] Там же. С. 16.
[14] Там же. С. 18.
[15] Там же. С. 20.
[16] Там же. С. 23 (907 г.).
[17] Там же. С. 31.
[18] Там же. С. 31 (914 г.).
[19] Там же. С. 33 (944 г.).
[20] Там же. С. 40.
[21] Там же. С. 50, 53, 55, 58, 59, 77, 80, 101, 106.

ства к Ольге определяет народ» и что «патриархальностью веет и от взаимоотношений народа древлянского с князьями: "наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю"»[22]. Верно ли это заключение исследователя?

У древлян есть своя общественная структура: княжеская власть (притом давняя: «князи распасли» землю — на это нужно время), «лучьшие мужи» (забытые И.И. Ляпушкиным) и, наконец, народ. Народ действует не непосредственно, а через лучших мужей: их, «числом 20», древляне шлют к Ольге послами, и они говорят ей: «посланы Дерьвьска земля»; и вовсе не народ произносит слова, от коих веет патриархальностью, а именно «лучьшие мужи». И во второе посольство древляне не двинулись толпой, а «избраша лучьшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю»[23], ниже древляне называют этих мужей «дружиной». Когда Ольга идет войной на древлян, те встречают ее «полком»; проиграв битву, древляне обороняются в Искоростене, где упомянуты дворы, клети, вежи, одрины. Здесь тоже царит не народовластие, а есть «старейшины... града», их Ольга, победив, «имала», прочих же частью велела убить, частью раздала своим мужам в виде челяди, а «прок их остави платити дань», притом «дань тяжку»[24], определив ее нормы «уставами» и «уроками».

«Лучшие мужи», как ниже увидим, были не только у древлян. Это знать земель-княжений, еще не составлявшая единого общерусского сословия, но подчас создававшая союзы. Следы союзов земель видны в совместном решении словен, кривичей, чуди и др. о приглашении варяжского князя «по праву» для «наряда»[25]. Это решение не скопищ народа, а собрания «лучших мужей». Были эти союзы федерациями или (учитывая возможную верховную власть жречества) конфедерациями, сказать трудно, но следы их остались в летописном делении страны на «верхнюю» (с центром в Новгороде) и «низовую» (с центром в Киеве).

Древлянская земля, видимо, и утратив собственную династию, продолжала существовать как особая структурная единица в составе Древнерусского государства. Святослав, уходя в 970 г. на бал-

---

[22] *Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы. С. 169.

[23] ПВЛ. Ч. I. С. 41.

[24] Там же. С. 43.

[25] Там же. С. 18.

канскую войну, оставил Ярополка в Киеве, а Олега «в Деревех». Это «волость» Олега, и нарушивший границы его охотничьих угодий сын Свенельда был убит древлянским князем (975 г.). Великий князь Ярополк двинул войско «на Деревьску землю», Олег битву проиграл и погиб в свалке у ворот Овруча. Там есть его могила и «до сего дне». Ярополк «перея власть» его[26]. При Владимире Святославиче один из его сыновей, Святослав, сидел в «Деревех»[27] и потом погиб от руки Святополка Окаянного[28]. В последний раз Древлянская земля упоминается в 1136 г., когда Ольговичи с половцами, перейдя Днепр, воюют у Треполя, Василева, Белгорода, «оли же и до Дерев»[29]. С этой поры древляне и их земля исчезают со страниц летописи, но примечательно, что в пору диархии второй половины XII в. великие князья сидели: один, имея «старейшинство», в Киеве, другой, держа «всю Роускую землю», в Овруче (1180 г.)[30].

Конечно, термины «древляне», «вятичи» и др. звучат патриархально, не надо, однако, забывать, что не только в «Повести временных лет», но и у авторов позднейших сводов XII–XIII вв. они были в ходу. Следовательно, за терминами как таковыми в их применении к IX–X вв. вовсе не строго обязательно должна скрываться племенная старина.

Возьмем для примера «Вятичскую землю». Как показал А.Н. Насонов, это очень интересный район — стык черниговской и ростово-суздальской колонизации[31]. Киевский книжник утверждал, что вятичи (как и радимичи) родом от поляков[32]. В условиях киево-черниговo[33]-польских взаимоотношений XI–XII вв. генеалогия вполне понятная. Кроме того, предки черниговцев (как и древляне) жили в лесах, подобно диким зверям, ели «нечистое», срамословили, име-

---

[26] Там же. С. 53.

[27] Там же. С. 83.

[28] Там же. С. 94.

[29] ПСРЛ. Т. II. С. 229.

[30] Там же. С. 624.

[31] *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 219 (черниговские князья распространили свою власть на вятичей во второй половине XI — начале XII в.), 195 (ростово-суздальские князья — в первой половине XII в.), 197, 205 (о Рязани и вятичах).

[32] ПВЛ. Ч. I. С. 14.

[33] *Насонов А.Н.* «Русская земля». С. 51 и др. (северяне, радимичи и вятичи относятся к Черниговской земле).

ли многоженство, творили тризну, как, впрочем, ее «творять вятичи и ныне»[34]. Формула о «ныне» встречается в летописи до 1097 г.[35], т. е. до Владимира Мономаха, если иметь в виду летописный хронологический расчет[36]. Вятичи вели свое происхождение от Вятко, но особое княжение у них, как у полян или древлян, не упомянуто.

Судьба Вятичской земли не была легкой. Вятичи названы в числе участников похода Олега на Византию[37]. При Игоре они не упомянуты. Впервые их «налезе» Святослав (964 г.), когда они платят дань хазарам «по щьлягу от рала»[38], чем до сих пор поражают историков и нумизматов, верящих нелестной летописной характеристике внеполянских славян. Позднее Святослав отправляется на вятичей, побеждает их и облагает данью (965 г.)[39] «от плуга», что, вновь «победив» вятичей, делает и Владимир Святославич (981 г.)[40]. Впрочем, вятичи опять «заратишася», и князь вторично побеждает их (982 г.)[41]. У вятичей, как и у древлян, мы обнаруживаем и слой «лучших мужей» — их «нарубал» здесь Владимир Святославич для засечной черты[42]; встречаем здесь и наследственных князей — ведь «в вятичи» совершил поход «на Ходоту и на сына его» сам Владимир Мономах[43].

Земля вятичей неоднократно упоминается и в XII в., очерчиваясь следующим кругом городов: Козельск (1152 г.) — Дедославль (1146 г.) — Мценск (1147, 1152 гг.) — Брянск (1147 г.) — Карачев (1146, 1185 гг.) — Рыльск (1152 г.) — Спашь (1152 г.) — Глухов (1149, 1152 гг.) — Ярышев — Беловежа Старая (1149 г.) — Воробейна — Вщиж (1161 г.) — Обловь (1147, 1152 гг.). «Вятичь», как свидетельствуют случайно дошедшие черниговские известия киевского летописания[44], являются объектом острой борьбы между волынской и суздальской группировками князей. «Вятичь» — часть Черниговщины. Великий князь Всеволод Ольгович вступил в кон-

---

[34] ПВЛ. Ч. I. С. 15.

[35] Там же. С. 56, 121, 173.

[36] Там же. С. 17; ср.: *Кузьмин А.Г.* Хронология Начальной летописи // Вестник МГУ. 1968. № 6. С. 40–53.

[37] ПВЛ. Ч. I. С. 23 (907 г.).

[38] Там же. С. 47.

[39] Там же.

[40] Там же. С. 58.

[41] Там же.

[42] Там же. С. 83.

[43] Там же. С. 159; ср. С. 158 («сквозе вятичи»),

[44] *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 48.

фликт с братьями именно потому, что им в черниговской «отчине своее не дасть Вятичь»[45]. Видим участие и самих «вятичей» в межкняжеской борьбе: сперва «бежа за лес въ Вятиче» Святослав Ольгович[46], потом черниговские Давыдовичи, враждебные Юрию Долгорукому, видимо, в Дедославле «созвавша Вятиче и реша им: се есть ворог нама (речь идет о Святославе Ольговиче. — *В.П.*) и вам, а ловите его на полон вама»[47].

Вятичи — «волость» и здесь сидят черниговские посадники: в 1147 г. «выбегоша посадничи Володимери [и] Изяславли из Вятичь, из Брянска, и из Меченьско, и из Блеве», а Святослав Ольгович от Дедославля «иде Девягорьску, иде заем вси Вятичи и Дебрянеск и до Воробиин Подеснье, Домагощь и Мценеск»[48]. Приехавший в Киев от Изяслава Давыдовича его брат Владимир передал слова черниговского князя: «Брате, се заял Олгович Святослав волость мою Вятиче, поидеве на нь»[49]. Киевско-черниговский союз против Долгорукого вновь обретает силу: Давыдовичи и Святослав Ольгович обязываются пойти «на Вятиче» и к Ростову[50], но, выполнив лишь первую часть плана, они «стоита въ своих Вятичех, ожидаюча и зряча, что ся тамо учинить» между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким[51]. Последний с русско-половецким войском «иде на Вятиче», о чем Владимир Давыдович в страхе извещает своего волынского союзника: Юрий «вшел в наше Вятиче»[52]. Через несколько лет русско-половецкую рать Долгорукого вновь видим идущей «на Вятиче», где она «тако взяша я, та Мценск, оттуда же идоша на Спашь, та на Глухов, и ту сташа»[53]; в том же году, идя из Рыльска в Суздаль — «туда на Вятиче», Долгорукий «тако прок Вятичь взя»[54]. Еще раз видим суздальского князя здесь в 1154 г., когда по пути в Русь «пришедшу ему оу Вятиче и ста не дошед Козельска»[55].

---

[45] ПСРЛ. Т. II. Стб. 310–311 (1142 г.).
[46] Там же. Стб. 336; Т. I. Вып. 2. Стб. 314.
[47] Там же. Т. II. Стб. 338 (1146 г.); Т. XXV. С. 39.
[48] Там же. Т. II. Стб. 342.
[49] Там же. Стб. 343 (1147 г.); Т. I. Вып. 2. Стб. 315; Т. XXV. Стр. 40.
[50] Там же. Т. II. Стб. 368.
[51] Там же. Стб. 371 (1148 г.); Т. XXV. С. 45 (1149 г.).
[52] Там же. Т. II. Стб. 374 (1149 г.).
[53] Там же. Стб. 455 (1152 г.); Т. XXV. С. 56.
[54] Там же. Т. II. Стб. 459; Т. XXV. С. 57 (1152 г.).
[55] Там же. Т. II. Стб. 468 (1154 г.); Т. I. Вып. 2. Стб. 341; Т. XXV. С. 58.

Во второй половине XII в. «Вятские городы» по-прежнему объект борьбы: Изяслав Давыдович, идя из Гомья «к Вятичем», занимает Обловь «и вси Вятиче»[56], сын Андрея Боголюбского, воюя в Черниговщине, встречается с местными князьями «в Вятиче» во Вщиже[57]. «В Вятиче к Карачеву» ходил в 1185 г. великий князь Святослав Всеволодович «орудей деля своих»[58]; наконец, в 1197 г. суздальский великий князь Всеволод Юрьевич, «вниде в волость» черниговских князей, «пойма городы Вятские и землю их пусту створи»[59].

В политической действительности XI–XII вв. живут и другие древние названия земель. Предки новгородцев — словене, как известно тоже не в чести у киевского летописца: и осмеял-то их сам апостол Андрей, и не задались им тонкие паруса во время византийского похода, и уважающий себя князь к ним на стол не пойдет[60], в последний раз они отмечены в 1036 г. Радимичи тоже не лучше, они и «волчьего хвоста бегают», и «до сего дне» платят дань Руси и «повоз везут»[61], — в последний раз они упомянуты в 1170 г., когда Владимир Мстиславич, изменив Мстиславу Изяславичу, от реки Горыни «оуворотяся на Радимиче, к Андрееви к Суждалю»[62]. Видим в летописи и северян под Черниговом (1025 г.)[63], встречаем и дреговичей, за поход на них Мономах укорял Глеба в 1116 г.[64], а Святослав Ольгович — Владимира Давыдовича в 1149 г.[65]

Наконец, о кривичах известно, что они имели и сохранили особую династию князей, восходящую к норманну X в. Рогволоду, честь дочери которого порушил Владимир Святославич[66]. Наименование полочан и полоцких князей, проводивших политику, враждебную Киеву, кривичами встречаем в 1128 г., когда Мстислав Владимирович отправил в поход со своей братьею «многы

---

[56] Там же. Т. II. Стб. 502 (1159 г.); Т. XXV. С. 66; ср.: Т. I. Вып. 2. Стб. 348 (1158 г.).

[57] Там же. Т. II. Стб. 509 (1161 г.); ср.: Т. I. Вып. 2. Стб. 350 (1159 г.).

[58] Там же. Т. II. Стб. 637.

[59] Там же. Т. I. Вып. 2. Стб. 413; ср. Т. II. Стб. 697–698.

[60] ПВЛ. Ч. I. С. 12, 25, 49.

[61] Там же. С. 59.

[62] ПСРЛ. Т. II. Стб. 537.

[63] ПВЛ. Ч. I. С. 100.

[64] Там же. С. 200.

[65] ПСРЛ. Т. II. Стб. 384 (тот держал Курск с Посемьем, Сновскую тысячу, а также Слуцк, Клечск «и вси Дреговиче»).

[66] ПВЛ. Ч. I. С. 13, 54.

кривичи»[67]; «кривитьстеи» или «кривские» князья названы летописью еще дважды, последний раз в 1162 г.[68] Нам приходилось уже отмечать, что в орденской хронике описан поход «на землю кривичей» (ad terrain Criwicie) в 1314 г.[69].

Все сказанное о терминах «древляне», «вятичи» и др., кажется, позволяет усомниться, что за ними непременно скрывались союзы племен: эти названия живут в политической практике XI–XII и даже XIII в., обозначая территории, феодальный общественно-политический строй которых не вызывает сомнений. Какова эволюция содержания этих терминов — вопрос, требующий особого рассмотрения.

Впервые опубликовано: Летописи и хроники. Сб. статей. 1973 г. М., 1974. С. 103–110.

---

[67] ПСРЛ. Т. II. Стб. 292 (1128 г.).

[68] Там же. Стб. 304, 521.

[69] *Petri de Dusburg.* Chronica terrae Prussiae // Scriptores rerum Prussicarum. Leipzig, 1861. T. I. P. 322.

Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы

Время от времени мы возвращаемся к норманскому вопросу. И не только мы. Международная апрельская сессия 1968 г. в Сполето была посвящена норманнам и их роли в истории раннесредневековой Европы, причем с докладом на тему «Внешние и туземные факторы в образовании средневековой России» выступал западногерманский историк М. Хеллманн.

В зарубежной буржуазной историографии трактовка норманского вопроса отнюдь не единообразна. С интересными антинорманистскими статьями выступает американский ученый А.В. Рязановский[1]. Совсем недавно видный западногерманский историк, редактор основного периодического издания по восточноевропейским проблемам — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas» — профессор Г. Штёкль высказался против распространенного в буржуазной Германии националистического взгляда, отождествляющего норманнов с германцами[2]. Прогресс науки в условиях острой полемики по этой проблеме объясняет такого рода выступления. Они закономерны. Недавно А.В. Соловьев предпринял попытку вновь собрать все аргументы в пользу норманской концепции образования Руси. При всей точности опыт А.В. Соловьева грешит невниманием к истории восточных славян, неполнотой использования летописи, в том числе и формуляров русско-византийских договоров. Автор не смог доказать завоевания Руси норманнами и ограничился более скромным выводом: они «сильно способствовали образованию государства» у восточных славян[3].

---

[1] *Riasanovsky A.V.* The Embassy of 838 Revisited // JGO. 1962. Bd. 10. H. 1. S. 1–12.

[2] *Stökl G.* Osteuropa und die Deutschen. Hamburg. 1967. S. 96.

[3] *Soloviev A.V.* L'organisation de l'etat Russe au Xe siècle // L'Europa aux IXe–XIe siècles. Varsovie, 1968. P. 267; ср.: *Шмидт К.Р.* О возможных следах скандинавского влияния на русские географические названия // Scando-Slavica. Copenhagen, 1968. Supplementum I. S. 149–152.

Марксистская историография трудами Б.Д. Грекова, Б.А. Рыбакова, Х. Ловмяньского, И.П. Шаскольского и др. доказала ошибочность тезиса о завоевании и колонизации Древней Руси норманнами. Решающие сдвиги в общественном производстве у восточных славян второй половины I тыс. н. э., бесспорно установленные археологией (рост плужного земледелия, использование железного инвентаря, появление гончарного круга, торжество парной семьи, исчезновение равенства имуществ внутри неукрепленных поселений и появление богатых дружинных комплексов вне их), естественно сопоставить с синхронным процессом возникновения государства и поискать связь между этими двумя явлениями. Здесь уже много сделано, но я хотел бы особо обратить внимание на несколько выводов из исследований последних лет, позволяющих обновить и наше отношение к этой теме.

Внимательно перечитывая летописи, легко заметить, что и до прихода варягов на Руси существовала власть. Летопись, правда, говорит, что варягов призвали некоторые славянские «племена», но дело в том, что сами-то эти племена, даже в их летописной характеристике, оказываются не этнографической категорией, а политическими образованиями.

Эту точку зрения норманисты встретили в штыки, видимо, потому, что из руин норманизма им, как они думают, удалось спасти одно положение: «Только традиция о происхождении племени Русь» является безусловно достоверной в предании о призвании варягов, — писал незадолго до кончины А. Стендер-Петерсен, один из наиболее глубоких знатоков сюжета[4]. Если вся структура тогдашней Руси оказывается не этнографической, племенной, а политической, то, понятно, рушится и пресловутое «русское» племя и славяно-скандинавский этнический симбиоз.

Но летопись говорит больше, она сообщает, что еще задолго до «призвания» варягов на Руси были «княжения» — Полянское, Древлянское, Дреговичское, а также свои княжения у участвовавших в «призвании» варягов новгородских словен и полоцких кривичей[5]. Эти княжения были языческими, тем не менее, они имели

---

[4] *Stender-Petersen A.* Varangica. Aarhus, 1953. S. 245. Тщательный обзор историографии проблемы см.: *Шаскольский И.П.* Норманнская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965.

[5] ПВЛ. Ч. 1. С. 13.

свои первоначальные правовые основы или, как выражается летописец, «творяше сами себе закон»[6].

Из сообщений о Полянской, Северянской, Вятичской и Радимичской землях мы знаем, что в них имелся уже и достаточно организованный аппарат сбора дани мехами и монетой в пользу хазар[7]. Это предполагает существование подобных же поборов в пользу самой местной знати, наличие стоимостной оценки движимой и недвижимой собственности при юридической ответственности каждой семьи — большой (дым) и малой (рало), с которых, согласно летописи, собиралась дань.

Отсюда следует, что Русь до ее объединения под властью князей варяжской династии представляла собой конфедерацию 14 княжений, выросших на землях бывших племен. Летопись свидетельствует, что в этих княжениях уже не было народовластия; в них правили князья, такие как сохраненные преданием Кий, Щек и Хорив у полян и упоминаемые вполне доброкачественными источниками Мал — у древлян, Ходота — у вятичей. Эти князья-нобили делили власть с местной знатью, решали ее судьбу «сдумавше со князем» и несли ответственность за нее перед Ольгой.

Знать отдельных княжений еще не составляла единого общерусского сословия, но подчас основывала союзы. Мы, например, вправе признать, что решение словен, кривичей, чуди и др. о приглашении варяжских князей для «наряда», осуществленное «по праву»[8], — это решение совета знати нескольких крупных княжений — членов конфедерации. Следы союзов земель южной и северной Руси остались и в летописном делении страны на «верховую» (с центром в Новгороде) и «низовую» (с центром в Киеве). Следовательно, варяги не принесли на Русь княжую власть и деление общества на правящих и управляемых. Это — один вывод.

Не менее важно учесть и то, что князья-варяги приглашены править для «наряда». Я специально изучал термин «ряд» — «наряд» — «поряд» в наших летописях и убедился, что он всегда определял условия, на которых правящая знать отдельных русских центров приглашала князя занять престол[9]. Значит, варяжские кня-

---

[6] Там же. С. 15.

[7] Там же. С. 18, 20, 47.

[8] Там же. С. 18.

[9] *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М, 1965. С. 34–35.

зья, если вообще верить летописному преданию, были подчинены воле славянской знати. Иначе и не могло быть: варяги это внешний и сравнительно поздний и второстепенный фактор в становлении Древнерусского государства, прошедшего долгий путь к союзам княжений. Местные особенности — экономическая, общественная и политическая пестрота — сохранялись не одно столетие.

История Европы показывает, что феодализм постепенно и крайне медленно вырастает из патриархально-общинного строя; сам общественный переворот, приведший к торжеству феодализма, растянулся на столетия; отдельные формы нового государства тоже складывались исподволь и были долго опутаны паутиной патриархальной старины. Поэтому мы и не считаем возможным говорить о какой-либо точной, однозначной датировке начала государства, тем более отождествлять его с приходом к власти той или иной правящей династии.

Следующее обстоятельство, позволяющее вновь вернуться к норманскому вопросу, связано с торговлей. Работы археологов, нумизматов (Б.А. Рыбакова, В.М. Потина, В.В. Кропоткина, Е. Антоневича и др.) и историков показали относительное значение торговых связей Руси с норманнами в рамках ее экономических взаимоотношений с другими странами Европы и Азии[10]. Теперь ясно, что не норманны создали торговлю Древней Руси и вовсе не ослабла она с упадком норманской активности, а процветала вплоть до монгольского нашествия.

Следующее обстоятельство относится к этнической структуре Древней Руси. Взгляд на Древнюю Русь как на этнически неоднородное государство, выросшее из конфедерации земель-княжений, возглавляемых славянской знатью, дает возможность более точно оценить отношения Древнерусского государства со странами Северной Европы и место этих отношений в международной жизни средневековья. Формирование территории Древней Руси не привело к установлению государственной границы со всеми соседними народами, ибо далеко не все эти народы достигли в своем общественном развитии государственных форм. Поэтому ко времени княжения Владимира Святославича граница собственно Руси не была однородной: лишь на сравнительно небольшом протяжении она была государственной, т. е. отделяла Русь от других самостоятельных

---

[10] *Потин В.М.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Историко-нумизматический очерк. Л., 1968; *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т.* Внешняя торговля Древней Руси // ИССCP. 1967. № 3. С. 81–108.

государств, а именно — Польши, Венгрии, Волжской Булгарии и, может быть, Чехии; на всем остальном протяжении Русь граничила с землями народов, либо еще не имевших государственной организации, либо знавших лишь ее начальные формы.

Другая особенность границ заключалась в том, что подавляющее большинство этих народов (свыше двадцати) находилось в той или иной форме политической зависимости от Руси. Причем славяне, а не норманны, как видно из всей истории взаимоотношений Руси с неславянскими подданными, властвовали в их землях. Славяне составляли территориально, экономически и политически преобладающее ядро обширного Древнерусского государства. Взаимоотношения Руси с подвластным ей кругом неславянских народов имели существенное влияние на ее внешнюю политику и относительно Скандинавии. Это и понятно, ибо вассальные земли народов Прибалтики (ижоры, води, эстонцев, латышей, литовцев) отделяли Русь от прусско-польского Поморья, где не раз тщетно пытались утвердиться скандинавские викинги; зависимые земли финнов, карел и лопарей отделяли Русь от Норвегии и Швеции, первые попытки которой закрепиться здесь относятся только к XII в.

До времени Ярослава Мудрого мы располагаем сведениями лишь об отношениях отдельных земель Руси с варягами (разноязычными наемными дружинами из северных стран). Межгосударственные отношения Руси со Швецией, Данией и Норвегией нашли отражение в летописи Новгорода только после получения им самостоятельности (1136 г.). Вероятно, русские источники неполны, привлечение же иностранных источников не столько восполняет пробелы, сколько подчеркивает их, как явствует из всесторонних исследований исландских саг, выполненных В.Г. Васильевским, Е.А. Рыдзевской, А. Стендер-Петерсеном, Г. Ловмяньским, Г. Лябудой.

Сложной проблемой славяно-скандинавского социального и культурного синтеза является главным образом время существования конфедерации восточнославянских земель.

Славянская конфедерация пришла в соприкосновение с северными странами, столкнувшись с норманскими «находниками» и наемниками. Летопись приводит предание о том, что «княженья» Верхней Руси — Словенская (Новгородская), Кривичская (Полоцкая) земли и, видимо, союзные им Мерянская (Ростовская) и Чудская (Эстонская) страдали от набегов «находников»-варягов, которые «приходя-

ще» из «заморья» (имеется в виду Балтийское море, называвшееся Варяжским[11]), «имаху» с них дань[12].

Предание повествует, что однажды эти земли (видимо, при взаимной союзной поддержке) изгнали варягов за море, не дав им дани и, восстановив свою независимость, «почаша сами в собе володети». Автор летописи, использовавший это предание, был убежден, что без княжеской власти правопорядок в стране немыслим, и потому свое повествование он продолжал так: в союзе земель не было единства, начались распри и нарушения закона: «не бе в них правды». Тогда, видимо, на каком-то собрании правящей знати трех земель — Словенской, Кривичской и Чудской — было решено («реша сами в собе») выбрать князя из другой земли, который бы защищал не интересы знати одной из земель, а их общий интерес — «володел нами и судил по праву».

По преданию таким князем стал Рюрик, чьи дружинники получают кормления в уже существующих на Руси городах — Новгороде, Полоцке, Ростове, а также в Белоозере и Муроме, а бояре-варяги[13] Аскольд и Дир с большими силами садятся в Киеве[14]. Даже если это предание, внесенное из славянского или скандинавского эпоса в летопись XII в. и сомнительное во многих своих компонентах[15], принять как оно есть, то все равно очевидно, что новая династия — всего лишь орудие власти славянской и (в меньшей мере) чудской знати.

Тенденциозные попытки шведской и западногерманской историографии «национализировать историю в свою пользу» (как остроумно заметил Р. Порталь[16]) и, в частности, представить ее ход таким образом, что Русь стала то ли объектом скандинавского завоевания, то ли полем норманской колонизации, не выдержали проверки критики. Г. Ловмяньский, изучивший этот вопрос сравнительно-исторически, показал, что на Руси, по сравнению с пережившей норманское завоевание Англией, норманны — капля в славянском море[17]. В Новгородской летописи из 800 имен лишь 19, или 2,4% —

---

[11] ПВЛ. Ч. I. С. 10–11; Ч. II. С. 211.

[12] ПВЛ. Ч. I. С. 18 (под 859 г.); Ч. II. С. 233.

[13] НПЛ. С. 106.

[14] ПВЛ. Ч. I. С. 19.

[15] *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПБ., 1908. С. 289–340.

[16] *Portal R.* Quelques problémes d'histoire russe et slave // Revue historique. P., 1948. T. 198. Janvier–mars. P. 71.

[17] *Łowmiański H.* Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa, 1957. S. 75.

скандинавского происхождения; в грамотах Новгорода и Пскова из 3400 имен 4, т. е. 0,1% — скандинавские[18], и те приходятся на знать. Мы уже указывали, что в пестроязычной дружине русских князей, где были и тюрки, и финны, и поляки, и другие, норманский элемент — сравнительно второстепенное слагаемое[19]. Столь же ничтожно место норманского элемента в топонимике[20]. Примечательно, что «варяг» топонимически не приложим к названию ни одного крупного города или торгового центра[21], нет и данных о варяжской земельной собственности на Руси ни в летописях, ни в сагах, ни в актах[22]. Примечательно и отсутствие в топонимике производных от женских имен — следовательно, норманны не селились семьями, а женились на славянках и быстро ассимилировались[23].

Несостоятельно, как показала Е.А. Рыдзевская, и утверждение о христианизации Руси варягами, ибо оно основано на исландских сагах второй половины XII — середины XIII в. Чем активнее действовала папская курия на северо-востоке, чем острее становились столкновения князей Руси с правительствами стран Северной Европы в вассальной сфере — в Чудской, Карельской, Финской и Лопьской (Саамской) землях, тем ярче тенденциозный церковный отпечаток на исландских сагах. Саги сохранили далекий литературный отклик христианизации великой страны Руси, подобно тому, как это сделали и восточные хронисты. Для изучения христианизации Руси они прямым источником служить не могут[24].

Наконец, и само предание о Рюрике лишено прочных исторических корней. Г. Ловмяньский, пересмотрев взгляд и доводы Н.Т. Беляева[25], блестяще доказал, что в пору жизни реального Рорика Фрисландского прямых связей ни Фрисландии, ни Дании с Русью не

---

[18] *Baecklund A.* Les prénoms scandinaves dans la tradition médiévale de Velikii Novgorod // Revue des études slaves. P., 1956. T. 33. P. 32.

[19] *Новосельцев А.П. и др.* Древнерусское государство. С. 109.

[20] *Погодин А.Л.* Варяги и Русь // Записки Русского научного института. Белград, 1932. Вып. 7. С. 114.

[21] *Рыдзевская Е.А.* К варяжскому вопросу // Известия АН. VII серия. Отд. общественных наук. Л., 1934. № 7. С. 504.

[22] Там же. № 8. С. 626.

[23] Там же. С. 616.

[24] *Рыдзевская Е.А.* Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюггвасоне // ТОДРЛ. 1935. Т. II. С. 20.

[25] *Ловмяньский Г.* Рорик Фрисландский и Рюрик «Новгородский» // Скандинавский сборник. Таллин, 1963. Вып. VII. С. 239–243.

было и вся деятельность этого викинга времен Лотаря и Карла Лысого в 40–70 гг. IX в. протекала в кругу датских и германских интересов. Экспансия самой Дании еще не простиралась восточнее земли куршей; датско-новгородские торговые отношения письменно впервые зафиксированы в XI в. Адамом Бременским; тогда же и Титмар Мерзебургский отметил в Киеве «быстрых» датчан, видимо, из числа наемников Ярослава Мудрого[26]. Появление в Повести временных лет англосаксонского мотива о трех братьях (переработанного в духе договора о приглашении их на княжение) следует, видимо, связывать с женитьбой Владимира Мономаха на дочери англосаксонского короля Гите, которая со своей свитой до отъезда на Русь укрывалась в Дании. В Повести Англия не названа, а сами англичане выводятся из Скандинавии; видимо, в связи с датско-английской унией (1016 г.) летописное понятие «Англия» охватывало и Данию[27].

Как бы то ни было, варяжские князья правят от имени давших им власть древнерусских мужей, а варяжские дружины — лишь одно из слагаемых рати, в которой преобладают славянские вои[28]. Если нет данных ни о завоевании, ни о колонизации Руси норманнами, то есть немало фактов, свидетельствующих о древних и разнообразных связях Руси с народами Северной Европы, чьи выходцы надолго нашли в нашей стране свою вторую родину.

Приведу два-три типичных примера, позволяющих судить о месте варягов в новой государственной структуре. Начнем с дани, которую им определил Олег. Она шла не от всей Руси, а лишь от Новгорода: «устави варягом дань даяти от Новгорода» в размере 300 гривен в год, «мира деля»[29]. Эта дань — следствие не международного договора, а княжеского распоряжения («устава»); она представляла собой плату стоявшему в Новгороде наемному варяжскому служилому корпусу, который позднее переберется через Киев в Константинополь. Спрашивается, 300 гривен — это много или мало? Если вспомнить,

---

[26] Thietmar. VIII.32; ср.: III.20, 22 // *Thietmar von Merseburg*. Chronik / Neu übertragen und erläutet von W. Trillmich. B., 1957; см.: *Riasanovsky A.V.* «Runaway Slaves» and «Swift Danes» in Eleventh-Century Kiev // Speculum. Cambridge (Mass.), 1964. Vol. 39. № 2. P. 288–297.

[27] *Ловмяньский Г.* Рорик Фрисландский. С. 248.

[28] *Приселков М.Д.* Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Уч. Зап. Ленинградского гос. университета. Серия История. 1941. Вып. 8. С. 241–246.

[29] НПЛ. С. 107.

что при Ярославе Мудром Новгород платил дань Киеву в размере 2000 гривен, да еще 1000 гривен давал на содержание русского княжеского гарнизона, то плата варягам окажется более чем скромной. Если Киев «кормил» служилых тюрков городами, то осмотрительное новгородское боярство и богатое купечество предпочитало давать варягам денежное жалованье. Новгород выдает эту плату варяжскому корпусу вплоть до смерти Ярослава («еже до смерти Ярославле даяше варягом»[30]), а затем, вероятно, обходится своей ратью и отрядами из подвластных неславянских земель. Варяжский корпус использовался для сбора дани и полюдья и на Руси и в Византии, получая при этом одну треть дохода — это русская традиция[31].

При Игоре роль варягов меняется. В поход 944 г. на Византию он вел варягов наряду с воями от земель Полянской, Словенской, Кривичской, причерноморской Тиверской и наемными (он их «наа») печенегами[32]. Здесь впервые наемная кочевая рать идет в поход наряду с варяжской, а вскоре кочевые контингенты и вовсе заменят норманнов на юге.

«Вой многи», двинутые Владимиром Святославичем на юг, тоже состояли вовсе не из одних варягов, а были собраны от земель Словенской, Кривичской и Чудской; причем князь Владимир умело держит варяжский корпус в руках. Когда варяги потребовали было откупа с Киева в размере по две гривны с жителя, он отбирает и оставляет себе более благонадежных, а остальных отсылает в Византию, сопроводив письмом к императору Василию II, из которого видно, что русские князья отлично знали, как управляться с наемниками: «Се идуть к тебе варязп. Не мози их держати в граде, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я разно, а семо не пущай ни единого»[33]. Прибывшие в Византию варяги вступают в уже давно бывший там служилый корпус.

Мы не знаем государственных соглашений Руси с правительствами северных стран о пополнении варяжского корпуса, едва ли они и существовали. Из договоров Руси с Византией мы видим варягов на русской службе в качестве послов и купцов; немало было их и среди княжеских слуг (Якун, Варяжко, Ждоберн и др). Очень важно, что договоры Руси с Византией, будучи юридическими актами, заключены с русской

---

[30] ПВЛ. Ч. I. С. 20; ср.: НПЛ. С. 107.

[31] ПВЛ. Ч. I. С. 33 (944 г.).

[32] Там же. С. 56.

[33] Там же. С. 56 (под 980 г.).

стороны вовсе не от имени группы князей норманнов-завоевателей, а от имени «всех людей» Русской земли, т. е. славянской знати[34].

Новая вспышка борьбы за власть над Киевом при Ярославе Мудром сопровождалась непродолжительным возрождением роли норманского корпуса в Новгороде. Но и здесь вновь видна его подчиненная роль: стоило варягам вступить в конфликт с местной знатью (своевольно задеть честь «мужатых жен»), как все они были перебиты новгородской властью, видимо, в их гриднице — на Паромоновом дворе[35]. Хотя Ярослав Владимирович и снес головы самовольным новгородцам, но все же в поход на юг (1015 г.) он выступил, имея рать, где новгородцев было 3000, а варягов только 1000[36]. Известно скромное место, отведенное этим служилым варягам в правовом кодексе, который дал затем Ярослав Мудрый Новгороду[37].

Следующее очень важное обстоятельство — отношение Руси к политике самих Скандинавских стран. Русь занимала самостоятельную позицию. Это особенно ясно для времени, когда датский король Кнут Великий (около 995–1035 гг.) распространил свою власть и на Англию (1016 г.), и на Норвегию. Вспомним, что именно на Руси при дворе Ярослава Мудрого нашли убежище сыновья разбитого Кнутом английского короля Эдмунда Железный Бок (убит в 1016 г.) — Эдвин и Эдуард[38]; русский князь (согласно комментариям к «Законам Эдуарда Исповедника», возникшим до 1134 г.[39]) «с честью удержал их возле себя».

Столь же независимо держала себя Русь и относительно возникших при участии норманнов французских и итальянских государств.

---

[34] Там же. С. 26, 35, 52.

[35] *Срезневский И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 592.

[36] НПЛ. С. 175; ср.: ПВЛ. Ч. I. С. 96; Ч. II. С. 193.

[37] ПРП. Вып. 2. С. 78, 110. См.: *Зимин А.А.* Феодальная государственность и Русская Правда // ИЗ. 1965. Т. 76. С. 239, 245; ср. соображения Л.В. Черепнина в кн.: *Новосельцев А.П. и др.* Древнерусское государство. С. 133 — 139.

[38] Die Gesetze der Angelsächsen / Hrsg. von F. Liebermann. Halle, 1903. Bd. I. S. 664; *Алексеев П.* Англосаксонская параллель к поучению Владимира Мономаха // ТОДРЛ. 1935. Т. II. С. 46.

[39] Свод законов, приписанных Эдуарду Исповеднику в правление англо-нормандского короля Генриха I (ум. 1135 г.); в действительности — не кодифицированная выборка норм англо-саксонского права, применявшихся после нормандского завоевания 1066 г. — *Примеч. ред.*

Когда в битве при Сенлаке[40] пал последний англо-саксонский король Гарольд и в Англии утвердились норманны Вильгельма Завоевателя (1066–1087), королевская семья покинула страну и уехала сперва во Фландрию, а затем в Данию. Норвежские и датские хронисты свидетельствуют, что здесь, видимо, в Роскильде, Гита, дочь короля, и была просватана за Владимира Всеволодовича Мономаха. Брак состоялся около 1074–1075 гг. Она 31 год была женой Мономаха, сопровождала Владимира в его «путях» по Руси и умерла в 1107 г., видимо, в Смоленске. Он отметил ее смерть в своем Поучении[41]. М.П. Алексеев доказывает, что Гита происходила из круга просвещенной английской знати. Вероятно, ее сопровождала большая свита. Появление англосаксов на Руси — часть их потока в Восточную Европу.

Примечательно и отношение Руси к норманским завоевателям в Италии. Как известно, русский шеститысячный корпус состоял на византийской службе в 988–1070 гг. и деятельно участвовал в кавказской, балканской, арабской политике империи, а также и во внутренних ее распрях. Корпус был в руках Руси важным элементом ее византийской политики; пополняя корпус, Русь, конечно, получала за него плату и, вероятно, знала, где он может быть использован. Здесь важно отметить участие русского корпуса в византийских войнах против норманнов Южной Италии, в частности в известных битвах при Каннах (1018 г.), Мальфи (1041 г.) и Отранто (1064 г.)[42]. Русь понимала значение корпуса как средства в политических взаимоотношениях с Германией, Францией, папством и в торговых связях со Средиземноморьем.

Когда феодальное дробление охватило Русь, и она сама стала шире использовать иностранных наемников — тюрков, поляков, венгров, чехов, русский корпус в Византии упраздняется. На смену русским пришли английские рыцари; участвуя в походах на итальянских нор-

---

[40] Сенлак — река, на высоком берегу которой вблизи поселения Гастингс 14 октября 1066 г. состоялось сражение между нормандцами Вильгельма Завоевателя и англо-саксонским войском Гарольда. Разгром англо-саксов привел к установлению нормандского господства в Англии. В историографии это сражение обычно называется битвой при Гастингсе. — *Примеч. ред.*

[41] ПВЛ. Ч. I. С. 161.

[42] *Ademarus Cabannensis*. Historia Francorum. III.55 (1018 г.): Ademari Historiarum libri III / Ed. D.G. Waitz // MGH SS. Hannoverae, 1841. T. IV. P. 140 (по словам этого французского хрониста, норманны после трех удачных для них сражений были «побеждены и повержены народом руссов»); Annales Barenses (1041 г.) // MGH SS. Hannoverae, 1844. T. V. P. 54; *Cecaumen*. Strategicon / Ed. W. Wassiliewsky, V. Jernstedt.

маннов, они как бы продолжали борьбу с завоевателями своей родины. Ну а русский корпус, что стало с ним? По-видимому, он не сразу вернулся на Русь, судя по тому, что как раз в это время в Венгрии при короле Кальмане (1095–1116 гг.) отмечены «русские его королевского величества», несущие охрану королевской резиденции[43]. Их появление связано с перестройкой былых политических союзов, но рассмотрение этого вопроса выходит за рамки нашей темы.

Подводя итоги, мы можем сказать, что источники сохранили нам немало свидетельств о выходцах из стран Северной Европы и их деятельности на Руси, сперва в качестве враждебных «находников», а затем как наемников-князей, воинов, купцов, дипломатов, сыгравших некоторую роль в строительстве славянской знатью огромного и многоязычного Древнерусского государства.

Когда пали созданные грозными викингами скандинаво-английские союзы, оставившие неизгладимые следы в Англии, Северной Франции и Южной Италии, Русь укрепила и расширила дипломатические и торговые отношения со странами Северной Европы.

Источники молчат о начальном этапе процесса русской и скандинавской встречной колонизации земель Лапландии (саамов), Финляндии и Карелии. Лишь после 1136 г., когда северная политика Руси перешла в руки правительства Новгородской боярской республики, местная летопись сразу вводит нас в круг устойчивых взаимных противоречивых отношений Руси со Швецией и Данией; государственное договорное русско-норвежское разграничение — дело более позднее (XIII в.).

Как видим, современный взгляд советской, вообще марксистской науки на варяжский вопрос находится в полном соответствии со всей совокупностью источников; он раскрывает выдающуюся роль Древней Руси в событиях средневековой международной истории; он не оставляет места для фальсификаций ее прошлого и в то же время открывает широкие возможности для творческого сотрудничества между нашими учеными и реалистично мыслящими историками Скандинавских стран.

Впервые опубликовано в кн.: Скандинавский сборник. Таллин, 1970. Вып. XV. С. 51–62.

SPb. 1896. P. 30; *Литаврин Г.Г., Каждан А.П.* Экономические и политические отношения Древней Руси и Византии в XI — первой половине XIII в. // Thirteenth International Congress of Byzantine Studies. Oxford, 1966. Main Papers. III. Отдельный оттиск. С. 8.

[43] *Istvánffy M.* Historia regni Hungariae libri XVI // Historiarum de rebus regni Ungaricis libri XXXIV. Viennae, 1758. P. 168.

Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси

В свое время Н.М. Карамзин писал, что «битвы нашего удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума» и «сей предмет не богат ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца»[1]. Попытки осмыслить политическую раздробленность в свете «родовой» теории С.М. Соловьева[2] и «колонизационной» теории В.О. Ключевского[3] успеха не принесли. Эти авторы рассматривали время от Мономаха до татаро-монгольского нашествия как нарастающий экономический, политический и культурный упадок. Из всей огромной территории Руси они делали некоторое исключение лишь для Владимиро-Суздальской земли, видя в ней предтечу последующего подъема уже в «московский период»; притом органически закономерная связь между «киевским», «владимирским», «московским» периодами оставалась вне поля их зрения.

Буржуазная (особенно украинская) наука оставила нам также серию монографий по истории отдельных земель (М.С. Грушевского, А.С. Грушевского, Д.И. Багалея, П.В. Голубовского, Н.П. Дашкевича, И.И. Линниченко, А.М. Андрияшева, В.Е. Данилевича, В.С. Борзаковского, А.И. Никитского и др.). Но методологически и эти локальные исследования традиционны («хаос» и «анархия» господствуют на Руси), а потому их совокупность не создает цельного представления о судьбах всей Руси XII–XIII вв. В русской эмигрантской историографии такой взгляд оказался довольно живучим. «На Руси, — писал П.Б. Струве, — существовало много земель-государств, но Русская земля не была государством, и княжье, опи-

---

[1] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1842. Т. I . С. X.

[2] *Соловьев С.М.* История России. М., 1959. Т. I. С. 270, 746.

[3] *Ключевский В.О.* Сочинения. М., 1956. Т. I. С. 30–33.

раясь на свой коллективный суверенитет, осуществляет его sit venia verbo в порядке анархии»[4]. Эти воззрения господствуют и в современной буржуазной историографии о России (труды Г. Вернадского, Г. Штёкля и др.).

В советской науке разработка истории феодальной раздробленности стала возможной лишь после того, как Б.Д. Греков раскрыл сущность общественно-политического строя Древней (Киевской) Руси. Но Б.Д. Греков специально временем раздробленности не занимался и, стараясь привлечь к нему внимание исследователей, писал: «Как ни может показаться странным с первого взгляда, но это несомненный факт, что мы «киевский период» нашей истории в отношении общественного строя знаем лучше, чем следующее за ним время раздробленного существования Руси»[5].

После Великой Отечественной войны историки, археологи, историки культуры повели исследование этого периода по двум линиям: изучались коренные социально-экономические проблемы — история сельского хозяйства (А.В. Кирьянов, В.И. Довженок, В.И. Цалкин и др.), ремесла, города и торговля (Б.А. Рыбаков, М.Н. Тихомиров, М.В. Фехнер и др.), культуры (Д.С. Лихачев, Н.Н. Воронин, В.Н. Лазарев и др.), этнической эволюции (В.В. Мавродин, Л.В. Черепнин и др.) и одновременно развертывались локальные исследования истории земель — Черниговской (В.В. Мавродин опубликовал посвященную ей работу перед войной), Киевской (М.К. Каргер), Галицко-Волынской (В.Т. Пашуто), Новгородской (В.Л. Янин), Полоцко-Минской (Л.В. Алексеев).

Названные разработки открывали путь поискам в истории Руси тех же закономерностей социально-экономической и политической эволюции, которые Ф. Энгельс выявил на средневековом материале других стран Европы. Эти поиски нашли отражение и в создании основ периодизации истории Руси в обобщающих трудах по отечественной и всемирной истории.

Новейшие изыскания в сфере нумизматики и внешней торговли (В.В. Кропоткин, В.М. Потин, В.П. Даркевич), а также внешней политики Руси подкрепляют основательность доныне полученных

---

[4] *Струве П.В.* Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего времени, в связи с развитием русской культуры и ростом Российской государственности. Париж, 1952. С. 81.

[5] *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1949. С. 253.

главных выводов; они находят подтверждение и в сравнительно-историческом аспекте, о чем свидетельствуют, в частности, труды наших польских коллег — Г. Ловмяньского[6], Я. Башкевича[7], Ю. Бардаха[8] и других, плодотворно вскрывающих черты общности в общественно-политической эволюции Польши и Руси; то же подтверждают исследования отдельных институтов (С. Руссоцкий), дипломатических союзов (Б. Влодарский, С. Кучиньский) и т. п.

Попытаемся теперь кратко ответить на вопрос, каковы выводы советской науки о значении периода феодальной раздробленности. Они предопределены самой новой трактовкой этого периода.

Относительно единая государственная структура, сложившаяся ко времени княжения Владимира Святославича (980–1015) и Ярослава Мудрого (1019–1054), оказалась недолговечной. Причина этого кроется не в упадке страны, а в ее социально-экономической эволюции, где наблюдаются два ряда причинно взаимосвязанных явлений: развитие феодализма вширь и ослабление экономической и политической мощи центральной власти[9]. Решение общерусского съезда князей в Любече (1097 г.) закрепило перераспределение собственности в пользу местных княжений (по формуле: «пусть каждый держит землю своего отца»); этот порядок окончательно восторжествовал в 1132 г. (в Польше по статуту Болеслава Кривоустого — в 1138 г.). На Руси утвердился полицентрический политический строй.

Политическая структура Руси утратила форму раннефеодальной монархии, ей на смену пришла монархия периода феодальной раздробленности. Государственный строй приобрел новую форму правления, при которой киевская столица и подвластный ей домен «Русская земля» сделались объектом коллективного сюзеренитета наиболее сильных князей; все князья, отвечавшие за судьбы «Русской земли», требовали себе в ней доли собственности и доходов, а свои права и обязанности определяли на общерусских снемах — съездах.

---

[6] *Łowmiański H.* Podstawy gospodarczego formowania sie państw słowiańskich. Warszawa, 1953. S. 96, 115.

[7] *Baszkiewicz J.* Powstanie zjednoczonego państwa polskiego na przelomie XIII i XIV wieku. Warszawa, 1954; *Idem*. Państwo suwerenne w feudalnej doktrynie. Warszawa, 1964.

[8] *Bardach J.* Le pouvoir monarchique en Pologne au Moyen âge. Bruxelles, 1969.

[9] *Пашуто В.Т.* Эволюция политического строя Руси (X–XIII вв.) // L'Europe aux IXe–XIe siècles. Warszawa, 1968. P. 241–247.

Подобный же порядок после татаро-монгольского разорения страны возродился на заре Русского централизованного государства в Северо-Восточной Руси рубежа XIII–XIV вв. относительно Владимирского великого княжения. Феодальная раздробленность порождала тенденцию к единству.

Социальные основы этой тенденции сложились в XII–XIII вв. и обнаружились по всей Руси. Развитие сеньориальной земельной собственности в обособившихся княжениях отражено в сохранившихся источниках по истории Владимиро-Суздальской, Галицко-Волынской, Новгородско-Псковской земель. Оно влекло за собой возрастание политической роли провинциальной, светской и духовной знати, в свою очередь враждебной политическому единству и сильной государственной власти новых княжеств. Выступая против сепаратизма знати, теперь уже местные князья (галицко-волынские — Ярослав Владимирович, Роман Мстиславич, Даниил Романович; владимиро-суздальские — Андрей и Всеволод Юрьевичи, Ярослав Всеволодович и Александр Ярославич Невский) использовали центральные и местные государственные земельные фонды для укрепления набиравших силу служилых феодалов — дворян, милостников («милость» — земельное пожалование[10]), детей боярских, служилых бояр.

Ряды этого служилого дворянства и боярства пополнялись не только по наследству. Источники называют бояр, вышедших из среды зажиточного крестьянства — смердов[11] (расслоению крестьянства содействовало распространение натуральной ренты); из простого духовенства — попов[12]; до бояр выслуживалось мелкое рыцарство младшей дружины[13]; наконец, администраторы всех рангов двигались по пути лихоимства в служилый, обеспеченный землею люд. Следовательно, решающая роль дворянства и служилого боярства в процессе централизации страны тоже постепенно вырисовывается в период феодальной раздробленности.

Окончательно сложились политическая и военная иерархия, соответствующая расчлененному характеру феодальной собственности на землю; иерархия, связанная с системой вооруженных дружин,

---

[10] *Тихомиров М.Н.* Условное феодальное держание на Руси XII в. // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 100–104.

[11] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 790.

[12] Там же. Стб. 789.

[13] Там же. Стб. 536.

при которой высшая военная и судебная власть принадлежит собственникам земли; ассоциация земельных собственников, классово противостоящая угнетаемому ими крестьянству[14]. Системе вассалитета на Руси, как выяснилось[15], были присущи хорошо известные и другим странам формы регулирования внутренних противоречий, возникавших среди феодалов в ходе их борьбы за землю, за ренту, за иммунитет. Источники рисуют нам эти формы — подручничество, кормление, местничество, разные виды вассальной службы, княжеский суд и пр. Таким образом, политическая структура достигла соответствия с происшедшим ранее перераспределением собственности в пользу местных княжеских династий, бывших у них на службе бояр и дворян.

Политический статус был поддержан городами, которые также считали обременительной власть киевской монархии и ее знати. Новые города превращаются в силу, которая наряду с дворянством (милостниками) все энергичнее подрывает значение старых центров, окрепших при киевских монархах. Напрасно киевская знать третировала новгородцев, называя их «плотниками», — нужно было иметь «две головы», чтобы самовольно занять новгородский стол; напрасно ростовская знать обзывает владимирцев «холопами» — Владимир-на-Клязьме становится во главе Северо-Восточной Руси, чтобы затем уступить место Твери, Нижнему Новгороду, Москве; то же происходит и на юго-западе, где Перемышль уступает свою роль Галичу, тот — Холму и Львову.

Договоры («ряды») вольных городов с князьями — ясный признак укрепления их коммунальных прав; они порождены той же действительностью, что и договоры князей и их вассалов о разделе Руси. Договоры бесспорно свидетельствуют о признании верховной государственной властью за вольными городами прав собственности на землю; а городские советы (в затруднительных случаях использующие поддержку той или иной части горожан) выступали как корпорация сеньоров с присущими им правами на иммунитет. Главным условием договоров с князьями было то, что все территории, приобретенные ими или их наместниками, полученные за

[14] *Черепнин Л.В.* Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.) // ВИ. 1953. № 4. С. 38–63.

[15] *Пашуто В.Т.* Черты политического строя Древней Руси // *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 11–76.

услуги горожанам, захваченные или купленные, подлежали возврату по оставлении князем города.

Но в средневековой Руси вольность городов — понятие сложное. Она была стеснена постоянным пребыванием в них боярских дружин, почти постоянным — вооруженного княжеского отряда. С вольного города не спускала глаз церковь, представители которой входили в городской совет и располагали внушительной силой городских монастырей. Надо иметь в виду и стесненное по сравнению с феодалами правовое положение купечества. Наконец, городской патрициат («городские мужи»), как правило, делился на враждующие партии, тяготевшие к различным коалициям князей, борьба между которыми за власть постоянно осложняла политическую жизнь Руси.

Исследование роли городов в процессе образования Русского централизованного государства ясно свидетельствует о том, что при всех осложнениях, внесенных ордынским игом, русский городской строй вырос из условий феодальной раздробленности, а не создан заново.

Политический статус власти был поддержан и церковью. Рост земельной собственности духовной знати, особенно с XII в. (как это доказал Я.Н. Щапов), нашел свое отражение в широком распространении по всей Руси церковного устава Владимира Святославича, модифицированного в духе церковного земельного стяжательства, которым пронизаны смоленский и новгородский уставы середины XII в. Княжеские уставы фиксировали формы и размеры материального обеспечения епископий, получаемой ими доли феодальной ренты[16]. Это обеспечение складывалось первоначально из десятины, быстро возраставшей земельной собственности и доходов от церковного суда. Центры обособившихся княжеств становились, как правило, и церковными центрами, епископиями (ко времени монгольского нашествия их насчитывалось 16); быстро росли монастыри, число которых только во Владимиро-Суздальской и Новгородско-Псковской землях, по данным XII–XIII вв., собранным И.У. Будовницем, достигло 84[17], создавались и свои конституционные установления, определявшие место церкви в новых условиях. Уставы возникли в процессе борьбы

---

[16] *Щапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972.

[17] *Будовниц И.У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XV вв. М., 1966. С. 48–72.

между церковной и светской знатью за раздел земель и доходов. Они порождены той же действительностью, что и договоры князей и их вассалов между собой и с городами.

Досконалъное исследование роли церкви в процессе централизации России — назревшая задача науки, но и без того ясно, что церковь (при всех отклонениях, вызванных властью Орды и соперничеством Литвы) продолжала путь[18], начатый в интересующий нас период, передвинув свой центр из Галича и Киева во Владимир, а затем в Москву.

Естественно, что исторический процесс вызревания самостоятельных славянских и иноязычных государств, связанных властью сначала единой, а затем феодально раздробленной Руси, тоже не заглох в результате вторжения татаро-монгольских полчищ и немецких рыцарских войск. Он не заглох потому, что в отличие от непрочных империй (Византийской, Монгольской и др.) Древнерусское государство имело преобладающее славянское ядро, глубокие корни в дофеодальной народной колонизации, давние традиции борьбы народов против социального гнета и за независимость[19]. Часть народов Севера, Прибалтики, Поволжья удержалась под властью Руси, и процесс воссоединения славянских и объединения неславянских земель получил дальнейшее развитие в ходе ее централизации.

К сожалению, на Руси не сохранились труды, подобные «De administrando imperio» или «Dictatus papae», но летописи и другие источники не оставляют сомнения в том, что и во времена феодальной раздробленности (которая не была абсолютной) жители всех частей страны ясно сознавали свою принадлежность к русской (древнерусской) народности и осуждали любые попытки иностранцев занять земли Руси; да и князья придерживались той мысли (или, выражаясь современно, — доктрины), что занимать княжеские столы на Руси могут только члены русской правящей династии, что все они «одного деда внуки» и что вне Руси им земли «в Угрех нетуть ни в Ляхох»[20].

В сфере культуры, особенно в хронографии и литературе, сложились сильные идеологические течения, представленные волынскими

[18] Церковь в истории России (IX в. — 1917 г.). Критические очерки. М., 1967. С. 51–91.

[19] *Пашуто В.Т.* Особенности этнической структуры Древнерусского государства // Acta Baltico-Slavica. Białystok, 1969. T. 6. S. 174.

[20] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 405.

и суздальскими летописными сводами, «Словом о полку Игореве», «Молением Даниила Заточника», великокняжескими житиями и т.п., выступавшие в поддержку единства страны и ее носителей — великих князей.

Это наследие тоже нашло свое место в идеологическом фонде московского «возрождения».

Поддержанные служилым дворянством и быстро растущими городами (накануне монгольского вторжения упоминается 300 больших и малых городов; только в Галицко-Волынской земле их было более 80, в Полоцко-Минской — 40), местные князья повели энергичную борьбу с боярским сепаратизмом. Новые княжества (иные из них превосходили размерами целые государства тогдашней Европы — Владимиро-Суздальская земля была больше Англии) соперничали из-за земель, городов и политической власти на Руси, довершая упадок политического значения Киева.

Это соперничество отразилось на составе и результатах последних известных нам общерусских княжеских съездов 1223 и 1231 гг. в Киеве; оно роковым образом сказалось на исходе героической борьбы русского народа с монгольским нашествием.

Основатели Русского централизованного государства в иных исторических условиях продолжали ту же политику решительного перераспределения боярской собственности, обеспечивая крепнувшую стабильность великокняжеской власти.

Следовательно, историческое значение феодальной раздробленности состоит в том, что она подготовила материальные и социальные предпосылки образования централизованного государства так, как оно вырисовывается из исследований Л.В. Черепнина и его школы (работ А.М. Сахарова, А.Д. Горского и др.). Внешнеполитические условия лишь сузили территориальную основу этого процесса, осложнили и замедлили его.

Впервые опубликовано в кн.: Польша и Русь: Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974. С. 9–17.

Опыт периодизации истории русской дипломатии
(ранний и развитой феодализм)

Дипломатия как средство классово обусловленной внешней политики возникает вместе с образованием государства и развивается по мере усложнения общественного и политического строя страны. Древнерусские легисты и канонисты не оставили нам специальных трактатов о принципах и приемах средневековой дипломатии, тем не менее мы можем судить о них из фактов дипломатической практики.

Парадоксально, но в нашей историографии до сих пор отсутствует схема периодизации истории русской дипломатии до XVII в.[1].

История дипломатии средневековой Руси может быть поделена на два периода. Первый, раннефеодальный (IX–XI вв.), когда относительно единая дипломатия приобретает две функции: внутреннюю, имперскую — для вассальной сферы неславянских народов и внешнюю, международную — для иностранных держав. Второй период, развитого феодализма, начинается, когда государство расчленилось на ряд полусамостоятельных земель, объединенных монархией в

[1] Историографию см.: *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940; *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952; История дипломатии. М., 1959. Т. 1; Международные связи России до XVII в. М., 1961; *Греков И.Б.* Очерки по истории международных отношении Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963; *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода в XIV–XV вв. М., 1963; *Новосельцев А.П.* и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968; *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969; Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970; *Индова Е.И.* Русская посольская служба в конце XV — первой половине XVI в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 294–311; Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972; *Казакова Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XV — начало XVI в. Л., 1975; Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977; *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия XI–XIV вв.

форме коллективного сюзеренитета сильнейших — владимиро-суздальских, галицко-волынских, черниговских и смоленских — князей (XII — середина XIII в.). Дипломатия усложнилась и сверх прежних двух функций приобрела третью — для междукняжеских сношений внутри Руси.

Ордынское нашествие и иго существенно ослабили экономические основы страны, искусственно расчленили ее территорию, подорвали ее международное положение. Исторический процесс экономического возрождения и преодоления политической раздробленности сосредоточился в Великом княжество Московском и протекал в тяжелых условиях утраты значительной части дипломатических прерогатив государства в пользу Золотой Орды.

Стоит отметить, что если источники говорят о затухающем вмешательстве Орды в русскую международную дипломатическую практику, то упорное ее стремление распоряжаться развитием междукняжеской дипломатии прослеживается ясно (отдельные факты санкционирования дипломатических актов, а также практика использования Ордой русских вооруженных сил в чуждых России походах на Северный Кавказ, Литву и Польшу относятся главным образом к XIII в.). Четкой гранью перемен в пользу московского правительства является последняя треть XIV в., особенно Куликовская битва. Москва, в отличие от Твери, сумела в конце концов подчинить междукняжескую дипломатию решению своих международных задач, в первую очередь свержению ордынского ига, а затем и борьбе с Великим княжеством Литовским за воссоединение земель Великороссии.

М., 1978; *Юзефович Л.А.* Из истории посольского обычая конца XV — начала XVII в. // ИЗ. М., 1977. Т. 98. С. 331–340; Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978; *Шаскольский И.П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Прибалтики в XII–XIII вв. Л., 1978; *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. М., 1980; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI вв. М., 1980; Итоги и проблемы изучения внешней политики России. М., 1981; *Шаркова И.С.* Россия и Италия: Торговые отношения XV — первой четверти XVIII в. Л., 1981; *Pasuto V.T.* Moskau als das dritte Rom (Biblio- und Historiographie der Frage) // Da Roma alla Terza Roma. Universita degli studi di Roma, 1981; *Юрасовский А.В.* Грамоты XI — середины XIV в. в составе русских летописей // ИСССР. 1982. № 4. С. 141–150; *Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982; *Таубе М.А.* Принципы мира и права в международных столкновениях средних веков. Харьков, 1894. Т. 1; Харьков, 1899. Т. 2; *Picard B.* Das Gesandtschaftswesen Ostmitteleuropas in der frühen Neuzeit. Graz; Wien; Köln, 1967.

Основные этапы этого процесса отмечены централизацией власти в руках московского правительства и постепенной унификацией дипломатической (внутриимперской, междукняжеской и международной) службы по мере узурпации ее у отдельных князей. Окончательным итогом этого процесса стало образование Русского централизованного государства при Иване III, восстановление национальной независимости (1480 г.) и последующее укрепление основ единой государственной дипломатической службы с созданием в 1549 г. специального ведомства — Посольского приказа.

Вышеприведенная схема не должна пониматься формально, ибо грани между двумя функциями дипломатии историчны, подвижны. Они подвижны между имперской и внешней, когда речь идет о соперничестве с иностранными державами за обладание той или иной пограничной территорией — от очень небольших на ранних этапах истории до огромных регионов в пору борьбы за воссоединение Украины и Белоруссии; они подвижны между имперской и внутренней, изменяясь в пользу последней, по мере включения неславянских территорий и этносов в состав Русского централизованного государства и распространения на них общерусских правовых норм. Изменчивы они и относительно междукняжеской дипломатии, которая по мере политической централизации страны, несмотря на противодействие Орды и некоторых других держав, превращается в одну из форм внутренней политики.

Разумеется, в истории бывали и обратные явления, особенно в пору внешних конфликтов, но основная тенденция связана с определяющим историческим фактом — непрерывным общественно-политическим, территориальным развитием и политической централизацией Великороссии, а затем и России. Понятно, что и признаки, характеризующие каждую из функций дипломатии, ее методы и формы, не были неизменны и развивались, соответственно служа целям прогрессирующего государства. Справедливо замечено, что «в зависимости от особенностей избранного объекта исторического исследования одни и те же связи могут представляться внутренними или внешними для исторической системы»[2].

[2] *Косолапов В.В.* Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977. С. 77.

Рассмотрим схему периодизации истории дипломатии подробнее[3].

Первый период истории дипломатии характеризуется образованием Древнерусского государства, ликвидацией дофеодальной конфедерации четырнадцати восточнославянских земель и сосредоточением у великокняжеской власти внешнеполитических функций, прежде принадлежавших советам знати каждой из них. На смену неустойчивой пестроте соглашений отдельных или нескольких земель (Словенской, Кривичской, Полянской и др.) с правителями Византии и Хазарии на юге и со скандинавскими викингами на севере приходит относительно единая, скрепленная договорами, освященная жречеством, а затем и церковью дипломатия, охватывающая широкий круг стран средневекового мира.

Говоря о древнерусской дипломатии, надо иметь в виду, что формирование территории Древней Руси не привело, однако, к установлению государственной границы со всеми соседними народами, ибо далеко не все эти народы достигли в своем общественном развитии государственных форм. Поэтому ко времени княжения Владимира Святославича (умер в 1015 г.) граница собственно Руси не была однородной: лишь на сравнительно небольшом протяжении она была государственной, т. е. отделяла Русь от других самостоятельных государств, а именно Польши, Венгрии, Волжской Булгарии и, может быть, Чехии; на всем остальном пространстве между Черным и Белым морями, между Дунаем и Волгой Русь граничила с землями народов, либо еще не имевших государственной организации, либо знавших лишь ее начальные формы.

Подавляющее большинство этих народов находилось в той или иной форме политической зависимости от Руси, которая составляла территориально, экономически и политически преобладающее ядро обширного, крупнейшего в Европе государства, включавшего свыше 20 народов. Объяснение этому надо искать в очень сложных явлениях славянской догосударственной истории, убедительно свидетельствующей, что главной фигурой могучей экономической колонизации, развернувшейся во второй половине 1 тысячелетия на Восточно-Европейской равнине, был славянский земледелец, что

---

[3] Источники см.: ПРП. Вып. 1–3; ГВНП; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950; ПСРЛ. Т. I. Вып. 1–3; СПб., 1908. Т. 2; Троицкая летопись; ПСРЛ. Т. XXV; НПЛ.

экономический прогресс выражался во внедрении земледелия в среду скотоводческих, охотничьих промысловых народов.

Еще в дофеодальную пору славянские земли были союзны с землями неславянскими (например, кривичи с литовцами, словене с эстами и т. п.). Объединяя славян, государство походя распространяло свою власть и на многие земли неславян. Одни из них, менее развитые, были полностью ассимилированы (например, финно-угорские племена — меря, весь, мурома и др.). Этот славяно-финский симбиоз протекал в разных частях страны неодинаково.

Славянская колонизация не привела к ассимиляции этнически и экономически более устойчивых народов; напротив, составлявшие их племена постепенно, уже в рамках Древнерусского государства, консолидировались в раннефеодальные народности — эстонцев, литовцев, мордву и др. Складывание древнерусских опорных и торгово-ремесленных очагов в национальных областях содействовало их этнической консолидации. Важно отметить, что не норманны, а славяне были носителями этого уходящего корнями в глубокую древность и имевшего огромные исторические последствия процесса. С упрочением Древнерусского государства оно приобрело феодальную форму имперской организации, важнейшими элементами которой стали данничество, торговля и христианизация.

Главные функции древнерусской внутриимперской дипломатии складывались постепенно и определялись уровнем общественно-политического развития народов и степенью их зависимости от Руси.

Этой дипломатии придавалось большое значение, ибо взаимоотношения Руси с подвластным ей кругом народов имели существенное влияние на ее внешнюю политику. Это и понятно, ибо земли народов Прибалтики (ижоры, води, эстонцев, латышей, литовцев, пруссов) отделяли Русь от польско-прусского Поморья и Германии; земли финнов, карел и лопарей — от Норвегии и Швеции; черемисов (мари), отчасти мордвинов и буртасов — от Волжской Булгарии; тюркских кочевников и хазар — от государств Мавераннахра, владений Византии и Венгрии. Значение этих земель на первом этапе было особенно велико, ибо слияние Верхней (Новгородской) и Нижней (Киевской) Руси происходило в острой борьбе с соседними государствами. В то время политику объединения осуществлял шедший к власти феодальный класс, когда правили «древние князи и мужие их», которые «отбараху Руския земле и ины страны придаху

под ся». Установленным в ту пору границам и оформленным тогда союзам было суждено пережить века, а в известной мере дожить и до наших дней.

В дипломатии, рассчитанной на вассальную сферу, русские князья и бояре выступали как наследники восточно-римской традиции и опирались на местную знать, стоявшую во главе вассальных народов. По мере их консолидации этот крещеный нобилитет все шире вовлекается в аппарат государственного управления и сбора даней, получая свою долю доходов. Тому пример Эстония. Избавленная от угрозы скандинавских набегов, эстонская знать нашла свое место в новой структуре власти: эстонские дружинники участвуют в заключении русско-византийских договоров; они содействуют объединению полоцких и других земель под властью Киева; эстонские бояре живут в Киеве, где имеют свои дворы, и вместе с русскими легистами составляют древнерусский закон — Правду Ярославичей. В Новгороде бояре тоже видели в карелах, ижорянах, вожанах, входивших в состав республиканской волости, своего рода конфедератов. Такую же политику проводили киевские великие князья («самовластцы», «цари», «каганы», как именуют их источники) и на юге относительно тюркской кочевой знати, успешно стараясь превратить угрожавших Руси хазар, печенегов, тюрков, а позднее и часть половцев в своих союзников и конфедератов. Тюркский, иногда христианизированный, служилый люд включался в пестроязычную дружину Руси.

Другая задача имперской дипломатии — сохранение внутренней этнической структуры подвластных земель, центры которых — погосты — были подключены к русским опорным пунктам и налоговой системе. Туда, где погостов и крепостей не было (например, у пруссов-ятвягов, коми, ханты-манси, саамов и др.), направлялись отряды русских даньщиков, но собирали дань местные князьки.

Важным элементом этих дипломатических связей была торговля, которая (особенно хлебом и предметами ремесла) была столь необходима кочевым и другим относительно отсталым народам, что даже военные действия не всегда ее прерывали. Это была выгодная торговля, судя по тому, что в Новгороде, возможно, ею занимались особые купеческие корпорации и целые улицы — Прусская, Чудинцева и др.

Существенной прогрессивной чертой этих связей было распространение христианства и элементов феодальной культуры. Заинте-

ресованность церкви в расширении подвластных Руси земель была прямой: по статьям Устава Владимира Святославича церковная десятина от даней простиралась на всю христианизированную территорию. В Уставе Святослава Ольговича (1136/37 г.) и приписках к нему весьма конкретно изображена церковная фискальная организация по сбору даней — денежных, меховых, медовых, соляных.

Внутриимперская дипломатия имела целью не только укрепить власть Киева над подвластными землями и охранить ее от посягательств соседних держав, но и воспрепятствовать антифеодальной освободительной борьбе неславянских народов. Эта борьба уже в своих ранних, еще незрелых формах (середина XI в.) нередко смыкалась с народными восстаниями крестьян и горожан коренной Руси.

Международная дипломатия Древней Руси охватывала два круга земель. С более близкими соседями — Польшей, Венгрией, Чехией, Хазарией, Булгарией, Византией, Швецией, Данией — очень рано установились устойчивые договорные отношения, изредка прерываемые конфликтами и неизменно возобновляемые и подкрепляемые матримониальными союзами вследствие возрастающих взаимных политических и торговых связей. Менее регулярными были дипломатические связи Руси с более отдаленными странами — Германией, Францией, Англией, Италией (включая папство). Особо следует выделить отношения со странами Кавказа и Передней Азии.

В процессе формирования и развития этих связей складывались дипломатические приемы осуществления общих внешнеполитических целей, приемы, для которых типично сочетание военной силы, переговоров и договоров. Военные походы в Задунавье, Заволжье, Закавказье, Заволочье, во-первых, обеспечивали объединение восточнославянских земель и высвобождение некоторых из них из-под власти норманнов и разгромленного при Святославе Хазарского каганата; во-вторых, позволили Руси пробить выходы к Балтийскому, Каспийскому и Черному морям и по ним установить торговые связи с Биркой и Сигтуной на севере, Любеком — на западе, Константинополем и Бердаа — на юге, и проникнуть в Средиземноморье вплоть до Александрии; вооруженные походы сопровождались захватом пленных — рабов, добычи и даней-откупов. Большинство походов были самостоятельными, но часть — по союзным обязательствам в помощь Византии против арабов, Польше против Германии и пр.

Переговоры велись на разных уровнях. Наиболее ответственные посольства возглавлялись великими князьями. Так, например, посольство Ольги в Византию (957 г.) насчитывало свыше 100 человек, включало десятки послов подручных ей князей, свыше 40 купцов, 18 служанок, трех переводчиков (из них один личный, княгинин), священника. Это были переговоры, заранее предусмотренные, с правительством Константина Багрянородного. Возникали переговоры и внезапно, во время войн, как, к примеру, переговоры Святослава Игоревича с императором Иоанном Цимисхием в ладье на Дунае (971 г.). Другие и тоже важные переговоры велись посредством посольств, состоявших из подвластных великому князю князей, бояр, купцов и секретарей. Такого рода переговоры с греками отражены в сохраненных летописцами списках договоров (907, 911, 944 гг.) времен Олега и Игоря. Интересно, что около этого же времени были заключены и первые соглашения с норманнами и городами балтийского Поморья (договор Олега о плате наемникам-норманнам и уцелевшие в договоре конца XII в. следы древнего соглашения по торговле Руси с северными странами).

После принятия, точнее завоевания, Русью христианства (ибо император Василий II, использовав военную помощь Владимира Святославича, пытался нарушить договор) возросла в дипломатии роль церкви как средоточия грамотности и книжности. Дипломатия не была подчинена церкви, но, разумеется, была еще сильно связана с ней, когда подчас трудно отличить монаха от посла, русский зарубежный монастырь от консульства, церковь, заваленную товарами, от пакгауза, сказание путешественника от депеши, а самого паломника от резидента. Русские князья, широко используя церковников (митрополита, епископов, игуменов, священников) на дипломатической службе, руководствовались во внешней политике не узкоцерковными, а государственными интересами класса; невзирая на дипломатическое противодействие подчиненной византийскому патриарху русской митрополии, они расширяли круг союзов с державами католического мира; продолжали делать это и после церковного раскола (1054 г.). Впрочем, той же линии вынуждены были держаться и сами церковные иерархи там, где (например, в Новгороде и Пскове, Полоцке) они приобрели более заметное влияние на внешнюю политику.

К этому времени восходит зарождение посольской службы и дипломатического иммунитета. Источники говорят о формировании

иерархии дипломатов, в которой отмечены «сол» — посол и «вестник» или «посольник». Реальное значение дипломата зависело от политического положения страны, но много значили и его личные качества. Деятельно участвуя в международной жизни, князья поощряли изучение иностранных языков. Уже при Ярославе Мудром видная роль отводилась людям «приезлиха насыщьмся сладости книжные»; сын Ярослава Всеволод, по свидетельству Владимира Мономаха, «дома седя, изумеяше 5 язык». Сам Мономах считал внимание к иноземным послам и купцам внешнеполитически важным: они создают славу о человеке «по всем землям». Ведь нередко княжеский купец выступал в роли своеобразного рулевого внешней политики.

Судить о древнерусской дипломатической правовой мысли можно по русско-византийским договорам, которые уже с X в. хранились вместе с летописными заметками в архиве княжеского двора: эти драгоценные документы основаны на смешанных нормах русского и византийского права (уголовного, вещного, наследственного и т. д.), которые возвышены в нормы права международного, пригодного и обязательного для обеих сторон.

Это, как показал А.Н. Сахаров, восходящие к седой старине межгосударственные договоры о мире, дружбе и взаимной торговле. Договоры обеспечивали русским послам, купцам и служившим в Византии наемникам личную безопасность (от убийства и побоев), а также сохранность их челяди и другого имущества от хищения или отъема и при жизни владельца, и после его смерти. Последняя статья, как полагают, — древнейшая норма международного частного права средневековья. Предусматривались взаимный возврат пленных за выкуп, а также выдача преступников — «злодеев». Позднее договоры совершенствовались, включая новые элементы посольского протокола. Так, в договоре 944 г. по предложению русской стороны предъявление послами золотых печатей заменено вручением государственных (по-современному — верительных) грамот. Договор скреплялся «писанием и клятвой». Летопись сообщает и о процедуре ратификации: русские послы (среди них первоначально были и язычники, и христиане) брали клятву верности договорным обязательствам с византийского императора, а потом возвращавшиеся вместе с русским посольством византийские послы — с русских князей и дружины, которая, будучи двоеверной, частью давала церковную клятву, а частью клялась по языческому обычаю, слагая оружие, щиты и доспехи.

Послы пользовались не только неприкосновенностью, но и почетом. Чем быстрее и пышнее их принимали, тем большее уважение выражалось приславшей их стране. Им обеспечивался безопасный проезд, пребывание и содержание. В их честь устраивались приемы. На Руси их одаривали мехами, челядью и воском, в Византии — драгоценными тканями и сосудами. Послы вели переговоры и старались проведать побольше о стране, которую посещали; нередко они поддавались подкупу, как это случилось с византийцем Калокиром, который привез Святославу плату своего правительства, чтобы спровоцировать поход Руси на Болгарию, а стал по воле русского князя претендентом на византийский престол.

Дипломатическая практика Руси началась со столкновения с такой изощренной в международной политике и имеющей древние имперские традиции державой, как Византия. Древнерусское государство складывалось, крепло, формировало свои границы, обеспечивало свои внешнеторговые права, наконец, добилось суверенной христианизации и породнения своего княжеского дома с императорским, преодолевая упорное сопротивление Византии. На Руси отлично понимали глубокую и постоянную заинтересованность непрочной и слабеющей, хотя богатой и политически искушенной, Византии в безопасности ее крымских, кавказских, балканских владений. Участвуя в походах шеститысячного секироносного корпуса против арабов и норманнов, угрожавших союзной Византии, Русь укрепляла свое влияние не только на Кавказе, но и на Средиземном море, воздействуя на византийско-германскую борьбу за Италию. Попытки Византии традиционно использовать кочевников против Руси кончились провалом. Оттеснив Византию, Русь взяла в свои руки степную политику, превратив в конфедератов печенегов, торков и значительную часть половцев. Роковые страницы истории Византии писались на Руси.

Вообще не следует думать, что дипломатия той поры была примитивной, она носила печать своего времени, но в ней, как и во внешней политике, прослеживаются определенные тенденции, позволяющие заключить, что уже в средние века складывались относительно устойчивые системы межгосударственных союзов, часть которых пережила и разрушительное нашествие кочевников Батыя.

К дипломатическим приемам относилось открытое оповещение о войне. «Иду на вы», — объявлял Святослав. Но чаще войны готовились втайне, и при этом дипломатические соглашения играли важ-

ную роль. Велась и тайная переписка. Так, Владимир Святославич, когда нанятый им варяжский корпус попытался выйти в Киеве из повиновения, «перебрал» наемников, оставив себе более надежных, а остальных сбыл в Византию, предварив их (соответственно договору 944 г.) послами с письмом императору Василию II. Из письма видно, что русские князья отлично знали, как управляться с норманнами: «Се идуть к тебе варязи. Не мози их держати в граде, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи и разно, а семо не пущай ни единого». Норманны — гроза раннесредневековой Европы — на Руси заняли свое место в пестроязычной дружине не завоеванием, а по первоначальному договору — «ряду» с местной славянской знатью. И в дальнейшем, если Киев «кормил» своих степных конфедератов, жалуя им приграничные крепости, то Новгород осмотрительно содержал северных наемников на денежном жалованье, притом сравнительно невысоком.

Дипломатия Руси, издавна заинтересованная в норманнах (вспомним брак Ярослава Мудрого с Ингигердой), активно воздействовала на страны Северной Европы, препятствуя завоевательным устремлениям викингов, поддерживая Англию и Норвегию против Дании (с этим связана женитьба Владимира Мономаха на английской принцессе Гите), да и позднее норманны в Южной Италии столкнулись с союзной Византии Русью.

Дипломатические отношения с соседними государствами Европы Русь установила еще в X в.: Олег правил, «мир имеа ко всем странам», а при Владимире Святославиче летопись отмечает мир Руси с правителями Польши, Венгрии и Чехии. Особенно тесными были отношения с Польшей: обе страны, несмотря на наличие зон противоречия в Прусской земле, довольно быстро миновали испытания взаимного вмешательства в распри князей и участия во враждебных друг другу коалициях и, стабилизировав границу, пришли к тесному союзу, скрепленному серией договоров (1042, 1074, 1077, 1099, 1103 гг.). Русь, поддерживая противодействие Польши германскому наступлению на Восток, старалась использовать свои союзы не только с Византией и Венгрией, но подчас и с Францией (1051 г.); последний сопровождался браком Анны Ярославны с королем Генрихом I. С его кончиной Анна стала регентшей Франции. Вообще, говоря о древнерусской дипломатии, надо учитывать значительную роль матримониальных союзов, в которых блистали просвещенные княгини. Тому пример и брак внучки Мономаха Евпраксии Всево-

лодовны с германским императором Генрихом IV, и ее нашумевшее участие в политической борьбе Вельфов со Штауфенами. Немецкие хроники сохранили восторженное описание сопровождавшего ее пышного посольства с погруженными на верблюдов «роскошными одеждами, драгоценными камнями и вообще несметным богатством». Заметный след оставили русские княгини и в политической летописи Венгрии, Польши, Литвы и других стран.

Второй период характеризуется политическим расчленением страны и утратой Русью единой дипломатии. Это произошло потому, что внутри страны окрепли вотчины и обособились крупные княжества и земли, а их собственники в борьбе с классовым протестом трудящихся упрочили свои иммунитетные права. Восторжествовал принцип: «Кождо да держить отчину свою». Сложился полицентрический статус власти сильнейших князей и связанных с ними вассальных коалиций над Киевом и Русью. Изменился и характер внешней политики и дипломатии: сильнейшие князья, а затем и города обрели право не только на самостоятельные политические действия внутри страны, на установление договорных отношений друг с другом и на обособленную политику в имперской сфере, но и на международные связи и союзы.

Конечно, над их действиями тяготела традиция, но, тем не менее, единству внешней политики и дипломатии наступил конец. К власти пришла группа феодалов, которая искала источник обогащения в первую очередь внутри собственно Руси и в подвластной ей иноязычной сфере и не хотела отрывать своих смердов от пашни и ради далеких походов, и даже ради защиты страны от нашествий кочевников, если они прямо не задевали ее владений. Широкие внешние походы замирают. Границы стабилизируются.

На Руси складываются противостоящие друг другу группировки князей, а также городов, которые завязывают внешнеполитические отношения с враждующими между собой иностранными державами, в свою очередь нередко раздираемыми междоусобной борьбой князей и их вассалов. Картина внешнеполитических союзов Руси делается весьма сложной, с трудом поддающейся анализу. Тем не менее, в ней улавливаются некоторые, ставшие устойчивыми, союзы, в целом враждебные экспансионистским устремлениям Германской и Византийской империй и папскому универсализму. Крупный сдвиг произошел во внешней торговле Руси: давняя русско-арабская торговля с халифатом и государствами, возникшими после его рас-

пада, дополнилась широкой и активной торговлей со странами Европы. Потому в дипломатии Руси возрастает использование торговой заинтересованности других держав как фактора реализации своих политических целей. В целом, даже в эту воинственную пору годы мира преобладают над годами войны.

Новым элементом стала *внутренняя междукняжеская дипломатия.* На Руси основными политическими центрами земель и княжений, оттеснившими на второй план Киев, делались Владимир-на-Клязьме, Чернигов, Галич, Новгород и Смоленск, чьи князья и их вассалы в первую очередь определяли судьбы страны — и коренной Руси, и неславянских ее земель. Отношения между князьями строились на началах феодальных договоров, где за древними терминами «отец», «брат», «брат старейший», «брат молодший» скрывались вассальные отношения. Определяя их, князья собирались на «снемы» — съезды, в которых участвовали и высшие церковники, где заключали «ряды» — договоры о распределении владений: если это был общерусский съезд, то речь шла о совместном управлении Киевом и его владениями и распределении сил при их защите от набегов кочевников; подобные же съезды созывались и внутри княжений для определения вассальной субординации. Договоры скреплялись «крестными грамотами». Впрочем, они нередко нарушались: тому типичный пример — вольнодумное отношение к ним Владимира Володаревича Галицкого, который в ответ на упреки посла в нарушении скрепленного клятвой на кресте договора заметил: «Сей ли крестец малый?». Нарушения договоров сопровождались убийствами князей и заложников, русских и нерусских (половецких). Во внутрикняжеской дипломатии использовались послы светские и духовные; они пользовались иммунитетом, имели право на «корм и подводы». Но и эти права далеко не всегда соблюдались: в случае конфликтов послов могли выслать «без чести», даже опозорить, отрезав послу бороду; не раз платились они и заключением в «поруб» до окончания конфликта. Послы передавали «речи» своих князей. Это могли быть и устные — краткие сообщения, и письменные — довольно обширные послания, свыше сотни которых сохранилось в древнерусском летописании. Они имели достаточно устойчивый формуляр, распространенный по всей стране, и касались в основном вопросов войны и мира, распределения ленов, военных союзов и их нарушений. Практика знала и посредничество. Когда однажды князья отвергли предложенные Владимиром Володаревичем Галиц-

ким услуги, он иронически заметил, что лучшего посредника им все равно не найти, «межи вами ангела бог не сослеть, а пророка в наши дни нетуть, ни апостола». Широкое развитие междукняжеской дипломатии, как увидим, отразилось и на внешнеполитической.

Имперская дипломатия усложнилась, ибо, утратив единство, разделилась таким образом, что политикой на севере и в Прибалтике ведали Новгород, Псков, Смоленск и Полоцк, в континентальной части литовско-прусских земель — Галич, в Поволжье — Владимир. Особенно сложными были отношения с половецкими ордами Причерноморья, от разорительных набегов которых страдала 1/15 часть Руси, главным образом Юго-Восточной. После ряда совместных и одиночных походов половецких ханов удалось одолеть, в немалой степени с помощью имперского использования против них ранее подчиненных печенегов и торков. Да и сама Половецкая степь была расколота на части. Здесь применялись и клятвы, и подкуп, и раздачи приграничных земель, и пышные приемы послов. Немало половецких «хатуней», приняв православие, стали русскими княгинями. Русь сумела в трудной военно-дипломатической борьбе удержать лесостепную границу и сохранить (используя отношения с другими державами) свои позиции на торговых путях — на Волге, Дону, Днепре, Днестре, Серете и Нижнем Дунае, при том, что западные орды опекались из Галича, поднепровские — из Чернигова, а «дикие» (несоюзные) половцы Приволжья поддерживали связи с Владимиром. Нет нужды пояснять, что конфедераты разных земель использовались в интересах внутриполитической борьбы, поддержания общего господства Руси над неславянскими землями и для целей внешней политики, особенно относительно Византии, Венгрии, Польши и Литвы, которая к середине XIII в. преобразовалась в самостоятельное государство и стала энергично наступать на Русь.

Дипломатия международная характеризовалась постепенным формированием двух противостоящих коалиций, из которых одна — владимирско-галицкая — тяготела к союзу с Византией и Малой Польшей, а другая — волынско-черниговско-смоленская — к дружбе с Венгрией и Мазовией. Дипломатические приемы были здесь формально те же, что и во внутрикняжеской дипломатии. Это встречи князей Руси с князьями Польши, Венгрии, Литвы и других стран на «снемах», где определялись спорные границы и устанавливались военные союзы во имя взаимного вмешательства в династические распри феодальных коалиций. Военные союзы и успехи оплачи-

вались золотом. Победы отмечались празднествами, совместными русско-венгерскими рыцарскими турнирами и посвящением русских дружинников в польские рыцари. Союзы заключались и против третьих держав, как, например, волынско-венгерский союз против Византии или русско-польский для отпора Германии и т. п. Бывали и договоры (как русско-польский 1230 г.), которые включали статьи о взаимном невоевании челяди. Использовалось в международной дипломатии и посредничество. Так, в середине XII в. польские мазовецкие князья, посредничая в волынско-суздальской войне, писали Юрию Долгорукому: «Вы (т.е. русские великие князья) нам есте в отца место, а се ныне заратилася есте своим братом и сыном Изяславом, а мы есмы по бозе все крестьяне (т.е., христиане), одна братья собе, а нам подобаеть всим быти съ собе; а мы межи вами того хочем, абы бог дал, вы быста уладилася со своим братом...». Примечательны и отсутствие религиозной розни в княжеской среде, и пиетет польских князей перед русскими великими князьями. Практиковалось и предоставление убежища противникам враждебных держав (на Волыни укрывался претендент на византийский престол, в Венгрии находили прибежище волынские князья).

Размах постоянных дипломатических связей повлек за собой усложнение княжеского аппарата — появились должности дьяков и «печатника». Таковым был влиятельный печатник Кирилл при галицко-волынском князе Данииле, который участвовал в ряде европейских коалиций, связанных с борьбой за прусские земли, за австрийское наследство и т. п.

В свете сказанного уцелевшая договорная грамота Новгорода с северными странами о мире, посольских и торговых отношениях и суде (конец XII в.), родившаяся в пору активизации немецкого, шведского и датского наступления на Восточную Прибалтику (судя по напластованию двух редакций), представляется имеющей за собой глубокую историческую традицию, восходящую к давности русско-византийских договоров; причем если в них русские и византийские нормы были смешаны, то в данной грамоте явно преобладали первые, что позволяет судить об уровне дипломатико-правовой мысли Руси. Прежде всего, это договор о взаимном праве свободной торговли, вообще говоря, подлежащий подтверждению при каждой смене правителей. Типичная черта договора времен феодальной раздробленности в том, что другие центры Руси не подлежат его юрисдикции: «Оже тяжа родить в ыное земли в руских городех, то у тех

свое тяже прашати...». Этот документ, как и русско-византийские договоры, содержит ранние иммунитетные нормы посольского права, обеспечивающие с помощью штрафов, а практически и взаимных экономических репрессалий (разрыв торговли, арест купцов, закрытие торговых дворов) личную безопасность послов, купцов, заложников, купеческих священников от убийства, побоев, ареста, долговой тюрьмы и, в меньшей мере, безопасность имущественную. Имеется и статья о правах лоцманов. Нелишне заметить, что договоры той поры не включали всех норм, которыми руководствовались стороны: обычно каждый новый договор подчеркивал то, что считалось актуальным на данный момент, а нормы прежних договоров входили в понятие «старый мир» и сохраняли свою силу, если специально не оговаривалась отмена той или иной статьи.

К этому времени зарождаются, тоже, разумеется, на уровне правового обычая, а не строго фиксированных международных норм, более широкие международные съезды политических деятелей, сопровождавшиеся заключением договоров и принятием совместных решений. Например, смоленско-немецкий торговый договор (1229 г.) возник при участии с русской стороны Смоленска, Полоцка и Витебска, а с немецкой — восьми городов, что не удивительно, ибо торгово-дипломатические связи с Русью поддерживали свыше 30 городов Германии. Этот договор детализирует и развивает нормы, уже известные нам по Киеву и Новгороду. Главное в договоре — право свободной торговли по суше и морю. Он отвергал «береговое право» и провозглашал неприкосновенность людей, судов, товаров и право найма при свидетелях потерпевшими крушение работников в помощь. Не раз отмечено участие русских князей в международных съездах польских, венгерских, австрийских и иных князей (в Тернаве, Братиславе и др.). Ярким событием на созванном папой Иннокентием IV Лионском соборе (1245 г.), посвященном монголо-татарской угрозе Европе, стало выступление на нем русского (черниговского) архиепископа Петра Акеровича.

История дипломатии Великого княжества Московского может быть понята лишь при учете коренного изменения в международном положении страны в результате ордынского нашествия и ига. Она представляла собой политически раздробленный центральный район Великороссии, отрезанный от всех морей. После монголо-татарского нашествия земли Финляндии и части Карелии были захвачены Швецией. Немецкие рыцари завладели исконно связан-

ными с Русью землями Эстонии (1227 г.) и Латвии (1290 г.), где установилось господство Ливонского ордена, и землями Пруссии (1283 г.), где утвердился Тевтонский орден. 150 крепостей Ливонии поддерживали господство Ордена, а союз 72 городов немецкой Ганзы — ее торговую монополию на Балтийском море. Земли Белоруссии попали под власть Великого княжества Литовского, с которым москвичам приходилось воевать из-за Смоленска, Брянска, Вязьмы; оно завладело также Волынью и распространилось до Киева. Галичина была завоевана Польшей; Карпатская Русь оказалась под владычеством Венгрии. Волжский путь был в руках Золотой Орды, а на Черноморском побережье с ее одобрения обосновались (в Каффе, Тане, Судаке) итальянские — генуэзские и венецианские — купеческие фактории.

В этих условиях Великое княжество Московское стремилось осуществлять основные принципы, сформулированные еще Александром Невским: во-первых, сохранять мир с Ордой, накапливая силы для возрождения, объединения и освобождения страны; во-вторых, решительно отбивать агрессивные выступления соседей на северо-западе, поддерживаемые Германией и папством; наконец, оно выдвинуло патримониальный принцип «отчины», т. е., объединения под властью Москвы всех древнерусских земель и владений, — этот принцип стал важнейшим инструментом дипломатии и всей политики воссоединения.

Внутриимперская дипломатия князей Великороссии ввиду резкого сокращения подвластной им территории сосредоточивалась на части Прибалтики (земли ижоры, води), Севера (карелы, саамы, коми) и Поволжья, где постепенно, по мере развертывания освободительной борьбы с ордынцами, ее власть распространялась на земли мордвы, удмуртов, чувашей, марийцев, поселения татар, башкир.

Судя по материалам, относящимся к Прибалтике, а также к Северу, в частности по подвинским и белозерским актам, великорусское феодальное управление не выделяло национальное население в особые группы, а распространяло на него общерусские правовые нормы. Это означало прогрессивное внедрение феодального права на место обычного, с отменой кровной мести; замену язычества христианством и патриархальных обычаев нормами церковного суда. Вместе с тем русское управление открывало путь местной крещеной знати в ряды «старцев», «бояр» и даже «князей» как низшего звена русского государственного управления. Эти народы не

составляли субъекта дипломатии, но поскольку между отдельными русскими князьями, а также с Новгородской республикой шла постоянная борьба за управление неславянскими землями и доходы с них, то они не раз становились объектом междукняжеских договоров, определяющих их политический и экономический статус. С образованием централизованного государства они попали полностью под его юрисдикцию, перейдя из имперской сферы дипломатии в круг внутренней политики. Все это несло с собой наряду с феодальной эксплуатацией трудового населения прогрессивные черты просвещения и культуры и содействовало в условиях обеспеченного внешнего мира сближению более отсталых народов с русским. Это были шаги к их национальной консолидации, ставшей очевидной уже в XVII в. Русское земледельческое и промысловое миграционное освоение само носило межнациональный характер, содействуя преодолению средневековой патриархальной замкнутости этих народов, подтягиванию их к растущему русскому рынку. В последующее время оно повело к участию названных народов в грандиозном процессе освоения Сибири. Россия же использовала этот опыт при налаживании отношений с народами Кавказа, Крыма и Азии.

Междукняжеская дипломатия Великороссии переживает существенные перемены по мере политической централизации страны. Она началась в ту пору, когда число княжеств достигало одиннадцати с их почти двадцатью уделами. Потому поначалу договорные междукняжеские отношения основывались на прежнем, лишь несколько иначе сформулированном принципе: «тобе знати свою отчину, а мне свою», при формально свободной службе части вассалов (бояр и великокняжеских слуг) между сюзеренами. Запрещалось не только самовольно занимать, но и покупать вотчинные, поместные и черные земли другого князя, а если это произошло, то их надлежало выкупать. Новым и очень важным элементом междукняжеской дипломатии стал верховный сюзеренитет Орды: необходимость санкции хана и его грамоты-ярлыка на занятие княжеского стола. Это превратило ордынскую столицу Сарай в место интенсивной дипломатии и интриг русских князей, в которых они теряли не только столы, но подчас и головы. И все же Орда не смогла сломать традиционные институты политического строя Руси, такие, как единство правящей династии (его она лишь подорвала), коллективный сюзеренитет сильнейших (прежде всего московских, тверских, нижегородских) князей над номинальным центром — Великим княжеством

Владимирским, съезды князей, церковные соборы и всю систему светского и церковного вассалитета.

Источники позволяют наблюдать, как по мере возрождения страны от разорения в дипломатии отражается тенденция к единству: в конце XIII — начале XIV в. возрождается институт княжеских съездов для определения (сперва под жестким контролем Орды) меняющегося состава княжеских владений и объема сдаваемой в Орду ежегодной дани. Внутренняя дипломатия усложняется вмешательством в нее и Великого княжества Литовского, распространяющего свое влияние на Смоленск, Тверь, Рязань, пригороды Новгорода и другие земли. В этих условиях дипломаты Москвы стремились к неуклонному ограничению внешнеполитических функций других князей (не касаясь различий внутри- и внемосковских правящих домов), и по мере того как московские князья политически укрепляли свою власть, они все чаще вносили в договоры — вначале с более мелкими князьями — формулу, запрещавшую им «знать Орду», т. е. самостоятельно сноситься с ней. То же происходило и с выплатой Орде дани: начиная с Калиты это право все чаще переходит к московскому великому князю. «А ординьская тягость и протор дати ти мне, брату своему старейшему, с своего удела по давным свертком», — читаем в московско-серпуховском договоре 1367 г. Русских союзников Великого княжества Литовского понуждали сперва признать преимущественное право Москвы на управление Великим княжеством Владимирским (значит, и связанных с ним Новгородом и Псковом), а затем — к признанию московского князя «братом старейшим», т. е. верховным сюзереном в вассальной системе, пусть пока подчиненной Орде. Это было уже серьезное ограничение («А кто будеть мне, брату твоему старейшему, друг, то и тобе друг. А кто будеть мне недруг, то и тобе недруг»), сопровождавшееся запретом на самостоятельную договоренность. Московско-тверской договор около 1396 г. гласил: «А быти нам, брате, на татары, и на литву, и на немци, и на ляхи заодин». Бывали и договоры, в которых единство в действиях против одного из противников сопровождалось нейтралитетом относительно другого: «А в Литву ти у мене помочи не имати. А к тобе не ездити» (московско-галицкий договор 1433 г.).

Предусматривали этого рода договоры и совместное обсуждение («по думе») будущих возможных внешнеполитических соглашений, и взаимную информацию об угрожающей опасности: «А што

ти слыша ото крестьянина или от поганина о нашем добре или о лисе, а то ти нам поведати в правду, по целованью, без хитрости» (московско-тверской договор 1375 г.). Старались князья дипломатически противостоять и ордынской политике стравливания: «А имут нас сваживати татарове, и имут давати тобе нашу вотчину, великое княженье, и тобе ся не имати» (московско-тверской договор 1375 г.). Сперва подобные обязательства давались пожизненно («до живота»), а с ослаблением Орды и усилением наследственной власти князей они распространялись и на потомков. Конечно, это были феодальные договоры, и в условиях частых войн с Литвой, Орденом, Швецией, а потом и с самими ордынскими князьями часто нарушались, но неуклонно возобновлялись, все тверже, прочнее. Это относится и к Великому Новгороду, чье боярство в новых условиях перенесло традиционное лавирование между русскими князьями в сферу внешней политики, держа на своем столе наместников русского великого князя, а на пригородах — литовского наместника.

Социальный аспект договоров раскрывается в постоянно содержащейся в них статье о выдаче политических и уголовных преступников, беглых должников, холопов и некоторых групп крестьян. Особое место в договорах занимала торговля. Устойчивой нормой было право свободного проезда купцов и, что заслуживает особого внимания, неизменность («по старине») торговых пошлин. Если учесть, что торговля непрерывно росла, число охраняемых торговых путей, ведших за рубеж, увеличивалось, то бесспорно, что такая стабильность в течение XIV–XV вв. условий торговли немало ее стимулировала. Знали договоры и денежное возмещение за пограбленные земли, не внесенные в пору войны дани, утраченные «поручниками» (поручителями) залоги и т. п. Наконец, прибегали князья и к третейскому суду: порядок в случае возникновения «дела» предусматривал, что сперва «съедутся бояре наши на рубеж, да межи нас поговорят». Если не договорятся, то едут «на третий» к определенному князю или митрополиту, и как тот решит: «виноватый перед правым поклонится, а взятое отдаст». Если ж не отдаст, то правый может применить силу и «то ему не в-ызмену».

Относительно самой войны договоры исходили из мысли, что справедливо то, что служит к выгоде данного князя, в чем сильнейшего среди них поддерживала и церковь, санкционируя подчас не только сам договор, но и его нарушение: освобождая князя от данной им клятвы и, напротив, угрожая его противнику церковным

отлучением. Добыча иногда подлежала возврату по договору, иногда — нет. Пленные подлежали размену, если были проданы — могли быть выкуплены, их могли отпускать и за выкуп, и без выкупа. В России отсутствовали «Pax et treuga Dei», но церковь, ее люди и имущество формально были неприкосновенны; это было признано и Ордой и должно было соблюдаться в междукняжеской практике, отчего и видим в договорах статьи о возврате церковных имуществ — колоколов, книг, утвари. Встречается в них и требование возвратить документы княжеского архива — договорные грамоты, ханские ярлыки, финансовые росписи (перемирная грамота 1447 г.).

При значительной пестроте договоров в них четко прослеживается стремление московских князей к координации действий равных по силе князей и к вассальной субординации более слабых. С ростом могущества Москвы, особенно после Куликовской победы, все отчетливее выступает мысль о правах ее князей на все древнерусское наследие — «отчину», включая не только Великое княжение Владимирское, но и Новгород и Псков. Сперва эта идея служила политике воссоединения в борьбе с сепаратизмом русских князей, а позднее, с образованием при Иване III централизованного государства, превратилась и во внешнеполитическую доктрину. Менялись и формуляры, приобретая более директивный относительно вассалов характер: «А не пристати ти к татаром и к Литве никоторою хитростью, ни к иному х кому, кто будет нам недруг» (московско-рязанский договор 1447 г.). Вассалы должны были теперь держать великое княжение «честно и грозно», а вместе с московским князем «всести ... на конь» «без … ослушания» (московско-можайский договор 1445 г.). Наступает пора подготовки к свержению ига, и московские князья обязывают вассалов сдать ранее полученные ими в Орде грамоты: «те ярлыки все отдати мне, великому князю, … а новых ти ярлыков не имати» (московско-суздальский договор 1448/49 г.). Сосредоточивались в Москве и местные летописи, которые тоже использовались в дипломатии в качестве доказательств при спорах о наследственных правах на земли; а потом требовалось выдавать и послов враждебных Москве князей — «а тех ти послати к нам, ково к тебе пришлют» (московско-рязанский договор 1483 г.); за ослушание в службе (оно теперь именуется «грубостью») грозит утрата вотчины; торговые льготы приобретают односторонний характер: «А гостем нашим всего нашего великого княженья гостити и торговати в твоей вотчине, в твоей державе, доброволно, без зацепок

и без пакости» (московско-суздальский договор 1448/49 г.). Появляются и статьи об обмене землями (середина XV в.), и все шире проводится мысль об обусловленности любых видов земельной собственности «службой» великому князю.

Ограничивая и ликвидируя внешнеполитические права других земель, московское правительство вместе с тем брало на себя обязанность защищать их от Орды (иго которой было сброшено в 1480 г.), от Литвы (влияние которой в Новгороде и Пскове было ликвидировано с воссоединением Новгорода в 1478 г.) и от Ордена, грозившего Пскову, и др.

Дипломатия международная покоилась на прочной правовой основе сложной и разветвленной внутрикняжеской дипломатии. Нужно подчеркнуть, что ордынское иго вовсе не вывело Великое княжество Московское из круга европейских держав, а лишь сузило ареал их дипломатических связей. Главной заботой московского правительства на северо-западе страны было обеспечение безопасности и свободы внешней торговли, почти задушенной в пору немецко-шведской агрессии XIII в. и проводимой по инициативе папства торговой блокады Руси. При содействии московского правительства Новгород заключил договор со Швецией (1323 г.) «по старой пошлине», определявшей границы на обширном протяжении от района оз. Саймы до побережья Ботнического залива. Русь сохраняла устье Невы с условием, что в Карелии ни шведы, ни русские не будут ставить новые крепости. Хотя Русь утратила земли Южной Финляндии и часть Карелии, договор все же в известной мере обеспечивал свободу ее торговли на Балтике статьей «нашему гостю чист путь на море». Русско-норвежский договор (1326 г.) возвращал стороны к границам, предусмотренным «Разграничительной грамотой» (1254 г.), которая определяла территориальные пределы и нормы сбора даней с общего русско-норвежского саамского округа. Подтверждалось и право свободной торговли. Эти договоры долгие годы оставались основой соглашений между Россией, Швецией и Норвегией. С Данией договор был оформлен еще в 1302 г.

Наибольшие трудности доставляли Руси отношения с Орденом и Ганзой. Орден и его союзники (Дерптское епископство и др.) не раз пытались, используя осложнения в отношениях Великого княжества Московского с Ордой и Великим княжеством Литовским, посягать на земли Пскова и Новгорода. Но уже договор, заключенный Александром Невским (1262 г.) с Орденом и его союзниками, оказался

долгодействующим. Немалую роль сыграли русские дипломаты и в подготовке свержения ордынского ига, сумев использовать противоречия среди ханств, возникших в результате распада Золотой Орды.

У агрессивного Ордена не было сил захватить земли Руси даже в худшую для нее пору, а с укреплением Московского княжества при Калите и особенно после разгрома тевтонов при Грюнвальде (1410 г.) шансов у него и вовсе не осталось. Не случайно и договор 1421 г. основан на условиях, заключенных Александром Невским. Последний новгородско-ливонский договор (1481 г.) засвидетельствовал тщетность всех попыток Ордена использовать русско-ордынскую борьбу в своих целях.

Прослеживается взаимосвязь торговой монополии Ганзы с агрессивной политикой Ордена. Ганза лишила Русь «чистого пути за море» и извлекала огромную прибыль от разницы единиц веса в местах купли и продажи товара; а сама она не допускала на русский рынок купцов из Англии, Нидерландов и др. И все же экономика оказалась сильнее запретов: русские дипломаты умело, взаимопротивопоставляя интересы некоторых ливонских и шведских городов, добивались, чтобы Новгород вел торговлю через Нарву и Выборг, привозил товары из Стокгольма; все чаще его купцы достигали городов Пруссии; до Руси стали добираться и фламандцы, и ломбардцы.

В пору неоднократных русско-ливонских войн Новгород год от года тверже противостоял торговой блокаде. Чередой следовали соглашения с Ганзой о расширении числа охраняемых торговых путей по суше и по воде, об улаживании текущих конфликтов 1269, 1301, 1338, 1342, 1372 гг. Новгород побуждал быстро «устававшие» от войн города Ганзы подписывать мирные договоры. Особенно устойчивым оказался «Нибуров мир» 1392 г., основные условия которого повторяли последующие договоры (1423, 1450, 1472 гг.). Важной чертой этого договора, систематизировавшего давние нормы, является замена солидарной ответственности личной («истцу знати истца»), существенно и распространение свободного пути новгородцев в земли Дерптского епископства. И хотя пока что Новгороду не удалось отвоевать у Ганзы «чистый путь в море», постепенно дело к тому шло. Не зря и Орден, и Ганза так страшились распространения московской власти на Новгород и Псков и делали все, чтобы этому воспрепятствовать, но тщетно.

Во взаимоотношениях с Великим княжеством Литовским московской дипломатии приходилось действовать непрерывно, реализуя в договорах достигнутое на поле битв; а в остальном договоры касаются распределения сфер союзов, границ владений, прав послов, свободы торговли (перемирие 1371 г.). Открытое наступление Литвы на Русь захлебнулось в трех неудачных походах Альгирдаса на Москву (1368, 1370, 1372 гг.); следующее столетие прошло в пограничных войнах, ведшихся с переменным успехом, когда миры чередовались с перемириями (договоры 1427, 1430, 1449 гг.). Дошедшие договоры позволяют наблюдать нарастающее ограничение союзов тверских, рязанских и других князей с Литвой и превращение их в союзников Москвы; важнейшим этапом на этом пути была неудача литовско-новгородского договора о союзе (1470/71 г.). Король польский и великий князь литовский Казимир IV обязывался по возможности или «всести на конь за Велики Новъгород», или примирить его с Москвой; договор особо оговаривал неприкосновенность православной веры; в остальном он традиционен. Договор утратил силу в результате московского наступления и присоединения Новгорода. Это нашло свое отражение в новом русско-литовском договоре (1494 г.), в котором московский великий князь выступает с титулом «государя всея Руси» и великого князя московского, новгородского, псковского, тверского, югорского, пермского, болгарского «и иных». Договор содержит четкое размежевание владений и ориентирован против татарских ханств. Москва преодолела сопротивление Литвы собиранию земель Великороссии, а в дальнейшем весь балтийский вопрос оказался неразрывно связан с воссоединением Белоруссии и Украины.

На юге Великое княжество Московское поддерживало тесные отношения с Византией, используя новое епископство в Сарае для дипломатического воздействия на Орду и находя с помощью значительных субсидий помощь русской митрополии и византийской патриархии в борьбе с происками папства в славянских землях Великого княжества Литовского. Митрополичьи посольства в Константинополь выполняли в этих условиях и светские функции. На юге Великороссия стремилась сыскать пути в Италию, чтобы получать оттуда товары, которых ее лишала немецкая блокада в Прибалтике. С падением Константинополя (1453 г.) церковные связи оставались важным каналом дипломатической активности относительно Турции. Сколь велико их значение, можно судить по браку Ивана III

с наследницей византийского престола Софьей Палеолог (1472 г.), с чем связана последующая популяризация русской дипломатией доктрины о московских государях как преемниках и церковной власти Византии, и светской Рима. На пороге Нового времени Европу волновали балтийский и восточный вопросы. В решении их основная роль принадлежала России, имевшей к этому времени богатые дипломатические традиции и новое государственное учреждение внешнеполитического делопроизводства — Посольский приказ.

Впервые опубликовано: Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1982 год. М., 1984. С. 6–25.

Внешняя торговля древней Руси
(до середины XIII в.)

Русская торговля со странами Европы и Азии имеет тысячелетнюю давность. Ее начальному этапу посвящена значительная специальная историография, отечественная и зарубежная. В трудах В.Г. Васильевского, М.Н. Бережкова, И.А. Тихомирова, Л.К. Гётца, Г. Шрёдера, Ю. Бруцкуса, П. Иохансена и др. было изучено немало ценных источников о европейских торговых связях Руси. Русским востоковедам, начиная с Х. Френа и А.Я. Гаркави и кончая А.Ю. Якубовским, Б.Н. Заходером и их преемниками, а также таким видным зарубежным ученым, как В.Ф. Минорский и польский исследователь Т. Левицкий, мы обязаны обширным материалом о восточной торговле Руси. Наши нумизматы (П.С. Савельев, А.К. Марков, А.Ф. Орешников, Р.Р. Фасмер и др.) и в последние годы В.М. Потин, В.В. Кропоткин и др. добыли важные выводы об ареале и интенсивности внешнеторгового оборота Руси.

В новейшей марксистской историографии интересующая нас тема плодотворно разрабатывается Б.А. Рыбаковым, Г.Ф. Корзухиной, М.В. Фехнер, Ю.Л. Щаповой, В.П. Даркевичем и нашими коллегами из стран социалистического содружества Е. Антоновичем, С. Александровичем, Б. Видера, А. Гейштором и др.

Прежняя историография, склонная недооценивать уровень экономического и общественного развития Руси, собирая сведения о ее торговых отношениях с отдельными странами, была далека от мысли о выдающейся роли нашей страны в истории мировой торговли. Сейчас, когда благодаря усилиям наших историков и археологов рассеялись и «византийский мираж», и «норманский миф», было бы очень важно обобщить весь археологический материал, отражающий проникновение иностранных товаров на Русь и русских за рубеж. Пока еще это не сделано, и мы ограничимся комплексным рассмотрением собранных письменных источников и выводов археологов и нумизматов.

I. ТОРГОВЛЯ РУСИ СО СТРАНАМИ ЕВРОПЫ*

Начало торговых отношений Руси с другими странами теряется в веках, когда отдельные земли — Полянская, Словенская и др., расположенные на перекрестке древних путей мировой торговли, соединявших Балтийское море с Черным и Кордову с Багдадом,— участвовали и в европейской, и в азиатской торговле. Торговля восточнославянских земель с Византийской империей началась задолго до образования Древнерусского государства; этим объясняется и зависимость русских сыпучих мер и денежных весов от римских[1]. Первоначальная торговля пошла по древним путям, ведшим в Рим[2]. Но собственно внешняя торговля началась, понятно, лишь с образованием Древнерусского государства, которое взяло на себя руководство ею и ее юридическую защиту.

Круг торговых связей Руси широк и, в основном, совпадает с ареалом ее внешнеполитических союзов и сношений. Мы коснемся трех вопросов: во-первых, с кем торговала Русь, во-вторых, что составляло предмет торговли и, наконец, какова была ее торговая политика. Мы не рассматриваем здесь эволюции товарного производства на Руси и его влияния на изменение форм внешней торговли, чему посвящена специальная работа[3]. Определяя внешнеторговых партнеров Руси, будем продвигаться по Европе с юга на север.

Господствующий класс Руси и его государство придавали первостепенное значение зарубежному сбыту излишков собираемой дани, сырьевых продуктов и ремесленных изделий натурального хозяйства и, наконец, рабов (челяди); с другой стороны, они были заинтересованы в притоке золота, серебра и в получении тех продуктов для своего потребления, которые не производились на Руси. Об этом можно судить по ранним русско-византийским договорам, в которых вопросам торговли отведено немало места.

---

* Раздел I статьи написан В.Т. Пашуто, раздел II — А.П. Новосельцевым.

[1] *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 195.

[2] *Majewski K.* Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich. Wrocław, 1949. S. 127, 159, 169; *Кропоткин В.В.* Из истории римской торговли в Восточной Европе // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 152–153; ср.: *Gieysztor A.* Local Markets and Foreign Exchanges in Central and East Europe before 1200 // Kwartalnik historii kultury materialnej. 1956. № 3. S. 761–777.

[3] *Данилова Л.В., Пашуто В.Т.* Товарное производство на Руси (до XVII в.) // ВИ. 1954. № 1. С. 121–127.

Уже межгосударственный договор 907 г. включал статьи, в соответствии с которыми Русь получила право беспошлинной торговли в Византии («да творять куплю, якоже им надобе, не платяче мыта ни в чем же»)[4], а сверх того — «уклады» (в виде шестимесячного довольствия — хлебом, вином, мясом, рыбой, фруктами) приезжающим в Византию для торговли купцам русских городов — Киева и столиц подвластных ему восточнославянских земель. Русские купцы жили близ Константинополя на подворье монастыря св. Маманта; их прибытие и, вероятно, отбытие регистрировалось; по желанию для них устраивали баню; в город они могли входить через одни ворота группами не более, чем по 50 человек, в сопровождении охраняющего их императорского чиновника и должны были соблюдать законы страны. Ясно предполагалось, что поездки купцов происходили с ведома князя («да запретить князь... приходящим Руси зде, да не творять пакости в селех [и] в стране нашей»), а торговать им разрешалось лишь по предъявлении, видимо, княжеских же серебряных печатей. По истечении шести месяцев, отправляясь домой, они получали на дорогу еду, якоря, снасти, паруса и другое необходимое снаряжение. Можно думать, что и византийские купцы обрели в это время аналогичный статус в Киеве. Что Киев давно торговал с Византией, видно и из слов Олега, будто бы сказанных киевлянам: «Гость есмь, и идем в греки от Олга и от Игоря княжича»[5].

Из договора 911 г. узнаем, что он предусматривал отказ от применения широко распространенного в средние века берегового права — утверждалась неприкосновенность терпящих крушение судов и находящегося на них товара и помощь самим корабельщикам. Заинтересованная в операциях на Черном, Каспийском, Балтийском морях и связывающих их реках Русь предпочитала упорядоченную торговлю случайной наживе пиратского характера. Русское право, как видно из договора 944 г.[6], карало за преступления в отношении потерпевших кораблекрушение, в византийское право суровая кара грабителям (вешать на мачте, как пиратов) была включена лишь при Андронике Комнине (XII в.)[7].

---

[4] ПРП. М., 1952. Вып. I. С. 65.

[5] ПВЛ. Ч. I. С. 20 (под 882 г.).

[6] ПРП. Вып. I. С. 19, 33, Ст. 9 («да будет повинен закону Руску»).

[7] *Nicetae Choniatae.* Historia De Andronico Commeno. Lib. II. Cap. 3–4.

Той же торговой политики придерживалась Русь и в договорах с немцами[8].

Говорится в договоре о взаимной продаже пленных (русской стороной была установлена высокая выкупная цена греческого пленного — 20 золотых; вспомним, что по 20 диргемов платили русам за местных пленных в Арране[9]; обычный челядин-раб стоил 2 паволоки (ткани) или 10 золотых); о праве их выкупа соотечественниками; о праве гостей — оптовых купцов на разыскание украденного, беглого или насильно проданного раба (челядина); были в договоре и другие (недошедшие) статьи, относящиеся к купцам и их долговым обязательствам.

Преамбула договора 944 г. отмечает участие русских купцов-гостей в его заключении; он отразил дальнейшее усложнение торговых взаимоотношений двух держав. Вместо печатей купцам теперь надлежало предъявлять княжескую грамоту, которой они извещали императора о числе отправленных судов («пишюче сице: яко послах корабль селико»); купцы, приплывшие без грамоты, задерживались до выяснения с русским правительством их статуса; вероятно, то же происходило и с греческими купцами. Уточнено, что русские купцы — летние и зимовать на подворье св. Маманта не должны. Подтверждая прежние права русских купцов, договор ограничивал объем торговых операций относительно драгоценных тканей, их они могли покупать не более, чем на 50 золотых (т. е. около 10 штук) каждый, причем покупку регистрировал чиновник, метивший ткань своей печатью; видимо, таким образом ограждались интересы византийских купцов — экспортеров этого товара, имевшего широкий сбыт (включавший и Польшу).

Договор устранил льготы, которые имела Русь в отношении торговли пленными-челядью: отныне империя выкупала своих пленных в зависимости от возраста по цене от 5 до 10 золотых, русские же за своих платили по 10 золотых; за русских пленников, приобретенных византийцами, отныне следовало, видимо, платить на рынке согласно покупной цене, которая могла быть еще выше[10]. В нашем

---

[8] *Клейненберг И.Э.* К вопросу о существовании в Новгороде Великом X–XII вв. берегового права // Известия вузов. Правоведение. Л., 1960. № 2. С. 158–161.

[9] *Якубовский А.Ю.* Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 943/4 г. // ВВ. Т. XXIV. 1926. С. 26; ПРП. Вып. I. С. 21.

[10] ПРП. Вып. I. С. 30–57; «Чудеса св. Николая» (XI в.) знают в Константинополе специальный торг, «идеже русстии купци приходяще челядь продаютъ». См.: Памятники древней письменности. СПб., 1888. Т. 72. С. 80.

распоряжении нет других договоров Руси с Византией, но ясно, что объем торговых прав сторон непрерывно уточнялся в зависимости от политических взаимоотношений между ними и усложнения экономической структуры Руси.

В упорной борьбе с Византией Русь отстояла свое право на устья рек Дуная[11], Днестра и Днепра, где на земле славян-подунайцев был известен и русским, и (в качестве Kewe) иностранным источникам город Киевец[12]; где на Днепре возникла подвластная Киеву русская гавань Олешье[13]. Понизовские суда из Днестра морем через Днепр ходили в Киев[14]. На Дону события развивались менее удачно. Русский порт в донском устье Росия (Русия), а также Тмутаракань Византии удалось вновь занять и закрыть для иностранной, в частности генуэзской торговли[15].

Окрепли русские позиции в самом Константинополе, где по договору 988 г. после принятия христианства возник русский квартал (емболос), а наши купцы, прибывавшие на Русскую пристань, так часто проходили через Золотые ворота, что и эти ворота стали называть Русскими[16]. Русские купцы, торговавшие с Византией, составляли сильную корпорацию в Киеве и во время событий 1069 г. пригрозили князьям уходом в «Гречьску землю»[17]; забота о безопасности торговых путей — Соляного (на Херсон)[18], Залозного (на Дон)[19], Греческого (через Болгарию: Варну — Дцин — на г. Месемврию, в районе позднейшего Бургаса) и др. во владения Византии, забота о безопасности самих «гречников» — лежала на Киеве[20]. Торговали русские и во втором по величине городе импе-

---

[11] *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. М., 1963. С. 29.

[12] ПВЛ. Ч. I. С. 13; *Györffy G.* Das Güterverzeichnis des griechischen Klosters // Studia Slavica. Budapest, 1959. T. V. № 1–2. S. 26.

[13] ПВЛ. Ч. I. С. 116 (1084 г.); ПСРЛ. Т. II. Стб. 505 (1159 г.), 522 (1164 г.).

[14] ПСРЛ. Т. II. Стб. 742 (1223 г.).

[15] Acta et diplomata graeca. Vindobonae, 1865. T. III / Ed. F.Miklosich, J.Müller. P. 35; ср.: *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 199, 436; *Скржинская Е.Ч.* Генуэзцы в Константинополе // ВВ. 1947. Т. I (26). С. 219.

[16] *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 125; *Васильевский В.Г.* Труды. СПб., 1908. Т. I. С. 307.

[17] ПВЛ. Ч. I. С. 116.

[18] *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. СПб., 1910. С. 68–69.

[19] *Кудряшов К.В.* Половецкая степь. М., 1948. С. 103–111; ср.: ПСРЛ. Т. XXV. С. 70.

[20] О пути руссов в X в. от Дуная на Месемврию см.: *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio / Ed. G. Moravcsik. Budapest, 1949; ср.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 528 (1168 г), 538, 541 (1170 г.).

рии — Фессалониках (Солуни), где ежегодно в октябре устраивалась знаменитая ярмарка[21]. Здесь их отметили в XII в. «Тимарион» и Евстафий, упоминающие о торговле купцов с Дона и Дуная вином, соленой рыбой, икрой и воском[22].

Усиленный приток русских на Афон вызвал здесь дополнительное строительство; местные инвентари говорят об обилии серебряной посуды, ковров, тканей, происходящих из мастерских русских городов[23]. Был, видимо, русский монастырь и в Константинополе («на Испигаси», где стояла церковь Бориса и Глеба), хотя Добрыня (Антоний) и не говорит о нем прямо[24]. В Византии известны русские меха — престарелый афинский митрополит, изгнанный латинянами, просил никейского императора Федора Ласкаря: «Если ты мне еще пришлешь и [шкурку] белого зайца, каких Русь доставляет в Великий город [Константинополь], то окажешь мне большую помощь, ибо врачи говорят, что она отлично согревает»[25]. Византийцы ценили русские изделия из кости — силистрийский митрополит подарил своему ученому другу Цецу (XII в.), кроме мальчика по имени Всеволод, коробочку «русской» работы из кости[26].

Понятно, что и греческие купцы имели свои подворья в Киеве (близ церкви св. Ильи, бывшей здесь в X в.) — от Константинополя сюда 10 дней пути, а с развитием политической раздробленности — и в других городах. По свидетельству Патерика, они привозили в Киев смальту («мусию») и другие товары[27], например, горючую серу с о. Тилос. Игумен Даниил писал: «ту серу варя-

---

[21] *Левченко М.В.* Очерки по истории. С. 146.

[22] Timarion / Ed. A. Ellissen // Analekten der mittel- und neugriechischen Literatur. Leipzig, 1860. Th. IV. Abt. I. S. 46; *Eustathius Thessalonicensis*. Opuscula. Frankfurt, 1832. P. 231; см.: *Литаврин Г.Г., Каждан А.П.* Экономические и политические отношения Древней Руси и Византии // Thirteenth International Congress of Byzantine Studies. Main Papers. III. Oxford, 1966. P. 5. (оттиск).

[23] *Мошин В.А.* Русские на Афоне в XI–XII вв. // BSl. 1950. Vol. XI. C. 32–60.

[24] *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. С. 123–125.

[25] *Васильевский В.Г.* Древняя торговля Киева с Регенсбургом // ЖМНП. 1888. Ч. 257. Июль. С. 150; *Гильом де Рубрук*. Путешествие. С. 66–67.

[26] *Васильевский В.Г.* Древняя торговля Киева. С. 148; *Каждан А.П.* К характеристике русско-византийских отношений // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 18.

[27] Патерик / Вступ, текст, примітки Д. Абрамовича. Київ, 1931. С. 6; *Левицкая В.И.* Материалы исследования палитры мозаик Софии Киевской // ВВ. 1963. Т. 23. С. 105–157.

че продают; мы же (*вар*: ею же мы. — *Авт.*) огнь вытинаем»[28]; в Новгороде прибывший сюда в 1106 г. Антоний Римлянин (морской путь от Рима занимал тогда полгода) «обрете человека греческиа земли гостьбу деюща, купецкий чин имуща, иже умеяше римским и греческим, и русским языком»; это «гречинин» — «готфин», т. е. из крымской Готии, скорее всего, херсонит[29]. Из Византии шли ткани, вина, шелка, пряности, стеклянные изделия и т. п. Там покупали и иконы: киево-печерский игумен Варлаам, умерший на пути из Византии, завещал «яже бе купил в Константино граде иконы и иное, еже на потребу» передать Феодосию[30]. Археология подтверждает ввоз Русью из Византии тканей, изделий из стекла, церковной утвари, пряностей[31]. Волынский князь Даниил Романович носил кожух греческого оловира (шелковая, тканная золотом материя), сапоги у него были из «хза (греческого сафьяна. — *Авт.*) зеленого»[32]. Русско-византийская торговля из Нижней Руси, как свидетельствует нумизматика на основании золотого безанта, постепенно в IX–XII вв. распространялась к северу[33]. Это была взаимовыгодная торговля.

Торговля и с Византией, и с другими землями юго-восточной Европы составляла предмет постоянных забот Руси, тесно связанной с экономической жизнью придунайского района. Святослав мотивировал свое желание укрепиться в Преславе на Дунае именно тем, что «ту вся благая сходятся: от Грек злато, поволоки, вина и овощеве разноличныя, из Чех же, из Угорь — сребро и комони, из Руси же — скора и воск, мед и челядь»[34]. Даже в доростольском договоре 971 г. было подтверждено право русских купцов по-прежнему торговать в Византии[35].

---

[28] Житие и хожение Даниила // Православный Палестинский сборник. СПб., 1885. Т. I. Вып. 3; Т. III. Вып. 9. С. 8.

[29] Житие Антония Римлянина // Православный собеседник. Казань, 1858. Ч. II. С. 165–166 (Список XVI в.).

[30] *Макарий.* История русской церкви. СПб., 1868. Т. II. С. 221 (Житие Феодосия).

[31] *Щапова Ю.Л.* Некоторые материалы к истории русско-византийских отношений в XI–XII вв. // ВВ. 1961. Т. 19. С. 60–75; *Ржига В.Ф.* О тканях домонгольской Руси // BSl. 1932. Vol. IV. №. 2. С. 399–417.

[32] ПСРЛ. Т. II. Стб. 814.

[33] *Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962. С. 17.

[34] ПВЛ. Ч. I. С. 48.

[35] *Leo Diaconus.* Historia. Lib. IX. Cap. 11.

Мытный устав Раффельштеттена, составленный в 903–906 гг. на особом совещании при маркграфе Восточной марки (будущей Австрии) Арибо (876–906) во времена короля Людовика IV Дитяти (900–911), свидетельствует о русской торговле времен Олега на Верхнем Дунае. В уставе, отражающем отношения, сложившиеся еще в IX в., если не раньше, читаем следующее постановление, регламентирующее сбор пошлин: «Что касается славян, которые приходят из Ругов (т. е. Руси)[36] или из Богемов ради торговли, то они могут торговать везде подле дунайского берега, а также везде по Ретелю (Ретель впадает в Дунай у Линца) и в Ридмархе, но обязаны платить пошлину; если они привозят воск, то платят с одного вьюка две меры воска, ценностью каждая в один скоти, с ноши одного человека — одну меру той же цены. Если они привозят рабов или лошадей, то платят с одной рабыни по тремиссе (треть золотого солида = 2 денариям. — *Авт.*), с одного жеребца — столько же, с каждого раба — по сайге (четверть тремиссы. — *Авт.*) и столько же — с каждой кобылы»[37].

Русские и чехи тоже не случайно названы рядом. Испанский еврей Ибрагим ибн Якуб (966 г.) писал, что «Прага — значительнейший из торговых городов» и приходят сюда (тратя на дорогу три недели) «из города Кракова руссы и славяне с товарами»[38], т. е. в торговле участвовала и Верхняя, и Нижняя Русь.

Хорошо налаженные торговые пути связывали Русь и с Польшей, и с Венгрией[39]. Когда Иван Ростиславич занял Берлад, бывший под юрисдикцией галицких князей, то издал (вероятно, в 1144 г.)[40] грамоту, в которой читаем: «а на исъвоз розьным товаром тутошным и угръськым, и руськым, и чес[кым], а то да платет

---

[36] Что ругами называли руссов см.: Комментарии (до 1134 г.) к законам Эдуарда Исповедника («ad terram Rugorum, quam nos vocamus Russciam»): Die Gesetze der Angelsächsen / Hrsg. F. Liebermann. Halle, 1903. Bd. I. S. 664; *Алексеев М.П.* Англо-русская параллель к поучению Владимира Мономаха // ТОДРЛ. 1935. Т. II. С. 46.

[37] Inquisitio de theloneis Raffelstettensis // MGH. Leges, sec. II. Hannoverae, 1897. T. II. P. 249–252; *Васильевский В.Г.* Древняя торговля Киева. С. 123; *Zöllner E.* Rugier oder Russen // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtforschung. Graz-Köln, 1952. Bd. 60. H. 1–3. S. 108–119.

[38] Monumenta Poloniae Historica. Nova Seria. 1946. T. 1. P. 49.

[39] *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 167; *Шушарин В.П.* Русско-венгерские отношения в IX в. // Международные связи. С. 156–157.

[40] *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. II. С. 421.

николи жь разве у Малом у Галичи»[41]. Смысл установления в том, что Малый Галич (ныне Галац) — место сбора мыта в пользу берладского князя с товаров местных, венгерских, русских и чешских, привозимых к низовьям Дуная; одновременно для купцов из г. Месемврия устанавливалась привилегия платить мыто при распродаже товаров — в Берладе, Текучем и других пунктах, тяготевших к этому княжеству, которое лежало в междуречье Серета и Прута и простирало свое влияние на «подунайске города» нижнего течения важной торговой артерии Европы[42]. Чем торговали на Дунае, можно судить по мыту, введенному у замка Штейн герцогом Леопольдом и его сыном: сбор распространялся на оружие, седла, шерстяные и льняные ткани и др.; ввозились перец, шафран, имбирь, тмин, гвоздика, лакрица, оливковое масло, лавровый лист, орехи, парча, шелк и т. п.[43].

Святослав справедливо вспоминал венгерских коней: венгерские «фари» (от греч. фарес) славились на Руси наряду с половецкими «актазами»[44]. В Венгрии русские купцы издавна посещали важный торговый центр Эстергом. В жалованной грамоте короля Имре (1196–1204) на сбор мыта эстергомскому монастырю, подтверждающей старинную привилегию («так же, как и в древних актах»), на первом месте упомянуты купцы из Руси: «Купец, который пришел из Руси об одном коне, пусть входит в Пешт или Эстергом, или в другое место, и наравне с теми, которые везут дорогие меха, оплатит полмарки»[45]; русские упоминаются рядом с купцами польскими, баварскими, чешскими, австрийскими и др.[46] Венгерские купцы, ходившие в Русь, упомянуты в пожаловании, сделанном епископом Болеславом конвенту Лелесского монастыря (1214 г.), которому он уступил, между прочим, владение, отданное при короле Имре «купцам, ходящим из Руси»[47]. Торговля с Венгрией велась издавна, не случайно согласно одному (видимо, древнейшему) летописному варианту Игорь и Олег заняли Киев, прикинувшись «подугорьскими

---

[41] ПРП. Вып. 2. С. 26.

[42] ПСРЛ. Т. II. С. 497 (1159 г.); *Frances E.* Les relations russo-bysantines au XIIe siècle // BSl. 1959. Vol. XX. № I. P. 53.

[43] Scriptores rerum Austriacarum. Vindobonae, 1793. T. II. P. 106.

[44] ПСРЛ. Т. II. Стб. 746; ср.: Там же. Стб. 416.

[45] CDH. T. VII. 5. № 76. P. 143.

[46] *Chaloupecky V.* Stare Slovensko. Bratislava, 1923. S. 112–113.

[47] CDH. T. VII. 5. № 208.

гостьми»[48]. В Киеве, наряду с «Лядьскими», имелись и «Угорские» ворота[49]. В «Деяниях венгров» — анонимной хронике придворного нотария Белы III, отражена действительность XIII в., когда он упоминает доставшихся на Руси венграм «лошадей с седлами и удилами, украшенными по русскому обычаю»[50], «бесчисленные меха ласки и соболя», одежды, волов, верблюдов, половецких рабов[51].

У польского хрониста Галла Анонима (начало XII в.) читаем, что Польша «удалена от проторенных дорог паломников и знакома она лишь немногим, идущим на Русь ради торговли»[52]. Торговые пути из Волыни в Мазовию и Понеманье постепенно укреплялись по мере колонизации Ятвягии Русью из Городно, Дорогичина, Вельска (через Сураз на Нареве) и Польшей — из Визны; во второй половине XI в. русский путь на Визну лежал через Свенцк (позднее — город плоцких епископов)[53]. В Польшу поступала галицкая соль, как видно из привилея 1176 г. Казимира Справедливого цистерцианскому монастырю в Сулейове, которому было даровано право на ежегодное получение 13 возов соли от сандомирской таможни «тогда, когда поступает из Руси»[54]. Следы древней широкой торговли солью в Туровской земле можно видеть в замечательном местном церковном уставе, недавно открытом Я.Н. Щаповым[55]. О встречном потоке товаров можем судить по привилею 1264 г. Болеслава Стыдливого купцам Поланца, ездившим на Русь с сукнами и другими товарами[56].

Известный советский нумизмат В.М. Потин выяснил, что не скандинавским купцам обязана Русь своей внешней торговлей,

---

[48] НПЛ. С. 107.

[49] ПСРЛ. Т. II. Стб. 423 (1151 г.).

[50] Ср.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 814.

[51] SRH. T. I. P. 46–47.

[52] *Галл Аноним.* Хроника. М., 1961. С. 27; ср.: *Бобляк М.М.* Економічні і культурно-релігійні зв'язки Русі ї Полші в X–XII ст. // Наукові зап. Вінницького держ. пед. інст. 1948. Вып. I. С. 10.

[53] *Kamiński A.* Wizna na tle pogranicza polsko-jaćwieskiego // Rocznik Białostocki. 1961. T. I. S. 18.

[54] Kodex Dyplomatyczny Polski. 1847. T. I. № 4. P. 11–13; см.: *Alexandrowicz S.* Stosunki handlowe polsko-ruskie do roku 1240 // Zeszyty naukowe. Uniw. im. A. Mickiewicza. Historia. № 14. Zesz. 3. Poznań, 1958. S. 24.

[55] *Щапов Я.Н.* Туровские уставы // Археографический ежегодник. М., 1965. С. 273; Путь Краков — Перемышль — Туров у Идриси см.: *Недков Б.* България и съседните й земли през XII век според Идриси. София, 1960. С. 89, 90.

[56] *Alexandrowicz S.* Stosunki handlowe. S. 26.

что в XI в. — во время наиболее интенсивного притока западноевропейской монеты на Русь — основной была русско-славяно-прибалтийская дорога, а местом скрещения северного и западного монетных потоков на Русь стал Готланд[57]. Выводы В.М. Потина находятся в полном соответствии с результатами, добытыми польскими и советскими учеными (Е. Антоневич, Ф.Д. Гуревич и др.) в изучении Пруссии. В целом, напрашивается вывод, что немецкие города и Ганза с помощью завоевания захватили древние налаженные славянские пути; этот вывод окончательно подрывает миф об их культуртрегерской миссии.

Конечно, уловить следы русско-поморской торговли нелегко, но они есть. В Поморье (как и в Пруссии) в Волине, Щецине, Колобжеге, Гданьске находят русские кольца, браслеты, гривны, сосуды, пряслица; а изделия из янтаря — в Пскове, Новгороде, Минске, Гродно, Гнездове (Смоленске), Киеве, Рязани, Муроме и др.[58] Быть может, и старая гипотеза о колбяге как обобщенном наименовании жителя Колобжега — славяно-поморского купца (присутствующего в Русской Правде наряду с «варягом»)[59] не так уж далека от истины? И, возможно, не случайно именно колобжегский епископ был направлен ко двору туровского князя Святополка Владимировича в XI в. И, конечно, жители Щецина знали дорогу в Новгород задолго до упоминания там их местных контрагентов (1165 г.)[60]. В кладе близ Ростока найдена монета Владимира Святославича; важную роль играл Волин (Йомсборг) в устье Одры, где обнаружено около ⅓ кладов Поморья; обильная на Руси монета кёльнского чекана концентрируется в находках у Стариграда и Любека; были, понятно, и прямые контакты Руси с Германией, поэтому, например, монеты Фрисландии представлены в русских кладах много шире, чем в балтийско-поморских.

Волин имел давние связи с Русью по Балтийскому морю, которое немецкий хронист Адам Бременский (XI в.) называл «Скифским», а Гельмольд (XII в.) — «Русским»; ранее его именовали «Восточным морем»[61]. Адам писал о Волине: «Это действительно величайший

---

[57] *Потин В.М.* Некоторые вопросы торговли Древней Руси по нумизматическим данным // Вестник истории мировой культуры. М., 1961. № 4 (28). С. 71–72.

[58] Там же. С. 78.

[59] *Голубовская Н.П.* Географические данные в Русской Правде. Киев, 1913. С. 19–113; ПРП. Вып. I. С. 78.

[60] НПЛ. С. 31.

[61] *Helmoldus.* Lib. I. Cap. I.

из городов в Европе. Населяют его славяне вместе с другими народами — греками и варварами; приезжие саксы тоже получают право на жительство, лишь бы только, находясь там, не проявляли признаков своего христианства. Есть там маяк, который местные жители называют греческим огнем»[62]. Под греками хронист понимал и православных руссов, страну которых и торговые пути через нее неплохо знал. Путь Волин — Новгород отнимал 14 дней[63]. Любопытно переменчива судьба названий руссов: на севере их причисляют к грекам, на юге — к норманнам.

В житии Оттона Бамбергского говорится о заморской торговле Колобжега[64]. И остров Руяна (Рюген) имел торговые связи с другими славянскими странами[65], в их числе, может быть, и с Русью. В произведении «Атис и Профилиас» (начало XIII в.) упоминается соболь на острове Руяны, который считают русским[66]. Саги также отразили тот факт, что «земля венедов» знала Русь, иначе Олав, ехавший из нее, не выдавал бы себя за русского купца[67].

Возможно, что русские купцы встречались с арабскими и еврейскими и на Балтике, ибо и отсюда через Данию те везли в гаремы Испании пленных из Европы, которых кастрировали в Вердуне и Лионе[68]. Из Пруссии Русь вывозила янтарь, который из Самбии попадал в Булгар, а оттуда в халифат: живший в Тунисе арабский врач ибн ал-Газзар (умер в 1004 г.) знал, что янтарь «привозится из земли русов (ar-Rūs)»[69].

Мы не касаемся здесь состава вывоза произведений русского ремесла — эта тема уже разработана Б.А. Рыбаковым[70], чьи труды

---

[62] *Adam Bremensis*. Historia Hammaburgensis ecclesiae pontificum. Lib. II. Cap. XXII / Hrsg. B. Schmeidler. Hannover; Leipzig, 1917 (MGH SS. T. II); *Helmoldus*. Lib. I. Cap. 2.

[63] *Adam Bremensis*. Lib. II. Cap. XXII.

[64] *Зинчук Я.П.* Борьба западных славян с наступлением немецко-датских феодалов на южное побережье Балтийского моря в X–XII вв. // Кр. сообщ. Ин-та славяноведения. 1957. Вып. 21. С. 99–100.

[65] *Saxo Grammaticus*. Gesta Danorum. Lib. XIV. Cap. 39; *Helmoldus*. Lib. I. Cap. 6; Lib. II. Cap. 12.

[66] *Потин В.М.* Некоторые вопросы торговли. С. 77.

[67] *Бережков М.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879. С. 52.

[68] *Lewicki T.* Osadnictwo słowiańskie // Przegląd historyczny. 1952. T. 43. № 3–4. S. 473–491.

[69] *Lewicki T.* Ze studiów nad źródłami arabskimi // Slavia Antiqua. 1953. T. III. S. 168.

[70] *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 104–114, 173, 177–180, 234, 239–240, 339, 477–478, 519, 780; ср.: *Рыбаков Б.А.* Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. С. 324, 343.

дополняются все новыми изысканиями (см. исследования Г.Ф. Корзухиной, Е. Антоневича, В.П. Даркевича и др.). Они говорят и о проникновении в основные торговые центры Руси прекрасных произведений ремесла из других европейских стран[71].

Большую роль во внешнеторговых связях Руси играли еврейские купцы. В X в. сложились еврейские общины в Майнце, Аугсбурге, Регенсбурге, а также в Праге. С этого времени еврейские купцы этих городов через Краков ездили в Перемышль и Киев; в раввинских респонсах эти ездившие целыми караванами купцы назывались «на Русь ходящие», т. е. были подобны латинским «руссариям»[72], которые упомянуты в жалованной грамоте Регенсбургу от 9 июля 1192 г., говорящей о местной купеческой корпорации, торгующей (в частности мехами) с Кёльном. Торговые связи Кёльна с Русью, в свою очередь, подтверждает источник конца XI в. — «Хвалебная песнь кёльнскому архиепископу Анно» (умер в 1075 г.), канцлеру императора Генриха III и регенту при малолетнем Генрихе IV: ему слали дары «короли» Византии, Англии и Дании; «из Фландрии и из Руси добыл он различное добро для Кёльна»[73]. Известно сообщение ученого-талмудиста Иегуды Гакогена (XI в.) из Майнца в передаче венского раввина Исаака бен Мойше (XIII в.) о захвате евреев в «Примуш» (Перемышле) в Польше, уводе их в страну «греческих славян» и об отправке одного из пленников на продажу в Прагу[74]. В труде пражского раввина Элеазара бен Натана (Рабана) (XII в.) дошло описание товарищества еврейских купцов, торгующих с Русью. Ввиду опасностей, с которой сопряжена поездка, и случайностей в ценообразовании, они не должны были ни покупать товары, ни получать их в кредит по определенной уже «в русских деньгах» цене; установление цены наперед в русских деньгах было запрещено как лихоимство;

---

[71] *Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954; *Даркевич В.П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.). М., 1966. О русских пряслицах в Пруссии, Бирке, Сигтуне, Лунде см.: *Антоневич С.* О находках овручских пряслиц // Archeologia Polska. 1960. Rocz. III. S. 172–180.

[72] *Brutzkus J.* Der Handel der westeuropäischen Juden mit dem alten Kiev // Zeitschrift für die Geschichte der Juden in Deutschland. B., 1931. S. 101–105; *Brutzkus J.* Trade with Eastern Europe. 800–1200 // Economic History Review. L., 1943. Vol. 13. № 1–2. P. 33; *Флоровский А.В.* Чехи и восточные славяне. Прага, 1935. T. I. С. 187, 189.

[73] Annolied / Hrsg. M. Roediger // Scriptores qui vernacula lingua usi sunt. Hannoverae, 1892. T. I. P. 2. V. 638.

[74] Źródła hebrajskie do dziejów Słowian. Warszawa, 1956. T. I. S. 36–37, 40–50. Полагают, что это относится ко времени похода войск Ярослава Мудрого в 1031 г. (*Brutzkus J.* Der Handel. S. 102).

в соответствии с видом принадлежащего им товара, купцам надлежало объединяться в товарищества и дополнительно делить полученную прибыль[75]. Впрочем, есть и другие толкования этого неясного текста.

Сохранился рассказ регенсбургского купца Петахии, который около 1175 г. проехал по маршруту: Прага — Польша — Киев — Половецкая земля — Крым — Кавказ — Мосул — Багдад[76]. Тот же Ибрагим (в передаче ал-Казвини — XIII в.) говорил о торговых связях Майнца с Самаркандом и Индией[77]. Дошло и сообщение рабби Калонима бен Шаббатая (XI в.), в передаче итальянского еврея — врача XIII в. Зидкиа бен Абрахама, о поездке купцов-евреев из Руси через Венгрию в Регенсбург, где они жили[78]; наконец, сообщение шпейерского раввина Исаака бен Ашера (XI в.) об обществе евреев-пайщиков, ходивших с караванами на Русь. Часть из них происходила из Руси и жила в ней постоянно. Рабби Элиэцер бен Исаак из Праги оставил описание маленьких еврейских общин, виденных им на Руси; известно, что на Руси в 1124 г. рабби Самнельс написал свой труд в духе западных тосафиотов[79]. Наша летопись и Патерик знают еврейский квартал[80] и «Жидовские ворота» в Киеве[81]. Еврейские источники позволяют думать, что купеческие общины были во многих крупных городах: в 1171 г. в Кёльн прибыл Беньямин, богатый еврейский купец «из Владимира», и был арестован на торговой площади по ложному обвинению[82]; какой Владимир имеется в виду, сказать трудно, но еврейские купцы посещали Владимир-на-Клязьме, где им Андрей Юрьевич показывал свои храмы и где работали собранные Андреем «изо всих земль мастери»[83]. В волынском Владимире еврейские купцы были связаны с Владимиром

---

[75] *Brutzkus J.* Der Handel. S. 103–104.

[76] Три еврейских путешественника IX и XII столетий / Перевод, примеч. и карты П. Марголина. СПб., 1881. С. 1–8.

[77] *Jacob G.* Arabische Berichte von Gesandten an germanische Fürstenhöfe aus dem 9. und 10. Jh. B.; Leipzig., 1927. S. 21–23.

[78] Źródła hebrajskie. S. 65–67; здесь же см. о русско-венгерских торговых путях (S. 75–83).

[79] *Brutzkus J.* Der Handel. S. 104, 108, 109.

[80] Патерик. С. 47–48; ПВЛ. Ч. I. С. 196 (1113 г.); ПСРЛ . Т. II. Стб. 288 (1124 г.); *Каргер М.К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. I. С. 89, 233.

[81] ПСРЛ. Т. II. Стб. 326 (1146 г.), 427 (1151 г.).

[82] *Neubauer A., Stern M.* Hebräische Berichte über die Judenverfolgungen während der Kreuzzüge. B., 1892. S. 71, 206.

[83] ПСРЛ. Т. II. Стб. 512, 591.

Васильковичем и оплакивали его смерть[84]; в сочинении английского еврея рабби Мойше Ханессиа (1170–1215) упомянут известный рабби Исаак из Чернигова, который пытался истолковать некоторые библейские слова из их сравнения с русскими, т. е. знал живой русский язык[85]. Регенсбуржец Петахий двигался через Чехию и Польшу в Русь, в то же время французский еврей Исаак д'Орвиль шел из Руси в Чехию, где побывал в Оломоуце и Праге; на французском севере и в Кёльне был известен Моисей из Киева[86].

Из этих сообщений как будто следует, что Русь имела устойчивые торговые связи с городами Германии. Немецкие источники говорят о том же. Уже при Владимире Святославиче действовал путь через Германию в Византию, была известна и дорога из Византии через Русь по Балтийскому морю — в Рим[87]: ею, как думал летописец, ходил апостол Андрей (дороги апостольские совпадали с купеческими).

По мере продвижения немецких феодалов на Восток в жалованных грамотах захваченным или построенным городам фигурирует Русь, издревле торговавшая в этом краю и, как увидим ниже, отстоявшая свои права. Любек — столица Славии издавна вел широкую торговлю[88]; торговал он и с Русью: ведь женой местного короля бодричей Кнута Лаварда (1129–1139) была Ингеборг Мстиславна. Не случайно, вновь основывая в середине XII в. Любек, саксонский герцог Генрих Лев, дав ему разного рода льготы, отправил «послов в города и северные государства — Данию, Швецию, Норвегию и Русь,– предлагая им мир, чтобы они имели свободный проезд к его городу Любеку»[89]. В жалованной грамоте кёльнского архиепископа Райнальда вестфальскому городу Медебаху (1165 г.) мимоходом, как об обычной вещи, сказано о торговле с Русью[90]. О какой Руси идет

---

[84] Там же. Стб. 920.

[85] *Brutzkus J.* Trade. P. 37; *Гаркави А.Я.* Об языке евреев, живших в древнее время на Руси. СПб., 1865. С. 11.

[86] *Флоровский А.В.* Чехи и восточные славяне. С. 43.

[87] ПВЛ. Ч. I. С. 12, 74.

[88] *Helmoldus*. Lib. I. Cap. 48, 49, 51 (1130 г.), 55, 57–58 (1143 г.), 63 (1147 г.), 71 (1151 г.), 74 (об отцах «Любекской республики»). О налаженных торговых путях из Руси через Восточную Прибалтику см.: *Мугуревич Э.С.* Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига, 1965. С. 114.

[89] *Helmoldus*. Lib. I. Cap. 50, 85.

[90] HUB. Bd. I. № 17 (1165 г.); ср.: *Schröder H.G.* Der Handel auf der Düna im Mittelalter // HGbl. Bd. 23. H. I. 1918. S. 27. ff. (1157 г.).

тут речь? Это мог быть и Новгород, уже давно торговавший не только со славянским Поморьем, но и с Готландом. Словенский учан был спущен с волховской верфи и появился на Балтийском море (об этом интересно писал В.В. Мавродин), конечно, не позднее, чем полянская однодревка — моноксила — на Черном[91].

Готланд — «око Балтики», так называли его скандинавские навигаторы[92]. Шведские историки полагают, что торговля Новгорода с ним восходит к тем давним временам, когда (судя по кодексу городского права Висбю XIV в.) на острове начали собираться люди разных народностей и скрепили клятвой мир, дававший им право спасать и оберегать свое имущество на береговой полосе шириной в восемь сажен[93]. Новгородская летопись не сохранила сведений о начале этой торговли. Она отметила лишь некоторые случаи ее нарушения. Так, под 1132 г. читаем: «идуце (видимо, владычные купцы. — *Авт.*) и[з] замория съ Готъ, потопи (шторм? — *Авт.*) лодии 7, и сами истопоша и товар, а друзии вылезоша, нъ нази»[94]. В другой раз в 1142 г. шведская флотилия из 60 судов (шнек) напала «на гость, иже и[з]-заморья шли в 3 лодьях». Но купцы недаром были и воинами, они отбили пиратское нападение и перебили команду трех шведских судов[95]. Подворье русских купцов на Готланде тоже существовало издавна и как таковое впервые отмечено в договоре 1262–1263 гг., заключенном от имени Александра Невского: «А новгородцьмъ въ становищи на Гоцкомь березе бес пакости, въ старый мир»[96].

Сами русско-шведские торговые связи восходят к давности уже известных нам договоров с Византией, когда варяги (включавшие и шведских купцов) участвовали в русской торговле с Европой и Азией на пути из Балтики (Варяжского моря) в Черное (Русское)[97] море; причем путь этот распадался на отрезки — балтийско-новгородско-смоленский в Верхней Руси, киево-черноморско-византийский —

[91] О верфи см.: *Арциховский А.В.* Новгород Великий по археологическим данным // Вестник АН СССР. 1948. № 3. С. 53; *Мавродин В.В.* Начало мореходства на Руси. Л., 1949. С. 129–130.

[92] *Fellman A.* Voyage en Orient du roi Erik Ejegod. Helsinki, 1938. P. 68.

[93] Corpus juris sueo-gotorum antique. Lund, 1853. T. VIII. P. 21.

[94] НПЛ. С. 22.

[95] Там же. С. 26.

[96] ГВНП. № 29. С. 57.

[97] Ал-Мас'уди тверд в этом наименовании (*Бейлис В.М.* Сочинения ал-Мас'уди как источник по истории Восточной Европы. Автореф. дисс. к.и.н. М., 1963. С. 20).

в Нижней и внутренний — новгородско-киевский[98]. В самой Швеции руссы торговали с Упсалой, столицей земли Упланд, прибрежная полоса которой — Рослаген, быть может, служила одним из источников найма варягов, а торговый центр город Бирка, стоявший на острове Бьёрке на озере Меларен, отправлял на Русь купцов. Пришедшую в упадок в конце X в. Бирку заменила Сигтуна[99]. Сюда и плыли русские мимо Готланда; в Сигтуне был русский купеческий двор с каменной церковью[100].

Имеем точное свидетельство летописи от 1148 г. о поступлении товаров из Северной Европы в Русь. Во время снема волынского Изяслава Мстиславича со смоленским Ростиславом братья взаимно «даристася дарьми многыми», причем киевский князь вручил их «от Роускыи земле и от всех цезарьских (здесь, может быть, византийских. — *Авт.*) земель», а Ростислав дал ему дары «от верьхних», т.е. новгородско-смоленских земель, «и от варяг»[101]. Следы старой варяжской торговли остались и в Киеве, где Иларион использовал под свою пещеру бывший «варяжский поклажай» (нечто вроде укромного склада для ценностей)[102]; в низовьях Днепра еще в XIII в. известен остров Варяжский[103].

Новгород — центр морской торговли Руси с Европой; тут имелись кварталы, выросшие на древней торговле с Поморьем — улицы Прусская[104], Чудская; здесь «заморстии» купцы в 1156 г. соорудили свою церковь на Торговище, в 1207 г. они же построили церковь св. Пятницы, а купцы-щецинцы возвели в 1165 г. церковь Троицы[105] — ясно, что их дела процветали. Североевропейские купцы наряду с подворьями имеют свои «варяжские» (католические) храмы, гибель

---

[98] *Бернштейн-Коган С.В.* Путь из варяг в греки // Вопросы географии. М., 1950. Вып. 20. С. 267.

[99] *Брим В.А.* Путь из варяг в греки // Изв. АН СССР. VII сер. Отд. общ. наук. Л., 1931. № 2. С. 201.

[100] *Friesen O.* Ur Sigtunas äldsta historia // Upplands fornminnesförenings tidskrift. 1910. B. 26. S. 19; *Шаскольский И.П.* Сигтунский поход 1187 г. // ИЗ. 1949. Т. 29. С. 142 (от Бирки до Руси 5 дней пути).

[101] ПСРЛ. Т. II. Стб. 369. О составе даров можно отчасти судить по известию под 1160 г. (Стб. 504): меха и моржовая кость — из Верхней Руси; барс, кони и седла — из Нижней Руси.

[102] Патерик. С. 3, 62–63.

[103] ПСРЛ. Т. II. Стб. 741.

[104] Ср.: *Погодин А.Л.* Варяги и Русь // Зап. Русского научного института. Белград, 1932. Вып. 7. С. 109.

[105] НПЛ. С. 30, 31, 50.

некоторых из них отмечена во время пожаров, когда в 1152 г. сгорела одна варяжская церковь, в 1181 г.– другая (Петра и Павла), а в 1217 г. — в варяжской церкви «изгоре товар вьсь варязьскый бещисла»[106].

Как мы знаем, князья мало считались с церковью в делах внешней политики, купцы-гости еще менее связывали себя ее ограничениями. Любопытно, что варяжские церкви посещались новгородцами, а бывали и случаи крещения здесь русских детей (видимо, в семьях от браков с иноземцами — о чем, как известно, шел разговор у епископа Нифонта с Кириком)[107]. О проникновении латинских обычаев свидетельствует и раздраженная глосса XIV в. в переяславском летописце[108]. Видимо, уже тогда иноземные купцы практиковали то, что было кодифицировано в ганзейском уставе («скра»): нужных им в будущем молодых (не старше 20 лет) переводчиков (Tolke, Dolche) немецкие города посылали в качестве Sprakelerers («изучающих язык») на Русь, где в русской среде они получали практику. Соответствующий пункт был уже в латинском проекте русско-немецкого договора 1268 г.[109] Это вело новгородцев к сближению с иноземцами. Именно таким путем, по основательной догадке Г. Рааба, происходил обмен эпическими мотивами[110].

До сих пор речь шла о торговле с Германией Верхней Руси. Но велась такая торговля и Нижней Русью. О притоке русских ювелирных изделий и мехов в Германию (где Регенсбург — крупный центр меховой торговли) и вывозе оттуда серебра (из Гослара), тканей (из соседних Рейнско-Вестфальским землям Фландрии и Фрисландии) и рейнских вин — писал недавно Б. Видера[111]. Русский соболь был хорошо известен в Германии. В торговле соболями и серым мехом участвовал, как видно из его жития, и падеборнский епископ Мейн-

---

[106] См.: *Шмидт С.О.* Предание о чудесах при постройке новгородской ропаты // Историко-археологический сборник. С. 319–325; НПЛ. С. 29, 37, 57.

[107] РИБ. СПб., 1908. Т. VI. Стб. 60. Бывало и обратное — переход католиков-иноземцев в православие (Стб. 26).

[108] ЛПС. С. 3.

[109] *Raab H.* Die Anfänge der slawistischen Studien im deutschen Ostseeraum. Greifswald, 1956. S. 343.

[110] *Raab H.* Zur Tradition der deutsch-russischen Wechselseitigkeit im Ostseeraum. S. 1–2 (оттиск).

[111] *Widera B.* Die wirtschaftlichen Beziehungen zwischen Deutschland und der Kieven Rus in der esten Hälfte des XI Jh. // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. B., 1954. Beiheft I. S. 18–19, 22.

верк (ум. в 1039 г.)[112]. Едва ли можно сомневаться, что купеческие караваны сопровождали русские посольства в Мерзебург (1017 г.), Альштедт (1040 г.), Гослар (1043 г.) и др. Наши источники отметили какого-то «немчина» в Луцке (1149 г.), едва не убившего рогатиной князя Андрея Юрьевича; латинян во Владимире-на-Клязьме встречал в середине XII в. киевский купец Кузьма; понятно, что говоря под 1195 г. об обновлении епископом Иваном церкви в Суздале, летописец счел нужным подчеркнуть выполнение этой работы местными специалистами, «не ища мастеров от немець». В Галиче в XIII в. были Немецкие ворота, а в волынском Владимире немецкие купцы входили в число «местичей»-бюргеров. Некоторые из них были, вероятно, богаты — некий «немчин» Марколт давал обед в честь князей Василько Романовича, Льва Даниловича и Войшелка[113].

Теперь вспомним о засвидетельствованной фрейзингенским (Бавария) епископом Оттоном (1111–1158) переписке начала 40-х годов XII в. Конрада III (1138–1158) с императорами Иоанном и Мануилом Комнинами, которых он просил посредничать в связи с ограблением и убийством «на Руси» («in Rossia») немецких купцов[114]. Здесь речь идет, конечно, о Нижней Руси. Вот несколько фактов о торговле Руси с Эннсом (на Дунае) и Регенсбургом (Бавария). Штирийский герцог Оттокар утвердил в 1191 г. мыто в Эннсе, которое было здесь введено еще его отцом Оттокаром V (1129–1164) для купцов Регенсбурга: отныне «повозки [идущие] на Русь и из Руси пусть выплачивают 16 денариев и их не следует задерживать. Повозки, которые нагружаются в самом городе, пусть платят 12 денариев»[115]. Регенсбургский купец Гартвик, проживавший в Киеве («in regione Russiae, in civitate Chiebe») пожаловал в 1178 г. монастырю св. Эммерама в Регенсбурге 18 фунтов серебра, которые тому предстояло взыскать с его должников[116]. Австрийский герцог Леопольд ввел в

[112] Vita Meinwerci Episcopi Patherbrunnensis (Das Leben des Bischofs Meinwerk von Paderborn) / Hrsg. von Fr. Tenckhoff. Hannover, 1921. Cap. 44, 56, 85, 86, 111, 112, 123.

[113] ПСРЛ. Т. II. Стб. 390, 591, 778, 868, 905; Т. I. Вып. 2. Стб. 410 (1195 г.).

[114] *Ottonis et Rahewini* Gesta Friderici imperatoris. Lib. I. Cap. 23 / Ed. G. Waitz, B. von Simson. Hannover, 1912 (MGH SS. T. XLVI); *Ottonis episcopi Frisingensis* Chronica sive Historia de duabus civitatibus / Ed. A. Hofmeister. Hannover, 1912 (MGH SS. T. XLV). P. 364.

[115] Österreichische Stadtrechle und Satzungen aus der Zeit der Babenberger // Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen. Wien, 1853. Bd. X. S. 92.

[116] Codex traditionum S. Emmeramensium // Thesaurus anecdotorum novissimus. Augsburg, 1721. T. I. Pars. 3. P. 173.

1192 г. свое мыто для регенсбургских купцов «руссариев»: «Купцы, торгующие с Русью, куда бы и в какое бы время они ни шли, платят 2 таланта и по возвращении из Руси — пол-таланта; они дадут 12 денариев, если пожелают куда-либо зайти (для торговли в другой город. — *Авт.*»[117]. Эти купцы везли из Руси, в частности, меха: Маврикий возвращался в Регенсбург с пожалованными на монастырский храм св. Якова и Гертруды мехами и другими ценностями на сумму в 100 марок вместе с купеческим караваном («cum negotiatoribus»)[118]. Достойно внимания, что в строительстве храма участвовали местные купцы, и когда средств не хватило, они обратились в Киев, где их, вероятно, хорошо знали. Св. Годехард считался в Западной Европе покровителем тех, кто ходил в Русь, если судить по такому источнику, как «Перенесение мощей св. Годехарда» (после 1132 г.): «возвращавшиеся из Руси» купцы (включая священника) были спасены от разбойников его покровительством; в память о случившемся они сделали пожертвование храму этого святого в Хильдесхейме[119]. Русские меха воспевал немецкий поэт Гартманн (умер в 1210 г.) из Ауе, который писал, что «лучших никто не мог найти ни на Руси, ни в Польше»[120].

В синодике бенедиктинского монастыря Св. Петра в Эрфурте (Тюрингия) читается запись о волынском Романе Мстиславиче: «Роман, король русский, дал нам тридцать марок». Волынско-немецкие связи хорошо известны.

Еще до вторжения немецких феодалов в Восточную Прибалтику «место Рига» имело дома-подворья для купцов, были тут и ливские поселения. Сюда и проложили путь «странствующие» немецкие купцы, которые объединились с базой на о. Готланд («Объединение купцов Римской империи, часто бывающих в Готландии»[121]) и ревностно помогали епископу Альберту в войне и с народами Прибал-

---

[117] Österreichische Stadtrechte. S. 95.

[118] *Gemeiner C. Th.* Regensburger Chronik. Bd. I. S. 286; *Васильевский В.Г.* Древняя торговля Киева. С. 136. О связи Гертруды с Регенсбургом см.: *Янин В.Л.* Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. М.; Л., 1963. Т. 4. С. 142–164.

[119] Translatio Gedehardi episcopi Heidesheimenses // MGH SS. T. XII. P. 647.

[120] *Kraus A.* Slováné v literatuře staroněmecke do roku 1500 // Slovanský Sbornik. Praha, 1886. T. V. C. 225.

[121] *Rörig F.* Reichssymbolik auf Gotland // HGbl. Bd. 64. 1940. S. 51 ff.; ср.: *Дорошенко В.В.* Новое в изучении средневековой Риги // Изв. АН Латв. ССР. 1962. № 8 (81). С. 144.

тики, и с Русью. По привилегии 1225 г., данной Альбертом, оседлые купцы получили господство в Риге; в 1215–1234 гг. в пределы города вошел северо-западный «пригород», где находился и «русский квартал» («Russche dorp»). И подворье полоцких и псковских купцов, и церковь св. Николая появились, видимо, вскоре после 1212 г. «Донемецкая» Рига — Земгальская гавань, при населении в 2–3 тыс. человек давно торговала, а в конце XII в. сюда ежегодно прибывали корабли; она была пунктом встречи местных, русских, готландских купцов[122]. Нужно помнить, что сами немецкие купцы были допущены сюда для торговли с разрешения Полоцка[123].

В свете всего сказанного договорная грамота Новгорода о мире, о посольских и торговых отношениях и суде (датируемая 1189–1199 гг.)[124] представляется документом, отражающим вековую традицию. Этот коротенький договор дает обильный материал для размышлений. Он заключен от имени Ярослава Владимировича (ставленника владимиро-суздальского Всеволода Юрьевича) и новгородских властей, с одной стороны, и послом Арбудом, с другой. Этот посол, в свою очередь, представлял три заинтересованные стороны: а) города Германии («с всеми немьцкыми сыны»), б) остров Готланд, т. е. город Висбю прежде всего («и с гты»), в) купечество других католических стран («и с всемь латиньскым языком») — это могли быть страны и Северной, и Западной Европы — Дания и Швеция.

Торговля с Данией, от которой, по словам датских моряков, «до Острограда русского, коего столица есть Киев («Chive»)» можно было доплыть за один месяц[125], тоже велась исстари. Под 1130 г. летопись отметила, что новгородские купцы «из Дони», в отличие от плывших с Готланда, «придоша сторови», т. е. благополучны[126]. Это понятно, ибо Кнут Лавард, герцог бодричей, сидевший в Шлезвиге, — союзник Руси. Были и конфликты, нарушавшие торговые

---

[122] *Benninghoven F.* Rigas Entstehung und der frühhansische Kaufmann. Hamburg, 1961. S. 19–27; 36–53; см.: LUB. Bd. I. № 15 (1209 г.). См. также замечания: *Хорошкевич А.Л.* Рец. на кн.: *Benninghoven F.* Rigas Entstehung und der frühhansische Kaufmann. Hamburg, 1961 // ИСССР. 1962. № 6. С. 193–199.

[123] ГЛ. I. 3; XIV. 9.

[124] ГВНП. № 28. С. 55–56; ПРП. Вып. 2. С. 124–131.

[125] *Adam Bremensis.* Historia Hammaburgensis ecclesiae pontificum. Lib. II. Cap. IV. C. II / Hrsg. B. Schmeidler. Hannover; Leipzig, 1917 (MGH SS rerum germanicarum in usum scholarum. T. II); ср.: Kronika Thitmara Lib. VIII. Cap. 32 / Przetł., wstępem poprz. i koment. opratrz. M.Z. Jedlicki. Poznań, 1953.

[126] НПЛ. С. 22.

договоры: под 1134 г. записано, что в Дании, (видимо, в Роскильде) новгородских купцов бросили в тюрьму («рубоша новгородць за моремь въ Дони»)[127]. На время финского похода шведского короля Эрика IX (1157 г.) падает ограбление русских купеческих кораблей в Шлезвиге (видимо, в районе Любека, около этого времени пострадавшего от пожара) датским королем Свеном III Грате (1147–1157), который отдал захваченные товары в уплату наемникам[128]. Что касается Швеции и Готланда, то мир с ними нарушился после шведско-русского конфликта в Финляндии и падения Сигтуны (1187 г.), когда по сообщению летописи, новгородцы были в 1188 г. брошены в порубы варягами (т. е. иноземцами; шведы назывались свеями) и на Готланде, и в Немцах, и, наконец, в самой Швеции[129]. В связи с конфликтом Новгород применил решительную меру: порвав торговлю, он не пустил «своих ни единого мужа за море», а прибывшим иноземцам (варягам) не дал своего посла и отпустил их «без мира». Интересно, что на этот же год приходится жалованная грамота императора Фридриха I городу Любеку, по которой он освобождал русских купцов от пошлин[130]. Полагают, что его документ воспроизводит утраченную грамоту 1163 г., выданную ранее Генрихом Львом[131]. Наш договор, как видим, родился в результате дипломатической активности всех его участников. Важно, что это не первый договор между ними, а подтверждение какого-то предшествующего соглашения («потвердихом мира старого»). Возникает вопрос о глубине хронологической традиции этих договоров. Если мы вспомним, что еще Олег имел соглашение с варяжским корпусом, которому положил плату в 300 гривен[132], то правомерность поисков древних черт в изучаемом договоре станет очевидной. Если мы сопоставим наш договор 1189–1199 г., который именуется Правдой («на сей Правде») с Краткой редакцией Правды Роськой (далее: Кр. ПР.), сохранившей некоторые нормы договора 1015 г. Ярослава Мудрого с варяжским служилым корпусом и купечеством, то обнаружим, что и в нем они отразились.

---

[127] НПЛ. С. 23.

[128] *Saxonis* Gesta Danorum. Lib. XIV. Cap. 17 / Ed. J. Olrik, H. Ræder. Hauniæ, 1931.

[129] НПЛ. С. 39.

[130] HUB. Bd. I. № 33 (1188 г.).

[131] *Draeger W.* Das alte lübische Stadtrecht und seine Quellen // HGbl. 1913. Bd. 19. S. 2.

[132] ПВЛ. Ч. 1. С. 20.

Сходство норм договора 1189 г. с Краткой и Пространной Правдами показал А.А. Зимин. Я хочу обратить внимание на серию статей договора, в которых пенитарные расчеты выражены не в гривнах серебра, а в старых кунах: это ст. 4, 5 и 6, восходящие к Кр. ПР. (ст. 3 и 10) и к Пространной Правде (ст. 78). В Кр. ПР. уже имелись две статьи, взятые, видимо, из древних договоров Руси с варягами и колбягами. Это, во-первых, статья, имеющая в виду случай, когда «ринет мужь мужа от себе, любо к собе» [в нашем документе: «оже упьхньть любо мятель (плащ. — *Авт.*) раздрьть»]. При двух видоках (свидетелях-очевидцах) виновного русского ждал штраф в 3 гривны, а иноземцу — варягу или славянину (колбягу) — достаточно клятвы. В нашем договоре клятвы уже нет, она выпала вместе с колбягом (славянские купцы Поморья были или оттеснены немецкой властью от внешней торговли, или заключали с Русью отдельные договоры), остался штраф в 3 «старых» гривны[133].

Видимо, к давности договора 1015 г., охранявшего от иноземных насильников новгородских «мужатых жен», восходят статьи нашего документа, охраняющие «мужеску жену любо дчьрь» высокими штрафами и в пользу князя, и в пользу пострадавших, выраженными в «ветхих кунах» (ст. 7). Эта статья позднее дополнена ст. 14 об охране чести рабынь, на которых обратился интерес устрашенных статьей 7 иностранных ловеласов. К тому же древнему договору восходит и ст. 8, карающая, тоже в «старых» гривнах, срывание повоя с головы жены или дочери новгородца. К той же давности можно возвести и ст. 3 нашего документа об охране «купчины» (ср. Кр. ПР., ст. 1) и ст. 10 о разрешении споров, возникающих при долговых обязательствах (ср. Кр. ПР., ст. 15), причем она хранит более архаический текст, чем Кр. ПР.; договор 1189–1199 г. даже сохранил древнего «варяга»: «Оже емати скот варягу на русине или русину на варязе (в Кр. ПР. — «Аже где възыщеть на друзе проче»), а ся его заприть (в Кр. ПР: «а он ся запирати почнеть»), то 12 муж послухи идеть роте (клянется. — *Авт.*), възметь свое». Помимо древнего

---

[133] Кстати говоря, в ранних договорах с варягами и колбягами (как и с Византией) вопрос об охране челяди был одним из центральных, наряду с обеспечением личной безопасности самого купца. След этого внимания к челяди остался в Кр. ПР., где по ст. 11 ни варяг, ни колбяг не могли укрывать чужую беглую челядь дольше трех дней и то при выдаче ее платили трехгривенный штраф в пользу русского ее владельца (ПРП. Вып. 2. С. 78, 90). Вопрос об эволюции реального содержания возмещения за убийство посла или купца достоин специального внимания нумизматов.

слоя, в нашем договоре был еще слой промежуточный, представленный, например, ст. 15 об охране заложника и попа, возникшей в виде дополнения к ст. 2, в свою очередь записанной позднее древних статей о «мужатых женах».

Едва ли возможно хронологически точно расслоить текст этого договора, но очень важно подчеркнуть, что он имеет за собой глубокую историческую традицию, восходящую к давности русско-византийских договоров; причем если в них византийские и русские нормы права были смешаны, в нашем договоре явно преобладают последние. Объяснение этому надо искать в развитости русского права, в его давней (до появления немецких купцов в славянском Поморье) фиксации в договорах с варягами и колбягами, наконец, в заинтересованности относительно молодого немецкого купечества Любека и других городов в хорошо налаженном и богатом русском рынке.

Посмотрим, какие же главные вопросы регулировал русско-немецко-готско-латинский договор. Прежде всего, это — договор о взаимном праве свободной торговли, вообще говоря, подлежащий подтверждению при каждой смене правителей. Но здесь они лишь формально олицетворяют верховную власть договаривающихся сторон, она отнесена обобщенно к «князю новгороцкъму Новегороде или немецкъму в Немчьх» (ст. 1), хотя понятно, что ни калейдоскопические смены новгородских князей не влекли перезаключений договоров, ни смерть Фридриха I не вызывала необходимости подобного же действия для Готланда или Швеции.

Очень существенно типичное для феодальной раздробленности упоминание договора о том, что другие центры Руси не подлежат его юрисдикции: «Оже тяжа родить в ыное земли в руских городех, то у тех свое тяже прашати, искати Новугороду не надобе, а тяжа на городы, а немчин свободь и новгородци» (ст. 11). Ясно, следовательно, что купцы городов Северной и Западной Европы торговали и в других городах Руси. Наконец, наш документ (как и русско-византийские договоры) содержит ранние иммунитетные нормы посольского права, обеспечивающие личную безопасность послов, купцов, заложников, купеческих священников от убийства, побоев, ареста, долговой тюрьмы и, в меньшей мере, безопасность имущественную. Имеется и статья о правах лоцманов («кормеников»). Нелишне заметить, что этот договор, как и другие нам известные, не включает всех норм, которыми руководствовались стороны: обычно

каждый новый договор подчеркивал то, что считалось актуальным на данный момент, а нормы прежних договоров входили в понятие «старый мир» и сохраняли свою силу, если специально не оговаривалась отмена той или иной из статей.

Чтобы составить себе некоторое представление о жизни купеческих подворий, используем интересный материал, собранный П. Иохансеном относительно церкви новгородской ганзейской конторы. Он привлек (правда, недостаточно оговорив хронологию анализируемых источников) для этой цели шраги. Немецкая церковь св. Петра в Новгороде — это типичная ecclesia mercatorum. Купцы могли складывать в ней свои товары, но предписывалось, чтобы медь, свинец и обычно завернутые в солому куски воска помещались у внутренней стены храма, тогда как бочки с разным добром, мешки с меховыми изделиями, холщевые и суконные штуки должны были стоять у столбов, т. е. во внутренней стороне крытого хода, окружавшего церковь. Купцы и их сотоварищи были обязаны каждую субботу пересчитывать бочки, тюки и мешки, приводить их в порядок и снабжать своим торговым клеймом. Другие части церкви должны были быть свободны, прежде всего церковная лестница и вход. Даже у алтаря можно было класть товар, правда, лишь бочки с вином. Шрагами же предписывалось винные бочки на алтарь не ставить, чтобы не пролились и не загрязнили его. Когда священник начинал службу, то никто из присутствующих не должен был выбегать, всем следовало оставаться до конца мессы. Также во время службы запрещалось трогать товары, передвигать их или другим образом шуметь — это чувствительно наказывалось.

Церковь той поры — это прибежище в случае пожара, ибо большинство других построек немецкого двора, кроме немногих кладовых и погребов, было из дерева[134]. Кроме того, в церкви хранили ларь св. Петра — сундук с привилегиями и пергаментными документами, со шрагами, деньгами и церковными драгоценностями. Даже «Punder» — фунтовые весы с клятвенно выверенными гирями на ночь приносились в церковь. Существовала продуманная система охраны, когда всю ночь кто-то из купцов спал внутри церкви, а сторожа стерегли ее снаружи. Видимо, с началом торговой блокады Руси отношения утратили былую непосредственность, и действовало указание, что

---

[134] *Johansen P.* Die Kaufmannskirche im Ostgebiet // Vorträge und Vorschungen. Lindau; Konstanz, 1958. Bd. IV. S. 500.

«ни один русский не должен был вступать в церковь, даже на первую ступеньку ее лестницы», — оберегалась коммерческая тайна.

На содержание церкви шли 0,25% рыночной стоимости товаров наиболее выгодной категории — зимних купцов, летние платили меньше; шли и другие отчисления. Из немецко-русских договоров знаем, что церковь имела свое кладбище, право на рубку дров и свои луга на Ладоге для купеческих лошадей. Попы приезжали с купцами и зимой, и летом. Они получали твердый оклад из ларя св. Петра и материю на одеяние. Дополнительный доход шел им от письмоводства для частных нужд купцов; официальное же письмоводство было обязанностью священника. Он имел особое жилье, где стояли также весы для серебра. Им возвещалось начало собрания купцов («Steven»), при случае он принимал церковные ключи и вместе со старейшими передавал их перед отъездом всех немецких купцов высшим представителям русской иерархии Новгорода, а именно один — архиепископу, а другой — игумену Юрьевского монастыря. Здесь их могла получить новая партия купцов.

Сравнительно-исторически П. Иохансен установил, что подобный же порядок был и в готландском дворе с церковью св. Олава в Новгороде. А этот двор был, вероятно, древнее немецкого. «Житие св. Олава» позволяет думать, что церковь существовала в XII в.[135]. Сохранилась и руническая надпись, упоминающая улицу Олава в Холмгарде[136].

Едва ли порядки в русских подворьях и церквах в Константинополе, Сигтуне, Висбю, Любеке, Ревеле существенно отличались от только что описанного. Источники более поздней поры вполне подкрепляют этот вывод.

О торговле Руси с другими странами «латинского языка» письменные источники сообщают немного.

Русские меха, несомненно, достигали Франции: и в «Песне о Роланде», и в «Антиохии» (XII–XIII вв.), в стихах Гильома де Пуатье (1071–1127), во многих произведениях Кретьена де Труа (XII в.) называются признаваемые в исторической литературе несомненно русскими собольи меха («sebelin, sabelin, sable») и одежда из них. Вильям Ньюбургский (1136 — ок. 1198) сообщает, что французский король

---

[135] См.: Vita S. Olavi // Monumenta historica Norvegiae / Udg. G. Storm. Kristiania, 1880. P. 143–144.

[136] *Погодин А.Л.* «Внешняя Россия» Константина Багрянородного // Сб. в честь А. Белића. Белград, 1937. С. 81.

Филипп II и английский Ричард I во время Третьего крестового похода запретили носить собольи и беличьи меха[137]. Литературные источники говорят и о тканях, доставляемых из Руси[138]. Дорогие плащи, шелка, русское золото и серебро упоминают французские «Песни о деяниях»; славились во Франции и русские доспехи, а также боевые кони, а выражение «идти в Русь» издревле превратилось во французскую поговорку, означавшую гибельный поход[139].

С другой стороны, на Руси сделаны находки изделий лиможской работы: в Суздале — дарохранительница местного собора; во Вщиже — подсвечник XII–XIII вв.; в Новгороде — оклады, по преданию привезенные Антонием Римлянином; в Ростове — костяная статуэтка, имеющая сходство со скульптурой собора в Шартре[140].

Известна была Русь и Англии. Не случайно в одной из версий о Бове-королевиче (начало XIII в.), описывающей оживленную торговлю английского порта Саутгемптона, упоминаются грузы из Руси: «купцы прибывают из Апулии и Руси, привозящие их великий товар»[141]. И ирландские купцы достигали Руси, судя по существованию их храма св. Марии в Киеве[142]. В английской описи долгов фигурирует (под 1180–1182 гг.) рабби Исаак из Руси. В английских источниках есть документ о русской торговле XI в.[143]. Гервазий, канцлер Оттона IV (XIII в.) родом из Тильбери на Темзе, живший на континенте, говорил о возможности плавания из Британии на Русь через Балтику[144]. На средневековых английских картах Русь помещена к северу от дельты Дуная, на его левобережье[145]. Фламандская торговля сукном, видимо, все же достигала Новгорода[146], наряду с

---

[137] *Дробинский А.И.* Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе // ИЗ. 1948. Т. 26. С. 100, 108; см. также: *Beckmann G.* Beiträge zur Geschichte der Erfindungen. Leipzig, 1800. S. 73. Anm. 105.

[138] *Schultz A.* Das höfliche Leben zur Zeit der Minnessinger. Leipzig, 1889. Bd. I. S. 339.

[139] *Дробинский А.И.* Русь и Восточная Европа. С. 108–109, 114.

[140] *Воронин Н.Н.* Археологические заметки // КСИИМК. 1956. Вып. 62. С. 25–26, 29. 67; *Даркевич В.П.* Произведения западного художественного ремесла. С. 61, 64, 139.

[141] *Дробинский А.И.* Русь и Восточная Европа. С. 109.

[142] MGH SS. T. XXVIII. P. 209.

[143] *Jacobs J.* The Jews in Angevin England. L., 1893. P. 73; Ex Libris de S. Thoma Cantuariensi // MGH SS. T. XXVII. P. 40 (Томас — архиепископ и примас Англии, ум. в 1170 г.).

[144] *Gervasius Tilberiensis*. Otia Imperialia // MGH SS. T. XXVII. P. 371.

[145] *Dvornik F.* The Kiev State und its Relations with Western Europe // Transactions of the Royal Historical Society. IV. Ser. L., 1947. Vol. 29. P. 44.

[146] *Pirenne H.* Draps d'Ypres à Novgorod au commencement du XII siècle // Revue Belge de Phil. et d'Hist. Bruxelles, 1930. Vol. 9. № 2. P. 563.

английскими купцами уже в XI в., зачастую под названием фризских, плавали на Русь и нидерландские купцы[147].

Яркий свет на эту мозаичную картину проливают материалы нумизматики, недавно обработанные В.М. Потиным. На Руси при отсутствии серебряных рудников первостепенное значение имела иноземная монета — восточные дирхемы (до 20-х годов XI в.)[148], западноевропейские денарии, византийские милиарисии[149]. Напрашивается вывод, что смена в XI в. потока восточных дирхемов в нашу страну потоком западных денариев, как бы мы ни оценивали ее причины, позволяет говорить о возрастающих экономических связях Руси с другими странами Европы. Это, понятно, надо сопоставить с развитием городского ремесла и расширением экспортных возможностей страны.

На массовом материале В.М. Потин установил, что денарии шли на Русь с середины X до начала XII в., что область распространения и поглощения наибольшей массы и арабских монет и денариев почти полностью совпадает. Это — Польша, Швеция (с о. Готланд), Русь и Восточная Прибалтика. Основными экспортерами сюда серебра в X–XI вв. были Германия (74% всех найденных вне ее пределов монет) и Англия (соответственно 22%)[150]. Монетное серебро экспортировали страны, его добывавшие, а ввозили другие страны по внутриэкономической потребности.

В Руси из 199 находок западноевропейских монет (из них 57 — в кладах) наибольшее число падает на земли Новгородскую (с вассальными землями), Полоцкую (тоже с вассальными землями), Смоленскую, Ростово-Суздальскую, Рязанскую, меньше — на Галицкую, Переяславскую, Черниговскую. В целом денарий был известен в Верхней Руси лучше, чем в Нижней[151].

---

[147] *Widera B.* Die wirtschaftlichen Beziehungen zwischen Deutschland und der Kieven Rus. S. 37–38.

[148] *Потин В.М.* Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в. // Международные связи. С. 104.

[149] *Потин В.М.* Экономические связи древней Руси по материалам кладов западноевропейских монет. Автореф. дисс. к.и.н. Л., 1961. С. 4; *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы. С. 161–162; *Lewicki T.* Z dziejów pieniadza arabskiego // Archeologia. Warszawa, 1949. T. III. S. 224–229, 236–238.

[150] *Потин В.М.* Экономические связи. С. 7.

[151] *Потин В.М.* Находки западноевропейских монет на территории Древней Руси // Нумизматика и эпиграфика. М, 1962. Т. 3. С. 187, 190; *Потин В.М.* Экономические связи. С. 9.

Причину этого автор видит в локализации серебряных рудников в Северной Германии. Замечу, что так как Нижняя Русь торговала не менее интенсивно, чем Верхняя, понятна заинтересованность ее князей в получении серебряных печерских и других даней — несомненно бывших нарастающим источником благородных металлов на Руси[152].

Находки денариев позволяют говорить о связях Руси X–XI вв. даже с Прирейнским районом — Нижней Лотарингией, Верхней Лотарингией и Фризией. Но наиболее распространены у нас были кёльнские монеты (936–1036). Минуя Скандинавию, шли на Русь монеты Саксонии, Восточной Фрисландии; есть и монеты из Баварии (Регенсбург Аугсбург), Франконии (Майнц, Вормс и др.), Швабии (Базель) и др. Находятся и денарии императора Генриха V и др.[153]. Среди денариев видим и венгерские — Иштвана I (1000–1038), Кальмана (1095–1114), Иштвана II (1115–1131), и чешские — Яромира (1003–1004–1012), Олдржиха (1012–1034), и датские — Кнута Св. (1080–1086), и английские (до 1066).

Торговые связи Руси со Скандинавией отражены нумизматикой главным образом до второй четверти XII в.[154]; арабские монеты, шедшие через Русь в другие страны Европы, занесены в Норвегию, Швецию и Готланд. Сравнительно большой процент норвежских и шведских денариев при относительно слабом развитии монетного дела в Скандинавии[155], поступал скандинавским торговым путем в потоке европейских денариев.

Но этот скандинавский приток не идет ни в какое сравнение с балтославянским, который был несравнимо сильнее. Из балтийского Поморья денарии шли на Русь, перемещаясь с рынка на рынок, часть из них попадала из Чехии по водному пути Западный Буг–Припять[156].

В.М. Потин полагает, что эти монетные клады — прямые следы деятельности не иноземных купцов, а главным образом местных, они — памятники современного денежного обращения, поэтому подавляющее большинство кладов и обнаружено на территории или

---

[152] Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 94–100.

[153] *Potin V.* Seltene Münzen // Hamburger Beiträge zur Numismatik. 1963. H. 17. S. 483–493; *Потин В.М.* Причины прекращения. С. 84, 91; *Потин В.М.* Некоторые вопросы торговли Древней Руси. С. 75–76.

[154] *Потин В.М.* Причины прекращения. С. 87.

[155] *Потин В.М.* Некоторые вопросы торговли. С. 73.

[156] *Потин В.М.* Экономические связи . С. 11; *Потин В.М.* Дегтянский клад денариев сер. XI в. // Тр. Гос. Эрмитажа. Л., 1961. Т. 4. С. 23–29.

вблизи поселений. Это клады, зарытые богатыми феодалами и русскими купцами[157]. По мнению В.М. Потина, монетные клады даже не столько отражают экономические связи с другими странами, а «в большинстве своем отражают историю местного денежного обращения»[158]. Я думаю, что они отражают и то и другое.

Среди многих тысяч иностранных, и прежде всего германских монет, в древнерусских кладах найдено лишь 15 экземпляров французских и 16 итальянских денариев. Но, примечательное дело, в других странах их найдено еще меньше. Рядом с Русью можно поставить в этом отношении только Польшу (7 французских монет); итальянских монет на Польшу, Поморье и земли между Одером и Эльбой приходится больше 120, но в прочих странах их меньше, чем на Руси. Видимо, и франко-итальянская монета шла к нам по славяно-поморскому торговому пути. Чья это монета? Французская — из города Лана и зятя Ярослава Мудрого короля Генриха I; итальянская — Павии, Вероны, Милана, вероятно, Беневента.

В начале XII в. ввоз денариев, прежде всего из Германии, сменился импортом слитков, который более соответствовал интересам стран-импортеров, ибо пестрота и запутанность денежных систем наступившей феодальной раздробленности как бы нейтрализовалась вывозом этого особого вида товара, получившего в источниках название marca argenti — равнозначная гривне серебра[159].

Перемена объясняется и существенными изменениями в характере международной торговли с XII в., когда в движение приходят гораздо большие массы товаров; кроме предметов роскоши, характерных для раннего периода, в обороте растет удельный вес сырья, продуктов первой необходимости[160], развитие международной торговли сопровождается усилением значения водных путей и сухопутных дорог. Перемену в денежном обращении хорошо иллюстрирует пример поэтического преувеличения, содержащегося в сочинении Рудольфа из Эмса «Добрый Герхард» (XIII в.), чей герой — кёльнский купец, отправляясь в торговую поездку, одной из целей которой была Русь,

---

[157] *Потин В.М.* Экономические связи. С. 11; *Потин В.М.* Причины прекращения. С. 105.

[158] *Потин В.М.* Находки западноевропейских монет. С. 185.

[159] *Потин В.М.* Экономические связи. С. 15–16; *Потин В.М.* Причины прекращения. С. 84–115, 98, 101.

[160] *Потин В.М.* Причины прекращения. С. 88.

берет с собой 50 тыс. марок серебра[161]. Эволюционирует и состав казны: не случайно волынский Владимир Василькович перелил драгоценности в слитки-гривны[162], понятен и интерес к вопросам плавки серебра в русско-немецких договорах[163].

Переход к внешней торговле на слитки сопровождался в Западной Европе выпуском во второй четверти XII в. брактеатов, тонкой монеты с односторонним штампом, пригодной лишь для внутреннего обращения. Но они проникали на Русь, — тому свидетельство клад в Поднестровье, близ Хотина, датируемый 1225–1230 гг.[164]. При этом в большинстве своем брактеатами, как и денариями, представлены центры Германии, уже знакомые нам по разного рода связям с Русью. В этом же кладе найдены чешские монеты Пржемысла–Оттокара I (1197–1230) и венгерские Шаламона (1063–1074), чьи связи с Русью известны. Все это обилие монет из земель, имевших давние дипломатические отношения с Русью, — не случайность, видимо, в средние века торговля была рулевым дипломатии. Руси был присущ активный внешнеторговый баланс[165].

Начало крестового похода на Русь и подвластные ей народы сопровождалось попытками дезорганизовать эти веками складывавшиеся торговые отношения, разорвать договоры, осуществить блокаду славянобалтийских земель. Эта безумная идея была выдвинута папской курией и нашла свое выражение в серии булл, запрещающих торговлю с язычниками Прибалтики (пруссами, литовцами, латышами, эстонцами, финнами, карелами) и «схизматиками»[166] Руси, в первую очередь такими товарами, как оружие, железо, соль и др.

Но сломать торговлю с Русью не удалось. Напротив, торговля стала важным фактором, использованным русскими дипломатами для стабилизации политических отношений. Торговля оказывалась сильнее войны и немецкие, шведские, датские купцы, деятельно поддерживая усилия крестоносцев, не порывали торговли с Русью,

---

[161] *Rudolf von Ems.* Der gute Gerhard / Hrsg. von M. Haupt. Leipzig, 1840. S. 42. V. 1176–1177, 1195–1196; *Nolte P.* Der Kaufmann in der deutschen Sprache und Literatur des Mittelalters. Göttingen, 1909. S. 31; *Потин В.М.* Причины прекращения. С. 97.

[162] ПСРЛ. Т. II. Стб. 914.

[163] ПРП. Вып. 2. С. 66; *Потин В.М.* Причины прекращения. С. 112.

[164] *Потин В.М.* Клад брактеатов из Поднестровья // Нумизматика и сфрагистика. М., 1963. Т. I. С. 118.

[165] *Данилова Л.В., Пашуто В.Т.* Товарное производство на Руси. С. 122; *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы. С. 184–186.

[166] Diplomatarium Suecanun. Stockholm, 1829. Т. I. № 206 (1221 г.), 250, 258 (1229 г.), 254 (1230 г.).

а когда убедились в провале похода, то возобновили с ней старые договоры. В разгар крестоносного натиска были заключены договоры Новгорода и Пскова с Ригой епископа Альберта (1199–1229) и Орденом магистра Волквина (1209–1236); в пору измены псковских бояр Псков заключил особый договор (1228 г.) с Ригой и Орденом[167] — оба эти договора содержали, понятно, и торговые статьи, как и новгородско-немецкий договор 1234 г.

Мы ничего не говорили о давних внешнеторговых связях Смоленска, Полоцка и Витебска. Между тем, вторжение крестоносцев обнаружило, что с интересами этих центров им необходимо считаться. Уже в 1210 г. Рига заключила первый договор с Полоцком[168] (вероятно, на основе древних полоцко-немецких грамот, «как было при первых князьях полочскы[х]»[169]), в котором, видимо, участвовал и Смоленск; в 1223 г. после битвы на Калке договор был возобновлен[170]. Смоленско-немецкая торговля тоже шла издавна и там, как и в Полоцке, надо предполагать существование немецкого подворья: ведь не случайно «Лудольф из Смоленска» фигурировал в 1210 г. как член полоцкого посольства в Ригу[171].

Яснее всего и давность, и объем, и современные крестовому походу на Русь условия торговли выступают в договоре 1229 г.[172]. Он заключен от имени смоленского князя Мстислава Давыдовича и действие его распространялось на Полоцк и Витебск (ст. 37) (которые выступали в своеобразном союзе) и на едущих через Смоленск русских вообще; с другой стороны выступали власти Риги, Ордена и Висбю и действие договора распространялось и на других латинян, посещавших Русь (по готландскому противню — аутентичной копии договора: «и всему латиньскому языку, кто то у Русь гостить»). В составлении договора участвовали с русской стороны Тумаш Михалевич, а с немецкой — рыцарь Рольф из Касселя; послухами выступали «латинские купцы» из «Римского царства».

---

[167] LUB. Bd. I. № 410; НПЛ. С. 66. Ср. известие о подвозе немецкими купцами зерна и муки в Новгород (НПЛ. С. 71: 1231 г.).

[168] ГЛ. XIV. 9.

[169] Слова из полоцко-немецкого договора 1264–1265 гг. (РЛА. № XXV, а, в).

[170] ГЛ. XXVI. 2; *Бережков М.* О торговле русских с Ригой в XIII и XIV вв. // ЖМНП. 1877. Ч. 189. Февраль. С. 333.

[171] ГЛ. XXVI. 1.

[172] ПРП. Вып. 2. С. 54–97; о проекте договора см.: *Усачев Н.Н.* К оценке западных внешнеторговых связей Смоленска в XI–XIV вв. // Международные связи. С. 210.

Их состав освещает круг торговых контрагентов Руси, включавший помимо Риги и Висбю, также Любек, Сест, Мюнстер, Гренинген, Дортмунд, Бремен. Это круг городов-завоевателей, готовых надеть на шею Руси золотое ганзейское ярмо. Но договор свидетельствует, что Русь продолжала сохранять свои исконные права на Балтийском море и что сама юридическая основа договора, перекликаясь с уже известными нам памятниками этого рода восходит к нормам древнерусского права.

Договор восстанавливает мир («розлюбье на сторону») и обеспечивает взаимную безопасность, во-первых, послов, священников (по ст. 3 рижской копии — 20 гривен серебра за убийство), во-вторых, свободных людей (по ст. 1 — 10 гривен), наконец, рабов (по ст. 1 — 1 гривна); он включает также нормы возмещения за членовредительство (ст. 2) — глаза, руки, ноги (5 гривен), зуба (3 гривны), за побои (ст. 3) «деревом» до крови и синяков, за раны без увечья (1½ гривны), за избиение холопа (¼ гривны), за удар по уху (¾ гривны). Усложнены в сравнении с известными нам договорами, нормы, охраняющие честь женщины от посягательств иноземца: жены (ст. 11) — 10 гривен, незамужней (ст. 12) — 5 гривен, сомнительной нравственности — 1 гривна, рабыни — 1 гривна.

Договор охраняет купца от судебного произвола властей чужой страны — от ареста (в железо, в дыбу, в погреб) (ст. 4), от незаконного задержания (по ст. 13 кто его «свяжеть без вины» платится 3 гривнами); для облегчения судопроизводства устанавливается смешанное (русско-немецкое) свидетельствование (ст. 8), запрещается (ст. 9) насильственное применение ордалий (каленое железо) и поединка (ст. 10); гарантируется невмешательство во внутреннее судопроизводство иностранных купеческих корпораций, включая возникающие там поединки на мечах и копьях; запрещается принудительное использование иноземных купцов в военных мероприятиях (ст. 32); договор упрощает для иноземного купца судопроизводство, вводя окончательное решение в первой инстанции (ст. 34). Договор обеспечивает право свободной торговли — беспошлинно (ст. 31) продавать (ст. 19) и покупать (ст. 30) товары. Правда, иноземные купцы в Смоленске были несколько ограничены в этом праве, обязанные платить весчую пошлину с товаров вообще (ст. 24), а также с покупки золота (ст. 25), серебра (ст. 27) и смоленских серебряных сосудов особенно (ст. 26), а также — с переплавки серебра (ст. 28), о которой мы говорили выше в связи с торговлей на гривны.

Купцу давалось право свободного транзита товара в другой город (ст. 20)[173], причем русский купец мог «пойти с Готьского берега в Немецьскую землю» в Любек, стоявший на впадавшей в Одру реке Травне (ср. ст. 23: «и[ли] в которомъ городе в[ыном] Немецьском»); особо отмечено, видимо, нарушавшееся Орденом право беспошлинного свободного плавания русских по Западной Двине в море (ст. 36); предусматривалась нерасторжимость сделок купли-продажи, если проданный товар выносили из двора продавца или вносили во двор покупателя (ст. 21); поддерживая принцип частной собственности, договор (ст. 33) санкционирует любую расправу купца с вором, захваченным на месте кражи его товара. Договор охраняет право иноземного купца-кредитора на первоочередное возмещение за данный им товар перед другими кредиторами (ст. 5) и даже органами власти страны (ст. 6); при возникновении гражданско-правовых споров обеспечивается посредничество местной судебно-административной власти (ст. 14) с участием старосты купцов-иноземцев (ст. 22); суд над должником производился по закону (Правде) данного города (ст. 23); смешанный суд по праву нескольких городов запрещался (ст. 21).

Специальные статьи посвящены волоковой службе — переброске людей и товаров на телегах с притоков Западной Двины на Днепр; в тогдашних условиях — при частых нападениях Литвы (ст. 15) на этот район — было важно быстро пройти волок, за что отвечал «волочскый тивун» со своими людьми. Если ехал смешанный караван судов, то жребий решал, чей товар идет вперед — смоленский или немецкий (ст. 16), но купцы других земель и стран должны были ждать («Аще иный будет гость Рускый, тому пойти позаду; Аже будуть людие из иное земле, тех после вести»). Волочане отвечали за сохранность перевозимого товара (ст. 18). Достигнув благополучно Смоленска, иноземные купцы дарили княгине отрез (постав) плотнотканого холста, а волоцкому тиуну, если быстро доставил груз, «рукавице пьрстаты готьские» (ст. 17).

Договор отвергал (ст. 37) береговое право, провозглашал неприкосновенность лодий, людей, товаров и право найма при послухах потерпевшими крушение работников в помощь («наимуи при послусех» и даст за работу, «што будет сулил им найма»)[174]. Наконец, договором предусмотрен порядок хранения, использования и исправления эталo-

[173] Судя по смоленско-немецкому соглашению 1230–1270 гг., осуществление этого права зависело от усмотрения князя.

[174] См.: *Клейненберг И.Э.* К вопросу о существовании. С. 158–161.

нов веса и в городе (ст. 29), и на волоке (ст. 35). Эталоны в Смоленске (как и в Новгороде) имелись в двух экземплярах — в городском соборе и в латинской немецкой церкви Богородицы на иноземном подворье. При порче один из них исправляли с помощью другого.

Так торговали города Верхней Руси накануне монгольского нашествия.

Киев этот — «соперник Константинополя» и «прекраснейшая жемчужина греческого культурного мира»[175], в начале XI в. имевший 8 рынков и 400 церквей[176] — был одним из крупнейших городов средневекового мира, сюда многие приходили «от Грек и инех земль» и «держава самовластна» его князей и в конце XII в. была «не токмо в роускых концех ведома, но и сущим в море далече»[177]. Хорошо известны статьи о внешней торговле древнерусского законодательства; внимания к гостям требовал и Владимир Мономах[178]. Борьба княжеских группировок пагубно сказывалась на экономике страны, что хорошо видно по судьбе Киева. Разорение Киева войсками Андрея Боголюбского (1169 г.) даже в суздальской летописи охарактеризовано, как разгром и Подола и Горы; да, говорит летописец, «напасти были и взятия», но «такого же зла не было» над Киевом от самого крещенья[179], как поступил Андрей с иноземными купцами, не знаем, но последующие события заставляют думать, что им пришлось туго.

Когда в 1174 г. черниговский Святослав Всеволодович вытеснил из Киева Ярослава Изяславича, ограбив его, последний, вернувшись в Киев, обвинил во всем киевлян, замыслил им «тяготу» и заявил: «примышляйте, чим выкупити княгиню и детя; онем же не умеющим, что отвещати ему» и тогда князь «попрода весь Кыев, игумены, и попы, и черньце и чернице, латину и госте и затвори все кыяны»[180]. Текст не очень ясный, но, видимо, князь возложил на Киев большой окуп, задевший и русских, и иноземных купцов.

Еще один пример приходится на 1202 г., когда смоленско-овручский Рюрик Ростиславич вместе с Ольговичами и заволжски-

---

[175] *Adam Bremensis*. Lib. II. Cap. XXII. P. 80.

[176] Kronika Thitmara. Lib. VII. Cap. 32; цифра не такая уж фантастическая — ср.: ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 293 (1124 г.).

[177] Жития Бориса и Глеба // Памятники древнерусской литературы. Вып. 2; ПСРЛ. Т. II. Стб. 713.

[178] ПРП. Вып. 1. С. 11–112; ПВЛ. Ч. I. С. 158.

[179] ПСРЛ. Т. I. Стб. 418; Т. II. Стб. 545.

[180] ПСРЛ. Т. II. Стб. 579.

ми половцами («вся Половецкая земля») Кончака и Данилы Бяковича берут Киев «на щит» и грабят все без разбора — «а кого дойдет рука»), даже монахов и попов «ведоша в поганыя». Пострадали и многочисленные иностранные купцы: «а что гости иноземьця вьсякого языка», которые затворились в церквах, то «въдаша им живот», но их «товар» разделили с половцами «на полы»[181]. Наконец, в 1235 г. при захвате Киева черниговским Михаилом Всеволодовичем и северским Изяславом Владимировичем они «на немцих (т. е. иностранных купцах. — *В.П.*) имаша искуп»[182].

Следовательно, в Киеве все время пребывали многочисленные иноземные купцы (латина, немци, гости), здесь были их подворья, улицы, кварталы, подобно тому как их имели евреи, хазары, армяне[183].

Доминиканцы владели в Киеве храмом св. Марии и были под покровительством папы; их изгнали отсюда в 1233 г. Монастырь ирландцев просуществовал до монгольского нашествия; он находился под юрисдикцией венского аббата[184]. Иностранцы имели дипломатический иммунитет, нарушение которого упоминается летописью, как событие чрезвычайное. Их позиции были так устойчивы, что Плано Карпини, посетивший Киев после монгольского разорения в 1245 г., еще застал там купцов из Польши, Византии, Австрии, Генуи, Венеции, Пизы, Акры и, по-видимому, Франции. С ним вместе сюда ехали купцы из Вроцлава[185]. Видимо, они старались либо ликвидировать дела, либо установить новые контакты и с Русью, и с разорившей ее Золотой Ордой.

Возрождение экономики страны и ее внешней торговли связано с процессом образования Русского централизованного государства, и рассмотрение его выходит за пределы этой статьи.

II. ТОРГОВЛЯ РУСИ СО СТРАНАМИ АЗИИ

Обширные территории восточнославянского мира издревле имели тесные торговые связи с народами Кавказа, Закавказья, Средней Азии, Ирана и других стран Передней Азии. Истоки этих связей уходят во тьму веков, но археологические и прежде всего монетные

---

181 НПЛ. С. 45; ПСРЛ. Т. XXV. С. 100.

182 НПЛ. С. 74; в ПСРЛ. Т. II. Стб. 777 этого известия нет.

183 Патерик. С. 93–95; ПВЛ. Ч. I. С. 39 (945 г.); *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. 1. С. 124, 215–217, 448.

184 HRM. Т. I. С. 35; MGH SS. Т. XXVIII. P. 209.

185 *Иоанн Плано Карпини.* История монголов. СПб., 1910. С. 62.

находки показывают, что уже с появлением на страницах истории восточные славяне вместе с другими народами Восточной Европы торговали с Сасанидским Ираном, и с Арабским халифатом, и с государственными образованиями, возникшими на его развалинах. Эти связи не уменьшились и в пору Древнерусского государства. Несмотря на то, что находки монет, привезенных с Востока, резко сокращаются с конца X в., теперь уже письменные источники позволяют утверждать, что торговые сношения Руси с восточными странами не исчезают и не теряют своего значения ни для самих русских земель, ни для северо-западной Европы. Причины резкого сокращения находок восточных монет на Руси коренятся, таким образом, не в сокращении и тем более не в упадке русско-азиатской торговли, но, вероятно, в каких-то пока еще неясных изменениях в самом характере этой торговли. Некоторую роль сыграл здесь, по-видимому, и приток на Русь западноевропейских денег, а также увеличение уже на протяжении X в. особенно в Нижней Руси торгового оборота со странами Европы и Византией.

Древнерусское государство было связано со странами Азии прежде всего по бассейнам Каспийского и Черного морей и впадающих в них Волги, Дона и Днепра. Великий Волжский путь с незапамятных времен являлся артерией восточноевропейской торговли с Кавказом и странами Азии. По этому пути со странами востока торговала главным образом Верхняя Русь. Однако это не исключало связей по Волге с востоком и земель Нижней Руси. Уже путь Ибн Хордадбеха (IX в.) свидетельствует о торговле этой части Руси по Волге[186]. Наличие в арабских дорожниках X в. торгового пути между Булгаром и Куйабой (Киевом)[187] также говорит в пользу общерусского значения Волжского торгового пути.

Торговые пути из Верхней Руси, северных областей Восточной Европы (стран народов вису и югры), а также, вероятно, через Рязанскую землю и из Киева сходились к городу Булгару, расположенному недалеко от впадения Камы в Волгу. Булгар — столица Волжской Булгарии, являлся в IX–XIII вв. важнейшим торговым центром севера Восточной Европы. Здесь в 921/922 гг. встречался с русскими

---

[186] *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 384–387.

[187] *ал-Истахри.* Китаб масалик ва-л-мамалик // BGA. Lugduni Batavorum, 1870. T. I. P. 227.

купцами участник халифского посольства Ибн Фадлан[188]. Русские купцы привозили сюда меха, мед, воск и особенно рабов — этот ходкий товар на восточных рынках того времени. Во Владимире-на-Клязьме видим «Волжские» ворота; здесь была и речная пристань галер[189]. С юга и юго-востока в Булгар прибывали восточные купцы. Они привозили ткани, украшения и другие изделия ремесел, оружие и деньги, серебряную монету восточных стран. По-видимому, обычно восточные купцы дальше Булгара на север и северо-запад не ездили и передавали здесь торговую эстафету местным булгарским и русским торговцам. Арабские монетные клады подтверждают значение Волги в русской торговле с халифатом. О том же свидетельствует археология[190].

Впрочем, бывали исключения и, вероятно, чем ближе к нашему времени, тем более частые. Так, испано-арабский купец XII в. Абу Хамид ал-Гарнати, единственный известный нам по имени арабский торговец домонгольского времени, оставивший краткий отчет о своих странствованиях по Восточной Европе, из Булгара по «Нахр ас-сакалиба» («Славянской реке»), направился в землю славян и побывал в одном из русских городов, который он называет «Мединат ас-сакалиба» («Славянский город») или Гуркуман[191]. Из текста ал-Гарнати неясно, что нужно понимать под Славянской рекой и г. Гуркуманом. Большинство современных исследователей видят в реке Оку, а в городе Киев[192], хотя этой рекой можно определенно считать и Верхнюю Волгу, а под Гуркуманом вполне может скрываться искаженное название одного из городов Верхней Руси. В этом Гуркумане ал-Гарнати встретил купца из Багдада[193].

Из Булгара на Восток ездили двумя путями. Один из них по суше вел на Яик и далее через степи и полупустыни нынешнего Казахстана в Хорезм. По этому пути прибыло в 921/922 гг. посольство из Багдада в Булгар, участником которого был знаменитый Ибн Фад-

---

[188] *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана. Харьков, 1956. С. 141–146.

[189] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 463; *Воронин Н.Н.* Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. // ВВ. 1965. Т. 26. С. 197.

[190] *Корзухина Г.Ф.* Русские клады. С. 34; *Фехнер М.В.* Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XII в. // Международные связи. С. 46–54.

[191] Abu Hamid el Granadino y su relacion de viaje por tierras Eurasiaticas. Madrid, 1953. P. 22–25 (арабский текст; далее — ал-Гарнати).

[192] *Hrbek J.* Arabico-Slavica // Archiv orientalni. Praha, 1955. T. XXIII. № 12. S. 119–120.

[193] ал-Гарнати. P. 26 (арабский текст).

лан. По-видимому, значение этого пути выросло в XII — начале XIII в. в период усиления державы хорезмшахов.

Восточные источники сохранили нам списки товаров, которые везли из Восточной Европы в Хорезм и далее в Среднюю Азию, Хорасан и другие страны. На одном из первых мест здесь стоят славянские рабы, которые покупались восточными владетелями и входили потом в состав их гвардий гулямов, наряду с половцами и представителями других народов. Другим важнейшим предметом вывоза через Булгар в Хорезм были различного рода меха: черных и красных лисиц, соболей, куниц, бобров, горностаев[194]. Лучшие меха вывозились, в частности, и из русских земель[195]. Попадал в Хорезм и русский лен и, наконец, выделанная кожа, именуемая в источнике того времени русским названием «телятин»[196].

Другой не менее важный торговый путь из Булгара шел вниз по Волге. Этот путь был двоякого рода — сухопутный вдоль реки и на судах по Волге. Первый отнимал около месяца. Им пользовались чаще всего, вероятно, с заездом в прилегающие к Волге области буртасов, также в те времена чрезвычайно богатые разнообразной пушниной. По Волге вверх от устья до Булгара плыли около двух месяцев, а вниз спускались за 20 дней[197]. В устье Волги, называвшейся тогда чаще всего Итилем, а в X в. и Русской рекой[198] стоял до разгрома его руссами Святослава в 60-х гг. X в. хазарский столичный город Итиль или Хамлых. Здесь был следующий транзитный торговый пункт, на этот раз в конце Волжского пути.

В Итиле существовали в IX–X вв. особые славянские и русские колонии с постоянным населением. Эти колонии пользовались большими правами и даже имели своих особых судей[199]. В Итиле же существовали и мусульманские, и еврейские кварталы. Хазарская столица являлась местом постоянных торговых контактов восточных, русских и булгарских купцов. Разрушение Итиля не привело к упадку тор-

---

194 *ал-Истахри*. Китаб. С. 221, 305; Opus geographicum auctore Ibn Haukal // Liber imaginis terrae. Lugduni Batavorum, 1938–1939. T. II. Fasc. 1–2. С. 482 (арабский текст; далее — Ибн Хаукаль); *ал-Мукаддаси*. Ахсан ат-такасим фи Ма'рифат ал-акалим // BGA. Lugduni Batavorum, 1877. T. III. С. 324–325 (арабский текст).

195 Ибн Хаукаль. Т. II. С. 392.

196 Сурат ал-акалим ас-саб'а / Архив Института народов Азии. А-253. л. 206, б (перс. текст).

197 *ал-Истахри*. Китаб. С. 227.

198 Ибн Хаукаль. Т. I. С. 13.

199 *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 193–194.

говой роли устья Волги. Вскоре здесь возник новый город Саксин. Население его состояло из тех же хазар, а также из булгар и гузов. Политически Саксин, по-видимому, зависел от Булгарии. Здесь, как и в прежнем Итиле, жили многочисленные восточные купцы не только из Средней Азии, Ирана и ближнеарабских стран, но и из далекого Магриба (Северной Африки) и Испании[200]. Саксин, как и Итиль, был ключевым торговым пунктом в Восточной Европе. Он был хорошо известен, в частности, в Крыму и в Малой Азии[201].

Из устья Волги шел морской путь вдоль западного берега Каспийского моря. Его начальным пунктом являлся Итиль (Саксин), а конечными — города Табаристана и Гургана — Амоль и др. В XII в. ежегодно между Саксином и Амолем плавало до 400 судов[202]. Если учесть более поздние сведения о преобладании на Волге русских кораблей[203] и свидетельства о поездках русских купцов в Южный Прикаспий, то можно предположить, что значительная часть торговых судов на Каспии была, наряду с булгарской, русской, тем более, что у хазар флота на море, кажется, не было[204]. В пользу этого говорят и морские военные походы руссов на Каспии X–XI вв. Непосредственно о русских судах у г. Амоля упоминает автор XI в. Бейхаки[205].

Из устья Волги суда плыли к хазарскому городу Семендеру, который был расположен, вероятно, где-то в Северном Дагестане[206]. Семендер разрушен руссами при Святославе и больше не возродился; его роль перешла к Дербенту, чье торговое значение было и до этого велико: здесь находился в средние века крупнейший невольничий рынок на Каспии.

Далее путь шел к Баку, откуда южнее по Куре можно было подняться к Бердаа и к Тифлису или проплыть дальше в богатый шелковыми тканями Гилян и затем — к Амолю. Из гилянских городов попадали в крупнейший город Южного Азербайджана Ардебиль и далее во все более растущий Тебриз. Из Амоля и гурганских городов ехали в г. Рей

---

[200] *ал-Гарнати*. Р. 5 (арабский текст).

[201] *Ibn-i Bibi*. el-Evamirü'l-alaiyye fi'lumuri'l-alaiyye. Ankara, 1956. S. 314 (перс. текст).

[202] *Ибн Исфендийар*. Тарих-е Табаристан. Тегеран, 1941. Ч. II. С. 89 (перс. текст).

[203] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 63.

[204] *Минорский В.Ф.* История Ширвана. С. 195–196.

[205] *Абу-л-фазл Бейхаки*. История Мас'уда. Ташкент, 1962. С. 410.

[206] *Validi Togan A.Z.* Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1939. S. 298.

(около нынешнего Тегерана), который в IX–X вв. являлся крупнейшим складочным пунктом Ирана[207], или в города Хорасана. Сами русские купцы достигали в IX в. Багдада, но товары Руси через посредство арабских и иранских купцов попадали и в Кабул, и в Хамадан, и в города южного Ирана. Во все эти места доставлялись русская пушнина, рабы, рыба, воск, мед, лен и другие традиционные северные товары[208].

Нижняя Русь была связана с восточными странами тем же Волжским путем, что и верхнерусские земли. Согласно арабским географам путь от Киева до Булгара составлял в IX–X вв. около 20 переходов[209]. Не менее важный путь по Дону, упомянутый еще Ибн Хордадбехом, вел из Нижней Руси и на Нижнюю Волгу к хазарской столице Итилю. Ездили из Киева и Чернигова на Волгу и по Донцу — Дону — Переволоке. Однако для Нижней Руси существовала и другая, в XI–XII вв. более удобная и безопасная дорога на Восток, а именно через крымские и, вероятно, восточночерноморские города к портам Малой Азии и в первую очередь крупнейшему из них — Трапезунду.

По-видимому, в XI в. в период существования русского Тмутараканского княжества на Таманском полуострове основная черноморская торговля с Малой Азией и Западным Кавказом проходила через Тмутаракань (Матарха или Матрига). В XII в. Таманский полуостров, по-видимому, с 20–30-х гг. был потерян для Руси. В 40–50-е гг. XII в. в Тамани правила какая-то княжеская династия абхазского происхождения[210]. Русское влияние в Крыму росло в XII–XIII вв. Ведь еще в XIII–XIV столетиях значительную часть населения крымских городов составляли русские[211]. Не случайно в Крыму XII в. в районе Керчи существовал город Русийа, о котором упоминают и восточные, и византийские, и итальянские источники[212]. Известно, что в 40–50-е гг. XII в. этот город находился во враждебных отношениях с абхазским князем в Матархе[213].

---

[207] *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 385.

[208] *ал-Истахри.* Китаб. С. 221, 223–224, 263, 281; Ибн Хаукаль. Т. II. С. 302, 482; *ал-Мукаддаси.* Ахсан. С. 242, 368, 386, 395–396.

[209] *ал-Истахри.* Китаб. С. 227.

[210] La Géographie d'Edrisi / Traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la bibliothèque du roi et accompangnée de notes par P.A. Jaubert. P., 1840. T. II. P. 395.

[211] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов. Т. I. С. 63.

[212] La Géographie d'Edrisi. P. 400–401; *Брун Ф.* Черноморье. Одесса, 1879. Ч. I. С. 196–199; *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе // ИЗ. 1938. Т. 3. С. 74–79.

[213] La Géographie d'Edrisi. P. 400–401.

Крупнейшим торговым центром в Крыму в XII–XIII вв. являлся город Согдак (итальянское Солдайа, русское — Судак). Название этого города иранского (аланского) корня и среди жителей его были половцы, аланы, русские, треки, армяне, итальянцы. Именно через этот город шла в XII — начале XIII в. основная торговля с Трапезундом. По-видимому, корабли плыли вдоль черкесского, абхазского и грузинского берега, и торговый ареал Согдака и Трапезунда включал все восточное побережье Черного моря. Еще ал-Масуди в X в. отмечал торговлю между Трапезундом и народом кашак (адыги, ср. русск. *касоги*)[214]. Именно из Трапезунда осуществлялись торговые связи с Крымом и далее с Половецкой степью и Русью. Основные товары — это те же рабы, меха, русский лен.

В условиях частых войн и усобиц среди князей (русских, половецких, кавказских) существовало, по-видимому, неписаное правило свободного прохода купеческих караванов. Во всяком случае, ограбление малоазиатского купца где-то на Руси или в Половецкой степи около 1220 г. после жалобы пострадавшего сельджукскому султану явилось поводом к специальной морской экспедиции эмира Чобана на Судак[215].

Русские купцы в XII — начале XIII в. были обычными посетителями Согдака и других черноморских портов. Достаточно вспомнить свидетельство Ибн ал-Асира о бегстве знатнейших русских купцов и богатых людей на кораблях в Малую Азию после известия о печальных результатах сражения на Калке[216].

Но связь через Трапезунд не ограничивалась Малой Азией. Торговый путь вел в Армению через Эрзерум, далее на Тебриз и Мосул в Верхнюю Месопотамию и Западный Иран. Вероятно, именно этим путем получали восточноевропейские товары жители г. Хамадана[217].

Как попадали русские купцы в Египет сказать трудно, но их пребывание там в Александрии засвидетельствовал еврейский путешественник XII в. Вениамин Тудельский[218]. Скорее всего, они попадали туда через Константинополь и византийские владения. По-видимому,

---

[214] *Минорский В.Ф.* История Ширвана. С. 206.

[215] *Ibn-i Bibi.* el-Evamirü'l-alaiyye fi'lumuri'l-alaiyye. P. 300–333.

[216] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов. Т. I. С. 27.

[217] *Ибн ал-Факих.* Мухтасар Китаб ал-булдан // BGA. V. Lugduni Batavorum, 1885. С. 235 (арабский текст).

[218] Три еврейских путешественника. С. 138; *Мельгунов П.П.* Очерки по истории русской торговли IX–XVIII вв. М., 1905. С. 38.

через Византию и Египет восточноевропейские товары распространялись далее на запад по бассейну Средиземного моря вплоть до Испании и Магриба. Впрочем, пример ал-Гарнати и наличие колонии магрибцев в Саксине говорят и о непосредственных связях этих западномусульманских стран с далеким Поволжьем, Русью, Кавказом и Хорезмом в XII в. Атлас сицилийца ал-Идриси (середина XII в.) с его пусть нередко путанными и не всегда ясными маршрутами по Восточной Европе также говорит о широких торговых связях Руси с арабскими владениями на Средиземном море.

* * *

В древнерусской торговле за рассмотренные три столетия наблюдаются существенные перемены. Наряду с русско-арабской торговлей (на дирхемы) с Багдадским халифатом и государствами, возникшими после его распада, развивается все более тесное торговое сближение Руси с другими державами Европы; оно отмечено активным торговым балансом и притоком иностранной валюты — денариев, брактеатов и, наконец, серебряных слитков-марок (гривен). Ареал, состав и размах этой торговли позволяют говорить об ее большом влиянии на тогдашнюю международную экономику.

Данные, относящиеся к торговле Древней Руси, проливают дополнительный свет на ее внешнюю политику, в частности на активную защиту ею традиционных русских интересов на Балтийском, Черном, Каспийском и Средиземном морях. Как ни скудны источники, они позволяют заключить, что уже в ту далекую пору складывались относительно устойчивые системы межгосударственных торговых союзов; некоторые из них пережили даже разрушительное монгольское нашествие. Собранный здесь материал еще раз опровергает ложные концепции, отрицающие весьма давнюю принадлежность нашей страны к европейской и азиатской истории.

Впервые опубликовано: ИСССР. 1967. № 3. С. 81–108.

Голодные годы в древней Руси

Эта тема еще не имеет специальной советской историографии. Досоветская литература невелика, ее источниковедческий уровень низок, и проникнута она охранительными идеями[1]. Представители этой литературы видели причины голода в забвении крестьянином заповеди «в поте лица твоего ешь хлеб твой», отрицали влияние голодных лет на обострение классовой борьбы, считая, что в отличие от истинно европейских народов русские были проникнуты фатальным духом смирения и мало дорожили своей экономической и политической свободой. Они стремились не столько исследовать вопрос, сколько подкрепить историческими примерами неизбежность голодовок в России. Договаривались даже до роковой зависимости голодовок и войн от циклических колебаний климата[2].

В советской историографии вопрос об экономическом и политическом значении голодных лет не раз затрагивался Б.Д. Грековым, Б.А. Рыбаковым, М.Н. Тихомировым и др., чьи труды сделали возможной специальную разработку этой темы; она нашла отражение и в исследованиях по социально-экономической истории России XIV–XVI вв. (Л.В. Даниловой, А.Г. Манькова, Л.В. Черепнина,

---

[1] *Леонтович Ф.И.* Голодовки в России // Северный вестник. 1892. № 3. С. 47–76; № 4. С. 33–63; *Романович-Словатинский А.В.* Голод в России и меры правительства против них // Университетские известия. Киев, 1892. № 1. С. 41–42; *Гадзяцкий К.* Борьба с голодом в период XI–XIII вв. СПб., 1907. С. 18; *Лешков В.* Русский народ и государство. М., 1858. С. 451–485; *Щепкин В.Н.* Голода в России // Исторический вестник. СПб, 1886. Т. 24. № 6. С. 489–521; *Багалей Д.И.* Стихийные бедствия и борьба с ними в старину // Исторический вестник. СПб, 1892. Т. 47. № 1. С. 177–195; *Ключевский В.О.* Добрые люди древней Руси (1892 г.) // Очерки и речи. М., 1913. С. 140–162.

[2] *Боголепов М.* Колебания климата и историческая жизнь // ЧОИДР. Кн. 239. М., 1911. С. 1–22; *Он же.* О колебаниях климата Европейской России в историческую эпоху. М., 1908; *Он же.* Колебания климата в Западной Европе с 1000 по 1500 год // Землеведение. М., 1908. Кн. II. С. 41–58; *Weikinn C.* Quellentexte zur Witterungsgeschichte Europas von der Zeitwende bis zum Jahre 1850. B., 1962. Th. 1 (bis 1500).

Б. Видера[3] и др.). Эта тема интересна потому, что лежит в сфере контактов наук естественных и общественных, контактов, которые все больше привлекают внимание ученых[4]. Знакомство с последствиями голодных лет и связанных с ними эпидемий важно и для конкретного изучения «закона народонаселения» феодальной России.

В международной историографии есть немало специальных трудов, посвященных проблеме голодных лет. На огромном материале средневековой Центральной Европы написал свое обстоятельное исследование Ф. Куршман[5], польские источники обобщены в работе М. Полачкувны[6], скандинавские — в книге А. Норлинда[7], византийские собраны в общих трудах Н. Скабалановича[8] и др.

Применительно к истории Древней Руси предлагаемая тема пока еще не стала предметом особого исследования, хотя ясно, что изучение голодных лет в средневековой Руси, анализ причин и последствий жестоких потрясений ее народного хозяйства, всею тяжестью падавших на крестьян и городскую бедноту, может содействовать разработке социально-экономической истории страны. До недавних

---

[3] *Данилова Л.В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955. С. 20–23; *Маньков А.Г.* Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.; Л., 1951. С. 25–26; *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 149–160, 283; *Widera B.* Beginn und Umfang der deutschen Getreideausfuhr in die vormongolische Rus // Jahrbuch für Wirtschaftsgesehichte. B., 1963. Bd. II. S. 79–102.

[4] *Поршнев Б.Ф.* Состояние пограничных проблем биологических и общественно-исторических наук // Вопросы философии. 1962. № 5. С. 116–129; *Асмус В.Ф.* Маркс и буржуазный историзм. М.; Л., 1933. С. 189–190.

[5] *Curschmann F.* Hungersnöte im Mittelalter. Leipzig, 1900.

[6] *Polaczkówna M.* Wahania klimatyczne w Polsce w wiekach średnich // Prace geograficzne / Wyd. E. Romera. Lwów, 1925. Zesz. V. S. 1–80. Изучая колебания климата, исследовательница собрала и данные о голодных годах, эпидемиях и эпизоотиях в Польше за X–XV вв. Они сведены в таблицу (табл. VII. С. 42), однако не все данные таблицы подкреплены ссылками на источники (С. 4–5); некоторые ссылки на русские летописи — о Польше не говорящие; наконец, основной источник труда — хроника Яна Длугоша — требовал более критического подхода. Для последующего времени см.: *Walawender A.* Kronika klesk elementarnych w Polsce i w krajach sąsiednich w latach 1450–1586 // Zjawiska meteorologiczne i pomory. Lwów, 1932; *Hoszowski S.* Kleski elementarne w Polsce w latach 1587–1648 // Prace z dziejów Poiski feodalnej. Warszawa, 1960. S. 453–465.

[7] *Norlind A.* Einige Bemerkungen über das Klima der historischen Zeit nebst einem Verzeichnis mittelalterlicher Witterungserscheinungen. Lund; Leipzig, 1914 (Lunds Universitets Årsskrift. NF., aft. 1. B. 10. № I).

[8] *Скабаланович Н.* Византийское государство и церковь в XI в., от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. СПб., 1884. С. 219–253.

лет изучение исторической роли естественно-географической среды находилось в забвении, не пользовались вниманием и такие явления, как голод, эпидемии, эпизоотии[9], пожары[10] и пр. Этот недостаток свойствен исследованиям по истории и народного хозяйства и культуры, обобщающим трудам и учебникам. Вследствие этих пробелов история России невольно изображается «лучше», чем она была на самом деле.

Экономика Руси была пестрой, специфика климатических условий определяла в целом непродолжительность сезона сельскохозяйственных работ и длительность стойлового содержания скота, что в свою очередь требовало больших запасов кормов. В условиях естественно-географического разделения труда и зависимости торговли от сезонного состояния путей, особенно водных, бедствия голодных лет должны были особенно тяжело отражаться на Руси. Эти особенности отмечают и наши зарубежные коллеги, и это позволяет им ставить вопрос: «Не кроется ли в климатических условиях одна из причин отставания русской средневековой экономики?»[11]. В самом этом вопросе заключено очевидное преувеличение. Однако исследование проблемы по существу, выяснение степени зависимости народного хозяйства Древней Руси от естественно-географических условий — задача очень большая.

Феодальный общественный строй с его примитивным натуральным хозяйством, суровой эксплуатацией крестьян и экономической раздробленностью был чреват частыми неурожаями, вызывавшими голод во всей стране или в отдельных ее частях. Политическая раздробленность Руси, борьба между феодалами за ренту, торговая вражда городов порождали дороговизну и усугубляли бедствия пораженных голодом земель.

---

[9] Ср.: *Васильев К.Г., Сегал А.Е.* История эпидемий в России (Материалы и очерки). М., 1960. Труд носит обобщающий характер и в части, относящейся к Древней Руси, нуждается в существенных поправках.

[10] Я не рассматриваю в этой статье экономических последствий пожаров, но хочу подчеркнуть, что, говоря о голоде в Новгороде 1215–1216 гг., следует помнить про пожар 1211 г., когда здесь сгорело 4300 дворов (НПЛ. С. 52), т.е., по крайней мере, 20 тысяч человек остались без крова; равно же оценивая голод и эпидемии во Владимиро-Суздальской земле в 1187, 1214, 1223, 1227 гг., нужно иметь в виду, что во Владимире в 1185, 1193. 1199 и 1227 гг. были пожары (ПСРЛ. Т. I. Стб. 292, 409, 415, 449), во время каждого из которых выгорало около половины всех домов.

[11] *Smith R.E.F.* Le haut moyen âge russe. À propos d'ouvrages récents // Annales. P., 1958. № 4. P. 762–763.

Из прилагаемой таблицы, охватывающей сведения летописных источников за 400 лет (946–1352 гг.), можно составить некоторое представление об исследуемом явлении.

В основу таблицы положен материал, извлеченный при последовательном просмотре летописных сводов — киевских, владимиро-суздальских, галицко-волынских, новгородских, псковских, наконец, тверских и московских. В таблицу вынесены, помимо известий о голоде, сообщения о причинах, его вызывавших, — естественно-географических и общественно-политических. Включены также известия об эпидемиях и эпизоотиях, ибо иногда их связь с бедствиями голода не вызывает сомнений. Кое-где привлекаются, сведения лишь о стихийных бедствиях, не упоминающие прямо о голоде, однако в сопоставлении с летописными сообщениями других русских земель и с данными о голодовках, поражавших соседние страны Европы, эти известия тоже приобретают свое зловещее значение. В таблице учтены также известия о разорительных татаро-монгольских нашествиях на Русь. Включение в таблицу разнородных явлений формально противоречит канонам экономической науки, но зато позволяет историку полнее отразить истинное значение анализируемого явления для эпохи, крайне бедной источниками[12]. В дополнение к историческим хроникам-летописям взяты правовые, литературные и агиографические источники. Для анализа сознательно избран такой большой отрезок времени. При скудости источников даже столь широко взятый материал лишь в небольшой мере позволяет выявить динамику в характере самого явления. При застойности тогдашней экономики эта

---

[12] Поскольку в дальнейшем могут быть найдены новые известия о голодных годах и поскольку в международной историографии продолжается спор по вопросу о влиянии климата на голод и мор, я привожу здесь данные летописей о климатических явлениях, не нашедшие места в сводной таблице: 1060 г. — голод и мор среди торков (ПВЛ. Ч. 1. С. 109); 1067 г. — снегопады в районе р. Немиги (ПВЛ. Ч. I. С. 112); 1093 г. — половодье на р. Стугне (ПВЛ. Ч. I. С. 144); 1108 г. — половодье на Днепре, Десне, Припяти (ПВЛ. Ч. I. С. 187); 1135 г. — гром в декабре в Северо-Восточной Руси (ПСРЛ. Т. II. Стб. 303); 1144 г. — снегопады в Юго-Западной Руси (ПСРЛ. Т. II. Стб. 314); 1157 г. — град в ноябре (НПЛ. С. 30); 1165 г. — сильный мороз (НПЛ. С. 32); 1183 г. — сильные дожди в районе р. Хорол (ПСРЛ. Т. II. Стб. 629); 1190 г. — ранняя весна в Юго-Западной Руси (ПСРЛ. Т. II. Стб. 672); 1194 г. — жара и пожары в Новгороде (НПЛ. С. 234); 1195 г. — снегопады в Юго-Западной Руси (ПСРЛ. Т. II. Стб. 691); 1203 г. — суровая зима у половцев (НПЛ. С. 240); 1214 г. — гром в феврале (НПЛ. С. 52); 1293 г. — оттепель в Новгороде и «конем не бысть корма» — срыв похода в Карелию (НПЛ. С. 328); 1299 г. — жара и пожары в Новгороде (НПЛ. С. 90); 1306 г. — сильные дожди в Северо-Восточной Руси (ПСРЛ. Т. X. СПб., 1885. С. 176).

динамика, вероятно, не была велика, хотя принципиально ясно, что по мере углубления в прошлое следует искать увеличения зависимости общества от естественно-географических условий.

Тенденциозность источников. Источники обнажают потрясающую картину бедствий, хотя должен подчеркнуть, что наличные материалы позволяют обнаружить лишь бледную тень невзгод, пережитых трудовым народом. Это и понятно, ибо названные источники не только неполно освещают тему, но и тенденциозно (в духе провиденциализма) трактуют причины, размеры и последствия бедствий голодных лет.

Средневековая историография проникнута церковной идеологией. Освящая феодальный общественный строй, церковь, понятно, принимала как должное и присущие ему голодные бедствия, и моры, и военные разорения. Примечательно уже первое летописное известие о большом голоде 1024 г. в Северо-Восточной Руси («по всей той стране» суздальской). Этот голод вызвал народное движение («мятежь велик») против людей более богатых и знатных, обвиненных в том, что они прячут запасы продуктов, прежде всего хлеба. Под руководством своих вожаков (которых благочестивый летописец называет волхвами) выступившие не только «избиваху» тех, кто прятал хлеб, но сумели и найти выход из бедствия: по Волге «вси людье» двинулись в Булгарию, где, видимо, закупили хлеб — «привезоша жито и тако ожиша».

О происшедшем узнал Ярослав Мудрый. Прибыв на место к шапочному разбору, он захватил руководителей движения, а их было немало, так как одних он «расточи», а «другыя показни». Эта враждебность государственной власти к подобным самочинным средствам преодоления голодного кризиса характеризует феодально-крепостническую Россию с первых и до последних ее дней[13].

В связи с происшедшим летописец вложил в уста князя следующие слова: «Бог наводить по грехом на куюждо землю гладом или мором, ли ведром, ли иною казнью, а человек не весть ничтоже». Эта мысль — лейтмотив всех более или менее развернутых летописных сообщений о голодных годах, ибо «несть зелиа, могуща божию казнь пременити», как писал епископ туровский Кирилл[14]

[13] ПВЛ. Ч. I. С. 99–100.

[14] Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А.И. Пономарева. СПб., 1894. Вып. 1. С. 152. Мысли Илариона см.: Там же. С. 72, 78.

тем более что истинные праведники, по утверждению Владимира Мономаха, не голодают[15].

Рассматривая явления по своему существу социальные, как зависящие только от Бога, тогдашние книжники развивали учение о знамениях — предвестниках зла[16].

Говоря о тенденциозности источников, приходится учитывать и то, что летописцы, сообщая о засухах пли эпизоотиях, подчас даже не задумывались о нуждах простого народа, они были им чужды. Тому пример запись в новгородской летописи об эпизоотии 1203 г.: «По грехом нашим изомроша кони Новегороде и по селом, яко нелзе бяше поити смрады никуда же»[17], а что не на чем пахать, что грозит мужику нужда — это осталось не отмечено. Во владимирском своде под 1188 г. упомянут гром в феврале. Оценить по достоинству это сообщение о сырой зиме в Низовской земле помогает запись о дороговизне в Новгороде[18], жившем привозным хлебом; красочное известие того же свода под 1223 г. о сильной засухе («бе ведро велми и мнози борове и болота загорахуся и дымови сидни бяху, яко недалече бе видети человеком, бе бо яко мгла к земле прилегла, яко и птицам по аэру не бе лзе летати, но падаху на землю и умираху»[19] оценить по существу позволяет сухое сообщение под 1224 г. псковской летописи: «Великий глад был»[20]. Вот почему серия известий о сильных морозах, дождях, бурях или засухах без указаний на неурожай или голод тоже достойна внимания.

Насколько полно фиксировали летописи голодные годы, сказать трудно. Неполнота «Повести временных лет» очевидна. Можно лишь предполагать, что владычный характер новгородской летописи и хорошая ее осведомленность как будто позволяют рассчитывать на достаточную полноту известий о голодных летах за XII–XIV вв. Киевское летописание XII в., занятое описанием борьбы нескольких коалиций князей за бывшую столицу и достаточно внимательное к судьбам Ки-

---

[15] ПВЛ. Ч. I. С. 154.

[16] ПВЛ. Ч. I. С. 111; ПСРЛ. Т. I. Стб. 419. В рассуждении о карах божьих (ПВЛ. Ч. I. С. 113) названы еще гусеницы и хрустове, т.е. жуки (см.: *Срезневский И.И.* Материалы. Т. III. Стб. 1408).

[17] ПСРЛ. Т. I. Стб. 447.

[18] ПЛ. Вып. I. С. 11, 14.

[19] ПСРЛ. Т. VII. С. 121; Т. XXV. С. 121.

[20] ПЛ. Вып. I. С. 11.

евщины, Черниговщины и Волыни, не отметило за столетие такого голода, который бы помешал или помог этой борьбе. Весьма шатки, неполны сведения о голодных годах в Галичине за XII–XIII вв., на Волыни за первую половину XIII в., а равно же в Северо-Восточной Руси за весь период: владимиро-суздальское летописание проникнуто духом союза церкви и государства, прославления князей, с чем плохо вяжется тщательный учет разного рода «казней божьих».

Есть другого рода умолчания, которыми грешит и псковская летопись. Ее сведения нуждаются в сопоставлениях: под 1314 г. она хранит известие о неурожае, затяжной дороговизне и добавляет «тогда бяше притужно вельми людем»[21] — и только. Между тем новгородская летопись описывает выступление псковских «недобрых людей». Наконец, и психологически понятно нежелание некоторых летописцев возвращаться памятью к ужасам пережитого: сообщение некоторых подробностей о жестоком голоде 1230 г. псковский летописец заключил словами: «И иное зло писал бых, но горе и тако»[22].

Некоторые статистические наблюдения. Из таблицы следует, что за 1024–1332 гг. голод поражал как всю страну (1124–1128, 1145–1146, 1161, 1230, 1271–1274, 1279, 1283–1284 гг.), так и отдельные области Северо-Восточной (1024, 1070-е, 1187–1188, 1214–1216, 1223–1224, 1227–1231, 1251, 1303, 1309–1310, 1314–1316, 1332 гг.) и Юго-Западной (1090-е, 1103 — саранча, 1164, 1193, 1195 гг. — саранча) Руси. Если подходить к делу формально, это составит 42 голодных года из 308, или в среднем одно сообщение о голоде на каждые 7½ лет. Нередко голод продолжался 2–3 года, а иногда, как в 30-е годы XIII в., тянулся и дольше[23].

Нет нужды пояснять сугубо условный характер наших выкладок, но все же они дают известную исходную основу и даже поддаются некоторой дополнительной проверке, в частности сопоставлению с динамикой голодных лет в соседних странах Европы. Особенно тя-

---

[21] ПЛ. Вып. I. С. 14; ср.: НПЛ. С. 94.

[22] НПЛ. С. 11.

[23] Интересно сообщение епископа владимирского Серапиона (умер в 1275 г.) в одном из поучений (возможно, произнесенном им по прибытии во Владимир в 1274 г.): «Се ныне по трех лет житу рода несть не токмо в Русь, но в Латене» (*Петухов Е.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888. Прилож. С. 11). О голоде 1273 г. на Руси сообщает лишь Новгородская летопись, есть данные и о большом голоде 1271 г. в Германии и Венгрии (*Curschmann F.* Hungersnöte im Mittelalter. S. 85, 184).

желые голодные годы в Германии, по данным Ф. Куршмана (охватывающим источники до 1317 г.), приходятся на 1005–1006, 1044–1045, 1099–1101, 1124–1126, 1145–1147, 1150–1151, 1195–1198, 1217, 1225–1226, 1270–1272, 1311–1313, 1315–1317 гг.[24].

Из сопоставления явствует, что с общегерманскими совпадают общерусские голодные годы 1124–1128 (в 1125–1126 гг. отмечен также голод в Польше, в 1126 г. — в Чехии), 1145–1146 (в 1145 г. голод в Австрии), 1271–1274 (в 1271 г. голод в Венгрии); некоторые локальные голодные годы на Руси тоже совпадают с этим бедствием у соседей: 1195 (также голод в Австрии), 1214–1216 гг. (в 1216–1217 гг. голод в Австрии, в 1217 г. — в Чехии и Венгрии), 1223–1224 гг. (в 1221–1224 гг. голод в Польше), 1227–1231 гг. (в 1233 г. голод в Ливонии), 1279 г. (тогда же голод в Польше), 1282–1284 гг. (в 1281–1284 гг. голод и эпизоотия в Польше и в 1281–1282 гг. голод в Чехии), 1314–1315 гг. (в 1314 г. голод в Чехии, в 1315–1318 гг. — в Польше, в 1317 г. — в Чехии и Австрии). В конце таблицы стоит запись об эпидемии чумы, поразившей в 1346 г. страны Азии, в 1347–1350 гг. — Западную Европу (где унесла от ⅓ до ½ населения)[25], страны Восточной Европы, в частности Польшу[26], в 1351–1352 гг. ее жертвой стала Русь.

Совпадение хронологии, примечательное само по себе, может быть дополнено сходством причин, размеров и последствий голодных лет[27]. Эти факты свидетельствуют не только о близости естественно-географических причин голодных лет, но и об общности коренных социально-экономических закономерностей развития Руси и других стран Европы и вновь наглядно обнаруживают беспочвенность современной буржуазной концепции истории России, отрицающей эту общность.

Сравнительно-историческое изучение темы с привлечением данных по истории Северной Европы, а также более полных сведений по истории соседних стран — Польши, Чехии, Венгрии, Болгарии, Византии — прояснит многое, остающееся сомнительным в нашей таблице.

---

[24] *Curschmann F.* Hungersnöte im Mittelalter. S. 82–85 (дополнительные данные по Польше взяты из работы М. Полачкувны: *Polaczkówna M.* Wahania klimatyczne).

[25] *Abel V.* Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jh. B., 1935. S. 27; *Sticker G.* Die Geschichte der Pest. Abhandlungen aus der Seuchen-geschichte und Seuchenlehre. Gießen, 1908. S. 39–41.

[26] *Polaczkówna M.* Wahania klimatyczne. S. 51–52.

[27] *Curschmann F.* Hungersnöte im Mittelalter. S. 18, 25, 47.

Если оценивать динамику голодных лет в рамках исторической периодизации, то можно сделать еще одно наблюдение. На время кризиса раннефеодального государства, на 90-е годы XI в. и 20-е годы XII в., падают затяжные и тяжелые голодные бедствия, осложненные нашествиями половцев и налетами саранчи в 1094, 1095 и 1103 гг. Детальный порайонный анализ динамики или специфики голодных лет в период феодальной раздробленности при нынешнем состоянии источников едва ли возможен.

Естественно-географические причины голода — это засуха, сильные продолжительные дожди, обильные половодья, сырые зимы, ранние морозы, бури, налеты саранчи, бабочки-поденки, нападения грызунов. Саранча известна лишь на юге, ее пагубное воздействие на хозяйство не уступает неурожаю: прузи «поедоша всяку траву и многа жита», — отмечено в летописи (в другом месте — «ядуще траву и проса»)[28].

Особенно тяжело приходилось хозяйству, когда действовали несколько факторов сразу, как например в 1161 г., когда засуха, ранние морозы и сырая зима полностью погубили урожай; сходные обстоятельства отмечены в 1124–1128 гг., 1187–1188 гг., 1227–1230 гг., 1251 гг.[29]. Тогдашнее общество было бессильно бороться с такого рода явлениями — уровень производительных сил, сами цели сельскохозяйственного производства, общественная организация труда были таковы, что, как свидетельствуют сохранившиеся памятники средневекового права, не возникало мысли о создании средств осушения, орошения, борьбы с саранчой, грызунами, выведении и распространении устойчивых культур. В этом смысле Русь также ничем не отличалась от других стран Европы[30].

---

[28] ПВЛ. Ч. 1. С. 148, 150.

[29] Под 1251 г. сказано: «Наидоша дъждеве (К: велице) и поимаша вси рли и обилия и сена, и мост снесе на Волхове великыи» (что́ означало такое наводнение, можно видеть из сообщения под 1421 г.: Новгородская вторая летопись // ПСРЛ. Т. III. Ч. 4. СПб., 1841. С. 262–265, «а на осень бе мороз обилье, но останок избыися» (НПЛ. С. 80, 304–305). К характеристике естественно-географических условий Новгородской земли относятся и сообщения летописи об обратном течении воды в Волхове — под 1063, 1176, 1335, 1338 и другими годами (НПЛ. С. 183, 224, 347. 348). Гидрографы полагают, что «при низком уровне Ильменя в засушливые годы иногда наблюдается временное обратное течение воды Волхова у Новгорода» (Северо-Запад РСФСР. М.; Л., 1949. С. 103; ср.: ПВЛ. Ч. II. С. 393).

[30] *Curschmann F.* Hungersnöte im Mittelalter. S. 18, 24.

Примечательно, что русские аграрные праздники пронизаны стремлением земледельца обеспечить урожай[31].

Общественно-политические причины действовали гораздо сложнее и многообразнее. Здесь нужно различать, помимо главного — самого строя общества, натурально-хозяйственной основы производства, — действие отдельных элементов его политической формы. Прежде всего, это войны, которые бушевали в течение всего средневековья. Их цель — присвоение земельной собственности, а если это невозможно, то взыскание денежной дани или захват добычи (челядь, скот, запасы орудий труда, хлеб и другие продукты), могущей стать источником дохода, наконец, просто истребление того, что нельзя захватить и что может быть полезно противнику. Потому нередко на разоренной этими войнами земле не оставалось «ни челядина, ни скотины», «ни рога»[32]. Летописи полны фактов истребления жита на корню в разных частях страны[33].

Такие войны подрывали хозяйство похуже голода, ослабляли его сопротивляемость стихийным невзгодам. Не зря летописцы сравнивали бедствия голодных лет с военными опустошениями, а не наоборот. Что несли хозяйству эти войны, мы знаем и из «Слова о полку Игореве». Тем самым, бедствия голодных лет, вызванные естественно-географическими причинами, при всех их гибельных последствиях отступают на второй план в общем балансе народной нужды.

Рассмотрим вопрос детальнее. Отметим, прежде всего, летописные свидетельства об осадах городов, порождавших голод. Обилие этого рода фактов и их ареал подтверждают типичность самого явления: Искоростень (946 г.), Родня (980 г.), ставшая символом голодных осад и вошедшая в поговорку («беда аки в Родне»)[34], Владимир-Волынский (1097 г.), Владимир-на-Кляземе (1175 г.), Торжок (1182г.), Пропек (1186 г. — отсутствие хлеба и воды, 1207 г. — отсутствие воды), Галич (1234 г.)[35].

Внутренние войны порождали голод и дороговизну или усиливали эти бедствия не только в отдельных городах, но и целых землях; они

---

[31] См. очень интересное исследование: *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963.

[32] ПВЛ. Ч. 1. С. 160; НПЛ. С. 93, 348–349.

[33] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 310, 332, 387, 451; Т. II. Стб. 332, 335, 428, 458, 698, 834; Т. XV. Вып. I. Стб. 37. Пг., 1922.

[34] Ср.: ЛПС. С. 16 («без хлеба, аки в Родне»).

[35] ПСРЛ. Т. II. Стб. 771 (после девяти недель осады).

вызывали разрыв налаженных экономических связей, торговую блокаду — перерыв в поступлении хлеба, соли и других продуктов.

Дороговизна 1137 г. в Новгородской земле была вызвана временным разрывом отношений с Псковом, Суздалем, Смоленском, Полоцком и Киевом; столкновение Новгорода с ростово-суздальскими князьями в 1141 г. привело к перерыву в поступлении хлеба («ни жито к ним не идяше ни откуду же»). Не раз дороговизна усиливала бедствия голода и использовалась князьями как средство политического нажима на феодальные республики Новгорода (1215, 1273, 1282, 1305, 1312, 1314 гг.) и Пскова (1232 г.). По состоянию источников эта тема полнее отражена в истории Новгорода и Пскова, но подобные явления пагубно отражались и на Киевской земле, на городах Посемья, на феодально-колониальных владениях в землях ятвягов, води, финнов и др.

Экономический уровень страны был еще таков, что сами походы, войска требовали хорошего предварительного обеспечения припасами в тех случаях, когда не было условий прокорма за счет ограбления земли «зажитием», В этом смысле показательны походы в землю финнов, они неоднократно сопровождались то мором, то голодом в войске, вынужденном покупать продовольствие по высокой цене.

Сколь уязвимой была тогдашняя экономика, сколь скудны были продовольственные запасы, можно судить по тем случаям, когда войска в походе случайно сбивались с пути. Возвращаясь из неудачного похода на Новгород и перенеся мор «в конех и в полках», рати Андрея Боголюбского частью двигались пешком, «а друзии людье помроша з голода»[36]. После голода 1227–1230 гг. экономика Новгородской земли была так подорвана, что во время похода 1234 г. на Литву по Ловати Ярослав Всеволодович должен был отпустить у Моравнина ладейщиков — «не достало бо у них бяше хлеба» (по списку К — корма)[37]. Еще накануне голода 1283 г. в Галицкой земле рати Телебуги по пути в Венгрию заблудились в Карпатах и вместо трех бродили там 30 дней, «и бысть в них голод велик и начаша людие ести, потом же начаша и

[36] Видимо, еще слабее были экономические связи в подвластных Новгороду землях. Новгородский отряд (172 человека) после шестинедельного пребывания в Югре начал страдать от голода и был перебит (НПЛ. С. 41. под 1194 г.). То же видим в Галицком Понизье. Князь Даниил Романович, оставив Галич, ехал с войском через Онут и «бывшию же гладу велику». Князю повезло — он перехватил торговый караван, шедший к Плаву, и накормил дружину (ПСРЛ. Т. 11. Стб. 735).

[37] НПЛ. С. 73.

сами измирати и умре их бещисленое множьство; самовидчи же тако рекоша: умерших бысть сто тысячь»; сам Телебуга «выиде пешь со своей женою об одной кобыле, посрамлен от Бога»[38].

С годами не видно перемен к лучшему: в 1316 г. войско тверского князя Михаила во время похода заблудилось не где-нибудь, а на Ловати. Тотчас же наступил голод: ели конину, кожу со щитов, «и голенище и ремение жеваху и мнози от глада изомроша»[39].

Еще пагубнее влияли военные вторжения внешних врагов. Известна голодная блокада городов: Киева (968 г. — печенегами), Белгорода (997 г. — печенегами), Торческа (1093 г. — половцами), Ярославля (1152 г. — булгарами) и земель Белобережья (971 г. — печенегами).

Но эти факты, относящиеся к разным частям страны, меркнут перед опустошительными последствиями набегов полчищ кочевников — печенегов, половцев, татар, вторжений немецких, литовских и других войск. Это особая тема, но нельзя упускать из виду, что в течение полутора столетий Юго-Восточная Русь систематически разорялась половцами[40]. В этом одна из особенностей экономики Руси: другие страны Европы подобных вторжений не знали. Источники не оставляют сомнений, что этот район считался голодным краем. Изяслав Давыдович, отказываясь покинуть Киев, писал в 1161 г. Святославу Ольговичу: «Братья моя, воротившеся, пойдут в волость свою, а мне ся (куда) воротити: в половци не могу ити, а у Выри не могу голодом мерети, а лепле хочю еде умерети»[41]; в 1140 г. князь Андрей Владимирович, противясь воле Всеволода Ольговича и отказываясь идти на стол в Курск, тоже говорил: лучше смерть, чем Курское княжение. Считалось, что и в Моравийске, Любече, Всеволоже княжить невыгодно, так как сидят там одни псари да половцы[42]. Во времена Мономаха в таком положении находился и Переяславль: «И седех в Переяславли 3 лета и 3 зимы... многи беды прияхом от рати и от глада», — писал князь. Он здесь сидел 18 лет (1095–1113 гг.), но имеет в виду, как полагает Д.С. Лихачев, первые, самые трудные 1095–1097 гг.[43].

---

[38] ПСРЛ. Т. II. Стб. 891.

[39] НПЛ. С. 337; Троицкая летопись. С. 355; ср.: ПСРЛ. Т. XV. Вып. I.

[40] *Кудряшов К.В.* Половецкая степь. М., 1948. С. 123–142; Очерки истории СССР (IX–XIII вв.). М., 1953. С. 193–205.

[41] ПСРЛ. Т. II. Стб. 517.

[42] Там же. Стб. 305, 500.

[43] ПВЛ. Ч. I. С. 161; Ч. II. С. 448.

На смену половцам пришли татаро-монголы, чье нашествие 1236–1241 гг., изнурительное иго и последующие вторжения в 1252, 1275, 1281, 1282, 1293, 1317, 1327 гг. в Северо-Восточную и в 1258–1259, 1277, 1280, 1283, 1286–1287 и следующих годах в Юго-Западную Русь наносили народному хозяйству урон, лишь с трудом, годами, восполнимый. Вторжения из-за западного рубежа тоже сопровождались ударами по хозяйству, вспомним известия о действиях немецких рыцарей в 1240 г.: по Луге они захватили «все кони и скот и нелзе бяше орати по селом и нечим».

Татаро-монгольское нашествие и иго образуют качественный рубеж в истории исследуемого явления: с этой поры можно видеть очень существенное отличие голодных лет на Руси от этого бедствия в других европейских странах, либо вовсе не знавших нашествия, либо (как Литва, Польша и некоторые другие) неизмеримо меньше страдавших от него.

Какой голод вызывали татарские набеги, можно судить по колоритным описаниям, сохраненным Волынским сводом. В 1283 г. Телебуга водил свои рати на Польшу, оставив часть татар во Владимире-Волынском «кормить любывои кони». Татары не давали горожанам «вылезти в зажитье», т.е. прекратили деревенский подвоз, а тех, кто выезжал, захватывали, грабили или убивали; от этого татарского «остою» в городах умерло бесчисленное множество людей[44]. Последствия разорения сказывались долго: Владимир Василькович через пять лет, перед смертью «стада раздая убогым людемь, у кого то коний нетуть, и тем, иже кто погибли в телебоузину рать»[45]. На обратном пути рать Телебуги то же проделала во Львовской земле, где стояла две недели «кормячесь, не воююче». Здесь умерло «бещисленное множество» людей и в городах, и в селах, где скрывалось население «вышедше из городов». Князь Лев Данилович распорядился подсчитать людские потерн, оказалось 12 тысяч[46]. Мы вспомним эту цифру, когда речь пойдет о смертности голодных лет.

Последствия голодных лет сказывались прежде всего на состоянии производительных сил. Они подрывали главную силу производства — человека, занятого материальным трудом. Трудовое население умирало как от самого голода, так и от вызванных им

---

[44] ПСРЛ. Т. II. Стб. 893.
[45] Там же. Стб. 914.
[46] Там же. Стб. 895.

эпидемий. Недостаток пищи, болезнетворное влияние ее заменителей, ослабление устойчивости организма к недугам всегда порождали эпидемическое распространение таких тяжелых болезней, как тиф, цинга, дизентерия, ослабление зрения[47]. Зачастую от неурожая кормовых или от эпизоотии погибал и скот. В нашем распоряжении немного цифровых свидетельств источников о человеческой смертности, но они весьма красноречивы. В 1092 г. на Руси была сильная засуха. Киевский летописец не говорит о голоде, но известно, чем такая засуха грозила хозяйству. И чуть ниже читаем: «В си же времена мнози человеци умираху различными недугы». Источник летописца — сообщение купцов, торговавших гробами: «яко же глаголаху продающей корсты: "Продахом корсты от Филиппова дне (14 ноября.– *В.П.*) до мясопуста (февраль. — *В.П.*) — 7 тысячь"»[48] — это число умерших в Киеве за каких-нибудь четыре месяца. Во время страшного голода 1230 г. в Смоленске умерли, по числу попавших в скудельницы, 32 тысячи человек[49], а в Новгороде в тот год в одну из скудельниц свезли 3030 трупов, а потом соорудили еще две скудельницы[50]. По летописцу церкви Двенадцати апостолов, в одной из братских могил было погребено 33 тысячи трупов, а «всего в Новегороде померло народу» 46 тысяч человек. В голодный 1283 г. во Львовской земле за короткий срок татарского постоя погибли от голода 12 тысяч человек. Для сравнения отметим, что в Праге в 1282 г. от мора умерли 8 тысяч жителей, в Эрфурте в голод 1316 г. — 7985[51]. Сходные масштабы дают и более поздние века — во время голода 1602–1603 гг. в Москве было подобрано и погребено в скудельницах 127 тысяч трупов[52]; к ним надо добавить похороненных при 400 московских церквах и съеденных зверями. Цифры эти достаточно скорбные, но они в действительности были

---

[47] *Сухоплюев И.К.* Неурожай и массовые заболевания голодающего населения // Русская мысль. М., 1906. Кн. III. С. 42–54; *Добрейцер И.* К вопросу о влиянии неурожая на распространение некоторых инфекционных заболевании // Общественный врач. 1913. № 4. С. 363–386.

[48] ПВЛ. Ч. I. С. 141.

[49] ПСРЛ. Т. XXV. С. 125.

[50] *Азбелев С.Н.* Новгородские местные летописцы // ТОДРЛ. Вып. XV. М. — Л.. 1958. С. 367–370.

[51] *Curschmann F.* Hungersnöte im Mittelalter. S. 60.

[52] Сказание Авраамия Палицина / Подготовка текста и комментарий О.А. Державиной и Е.В. Колосовой под. ред. Л.В. Черепнина. М.; Д., 1955. С. 228; *Исаак Масса.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 59–60, 189.

более значительными, особенно в те годы, когда голод совпадал с эпидемиями и эпизоотиями.

С эпидемией надо связать сообщение под 1092 г. о массовой смертности в Друцке, Полоцке и тамошних землях: «Аще кто вылезаше ис хоромины», желая узнать, кто стонет на улице по ночам, то сам «уязвен будеше невидимо от бесов язвою и с того умираху». Люди в страхе говорили, что это — месть предков, что «навье бьють» полочан[53]. Эпидемии и позднее порождали мысли о вмешательстве сверхъестественных сил. Около 1230 г. эпидемия настигла войско венгерского короля Белы IV между Днестром и Прутом. Княжеский летописец описал ее так: «Бог напустил на не рану фараонову... ангел бьяшеть их — сице умирающим, инии же из подъшев (т.е. у них лопалась кожа на ногах.– *В.П.*) выступахоуть акы не чрева, инии же во коне влезъше изомроша, ними же около огня солезьшеся и мяс ко устом придевоше умираху, многими же ранами разными умираху», т.е. венгры, видимо, искали спасения, укрываясь от болезни всеми доступными средствами, но тщетно; к тому же «хляби... небесный» «топяхуть их»[54]. И вообще их «ангел бьяшеть», подобно тому как «навье» били полочан.

Во Владимирском своде под 1187 г. отмечена «болесть сильна в людех вельми, не бяше бо ни одиного же двора без больного, а в ином дворе некому бяше ни воды подати, но все лежать боля»[55]. К эпидемии добавился в следующем году неурожай, о котором речь шла выше. Еще более тяжелым был в Северо-Восточной Руси голод 1309 г., совпавший с эпидемией и эпизоотией: «Бысть казнь от бога на человекы: мор на люди и на кони и на всякий скот, мышь поела рожь и овес, и пшеницу, и всякое жито и того деля бысть дорогов велика и меженина[56] зла и глад крепок по земли Русьской». Легко понять, что переживала тогда страна, бывшая к тому же под ордынским игом!

---

[53] Эта эпидемия через Друцк и Полоцк пришла на Русь из соседних европейских стран: там болезнь называли «святым огнем» (ignis sacer); она начала распространяться в 1087 г. а около 1094 г. достигла наибольшего размаха в Италии, Франции, Испании, Германии. В одном Регенсбурге за три месяца умерло 8500 человек (*Эккермин В.* Материалы для истории медицины в России (История эпидемий X–XVIII вв.). Казань, 1884. С. 3).

[54] ПСРЛ. Т. II. Стб. 761.

[55] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 405. В этом году отмечены эпидемии в Чехии, Германии, Англии (*Lesch B.M.* Geschichte der Volksseuchen. B., 1896. S. 90).

[56] Меженина — недостаток.

Иногда летописные сообщения подтверждают лишь факт массовой смертности от голода, таково сообщение 1128 г. о Новгороде, где тяжко пришлось людям, а «другим, падьшим от глада, трупие по улицям и по търгу и по путем и всюду». Через 30 лет здесь эпидемия сочеталась с эпизоотией: «Мор бысть в людех много, и конь мъножьство помре». О голоде 1214 г. из Суздальской земли идут такие сведения: «Много людей тогда изомроша от глада». Новгородский летописец отразил бедствие этого года в своей земле полнее: «О, горе бяше: по торгу трупие, по улицям трупие, по полю трупие, не можаху пси изедати человек; а вожане помроша, а останъке разидеся». Речь, видимо, идет о вожанах, проживавших в самом городе, ибо народ водский позднее фигурирует в источниках[57].

Вот не менее трагичное описание голода в Новгороде и Пскове в 1230 г., когда мороз побил жито: «И кто не просльзиться о семь, видягще мьртвьця по уличам лежаща, и младенца от пьс изедаемы», «и влачаху главы человеческыа, и руки и ногы»[58]; мертвецы валялись и на торгу, и на великом мосту, «оже не можаху погребати»; псковский летописец вторит своему новгородскому собрату: «Мряхуть бо людие по улицам и некому бяше хранити их, но ядяхут и пси, яко скот мертвый».

Если сообщение об эпидемии 1278 г. глухое — «мнози человеци умираху различными недуги», то псковский мор 1341 г. отражен яснее: он был так силен, что «не беша бо где их (умерших) погребати, все бо могилие воскопано бяше по всем церквам; а где место въскопают или мужу или жене, и ту с ним вложат малых детей 7 и 8 во един гроб». Во время эпидемии 1352 г. в Новгороде, длившейся с 15 августа до пасхи, «множество бещислено людей добрых помре»; о черных людях нечего и говорить.

О некоторых голодных годах дошли еще более лапидарные записи. О суровом (судя по ценам) голоде 1161 г. новгородский летописец записал лишь: «О, велика скорбь бяше в людьх и нужа»; о голоде 1303 г. в той же летописи сказано: «Не добыша люди хлеба» была «туга велика». Есть глухие известия и о морах в Пскове (1299 г.) и в Твери (1318 г.).

---

[57] В Московском своде этот голод датирован 1212 г. Следует вспомнить, что примерно на этот же год падает мор в Эстонии и Ливонии (*Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии / Введение, перевод и коммент. С.А.Аннинского. 2-е изд. М.; Л., 1938. XV. С. 7–11).

[58] ПСРЛ. Т. XV. Стб. 356.

Эпидемии были иногда пагубно частыми: в Пскове за 1299–1420 гг. отмечены моры в 1299, 1341, 1351, 1360, 1389, 1403, 1406, 1420 гг. т.е. за 121 год восемь эпидемий, или одна эпидемия в 15 лет! В Новгороде за 1352–1420 гг. упомянуты четыре эпидемии, или одна эпидемия в 17 лет!

Летописи, как правило, не содержат сведений о видах заболеваний. Большую помощь в изучении характера эпидемий могла бы оказать археология. Первые опыты в этом направлении, сделанные при раскопках под руководством М.К. Каргера в Изяславле, дали обнадеживающие результаты.

Эпизоотии были особенно губительны, когда совпадали с неурожаями, как например в 1291 г. в Новгородской земле: «Помроша кони в Новгороде... мало ся оста», а мороз побил урожай; или в 1298 г. в Ростовской земле: «Мор на скот бысть, сухмень бысть»[59]. Есть и более скупые известия, за которыми, однако, угадываются тяжелые лишения: под 1203 г. «изомроша кони» в Новгороде «и по селом» пли известие 1342 г.: «Скот рогатый помре».

Территориальный размах эпизоотии как будто ограничивался отдельными землями, лишь отмеченная под 1158 г. эпизоотия в Новгороде, возможно, имела более широкое распространение: на этот же год приходится мор коней в войсках Изяслава под Туровом. Эпизоотии не раз вспыхивали во время походов: 1042 г. — в походе на финнов (емь) «помроша кони»; 1154 г. — в походе Юрия Долгорукого на вятичей — «бысть мор в коних во всех воих его, яко же не был николеж»; 1330 г. — то же в отряде киевского князя Федора. К сказанному надо добавить, что иногда скот погибал от бури: в 1125 г. в Волхове «стада скотины» потонули, а «другие едва переимаша живы», неоднократно на севере сено губила непогода (в Новгороде — 1145, 1228, 1251 гг.), на юге — саранча.

Питание в голодные годы было таково, что неминуемо вредно отражалось на здоровье и производительности труда не только данного поколения, но и его ближайшего потомства. В голодный 1128 г. в Новгороде «люте бяше» и «ядаху люди лист липов, кору березову, инии молиць (источенную червями мякоть дерева) истълъкше, мятуце съ пелъмн (мякиной) и съ соломою; инии уши (?), мох,

---

[59] Примечательно совпадение этого события с эпизоотией в Польше: Rocznik malopolski / Ed. A. Bielowski // Monumenta Poloniae Historica. Lwów, 1878. T. III. S. 186.

конину»[60], а вот пища суздальцев, когда в 1214 г. у них был «глад велик по всей земли»: «Опии бо ядахоу доубовую кору, а инии мох, а инии соломоу тлъкоуче, а инии кониноу ядахуть»[61]. Конина не раз упоминается на последнем месте, потому что голодающие крестьяне старались любым способом сберечь лошадей, иначе их ждало закупничество, а то и холопство.

Приведенные факты типичны для голодных лет. Во время голода 1215 г. в Новгороде, вызванного политическими распрями, «ядаху люди сосновую кору и лист липов и мох»[62]. Во время особенно продолжительных голодовок дело доходило и до людоедства, так было в 1230 г., когда «простая чадь» буквально вымирала, тогда «инии резаху люди живыя и ядаху, а инии мьртвая мяса, и трупие обрезающе ядаху; а друзии конину, псину, кошки; другие же — мох, ушь[63], сосну, кору липовую и лист, ильм», словом «кто что замысля»[64]; в Смоленске тогда «мнози своего брата режуще ядаху...»[65]. Нет нужды пояснять, насколько пагубно действовала такого рода пища на здоровье людей[66].

Характер питания в голодные годы, как и факты людоедства, присущи не одной Руси; это — явление, распространенное по всей Европе[67].

Социально-экономические последствия голодных лет. Имущественное, социальное и правовое неравенство порождало неравенство обмена и распределения, оно выступало особенно резко в кризисные месяцы и в годы голодовок: от него страдали те, кто был беден, богатые же люди норовили нажиться на народной нужде. Примеров подобного рода немало. Белгород как-то попал в тяжелую печенежскую осаду (997 г.) и там «бысть глад велик». По

[60] НПЛ. С. 22.

[61] ЛПС. С. 112.

[62] НПЛ. С. 54.

[63] Ср.: ПСРЛ. Т. XV. Стб. 358: «ужов дягил, рекше ствол».

[64] НПЛ. С. 71. С этим голодом можно сравнить лишь трехлетний общерусский голод 1422 г. (ПСРЛ. Т. XXV. С. 245; ПЛ. Вып. 2. С. 38–39).

[65] ПСРЛ. Т. XXV. С. 125.

[66] *Тарасевич Л.А.* О голодании. Киев, 1907; *Перельман Л.Р.* Голодание // Руководство по патологической физиологии. Киев, 1947. Т. 2, ч. 2. С. 89–129.

[67] *Curschmann F.* Hungersnöte im Mittelalter. S. 57–59. Во время голода 1315 г. в Ливонии спекулянты брали по 18 марок за 1 ласт хлеба и «die armen lude hadden kein gelt, des mosten se van hunger sterven». Началось людоедство. См.: Die Jüngere Livländische Reimchronik des Bartholomäus Hoeneke (1315–1348) / Hrsg. K. Hohlbaum. Leipzig, 1872. S. 1–2.

преданию, власти города, желая обмануть печенежских послов, решили доказать им, что горожане черпают пищу прямо из колодцев и потому осада им не страшна. Для этого пришлось собрать в колодцы кое-какие продукты. У осажденных власти собирали буквально «по горсти овса, или пшенице, ли отруб», но при этом княжье хозяйство и в отсутствие князя тронуто не было; целы и «кыяжи медуши»; из них, и это было особо отмечено, «взяли лишь меду лукно»[68].

Что голодные годы не задевали своими бедствиями более богатых, видно из описания событий 1024 г. в Суздальской земле; во время голода 70-х годов XI в. тоже выяснилось, что тамошние «лучшие жены», т.е. жены лучших, более богатых людей, «держут» (прячут) жито, мед, рыбу и меха, т.е. надо думать, деньги, необходимые на покупку продуктов. О дороговизне не сообщается, но ясно и так, что она была.

Голодные годы и локальные голодовки, вызванные политическими конфликтами, тотчас же вызывали спекуляцию, позволяя обогащаться собственникам земли и связанному с ними купечеству. Летописи полны сведений об этой важной стороне истории голодных лет. Уже в 971 г. когда в отрезанном печенегами Белобережье возник «глад велик», сразу же особенно резко нарушилось действие закона стоимости, и «голова коняча» продавалась «по полугривне» — цифра, которую сохранило древнее предание. Дороговизна — спутник неурожаев, а при определенном уровне цен — источник подлинного голода.

Рассмотрим относящиеся сюда факты новгородской истории. Из них видно, что определяемые естественно-географическим разделением труда товарные связи имели огромное значение для экономики, но зависели от произвола феодалов.

1123 г. — «лют бяше путь» на Финляндию и войска платили дорого за хлеб	1 хлеб — 1 ногата
1127 г. — полный неурожай яровых (вьрьшь) и озимого — «бы голод и черес зиму»	1 осьминка ржи — 1/2 гривны
1128 г. — тяжелый голод	1 осьминка ржи — 1 гривна
1137 г. — острая политическая борьба, разрыв связей с другими городами	1 великая осьминка — 7 резан

[68] ПВЛ. Ч. I. С. 87.

1161 г. — полный неурожай	1 малая кадка — 7 кун
1170 г. — отбито наступление войск Андрея Боголюбского, но держится торговая блокада — «бысть дороговь»	1 хлеб — 2 ногаты, 1 кадь ржи — 4 гривны, 1 пуд меда — 10 кун, 1 суздалец — 2 ногаты
1188 г. — смутное время после волнений в Печоре, Заволочье — «бысть дороговь»	1 хлеб — 2 ногаты, 1 кадь ржи — 6 гривен
1215 г. — сочетание естественно-географических причин с политическими: мороз погубил урожай «по волости», уцелевшие запасы яровых в Торжке захватил Ярослав Всеволодович и «не пусти в город ни воза». От боярско-княжеской распри «зло бысть вельми в Новгороде». Голод — на все продукты	1 хлеб — 2 ногаты, 1 кадь ржи — 6 гривен, 1 кадь ржи — 10 гривен[69], 1 кадь овса — 3 гривны, 1 воз репы — 2 гривны
1228 г. — Ярослав Всеволодович привел низовские полки для похода на Орден. Это вызвало дороговизну: «Въздорожиша все на търгу и хлеб, и мяса, и рыбы». Она держалась три года	1 хлеб — 2 куны, 1 кадь ржи — 3 гривны[70], 1 кадь пшеницы — 5 гривен, 1 кадь пшена — 7 гривен
1230 г.— голод обострился	1 хлеб — 8 кун, 1 кадь ржи — 20 гривен, 1 кадь овса — 13 гривен, 1 кадь, пшеницы — 40 гривен, 1 кадь пшена — 50 гривен
Опасаясь голодающих, некоторые спекулянты не везли хлеб на рынок, а продавали его «в дворех»	1 кадь ржи — 25 гривен[71]
Голод достиг предела, началось людоедство	1 хлеб (К — «хлебец») — 1 гривна «и побольшю», 1 кадь ржи — 4 гривны серебра
1232 г. — князь Ярослав Всеволодович, стараясь подчинить Псков, не пустил туда гостей	1 берковец соли — 7 гривен (К — «и болши»)
1314 г. — конфликт с низовскими князьями, «хлеб бяше дорог»	1 зобница — 5 гривен

[69] Новгородская вторая и третья летописи. С. 16.

[70] Серебра; ср. ниже цену 1230 г.

[71] Ср.: Новгородская вторая и третья летописи. С. 18, 203 («кадь ржи по 40 гривен, а овса по 5 гривен»); ср.: ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Пг., 1922 («кадь ржи по10 гривен, а овса по 15 гривен»).

Приведенные цифры позволяют заключить, что во время голода 1127–1128 гг. цена ржи и без того высокая удвоилась, достигнув 1 гривны за осьминку; в дороговизну 1170 г. 1 кадь ржи стоила 4 гривны, а в «дороговь» 1188 г. — уже 6 гривен, т.е. в ½ раза дороже; к 1215 г. цена поднялась до 10 гривен, а к 1230 г. — до 20–25 гривен. Рост за 1215 — 1230 гг. в 2½ раза, а по отношению к 1170 г. — в 6 с лишним раз. В серебряных гривнах 1 кадь ржи стоила в 1228 г. 3 гривны, а в 1230 г. — 4 гривны, т.е. цена поднялась за 3 года на ⅓[72]. Вспомним, что, согласно ростовскому источнику XIII в., «женка с дчерию» получали за страду «по гривне на лето».

Штучные хлебы тоже бешено росли в цене: с 1 ногаты в 1123 г. до 2 в 1170 г.; с 2 кун в 1228 г. до 8 кун (т.е. почти ⅓ гривны) и даже 1 гривны в 1230 г. Стоимость овса за 1215–1230 гг. возросла с 3 гривен до 13, т.е. в 4½ раза. Эти цифровые данные отражают плоды экономической и политической спекуляции на народной нужде. Иногда это — результат простой экономической спекуляции купцов, бояр, монастырей, князей, но часто это — цена, которой расплачивался простой народ за очередное исторически прогрессивное усилие великокняжеской власти политически объединить русские земли.

Кроме приведенных известий, есть немало других, более глухих, но в свете сказанного достаточно понятных. Во время одного из конфликтов с Новгородом в 1148 г. князь Юрий Долгорукий «на путях... пакости десть новгородцам». К чему вели эти «пакости» известно: тверской князь Василий Ярославич в 1273 г. воевал «волость новгородскую — Волок, Бежицу, Вологду» и его люди «у гостебников по Низовской земли товар отъимаша»; в Новгороде тогда «бысть дорог хлеб». Во время конфликта 1283 г. с Андреем Александровичем бояре, учтя опыт 1215 г., не пустили в Торжок его наместников, а «обилье все» в ладьях переправили в Новгород. Но все же тут «бяше хлеб дорог», хотя о голоде, подобном тогдаш-

---

[72] ПР. С. 354. Интересно и такое наблюдение. Если 1 гривна серебра пришла на смену четырем гривнам кун (*Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 44), то, казалось бы, рыночная цена хлеба в гривнах должна быть меньше в четыре раза. Этого, однако, не произошло. 1 кадь ржи в гривнах кун в голодные 1170, 1188, 1215 гг. соответственно стоила 4, 6, 10 гривен, а в 1228 г. — 3 гривны серебра. Если даже считать от максимальной цены сурового 1215 г. 1 кадь ржи в переводе на серебро должна бы стоить не 3 гривны, а лишь 2 ½. Следовательно, в 1228 г. цена на хлеб уже была выше, чем в 1215 г.

нему, не сообщается. Наконец, подобный же случай произошел в 1312 г., когда тверской князь Михаил, воюя с Новгородом, вывел своих наместников «не пустя обилья в Новгород». Подписав с ним мир, боярское правительство предусмотрело возобновление хлебной торговли («пустити хлеб и всякый гость»)[73].

Экономические последствия голодных лет, столь явные в Новгороде, не миновали и других земель: после большого половодья 1164 г. в Юго-Западной Руси была «жатва дорога рамяно» (т.е. чрезвычайно сильно); в Северо-Восточной Руси в 1332 г. отмечена «дороговь и глад хлебный и скудость всякого жита».

Кто же торговал хлебом в голодные годы? Кто наживался на нужде? Прежде всего купцы-гости. Ростовщичество сопутствовало товарному производству, оно истощало производство и вызывало народную ненависть. Ростовщический процент равнялся 50, близкой к нему должна была быть и торговая прибыль[74]. Во время голодов действие закона стоимости, как видим, особенно резко нарушалось, спекуляции довершали дело.

Ни о каком эквивалентном обмене, ни о каких гарантиях сохранения земельных владений беднейшей части лично свободных общинников не могло быть и речи в условиях, когда умирающие от голода люди отдавали за кусок хлеба все, даже своих детей. Вот некоторые факты. В 1128 г. в Новгороде были «туга, беда на всех, отець и мати чадо свое вьсажаше в лодью даромь гостьм»[75], можно представить себе, что творилось на волховской пристани.

Подобные сцены повторялись не раз. Под 1230 г. в той же летописи читаем: «И даяху отци и матери дети свое одьрень ис хлеба гостьм»; в другом месте (под 1215 г.) о гостях не упомянуто, но сказано: «О, горе тъгда, братье, бяше: дети свое даяхуть одьрень». Похолопление лично свободных людей в «тошное время» голода — часть процесса имущественного и социального расслоения, хотя формально по закону оно запрещено статьей 111 Пространной Правды[76]. На торговле в голодные годы наживались как русские «гостебники» (о них прямо упоминает летопись под 1215, 1273 гг.), так и иностранные, например немецкие гости, которые в 1231 г. по-

---

[73] ПСРЛ. Т. II. Стб. 393; ГВНП. № 11. С. 23.

[74] *Данилова Л.В., Пашуто В.Т.* Товарное производство на Руси (до XVII в.) // ВИ. 1054. № 1. С. 122.

[75] НПЛ. С. 22.

[76] ПРП. Вып. 1. С. 114, ср. С. 211, 219; ПРП. Вып. 2. С. 292.

спешили («прибегоша») с житом и мукой в бывший «при конци» Новгород[77].

Торговали хлебом и князья. В голодный 1279 г. волынский князь Владимир Василькович без хлеба не сидел; более того, он отправил его на продажу с «добрыми людьми», т.е. купцами, которым доверял, на судах в Ятвягию[78]. Торговали и монастыри, но церковные источники с трудом позволяют это обнаружить. В этом смысле очень ценно одно известие «Патерика».

Во время войны, вызванной ослеплением теребовльского князя Василько (1097 г.), киевский великий князь Святополк Изяславич и его союзники «не пустиша гостей из Галича, ни людей зъ Перемышля» и потому «не бысть соли въ всей Русской земли». Время было голодное — «и бе видети тогда люди, суща в велицей печали и изнемогших от глада, от рати, не имяху бо ни пшеница, ниже соли, чим бы скудость препроводити». Понятно, это вызвало злоупотребления властей и общественное брожение — «неуправленна быша», к сему же и «грабленна безаконнаа». Далее «Патерик» сообщает легенду, в основе которой угадываются некоторые реалии. Монах Прохор собирал по кельям пепел и, превращая его в соль, раздавал бедноте, чем испортил всю обедню купцам-спекулянтам. Народ валил в монастырь, а «торжище» пришло в упадок, и искусственно взвинченная цена на соль упала в 5 раз. Последнее обстоятельство заставляет думать, что реалией легенды был факт продажи богатым монастырем соли по относительно низкой цене (подобно тому как позже, в 1609 г., Троице-Сергиев монастырь более чем втрое сбил цену на хлеб![79]).

Как бы то ни было, купцы («продающие соль»), думавшие «в тыа дни богатство много приобрести», встревожились; «въставшие», они обратились к Святополку. Он отнесся к ним сочувственно, так как хотел пресечь в них молву недовольства, да и сам рассчитывал заработать на торговле, а потому по совещании с советниками своими установил высокую цену на соль. Запасы же монастырской соли князь распорядился отобрать и привезти к нему. Дальше идут чудеса: отобранная у Прохора соль превращается вновь в пепел, а когда

---

[77] НПЛ. С. 72; ср.: РЛА. № 38 (1309 г.).

[78] ПСРЛ. Т. II. Стб. 879–880.

[79] Сказание Авраамия Палицина. С. 198–200; *Корецкий В.И.* Голод 1601–1603 гг. в России и церковь // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1959. Т. VII. С. 218–256.

через три дня князь велит пепел выбросить, то Прохор посылает пришедших в монастырь бедных горожан туда, где лежит этот пепел; они идут и находят соль и грабят ее — «граждане пришедшее, разграбиша соль»[80]. Князь же, уведав о чуде, ищет согласия с монастырем. Из этой истории ясно, что голодные годы использовались князем и купцами в целях спекуляции.

Источники неясно, но все же говорят о том, что уже в начале 90-х годов происходило обогащение новой служилой знати за счет старой знати, т.е. перераспределение собственности, что простой народ не мог добиться княжой «правды»[81]. Что делалось в голодные годы, можно видеть из более позднего сообщения Новгородской летописи: «Не бе... правде и правого суда и въсташа ябетницы, изнарядиша четы и обеты и целованья на неправду», т.е. суд за взятки служит тем, кто в это тяжелое время нарушал закон; и «почаша грабити по селам и по волостем и по городу», а потому «бе по волости изъежа велика и боры частая, крицъ и рыданье и вопль» бедняков, утесняемых поборами. Результатом стали «клятва всеми людьми на старейшины наша и на град наш, зане не бе в нас милости и суда права»[82].

В голодные, годы не только купечество получало даровых холопов. Резко увеличивалось закупничество — закладничество лично свободных, искавших помощи у князей и сильных феодалов. Это ясно видно из договоров Новгорода с князьями. Массы голодного населения не раз покидали, например, Новгородскую землю: лично свободные смерды были не в силах не только платить дани, но и вообще существовать. Они были бессильны против бедствия голода, а господа не собирались им помогать. В более развернутых известиях о голодных годах читаем: «А друзии разидошася по чюжим землям» (1128 г.), «разидеся власть (т.е. волость) наша и град наш», «а меньшее они разодошася, а иное помьрло голодом» (1215 г.); меньшие — это те смерды, для которых издавал потом свои распоряжения черниговский князь Михаил Всеволодович (1229 г.), суля тем, кто «сбежал на чюжю землю», по возвращении освобождение на пять лет от даней.

Бежали не только смерды, а и городская беднота; уезжать могли и представители привилегированных групп населения; так думать

---

[80] Патерик. С. 108.

[81] ПВЛ. Ч. 1. С. 142.

[82] НПЛ. С. 425.

позволяет широкая летописная формула: «И разидеся град нашь и волость наша и полни быша чюжии гради и страни братье нашей и сестр, а останък почаша мерети» (1230 г.). Из более поздних сообщений мы узнаем, куда бежали голодные новгородцы: «И... много разидошася — иниu в Литву, иниu — в латинство, иней же бессерменом и жидом исие хлеба даяхуся гостем»[83].

Но бегство не всегда было возможно. Случалось (правда, позднее) и так, что другие города не впускали к себе голодных и даже изгоняли во время голода, обрекая на верную смерть бывших у них чужеземцев; так поступили псковские власти в 1422 г. — ими изгонялись москвичи, тверичи, карелы, водь, чудь и др.; был наложен запрет и на вывоз хлеба[84].

Договоры Новгорода с князьями всегда содержали требования о возврате разного рода закладников, половников и т. п. Каждый смерд должен быть возвращен в свой погост. Это одна из основ коллективного иммунитета новгородского боярства, это — систематически возобновляемый его сговор с князьями, существенно ограничивающий право передвижения лично свободного сельского населения Новгородской земли. Вероятно, то же значилось в «правдах» и «рядах» с князьями других русских вольных городов.

Бесспорно, что бедствия голодных лет содействовали накоплению (в том числе и за счет вольных городов) собственности в среде феодалов, у церковных корпораций, в особенности содействовали они имущественному расслоению деревни, обогащению той части лично свободного крестьянства, которая развивалась в мелкий служилый люд («старая чадь», «повозники», «холопы-сбои» и т. п.). Для них резкий подъем цен на сельскохозяйственные продукты открывал дополнительную возможность к закабалению собрата по погосту.

О том, что потрясения народного хозяйства обогащали монастыри, можно узнать из выразительного описания эпидемии 1351 г. в Пскове. Это был «мор зол» и «во граде» и «по селом». Говорили, что он «пошол из Индейскыя земля от Солнечна града» (упоминание Солнечного града восходит к тексту Мефодия Патарского). Мор свирепствовал в Псковской земле долго — «чрес все лето». Попы не успевали отпевать умерших и потому велели свозить их на цер-

---

[83] Там же.

[84] ПЛ. Вып. 2. С. 38–39; *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства. С. 150.

ковные дворы; к утру на каждом из дворов оказывалось «до 30-ти или боле» покойников; всех их отпевали разом и «полагаху и по трое или по пяти голов во един гроб». Так и хоронили. Кладбища не вмешали мертвецов, вымирали целые семьи, людей охватило отчаяние — «мнози бо мняху тогда, яко же всем помрети». Летописец — лицо духовное — отметил, что мор сопровождался передачей имуществ церкви. Дело в том, что каждый «помышляше о своем животе или о души» и потому «мнозе идяху в монастыри» — постригались в монахи, да и те, что умирали «в домех своих», тоже «имение свое отдающе в милостыню церквам и монастырем, попам, духовным отцам и нищим, маломощным, оубогым, кормяще и напаяюще, и милостынею оучреждающе», т.е. последние категории получали помощь не прямо, а через посредство церкви.

Такого рода помощь бедноте особенно поощрялась церковью, ибо немало перепадало в ее мошну. Ярко описана подобная деятельность князя Владимира Васильковича. Он перелил свои сокровища в гривны «и разъсла милостню по всей земли»[85]. Можно думать, что раздача милостыни происходила через посредство церкви. Читая сообщения летописцев-церковников о нищелюбии князей, надо их правильно понимать, иначе Владимир Мономах предстанет как народолюбец, готовый снять с себя последнюю рубаху, — «не щадяше имения своего, раздавая требующим»[86]. В поучении владимирского епископа (XIII в.) говорится, что церковные имущества существуют на радость бедным, в частности они и «в гладе прекормление»[87]. На деле уже в Печерском монастыре Феодосий устроил особый двор для убогих, которым (по словам жития!) шла только 1/10 часть монастырского дохода, да еще по субботам монахи отпускали 1 воз хлебов заключенным в тюрьмах[88]. В этом плане интересно напомнить решения Владимирского собора (1274 г.). Псковский летописец уточняет состав пожалований в пользу церкви: «Ови от богатства

---

[85] ПСРЛ. Т. II. Стб. 914. О такого рода деятельности князей напоминал в 1512 г. Иосиф Волоцкий дмитровскому князю Юрию Ивановичу (Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А.А. Зимина, Я.С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 135, 235–236, 253–284). С ссылкой на международный опыт прошлого он утверждал, что «вси благочестивии царие и князи» в голодные годы помогали бедным (Там же. С. 236).

[86] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 294.

[87] Послание владимирского епископа к местному князю // Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. VI. Стб. 118; ср.: НПЛ. С. 478 («церковное богатство — нищих богатьство»).

[88] Патерик. С. 42.

села давахоу (понятно, вместе с населявшим их крестьянством. — *В.П.*) святым церквам или монастырем, друзии же во озере ловища, исады или что от имений своих». Подобные вещи происходили и за рубежом, например в Любеке в XV в. во время эпидемии чумы[89]. Летописец оттеняет праведность и целесообразность такого рода пожалований, ибо только церковь пеклась обо всех. Конечно, рассуждает он, «богатым и бо всяк тщится послужити и в животе и по смерти», надеясь «да наследует что от имениа их». Но это менее верный путь, ибо «и кто комоу отдавахоу статки живота своего или детий, то и ти такоже мнози на борзе разболевшеся оумираху»[90]. Это происходило во время мора от эпидемии, едва ли иначе шли дела в голодные годы.

При господстве строя, основанного на частной собственности и соответствующей ему морали, не приходится удивляться, что в голод «брат брату не съжаляшеться, ни отечь сынови, ни мать дочери, ни сусед суседу не уламляше хлеба; не бысть милости межи нами» — деньги давно разъели былое единство и семьи, и общины. И сама христианская проповедь церкви шла вразрез с ее грабительской практикой. Не удивительно, что у нас почти нет известий о результативных действиях государственной власти по борьбе с голодом и его последствиями[91]. Впрочем, возможно влияние экономических затруднений голодных лет на внешнюю торговлю. Отмечу в этой связи, что Новгород и Псков в 1224 г., Смоленск и Полоцк в 1224 и 1229 гг., Витебск в 1229 г.[92] заключали договоры с Ригой в

---

[89] *Hecker J.F.* Der schwarze Tod im XIV Jh. B., 1832. S. 32; ср.: *Dorbeck F.* Geschichte der Pestepidemien in Russland // Abhandlungen zur Geschichte der Medizin. Breslau, 1906. H. XVIII. S. 7–14.

[90] ПЛ. Вып. 1. С. 21–22; Вып. 2. С. 101–202.

[91] Предохранительные меры против распространения эпидемий (изоляция пораженных улиц, городов, земель; жестокое истребление нарушителей этих мер) получают применение уже с XIV в. (*Тихомиров М.Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 85; ср.: *Лахтин М.* Борьба с эпидемиями в допетровской Руси // Русская старина. СПб., 1905. Февраль. С. 414–427); то же было в Польше (*Walawender A.* Kronika klesk elementarnych). Против этих мер выступали церковники. См.: Послание Филофея дьяку М.Г. Мисюрю-Мунехину (1521–1522 гг.); *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 159–167, 221–238. Прилож. С. 26–32; Послание Фотия в Псков (1426 г.) по случаю эпидемии чумы (АИ. I. № 30; РИБ. VI. № 53); Послание Фотия о бездождьи // Православный собеседник. 1861. Июнь. С. 180–204. Прилож. С. 26–32.

[92] ГЛ. XXXVI. I.

трудных условиях голодных лет. Вопрос этот нуждается в дополнительном изучении.

Конечно, в духовно-проповеднической литературе немало примеров того, как духовные лица «повелевали» стихиями, Печерские монахи Никита и Кукша низводили дождь с небес, а Прохор, когда в 90-х годах XI в. был «глад крепок и скудота велиа при всем Рускои земли», не только превращал золу в соль, но и «делал хлебы из лебеды» и «раздаваше неимущим и от глада изнемогающим»; Варлаам Хутынский в начале XIII в. предсказывал урожай[93] и т. п. На деле, понятно, происходило иное: во время псковской эпидемии приехавший сюда для молебствий новгородский архиепископ Василий заразился и на обратном пути умер, дав повод летописцу справедливо заметить, что «санъ светлостью не оумолена бывает смерть: на всех вынизает многоядъныя своя зоубы».

Церковники устраивали скудельницы, т.е. общие могилы, кладбища[94]. Летописцы превозносят это дело, но оно имеет вполне земное объяснение. Обычно похороны были статьей дохода церкви. При массовой смертности дохода все равно не поступало, а повсеместно лежащие трупы вызывали смятение и толкали народ на стихийный протест. Тогда духовные власти распоряжались либо свозить покойников к церквам, устраивая коллективное отпевание, либо ставили скудельницы: так было в Новгороде, где в 1215 г. поставили одну скудельницу, и в 1230 г. их поставили три.

Для уборки трупов использовали либо наемных работников — в 1128 г. «пояша наймиты», либо людей, близких клиру: в 1230 г. архиепископ Спиридон «приставил мужа блага смерена», некоего Станилу, брата иконописца Домажира, «возить мьртвьця на кони, где обидуце по городу». Тот работал «беспрестани по вся дни» и натаскал в скудельницу более 3 тыс. трупов. Но голод не утих, начались грабежи и тогда «поставиша» (уже, видимо, власти республики) еще две скудельницы; в Смоленске во время мора 1230 г. также упомянуты четыре скудельницы.

Другим «средством» против голода были церковные службы — литургии и возведение обыденских церквей[95]. В новгородской ле-

---

[93] Патерик. С. 92, 81, 106–107; о подобных же делах Феодосия см.: Там же. С. 45; Памятники старинной русской литературы. Вып. I. С. 277–280.

[94] *Снегирев И.М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. 1839. Вып. 3. С. 108, 177–210.

[95] ПЛ. Вып. 1. С. 102.

тописи сообщается, что во время псковской эпидемии 1360 г. туда позвали архиепископа Алексея. Он прибыл, выполнил нужные обряды и уехал, и будто бы псковичам «оттоле поча лучши бывати милость божиа и преста мор»[96]. Характерно, однако, что псковская летопись, говоря об этом море, вовсе не упоминает о столь благотворном приезде владыки.

Тогдашняя духовная литература полна рассуждений о голоде как каре божьей и о пользе постов и воздержания. Посты считались и средством от эпидемий[97]. «Сам» игумен печерский Феодосии поучал, что надлежит «воздержанье имети от многого брашна; в яденьи бо мнози и питьи безмерне въздрастають помыслы лукавии, помыслом же въздростъшпм створяется грех»[98]. Фактически церковники отстаивали существующую норму распределения и наживали моральный капитал, славословя посты. Тот же Феодосий жил в пещере, «взимая мало коврижек»; было в монастыре немало и других постников, из которых «инии же ядуще хлеб с водою, инии зелье варено, друзии сыро»[99]. Но проповеди, не препятствуя голоду, не всегда помогали и против возмущения голодных.

Потрясения голодных лет не раз обостряли социальные противоречия настолько, что гнев народа прорывался наружу: беднота поднималась на владения тех, кто скрывал припасы, спекулировал ими, на богатеев вообще. Такого рода события наблюдались в Суздальской земле в 1024 г.; через 50 лет голод и народное движение охватили соседнюю Ростовскую землю. Датировка этого движения в летописи условна, но стоит оно в ряду с выступлением новгородцев против князя Глеба Святославича. Быть может, его надо поставить в связь с народными волнениями в Подвинье (1078 г.) и даже с убийством чудью того же изгнанного новгородцами Глеба в Заволочье (1079 г.)[100]. Как бы то ни было, поднялось крестьянство большого района Волги и Шексны с городами Ростовом, Ярославлем, Белоозером. Народные вожаки (и на сей раз бранно и пренебрежительно названные волхвами) подняли смердов из погостов; возможно, что в восстании участвовала и городская беднота (сами руководители

---

[96] НПЛ. С. 367.
[97] ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 55.
[98] ПВЛ. Ч. I. С. 122.
[99] Там же. С. 125.
[100] ПСРЛ. Т. II. Стб. 170; НПЛ. С. 18, 161; Патерик. С. 92; ср.: ПВЛ. Ч. II. С. 411–412.

были «от Ярославля»). Восставшие обратили свой гнев на проживавших в погостах «лучших жен», т.е. хозяек домов состоятельных людей не только феодалов, но и служилых низших разрядов (вплоть до «повозников», которые могли принадлежать к верхам общины. Последнее обстоятельство важно, ибо свидетельствует, что голод обострял расслоение общины[101]. Об этом говорит и отмеченный М.Н. Тихомировым факт, что восставшие «много жен и муж погубиша», настолько много, что белоозерские власти жаловались: «И дани не на ком взяти»[102]. Местные феодалы были, вероятно, тогда в отсутствии (может быть, в походе?). «Лучших» обвиняли в том, что они «держат» жито, мед, рыбу, а также меха, т.е., видимо, деньги. Голод вызвал нехватку всех продуктов. Жен убивали, дома грабили, а «именье их отьимашета собе» вожди восставших и, надо думать, пускали в общий котел. Это — борьба за более справедливое распределение не земельной собственности, а лишь продуктов. Примечательно, что в голодные для Южной Руси 90-е годы XI в. вновь появился какой-то волхв и в Ростове «иже вскоре погыбе»[103].

В 50-х годах XII в. на Руси побывал гренадский араб Абу Хамид ал-Гарнати ал-Андалузи. Среди его интересных и в общем достоверных известий о Руси есть и такое: «Каждые двадцать лет появляется у них колдовство, учиняемое старыми женщинами. По этой причине происходят среди людей сильные волнения. Они забирают всех старух, каких найдут в своей земле, и связывают им руки и ноги. Есть в их земле большая река. В ту реку бросают упомянутых старух: ту, которая выплывает на поверхность воды, считают чародейкой (и) сжигают, ту же, которая погружается, признают не чародейкой и отпускают ее свободно». Известный польский востоковед Т. Левицкий, который ввел этот текст в науку, закономерно сопоставил его с известиями 1024, 1070, 1091 гг. и высказал догадку: «Быть может, и тут речь идет о каких-то двух голодных периодах, во время которых колдуньи могут сбирать обильную жатву предрассудков»[104]. Из нашей

---

[101] *Воронин Н.Н.* Восстание смердов в XI в. // Исторический журнал. 1940. № 2. С. 56.

[102] *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 119.

[103] ПВЛ. Ч. I. С. 141 (под 1091 г.).

[104] *Lewicki T.* Ze studiów nad źródłami arabskimi // Slavia antiqua. Poznań, 1952. T. III. S. 142; ср.: *Монгайт А.Л.* Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли. 1150–1153 гг. // ИССССР. 1959. № 1. С. 169–181.

таблицы (см. Приложение) видно, что 1124–1128 гг. и 1145–1146 гг. были голодными и, следовательно, сообщение ал-Гарнати достойно доверия. Существенно и то, что серединой XII в. можно датировать первые преследования и сожжения «ведьм» на Руси[105].

Можно предполагать, что еще одна волна народных движений в Смоленске, Новгороде-Северском и городах Посемья падает на 80-е годы XII в.[106]: в Черниговщине отмечены сильные морозы (1187 г.), в Суздальской земле — эпидемия, в Новгородской — истребление печерских и югорских данщиков в Печере и Заволочье[107]. Не удивительно, что, сообщая о дороговизне 1188 г. (в общем, средней: 1 кадь ржи — 6 гривен), летописец счел нужным отметить: «Нъ божиею мплостию не бысть пакости в людьях». Зато за глухим сообщением о голоде 1214 г. в Суздальской земле — «и много зла сътворися»[108] — угадывается какое-то волнение.

Бросается в глаза, что в начале скудных лет в Северо-Восточной Руси опять объявились волхвы, на этот раз в Новгороде: здесь в 1227 г. четырех волхвов «съжгоша на Ярославле дворе»; их обвиняли в том, что они «потворы деюша» — колдовали, но, как с сомнением заметил летописец: «А бог весть»[109]. Народная масса была опутана предрассудками, что облегчало использование ее недовольства враждующими партиями князей и бояр. Вина за засуху 1228 г., когда крестьяне, а вслед за ними и горожане встревожились тем, что нельзя «ни сена добыти, ни уделати», была возложена на архиепископа Арсения, который, изгнав своего предшественника Антония, занял стол, «дав мзду князю». Конечно, эту мысль распространили в народе противники суздальских князей, но показателен сам факт, что восставшие подхватили ее и вытолкали владыку из пределов города буквально в шею.

События, приведшие к изгнанию Арсения и возвращению Антония, который был связан с Хутынским монастырем[110], причудливо отразились в упомянутом «Пророчестве Варлаама Хутынского».

---

[105] *Lewicki T.* Ze studiów. S. 149.

[106] *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 220; *Пашуто В.Т.* Очерки истории СССР XII–XIII вв. М., 1960. С. 30.

[107] НПЛ. С. 38.

[108] ЛПС. С. 112.

[109] НПЛ. С. 65; ср.: *Петухов Е.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888. Прилож. С. 11–12.

[110] *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 17.

Игумен Варлаам в беседе с Антонием предсказал снег на первую неделю Петрова поста, а когда снег выпал и Антоний начал сетовать, то выяснилось, что это к добру, что, хотя «рожь тогда цвела», ее «цветоу не прибило мразом», а вот «в корне ржаном во всяком обилии черви изомроша». Потом же вновь «теплота велика бысть и растая снег, и оупон землю». Следовательно, если просуздальский Арсений «нес» новгородцам неурожай, то «благодаря» другу Антония Варлааму «оугобзение велико бысть всем плодом земным». С той поры был установлен специальный праздник — в пятницу первой недели Петрова поста совершалось молебствие в честь Варлаама; к нему взывали и в дни, когда природа грозила неурожаем[111].

В связи с голодом 1271–1274 гг. владимирский епископ Серапион счел нужным выступить с поучениями, в которых обличал тех, кто верил в волхование. Волхвы не могут помочь человеку. «От которых книг или от ких писаний се слышасте, яко волхованием глади бываютъ на земли и пакы волхвованием жито оумножаютъ?» — вопрошал Серапион. Нет, и голод, и мор, и то, что «предали быхом иноплеменникомь не токмо на смерть и на плененье, но и на горькую работу» и «что всласть хлеба своего изъести не можем», — то все от Бога. Нетерпимы самосуды — испытания водой и сожжения. Карать надо «по правде» — по церковному и светскому закону. Епископ обличал кары водой и огнем потому, что они восходили к обычному внеклассовому праву. Это — «ногайский обычай»[112] и может быть (что нередко случалось) обращен и против власть имущих. Волхование заключало в себе попрание права собственности, отрицание покаяния, практическое осуждение стяжательства сытых за счет голодных. Не удивительно, что в XIII в. оно было поставлено в связь с еретичеством и на Руси, и в соседних странах[113]. Из сказанного как будто следует, что явление, которое наблюдал Абу

---

[111] Памятники старинной русской литературы. Вып. 1. С. 277–279; подобное использование суеверий продолжалось и позднее (ПСРЛ. Т. XII. С. 3). Иногда искали виновников в Орде, это отразилось в одной из поздних компиляции (ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843. С. 347; а также в хронике Яна Длугоша: *Dlugosii J.* Historiae Poloniae. Gracoviae, 1873. T. II. P. 490).

[112] *Петухов Е.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888. Прилож.

[113] Ср.: *Петухов Е.* Серапион Владимирский. С. 76, 78, 138, 143–144; ср.: ПРП. Вып. I. С. 269; *Геннинг М.Г.* Дьявол, его миф и история в христианской религии. Рязань, 1930. С. 38.

Хамид ал-Гарнати в середине XII в., продолжало жить на Руси: голод сопровождался общественными движениями.

В Новгороде боярство особенно ловко умело использовать недовольство народа — в интересах той или иной правящей группировки. Но нередко народ обращал свой гнев на богатых вообще; так было в 1230 г., когда бедняки «резаху люди живые», а «инии пакы злии человеци почаша добрых людей домы зажигати, где чююче рожь (К: и всякое обилье), и тако разграбливахуть имение их». Когда в 1291 г. новгородское хозяйство поразили и неурожай, и эпизоотия, они тотчас же сказались на общественной жизни — «того же лета грабиша коромолнице торг», т.е. уже не отдельных добрых людей, а самый центр их обогащения. Не зря в летописных миниатюрах голодные годы всегда изображаются в виде торга[114]. В 1309 г. были сильный голод, эпидемия и эпизоотия в Северо-Восточной Руси, а на следующий год зимой «грабиша села около Новгорода». Надо думать, это — боярские села. Наконец, во время новгородско-псковской дороговизны 1314 г. в Пскове «начали бяху грабити недобрые людие села и дворы в городе и клети на городе»; на этот раз «недобрые» люди покушались на села и городские дворы бояр и купцов, а также на государственные запасы[115].

Как отвечали на эти действия государственные власти, известно достаточно хорошо. Во время движения 1024 г. в Суздальской земле Ярослав Мудрый лично прибыл сюда, вероятно, с дружиной — одних он казнил, других «расточил». В Ростовской земле через полстолетия Ян Вышатич ходил на восставших с дружиной и с попом, т.е. действовал и мечом, и крестом, но не смог их одолеть. Лишь призвав белоозерскую рать, он добился захвата и казни вожаков. Во время народных волнений в Новгороде 1230 г. власти применили очень крутые меры — «тех (кто под влиянием голода убивал других. — *В.П.*) осочивше (т.е. поймав), тако творяху, овъих огньмь ижгоша, а другых осекоша, иных извешаша»; в связи с дороговизной 1303 г. здесь «неколько жен сожгоша». Погорели ли, как уже бывало, дома богатых хозяек или вновь за колдовство сожгли «чародеек» из числа простых горожанок, роптавших на нужду, сказать трудно. Иногда голодающие горожане объединялись в значительные

[114] *Арциховский А.В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 93–94.

[115] Ср.: ПЛ. Вып. 2. С. 38.

группы; так, во время голода 1314 г. псковские власти, применив оружие, «убиша их... с 50 человек, а потом бысть тихо».

Но тишина была обманчивой, к ней принуждала народ власть законов. В Русской Пространной Правде (ст. 43) не зря предусмотрены кары за ограбление гумна и кражу жита из ямы, а в Псковской Судной Грамоте (ст. 1) — за хищение зерна из ям и сена[116]. В духе смирения воспитывала народ и церковь. Лишь постепенно такие стихийные выступления голодной бедноты подтачивали ее дух смирения. Не случайно страшные голодные годы стали предвестниками первой крестьянской войны в России.

Анализ бедствий голодных лет в целом не позволяет согласиться с предположением Р. Смита о том, что естественно-географические условия сами по себе могли определять специфику экономической истории Руси. Напротив, очевидно, что бедствия голодных лет порождены в первую очередь общественными причинами и что их характер, развитие и последствия на Руси обнаруживают близкое сходство с подобными явлениями в других странах Европы; специфические же черты в экономическом развитии сперва Юго-Восточной, а затем и основной части Руси следует поставить в связь с гибельными последствиями набегов кочевников.

Впервые опубликовано: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 год. М., 1964. С. 61–94.

[116] ПРП. Вып. I. С. 80; Вып. 2. С. 286.

ГОЛОДНЫЕ ГОДЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Дата	**Территория**	**Летописная характеристика**	**Причины**		**Источники**
			естественно-географические	**общественно-политические**	
946	г. Искоростень	Осажденным грозит опасность «измерети гладом»		Внутренняя война — осада города войском кн. Ольги	ПВЛ. Ч. I. С. 42; ПСРЛ. Т. II, Стб. 47
968	г. Киев	«изнемогаху людие гладом и водою»		Внешняя война — осада города печенегами	ПВЛ. Ч. 1. С. 47; ПСРЛ. Т. II, Стб. 53
971	Белобережье	«глад велик»		Внешняя война — печенежская блокада. Дороговизна	ПВЛ. Ч. I. С. 52; ПСРЛ. Т. II. Стб. 61; НПЛ. С. 124
980	г. Родня	«глад велик»		Внутренняя воина — осада города войском кн. Владимира	ПВЛ. Ч. I. С. 55; ПСРЛ. Т. II. Стб. 65; НПЛ. С. 127
997	г. Белгород	«глад велик»		Внешняя война — осада города печенегами	ПВЛ. Ч. 1. С. 87; ПСРЛ. Т. II. Стб. 112
1024	Суздальская земля	«бе мятеж велик и голод по всей той стране»			ПВЛ. Ч. I. С. 99, 100; ПСРЛ. Т. II. С. 135

Примечание:

Голодные годы в отдельных землях Руси;

Голодные годы общерусские.

Продолжение табл.

Дата	Территория	Летописная характеристика	Причины		Источники
			естественно-географические	общественно-политические	
1042	Земля финнов и, возможно, Новгородская земля	«бе мор в коних»	Эпизоотия	Внешняя война — поход войск кн. Владимира на финнов — емь	ПВЛ. Ч. I. С. 103; ПСРЛ. Т. II. Стб. 155
1070-е	Ростовская земля	«бывши... скудости», народное движение			ПВЛ. Ч. I. С. 117–119; ПСРЛ. Т. II. Стб. 168
1092	Киевская земля Полоцкая и Друцкая земли	«ведро бяше, яко изгараше земля», «мнози человеци умираху различными недуги»	Засуха Эпидемия		ПВЛ. Ч. 1. С. 141; Патерик… Стр. 106
1093	г. Торческ	«изнемогати начаша людье... водною жажею и голодом»		Внешняя война — осада города половцами	ПВЛ. Ч. I. С. 145, 147; ПСРЛ. Т. II. Стб. 212, 215
26 августа 1094	«Русская земля»	«прузи поедоша всяку траву и многа жита»	Саранча		ПВЛ. Ч. I. С. 148; ПСРЛ. Т. II. Стб. 217
28 августа 1095	Киевская (?) земля	«прузи покрыта землю, я душе траву и проса»	Саранча		ПВЛ. Ч. 1. С. 150; ПСРЛ. Т. II. Стб. 220; НПЛ. С. 19

Продолжение табл.

Дата	Территория	Летописная характеристика	Причины		Источники
			естественно-географические	общественно-политические	
1097	г. Владимир-Волынский	«мы изнемогаем голодом, аще не придеши хотять ся людье предати, не могу те глада терпети»		Внутренняя война — осада города поиском кн. Давыда Святославича	ПВЛ. Ч. 1. С. 180; ПСРЛ. Т. Стб. 247; Патерик… С. 107, 108
1 августа 1103	Киевская (?) земля	«придоша прузи»	Саранча		ПВЛ. Ч. 1. С. 183; ПСРЛ. Т. II. Стб. 255
1115	Новгородская земля	«измьроша коня вся у Мьстислава Владимировича и у дружины его»	Эпизоотия		НПЛ. С. 20
1123	Земля финнов и, возможно, Новгородская земля	«лют бяше путь, оже купляху по ногате хлеб»		Внешняя война — поход войск кн. Всеволода на финнов-емь. Дороговизна.	НПЛ. С. 21
1124	Киевская земля	«бысть бездождие»	Засуха		ПСРЛ. Т. II. Стб. 288
1125	Новгородская земля	«бяше буря велика... стада скотины истопи в Волхове, а другыя едва переимаша живы»	Буря		НПЛ. С. 21

Продолжение табл.

Дата	Территория	Летописная характеристика	Причины		Источники
			естественно-географические	общественно-политические	
1127	Новгородская земля	«паде метыль густ по земли, и на воде, и по хоромом» «снег лежал до Якова дни, и на осень уби мороз вьрьшь всю и озимице» «бы голод»	Поденка Поздняя весна Ранний мороз	Дороговизна	НПЛ. С. 21, 206
1128	Суздальская и Новгородская земли	«бысть вода велика, потопи люди и жита и хоромы унесе» В Новгороде «люте бяше».	Поводь	Дороговизна в Новгороде	ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 299 (под 1129 г.); Т. II. Стб. 293; НПЛ. С. 22; Троицкая летопись. С. 211
1137	Новгородская земля	«и стоя все лето осмьнъка великая по 7 резан»		Внутренняя война — разрыв отношений с Псковом, Суздалем, Смоленском, Полоцком, Киевом. Дороговизна	НПЛ. С. 25
1141	Новгородская земля	«ни жито к ним (новгородцам) не идяше ни откуду же»		Внутренняя война — разрыв отношении с низовскими князьями	ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 309; Т. II. Стб. 308

Продолжение табл.

Дата	Территория	Летописная характеристика	Причины		Источники
			естественно-географические	общественно-политические	
1143	г. Котельница	«и разноси... клети и жито из гумен... яко рать взяла» и «не остася у клетех ничего»	Буря, дожди, поводь в Новгородской земле		ПСРЛ. Т. II. Стб. 314; НПЛ. С. 26, 27
1145	Новгородская земля	Вода на Волхове «сено и дръва разнесе» «и много уиме жит и сена не уделана»	Дожди. Бесснежная зима		НПЛ. С. 27, 213
1146	Галицкая земля Новгород-Северский	«бысть дождь и стече снег» «нетуть ни жита, ничто»	Дождь	Внутренняя воина — захват запасов зерна и конских табунов волынско-черниговскими войсками	ПСРЛ. Т. II. Стб. 319, 331, 332, 334
1152	г. Ярославль	«изнемогаху людие в граде гладом и жажею»		Внешняя война — осада города булгарами	ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 77
1154	Черниговская (?) земля	«и бысть мор в коних во всих его, ако же не был николиже»	Эпизоотия	Внутренняя война — поход войск кн. Юрия Долгорукого	ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 341; Т. II. Стб. 468
1158	Новгородская земля	«мор бысть в людех много и конь мьножьство помре»	Эпидемия Эпизоотия		НПЛ. С. 30, 217

Продолжение табл.

Дата	Территория	Летописная характеристика	Причины		Источники
			естественно-географические	общественно-политические	
	Туровская земля	«бысть мор в коних» войска кн. Изяслава		Внутренняя война — осада г. Турова войском кн. Изяслава	ПСРЛ. Т. II. Стб. 492
1160	Минская земля	«а ты (торки вспомогательного отряда) померше голодом и придоша пеши» в Киев		Внутренняя война — осада г. Минска войском полоцкого кн. Всеволода	ПСРЛ. Т. II. Стб. 505
1161	Новгородская земля	«пригоре все жито... уби всю ярь мороз», «велика скорбьб бяше в людьх и нужа»	Засуха, мороз, сырая зима	Дороговизна	НПЛ. С. 31, 218; ПСРЛ. Т. 11. Стб. 517
	Черниговская земля	«а у Выри не могу голодом мерети»			
1164	Галицкая земля	«много же и нив потопе и бысть... жатва дорога рамяно на ту зиму»	Поводь	Дороговизна	ПСРЛ. Т. II. Стб. 524; Т. XXV. С. 73
1168	Черниговская земля	«бе... люта зима велми»	Морозы		ПСРЛ. Т. II. Стб. 532
1169 — 1170	Новгородская земля	В войске «друзии людие помроша с голода» «бысть дороговь»		Внутренняя война — поход войска кн. Андрея на Новгород. Дороговизна	ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 361; НПЛ. С. 33; ЛПС. С. 80; Т. II. Стб. 560, 561 (под 1173 г.)

Продолжение табл.

Дата	Территория	Летописная характеристика	Причины		Источники
			естественно-географические	общественно-политические	
1175	Владимир-на-Клязьме	Горожане, после 7 недель осады, «не терпяче глада», открыли ворота		Внутренняя война — осада города ростовскими войсками	ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 373; Т. II. Стб. 597; Т. XXIII. С. 50
1182	г. Торжок	«людье изнемогошася... с голода и конину ядаху»		Внутренняя воина — осада города войсками Всеволода	ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 388
1186	г. Пронск	«изнемогаху людье... безводьем» «не мори ся голодом с дружиною и людии не помори»		Внутренняя война — осада города рязанским войском	ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 402
1187	Владимиро-Суздальская земля	«болесть силно в людех вельми»	Эпидемия		ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 405; Т. II. Стб. 653; ЛПС. С. 100
	Черниговская земля	«на ту осень бысть зима зла велми»	Морозы		
1188	Владимиро-Суздальская земля	В феврале «бысть гром страшен»	Сырая зима	Дороговизна	НПЛ. С. 39; ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 406
	Новгородская земля	«на ту зиму бысть дорогьвъ»	Сырая зима	Дороговизна	НПЛ. С. 39; ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 406

Дата	Территория	Летописная характеристика	Причины		Источники
			естественно-географические	**общественно-политические**	
1190	Киевская земля	«бысть тепло и стече снег, и нелзе бо им дойти земли их»	Сырая зима		ПСРЛ. Т. II. Стб. 672
1193	Киевская земля	«жито не родилося ныне»	Неурожай		ПСРЛ. Т. II. Стб. 688; Т. XXV. С. 97 (под 1196 г.)
1195	«Русская земля»	«придоша проузи»	Саранча		ПСРЛ, т. II, стб. 688; Т. XXV, стр. 97 (под 1196 г)
1201	Новгородская земля	«ста все лето дъжгево»	Сырое лето		НПЛ. С. 45, 46, 246
1203	Новгородская земля	«изомроша кони Новагороде и по селом»	Эпизоотия		НПЛ. С. 45, 46, 246
1207	г. Пронск	«жажды ради водныя, измираху бо мнози людье в граде»		Внутренняя война — осада города войском кн. Всеволода	ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 432
1214	Владимиро-Суздальская земля	«бысть глад велик, яко и людем измирати»	Неурожай (?)		ЛПС. С. 112; ПСРЛ. Т. XXV. С. 109 (под 1212 г.); ср.: ГЛ. XV. С. 7–11 (мор в Ливонии и Эстонии около 1212 г.)

Дата	Территория	Летописная характеристика	Причины		Источники
			естественно-географические	общественно-политические	
1215—1216	Новгородская земля	Мороз «поби... обилье по волости» (кроме Торжка) «голод зол велми»	Ранний мороз	Внутренняя война — торговая блокада владимиро-суздалького кн. Ярослава Всеволодовича	НПЛ. С. 54, 55, 253, 254; ПЛ. Вып. I. С. 11 (под 1216 г.)
1223	Владимиро-Суздальская земля	«бе ведро велми и мнози борове и болота загорахуся»	Засуха		ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 447; Т. XVIII. С. 52 (под 1224 г.); Т. XXV. С. 121
1224	Псковская земля	«великий глад был»	Неурожай (?)	Последствия поражений на Калке и под Юрьевом (?)	ПЛ. Вып. 1. С. 11
1227	Владимиро-Суздальская земля	«бяхут бо дождеве велми мнози день и нощь»	Поводь		ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 451
1228	Северо-Восточная Русь	«рожь не родися по всем нашей земли и дорого бысть жито» «ни сена людьм бяше лзе добыти, ни нив делати»	Неурожай Дожди Поводь	Дороговизна Внешняя война — приход полков кн. Ярослава для похода на Орден	ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 451; НПЛ. С. 66, 67, 474
1229	Новгородская земля	«въздорожиша все по търгу... и тако ста по 3 лета»		Дороговизна	НПЛ. С. 66

Продолжение табл.

Дата	Территория	Летописная характеристика	Причины		Источники
			естественно-географические	общественно-политические	
1230	Русь	Мороз «изби обилье по волости», бог велел отворить «хляби небесные» «бысть мор силен»	Мороз в Новгородской земле Поводь в Галицко-Волынской земле Эпидемия в Смоленске	Дороговизна	НПЛ. С. 66, 271; ср.: Т. XVI. Стб. 50; ПЛ. Вып. 1. С. 11; Вып. 2. С. 21, 78, 79; Т. II, Стб. 760, 761; Т. XXV. С. 125
1232	Псковская, земля	«не пусти князь гости к ним, и купляху соль по 7 гривен»		Внутренняя война — торговая блокада владимиро-суздальского кн. Ярослава Всеволодовича	НПЛ. С. 72
1234	Новгородская земля	«недостало бо у них (у лодейщиков) бяше хлеба»		Внешняя война — поход войска кн. Ярослава Всеволодовича на Литву	НПЛ. С. 73; ср.: С. 283
1236 — 1241	Русь (кроме Новгор. - Пск. и Полоцко - Мин.)	Татаро-монгольское нашествие		Внешняя война	
1240	Новгородская земля	Немцы «поимаша по Луге все кони и скот и нелзе бяше орати по селом и нечим»		Внешняя война — вторжение немецко-датских войск	НПЛ. С. 78

Продолжение табл.

Дата	Территория	Летописная характеристика	Причины		Источники
			естественно-географические	общественно-политические	
1251	Новгородская земля	«наидоша дождеве и поимаша вси рли и обилия и сена...; а на осень би мороз обилье, но останок избыися»	Поводь Ранний мороз		НПЛ. С. 80, 304, 305
1252	Владимиро-Суздальская земля	Татаро-монгольское разорение (рать Неврюя)			
1258 — 1259	Галицко-Волынская земля	Татаро-монгольское разорение (рать Бурундая)			
1271 — 1274	Новгородская земля Русь	«бысть дорог хлеб, и у гостебников по Низовской земли товар отъимаша»		Внутренняя война — конфликт с кн. тверским	НПЛ. С. 322; *Петухов Е.* Серапион Владимирский. Прилож. С. 11
1275	Курская и другие земли	Татарский поход через Русь на Литву			Троицкая летопись. С. 332, 333; ПСРЛ. Т. II. Стб. 38
1278	Северо-восточная Русь	Зимой «мнози человеци умираху различными недуги»	Эпидемия		Троицкая летопись. С. 336; ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 38

Продолжение табл.

Дата	Территория	Летописная характеристика	Причины		Источники
			естественно-географические	общественно-политические	
1279	Русь, Польша, Литва, Ятвягия	«голод бысть во всей земле, и в Руси, и в Ляхох, и в Литве, и в ятвязех»			ПСРЛ. Т. 11. Стб. 879, 880
1280	Северо-Восточная Русь	«буря силна» «быша громови страшни и ветры миози»	Буря		Троицкая летопись. С. 337
1281	Северо-восточная Русь	Татарское разорение (рать Кав[г]адыя)			
1282	Новгород	«в Новегороде бяше хлеб дорог»		Внутренняя воина — конфликт с кн. Дмитрием Александровичем Дороговизна	НПЛ. С. 325
	Карпаты	«бысть в них (среди войск Телебуги) голод велик»		Внешняя война — рать Телебуги заблудилась в Карпатах	ПСРЛ. Т. II. Стб. 891
	Суздальская земля	Татарское разорение (рать Тура и Томерь Алына)			Троицкая летопись. С. 339
1283	Галицко-Волынская Русь, Польша	«бысть зима люта», «изомре... бещисленое множество», «и в ляхох бысть мор велик»		Внешняя война — нашествие рати Телебуги	ПСРЛ. Т. II. Стб. 894, 895, 914

Дата	Территория	Летописная характеристика	Причины		Источники
			естественно-географические	общественно-политические	
	Курская земля			Нападение рати Ахмата	Троицкая летопись. С. 340, 341
1284	Русь, Польша, Орда	«изомре все — и кони, и скоты, и овце»	Эпизоотия		ПСРЛ. Т. II. Стб. 895
1286–1287	Галицко-Волынская Русь	Татарские походы через Русь на Польшу (рати Телебуги)			ПСРЛ. Т. II. Стб. 897–900
1290	Северо-Восточная Русь	«а на то лето вода бы велика»	Поводь		ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 56
1291	Новгородская земля	«помроша коне в Новегороде, мало ся оста» «поби мороз обилье по всей волости»	Эпизоотия Мороз		НПЛ. С. 327
1293	Северо-Восточная Русь	Татарское разорение (рать Дюденя)			Троицкая летопись. С. 345, 346
1298	Северо-Восточная Русь	«мор на скот бысть», «сухмень бысть»	Эпизоотия Засуха		ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 484

Дата	Территория	Летописная характеристика	Причины		Источники
			естественно-географические	общественно-политические	
1299	Псковская земля	«мор бяше на людях»	Эпидемия		ПЛ. Вып. 1. С. 14; Вып. 2. С. 22, 86
1300	Северо-Восточная Русь (включая Торжок)	«ветры силны быша и дождове и громове»	Буря и дожди		ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 485
1302	Северо-Восточная Русь	«бысть буря велика и много пакости бысть по селом дубье подрало»	Буря		ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 486; ср.: Троицкая летопись. С. 350
1303	Новгородская и Псковская земли	«не добыша люди хлеба»	Сырая зима		НПЛ. С. 91, 92, 331; ПЛ. Вып. 1. С. 14; Вып. 2. С. 22, 88; ср.: Т. XVI. Стб. 57
6 июня 1304	Северо-Восточная Русь (Ростов)	«бысть буря велика в Ростове»	Буря		Троицкая летопись. С. 351; ПСРЛ. Т. XXIII. С. 95
1309	Северо-Восточная Русь Полоцкая земля	«бысть... мор на люди, и на кони, и на всякий скот, мышь поела рожь, и овес, и пшеницу, и всякое жито»	Эпидемия Эпизоотия Нападение грызунов	Дороговизна Затруднения с подвозом хлеба из-ха немецкого рубежа	Троицкая летопись. С. 353

Продолжение табл.

Дата	Территория	Летописная характеристика	Причины		Источники
			естественно-географические	общественно-политические	
1310	Новгородская земля	Бедняки зимой «грабиша села около Новограда»			НПЛ. С. 333
1312	Новгородская земля	Князь вывел наместников «не пустя обилья в Новъград»		Внутренняя война — конфликт с тверским князем Михаилом	НПЛ. С. 94
1314	Новгородская земля	Мороз «изби... вся жита»	Мороз	Внутренняя война — конфликт с низовскими князьями	НПЛ. С. 94; ПЛ. Вып. 1 С. 14; Вып. 2. С. 22, 88
	Псковская земля	Дороговизна «люта» и «много время»	Мороз	Дороговизна. Голод в немецком войске в «земле кривичей»	PD. III. 322; NE. V. 2436
1315	Ливония, Эстония «и соседние земли»	Тяжелый голод			*Hohlbaum K.* Die Jungere Livlandische Reimchronik des Bartholomaus Hoeneke… S. 1, 2, 44, 45, HW. P. 58
1316	Новгородская земля	«Начаша (тверские воины) измирати гладом»		Внутренняя война — войска князя Михаила заблудились на пути домой	НПЛ. С. 337; ср.: Троицкая летопись. С. 355; ср.: Т. XV. Вып. 1. Стб. 36; ГВН и П. № 11. С. 23

Продолжение табл.

Дата	Территория	Летописная характеристика	Причины		Источники
			естественно-географические	общественно-политические	
1317	Тверская земля	Татарское разорение (рать Кавгадыя)			Троицкая летопись. С. 355, 356
1318	Тверь	«бысть мор... на люди»	Эпидемия		Троицкая летопись. С. 356; ср.: Т. XV. Вып. 1. Стб. 38–40 (этого известия нет)
1327	Тверская земля	Татарское разорение (рать Федорчука)			Троицкая летопись. С. 358, 359
1330	Северо-Восточная Русь	«сухмень бысть велика»	Засуха		
	Киевская земля	«помроша кони» у князя Федора	Эпизоотия	Внутренняя война — конфликт киевского князя Федора с отрядом архиепископа Новгородского	ПРСЛ. Т. X. С. 203
1332	Северо-Восточная Русь	«глад хлебный и скудота всякого жита» В Новгороде «глад бысть»	Рослая рожь	Дороговизна	Троицкая летопись. С. 361
1337	Северо-Восточная Русь (Москва, Торопец)	«тое же осени бысть поводь велика»; в Москве «потопе все, иное в погребех, иное на площадех, что где выношено»	Поводь		НПЛ. С. 348; Троицкая летопись. С. 362; ПСРЛ. Т. VII. С. 205

Продолжение табл.

Дата	Территория	Летописная характеристика	Причины		Источники
			естественно-географические	общественно-политические	
1341	Псковская и Тверская земли	В Пскове «мор зол на люди»; в Твери «бысть ведро»	Эпидемия Засуха		ПЛ. Вып. 1. С. 19, 20; Вып. 2. С. 25, 96, 97; ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 54
1342	Новгородская земля	«скот рогатый помре»	Эпизоотия		НПЛ. С. 354
1344	Тверь	«бысть мор на люди в Тфери прыщем», но «престашет»	Эпидемия		ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 55
1346	Орда, Кавказ. Азия	«бысть казнь от Бога на люди под восточною страною — и Орде, и в Орначи, и в Сарае, и в Бездеже и в прочех градех и странах и бысть мор велик на люди, на бесермены, и на татары, и на ормены, и на обезы, и на жиды, и на фрязы, и на черкасы и на прочая человекы, тамо живущая в них»	Эпидемия		Троицкая летопись. С. 368; Т. XXV. С. 175; Т. XV. Вып. 1. Стб. 57

Продолжение табл.

Дата	Территория	Летописная характеристика	Причины		Источники
			естественно-географические	общественно-политические	
1347	Тверская земля	«поводь велика велми была, якоже и не бывала ина такова»	Поводь		ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. С. 57
1349	Полоцк	«мор бысть на люди в Полотске»	Эпидемия		ПСРЛ. Т. X. С. 221
1351	Псковская земля	«мор зол во граде и по селом»	Эпидемия		ПЛ. Вып. 1. С. 21, 22; Вып. 2. С. 101, 102
1352	Новгородская земля	«мор силен»	Эпидемия		НПЛ. С. 363; ср.: Т. XVI. С. 83–86; ср.: ПСРЛ. Т. X. С. 224 (Смоленск, Киев, Чернигов, Суздаль, Глухов, Рязань — «во всей земле»)
	Русская земля	«бысть мор силен зело в Смоленске, и в Киеве, и в Чернигове, и в Суздале и во всей земле Русстей»; в Глухове и Рязани умерли все	Эпидемия		НПЛ. С. 363; ср.: Т. XVI. С. 83–86; ср.: ПСОД. Т. X. С. 224 (Смоленск, Киев, Чернигов, Суздаль, Глухов, Рязань — «во всей земле»

Часть II

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СТРАН БАЛТИИ

Страны прибалтийского региона

ВВЕДЕНИЕ

Правомерно ли выделение в особую группу трех стран, образующих прибалтийский регион нашей родины? Думается, что допустимо, ибо Эстония, Латвия и Литва, как единодушно свидетельствуют археологи, этнографы и лингвисты, имели некоторые давние, весьма устойчивые только им присущие хозяйственно-культурные особенности, заметно отличавшие их от других регионов[1]; эти страны взаимно сближает и роль, сыгранная ими в истории.

Изучение прибалтийской модели феодализма имеет немалый теоретический интерес, по крайней мере, в следующих отношениях.

Прежде всего, оно содействует углублению наших знаний о закономерностях истории народов Прибалтики[2]. Литва, Латвия и Эстония в основном входили в вассальную сферу древнерусского государства, почти одновременно и относительно позднее своего сильного соседа они вступили на путь феодализма; затем они попали под удар немецкого Ордена и его союзников и далее их развитие пошло по-разному: в Эстонии и Латвии по пути балто-немецкого, а в Литве — балто-славянского синтеза.

Изучение прошлого трех прибалтийских стран помогает понять важные проблемы истории России, более того, всей феодальной Европы. В самом деле, история стала свидетельницей упадка всех

---

[1] *Чебоксаров Н.Н.* О древних хозяйственно-культурных связях народов Прибалтики // СЭ. 1960. № 3. С. 113, 115; *Моора Х.А.* К вопросу о возникновении прибалтийской историко-культурной области // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.

[2] Это тем более важно, что в современной советской прибалтийской историографии продолжается дискуссия по всему кругу проблем, связанных с уровнем развития феодализма в странах региона в X–XIII вв. См.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 118, 152–153, 154–156 (здесь ставили вопрос Х.А. Моора и Х.М. Лиги — об отсутствии в XI–XII вв. феодализма в Эстонии, Т. Зейдз — о наличии его зрелых форм в Латвии); см. также исследования: ИСССР. 1970. № 1. С. 58–61; ср.: *Беляков Г.Ф., Колесницкий Н.Ф.* Симпозиум по проблеме генезиса феодализма // ВИ. 1964. № 4. С. 163–167.

этнически неоднородных феодальных государств, простиравших свою власть на территорию Восточной Европы, — Византии, Золотой Орды, Ливонского Ордена, Литовского великого княжества, Шведского королевства Речи Посполитой, Турции и, наконец, Австрии. Лишь Россия сохраняла и увеличивала свой неславянский ареал.

Одна из причин этого своеобразия кроется в издавна сложившемся неоднородном характере древнерусского государства с его территориально, экономически и политически преобладающим славянским этническим ядром. Русское централизованное государство возродило и укрепило это ядро. В свете сравнительно-исторического анализа прошлого Прибалтики полнее раскрывается выдающееся значение древнерусского раннефеодального и русского централизованного государств в истории нашей Родины.

Справедливость этого утверждения отчасти можно проверить, привлекая для сравнения историю государств, — в первую очередь, Ливонского Ордена и Литовского великого княжества, — включавших в свой состав территории народов Прибалтики. Изучение истории феодальных структур Эстонии, Латвии и Литвы позволяет понять, почему победа крепостничества в Ордене привела его к политическому распаду, к утрате независимости в пользу Речи Посполитой, Швеции и Дании (1591 г.), а эстонский и латышский народы обрекла на долгое прозябание под гнетом немецких феодалов, сумевших и при иноземной власти добиться торжества своего «особого» прибалтийского порядка (1645 г.)[3]; это изучение позволит, наконец, понять, каким образом Великое Княжество Литовское, чтобы отбить наступление Ордена и сохранить власть над Белоруссией, ограничило свою собственную независимость в пользу Польши в 1386 г., а чтобы утвердить крепостничество в 1588 г., пошло на утрату независимости в 1568 г.

Далее. Поскольку оба государства — и Ливонский Орден, и Литовское великое княжество — пали, не выдержав столкновения с Россией, встает вопрос о значении прибалтийско-русских связей для их истории. Факты свидетельствуют, что все три страны прибалтийского региона навеки сохранили глубокие следы дофеодального и раннефеодального балто-славянского симбиоза, которые вновь от-

---

[3] О сущности остзейского порядка см.: *Духанова М.М.* Остзейцы. Явь и вымысел. Рига, 1970.

четливо выступили в пору борьбы России за восстановление ее былых позиций в Поморье.

Далее. Предпринятый анализ свидетельствует, что идея миссии немецкого Ордена и Ганзы, якобы принесших в прибалтийский регион феодализм и его культуру, представляет собой элемент реваншистской концепции современного реакционного остфоршунга ФРГ. Сравнительно-историческое рассмотрение общественно-политической структуры Ливонского Ордена позволяет определить место этой недолговечной феодальной колонии — продукта крестовых походов — в многовековом прошлом Европы.

В сущности, вопрос стоит так: почему в России укрепление крепостничества сопрягается с усилением централизации, в Ордене — с ее упадком, в Литве — с попытками сохранить ее посредством унии с Польшей. Не в том ли причина, что в России она служила делу национальной консолидации, в Ордене — национальному угнетению, в Литовском великом княжестве — тому и другому?

Глава 1

ОСОБЕННОСТИ РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

В современной марксистской историографии продолжается углубленное изучение этой структуры, начатое трудами Я.Я. Зутиса[1], Х.А. Моора, В.В. Дорошенко и др., исследуется и этногенез народов и генезис их классового строя. Нас занимает вторая проблема, но мы, разумеется, учитываем и социальные последствия этнической истории и дофеодального времени и, особенно, той поры, когда национальные отношения выступают в классовых, политических формах.

Ныне интенсивно изучается зона взаимной славянской и балтийской (угро-финской и летто-литовской) инфильтрации. Археологами, этнографами и языковедами (Х.А. Моора[2], В.В. Седов[3], Н.Н. Чебоксаров[4], В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев[5], П.Н. Третьяков[6], Е. Анто-

---

[1] *Pašuto V.* Baltijas jautājums (līdz XVI gs.) J. Zuša darbos // Akadēmiķis Jānis Zutis. Rīgā, 1964. 161–156 lpp.

[2] *Моора Х.А.* Вопросы сложения эстонского народа и некоторых других народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 49–141; подробнее см.: *Doroszenko W.W.* Badania historiografii radzieckiej z lat 1945–1961 nad dziejami Łitwy i Estonii w okresie feodalizmu // Zapiski historyczne. Toruń, 1963. T. 28. Zecz. 3. S. 346 i nast.

[3] *Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья (до XIV в.). Автореф. дисс. д.и.н. М., 1966.

[4] *Витов М.В., Марк К.Ю., Чебоксаров Н.Н.* Этническая антропология Восточной Прибалтики. М., 1958.

[5] *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; *Топоров В.Н.* Некоторые задачи изучения балтийской топонимии русских территорий // Вопросы географии. М., 1962. Вып. 58. С. 41–49.

[6] *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966; *Он же.* К вопросу о балто-славянских отношениях в области Верхнего Поднепровья в первом тысячелетии нашей эры // Liber I. Kostrzewski. Wrocław, 1968. S. 288–296.

невич, К. Мусянович[7], Е. Данилайте[8] и др.) развивается мысль, что славяно-балтийский (как и славяно-финно-угорский и славяно-ирано-тюркский) симбиоз (взаимоблагоприятное сожительство народов) — это многовековой процесс, археологически, топонимически и лингвистически отраженный в чересполосных поселениях и смешанных формах материальной культуры, постепенно приводящей к расширению славянского региона и консолидации народностей на более четко очерченных территориях.

К нашей теме имеет прямое отношение гипотеза о значительности балтийских этнических регионов и интенсивности их славянской колонизации в дофеодальную эпоху. Эта гипотеза должна пройти проверку посредством глубокого предварительного изучения (антропологического, языкового, археологического, этнографического) каждого из синтезируемых этнических элементов и сравнительно-исторического сопоставления моделированных зон (древнерусской, белорусской, финно-угорской, летто-литовской, прусской) региона.

Но уже и сейчас историк не может пренебрегать хорошо аргументированным выводом В.В. Седова (поддержанным П.Н. Третьяковым[9]) о славяно-балтийской основе белорусской народности. Этот вывод многое проясняет в процессе образования Литовского великого княжества, в частности, в усвоении им в пору господства над Белоруссией важнейших элементов ее общественно-политического строя и культуры. И если прежде образование самой белорусской народности ставили в зависимость от этого вхождения в состав Литовского великого княжества, то теперь (разумеется, предположительно) можно говорить об ее предшествующем формировании, которое лишь получило более законченную форму под властью Литвы.

---

[7] *Antoniewicz J.* Problemy i potrzeby badań archeologicznych na ziemiach północnowschódnich Polski // Acta Baltico-Slavica. Białystok, 1964. T. I. S. 13–24; *Idem.* Tribal Territories of the Baltic Peoples in the Hallestatt // Ibid. 1966. T. IV. P. 7–27; *Musianowicz K.* Granica mazówiecko-drehowicka na Podlasiu we wczesnym średniówieczu // Materialy wczesnośredniówieczne. Warszawa, 1960. T. V; подробнее см.: *Пашуто В.Т., Ючас М.А.* Новый славяно-балтийский ежегодник // СС. 1968. № 1. С. 100–103. Исследование Ятвягии Е. Антоневичем и его коллегами облегчает археологические изыскания в юго-западной Литве, в Занеманье и Судовии.

[8] *Данилайте Е.* Штрихованная керамика в Литве. Автореф. дисс. к.и.н. Вильнюс, 1967.

[9] *Третьяков П.Н.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970.

Даже при нынешнем состоянии разработки проблемы историк Прибалтики может исходить из следующей презумпции: поскольку процесс энергичной славянской колонизации прибалтийской этнической сферы протекал в дофеодальную, догосударственную пору, главной его фигурой был славянский земледелец. Это была в основном мирная колонизация, несшая земледельческий прогресс в среду менее развитых народов. В этих условиях складывание славянских ремесленно-торговых очагов в неславянских землях содействовало их этническому сплочению.

Следовательно, древнерусско-балтийские связи, постепенно фиксируемые источниками феодальной эпохи, имели за собой не одно столетие.

Переходя к рассмотрению особенностей генезиса классового строя и раннефеодальной структуры региона, мы также опираемся на выводы историографии, относящейся к Эстонии[10], Латвии[11] и Литве[12].

Ознакомление с источниками и выводами историков позволяет заключить, что примерно с X (Литва) — XI (Эстония и Латвия) вв. народы региона вступают на путь становления феодального общественного строя.

---

[10] *Моора Х.А.* Возникновение классового общества в Прибалтике // СА. 1953. T. XVII. С. 105–132; *Моора Х.А., Лиги Х.М.* К истории сельского хозяйства в Прибалтике в период образования феодальных отношений // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 год. Вильнюс, 1965. С. 77–89; *Кустин А.Э.* Археологические памятники периода зарождения раннефеодальных отношений на островах Сааремаа и Муху (в XI — начале XIII в). Автореф. дисс. к.и.н. Таллин, 1962; *Селиранд Ю.Я.* Могильные памятники 11–13 вв. в материковой Эстонии. Автореф. дисс. к.и.н. Таллин, 1966; *Лиги Х.М.* Феодальные повинности крестьян в Эстонии (до начала XIX в.). Автореф. дисс. д.и.н. Таллин, 1968.

[11] *Zeidzs T.* Feodālisms Livonijā. Rīgā, 1951. 38–63 lpp.; *Лиги Х.М., Тарвел Э.* Очерки аграрной истории Латвии. Рига, 1960; *Анисимова В.Р.* Распад первобытнообщинного строя и зарождение классового общества на территории Латвийской ССР в I тыс. н. э. Автореф. дисс. к.и.н. Рига, 1966; *Калнынь В.* Общественно-политический строй и право феодальной Латвии в XI–XVI вв. Рига, 1962; *Bīrons A., Dorošenko V.* Vēstures zinātnes attīstība padomju Latvijā. Rīgā, 1966. 18–28 lpp.

[12] *Volkaité-Kulikauskiené R.* Lietuviai IX–XI amžiais. Vilnius, 1970; ср.: *Волкайте-Куликаускене Р.* Боевой конь литовского воина. Вильнюс, 1971. Исследовательница начала работу на известном городище Майшягола; уже первые раскопки дали обширную информацию о хозяйстве Литвы XIV–XV вв. Библиографию см.: *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959; *Куликаускас П.* Исследование городищ Занеманья в Литве // Liber I. Kostrzewski. S. 297–313.

ТЕРРИТОРИЯ

Несколько слов о территории. Она относительно невелика. Ныне территория Литвы составляет 65,2 тыс. кв. км при протяженности границы 1842 км[13]; соответственно площадь Латвии — 64 тыс. кв. км[14], Эстонии — 45 тыс. кв. км, при протяженности границ для Латвии — 1700 км и для Эстонии — сухопутной 645 км, морской материковой — 1240 км. Притом следует принять во внимание эстонские острова — Сааремаа (площадь 2714 кв. км), Хиума, Муху и еще около 800 (при протяженности их границ 2540 км)[15], которым было суждено играть заметную роль в средневековой истории страны.

СРЕДСТВА ЖИЗНИ И ТРУДА

Естественно-географические условия кое-что объясняют в истории региона. Он был достаточно обеспечен средствами жизни и труда. Расположенный на северо-западной лесистой окраине Русской равнины (и поныне 20% поверхности Эстонии, 27% — Латвии и 16% — Литвы покрывает лес) он имел почвы в эстонской части (включая и острова) главным образом дерново-карбонатные, в латвийской и литовской — дерново-подзолистые, в последней — еще и подзолисто-болотные. Характер почв не способствовал раннему развитию земледелия в крае. В Литве болота занимают 5%, в Латвии — 19%, в Эстонии — 30% (включая полуболотные почвы) территории. Фауна региона многообразна — медведь, кабан, благородный олень, лось, косуля, заяц, белка, барсук, рысь, волк, много промысловой птицы — глухарь, тетерев, рябчик, утка; обилие пчел. Край богат рыбой, ибо он связан с морем и в нем множество озер — в Эстонии их 1500 (5% территории), в Латвии — 3000 (1,6% территории), в Литве — 4000 (1,5% территории). Он доныне обилен морским зверем — тюлень, нерпа, и промысловой морской рыбой — треска, салака, камбала, проходной — лосось, таймень, сиг, угорь, минога, а также пресноводной — ряпушка, лещ, судак, плотва, окунь, щука; в прудах — карп.

---

[13] Lietuvos TSR. Fizinė geografija. Vilnius, 1958. T. I. P. 7–9; БСЭ. 1957. Т. 50. С. 672 (площадь — 65 тыс. кв. км)

[14] БСЭ. 1957. Т. 50. С. 677, 690; ср.: 1953. Т. 24. С. 318 (площадь Латвийской ССР здесь — 64,5 тыс. кв. км).

[15] Eesti nõukogude entsüklopeedia. Tallinn, 1970. T. II. 49 lk.

Из средств труда важнейшую роль играло Балтийское море: протяженность морской береговой линии Литвы равна 99 км, Латвии — около 500 км, Эстонии (с островами) — около 4000 км; оно доставляло, помимо продуктов промысла, товары из других стран — с Готланда, из Руси, Швеции, Дании. Торговля еще была тесно связана с грабежом — приток иностранных товаров и пленных стимулировал развитие общественного неравенства; вторжения скандинавских пиратов, напротив, подрывали хозяйство[16].

Реки также влияли на жизнь региона. В Эстонии они короткие и мелководные, но две — Эмайыги и Нарва — многоводные и судоходные, первая впадает в Чудское озеро, вторая связывает его с Финским заливом. Они были естественными артериями, соединявшими этот суровый приморский край с Русью (Псковом и Новгородом).

Народ превратил его в край по тому времени богатый. Хронист Генрих, сторонник рижского епископа, современник и очевидец завоевания Эстонии, пишет об одной эстонской деревне, что она «очень красива, велика и многолюдна», как и другие деревни «по всей Эстонии, но наши не раз впоследствии опустошали и сжигали их»[17]. Эсты выводили в море огромный флот — 300 кораблей, «помимо малых судов»[18]. Когда Генрих говорит, что приморские эсты могли выставить «много тысяч всадников и еще большее число людей на кораблях»[19], то за его словами также угадываются сотни кораблей.

Большинство латвийских рек впадает в Балтийское море и Рижский залив; из них важное значение всегда имела Даугава (Западная Двина), берущая начало с Валдайской возвышенности и издавна связывавшая этот край с Русью (Полоцком), а также — Лиелупе, Гауя и Вента. Устья Даугавы и Венты испокон веков служили естественными гаванями[20]; вторая была круглый год открыта для морского судоходства. Этот район, как и поморско-эстонский, был

---

[16] См., например, сообщения о скандинавских походах на Эстонию: MGH SS. T. XVI. P. 404 (1196 г.); ср.: SRS. T. I (1). P. 48 (1198 г.).

[17] ГЛ. XV, 7.

[18] ГЛ. XV, 3; XIX, 5 (200 кораблей); VIII, 4 (22 судна).

[19] ГЛ. XV, 3. Эстонский корабль вмещал 30 человек (ГЛ. VII, 2).

[20] *Павулан В.В.* Хозяйственное и политическое значение даугавского торгового пути в XIII–XVII вв. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 75–94. О том же говорят исследования В.А. Уртана Даугмальского городища: *Уртан В.А.* Латвийские клады (до 1200 г.) как исторический источник. Автореф. дисс. к.и.н. М., 1971.

издавна связан с Готландом, что ясно отражено и в раннем немецко-куршском договоре (Приложение № 11, ст. 3), и в ливском археологическом материале[21]. Первые же письменные свидетельства говорят о «месте Риги», а также и Земгальской гавани как заметных торговых центрах[22]. Литва лежит в бассейне реки Нямунас-Неман (берущий начало неподалеку от Минска) с притоками Меркис, Вилия (Нерис), Шешупе и др., связывающей ее с Русью и с Балтийским морем.

Наконец, регион богат минеральными строительными материалами — доломитами, глинами, известняками, гипсами; Эстония — горючими сланцами, Литва — болотными железными рудами[23]. На основе археологических данных Х.А. Моора и А.Х. Моора, учитывая запасы средств жизни, выделили в восточной Прибалтике три главных хозяйственных региона: центральный (западная Литва и центральная Латвия и большая часть материковой Эстонии) — с давними земледельческими традициями; приморский (эстонские острова, северо-западная часть эстонского материка, побережье Курземе) — с издревле развитым морским промыслом и мореходством и, наконец, восточный (эстонское Причудье, юго-восточная Эстония, Латгалия, Восточная Литва) — переходный между древнерусским и прибалтийским хозяйственным укладом, край озерный с развитым рыболовством[24] и другими подсобными промыслами.

ЭТНОС

Этнически регион делится на две зоны. Современная археология считает, что около середины I тысячелетия н. э. здесь из древних угро-финнов и балтов сформировались две этнические группы: эстонско-ливская в Эстонии и северо-западной Латвии и балтийская

---

[21] *Тыниссон Э.Ю.* Археологические памятники ливов в Видземе (X — начало XIII в.). Автореф. дисс. к.и.н. Таллин, 1968. С. 36.

[22] ГЛ. II, 4; IV, 3 и с. 462; IV, 6; IX, 3; II, 10.

[23] См. интересный опыт определения древних центров кузнечного ремесла на базе болотных руд: *Станкус Й.* История технологии производства железных изделий на территории Литвы во II–XIII вв. Вильнюс, 1971.

[24] *Моора Х.А., Моора А.Х.* К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики // СЭ. 1960. № 3. С. 43. Эта проблема нашла дальнейшую разработку в исследовании: *Моора Х., Лиги Х.* Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII века. Таллин, 1969. С. 9–28.

летто-литовская на юге. Появление в русских источниках XII в. «всей Чюдьской земли»[25] и «Литвы»[26] свидетельствует о начале формирования местных народностей.

ДЕМОГРАФИЯ

О численности населения возможны лишь гипотезы. По мнению Х.А. Моора, исходя из общего количества крестьянских «сох», с которых немецкие и датские феодалы начали взимать повинности, население Эстонии в начале XIII в. насчитывало 150–200 тысяч человек[27]. Для Латвии Х. Ловмяньский, взяв в расчет плотность не свыше 2,5 человек на 1 кв. км, т. е. около 160 тысяч человек, а для Литвы — 3 человека на 1 кв. км, т. е. около 190 тысяч человек[28], насчитывал в целом для региона около полумиллиона населения[29]. Регион, расположенный в зоне здорового, умеренно-континентального климата, населен автохтонными, антропологически хорошо развитыми расами, приспособленными к жизнедеятельности и на суше, и на море. Различие климатических условий на севере и юге региона (разница в вегетационном периоде до двух недель), разумеется, сказывалось на качестве и темпах развития земледелия. В целом территория региона относительно (особенно в сравнении с Русью) невелика (174 тыс. кв. км) и лишена сильных естественных преград, а потому ее народы оказались с первых же шагов их истории втянутыми во взаимоотношения друг с другом и с соседними славянскими землями.

---

[25] НПЛ. С. 35 (1176 г.); ПСРЛ. Т. II. Стб. 608 (1078 г.).

[26] Ср.: *Volkaité-Kulikauskiené R.* Lietuviai IX–XI amžiais. S. 21.

[27] История Эстонской ССР. Таллин, 1961. Т. I. С. 82; в среднем 2,5 человек на 1 кв. км принимал в расчет П. Йохансен (*Johansen P.* Siedlung und Agrarwesen der Esten im Mittelalter // Verhandlungen der Gelehrten estnischen Gesellschaft. Dorpat, 1925. Bd. 23. S. 2 (т. е. около 120 тысяч человек); *Палли Х.Э.* Источники по исторической демографии Эстонии (XIII–XVIII вв.) // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 45 (1200 г. — 100–200 тысяч человек).

[28] *Łowmiański H.* Studia nad początkami społeczeństwa i państwa Litewskiego. Wilno, 1932. T. I. S. 95.

[29] *Łowmiański H.* Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. Warszawa, 1953. S. 243–244.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ГЕНЕЗИСА ФЕОДАЛИЗМА

Заметные сдвиги в общественном производстве у народов региона в начале II тысячелетия, бесспорно устанавливаемые археологами: рост плужного земледелия, переоснащение хозяйства железным инвентарем, появление гончарного круга, торжество парной семьи, исчезновение равенства имуществ внутри неукрепленных поселений и появление богатых дружинных комплексов вне их[30], — все это естественно сопоставить с синхронными письменными свидетельствами о процессе зарождения государств и поискать связь между этими двумя явлениями.

История Европы свидетельствует, что феодализм постепенно и крайне медленно вырастает из патриархально-общинного строя; сам общественный переворот, приведший к торжеству феодализма, тянулся столетия. Отдельные государственные формы складывались исподволь и были долго опутаны паутиной патриархальной старины, как видно на примере древнелитовского государства, где процесс становления феодализма был осложнен и ускорен балтославянским синтезом; о том же говорит пример Эстонии и Латвии, в которых, однако, процесс органического развития нового общественного и государственного строя был прерван и на столетия деформирован немецко-датским завоеванием.

Анализируя особенности складывающегося общественного строя в странах региона, мы должны прежде всего учесть, что они в основном находились в вассальной зависимости от древнерусского

---

[30] Имею в виду относящиеся к характеристике производства труды А. Расиньша, А. Антейна, И. Дайги, А. Зариньи, а также исследования городищ, выполненные М.Х. Шмидехельм, Э.П. Бривкальне, А.Я. Стубавсом, Э.Д. Шноре и другими учеными. Степень развития этих элементов, понятно, неодинакова и в рамках региона, и даже в пределах каждой из стран. Ср., например, отсутствие известий о гончарном круге на эстонских островах до XIII в., а также заметной имущественной дифференциации среди их населения до XII в.: *Кустин А.Э.* Археологические памятники периода зарождения раннефеодальных отношений. С. 28; ср.: *Селиранд Ю.Я.* Могильные памятники 11–13 вв. С. 26, 30, 32; *Moora H.* Käsitöö arenemisjärg Baltimail 12.–13. sajandik // Pronksiajast varase feodalismini. Tallinn, 1966. 123–128 lk. Автор справедливо связывает относительно медленное развитие ремесла (оно находилось на уровне русского деревенского) в Эстонии и Латвии со свидетельствами источников об уровне имущественной и социальной дифференциации. Речь идет о возобладающих тенденциях.

государства, которое возникло и сложилось как этнически неоднородное под господством славянской знати[31].

Последствия этой трехсотлетней зависимости были многообразны, причем интересно, что именно в прибалтийской вассальной сфере наиболее рано и ярко проявился процесс этнического и общественного сплочения подвластных Руси неславянских народов, свидетельством которого стали все более энергичные их попытки добиться политической самостоятельности[32]. Наибольшие успехи на этом пути отмечены в Литве, чьи князья (в числе 21) уже в 1219 г.[33] заключили равноправный договор с Галицко-Волынской Русью. Литва вышла из вассальной сферы во внешнеполитическую; аналогичные тенденции отмечены и в истории Эстонии и Латвии[34], тем не менее, они (включая и ливов) оставались данниками Руси[35], т. е., в первую очередь, Полоцка, Пскова и Новгорода, вплоть до начала полувековой балто-русской освободительной войны против немецких феодалов в XIII в.[36]. При анализе проблемы следует четко различать источники, относящиеся к истории народов региона и к истории органов русской власти.

---

[31] *Пашуто В.Т.* Особенности структуры Древнерусского государства // *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 88 и сл. (см. в настоящем томе. — *Примеч. ред.*).

[32] Хотя, в общем, функционирование системы управления сопровождалось не столь уже частыми конфликтами (Там же. С. 117–118, 100).

[33] ПСРЛ. Т. II. Стб. 735–736.

[34] *Пашуто В.Т.* Особенности структуры Древнерусского государства. С. 117–118.

[35] О подданстве Руси ливов, куршей, земгалов, литовцев и жемайтов см.: ПВЛ. Ч. I. С. 10; о подданстве Полоцку (через русского субвассала в Кокнесе) ливов и латгалов см.: ГЛ. XII, 1 (1208 г.), ср.: I, 3; XI, 7 (латгалы Толовы «всегда были» русскими данниками); XXVIII, 9; о подданстве селов, ливов и латгалов Руси см.: LR. S. 15, v. 645–646 («Selhen, Liven, Lettenlant wâren in der Rusen hant»); о ливах — подданных Полоцка писал Арнольд Любекский: MGH SS. T. XXI. P. 212; папа Климент III признавал, что ливское епископство находилось «in Ruthenia»: LUB. Bd. I. № 10 (1188 г.); папа Гонорий III именовал ливонских епископов «fideles per Russiam constituti»: Ibid. № 66 (1224 г.); папа Урбан IV считал, что восточная Латгалия помещается «in regno Russiae»; о давности русского владычества см.: *Łowmiański H.* Geneza ziemi Połockiej // Z polskich studiów sławistycznych. Ser. 3. Historia. Warszawa, 1968. S. 23.

[36] Мы не касаемся здесь хорошо разработанного вопроса об экономических взаимосвязях Прибалтики и Руси (см., например: *Чебоксаров Н.Н.* О древних хозяйственно-культурных связях народов Прибалтики. С. 94–115; *Мугуревич Э.С.* Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига, 1965; *Стубавс А.* Некоторые археологические находки 11–13 веков на городище Кокнесе // От эпохи бронзы до раннего феодализма.

Немецкая буржуазная историография ныне уже не в состоянии отрицать давнее подданство Руси народов Прибалтики, но искажает его по крайней мере в трех отношениях.

Во-первых, она извращает этническую природу древнерусского государства, когда говорит о «варяжско-русском» или «варяжско-восточнославянском» верховенстве, хотя признает, что следов варяжского властвования в Восточной Прибалтике найти не может[37].

Во-вторых, она превратно понимает социальную природу Древней Руси, когда вслед за П.Б. Струве пишет о «политическом феодализме»[38], ставит под сомнение ее государственный характер[39] и потому рекомендует «представлять рыхлой насколько возможно» власть «и туземных и иноземных владетелей замков», чтобы тем яснее оттенить ее отличие от «организационной и политической стабильности», присущей немецким владениям и территориям в Прибалтике[40]. Наша наука уже вскрыла несостоятельность современного взгляда буржуазных ученых, в частности немецких остфоршеров, на древнерусский феодализм. Новые зарубежные исследования подкрепляют выводы нашей науки[41]. Когда М. Хеллманн утверждает, что князь Всеволод, признавая Альберта отцом («eam in patrem eligens»), выходит за пределы русского правосознания, т. к. «в русских источниках нет никаких указаний на такое духовное отец–сын взаимоотношение (с государственно-правовыми связями и обязательствами)»[42], то он глубоко ошибается: таких указаний на феодальный вассалитет множество[43]. И потому нет ничего «гротеск-

---

Таллин, 1966. С. 166–172; *Шноре Э.Д.* Латгало-славянские контакты на территории Восточной Латвии во второй половине I и начале II тыс. н. э. // Acta Baltico-Slavica. Białystok, 1969. Т. 6. S. 145–158; *Antoniewicz J.* Niektóre średniowieczne skarby pruskie i litewskie i ich związki z Rusią // Liber I. Kostrzewski. S. 540–550; *Moora H.* Über den ostbaltischen Handel im 12.–13. Jh. // Ibid. S. 517–525).

[37] *Hellmann M.* Das Lettland im Mittelalter. Münster; Köln, 1954. S. 52–53, 59; см. также: *Дорошенко В.В.* Феодализм в Латгалии и восточной Видземе в освещении западногерманского историка // Изв. АН ЛатвССР. 1956. № 9. С. 147–155.

[38] *Hellmann M.* Das Lettland im Mittelalter. S. 132.

[39] Ibid. S. 61

[40] Ibid. S. 111.

[41] *Schmidt K.R.* Soziale Termimologie in russischen Texten des frühen Mittelalters. Kopenhagen, 1964. S. 535–537.

[42] *Hellmann M.* Das Lettland im Mittelalter. S. 132; LUB. Bd. I. № 15; ГЛ. XIII, 4. С. 127.

[43] *Пашуто В.Т.* Черты политического строя древней Руси // *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. и др.* Древнерусское государство. С. 53.

ного» в том, что епископ рижский Альберт фактически стал вассалом Полоцка по ливской дани[44], а русский князь Всеволод из Ерсике — вассалом («feodum oblatum») епископа[45], тесть епископова брата псковский князь Владимир Мстиславич сделался немецким фогтом[46]. Эти факты определялись сходством общественного строя Руси и Германии.

В-третьих, она затемняет идеологию Древней Руси, принимая на веру рассуждение Генриха о «бесплодии» православной церкви[47]; подчеркивая высокие «миссийные» устремления немецких завоевателей[48], она пишет об идейной индифферентности русских властей. Источниковедческая простота М. Хеллманна поистине поразительна, когда он, характеризуя политику полоцкого князя Владимира, пишет, что тот «осуществлял свое господство над неверными не ради чести и не по призванию господню, а для извлечения политических и моральных выгод» и де «моральная несостоятельность подобного господства в глазах западного современника отчетливо высказана Генрихом»[49]. Но прежде всего русские власти умело и широко использовали христианизацию в своей политике в неславянской вассальной сфере[50], внедрялось христианство и в Прибалтике соответственно целям властвования; моральные же сентенции Генриха, участника разбойничьих походов, в которых число убитых едва ли не превосходило число крещеных, недорого стоят.

Поиски письменных свидетельств об имущественной и социальной дифференциации в странах региона ведут нас к той поре, когда Эстония входила в союз с княжениями новгородских словен и полоцких кривичей, участвуя вместе с ними сперва в отражении набегов норманнских «находников»[51], а затем в договоре-ряде о приглашении отрядов варяжских князей на службу славянской знати[52]. Реальность этого участия подтверждается вполне доброкачественным документом — русско-византийским договором 944 г., в котором мы впервые

---

[44] ГЛ. XIV, 9.
[45] ГЛ. XIII, 4.
[46] ГЛ. XVI, 7.
[47] ГЛ. XXVIII, 4. С. 237.
[48] *Hellmann M.* Das Lettland im Mittelalter. S. 117–118.
[49] Ibid. S. 119.
[50] *Пашуто В.Т.* Особенности структуры Древнерусского государства. С. 109.
[51] ПВЛ. Ч. I. С. 18.
[52] Там же.

встречаем эстонских служилых людей на Руси. Они представляют ее в качестве послов в Константинополе: таковы Искусеви — от княгини Ольги (вообще имевшей интересы в северо-западном крае), Каницар — от княгини Предславы и купец Апубексарь. Рядом с ним выступают Ливи — видимо, от ливского наместника Арфаста и Ятвяг — от прусского (ятвяжского) наместника Гуннара[53].

Последующая служба прибалтийских выходцев («мужи лучшие») и их дружин на Руси, ясно отраженная летописями для X–XII вв., позволяет заключить, что местный нобилитет уже тогда располагал достаточным авторитетом и властью, чтобы, подобно известным Микуле, Тукию и Станиславу Туковичу, жившим в Киеве, или Ивану Чудиновичу, дружиннику черниговскому, принять христианство и стать в ряды крупного служилого боярства[54].

Владимир Святославич «нарубал» (набирал) эстонских «лучших мужей», наряду со словенскими, кривичскими и вятичскими[55]. Сам термин «лучшие мужи» применялся в «Повести временных лет» в отношении раннефеодальных общественных структур, например, древлян (где они «держат» землю, образуют выборное посольство из 20 человек для переговоров с Ольгой[56]), белозерцев (где упоминаются «лучшие жены»[57]), печенегов (с тем существенным отличием, что здесь они действуют как избранные «в родех»[58]). Тот же термин прилагался и к феодальному обществу: с новгородскими «лучшими мужами» ездил Нифонт в Киев, они — при дворе Святослава Ольговича в Новгороде; им сносят головы во время городского движения в Смоленск[59]. К.Р. Шмидт прав, что в этих случаях термин совпадал с «вятшими», «старейшими», «передними», «добрыми» мужами[60]. Б.Д. Греков уже заметил, что на Руси словом «мужи» переводили термин «nobiles»[61].

---

[53] Там же. С. 34; *Зутис Я.Я.* Русско-эстонские отношения в IX–XI вв. // Историк-марксист. 1940. № 3. С. 41; ПРП. Вып. I. С. 30, 51.

[54] ПВЛ. Ч. I. С. 40, 83, 114, 212, 132; ПРП. Вып. I. С. 79, 113; ПСРЛ. Т. II. Стб. 298; *Пашуто В.Т.* Особенности структуры Древнерусского государства. С. 106 (здесь допущена ошибка: Станислав Тукович был боярином Ярополка Владимирович).

[55] ПВЛ. Ч. I. С. 83.

[56] Там же. С. 41, 42.

[57] Там же. С. 117.

[58] Там же. С. 87.

[59] НПЛ. С. 23–25, 38.

[60] *Schmidt K.R.* Soziale Terminologie. S. 227, 229, 232.

[61] *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 126–127.

Источники дают право говорить и о влиянии русского властвования на общественное развитие народов Прибалтики, позволяют говорить о славяно-балтском синтезе. В самом деле, наличие русских центров властвования и христианизации, таких, как Ерсике, Кокнесе в Латвии, Тарту (Юрьев), вероятно, Вильянди в Эстонии, предполагает существование здесь очагов русского землевладения (вроде тех «сел о Юрьеве», которые упомянуты под 1061 г.[62]) и светского и церковного (если в этих центрах, как, например, в Ерсике[63], были русские храмы). По-видимому, ни естественно-географические условия, ни принятая Русью форма властвования не препятствовали развитию в регионе слоя крупных русских вотчинников, почему русское население отмечено и в Кокнесе, и в Ерсике, и в ранней Риге, и в Тарту. В «русском замке»[64] Кокнесе при княжеском дворе находились и мужи («viri») и челядь («servi»)[65]; русские мужи-дружинники, как и сам князь Вячко («Vesceka»), жили за счет (упомянутых в другой связи) «данников этого короля»[66]. Князь Всеволод «наследственно» владел городом Ерсике и тоже опирался на феодальную дружину: он был вынужден уступить епископу город «вместе с землей и всеми имениями («bonis»), к этому городу относящимися», а также «своих данников... вместе с данью и землями их»[67]. Эти владения составили три лена[68]. Когда «новгородцы и русские короли» дали князю Вячко «в вечное владение» замок Тарту[69] с правом собирать «подати с окружающих областей»[70], его постоянная русская дружина насчитывала 200 воинов-лучников.

Нам известна русская система управления вассальными землями, сохранявшая раннефеодальные формы подчинения: повсеместный сбор дани-подати (оброка) посредством доставки ее (повоза) в определенные для этого места (погосты). В погостах ее принимали местные власти и под контролем русских представителей (данщиков) доставляли в опорные пункты русского управления. Наличие

[62] НПЛ. С. 183.
[63] ГЛ. XIII, 4.
[64] Там же. X, 3.
[65] Там же. XI, 2 («cum viris suis»); XIII, 4; XI, 9 («servi regis»).
[66] Там же. XII, 1 («qui Regis errant tributarii»).
[67] LUB. Bd. I. 23 (1209 г.).
[68] ГЛ. С. 512–513.
[69] Там же. XXVIII, 3.
[70] Там же. XXVII, 5 («tribute de circumiacentibus provinciis»).

этой системы и на землях Прибалтики не вызывает сомнений[71]. Здесь «погост» предстает как объединение группы деревень; сама система погостов, вакусов, поседжайев восходит еще ко временам погостной реформы, проведенной великой княгиней Ольгой на землях словен и кривичей (947 г.). Дань была ежегодной[72], т. е. регулярной.

Эта гибкая система господства носила смешанную русско-балтийскую форму: вот почему в Тарту эстонско-русским войском предводительствует Вячко, а в Вильянди — Варемар[73]. В этой связи понятно, почему «храбрейший из латгалов»[74] носил имя Русин; этот старейшина имел много «близких и друзей»[75]. «Замок Русина» упомянут и хроникой, и актом[76]. Эта система вводила начала субвассалитета, административного управления, с податными округами и достаточно ясно очерченными границами.

Живущие в Прибалтике русские князья, бояре, дружинники руководствовались нормами Русской Правды; вероятно, они распространялись и среди прибалтов-христиан, тогда как язычники судились по общинному праву. Конкретные условия властвования, которое продолжалось не одно столетие (например, Ерсике для русского князя — «наследие отцов»[77]) и сопровождалось подчас серьезными осложнениями между русскими сюзеренами и их прибалтийскими вассалами[78], неизбежно предполагают юридические казусы, требующие применения и феодальных, и языческих норма права.

Это были глубоко поросшие связи, тем более что русская феодальная знать матримониально сближалась с прибалтийской: в хронике Генриха встречаем зятя Каупо по имени Иван («Wane»)[79]. И эсты, даже попавшие под власть Ордена, продолжали дружить с русскими: папа Гонорий III велел ливонским судьям преследовать тех русских, которые, живя в Ливонии, увлекали в свою веру эстонских неофитов, что особенно часто случалось при желании расторгнуть брак[80].

---

[71] *Калнынь В.Е.* Древнерусская государственность и право. С. 8.

[72] ГЛ. XIV, 9.

[73] Там же. XXVII, 1.

[74] Там же. XII, 6 («Russinus de castro Sotecle»).

[75] Там же. XV, 7.

[76] LUB. Bd. I. № 66 (1318 г.)

[77] ГЛ. XIII, 4.

[78] *Пашуто В.Т.* Особенности структуры Древнерусского государства. С. 117–118; Генрих называет их «друзьями» (ГЛ. X, 12).

[79] ГЛ. XIV, 8.

[80] HRM. № 12 (1222 г.).

Вероятно, русские судьи вершили суд во время сбора дани в определенные сроки, остальное время действовало местное право. Поэтому мне представляется плодотворной мысль В.Е. Калныня, предложившего сопоставить нормы кодифицированного немецкими и датскими завоевателями права эстов и латышей с Русской Правдой[81]; совпадение ряда важных норм несомненно. Исследователь обратил внимание и на то, что в латышском языке еще в XVII в. жило слово «вирник» («wihrneeks») и что в хронике Генриха употребляется термин «дружина» («draugs»)[82]. Такую работу нужно продолжить, но беда в том, что до сих пор у нас нет современного издания памятников права народов СССР, в том числе народов Прибалтики[83], и приходится довольствоваться дефектными или устаревшими публикациями[84]. Они позволяют, однако, уловить лишь тенденцию превращения лично свободных земледельцев в крепостных. Отстает у нас и правовая археология, т. е. специальный анализ памятников, относящихся к народным собраниям, суду, наказаниям и т. п.[85].

НОБИЛИ И ОБЩИНА

Немецкая буржуазная историография ошибалась сама и вводила в заблуждение мировую науку, утверждая, что в Эстонии и Латвии не было феодализма вплоть до завоевания крестоносцев, а в Литве и того дольше — вплоть до первой унии с Польшей.

---

[81] *Калнынь В.Е.* Древнерусская государственность и право на территории Латвии в XI–XIII вв. // Уч. зап. Латвийского гос. ун-та им. П. Стучки. Рига, 1964. Т. 64. Государственно-правовые науки. Вып. 7. С. 117–127; ср.: *Дорошенко В.В.* Киевская Русь и возникновение феодализма на территории Литвы // История Латвийской ССР. Рига, 1952. Т. I. С. 65.

[82] *Калнынь В.Е.* Древнерусская государственность и право. С. 121, 127.

[83] Вопрос о таком издании ставился нами еще в 1962 г. и получил поддержку широкой научной общественности (Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск, 1964. С. 9; ср.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 97–98, 316).

[84] Среди них лучшим изданием Правд остается: *Arbusow L.* Die altlivländischen Bauerrechte // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Riga, 1924–1926. S. 1–144, 635–645.

[85] Сколь плодотворен может быть такой анализ, см.: *Zontar J.* Zur Problematik der Rechtsarchaeologie bei den Völkern Jugoslawiens // Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas. 1956. Bd. 2. S. 16–202.

Говоря об Эстонии и Латвии, можно рассмотреть комплексно некоторые источники, что позволит заглянуть вглубь местных общественных порядков. Я имею в виду прежде всего группу документов, в которых завоеватели по горячим следам, в ходе наступления, определяют права и повинности сааремаасцев — в 1241, 1255, 1284 гг. (Приложение, № IV, V, VIII), куршей — 1230, 1231, 1267 гг. (Приложение, № I, II, III, VI) и земгалов — в 1272 г. (Приложение № VII); кроме того, можно привлечь памятники права, а именно Ливонскую Правду, имевшую силу на землях куршей и земгалов, и Эстонскую Правду, действовавшую на территории Западной Эстонии[86].

Классификация списков Ливонской Правды нами изменена по сравнению с традиционной следующим образом:

I. Ливонская Правда (Краткая редакция) — для ливов. 25 статей. Дошла в списке — ЛП. I (XVI в.)[87].

II. Ливонская Правда (Средняя редакция) — для ливов, куршей и земгалов. 27 статей. Дошла в списке — ЛП. II (начало XVII в.)[88].

III. Ливонская Правда (Пространная редакция) — для ливов и Лифляндии. 45 статей. Дошла в списках (отражающих варианты) — ЛП III_1 (списки середины XVI — середины XVII в.)[89], ЛП III_2 (список середины XVIII в.[90], хранящий отрывок текста в староэстонском переводе[91]).

Предлагая новое наименование и подразделение Правд, мы считаем определяющим содержание источника, а не место его кодифика-

---

[86] Эстонскую Правду (из 12 глав) — для земель Сааремаа и Ляэнемаа используем по списку середины XVII в. (ниже — ЭП), опубликованному с вариантами по другим спискам XVII–XVIII вв.: *Arbusow L.* Die altlivländischen Bauerrechte. S. 75–88, 28–30.

[87] *Bunge F.G.* Beiträge zur Kunde der liv-, est- und curländischen Rechtsquellen. Riga; Dorpat, 1832. S. 82–85; лучшее издание: *Arbusow L.* Die altlivländischen Bauerrechte. S. 32, 34, 36, 38, 40, 42, 44, 46, 48, 49.

[88] *Bunge F.G.* Beiträge. S. 85–884; *Arbusow L.* Die altlivländischen Bauerrechte. S. 33, 35, 37, 39, 41, 43, 45, 47.

[89] *Arbusow L.* Die altlivländischen Bauerrechte. S. 50–67. Один из списков (1617 г.) опубликован позднее: *Лесмент А.Я.* Ливонская Правда // Исторический архив. М., 1951. Т. VII. С. 198–206.

[90] *Arbusow L.* Die altlivländischen Bauerrechte. S. 51, 53, 55, 57, 59, 61, 63, 65, 67 (правые колонки страниц).

[91] Ibid., S. 50–67; отрывок в эстонском переводе: Ibid. S. 68–70. Отметим, кстати, что в рукописном собрании Гос. публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека. — *Примеч. ред.*) есть списки правовых кодексов Ливонии и Земгалии (немец. F II, 189) и Эстонии (немец. F II, 47, 215)

ции или копирования. При этом мы учитываем выводы Л. Арбузова, отдавая себе полный отчет в условном, предварительном характере предложенной нами классификации.

Документы хранят следы тех общественных отношений, которые постепенно сложились к XIII в. Власть на Сааремаа осуществляли «старейшины» («seniors») земли (Приложение, № IV, ст. 3; № V, ст. 6); они делали это на основе «своего права» («ius suum»), «права земли» (Приложение, № V, ст. 6 и 7). Именно у этих знатных («nobilium») людей немецкие завоеватели брали в заложники сыновей[92]; в Рифмованной хронике они названы «лучшими» («besten»)[93]; в ней же говорится о значительности слоя «богатых» в Эстонии и обилии в ней земли: «si haben sô manchen rischen man // und auch besunder lande vil»[94].

Примечательно, что когда в документах идет речь о правах местных жителей, т. е. в первую очередь нобилей, то, в сущности, трактуется один вопрос — о «наследстве». Термин полностью не раскрыт, но видно, что имеется в виду собственность недвижимая и движимая. Может быть, это некогда поделенная по наследственным жребиям (как у пруссов — «per sortes hereditarios») общинная собственность? Она становилась отдельной, а затем частной. Ведь в хронике Генриха называются «pars Cauponis»[95], в которую входили его, как увидим, достаточно выразительные «имения» («bona»); в той же хронике есть «pars Dabrelis»[96]. К сожалению, для этой части региона мы не располагаем данными о дарении и обмене унаследованной и благоприобретенной собственности. Но то, что мы знаем о развитии местной торговли, в частности и челядью, побуждает решать этот вопрос положительно[97].

Итак, о наследовании сааремаасцев читаем: «...Ни одно наследство («hereditas») среди них не может быть передано в пользование господина земли, пока есть некто, о ком известно, что он в родстве [с оставившим наследство] и выплатил возмещение за человекоубийство» (Приложение № V, с. 2). Речь идет о тех, кто участвовал

[92] ГЛ. XXX, 5 (1227 г.).
[93] LR. S. 144, v. 6292.
[94] Ibid. S. 9, v. 372–373.
[95] ГЛ. XI, 3
[96] Там же. XIV, 10.
[97] См. также: *Мугуревич Э.С.* Торговые пути на территории ливов и латгалов в IX–XIII вв. Автореф. дисс. к.и.н. Рига, 1961.

в освободительном восстании, но выплатил компенсацию и старался оградить свое имущество от новых немецких властителей. Этот пункт договора был принят Орденом не только в качестве уступки саaремаасцам, но и в пику епископу. Первоначально действовало право свободного завещания земли прибалтами[98]. В 1237 г. оно под давлением Ордена было отменено[99]. Церковники, богатевшие от вкладов, протестовали, но тщетно.

Эта собственность сохранялась за наследниками («haeredis») и в том случае, если ее владелец изгонялся с острова, как это предусматривалось в определенных случаях местным обычным правом (Приложение № V, с. 3); по этому же праву присвоение наследства ближним («proximum suum») могло караться его убийством (Приложение № V, с. 6). Упоминание этого «ближнего» не вполне понятно, но что он относится к патриархальной семье — очень вероятно; весьма заманчиво видеть в этой статье попытку местной знати покончить с притязаниями родственников на аллод. Существовало и право на наследство рабов (Приложение № V, с. 4), о которых речь будет ниже.

Из соглашения епископа эзельского с Орденом от 1254 г. узнаем о реализации этого договора, о «неприкосновенном праве («solvo iure») неофитов», которые «знают, что до сих пор они мирно сохраняли за собой наследство и в пашнях, и в лугах, и в медоносных деревьях, и в иных владениях («possessionibus») или других правах, [и] которые сообразно обычным правам («de juribus concuetis») ответят тому господину, под чьей властью («domino») находится их наследство»[100].

Сааремаасцы знали, следовательно, достаточно развитое наследственное право, хотя оно и не выражено в их договоре с немецкими властями с такой полнотой, как, скажем, право пруссов в Кишпоркском договоре 1249 г.[101].

---

[98] ГЛ. XXI, 4 (1217 г. — Каупо, умирая, отдает bonis suis ливонской церкви).

[99] LUB. Bd. I. № 146: «В Ливонской и Эстонской земле тевтоны и неофиты не склонны от земель своего наследства делать взнос церкви ни при жизни, ни даже после смерти».

[100] LUB. Bd. I. № 2735, 2736.

[101] *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. С. 497. Кстати говоря, списки этого договора имеются в рукописном собрании Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина: Q II, 163, л. 7 (Privilegium primum Pruthenorum eis a legato apostolico).

Аналогичные, лишь несколько более развитые институты находим в Латвии: у куршей в качестве представителя власти выступает король («rex») Ламмекин и с ним другие «язычники» — представители двух «земель» («de terris»), четырнадцати кихельконд и от остальных «кихельконд деревень», лежащих по обе стороны реки Вента (Приложение № II, преамбула). В документе, говорящем о праве куршей, в первую очередь, понятно, «хороших и верных» («guden truwen») (Приложение № VI, ст. 2), главным вопросом также является право на собственность, которая здесь ясно обозначена как собственность на землю: курши принимают христианство и его организацию, но «без ущерба для себя во владении («possessionibus») и собственности на землю («proprietatibus agrorum»)» (Приложение № I, ст. 3). Их право знает наследование до четвертого колена (Приложение № VI, ст. 8). Прежде оно могло быть неограниченным.

Документ, относящийся к земгалам, беднее содержанием, но и у них власть олицетворяют «старейшины земли» («eldesten des landes») (Приложение № VII, ст. 1).

В документе о куршах сказано, что все они подлежат «ливскому праву» («Liveschen rechte») (Приложение № VI, ст. 14), а в документе о земгалах, что суд фогтов должен осуществляться у них трижды в году «по праву и обычаю земли Летляндии и Эстляндии» (Приложение № VII, ст. 5); на Сааремаа он ограничен одним сроком в году (Приложение № V, ст. 7).

Обращаясь к этому праву, к Ливонской Правде, созданной немецкими властями при участии «olden Lyfflenderen», мы и в ней находим статьи о наследовании сыновей, жены, дочерей (ЛП. I, ст. 10, 11; ср. ЛП. II, ст. 27), брата (ЛП. I, ст. 17– брат по смерти брата наследует вместе с имуществом и его долги; ср.: ЛП. II, ст. 16 — более поздний этап, когда брат отошел на второе место после более близких наследников: «sterwet enn man, de erwen adder bröder hefft, so sint de schuldig [tho] bethern von sienem gude») и очевидные пережитки патриархально-общинной старины, вроде статьи о повышении штрафа за ранение в доме (ЛП. I, ст. 24; ЛП. II, ст. 19).

В статьях, относящихся к защите других имущественных прав, речь идет об охране все той же земельной собственности — межевых знаков на полях (ЛП. II, ст. 25), полей и лугов от потравы (ЛП. I, ст. 19; ЛП. II, ст. 17), бортных деревьев, клетей (ЛП. I, ст. 12, 13;

ЛП. II, ст. 14), скота (ЛП. III_1, ст. 23, 24), сена (ЛП. I, ст. 21; ЛП. II, ст. 18; ЛП. III_1, ст. 39). Подобные статьи могли быть в древнем общинном праве и в ранних редакциях Ливонской Правды потому, что и поля, и борти, и прочее добро уже попадали в руки местной знати, как увидим из хроник. Можно допустить, что и статьи об охране леса от пожара (ЛП. II, ст. 22) и о самовольной порубке (ЛП. II, ст. 26) восходят к общинному праву.

В эстонском праве находим такие яркие следы дофеодальной старины, как бегство убийцы на один год и день из страны или возмещение содеянного по иску «друзей» убитого в течение этого срока (ЭП., гл. II, § 1)[102]. Эстонское право хорошо сохранило пережитки кровной мести, которая в немецкой записи осуждается как умысел («vorsatz») и «нарушение мира», с появлением феодальной власти ведшие к потоку и разграблению; ранение из мести в поле или днем на дороге («auf heller straszen») каралось «шеей» («so bricht er seinen hals»), причем возмещаются не только раны, но и умысел — полувирой («halbmannbote») (ЭП., гл. VI).

В этом праве каралось вирой в 40 марок ограбление «на свободной дороге» («auf freyer strasze») (ЭП., гл. VIII, § 1), а также покушение на собственность в поле, на лугу, в рыбных угодьях (ЭП., гл. VIII, § 2); более мелкие присвоения возмещались дифференцированно, в размере от полумарки до 9 марок (ЭП., гл. IX, § 1–6).

Более подробно отражена в эстонском праве охрана дома, жилья — нарушение мира в чужом доме каралось «шеей» (ЭП., гл. VII, § 1); специально предусмотрена охрана забора, ворот, меж, сенных слег (ЭП., гл. VII, § 3), зерна, дров, строительного леса (ЭП., гл. VII, § 4). От полной оценки соотношения штрафов за убийство и взысканий за хищение имущества придется воздержаться до поры, когда будут изучены древнейшие списки Ливонской и Эстонской правд, но бросается в глаза их сходство с нормами древнерусского права. Продолжая начатое В. Калнынем сопоставление, отметим следующее.

Прибалтийское право, как и древнерусское, в значительной мере основано на дуодецимальной системе, где главные числа 12 и его части. Большое сходство наблюдается и в нормах возмещений.

Начнем с уголовного права. Первоначально в Прибалтике, как некогда и на Руси, действовал jus talionis, в частности при убийстве:

---

[102] Подобный срок знает и Помезанская Правда, ст. 98, 118.

«von einen doden einen dotschlag» (ЛП. I, ст. 1), позднее замененный вирой в 40 марок (ЛП. III_1, ст. 9), с последующим уточнением, что это вира за крестьянина («eines pauren»), а за немца и свободного она равна 80 маркам (ЛП. III_2, ст. 9).

То же находим в Русской Правде, где первоначальная вира составляла 40 гривен (РП Кр., ст. 1), тогда как 80-гривенная вира охраняла специально привилегированный слой (РП КР., статьи 19, 22, 23; РП Пр., статьи 1, 3)[103].

Неумышленное убийство («umb speel») подтверждалось в ливонском праве личной присягой или свидетельством «друзей» (ЛП. I, ст. 8); по Эстонской Правде требовалась присяга виновного как самседьмого (ЭП., гл. IV, § 2). Согласно Русской Правде, поклепную виру можно было отвести при семи послухах (РП Пр., ст. 18). В процессе по обвинению в ночном убийстве Эстонская Правда предусматривает испытание каленым железом (ЭП., гл. III). В Русской Правде «прохождение нощное», как повод к обвинению, требует той же процедуры оправдания (РП Пр., ст. 87).

Следующим по важности преступлением против личности было увечье («verlehmung»): по Ливонской Правде, если пострадавший лишался ноги, руки, глаза или носа, это каралось полувирой в 20 марок: «vor eine verlehmunge der vote effte hande, ogen effte nese, de sall ene halve mannes petringe don» (ЛП. I, ст. 4; ЛП. II, ст. 3; ЛП. III_1, ст. 1–3). Что мы читаем в Русской Правде? «Аче ли утнеть руку, и отпадеть рука или усхнеть, или нога, или око, или не[с] утнеть, то полувирье 20 гривен» (РП Пр., ст. 27); когда вира пошла князю, пострадавшему стали давать за увечье 10 гривен[104].

В оценке ран также наблюдаем примечательное совпадение. По Ливонской Правде рана мечом — «vor eine seringe des schwerts» — возмещалась суммой в 3 марки (ЛП. I, ст. 2), то же — в Русской Правде — 3 гривны уже идут властям, а пострадавшему гривна (РП Пр., ст. 30). Знает Ливонская Правда и рану ножом, карая ее 6 марками (ЛП. I, ст. 3; ЛП. III_1, ст. 11, в одной из редакций — двумя марками (4 озеринга) (ЛП. II, ст. 2); Русская Правда о ране ножом

[103] ПРП. Вып. I. С. 77–78, 108.

[104] Увечье пальцев в прибалтийском праве оценивалось дифференцированно — от 2 до 6 (ЛП. I, ст. 5) и от 3 до 5 марок (ЛП. III, статьи 4–8), тогда как в Русской Правде любой палец ценился в 3 гривны (РП Кр., ст. 7), а позднее, когда князь присвоил виру, пострадавший получал 1 гривну (РП Пр., ст. 28).

не говорит, но в смоленско-немецком договоре такая рана оценивается в 3 гривны[105].

Синяк в Прибалтике, полученный от удара палкой, возмещался 3 марками (ЛП. I, ст. 7), позднее платилось по 1 марке (2 озеринга) за каждый нанесенный до крови или синяка удар (ЛП. II, ст. 12; ср. ЛП. III_1, ст. 11; ЛП. III_2, ст. 11), затем появилась градация возмещения синяков — от 1 до 3 марок (ЛП. III_1, статьи 29, 30, 26). То же самое видим в Русской Правде (РП Кр., ст. 2, 30; РП Пр., ст. 29).

Ливонское право карало укус. Каждый, укусивший другого «примерно тремя зубами», должен был их выкупить за 3 марки, иначе их выбивали (ЛП. III_1, ст. 27). В Русской Правде этой нормы нет, но по церковному Уставу Ярослава (ст. 28) 3 гривны за укус шли епископу[106].

Кража в поле, в бортных угодьях, в клети, похищение лошадей — «Item is dat ein brecke effte felt, honichbome eder kleyt..., effte perde de gestolen werden, effte ander dink» — все это каралось 3 марками (ЛП. I, ст. 12; ЛП. II, ст. 25 — за нарушение межи — 6 озерингов, статья 22 — о краже скота с поля, со двора, из хлева; за огораживание чужой земли эстонское право взыскивало 3 гривны — ЭП., гл. IX, §1). Русская Правда требовала за хищение коня 3 гривны (РП Кр., ст. 13; ср. ст. 12, 28), за кражу борти — тоже 3 гривны (РП Кр., ст. 32); за присвоение скота из хлева и имущества из клети — 3 гривны 30 кун (РП Пр., ст. 41). Нарушение межи бортной, дворовой и пашенной оценивалось вчетверо дороже — 12 гривен (РП Кр., ст. 34; РП Пр., ст. 72), что и понятно при большем, чем

[105] ПРП. Вып. II. С. 72. Курс смоленской гривны иной: вира в договоре равна 10 гривнам. Для оправдания в нанесении непредумышленной раны топором или мечом Ливонская Правда требует присяги (ЛП. I, ст. 6), потом — уплаты 1 марки (ЛП, II, ст. 11; ЛП. III_1, ст. 12, 15). По Русской Правде 1 гривной карался виновный в том, что замахнулся мечом (РП Кр., ст. 19; РП Пр., ст. 24). Со временем Ливонская Правда выделила еще рану на лице, карая ее 6 марками, из которых 2 шли господину (ЛП. III_1, ст. 25). Наконец, в той же Правде фигурирует рана, нанесенная ножом в доме, — 9 марок (ЛП. I, ст. 24), впоследствии по статье, говорящей вообще о побоях и ранах, нанесенных в доме, — 3 марки (ЛП. II, ст. 19).

[106] ПРП. Вып. 1. С. 261; ср. с. 269 (от 1 до 12 гривен). Насилие над женщиной каралось Ливонской Правдой смертью — «шеей» (ЛП. I, ст. 9; ЛП. II, ст. 13; позже — ЛП. III_1, ст. 16 — требовались 3 свидетеля). В Русской Правде этой статьи нет (за убийство женщины вира равнялась 20 гривнам: РП Пр., ст. 88); в Уставе Ярослава (ст. 2) нормы вычислены в золоте — ПРП. Вып. 1. С. 259; в смоленско-немецком договоре (ст. 12) — от 1 до 5 гривен (ПРП. Вып. 2. С. 62), т. е., согласно нормам этого документа, не выше полувиры за убийство.

в Прибалтике, развитии феодальной земельной собственности на Руси[107].

Кража охапки сена влекла за собой штраф в 3 марки, менее охапки — в 1 марку (ЛП. I, ст. 21; ср. ЛП. II, ст. 18); позднее — по 3 марки с украденного воза с уплатой господину за сено — «für jeglichen fuder, als viel er gestohlen» (ЛП. III_2, ст. 39; ср. ЭП., гл. IX, § 2–5). По древнерусскому праву, в подобном случае взыскивались 9 кун, притом сходно с поздней ливонской нормой — «господину колико будет воз украдено», полагалось «имати... за воз по 2 ногате» (РП Кр., ст. 39; РП Пр., ст. 82). В эстонском праве кража предметов, связанных с рыбным промыслом, наказывалась 3 марками (ЭП., гл. IX, § 6), словом, по той же норме, что на Руси хищение всего относящегося к охоте (РП Кр., ст. 37; РП Пр., ст. 80–81).

И в судебном процессе по делам о краже, о преступлении против личности и имущества есть общие черты в балтийском и древнерусском праве. В Латвии свидетельствующий по делу о ранах и не сумевший доказать обвинение платился 1 маркой (ЛП. III_1, ст. 36); на Руси тот, кто клепал виру и не доказал, — гривной (РП Пр., ст. 20). Ливонское право на первый раз требовало с обвиняемого личную присягу, на другой раз — присягу сам-второй, на третий раз — испытания каленым железом (ЛП. I, ст. 16; ЛП. II, ст. 15; ср. ЛП. III_1, ст. 10). Русская Правда Краткой редакции знает в этом случае свод из 12 соприсяжников или уплату 3 гривен (РП Кр., ст. 15), но позднее в делах до полугривны золота предусматривалось испытание каленым железом, до 2 гривен серебра — испытание водой, на меньшую сумму — присяга.

С суда в Прибалтике по делам о ранах и убийстве ⅔ шло пострадавшему и ⅔ госпóде (ЛП. III_1, ст. 25); древнерусский вирник получал ¼ с виры в 80 гривен (РП Пр., ст. 10).

В наследственном праве при известном своеобразии общественного строя Прибалтики тоже немало общего: действует преимущественное наследование сыновей (ЛП. I, ст. 10; ЛП. II, ст. 27; ср.

[107] Были в Прибалтике и другие нормы наказаний за кражу, притом очень суровые: совсем мелкая кража осуждалась или «шеей» (повешением), или уплатой 6 марок (ЛП. I, ст. 15); за кражу на сумму до марки предусматривались порка, отрезание ушей и выжигание щек (ЛП. I, ст. 14); столь же решительно осуждалось ограбление, хотя бы на сумму до 6 пфеннигов, в местах, издавна охраняемых обществом, — на дороге, в бане, на мельнице и, наконец, в церкви — все это каралось «шеей» (ЛП. III_1, ст. 41; ЛП. II, ст. 21; ЛП. III_1, ст. 42).

РП Пр., ст. 92)[108], а также наследование долгов вместе с имуществом (ЛП. I, ст. 17; ЛП. II, ст. 16; то же подразумевает РП Пр., ст. 105)[109].

Из сказанного следует, что воспринятые остфоршерами утверждения старых немецких историков прибалтийского права (Л. Арбузова) о его подобии немецкому праву и полной зависимости от него, по меньшей мере, сомнительны, особенно учитывая почти полное отсутствие немецкой крестьянской колонизации в регионе. Трехсотлетнее общение Руси с Прибалтикой, как видим, оставило след в сходстве правовых норм их народов.

Наши источники дают основание говорить о давнем существовании в обществе Эстонии и Латвии правящего слоя старейших (они же — «богатые»), о господстве индивидуальной семьи с наследственным правом на недвижимость, прежде всего на землю. Перед нами аллодисты; как можно видеть, они крупнее в Латвии. Литовский и прусский материал рисует нам три группы аллодистов-нобилей, среди которых мы находим уже собственников не только жребиев, но и деревень (как Лингевин, Сударг и др.) и целых земель с городами (как, например, жемайтский князь Выкинт или аукштайтский Миндовг)[110].

То, что мы до сих пор знали об общественной структуре региона из хроник, как видим, подкрепляется сведениями комплексно рассмотренных памятников права. Эстонцы и латыши были отнюдь не равны и вовсе не безвластны под верховенством Руси. Хронист Генрих называет их непосредственных властителей старейшинами («seniors»), или по-другому — «лучшими» («meliores»), «знатными» («nobiles») и, что очень важно, «богатыми» («divites»), давая основание думать, что власть титулованной знати уже давно покоится отнюдь не на одном авторитете[111]. Можно догадаться, что в обществе лично свободных земледельцев-аллодистов далеко не все местные вотчинники были «нобилями», а лишь те из них, которые были связаны с выполнением функций управления и власти.

---

[108] Ср.: ПРП. Вып. I. С. 180.

[109] Мы не касаемся более поздних статей, например, эстонского права о крестьянском отказе (ЭП., гл. X, § 1–2; гл. XI, § 2, 3; гл. XII), о найме слуг, о еретичестве и т. п.

[110] *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. С. 260, 296.

[111] Seniores — ГЛ. I. 14; XII. 6; XV. 7; meliores — II. 2; IV. 4; X. 14; nobiles — XXX. 5; divites et seniores — XV. 7.

Терминология хрониста достойна полного внимания, особенно когда идет речь о людях, власть имущих. Латышская и эстонская знать фигурирует под теми же названиями, что и литовская, — «senior», изредка — «princeps ac senior»[112]. Но в Литве терминология, ее обозначающая, значительно многообразней ввиду более широкого диапазона собственников земли[113]. В Латвии лишь перебежчик лив Каупо, пользующийся особым расположением хрониста, назван «quasi rex et senior»[114]. Этот слой знати многочислен: в Саккале однажды было убито 300 лучших людей и старейшин («viris ac senioribus»)[115]; «верхушка Эстонии» («caput Estonie») — это старейшины[116]; в Литве они также составляли многочисленный слой[117].

Каково же имущественное и общественное положение этих людей? Лив Каупо — отнюдь не рядовой общинник: у него свой замок[118], где были его «родные и друзья»[119]; однажды враги «имения его разорили пожаром, поля отняли, улья переломали»[120]. Это уже феодал, ибо, конечно, свои поля он обрабатывал не сам и не силами патриархальной общины[121]. Когда Генрих говорит, что немецкими завоевателями, искавшими союза с ливами, «разрешено было [им] вновь владеть деревнями, полями и всем, что они, казалось, потеряли»[122] — он имеет в виду, думается, местный нобилитет. Он упоминает «деревню Анно», соратника Каупо[123].

Еще лучше раскрыто положение эстонского нобиля Лембиту, одного из «старейшин» Саккалы[124]. Вначале он боролся и против

---

[112] ГЛ. X, 8; XXI, 2; «князь и старейшина» лив Везике (XVI, 4). Есть старейшины деревень (XXIV, 5), замков, областей, земель, например, Саккалы (XX, 2); численность населения некоторых эстонских областей достигала 1,5 — 2,5 тыс. жителей (XXIV, 5).

[113] *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. С. 123, 151–152, 295–296.

[114] ГЛ. VII, 5.

[115] Там же. XII, 6.

[116] Там же. XV, 3.

[117] *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. С. 297.

[118] ГЛ. IX, 3.

[119] Там же. X, 10; ср.: «большой замок» Каупо: XV, 3. С. 142.

[120] Там же. X, 13 (1206 г.).

[121] Археологические наблюдения подкрепляют свидетельства Генриха (*Тыниссон Э.Ю.* Археологические памятники ливов. С. 37).

[122] ГЛ. IX, 13.

[123] Там же. XI, 5. С. 110.

[124] Там же. XV, 1 (в другом месте он назван «князем и старейшиной» Саккалы: XXI, 2).

Руси, и против Ордена[125], но позднее стал заклятым врагом рыцарей, предводительствуя 6-тысячным войском[126]. Хронист упоминает «деревню Лембиту», где была майя — сборный пункт эстов[127]; его замок Леоле, видимо, хорошо укреплен: рыцари потратили на осаду три дня; он был обнесен валом из земли и бревен; в нем укрывалось немало людей: когда замок пал, то «приняли крещение вероломный Лембиту со всеми прочими, женщинами, детьми и мужчинами, что были в замке», где войско рыцарей «разграбило все добро, угнало коней, быков и весь скот, захватило много добычи», а «старейшин («seniors») замка, Лембиту и других увело с собой»[128]. Видимо, Лембиту — самый главный из этих старейшин, которые при благоприятных условиях трансформировались бы в его дружину. Когда позднее Лембиту пал в битве[129], рыцари заняли его деревню, бывший здесь брат его просил у них мира[130], т. е. налицо наследственная собственность и власть среди эстонской знати.

«Старейшина» земгалов Виестард собирал войско «из всех своих владений» («finibus suis»)[131] и водил 3-тысячный отряд[132]; он же давал заложников «от каждого замка» («de quolibet castro») Земгалии[133]; в «Рифмованной хронике» Вестер (Vester) — «konic» земгалов[134]; у земгалов был известен и Намейсис — «ir houbet zu Terwetein»[135], а точнее — «ir aller houbetman»[136]. Принявшие православие[137] латгальский (талавский) нобиль Таливальд и его сыновья владели замком Беверин в области Трикате[138] и другими имениями; восточнолатгальские нобили Мелюке и Варгриббе поплатились своими «владениями» и «хлебом» за набег на Русь[139]; старейшина

---

125 ГЛ. XV, 10 (1212 г.).
126 Там же. XXI, 2 (1217 г.).
127 Там же. XV, 7.
128 Там же. XVIII, 7.
129 Там же. XXI, 3.
130 Там же. XXI, 5.
131 Там же. XXIII, 4 (1219 г.).
132 Там же. X, 10 (1206 г.).
133 Там же. IX, 2.
134 LR. S. 39. V. 1700; S. 40. V. 1729.
135 Ibid. S. 207. V. 9038–9042; S. 210. V. 9193–9196.
136 Ibid. S. 198. V. 8659.
137 ГЛ. XVIII, 3.
138 Там же. XII, 6; XV. 7; XVIII, 5; *Дорошенко В.В.* Киевская Русь и возникновение феодализма. С. 70.
139 ГЛ. XXIII, 5.

ливов Дабрела имел «весьма крепкий и неприступный замок»[140]. Эти сеньоры или нобили — относительно мелкие фактические феодальные собственники, живущие среди общин. Мы говорим о фактических собственниках, имея в виду их отнюдь не номинальную зависимость от Руси.

Характер общины можно определить лишь по совокупности источников.

Прежде всего, нобили не зря интересуются наследованием земли: они неразрывно связаны с ней, как ее «старейшины» («senior terrae», «senior provinciae»)[141]. Объем экономических и политических прав старейшин, конечно, различен, но вырастали все они из недр общин. Хронист сообщает, что в одной из «областей» («provincia»), входившей в состав «земли» («terra»), были крещены «все в четырнадцати деревнях вместе со старейшиной их Табелином»[142], а ниже упоминается «область Табелина»[143], куда собираются старейшины «земли». Возглавляя группу деревень или кихельконду, такой старейшина, выполняя функции главы общинного управления, имел, понятно, достаточно экономических и административно-политических возможностей для накопления собственности. Это видно и из договора куршей (Приложение, № II, преамбула), где вместе с «королем» Ламмекином другие язычники выступают представителями «земель» и «провинций» (кихельконд), наконец, «кихельконд деревень», т. е. сельских общин, которые должны были на своих собраниях решать вопрос о будущем края.

Сообщения письменных источников о большей имущественной и социальной дифференциации на юге восточной Прибалтики по сравнению с севером и западом, или в Аукштайтии сравнительно с Жемайтией находятся (по мнению Х.А. Моора, А.Х. Моора, Х.М. Лиги и других ученых) в соответствии с естественно-географическими условиями региона. Сильно пересеченный рельеф и связанные с ним разнообразие и разбросанность пригодных для обработки земель не создавали в ряде зон условий для концентрации крупных земельных массивов либо общинных, либо сеньориальных[144]. Авторы отмечают

---

140 Там же. X, 10.

141 Там же. IV, 4; XIV, 10; XVII, 2, 5.

142 Там же. XXIV, 1 (1220 г.).

143 Там же. XXIX, 7.

144 *Моора Х.А., Моора А.Х.* К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики. С. 43; ср. рецензию Х.А. Моора на мою книгу (Образование Литовского государства. М., 1959. — *Примеч. ред.*): ВИ. 1961. № 9. С. 153.

наличие устойчивого слоя мелкой знати на Сааремаа, связанной с морской торговлей, а не с сельским хозяйством; они подчеркивают относительно ранний переход центрального земледельческого района к подворному землепользованию с устойчивым наследованием нераздельного (ввиду относительной скудости почв) участка. Общественное значение выросшего таким образом многочисленного слоя, например, жемайтского боярства, хорошо известно.

Сам факт превращения нобилей Эстонии, в большей мере более ясно — нобилей Латвии и, особенно, нобилей Литвы — во владельцев замков хорошо объясняется наблюдениями Ю. Юргиниса над упадком общинных укрепленных весей и возрастанием роли замков старейшин-нобилей[145]. Особенно значительны были владения литовского короля Миндовга, располагавшего 30-тысячным войском[146]. Источники ясно говорят о деревнях и селах («dorpe», «villa») и выселках («villula») у прибалтов; сами жители-земледельцы многократно упоминают «свои деревни», «свои поля», свои дома и семьи[147]. Ниже, при рассмотрении догосударственной политической структуры региона, мы еще вернемся к общине, а сейчас должны будем поставить вопрос об экономических формах связи ее членов с нобилями, чтобы определить социальное лицо последних.

Все сказанное заставляет задуматься о том, какую значительную роль играет синтез развитых феодальных общественных отношений с патриархально-общинными на последней стадии их существования. В нашей науке сравнительно полно изучено сочетание, соединение патриархально-общинных отношений с рабовладельческими и выяснено, что оно приводило к заметному ускорению становления феодального способа производства. Синтез же развитых феодальных отношений с патриархально-общинными пока еще должным образом не изучен.

В конкретных условиях истории прибалтийских земель подобный синтез мог быть осуществлен лишь в двух формах: либо в форме завоевания феодально развитой страной прибалтийских земель, либо в форме завоевания прибалтами соседних феодально развитых территорий при сохранении независимости своей земли, что пытались

---

[145] *Jurginis J.* Baudžiavos įsigalėjimas Lietuvoje. Vilnius, 1962. P. 106–111; ср.: *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. С. 252, 254, 260, 294–295.

[146] *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. С. 136.

[147] ГЛ. XXIX, 1; см.: *Дорошенко В.В.* Киевская Русь и возникновение феодализма. С. 64.

сделать пруссы в Польше и что на время удалось осуществить литовцам в отношении части Руси. Во втором случае история явилась свидетелем ускоренного развития Литовского феодального государства. В меньшей степени явления синтеза присущи истории Жемайтии, где поэтому налицо особенно длительное сохранение раннефеодальных форм общественного и политического строя. Главный вывод, который можно сделать, заключается в том, что становление феодальных производственных отношений следует связывать не с периодом объединения бывших племенных земель в относительно единое государство, а с более ранним периодом обособленного самостоятельного их существования. Здесь налицо общество, которое имеет позади длительную историю патриархально-общинного строя; оно представляет собой последний этап его развития, канун окончательного объединения нобилитета в господствующее сословие, канун раскола на два антагонистических класса — феодалов и крестьян.

РАБЫ

Сведения о рабах скудны. Но рабы существовали: эсты и курши добывали их в пиратских набегах; эсты и курши привыкли к набегам на Швецию и Данию, причем сааремаасцы продавали шведских пленных куршам и другим язычникам[148]. В то же время земли самих эстонцев и латышей были зоной литовских походов за данью, добычей и челядью[149]. Облегчение участи рабов предписывал папа Григорий IX своему легату в восточной Прибалтике Вильгельму Моденскому (впрочем, формула о рабах — общее место в подобного рода актах курии)[150]. Это, понятно, не античные рабы, а раннефеодальная челядь, как можно видеть из относящегося к Сааремаа документа 1255 г., согласно которому (Приложение, № V, ст. 4) она (это могли быть и иноземные и туземные пленные и их потомки) сидела на землях нобилей, имевших право на нее и ее имущество («hereditas servorum»). Следовательно, имея в виду существование денег, можно утверждать, что не только орудия и продукты труда,

---

[148] ГЛ. VII, 1; XIV, 1. 3–4.

[149] *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. С. 128–129.

[150] LUB. Bd. I. № 158 (9 марта 1238 г.).

не только земля (это подтверждается наследственным правом), но и сама рабочая сила приобрели стоимость.

КРЕСТЬЯНЕ

В сущности, о крестьянах как классе говорить еще преждевременно, ибо многочисленные нобили не слились еще в одно сословие и не утвердили своего господства и монополии на землю с помощью аборигенной государственной власти. Но мы вправе ставить вопрос о формах зависимости «трудящихся субъектов» — земледельцев от нобилей, которые сами землю не пахали, а, участвуя в делах управления, жили за счет чужого труда. Здесь нам вновь придется вспомнить о древнерусско-балтийском общественном синтезе и по-новому взглянуть на правовые акты Ордена и его союзников.

Еще во время борьбы славянских княжений вместе с эстами против норманнов случалось, что последние совершали набеги за данью и брали ее «от мужа», т. е. уже тогда в Эстонии ни род, ни племя, ни даже большая семья в оклад (точнее в окуп) не шли. Сами древнерусские князья эксплуатировали свои славянские земли очень гибко: здесь дань и мехом, и монетой, и повоз (с радимичей), и барщинная толока (с тиверцев)[151]. Сбор дани и повинности осуществлялись при юридической ответственности каждой семьи — большой (дым, т. е. дом) и малой (рало, т. е. соха); эти повинности и дани предполагают наличие стоимостной оценки движимой и недвижимой собственности. Позднее славянские земли стали под относительно единообразную юрисдикцию древнерусского государства.

Но в вассальной сфере сохранялись раннефеодальные формы управления; с Прибалтики, в частности, собирали дань. Киевский придворный летописец рассматривал в XII в. жителей региона как данников Руси[152], то же писали немецкие хронисты XIII в. Полоцкий князь Владимир видел в своих подданных ливах рабов (т. е. челядь в широком смысле слова)[153], которых он волен крестить или нет. Спрашивается, с кого и кто собирал эту дань? Разумеется, с трудящегося населения, силами местных нобилей под контролем русских дан-

---

[151] *Пашуто В.Т.* Особенности структуры Древнерусского государства. С. 87.
[152] ПВЛ. Ч. I. С. 13.
[153] ГЛ. XVI, 2 («servos suos»).

щиков. Следы этого порядка видим в сообщении Генриха о захвате немцами «по деревням русских и эзельских гонцов, которые пришли было по поручению русских собрать войско по всей Эстонии»[154]. Это не случайное известие: то же видим в вассальных полоцких землях ливов и латгалов, где русские послы, «рассыпавшись во все стороны по области», зовут своих подданных к оружию против Риги[155]. Русские послы («legati») и гонцы («nuncii») — это давний институт.

В летописях и хрониках речь идет о денежной дани серебром и золотом, но ведь в них описаны случаи, так сказать, чрезвычайные, связанные с применением вооруженной силы, когда воевали «в зажитие» и интересовались тем, что дороже и более пригодно для оплаты вассалов и их дружин. Нормальные же поступления, хотя и исчислялись в деньгах, шли, конечно, натурой. Они поступали с «земель», т. е. в конечном итоге с деревень и их жителей, т. е. от «дыма» или «рала». Соха первоначально означала надел пахотной земли с соответствующим правом пользования лесом, лугом и пастбищем, бывшими в общем владении сельской общины. Размеры и качество наделов с течением времени изменялись. Отсюда — периодические переделы. Например, у куршей в XIII в. они производились каждые 20 лет[156]. И у эстов соха как поземельная мера существует издавна[157].

Участвуя в сборе этой дани, местный нобилитет составлял как бы промежуточное звено раннефеодально-вассальной системы. Не имея, вероятно, строго оформленных иммунитетных прав (во всяком случае, до принятия христианства), он фактически располагал ими. Вот почему ранние орденские и епископские акты, возлагающие на аборигенов при посредстве «старейшин» и «нобилей», натуральный ежегодный чинш в виде сбора мукой от сохи и бороны — у куршей (Приложение, № I, ст. 1), от сохи — у сааремаасцев (Приложение, № IV, ст. 1), с гака — у земгалов (Приложение, № VII, ст. 1), едва ли вводили что-то новое[158]. Не случайно в последнем документе

---

[154] Там же. XXII, 2; ср.: XX, 7 — новгородцы «послали звать по всей Эстонии» к походу на рыцарей.

[155] ГЛ. X, 3–4 (1206 г.); ср.: X. 12.

[156] LUB. Bd. I. № 135: «вслед за оценкой сох, которые были через 20 лет»; см.: *Земзарис Я.К.* Метрология Латвии в период феодальной раздробленности и развитого феодализма (XIII–XVI вв.) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Т. IV. С. 191.

[157] *Johansen P.* Siedlung und Agrarwesen. S. 38.

[158] Ср. наблюдения Э. Тарвела об исконности и взаимном сходстве поземельных мер и единиц у народов Прибалтики (*Тарвел Э.* Основы землепользования и обложения эстонского крестьянства в XIII–XIX вв. Автореф. дисс. д.и.н. Таллин, 1971. С. 8, 47–48).

подчеркнуто, что это «непременный обычай», т. е. обычай, который получил государственную санкцию завоевателей. Да и хронист Генрих писал, что русские собирали оброк (чинш, «censum») в Латгалии «по обычаю» («solito more»)[159]. Он же различает дань и добычу[160]. Примечательно, что другой хронист, Герман Вартберге, говоря о подвластности земгалов Ордену, употребляет для определения ее форм уже знакомые нам термины «census» и «tributum»[161]. Немецкие власти использовали уже созданную Русью систему вассального и даннического управления краем. Другое дело — повсеместное введение крестоносцами десятины, а затем и барщины.

Из сказанного можно заключить, что местный эстонский и латышский нобилитет давно участвовал в присвоении прибавочного продукта у отечественных земледельцев, получая часть даней за услуги русским сюзеренам. Это, вероятно, Варидоте, вассал русского князя из Ерсике[162]. Присвоение было облечено в патриархальные языческие формы, когда сбор русской дани (в тех районах, где отсутствовали постоянные опорные пункты) в виде полюдья («vakus» — у эстонцев, «pagast» — у латышей, «pasêdziai» — у литовцев) сопровождался сходками общин, советами знати «земель», вершившей суд по их праву и получавшей «угощение», «дары» и «подарки». Их следы сохранились в документах (Приложение, № VIII, ст. 12)[163].

Русское господство в Прибалтике опиралось на систему крепостей, которые контролировали податные округа (погосты, волости), в основном совпадавшие с древним делением земель на общины и группы общин. За терминами «villula», «villa», «terra», «provincia» скрывается нарождающаяся система политической и податной структуры, в которой castrum всегда центр; вокруг castra, как свидетельствуют ранние немецкие жалованные грамоты, лежат их confinia, terra[164]. Понятно, что и русская правовая терминология —

[159] ГЛ. XX, 5. Местное население было хорошо знакомо с драгоценными металлами, взимавшимися в виде дани. Из эстонского похода сыновья Таливальда привезли 3 ливонских таланта (сотни кг) серебра (ГЛ. XVIII, 5).

[160] ГЛ. XVI, 2 («sed ad solvendum sibi tributum et pecuniam subiugare»); XXVIII, 4, 9.

[161] *Hermann Wartberge.* Chronicon terrae Prussiae // SRP. Leipzig, 1803. T. II. P. 48.

[162] ГЛ. XII, 6.

[163] ГЛ. IX, 8; НПЛ. С. 52, 251; ГЛ. XXI, 2; XXIX, 3 («terras ac provincias»).

[164] Livländische Güterurkunden / Hrsg. H.V. Bruiningk, N. Busch. Riga, 1908. Bd. I. № 2 (1209 г.), 25 (1257 г.).

«суд», «право», «судья», даже «темница»[165] и др. — пришла к народам Прибалтики из древнерусского языка. Это была раннефеодальная вассальная система, когда жаловались не столько сами лены, сколько дани с них.

Исподволь, незаметно местный нобилитет приобретал черты мелкого феодального служилого люда, а старинные органы общественного управления перерождались в органы раннефеодальной государственной власти.

ФОРМЫ ДОГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ

Принудительная власть, как известно, древнее государства. Она возникла из нужд управления внутри общин — была связана с потребностями организации труда, охраны личности земледельца, имущества села, защиты его прав от покушений извне. Прибалтика давно миновала этот этап развития органов общественного управления. В ней группы общин уже составляли устойчивые территориальные союзы (кихельконды, «провинции»), которые, в свою очередь, объединялись в «земли» (мааконды, «terrae»). Так было в Эстонии, где насчитывалось восемь мааконд-земель[166], об одной из них (Поморье — Ляэнемаа) знаем, что она включала семь кихельконд[167]; а в земле Вирумаа упомянуты пять кихельконд-«провинций»[168]. В Латвии процесс этнической консолидации позволяет зафиксировать пять земель — бывших племен латгалов, земгалов, селов, куршей, а также финно-угорских ливов. Земли составляли конфедерации. У куршей фиксируется давность по крайней мере пяти областей («civitates»), согласно житию Ансгария (IX в.)[169]. То же было в Литве, где, однако, конфедерация земель перерастает в устойчивый союз князей (1219 г.), из которого рождается королевская

---

[165] Давая распоряжение карать куршей за кражи тюрьмой, комтур Гольдингена писал: «man sulle sie die thymnitze setzen und an die helse richten», а если не поможет, то «an die bome hengen» (LUB. Bd. IV. № 1778, 1782 — 1409 г.).

[166] История Эстонской ССР. Т. I. С. 103.

[167] ГЛ. XVIII, 2.

[168] ГЛ. XXIII, 7.

[169] Rimberti Vita Anskarii. Cap. 30 / Ed. W. Trillmich // Fontes saeculorum noni et undecimi historiam ecclesiae Hammaburgensis necnon imperii illustrantes. B., 1961. P. 94.

власть сильнейшего — Миндовга (1236 г.). В Пруссии источники позволяют наблюдать деятельность конфедерации 11 земель бывшего племени и даже довольно близко присмотреться к общественно-политической структуре одной из них — Помезании.

Если носители общинной власти — старосты и им подобные по своему положению заметно не отличались от рядовых земледельцев, то руководители кихельконд, не говоря уже о людях, возглавлявших мааконды, стояли дальше от них. Эти представители общественного управления имели достаточно многообразные функции, связанные с поддержанием безопасности (строительство общинных укреплений, засек, мостов, дорог)[170], правопорядка (суд, толкование и пополнение обычного права), внешних сношений[171] (поддержание торговых[172] и военных соглашений с другими маакондами), наконец, военные и жреческие обязанности, в целом позволяющие рассматривать их как зачаточную форму государственной власти. Правящий слой предстает в источниках как титулованный, это ясно указывает на его давний отрыв от общин и позволяет видеть корни богатства, благородства, старейшинства знати в движимой и недвижимой собственности. Существенно и то, что в регионе существует территориальное деление с ясно очерченными, устоявшимися границами.

Наконец, вся эта структура входила как одно из слагаемых под вассальную юрисдикцию Руси. Здесь налицо также переплетение патриархальных форм налога, шедшего в виде даров местным нобилям, с податями и данью, которые, поступая на Русь, являлись своеобразной формой феодальной ренты. Здесь же и переплетение исконных территориальных организаций с данническими округами, подвластными древнерусским опорным пунктам. К сожалению, мы не располагаем источниками, позволяющими ближе определить правовые преимущества нобилитета как служилой части лично свободного населения региона, подвассального Руси, но их существование заставляет предполагать тот факт, что нобили — наследственные собственники своих владений и должностей. Интересно, что на первых порах в эту структуру субвассалитета был включен и епископ рижский, который искал «дружбы и расположения» («amicitia

---

[170] LR. S. 168. V. 7313–7316 (у куршей).

[171] ГЛ. X, 1 (1206 г. — старейшины ливов отправляют гонцов в Полоцк).

[172] Там же. II, 10 («купцы, принеся дары старейшинам, спасли себе жизнь»).

et familiaritas»)[173] полоцкого «великого короля»[174] и платил ему дань со своих ливских подданных.

Хорошо известно также, что нобилитет подвластных народов нес и военную службу Руси: действия отрядов ливов и литовцев вместе с полочанами отмечены источниками[175]. Наличие «русских замков», вроде Кокнесе, предполагает существование и какой-то замковой повинности.

Конфедерации общин, областей, земель имели власть, достаточно прочную для осуществления внутренней функции, но весьма малопригодную для защиты от сильных государств; тому пример пруссы, эстонцы, латыши, чья правящая знать лишь изредка умела объединять действия многих или всех земель. Но и объединенное выступление нобилей Эстонии против Руси в 1176 г., принимая во внимание численность населения, не могло противостоять 20-тысячному войску.

Итак, перед нами догосударственный строй, подчиненный (в очень разнообразных формах и в неодинаковой мере) строю феодальному. Поэтому, наряду с русскими опорными пунктами, походами, данями и пр., существовали многочисленные институты обычного права — это собрания («congregation», «placitum») старейшин земли. Мы их видели в договорах, упоминают их и хроники: у куршей на совет («rât») собираются «eldesten»[176], а «лучшие» дают заложников[177]; и земгалы тоже решают «mit eime gemeinem rate» вопрос о выплате чинша («zins») завоевателям[178]. Местные нобили действуют фактически как владельцы бывших общинных убежищ; курши «hatten burge gnuc»[179], много таких укреплений было и у земгалов[180], и у селов. Эти замки повсеместно оказывались центрами территори-

---

[173] Там же. X, 1, 2.

[174] Там же. XX, 3; XVI, 2; С.А. Аннинский отметил, что Генрих везде именует русских князей «reges» (ГЛ. IX, 10; XI, 9 — кокнесского князя Вячко; XXV, 2 — ерсикского Всеволода; XV, 13 — псковского князя-изгоя Владимира Мстиславича однажды называет «regulus»), а иногда дает им, в частности, князю новгородскому (XV, 8; XXI, 2; XXV, 2), князю полоцкому (XX, 3; XXV, 2) и однажды великому князю киевскому (XXVI, 1), титул «magnus rex» (ГЛ. С. 455). Он, следовательно, отдавал себе отчет в русской вассальной субординации.

[175] ПСРЛ. Т. II. Стб. 620; ср.: Стб. 496, 519.

[176] LR. S. 55. V. 2392, 2395.

[177] Ibid. S. 56. V. 2417–2419; ср.: Vita Anskarii. Cap. 30. P. 98.

[178] Ibid. S. 80. V. 3450.

[179] Ibid. S. 159. V. 6955.

[180] История Латвийской ССР. Рига, 1952. Т. 1. С. 85–87.

альных единиц, выступавших, следовательно, в качестве окруженных селами и деревнями замковых округов[181]. Наиболее крупных нобилей окружают дружины — в Литве о них не раз идет речь в летописном и актовом материале[182], есть они и у ливских и латгальских нобилей под тем же наименованием «сородичи» и «друзья» («cognate et amici»)[183].

Латгальский старейшина Руссин называл немецкого магистра «своим другом, то есть товарищем» («draugum suum, id est consocium»), пишет Генрих[184], свидетельствуя о внедрении в среду русифицированного прибалтийского нобилитета древнерусских социальных институтов («приятель» в древней Руси — синоним вассала) и терминов. Но если служба нобилей в отношении Руси носила государственный характер, то дружины, окружавшие нобилей, сохраняли до поры сильные патриархальные черты семейной и личной службы. Еще не сложилось единое сословие нобилей, покамест нет местного развитого вассалитета, как нет и внутренней системы налогов в пользу нобилитета.

Хронист Генрих приводит несколько свидетельств о нормах «обычного права»: так, «ежегодно по обычаю» «племена» «сходились на собрание» в одну центральную область Эстонии[185], впрочем, сходились не все, а нобили, которые «по обычаю», наварив меду, совещались[186], чинили суд[187], пополняли нормы обычного права. Еще отсутствуют государственные налоги в пользу местного нобилитета, но есть добровольные приношения и услуги, следы которых уцелели в актах их узурпирования немецкими господами (Приложение, № VIII, ст. 12). Заключение мира или договора подкреплялось или обменом копьями, как у ливов[188], или пролитием крови, как у куршей[189]; ливы и латгалы скрепляли договор, «наступив на мечи»[190]. Господствовала кровная месть «за родителей и

---

[181] ГЛ. XI, 6; XII, 6; XIV, 9; XIX, 3; XXII, 4; XXIII, 8.
[182] *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. С. 137–138, 298.
[183] ГЛ. X, 5.
[184] Там же. XVI, 4.
[185] Там же. XX, 2.
[186] Там же. II, 8.
[187] Там же. IX, 5; ср.: I, 10.
[188] Там же. II, 5.
[189] Там же. V, 3.
[190] Там же. XVI, 3.

близких»[191]; важные акты сопровождались жертвоприношениями — убивали быков и скот «в жертву своим богам»[192] (ср. Приложение, № IV, ст. 5); похороны «по своему обычаю» справляли «с плачем и пирами»[193]; наконец, с родовыми пережитками связано и убийство детей (Приложение, № IV, ст. 4).

Общественно-политическая структура региона была сложной, переходной от патриархально-общинного к феодальному строю. Основная масса земледельцев-общинников лично свободна, но уже существует слой знати по титулу, располагающей наследственной собственностью на землю, челядью и зависимыми людьми. Знать играет руководящую роль в управлении землями и их конфедерацией, но пока что не слилась в единое господствующее наследственное сословие. Еще не завершился раскол общества на феодалов и крестьян.

Эта структура осложнена славяно-балтским синтезом, длительным подданством региона древнерусскому государству (по отношению к которому земледельческое население региона выступало как зависимое, а нобили — как служилые вассалы), под чьей властью она в течение столетий развилась и окрепла в такой мере, что породила растущую тенденцию к политической независимости Эстонии, Латвии и Литвы.

Эта структура не была единообразной. Ее ранние формы представлены в части Эстонии, более развитые — в Латвии и наиболее зрелые — в Литве, где складывается самостоятельное раннефеодальное государство. Эта незавершенная общественно-политическая структура получила свое дальнейшее развитие в Литве, где она была осложнена литовско-белорусским синтезом; в Эстонии и Латвии она была деформирована гнетом немецкого Ордена и его союзников.

---

191 Там же, XIX, 3.
192 Там же. XV, 3; XVI, 4. С. 157.
193 Там же. XII, 6.

Глава 2

ДВЕ ФОРМЫ СИНТЕЗА

Речь пойдет о сопоставлении немецко-балтийской и балто-славянской (литовско-белорусской) форм общественного синтеза; в первом случае он — результат открытого военного завоевания союзом более развитых государств с помощью немецкого Ордена народов, не облекшихся еще в суверенные государственные формы, во втором — продукт соглашения раннефеодального Литовского государства с феодально-развитыми княжествами Полоцко-Минской Руси.

НЕМЕЦКО-БАЛТИЙСКАЯ ФОРМА

Эта форма возникла в результате почти вековой войны немецкого Ордена и его союзников в Эстонии и Латвии (от появления Мейнарда в 1186 г. и до 1290 г., когда последний вооруженный отряд земгалов оставил замок Ракете и ушел в Литву[1]), войны кровавой и беспощадной, поставившей под вопрос само историческое существование завоеванных народов. События войны хорошо известны. Здесь мы коснемся историко-правовой стороны вопроса. В разгар наступления немецкие власти не только истребляли враждебную им часть местного нобилитета, разоряли русские и туземные замки, убежища и деревни, грабили имущество, захватывали лучшие земли и угодья, но и старались заложить основы своей военно-административной системы.

При той общественной структуре, которую они застали, крестоносцы, узурпируя на основе божественного права («jus divinum») верховную собственность на землю, сохраняли в качестве господствующей формы эксплуатации оставшуюся от Руси дань с плуга,

[1] LR. S. 261. V. 11420.

т. е. с семьи. Часть местного нобилитета перешла с русской на немецкую службу, сменив при этом православие на католичество; русских данщиков заменили немецкие. Военная колонизация сопровождалась основанием замков, монастырей, церквей и формированием бенефициев.

Х.М. Лиги пришел к заключению, что аллодом («allodium») в источниках этой поры назывались хозяйства-мызы («mois») растущих феодалов, чьи владения, судя по Эстляндскому списку Датской поземельной книги (около 1240 г.), лишь в несколько раз превышали обычный крестьянский участок, размером в 1 гак[2]. Такой сравнительно мелкий феодальный люд, не успевший оформиться в единое правящее сословие, нашел после завоевания свое место среди вассалов новых властителей края. По данным Х.М. Лиги, из 120 харьювируских вассалов в названном источнике около 10% эстонского происхождения[3]. Мызники — существенный (но едва ли единственный) вид раннего земельного собственника, к которому и был применен завоевателями термин аллод[4]; об аллодистах Латвии можно судить по владениям сыновей латгальского нобиля Тальвальдиса[5], ливов Эппеле и Каулеме[6] и земгалов в районе Добеке и Спарнене[7].

Приводимые здесь акты позволяют ближе присмотреться к первоначальной структуре немецко-балтийского синтеза, к его решительно и быстро растущей феодально-крепостнической сущности.

Начнем с оброков. Из хроники Генриха мы знаем, что с части ливов первоначально ежегодно взыскивали «полталанта ржи с плуга»[8], т. е. около 96 кг ржи с гака. Здесь и ниже при определении

---

[2] Соха (лат. uncus, aratrum; нем. haken) — площадь пахотной земли, обрабатываемая одной сохой или одной бороной, т. е. одной лошадью; в более позднее время равнялась 9–10 га (*Земзарис Я.К.* Метрология. С. 190–191, 195). Согласно новейшему исследованию Э. Тарвела, соха равнялась 6–10 га (*Тарвел Э.* Основы землепользования. С. 48).

[3] *Лиги Х.М.* Феодальные повинности крестьян. С. 6.

[4] *Bunge F.* Das Herzogtum Estland unter den Königen von Dänemark. Gotha, 1877. S. 361–367.

[5] *Laakmann H.* Zur Geschichte Heinrichs von Lettland und seiner Zeit // Berichte zur Kunde Estlands. Reval, 1933. Bd. 18. H. 2. S. 83–84.

[6] Livländische Güterurkunden. Bd. I. № 21 (1252 г.), 42 (1289 г.); LUB. Bd. I. № 529 (1289 г.).

[7] LUB. Bd. I. № 432 (1272 г.).

[8] ГЛ. X, 13 (1206 г.); ср.: II, 7 (1198 г.) — «меру хлеба с плуга».

норм повинности я руководствуюсь метрологическими выводами, содержащимися в ценном исследовании Э. Тарвела[9].

Несколько позднее с других ливов по их настоянию вместо десятины стали брать 1 модий, т. е. около 35,6 кг зерна с каждого коня[10]; с латгалов примерно в то же время собирали по одной мере хлеба с двух коней[11]. В дошедших договорах видим не только распространение в самой общей форме власти епископа на куршей (Приложение, № II, ст. 2), но и признание ими христианства, и обеспечение священников «всем необходимым» (Приложение, № II, ст. 1). Договор, заключенный в голодном 1230 г., устанавливает повинности, наследственно возложенные на куршей, в размере половины шиффунта[12], т. е. около 83 кг, уже не зерна, а муки тонкого помола с каждой сохи и с каждой бороны (Приложение, № I, ст. 1). Источник позволяет заключить, что владелец двух лошадей вносил около 166 кг муки, так как в следующей статье сказано, что имеющие одну и ту же лошадь и в сохе, и в бороне поставляют полшиффунта муки. Это много больше оброка, который поступал с ливов и латгалов; сохраняется и обязанность обеспечивать «жизненные нужды» духовенства (Приложение, № I, ст. 3). Видимо, размеры оброка колебались в зависимости от политической конъюнктуры.

Когда в 1241 г. в разгар немецко-датского похода на Русь сааремаасцы восстали и перебили рыцарей и духовенство, а епископ Генрих едва спасся, магистр Андрей фон Вельфен поспешил заключить с ними мир и «даровал им некоторые права и вольности» («quedam jura et libertates»)[13], как сказано в хронике Германа Вартберге. Среди этих «прав» мы видим чинш, равный половине фунта, т. е. около

---

[9] *Tarvel E.* Adramaa Eesti talurahva maakasutuse ja maksustuse alused 13.–19. sajandil. Tallinn, 1970. P. 58–59, 60–61, 67, 74–77, 123, 161–162 (докторская диссертация, хранящаяся в Научной библиотеке Академии наук ЭССР). Приношу глубокую благодарность Э. Тарвелу, ознакомившему меня с результатами своих исследований. Согласно его наблюдениям, основанным на большом сравнительно-историческом материале, можно считать (разумеется, приближенно, особенно используя нормы веса, а не объема), что 1 рижский лоп (лоф, пура) равнялся 48 кг, 1 модий начала XIII в. = 35,6 кг.

[10] ГЛ. XV, 5 (1211 г.).

[11] Там же. XVIII, 3 (1214 г.).

[12] 1 шиффунт (пунт, талант) = 2 бочкам = 4 рижским пурам (ячменя) = 167,5 кг; но 2 пуры ржи = 96 кг, сааремааская пура = 53 литрам и 1 талант в Сааремаа = 181,6 кг; 1 рижский фунт = 418,821 г; 1 ливонский фунт = 20 рижских фунтов = 8,3 кг; 1 кюльмет в Тарту = 13,4 кг.

[13] *Hermann Wartberge.* Chronicon. P. 38.

90,8 кг муки тонкого помола с каждой сохи, с доставкой (или без доставки) ее в хранилище (Приложение, № IV, ст. 1). Вновь укреплялись, видимо, подорванные владения церкви, ибо сааремаасцы обязывались давать ей установленное, что «обычно давали» прежде (Приложение, № IV, ст. 8). Поборы в пользу духовенства были немалые, если вспомним, что «синодальное зерно» в Тартуском епископстве в 1242 г. взималось с сохи в размере одного кюльмета солода и овса, полкюльмета ржи, четверти кюльмета пшеницы, полкурицы и одной двадцатой воза сена[14].

В новом договоре с куршами (1267 г.) чинш с сохи составлял два лопа (две пуры) рижской меры, т. е. около 96 кг ржи (Приложение, № VI, ст. 3). Это больше, чем побор с сааремаасцев, и больше, чем брали с куршей в 1230 г. В этой же статье уточнено, что если у куршей не будет ржи, то они могут вносить один лоп пшеницы и один — ячменя; в договоре определен и минимальный возраст лошади (4 года), с которой собирался оброк (Приложение, № VI, ст. 4).

Здесь впервые встречаемся с новым явлением, которого в пору русского управления не было и которое составит в дальнейшем экономический стержень «европейской культуры», принесенной немецкими феодалами в Латвию и Эстонию, — это барщина. В договоре читаем, что каждый, засевающий поле на рыцарей, должен работать на нем 4 дня в году (Приложение, № VI, ст. 5); на куршей возлагается также достаточно обременительная (в течение месяца за свой кошт) строительная замковая повинность (Приложение, № VI, ст. 6). Немецкие господа живут еще главным образом потребительским хозяйством, и потому размеры отработочной ренты невелики.

Наконец, договором с земгалами (1272 г.) после их упорного сопротивления чинш был определен в размере 2 лопов (2 пуры) рижской меры, т. е. около 96 кг с сохи, один — рожью, другой — ячменем (Приложение, № VII, ст. 1). Примечательно, что при большом разнообразии мер норма натуральной повинности зерном для всех земель Прибалтики более или менее сходна. Видимо, связи между нобилитетом этих земель были достаточно прочными, и они, ссылаясь на прецедент, на первых порах могли ограничить алчность захватчиков.

У земгалов барщина тоже делается больше и разнообразнее: она составляет от сохи 4 дня в году со своей телегой, причем все работоспо-

---

[14] LUB. Bd. I. № 173; см. также: *Вассар А.* Эстония в период феодальной раздробленности // История Эстонской ССР. Таллин, 1961. Т. I. С. 194.

собные того же хозяйства должны трудиться на заготовке сена и дров; последних без твердой нормы (Приложение, № VII, ст. 2). При неисполнении зернового чинша натурой он возмещался деньгами в размере за каждый лоп 2 артуга[15], или 2 мордки, или 8, видимо, серых беличьих шкурок (Приложение, № VII, ст. 3); замковая и дорожная повинности, разумеется, сохранялись (Приложение, № VII, ст. 4).

И, наконец, установление (уже не договор) для сааремаасцев (1284 г.). В нем видим десятину и денежную (Приложение, № VIII, ст. 1), и барщинную (Приложение, № VIII, ст. 8). С сохи взимается высокий денежный чинш размером в 2½ марки (Приложение, № VIII, ст. 2), что, вероятно, связано с торговыми возможностями жителей острова; барщина на своих быках равна трем дням (1 день пашни и 2 дня жатвы) в год (Приложение, № VIII, ст. 4); с каждой сохи шла курица (Приложение, № VIII, ст. 3), поставлялось сено (два воза с семьи, имеющей косца) (Приложение, № VIII, ст. 5), сажень[16] дров (Приложение, № VIII, ст. 6), крепкая брага (Приложение, № VIII, ст. 7); замковая повинность выполняется и на государство, и на церковь, и на господина (Приложение, № VIII, ст. 9); сверх того, военная повинность (Приложение, № VIII, ст. 10) и, наконец, «добровольные» приношения господам в виде оброков («servitum») и даров (Приложение, № VIII, ст. 12). «Подарки» отнюдь не мелочь: рыцарь Годфрид, будучи судьей у ливов, «собрал массу денег и подарков»[17]. Мор и голод обрушились тогда на этот цветущий некогда край; даже хронист Генрих понимал, что «голод и смертность» — результат войн[18].

Так утверждал себя «особый порядок», таковы его первые шаги от натуральной дани к продуктовой ренте, денежному оброку, регламентированной полевой и неограниченной строительной и подводной барщине. Правовой формой этих норм были издавна известный чинш («census») и вновь введенная десятина («decimal»).

Источники позволяют составить представление и об утверждении иноземного судопроизводства, видимо, также шедшего по стопам

---

[15] Артуг («artog», «arting») — мера веса, равная 1/24 марки (*Земзарис Я.К.* Метрология. С. 209). Марка («marck») — мера веса, равная около 207 г серебра (там же).

[16] Сажень (нем. «faden», «raden») — мера длины от 150 до 185 см (*Земзарис Я.К.* Метрология. С. 186); в тексте назван и локоть (лат. «cubitum»), приблизительная мера длины — от 44 до 61 см; с XVII в. — 53,75 см (Там же. С. 183, 186).

[17] ГЛ. XI, 4 (1207 г.).

[18] Там же. XV, 7, 11.

русского. Прежде всего, было узурпировано местное «мирское право» («ius seculare»), охватывавшее сферу личных и имущественных отношений неофитов — «насилия, грабежи, кражи»[19]; вначале право суда в отдельных землях, а затем, по мере их завоевания, и между землями[20]. Источники намекают на церковные земельные владения с первых же лет вторжения и завоевания[21], и затем церкви шли «доходы с хлеба и с полей»[22]. Первоначально, пока светский суд вершили ставленники епископа, судопроизводство, по мнению его апологета хрониста Генриха, шло гладко, а «позднее по всей Ливонии и Латгалии и Эстонии все было испорчено действиями разных гражданских судей-мирян, которые, выполняя судейские обязанности, больше заботились о наполнении своих кошельков, чем о божьей справедливости»[23].

Сопротивление народов, существование давних русско-прибалтийских общественно-политических форм, да и само соседство Руси и Литвы вынуждали церковь призывать немецкие власти к известной осмотрительности. «Представьте очами мысли вашей жестокую смерть тех, что были тяжелым бременем для подданных» девы Марии, остерегал крестоносцев хронист Генрих; ведь она радуется «не большому оброку, какой обычно платят новообращенные, не деньгами она умилостивляется, что отнимают у них разными поборами»[24]. Осторожно, исподволь осуждая судебную деятельность соперников епископа, орденских рыцарей и датчан, собиравших двойные и тройные оброки[25], хронист свидетельствует, что во время восстания эстонцы в Саккале в первую очередь перебили немецких рыцарей — судей и их слуг, а одного из судей, Гебба, даже зажарили на огне[26].

Среди фогтов — судей рижского епископа был одно время (в 1212–1214 гг.) и тесть его брата, бывший псковский князь Влади-

---

[19] Там же. X, 15; ср.: Приложение, № VIII, ст. 12.

[20] Там же. XII, 6.

[21] Там же. I, 10 (1186 г.) — помощник Мейнарда владел полями; ущерб от угона коней и необработки полей оценен в сумму менее 200 марок: II, 9 (1198 г.); священники разграничивали свои приходы: X, 14.

[22] ГЛ. XXVIII, 9.

[23] Там же. X, 15. О подлинной политике церкви см.: *Ролова А.Д.* Послевоенная буржуазная историография о роли церкви и религии при завоевании Прибалтики в XIII в. // Уч. зап. Латвийского гос. ун-та им. П. Стучки. Рига, 1967. Т. 82. Исторические науки. Вып. 5. С. 20–39.

[24] ГЛ. XXV, 2 (1221 г.); ср. о тяжести ига рыцарей: XXIX, 3.

[25] Там же. XXIV, 7.

[26] Там же. XXVI, 6–7.

мир Мстиславич[27], который в земле ливов и латгалов, вероятно, привычно выполнял те же функции, что прежде судебные агенты русских наместников в Тарту или Ерсике. Но вассал он был строптивый — еще в 1213 г., оставив свое фогство, уходил на Русь, затем, вернувшись, вновь судействовал с тем, чтобы в 1214 г. окончательно воротиться на Русь. С собой он прихватил епископского брата и позднее вместе с новгородцами воевал против Риги. Нужно ли удивляться тому, что хронист Генрих осуждает его действия, говоря, что он «пожинал многое, чего не сеял», что местные жители держали его «без большой радости», что он накопил «вещей и денег, будучи судьей в гражданских делах», и что местный священник Алебранд укорял его за стяжательство. Князь Владимир Мстиславич ничем не отличался от своих немецких собратьев-фогтов.

Удивляться нужно другому, что М. Хеллманн, игнорируя сведения хрониста о немецких судьях, представил русского судью как некое порождение не знавшей европейского правопорядка Руси. Он пишет: «Этот случай бросает яркий луч на различие понимания задач фогства русским и немцем. Для русского главным были оброки, которые он использовал для своего содержания. При этом он вершил и суд, но не в соответствии с немецкими представлениями о нем..., а согласно собственному усмотрению, невзирая на строгие процессуальные правила, которые само собой разумелись с немецкой точки зрения, а все потому, что подобные правила в русском праве средневековья существовали лишь в начатках. Да и оброки, которые требовали немцы, были ограничены и отличались от даней, взимавшихся русскими»[28]. Эти мысли о русском князе показались М. Хеллманну столь заслуживающими внимания, что он вернулся к ним в специальной статье[29], в которой бедный Владимир Мстиславич служит уже для доказательства отсутствия и феодального вассалитета на Руси.

Договор 1241 г. свидетельствует, что сперва суд фогта на Сааремаа действовал раз в год «от [имени] совета старейшин» (Приложение, № IV, ст. 3), которые некогда судили самостоятельно. Более точная регламентация суда появилась в договоре 1255 г., где определены сроки

---

[27] Сведения о деятельности Владимира Мстиславича; см там же: XV, 13 (1212 г.); XVI, 1; XVI, 7; XVII, 4 (1213 г.); XVII, 6; XVIII, 1, 2 (1214 г.); XX, 3, 7, 8 (1216 г.); XXI, 1, 2 (1217 г.); XXII, 2, 4 (1218 г.).

[28] *Hellmann M.* Das Lettenland im Mittelalter. München; Köln, 1954. S. 218–219.

[29] *Hellmann M.* Probleme des Feudalismus in Russland // Studien zum mittelalterlichen Lehenwesen. Konstanz, 1960. S. 235–258.

ежегодной деятельности фогтов — от дня св. Михаила (29 сентября) до Великого поста, т. е. около половины года, а в остальное время жители «пользуются в суде своим правом» (Приложение, № V, ст. 7). В отличие от Сааремаа суд фогтов у земгалов (1272 г.) производился «по праву и обычаю земли Летляндии и Эстляндии» трижды в году (Приложение, № VII, ст. 5). Здесь фогты были столь же ненавистны, как и в других местах, — во время восстания земгалы изгоняли их из страны[30].

Договоры хранят материал о внедрении немецкого права во все сферы жизни завоеванных. На Сааремаа новое светское уголовное право (1241 г.) взяло на себя кару за человекоубийство — 10 марок серебра (Приложение, № IV, ст. 7) и отдельно за убийство мальчика — 3 озеринга[31] (Приложение, № IV, ст. 4); церковное право карает полумаркой штрафа за жертвоприношение (Приложение, № IV, ст. 5) и за нарушение поста (Приложение, № IV, ст. 6). В договоре с куршами (1267 г.) определяются сроки иска при ограблении (Приложение, № VI, ст. 13), размеры имущественной ответственности при краже (Приложение, № VI, ст. 2) и займе (Приложение, № VI, ст. 12), формы иска при ограблении за Двиной и за морем (Приложение, № VI, ст. 13), а также устанавливается контроль Ордена над ограниченным береговым правом: ⅓ имущества — нашедшему его на берегу (Приложение, № VI, ст. 10) и половина — в море (Приложение, № VI, ст. 11).

Ливонская Правда содержит статьи, «приучающие» подвластных к новому суду: за неявку в суд виновный карался 1 маркой штрафа (ЛП. I_1 ст. 23), в другой редакции уточнено, что неявка истца в суд освобождает обвиняемого от иска (ЛП. II, ст. 20); позже появляются статьи, уточняющие ответственность свидетеля (ЛП. III_1, ст. 36), устанавливающие кару в одну марку за необоснованный иск (ЛП. III_1 ст. 44) и за новое возбуждение дела, уже решенного господами (ЛП. III_1, ст. 43). Что касается собственно крестьянского права, то тут все ясно: за кражу господской десятины — ответственность «шеей» (ЛП. III_1, ст. 17).

Наконец, несколько слов о военной повинности, непременно упоминаемой договорами и установлениями. Подобно судебной, она внедрялась с помощью штрафов и насилий: с ливов и латгалов взимался за уклонение от участия в походе немалый штраф — 3 марки с человека[32];

---

[30] LR. S. 120–121. V. 5246–6259.

[31] Озеринг («oszering») — мера денежного счета, равная полумарке или 8 лотам серебра (*Arbusow L.* Die altlivländischen Bauerrechte. S. 33).

[32] ГЛ. XI, 5 (1207 г.). С. 111.

хронист определенно говорит, что немецкие власти собирали новых подданных на войну, «угрожая пеней не явившимся и действуя страхом»[33]. В раннем договоре с куршами (1230 г.) относящаяся сюда статья изложена в виде указания на то, что «походы против язычников» они участят (Приложение, № II, ст. 5); в предыдущем же договоре ясно утверждается, что курши «выступают вместе» с рыцарями против язычников (Приложение, № I, ст. 4). Военная повинность сааремаасцев на суше и на море (Приложение, № V, ст. 8) подтверждена и позднее (Приложение, № VIII, ст. 10); в других договорах о ней речи нет, тем не менее, она разумеется сама собой из общей ситуации зависимости.

Так внедрялась в Восточной Прибалтике немецкая форма феодального строя, зарождались и развивались те социальные и национальные противоречия, которые привели Орденское государство к краху через 300 лет после его возникновения. Исторические судьбы эстонцев и латышей сложились своеобразно: они были независимы на ранних ступенях первобытнообщинного строя; раннефеодальный период, характеризующийся натуральной и денежной данью, они пережили в русской политической форме, период развитого феодализма, характеризующийся ростом барщины, — в форме немецкой, особенно жестокой уже потому, что немецкие феодальные колонии были вынесены за пределы Германии и, как лишенные хинтерланда, утверждали свое господство варварскими методами угнетения. Способ завоевания и немецко-балтийский симбиоз определялись в конце концов способом производства, господствовавшим в столкнувшихся странах. Это становится особенно очевидным, если мы сопоставим с ним установление литовского господства в землях Белоруссии.

БАЛТИЙСКО-СЛАВЯНСКАЯ ФОРМА

Если немецкий Орден грубо деформировал раннефеодальный общественный строй народов Прибалтики, а в Пруссии уничтожил даже самую народность, то распространение литовской власти на древнерусские земли вело к существенно иным результатам.

В пору образования Литовского государства (1219–1341 гг.) выяснилось, что его ядро — Аукштайтия — не имело достаточных экономических и политических сил для прочного подчине-

---

[33] Там же. XIV, 10 (1210 г.).

ния белорусских и украинских земель. Но феодалы этих более развитых, чем Литва, земель, напуганные завоеваниями монгольской Орды и немецкого Ордена, пошли на сговор с литовскими феодалами. В его основу был положен традиционный на Руси принцип договора-ряда.

Превращение небольшого Литовского государства в Литовское великое княжество в результате присоединения древнерусских земель стало возможно лишь при условии признания широких иммунитетных прав за местным боярством; не происходило существенного перераспределения и ломки форм собственности, которые характеризуют, например, централизаторскую политику московского правительства. Именно боярство решило судьбу не только белорусских, но и украинских земель, а также смоленских городов и важных новгородских пригородов. Его поддержка обеспечила успех литовскому правительству. Произошло это далеко не сразу. Вначале здесь появлялись литовские князья — вассалы Руси — со своими дружинами, защищавшие эти земли от посягательств немецкого Ордена и других противников. Затем, с дальнейшим ослаблением Руси вследствие татаро-монгольского нашествия и ига, они оказывались уже вассалами Литвы, содействуя включению в ее состав своих земель[34].

Устанавливается влияние Литвы на Киев, Тверь, Вязьму, Дорогобуж; смоленский князь превращается в «молодшего брата» литовского великого князя[35]; литовский ставленник занимает псковский стол; литовский князь получает в держание от Новгорода пригороды Ладогу, Ореховый, Корелу, половину Копорья и Корельскую землю[36].

Поделившись рентой с литовским господствующим классом, феодалы древнерусских земель входили в его состав. Формы этого вассалитета определялись конкретными обстоятельствами. Это было отнюдь не слияние бессословных народов, как утверждала старая дворянско-буржуазная наука, а синтез раннефеодальных институтов незавершенного феодализма коренной Литвы с более развитыми институтами феодально-раздробленного строя подчиненных ей нелитовских земель.

Последнее в Европе языческое государство — Литва — возникло на том этапе ее общественного развития, когда община уже в значительной мере превратилась в село, состоящее из свободных

[34] *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. С. 392–393.
[35] НПЛ. С. 98; LUB. Bd. II. № 796.
[36] *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. С. 394.

земледельцев-аллодистов, давно поделивших ager publicus. Поэтому здесь не могло произойти узурпации общинной знатью и позднее государством сколько-нибудь значительных участков коллективной пашни и установления в широких размерах барщинных форм эксплуатации крестьян. Аналогичное явление по тем же причинам наблюдалось и на первых этапах немецкого господства в Эстонии и Латвии. Мы видим в Литве натуральное дякло[37] (овсом, рожью, сеном), идущее, наряду со сребщизной[38], на содержание великокняжеского домениального двора и органов его власти, творящих суд при периодических объездах страны; в барщинной форме существовали сервиции — замковая, дорожная, подводная, военная повинность.

В Литве наблюдается длительное существование лично свободного крестьянства, подчиненного великому князю. Крупное местное боярство относительно невелико, иммунитетные права его ограниченны. Из рядов лично свободных крестьян правительство до поры вербовало мелкий служилый люд — рядовое боярство, опору монархии. Существенно и то, что до унии этнографическая Литва не знала сколько-нибудь развитого церковного землевладения, составлявшего в некоторых раннефеодальных странах обширные пространства культурных земель; с ними не могли идти в сравнение земельные владения жречества. Это, кстати говоря, облегчало сотрудничество литовского правительства с сильной православной церковью, которую немецкий Орден и папский универсализм пугали гораздо больше, чем издавна известные «поганые» союзники.

Союз был обоюдовыгоден. Он позволял литовским великим князьям сохранять земельный фонд коренной части страны, жалуя крупным вассалам-князьям, а позднее боярской знати земли на Руси. Начало этому положил еще Миндовг; захватив давние владения некоторых жемайтских князей, он пожаловал им в держание земли, которые они сумеют приобрести на Руси, сказав: «Што хто приемлеть — собе держить»[39]. Этого рода свободные бенефицианты, шедшие на смену аллодистам, были, однако, ограничены самими общественными отношениями и политическим строем этнически инородных земель. Характер же аграрного строя Литвы не создавал

---

[37] Дякло (литов. *doklas*) - натуральный налог зерном в Великом княжестве Литовском до сер. 16 в. (*Примеч. ред.*).

[38] Серебщизна, сребщизна — подать, чрезвычайный военный налог, побор, взимавшийся с крестьян и городского населения (*Примеч. ред.*).

[39] ПСРЛ. Т. II. Стб. 815.

еще резерва для колонизации славянских земель, особенно в условиях двухсотлетней борьбы с Орденом за Жемайтию[40].

Остается важной исследовательской задачей определение конкретных форм эволюции славянской общины, классов крестьян и феодалов под властью Литвы в XIII–XIV вв. Здесь мы можем лишь указать на общие предпосылки и результаты этого сложного процесса. Знакомясь с источниками, характеризующими общественную жизнь славянских земель под властью Литвы, мы прежде всего обнаруживаем, что соглашения с литовским правительством полоцкого, а позднее волынского и смоленского боярства носили традиционную форму «ряда»[41], гарантировавшего сохранение «старины», т. е. прежде всего привилегий правящего феодального сословия, однако при известных ограничениях его финансовых, военных, внешнеторговых и внешнеполитических функций в пользу нового литовского верховного сюзерена. Источники XIII в. свидетельствуют, что, когда правительство Тройната посадило в Полоцке «свой князь», сделано это было по «ряду», ибо полочане тогда с Литвой «мир взяша», а в боярском совете при полоцком литовском князе сидели русские бояре-«думцы»[42]. Местная «старина» подтверждалась и охранялась уставными грамотами и господарскими листами[43]. Понятно поэтому сходство литовских уставных грамот с договорами Новгородской республики с князьями[44].

Мысль о поддержке боярства — главная во всех привилеях, начиная с самых давних, которые, к сожалению, не дошли, но судить о них мы в некоторой степени можем. И. Якубовский отметил, что витебский 1503 г.[45] и полоцкий 1511 г.[46] привилеи в древней части восходят к жалованным грамотам Витовта 90-х годов XIV в., которые, в свою очередь, генетически возникли из договоров полочан с князьями. Он условно выделил, в частности, 11 древнейших ста-

---

[40] *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. С. 311–312.

[41] О ряде см.: *Пашуто В. Т.* Черты политического строя древней Руси // *Новосельцев А.П. и др.* Древнерусское государство. С. 34.

[42] ПСРЛ. Т. II. Стб. 860–861; ср.: РЛА. № 25в.

[43] *Грушевский М.С.* Города Великого княжества Литовского в XIV–XVI вв. Киев, 1918. С. 4.

[44] *Владимирский-Буданов М.Ф.* Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868. С. 119.

[45] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. I. № 204.

[46] Там же. № 70.

тей, которые отражают если не первый известный ряд полочан с русскими князьями (1151 г.)[47], то их ранние (50–60-х годов XIII в.) договоры с Литвой.

Можно спорить, справедливо ли выделение тех или иных статей, но одно ясно, что привилеи, как и древнерусские ряды, подтверждают своего рода коллективный иммунитет полоцких (и витебских) светских и духовных феодалов. Привилеем охраняются «дом» св. Софии, полоцкие земли, в том числе купленины, безотщины и отумерщины; защищаются права местного суда; подтверждается свобода от подводной повинности и т. п. Это привилей прежде всего для господ, и в нем находим статью, восходящую к Русской Правде (РП Пр., ст. 66): «А холопу и робе веры не няти».

О месте Белоруссии в общественно-политической структуре Литовского великого княжества можем судить по тому, что, например, торговый договор 1338 г. с Орденом подписан Гедимином с согласия его сыновей, литовских бояр, полоцкого епископа, полоцкого и витебского князей и самих этих городов[48].

Епископ назван тут не случайно: в начале XIV в. мы видим полоцкого епископа Якова в роли вассала великого князя Витеня[49]; православный литовский митрополит Феофил (1317 — ок. 1330), находясь в подвластном Гедимину Новгородке, располагал недвижимым имуществом и доходами с него[50], которые захватил Любарт-Дмитрий Гедиминович; позднее, в 1378 г., митрополит Киприан в послании игумену Сергию, перечисляя свои дела в Литве, писал: «Новый город литовьскый давно отпал, и яз его оправил и десятину доспел к митрополии же и села»[51]. И в этом центре белорусское боярство и князья группировались вокруг ставленника литовского правительства как полноправная часть правящего сословия, санкционируя акты князя Корибута

---

[47] *Якубовский И.* Земские привилеи Великого княжества Литовского // ЖМНП. 1903. № 6. С. 263–265, 296.

[48] Послания Гедимина. Вильнюс, 1966. № 18. С. 194 (см. в настоящем томе. — *Примеч. ред.*).

[49] РЛА. № 38.

[50] *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. С. 321.

[51] Послание митрополита Киприана от 25 июня 1378 г. см.: Православный собеседник. Казань, 1860. Ч. 2. С. 97; о литовско-русской церковно-политической борьбе в Полоцке и Турове см.: *Тихомиров Н.Д.* Галицкие и литовские митрополиты XIV и XV вв. и отношение к ним епископов Полоцкой и Туровской епархий // Труды Витебской ученой архивной комиссии. Витебск, 1910. Кн. 1. С. 1–17.

(1338 г.)[52]. Вассальную службу в Литве белорусских феодалов отлично представляет псковский наместник «по ряду» городенский воевода Давыд[53] — грозный враг немецкого Ордена. Он владел землей на правах лена как кастелян («castellan-burcgreve»)[54]; он «особо близкий друг» Гедимина[55].

Еще более ясное представление о белорусско-литовском общественном синтезе позволяет составить договорная грамота Ягайлы со Скиргайлом (от 28 апреля 1387 г.)[56], которая отражает отношения, сложившиеся на протяжении XIII–XIV вв. В грамоте перечислены белорусские земли, с которых шли доходы в пользу Скиргайлы. Здесь назван Минск «и со всеми людьми, и с землею, и со всякою пошлиною, и с доходом, и князи служебные» (последние — вассалы Скиргайлы). Видимо, на тех же условиях получил Скиргайло и Полоцк («што еще отец ему уделил, також и мы ему даем»). Грамота упоминает далее Бобруйск и волость Свислочь «с данью и с землею и с людьми и со всеми доходы», а также Речицу, Любечно, Любошаны, Игумен, Логожск, Пропошеск, причем с последнего шла «дань серебреная». Относительно «Логоской дани, людей и всего дохода», что прежде (до 1387 г.) «Войшвилт держал», сказано, что дань эта, со всем к ней относящимся, была пожалована церкви монастыря св. Иоанна, и потому уточнен состав доходов: «что ни есть дохода, дань серебреная, бобры, белки и лукна вся и люди вси». В числе пожалований Скиргайле есть несколько сел, в частности, село Лебедево и «што к Лебедеву тягло и тягнет» и т. п.

Как видим, литовское правительство управляло Белоруссией через своих князей-вассалов, под которыми сидели служебные князья. Налицо феодальная иерархия. Акт 1387 г. рисует нам в традиционных местных формах феодальную эксплуатацию белорусских зе-

---

[52] Archiwum książąt Lubartowiczów-Sanguszków w Stawucie. Lwów, 1887. T. I. (1366–1506). № 9. S. 9.

[53] ПЛ. Вып. 1. С. 16; НПЛ. С. 97.

[54] *Petri Dusburg*. Chronica terrae Prussiae III. 349 // SRP. Leipzig, 1861. T. I. (1324 г.).

[55] Послания Гедимина. № 7. С. 62.

[56] *Jakubowski J.* Opis Księstwa Trockiego z roku 1387 // Przegląd Historyczny. 1907. Roczn. VI. Zesz. 1. S. 44–46. В публикации И. Якубовского, наряду с верными поправками к изданию И.И. Срезневского (см.: Древние памятники русского языка и письма. СПб., 1863. С. 266–267), имеются и многочисленные неточности (ср.: Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в. СПб., 1903. Л. 14). Копия грамоты хранится в Рукописном отделении Библиотеки АН СССР в Ленинграде (шифр — 4.6.44).

мель, крестьянство которых «тягло и тягнет» к городам и крупным селам; крестьяне жалуются вместе с землей, доход состоит из даней (в том числе денежных, меховых, медовых).

Эта грамота, как и привилеи виленским церковникам (1387 г.), упоминающие старинные славянские формы повинностей (полюдье, уставное лукно, конокормцы, язь и т. п.)[57], достаточно характеризуют тесную взаимосвязь литовских и белорусских общественных и правовых отношений. И позднее за терминами, обозначающими сословные группы Луцкой земли (1392 г.), угадывается прежняя сословная структура: с одной стороны — знать («barones», «milites», «boyari», «nobiles»), с другой — «clientes» и «famuli»[58].

М.Ф. Владимирский-Буданов, сам того не подозревая, собрал материал о феодальной собственности на землю и формах иммунитета XV в. на подвластных Литве славянских землях. Эти формы характеризуются пожалованием угодий, населенных крестьянами; тут видим древние термины — след, двор, село, селище, слобода, волость, монастырь; наблюдается передача князьям уделов — в пожалование, боярам волостей — в держание с различной полнотой прав и повинностей[59]. То же — в других землях. М.В. Довнар-Запольский, изучив права украинских и русских земель по уставным грамотам XVI в., хранящим глубокие следы старины, вопреки своим намерениям, обнаружил широкое развитие иммунитета, включая экономические (владение, завещание, наследование) и судебные права. Он пришел к выводу, что Литовское великое княжество сохранило «все главнейшие черты удельно-земского строя древнерусской истории»[60].

В Белоруссии литовские князья-вассалы сидели в окружении своей дружины, местного боярства (оно, а не литовское боярство выступает во всех договорных документах этой поры рядом с литовскими князьями белорусских земель), церковной знати и мужей градских. Старая структура власти (земли, княжества, волости и пр.), как это подтверждают гродненские материалы XV в., осталась

---

[57] Kościół zamkowy czyli katedra Wileńska (Żródła historyczne). Wilno, 1910. Cz. 2. P. 11.

[58] *Владимирский-Буданов М.Ф.* Очерки по истории литовско-русского права. Вып. 1. Поместья Литовского государства // Чтения в Обществе Нестора-летописца. Киев, 1889. Кн. III. С. 5–7.

[59] Там же. С. 16–17.

[60] *Довнар-Запольский М.В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. 1. С. 35, 84.

неизменной[61]. Территория Белоруссии была в несколько раз больше литовской. Местная знать была привлечена к решению важных вопросов внешней политики (переговоры с папством в 1324 г.)[62] и торговли (договор 1338 г.), она влияла на решения великого князя и по другим политическим вопросам; русская знать несла и дипломатическую службу вместе с литовскими дипломатами[63]; она, в свою очередь, служила великому князю и с литовских земель (как свидетельствуют русские имена держателей). Вместе с ней в литовское делопроизводство входило русское право[64], русский язык, он проникал и в геральдику. Но все это служило власти, в первую очередь, литовского правящего сословия. Следовательно, перед нами неравноправная федерация. В состав Литовского государства постепенно включались полоцкие, витебские, минские, чернорусские, полесские и подляшские земли Белоруссии. Включение Белоруссии в состав Литвы облегчило борьбу литовского народа за независимость против немецкого Ордена. Несомненна и его заслуга в освободительной борьбе народов Восточной Европы с Золотой Ордой[65].

Укрепление Московского великого княжества при Иване Калите открыло начало коренных изменений в политическом положении Восточной Европы. В этих новых условиях насильственное распространение власти литовских феодалов на белорусские, украинские и русские земли постепенно превратилось из источника силы Литвы в источник ее слабости. Заря национального государства в России возвестила начало заката экономически и политически, культурно и этнически разнородного Литовского великого княжества.

Впервые опубликовано в кн.: Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 252–301.

---

[61] *Владимирский-Буданов М.Ф.* Крестьянское землевладение в Западной России до половины XVI в. // Чтения в Обществе Нестора-летописца. Киев, 1893. Кн. VII. С. 14–15.

[62] LUB. Bd. VI. № 3073. P. 482.

[63] Послания Гедимина. № 17. С. 561, 564.

[64] См.: Судебник Казимира (1468 г.). Вильнюс, 1967. Он генетически неразрывно связан и с литовским обычным, и с древнерусским правом. Изучение этого судебника — назревшая задача.

[65] *Батура Р.* Борьба Великого княжества Литовского с Золотой Ордой. Автореф. дисс. к.и.н. Вильнюс, 1971.

Приложение

ДОГОВОРЫ НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА И ЕГО СОЮЗНИКОВ С КУРШАМИ, ЗЕМГАЛАМИ И СААРЕМАСЦАМИ 1230–1284 гг.*

Текст грамот воспроизводится по изданию: LUB. Bd. II. № 103–105, 169, 285, 405, 430, 490 с учетом более исправного издания грамот № I–V в серии Sēnas Latvijas vēstures avoti izdevis A. Švābe. Rīgā, 1937–1940. T. 1–2. № 161–163, 245, 422 (Далее — SLVA).

При переводе документов № IV и VIII приняты во внимание некоторые конъектуры в издании: *Arbusow L.* Geschichte und Verfassung des Bistums Ösel bis zur Mitte des XIV. Jh. Riga, 1934.

Грамоты VI–VII переведены В.Т. Пашуто. Его же редакция перевода всех публикуемых грамот.

Автор благодарит кандидата филологических наук И.В. Шталь, взявшую на себя труд перевести с латинского языка несколько весьма интересных грамот XIII в. (№ I–V, VIII), сопроводив их необходимыми филологическими примечаниями, и доктора исторических наук В.В. Дорошенко, любезно согласившегося написать к документам № I–III топонимический комментарий, снабдив его картой. Весьма признателен он также профессору З. Эпперлейну (Берлин, ГДР) за ценные советы, относящиеся к переводу старонемецких документов.

---

* Для настоящего издания переводы с латинского сверены и исправлены А.В. Назаренко; в целом ряде случаев редактору приходилось давать совершенно новый перевод, так как перевод И.В. Шталь, неудовлетворительный стилистически, страдал, сверх того, грубыми искажениями смысла. А.В. Назаренко принадлежат также добавленные от редакции примечания к тексту. — *Ред.*

I. 1230 г., ранее декабря. Немецко-куршский договор

Текст

Conventus sancte Mariae in Riga, fratres milicie Christi, ratmanni ceterique burgenses Rigen[ses] universis Christi fidelibus, ad quos presens scriptum pervenerit, salutem in vero salutari.

Notum sit omnibus futuris et presentibus, quod cum Curonibus de locis, quorum hec sunt nomina: Rende, Walegalle, Pidewalle, Matecule, Wane, Pure, Ugesse, Candowe, Anses, talem fecimus composicionem, cum se offerrent ad subeundum iugum christianitatis, quod videlicet,

[1.] ipsi et eorum successores de quolibet unco solvent nobis annuatim dimidium navale talentum siliginis, et de erpica, quae vulgari nostro egede dicitur, solvent similiter dimidium talentum siliginis.

[2.] Si vero aliquis uno equo laborat in unco et erpica, non solvet nisi tamen dimidium talentum siliginis.

[3.] Insuper sacerdotibus suis, quos de Riga advocabunt, quanto cicius poterunt, absque periculo, necessaria vite persolvent, et ab eis obedienter baptismum recipient, et legem christianam, salvis sibi possessionibus et proprietatibus agrorum, ceterarumque rerum sine contradictione cuiuslibet potestatis.

[4.] Preterea idem Curones nobiscum impugnabunt inimicos Christi.

Ne ergo que gesta sunt a nobis processu temporis evanescant, et in irritum deducantur, nisi forte Curones infregerint, rebellando christiani[1], firmandam duximus et observandam, unde et litteris nostris ea perennari fecimus, et sigillis nostris roborari subaratis testibus, quorum hec sunt nomina:

Mauricius, prior sancte Marie in Riga, Hedenricus celerarius, Heinricus camerarius;

Volcwinus, magister milicie fratrum, Rudolfus de Cassele, Gerefridus Wridic, Maricwardus de Thuringia, fratres eiusdem milicie.

De ratmannis: Wernerus, Thidericus de Wenden, Albertus Utnordig, Waldericus.

Peregrini: Iustacius de Dut, Alexander de Vechte, Thomas de Hunevelde, Todo de Traveneminne.

Burgenses Lubecenses: Marricwardus de Hagen, Siffridus de Hosenburgge, Henricus Clenebur et alii quam plures.

Actum publice in Riga. Anno Dominice incarnationis MCCXXX.

---

[1] Надо *christianos;* перевод дан в соответствии с этой поправкой. — *Ред.*

Перевод

Соборный капитул святой Марии в Риге, братья воинства Христова, советники и прочие рижские горожане всем верным во Христе, к коим прибудет настоящая грамота, желают здравствовать во истине.

Да будет известно всем, будущим и ныне сущим, что с куршами из мест, коих названия таковы: Ренде, Валегалле, Пидевалле, Матекуле, Ване, Пуре, Угессе, Кандове, Ансес, мы, когда они изъявили готовность принять иго Христово (т.е. креститься. — *Ред.*), заключили таковой договор, а именно:

[1.] они сами и наследники их платят нам ежегодно с каждой сохи половину корабельного таланта муки тонкого помола и с бороны, в просторечии нами именуемой «эгеде»[2], платят также половину таланта муки тонкого помола.

[2.] Если же кто-либо работает на одной лошади, [запряженной] в соху и в борону, платит только половину таланта муки тонкого помола.

[3.] Сверх того, священников своих, коих они как можно скорее призовут из Риги, [не подвергая] никакой опасности, обеспечивают необходимым для жизненных нужд и с покорностью приемлют от них крещение и христианский закон, сохраняя свои владения и собственность на землю и прочее имущество, без возражения со стороны какой-либо власти.

[4.] Кроме того, те же курши будут выступать вместе с нами против врагов Христа.

И вот, дабы то, что совершено нами, не потеряло по прошествии времени силу и не было обречено на неудачу, разве что курши нарушат [установленное], восстав против христиан, мы решили, что надлежит этот [договор] упрочить и оберечь, и потому нашими грамотами придали этому долговечность и скрепили нашими печатями в присутствии свидетелей, коих имена таковы:

Маврикий, приор святой Марии в Риге, Геденрик, келарь, Генрих, казначей;

Волквин, магистр братского воинства, Рудольф из Касселя, Герфрид Вридик, Марквард из Тюрингии, братья того же воинства.

От советников: Вернер, Дитрих из Вендена, Альберт Утнордиг, Вальдерик.

---

[2] Средневерхненем. *egede*; нем. *Egge* «борона».

Паломники: Юстаций из Дут, Александр из Вехте, Томас из Хунефельде, Тодо из Травенеминне.

Любекские горожане: Марквард из Хагена, Зигфрид из Хозенбурге, Генрих Кленебур и другие весьма многие.

Совершено принародно в Риге. В лето по Воплощении Господнем 1230-е.

II. *28 декабря 1230 г. Немецко-курский договор*

Текст

Frater B[alduinus], monachus Alnensis, domini O[thonis] cardinalis, sedis apostolice legati, penitentiarius ac nuntius, omnibus Christi fidelibus in perpetuum.

Cum, inspirante gratia spiritus sancti, ubi, quando, atque quantum vult spirantis, Lammekinus rex et pagani de Curonia, de terris Esestua, scilicet Durpis, et Saggara, et kiligundis, quarum hec sunt nomina: Thargolae, Osua, Langis, Venelis, Normis, Kiemala, Pygawas, Sarnitus, Riwa, Saccze, Edualia, Aliswanges, Ardus, Alostanotachos, et de aliis kiligundis, villis ex utraque parte Winda sitis, offerrent se ad fidem Christi suscipiendam, terras suas, se et obsides suos per manum nostram ad manus domini pape conferentes, omnimode eiusdem ordinationi stare perpetuo promiserunt.

Nos vero, domini pape vices in hac parte agentes, de communi consilio ecclesie Rigensis, abbatis de Dunemunde, mercatorum omnium, militum Christi, peregrinorum, ac civium Rigensium, tale cum eis pactum inivimus, et firmavimus condicionem, videlicet,

[1.] quod in continenti sacerdotes recipient, auctoritate nostra sibi destinandos; honeste in necessariis procurabunt eos, et eisdem, tanquam veri christiani, in omnibus obedient et eorundem per omnia salutaribus monitis acquiescent; ab hostibus eos, sicut se ipsos defendent; ab eisdem omnes, tam viri, quam mulieres et infantes, sacri regenerationem baptismatis indilate recipient, et aliorum ritus christianorum observabunt.

[2.] Episcopum autem, domini pape auctoritate instituendum eisdem, cum reverentia et devotione, tanquam patrem suum ac dominum, recipient, et in omnibus, tamquam domino suo et episcopo, aliorum more debito christianorum perfectissime obedientes, eidem obtemperabunt, ipsi reverentiam ac subiectionem domino et episcopo suo debitam, impendentes.

[3.] Ad ea vero iura, que persolvere tenentur indigene de Gothlandia, per omnia perpetuo tenebuntur episcopo suo suisque prelatis annuatim persolvenda, ita quod nec regno Dacie, nec Suescie subicientur.

[4.] Perpetuam enim eis indulsimus libertatem, quamdiu eos apostatare non contigerit.

[5.] Pacto tamen inito et in cartula presenti conscripto robur perpetuum obtinente, expeditiones super paganos, tam pro terre Christianorum defensione, quam pro fidei dilatatione faciendas, frequentabunt.

[6.] Infra biennium domino pape se presentabunt, et secundum eiusdem arbitrium per omnia perpetuo se habebunt, et ordinationem.

[7.] Medio autem tempore instituta nostra perfecte servantes ac precepta, nobis obedient in omnibus, et per omnia obtemperabunt, salva in omnibus auctoritate domini pape.

Quod ut perpetuam obtineat firmitatem, presentem cartam exinde conscriptam, sigilli nostri, domini H[ermanni] Lealensis episcopi, et aliorum supra denominatorum munivimus appensione.

Actum anno Domini MCCXXX, in die Innocentum.

Перевод

Брат Б[алдуин], монах из Альны, пенитенциарий и посол господина О[ттона], кардинала, легата апостольского престола, всем верным во Христе во веки.

Так как по милосердному внушению Духа Святого, дышащего где, когда и сколько хочет, король Ламмекин и язычники Куронии из земель Эсестуа, а именно Дурпис и Саггара, и кихельконд, названия коих таковы: Тарголе, Осуа, Лангис, Венелис, Нормис, Киемала, Пюгавас, Сарнитус, Рива, Сакзе, Эдуалия, Алисвангес, Ардус, Алостанотахос, и от остальных кихельконд, деревень, расположенных по обе стороны Венты, изъявили готовность к принятию веры Христовой, приводя земли свои, самих себя и заложников своих через руку нашу к руке господина папы, они обещали постоянно во всем держаться его распоряжений.

Мы же, действующие в этой местности от имени господина папы, по общему совету рижской церкви, аббата из Дюнамюнде, всех купцов, воинов Христовых, паломников, а также рижских граждан, вошли с ними в таковое соглашение и скрепили договор, а именно:

[1.] они немедленно примут священников, которых мы назначим к ним нашей властью, с почетом обеспечат их всем необходимым и им, как истинные христиане, будут во всем повиноваться и при

всех обстоятельствах следовать их спасительным наставлениям, защищать их от врагов будто самих себя, все, как мужи, так жены и дети, тотчас примут от них новое рождение во святом крещении и будут соблюдать обряды прочих христиан.

[2.] Также примут епископа, который будет назначен им властью господина папы, с почтением и преданностью как отца своего и господина, и во всем подчиняются [ему], совершеннейше повинуясь как господину своему и епископу по непреложному обычаю прочих христиан, выказывая ему, отцу и епископу своему, должное почтение и покорность.

[3.] А те пошлины, которые обязаны платить уроженцы Готланда, всегда и во всем будут ежегодно платиться их епископу и их прелатам, так что не будут подчиняться ни Датскому, ни Шведскому королевствам.

[4.] Мы же предоставили им вечную свободу, если только не случится так, что они отпадут.

[5.] После того как соглашение заключено и изложенное в настоящей грамоте обрело вечную силу, они будут участвовать в походах против язычников, необходимо совершаемых как ради защиты христианской земли, так и ради распространения веры.

[6.] По прошествии двух лет они явятся к господину папе и будут вечно вести себя во всем сообразно его благоусмотрению и определению.

[7.] А дотоле, сохраняя вполне наши установления и предписания, будут во всем повиноваться нам, не нарушая ни в чем власти господина папы.

Дабы придать этому неизменную крепость, мы скрепили настоящую следом написанную грамоту, привесив печать нашу, господина Г[ерманна], леальского епископа, и иных выше упомянутых.

Совершено в лето Господне 1230-е, в день Невинных Младенцев.

III. *17 января 1231 г. Немецко-куршский договор*

Текст

Frater B[alduinus], monachus Alnensis Cisterciensis ordinis, domini O[thonis], Sancti Nicolai in Carcere Tulliano diaconi cardinalis, sedis apostolice legati, penitentiarius et nuntius in Livoniam, omnibus, ad quos presens scriptum pervenerit, in perpetuum.

Cum, inspirante gratia spiritus sancti, ubi, quando, atque quantum vult spirantis, nobis, quamlibet indignis amministrantibus atque procurantibus, pagani de Curonia, scilicet de Bandowe, de Wanneman, de citra Winda, de villis, quarum nomina sunt hec: Rende, [Walegalle], Matichule, Wanne, Pyrre, Ugenesse, Ca[n]dowe, Anzes, Talse, Arowelle, Pope, et pluribus aliis fidem susceperint christianam; ad hoc ipsum obsides suos dederunt et sacri regenerationem baptismatis receperunt.

Nos vero, de communi consilio et consensu ecclesie Rigensis, militum Christi, universorum peregrinorum, omnium civium Rigensium et mercatorum, tale cum eisdem pactum inivimus ac firmavimus conditionem, videlicet,

[1.] quod episcopum auctoritate domini pape instituendum recipient, et debito more christianorum eidem in omnibus et per omnia obedient, et eadem iura, ad que tenentur veri christiani ipsi episcopo suo suisque prelatis perpetuo per omnia persolvent.

[2.] In continenti sacerdotes recipient, auctoritate nostra sibi destinandos, honeste eos in necessariis procurabunt, et eisdem, tamquam veri christiani, in omnibus obedient, et eorundem salutaribus monitis per omnia acquiescent, ab hostibus eos, sicut se ipsos defendent, ab iisdem omnes, tam viri, quam mulieres et infantes sacri regenerationem baptismatis indilate recipient, et aliorum ritus christianorum observabunt.

[3.] Expeditiones super paganos, tam pro terre christianorum defensione, quam pro fidei dilatatione faciendas, frequentabunt, salva auctoritate domini pape in omnibus.

Quod ut perpetuam obtineat firmitatem, cartam hanc exinde conscriptam sigilli venerabilium patrum domini H[ermanni] Lealensis episcopi, Th[eodorici] abbatis de Dunemund, in quorum presentia facta sunt hec, sigilli nostri et universitatis peregrinorum communivimus appensione.

Actum anno Domini MCCXXX, XVI kal[endas] Februarii.

Перевод

Брат Б[алдуин], монах ордена цистерцианцев из Альны, пенитенциарий и нунций в Ливонии господина О[ттона], кардинала-диакона [церкви] святого Николая в Туллиевой темнице, легата апостольского престола, всем, к коим настоящая грамота прибудет, во веки.

Так как по милосердному внушению Духа Святого, который дышит где, когда и сколько хочет, при нашем, пусть и недостойном, управлении и попечении язычники из земли куршей, а именно из

Бандове, из Ваннеман, из [областей] по ту сторону Венты, из деревень, названия коих таковы: Ренде, [Валегалле], Матихуле, Ванне, Пирре, Угенессе, Ка[н]дове, Ансес, Талсе, Аровелле, Попэ и от многих других, восприняли христианскую веру, то ради этого они дали своих заложников и приняли новое рождение во святом крещении.

Мы же с общего совета и согласия рижской церкви, воинов Христовых, всех сообща паломников, всех рижских граждан и купцов вошли с ними в таковое соглашение и скрепили договор, а именно:

[1.] что они примут епископа, который будет назначен властью господина папы, и по непреложному обычаю христиан будут ему во всем и при всех обстоятельствах повиноваться и вечно при всех обстоятельствах платить этому своему епископу и своим прелатам те же налоги, которые обязаны платить истинные христиане.

[2.] Они без промедления примут священников, которые будут назначены им нашей властью, с почетом обеспечат их всем необходимым и как истинные христиане будут во всем им повиноваться и при всех обстоятельствах следовать их спасительным наставлениям, защищать их от врагов, как самих себя, немедленно примут от них все, как мужи, так жены и дети, новое рождение во святом крещении и будут соблюдать обряды прочих христиан.

[3.] Они будут принимать участие в походах против язычников, необходимо совершаемых как ради защиты христианской земли, так и ради распространения веры, блюдя во всем волю господина папы.

Дабы придать этому неизменную крепость, мы скрепили настоящую следом написанную грамоту, привесив печать досточтимых отцов господина Г[ерманна], леальского епископа, Т[еодорика], аббата из Дюнамюнде, в присутствии коих это было совершено, печать нашу и всех паломников.

Совершено в лето Господне 1230-е, в шестнадцатый [день] февральских календ.

IV. *1241 г. Договор Немецкого ордена с сааремаасцами*

Текст

In nomine Domini nostri Ihesu Christi, amen.

Anno Dominice incarnationis MCCXLI, venerabili domino H[enrico], episcopo Osilie et Maritime, pro suis agendis ad sedem apostolicam iter

agente, qui negocia episcopatus sui magistro et fratribus domus Theutonicorum in Livonia plene commiserat et devote, accidunt ea, que sunt inferius annotata.

Ego frater Andreas de Velven, domus Theutonicorum tunc magister in Livonia, cum essem in Maritima, Osiliani apostate, qui cristianis nimis infesti et nocivi existerant, in mari, terris et insulis cismarinis, ordinatione Divine gratie nuntios suos pro attemptanda compositione in Maritimam transmiserunt.

Multis itaque placitis et interlocutoriis hinc inde habitis, predicti apostate in hoc tandem universaliter et finaliter convenierunt: Quod si ecclesia subscriptam formam sine qualibet permutatione violenta in perpetuum ab ipsis acceptare dignaretur, vellent redire devoto animo et prompta voluntate ad catholice fidei, a qua diabolico instinctu recesserant, unitatem.

Forma autem talis erat:

[1.] Pro censu dimidiam mensuram siliginis, quod vulgariter dicitur punt, de quolibet unco dare promiserunt et in coggam inferre, quam episcopus eorum seu magister Rigensis, propriis sumptibus procurabunt.

[2.] Si vero coggam habere non potuerint, naves et gubernatores in ipsa terra conducent, que ab ipsis Osilianis in Rigam seu Maritimam deducentur.

[3.] Advocatum ad secularia iudicia semel in anno, eo scilicet tempore, quo census colligitur, recipient, qui de seniorum terre consilio iudicabit, que fuerint iudicanda.

[4.] Pro occisione pueri tres oserinch ad penam dabunt, et mater ipsa novem diebus dominicis nuda in cimiterio recipiet disciplinas.

[5.] Item si quis ritu gentili immolaverit et qui immolari fecerit, uterque dimidiam marcam argenti dabit; ipse autem, qui sic immolat, tribus diebus dominicis nudus in cimiterio vapulabit.

[6.] Si quis in sexta feria, vel quadragesima, vigiliis apostolorum seu quatuor temporibus carnes comederit, dimidiam marcam argenti persolvet.

[7.] Si homicidium inter ipsos et homines alterius terre contigerit, decem marcis argenti redimetur.

[8.] Clericis parrochianis et ecclesiis prebendam dabunt, quam ante apostasiam dare consueverant, cum restitutione omnium ablatorum.

Cognito igitur, quod praedicti Osiliani fidelibus, in circuitu suo positis, nimis fuerant inportuni, quodque profectum et incrementum fidei in partibus Livonie vehementer inpediebant; ego predictus frater A[ndreas], magister Rigensis, de consilio fratrum meorum et clericorum, vasallo-

rumque de Maritima et aliorum multorum fidelium, Teuthonicorum et Estonum, necessitate urgente et utilitate permaxima suadente, predictam formam, salvo iure diecesani episcopi in omnibus, acceptavi, presentes litteras super ratificatione et confirmatione predictorum conventus nostri sigilli munimine perpetuo roborando.

Testes sunt dominus Nicolaus, qui tunc gerebat vices episcopi, Waltherus sacerdos, commendator in Maritima, tunc dictus Robertus; frater Fridericus Stultus, frater Henricus Stultus, marscalcus; frater Ioh[annes] camerarius, et plures alii fratres de domo Teuthonica; Sinderammus, frater ordinis predicatorum, Conradus, Thidericus, fratres de ordine nudipedum. Vasalli ecclesie Johannes de Bardewich, Heydenricus de Bekeshoveth[e], Henricus de Brach[e]l, Gerbertus, frater episcopi, Iohannes de Huxaria, Thidericus de Pallele, Thid[ericus] Ezzecke, et seniores de Hestonibus Maritime et alii quam plures.

Перевод

Во имя Господа нашего Иисуса Христа, аминь.

В лето по Воплощении Господнем 1241-е, когда досточтимый господин Г[енрих], епископ Эзеля и Поморья, направившись по своим делам к апостольскому престолу, благоговейно вверил все дела своего епископства магистру и братьям Тевтонского дома в Ливонии, призошло то, что изложено ниже.

Я, брат Андреас фон Вельвен, в те дни магистр дома Тевтонских братьев в Ливонии, когда был в Поморье, отступники эзельцы, которые были чрезвычайно враждебны к христианам и вредили им на море, суше и прибрежных островах, по устроению милости Божией прислали в Поморье своих послов, пытаясь заключить договор.

И вот, после множества совещаний и прений как с той, так и с другой стороны названные отступники сошлись, наконец, полностью и окончательно на том, что если бы церковь соизволила без каких бы то ни было насильственных изменений принять от них навечно нижеследующий договор, то они с преданной душой решительно вернулись бы к единству с католической верой, от коей по дьявольскому наущению отпали.

Договор же был таков:

[1.] в качестве чинша они обещали давать с каждой сохи половину меры муки тонкого помола, что на народном языке именуется фунтом, и доставлять на грузовое судно, каковое должен за свой счет обеспечить их епископ или рижский магистр.

[2.] Если же они не получат грузового судна, то соберут корабли с кормщиками в самой [своей] земле, которые затем сами эзельцы доставят в Ригу или Поморье.

[3.] Они готовы принимать раз в году, а именно в то время, когда взимается чинш, судью по мирским делам, который судил бы, советуясь со старейшинами [той] земли, что окажется подлежащим суду.

[4.] За убийство мальчика платят в качестве пени три озеринга, а сама мать в течение девяти воскресных дней, обнаженная, подвергается на кладбище бичеванию.

[5.] Далее, если кто принесет жертву по языческому обычаю и кто побуждал к принесению, оба платят полумарку серебра; а тот, кто так приносит жертву три воскресных дня, обнаженный, подвергается на кладбище побоям.

[6.] Если кто съест мясо в пятницу, в Четыредесятницу, накануне дня апостолов или в кватембер[3], платит полумарку серебра.

[7.] Если случилось человекоубийство между ними и людьми другой земли, возмещается десятью марками серебра.

[8.] Приходским клирикам и церквам дают содержание, каковое имели обыкновение давать до отпадения, вместе с возмещением всего отнятого.

Итак, узнав, что упомянутые эзельцы чрезвычайно досаждали верным, находящимся по соседству, а это весьма препятствовало продвижению и приращению веры в пределах Ливонии, я, упомянутый брат А[ндреас], рижский магистр, по совету братьев моих и клириков, а также вассалов из Поморья и множества других верных, тевтонов и эстов, под давлением необходимости и в убеждении величайшей пользы принял упомянутый договор, ни в чем не нарушая прав диоцезального епископа, навечно утвердив настоящую грамоту для [ее] ратификации и упрочения прикреплением печати нашего конвента.

Свидетели: господин Николай, тогда викарий епископа; Вальтер, священник, комтур в Поморье, тогда звавшийся Робертом; брат Фридрих Простак, брат Генрих Простак, маршалк; брат Ио[анн],

[3] Кватембер *(quatuor tempora)* — в католической церкви трехдневный (в среду, пятницу и субботу) пост, случающийся четырежды в году: на неделе после первого воскресенья Великого поста, после Троицы, после Воздвиженияя Честного Креста (14 сентября) и после дня св. Лукии (13 декабря).

казначей, и многие другие братья Тевтонского дома; Синдерамм, брат ордена проповедников; Конрад, Дитрих, братья ордена босоногих. Вассалы церкви Иоанн из Бардевика, Гейденрих из Буксховеде, Генрих из Брахеля, Герберт, брат епископа, Иоанн из Хуксарии, Дитрих из Паллеле, Дит[рих] Эццеке, а также эстонские старейшины из Поморья и другие весьма многие.

V. *27 августа 1255 г. Договор Немецкого ордена с сааремаасцами*

Текст

Frater Anno, magister fratrum domus s[anctae] Marie Theuton[icorum] in Lyvonia, omnibus, presentes litteras visuris, salutem in Domino Ihesu Christo.

Cum Divina dispensatione ac preordinatione Osiliani apostate ad gremium matris ecclesie, a quo exciderant, redierint, expedit eos uberibus multimode consolationis quasi modo genitos confoveri, ne subtracta et onere alligato ex nostra crudelitate, materia malignandi eis quodammodo tribuatur.

Unde allective ad cultum fidei volentes eos pertractare, quedam iura inferius notata addidimus ad iura eis data post apostasiam a magistro Andrea domus s[anctae] Marie Theutonicorum in Riga, nostro predecessore.

Isti autem articuli sunt iuris adiecti:

[1.] Primus est, quod nullam facient emendam de dampnis, datis tempore apostasie et ante, homicidio duntaxat excepto.

[2.] Secundus est, ut nulla inter eos vacare possit hereditas ad usum domini terre, quamdiu aliquis reperitur, qui in sua parentela quicpiam ad emendam homicidii noscitur persolvisse[4].

[3.] Tertius est, si aliquam a terra Osile secundum eorum consuetudinem eliminari contigerit pro peccato contra naturam commisso, heredes ipsius suam obtineant hereditatem, consensu terre domini impetrato.

[4.] Quartus est, ut a nullo requiratur hereditas servorum in terra eorum, que vaccabat ante tempora apostasie.

[5.] Quintus, ut si aliquem suadente diabolo contigerit, se ipsum iugulare ad mortem, a nullo puniatur excessus talis, nisi per aliquem hoc fuerit procuratum.

---

[4] По смыслу ожидалось бы *non persolvisse*. Перевод следует такому исправлению. — *Ред.*

[6.] Sextus est articulus, in quem seniores terre in nostra presencia pro tota terra consenserunt, ut si aliquis proximum suum occiderit hac ratione, ut suam possideat hereditatem, ius suum, quod in ea habuit, devolvatur ad dominum terre, et insuper dabit domino emendam integram, que de homicidio dari consuevit in illa terra.

[7.] Septimus est de iudicio fratrum nostrorum, quod habent in Osilia, quia discretum non fuerat, quando deberet terminari vel inchoari, ac petiverunt homines nostri, ut vellemus eis terminum assignare, quando nostrum iudicium terminari deberet et inchoari. Nos igitur eorum sedulis precibus inclinati, eisdem terminum assignavimus et in hoc una nobiscum omnes voluntarie concordarunt, ut a festo b[eati] Mychaelis usque ad carniprivium debeat nostrum iudicium perdurare, ita sane, ut si noster nuncius aliqua legitima causa fuerit prepeditus, ut suum negocium ac iudicium complere nequeat, inchoatum neglecti temporis spatium compleat, cum potuerit, iterato; quo termino completo Osiliani ius suum in iudicio obtinebunt.

[8.] E contratio sunt obligati nobis fide data ad expeditiones in hyeme cum equis et cum navibus in estate, si hoc a fratribus ab eis fuerit requisitum, et contra omnes violenter aut indebite nos gravare volentes cooperatores nostri pro posse suo existere perpetuo sint parati.

Actum presentibus fratre Theoderico de Velyn, fratre Hermanno de Wenden, fratre Georgio de Sygewalde, fratre Ludevico de Riga, fratre Heidenrico de Ascherad, fratre Heinrico de Goldingen, fratre Bernhardo de Mimelburg, commendatoribus; item fratre Everhardo, fratre Emundo, fratre Heinrico Zwevo, fratre Iohanne de Wenden, fratre Ludekino Balken, fratre Volperto, fratre Hermanno de Sigelhorst, advocatis, et quam pluribus aliis fraltribus.

Datum in Osilia, presentibus Ylle, Culle, Enu, Muntelene, Tappete, Yalde, Melete, Cake et quam pluribus Osilianis.

Anno Domini MCCLV, VI calendas Septembris.

Et ut hoc ratum et stabile permaneat, presentem paginam nostri sigilli et Osilianorum munimine duximus roborandam.

Перевод

Брат Анно, магистр братьев Тевтон[ского] дома св[ятой] Марии в Ливонии, всем, кому случится увидеть настоящую грамоту, здравствовать во Господе Иисусе Христе.

Поскольку божественным определением и предустановлением отступники эзельцы вновь вернулись в лоно матери церкви, от коей

ранее отпали, то важно подкреплять их будто новорожденных сосцами всяческого утешения, дабы, если отнимем [его], и под бременем нашего жестокосердия у них никоим образом не возникло причины для озлобления.

Посему, желая обхождением привлечь их к вере, мы к правам, данным им после отпадения магистром Андреем Тевтонского дома св[ятой] Марии в Риге, нашим предшественником, добавили нижеперечисленные права.

А добавлены были такие статьи права:

[1.] Первое, что они не возмещают убытков, нанесенных во время отпадения и прежде, исключая только человекоубийство.

[2.] Второе, что ни одно их наследство не может отойти к господину земли, пока есть кто-либо из их родни, о ком известно, что он чего-то не выплатил в возмещение за человекоубийство.

[3.] Третье, если случилось, что какую-либо [женщину] изгонят из Эзельской земли сообразно с их обычаем за прегрешение против естества, ее наследники, с согласия господина земли, пусть получат свое наследство.

[4.] Четвертое, что наследство рабов в их земле, которое отошло [к хозяину] до отпадения, ни с кого не взыскивается.

[5.] Пятое, что если еому-либо случится по наущению дьявольскому убить себя до смерти, то за такую смерть никто не несет наказания, если только это не совершилось с чьим-либо содействием.

[6.] Шестая — статья, с которой в нашем присутствии высказали согласие от имени всей земли старейшины земли, что если кто-нибудь убьет своего родственника с целью завладеть его наследством, право его, какое было у него на это наследство, переходит к господину земли, и сверх того он выплачивает господину полное возмещение, какое положено за человекоубийство в той земле.

[7.] Седьмое — о суде наших братьев, который у них есть на Эзеле, потому что не было определено, когда он должен кончаться и когда начинаться, и наши люди просили, чтобы мы соблаговолили назначить им время, когда наш суд должен кончаться и когда начинаться. Мы же, склоняясь на их усердные мольбы, назначили им срок, и все единомысленно с нами сошлись на том, что наш суд должен продолжаться от праздника св[ятого] Михаила[5] вплоть до Великого поста, с тем, однако, что если посланный нами [судья] по

[5] 29 сентября.

какой-либо уважительной причине не сможет довершить дело и суд, довершит начатый, [но] незавершенный срок, когда сможет; по истечении же времени эзельцы пусть пользуются в суде своим правом.

[8.] И напротив, они, принеся нам присягу, обязаны участвовать в походах, на конях зимой и на кораблях летом, если то потребуется от них братьям, и ревностно и постоянно быть в готовности, сколько дозволяют их силы, помогать нам против всех, кто станет насилием и незаслуженно досаждать нам.

Совершено в присутствии брата Дитриха из Феллина, брата Германа из Вендена, брата Георгия из Зигевальде, брата Людвига из Риги, брата Гейденриха из Ашерада, брата Генриха из Гольдингена, брата Бернгарда из Мемельбурга, комтуров; также брата Эбергарда, брата Эмунда, брата Генриха Шваба, брата Иоанна из Вендена, брата Людекина Балькен, брата Вольперта, брата Германна из Зигельхорста, фогтов, и весьма многих других братьев.

Дано на Эзеле в присутствии Илле, Кулле, Эну, Мунтеленэ, Таппетэ, Иальдэ, Мелетэ, Какэ и весьма многих эзельцев.

В лето Господне 1255-е, шестые сентябрьские календы.

И дабы это пребывало твердо и незыблемо, положили мы скрепить настоящую грамоту силою нашей печати и эзельцев.

VI. *Август 1267 г. Немецко-курский договор*

Текст

Wi bruder Otto von Lutterbergh, meister der brodere des Dudesschen huses over Liflant, schriven alien Cristenluden, die desen brief sien of horen lesen, grute in den namen Ihesu Christi, op dat die gegenwordige dait kome in ein gedechnisse der nakomelinge, so sal men se hartlichen veisten mit tuge und mit briven.

§ 1. Hir umme so sal weten die gemeinheit, dat wi mit gemeinen rade des ganzen landes to Curlande vergeven und vergeten hebben al den Curen alle den broke, gemeinliche unde sunderliche, den si uns gedan hebben in der tijt der werrunge, und si mit ein ander vergeven hebben, dat nunmer ane ende von uns und von in to ener wrake sal gedacht werden.

§ 2. Welike irer under guden truwen dem anderen sine perde stelet oder nemet, so sal die schuldige si betalen und wider geven, oder it sal bliven in einer unvruntlicher minne.

§ 3. Von eme jegelichen haken over Curlant sal man den broderen to tinsse geven twe lope roggen, und weret dat hi den roggen nicht hebben

en mochte, so sal hi geven ein lop wetes und enen lop garsten, vnd alsus hevet he sinen tinss betalet.

§ 4. Ein jegelich pert, dar man mit eghet, wannere it in sin vijrde iar trit, so sal it geven den vorgenomeden tinss.

§ 5. Vier dage sal ein jegeliche arbeiden in dem lande, dar he sittet, den broderen; twe dage in dem somer, und twe in dem winter.

§ 6. War von den broderen ein hus vor den heiden wirt gebuwet, welike des Cristen geloven vertyet, die sal dar selves ein mant dinen bi siner eigen kost. Wannere dat man buwet, so solen si desse kost don, wannere dat man nicht buwet, so wille wi si von disser kost und von anderen alleme arbeit verdragen.

§ 7. Vortmeir von anderen borg arbeit wil wi si ewelike verdragen. Vortmeir von den teenden des reise gudes, wil wi si eweliken verdragen.

§ 8. Ein jegelike erve solen si erheven in dem vijrden knie, also doch dat sin here in sime rechte en genen schade neme.

§ 9. Vortmeir war dat he sich nider settet to wonen, dat sal he hebben vor ein ewich erve, so die stede en gene erve nicht en hevet.

§ 10. Vortmeir alle dat dinck, dat dar vunden wirt bi den strande, des sal die vinder hebben dat dridde deil des gevunden dinges, twe deil sal hi drugen und antworden si in des vogedes hant, die sal si halten iar und dag, und weret, dat binnen disser tijt jeman rechtverdeliche queme to vorderen disse ding, den sal man si wider geven; und weret dat dar nieman queme binnen der tijt, dat dinck to vorderen, so sal die here des landes der dinge sich underwinden. Dat selve sal man halten von den ankeren, die nicht geteikent sint; weret dat si geteikent weren, die si vundet, den sal man vor sin arbeit lonen.

§ 11. Vortmeir alle ding, dat dar vlut in der see, dat do dem strande noch nicht en is gekommen, des sal der vinder die helfte hebben, die ander helfte sal hebben die here des landes.

§ 12. Vortmeir ein jegeliche, die in sines lives not is, die en sal sinen hulper nicht mere wan dat dridde deil sines gudes geloven, it en were, dat hi neger mit im over ein kunde komen.

§ 13. Vortmeir welich man tuge sich beropit, die sal hi vor bringen binnen drin maenden, weret, dar si over Dune weren; weret dat die tuge over see weren, so sal hi si vor bringen binnen iar unde dage.

§ 14. Vortmeir so solen si alleme Liveschen rechte underdenich sin. In welich getugnisse so hebbe wi uns ingesigele an dissen brief gehangen.

Gegeven to Rige, under den iaren unses heren dusent twe hundert seven und sestich, in dem mande des oisten.

Перевод

Мы, брат Отто фон Люттерберг, магистр братьев немецкого Ордена Лифляндии, пишем всем христианам, которые эту грамоту увидят или услышат в чтении, приветствуем во имя Иисуса Христа, если же противоположное [нами сказанному] придет на мысль потомкам, то следует их твердо убедить свидетелями и грамотами.

§ 1. Поэтому пусть знают все, что мы по общему совету всей земли Курляндии простили и забыли всем куршам все измены, общие и отдельные, которые они нам учинили в пору неурядицы, и их полностью вторично простили, так что следует покончить с местью и с нашей и с их стороны.

§ 2. Кто из среды их хороших [и] верных украдет у другого его лошадь или возьмет, то должен виновный ее возместить и возвратить, или это останется без должного решения.

§ 3. С каждого гакена в Курляндии следует давать братьям [рыцарям] в виде чинша два лопа ржи; и если будет, что он ржи иметь не может, то пусть он дает один лоп пшеницы и один лап ячменя, и так он свой чинш уплатил.

§ 4. С каждой лошади, на которой он боронит, когда она достигнет четырех лет, следует давать вышеназванный чинш.

§ 5. Четыре дня должен каждый работать на земле, на которой он сидит, на братьев [рыцарей]; два дня летом и два дня зимой.

§ 6. Где братьями [рыцарями] строится замок [для защиты] от язычников, которые вере христовой неверны, должен он же [им] один месяц служить на своем собственном содержании. Когда строят, то должны они эти издержки нести, когда [же] не строят, то хотим мы их освободить от этих издержек и всей другой работы.

§ 7. Далее, хотим их навсегда освободить от другой замковой работы. Далее, от десятины с наследства дочерей мы хотим их навсегда высвободить.

§ 8. Каждое наследство должны они удерживать [до] четвертого колена, но так, чтобы его господин в своем праве не понес никакого ущерба.

§ 9. Далее, [место], где он поселится, должен он иметь в вечном наследовании, если никаких других наследственных притязаний на него не возникает.

§ 10. Далее, от всякой вещи, что будет найдена на морском берегу, пусть нашедший имеет третью часть найденной вещи, две части они должны принести и передать в руки фогта; он должен держать

их год и день; и если в течение этого времени придет кто-либо правомочный требовать это имущество, его следует ему возвратить; и если будет так, что никто не придет в течение [этого] времени требовать имущество, то должен завладеть вещью господин земли. Того же следует держаться относительно якорей, которые не обозначены (не имеют клейма. — *В. П.*); если же будет так, что они обозначены, [то] кто их найдет, того следует вознаградить за его труд.

§ 11. Далее, от любой вещи, которая плавает в море [и] которая к берегу еще не пристала, нашедший пусть имеет половину, другую половину пусть берут господа земли.

§ 12. Далее, каждый, кто в своей жизни впадает в нужду, должен обещать помогшему ему не больше чем третью часть своего имущества, если он не вступил с ним в более выгодное соглашение.

§ 13. Далее, если какой-либо человек утверждает, что его ограбили, то должен он их [свидетелей] представить в течение трех месяцев, если было так, что они были за Двиной; если же свидетели были за морем, то пусть он их представит в течение года и дня.

§ 14. Далее, все они должны подлежать ливскому праву.

В подтверждение чего мы прикрепили печать к этой грамоте.

Дано в Риге в год господа нашего тысяча двести шестьдесят седьмом, в месяце августе.

VII. *6 июля 1272 г. Немецко-земгальский договор*

Текст

Wi Albrecht, von der barmherzicheit Godes ein erdisse bisscop der heliger kirken to Righe, Johan von der selver genaden ein prowest der selber kirken, bruder Walter von Nortike, meister der brodere des Dudesschen huses sente Marien over Liflant, schriven allen den genen, die dissen brief sien of horen lesen, heil in dem, der gesunt maket alle die gene, die hopeninge hebben an in.

§ 1. Do dat lant to Semigallen von der Godes genaden to ruche gelacht die dwelunge des heidensche geloven und echter den Cristen geloven untphieng, den si vormales untphangen hadden und besiden geworpen, und wi, die dar over weren, geeischet hedden die eldesten des landes to unser gegenwordicheit, unde vil handelunge gehat hebben her und dar op iren tins und ir recht tuschen in und uns; to dem lesten behagedet in; von gemeinen rade und volbort iren tins und ir recht to metigen in disse wijs; also dat, to plechtlicher gewonheit und

geistlicher behuvinge, in der stede des tehendes, solen schuldich sin to gevene eweliken von jeweliken haken twe lope Rigischer mate, ein rogghen und ein gersten.

§ 2. Vortmeir so solen, si to dem arbeit dienen twe dage in dem somer und twe dage in dem winter, also doch, dat in dissen vijr dagen von jegelicheme haken ein vore don solen to vorende, wes dat wi behoven, und die anderen jegeliken personen, die also alt sin, dat si arbeiden mogen, die solen uns dienen mit iren hant arbeit, als hoie to slande, oder holt to dragen und houwen, ist dat it behuf is.

§ 3. Erlovet is in ock, dit vor gesproken korn, weret dat si gebreke dar an hedden, mit gemetelikeme lone to losene, als vor enen jegeliken lop twe artinck Rigis silvers to betalene, oder twe marde, oder achte gra vel; to groteren lone mit nicht to dwingene.

§ 4. Mer to der borch buunge, und die wege to makene, unde to reisen solen sie sich willich und reit bewisen.

§ 5. Und die vogede solen ir richt halden dries in dem iare, nach dem rechte und der gewonheit des landes to Letlant und to Eistlant solen sie richten eischen plectliche scaffunge.

To ener groterer apenbarunge und eweliker behaldunge so hebbe wi in disse gegenwordige srcift gegeven mit unsen ingesigelen, mer mit dem bilde der stat to Righe bevestent.

Gegeven under den iaren unses Heren dusent twe hundert twe unde seventich, in dem achten tage der apostelen Petri und Pauli.

Перевод

Мы, Альберт [Суэрбер], по милосердию Божию архиепископ святой церкви в Риге, Иоанн, той же милостью пробст той же церкви, брат Вальтер фон Нордек, магистр братьев Немецкого ордена святой Марии в Лифляндии, всем тем, кто эту грамоту увидит или услышит в чтении, желаем здоровья именем Того, который исцеляет всех, кто надеется на Него.

§ 1. Когда земля Земгалии по милости Божией достигла умиротворения и [оставила] заблуждения языческой веры, и истину веры Христовой, которую они однажды приняли, но отринули, приняла, и мы, бывшие при том, понудили старейшин земли к встрече и имели между ними и нами много переговоров повсюду об их чинше и их праве; наконец одобрили их по общему совету и согласию [и] их чинш и их право определили таким образом, что, следовательно, по непременному обычаю и религиозной потребности [они] обязаны

всегда давать вместо десятины от каждого гакена два лопа рижской меры, один рожью, другой ячменем.

§ 2. Далее, должны служить работой два дня летом и два дня зимой, так, однако, что в эти четыре дня с каждого гакена они должны давать одну телегу к перевозке того, что мы потребуем; и все другие люди, которые достигли такого возраста, что они могут работать, должны служить нам собственноручно, как-то: косить сено, носить и колоть дрова, если это необходимо.

§ 3. Разрешается им также в виде исключения зерно, о котором шла речь, если будет так, что оно не уродится в поле, возмещать соответствующей платой, а именно: уплачивать за каждый лоп два артинга рижского серебра, или две мордки, или восемь серых шкурок; к большей плате никак не принуждать.

§ 4. Еще должны быть они охотно готовыми к постройке замков, сооружению дорог и к походам.

§ 5. И фогты должны вершить их право трижды в году; должны они по праву и обычаю земли Летляндии и Эстляндии судить, требуя [соблюдения] обычных установлений.

Для большего сбережения и вечной сохранности мы прикрепили к этой настоящей грамоте нашу печать и, сверх [того], скрепили ее [печатью] с изображением города Риги.

Дано в год Господа нашего тысяча двести семьдесят второй в восьмой день апостолов Петра и Павла.

VIII. *1284 г. Установление епископом сааре-ляэнеским прав сааремаасцев*

Текст

In nomine sanctae et individuae trinitatis. Amen.

Hermannus, Dei gratia Osiliensis ecclesiae episcopus, universis Christi fidelibus, in nostra dioecesi constitutis, salutem in eo, qui est omnium credentium vera salus.

Universitati vestrae notum esse cupimus, quod, praedecessoris nostri vestigiis inhaerentes, statuta ac iura, quae ad petitionem neophitorum dioecesis nostrae praelibatae, de consilio magistri ac fratrum domus Theutonicae Iherosolimit[anorum] ac vasallorum ecclesiae nostrae, a iam dicto praedecessore nostro bonae memoriae edita ac conscripta fuerant, et de consilio et consensu praelatorum et canonicorum ecclesiae nostrae, commendatoris ac fratrum domus Theutonicae in Leal, vasallorum ac

seniorum ecclesiae iam praelibatae, denuo praesentibus litteris duximus innovanda, ac etiam auctoritate qua fungimur confirmanda.

Quorum statutorum ac iurium tenorem praesentibus duximus declarandum, videlicet:

[1.] ut solvant decimas de omnibus, quae secundum ius Divinum consueverunt decimari.

[2.] Item de quolibet unco dabunt duas marchas … cum dimidia.

[3.] Item de quolibet unco pullum unum.

[4.] Item uno die arabunt dominis suis propriis bobus et propriis expensis, duobus vero metent.

[5.] Item de eo, qui metere potest, unum de qualibet vitzkatu, duas plaustratas feni solvere promiserunt.

[6.] Item de quolibet unco ducent unum cubitum lignorum, aequum in longitudine et latitudine et altitudine, qui vaden vulgariter appellatur.

[7.] Item de vino gordii[6] brazni[7] facient, illudque suis dominis portabunt.

[8.] Item decimam etiam praelibatam ducent, ubi dominis placuerit, dummodo in dioecesi loca fuerint, ad quae ducent, extra dioecesim autem ducere non cogerentur.

[9.] Praeterea castra ecclesiae et domos dominorum suorum aedificabunt, si ipsas contingat per incendium vel insultus hostium devastari. Item ecclesias suas, et plebanorum [domos] aedificabunt et reaedificabunt, si fuerint incendio vel aliquo casu fortuito devastatae.

[10.] Item ad expeditionem et ad terrae defensionem parati erunt, cum ipsis ab episcopo fuerit intimatum.

[11.] Teneantur etiam ad iura spiritualia et pontificalia, et in aliis causis coram dominis suis stent iuri, iudicio seculari, in quo si ipsos indebite gravari contigerit, possunt secundum mandatum apostolicum et ius gentium ad episcopum appellare.

[12.] Si autem, ultra quod praescriptum est, dominis suis sive in servitiis vel aliis donis, sine aliqua coactione, sed bona voluntate, adiicere voluerint, hoc ipsorum libero arbitrio duximus relinquendum.

Nulli ergo omnino hominum liceat hanc innovationis et confirmationis nostrae paginam infringere vel ei ausu temerario contraire.

Si quis autem hoc attentare praesumserit, excommunicationis sententiam, quam in talem inferemus, se noverit incursurum, ad poenam aliam

---

[6] *hordei* (?).

[7] *braxari* (?).

nihilominus, secundum mandatum apostolicum, processuri, si hoc meruerit protervitas contumacis.

Plebanis etiam in his septem kilegundis constitutis districtius iniungimus, ut quibus[8] ecclesia sua tenorem litterae praelibatae bis in anno, videlicet in festo Paschae et in assumtione beatae virginis, coram vasallis et neophitis non negligant recitare, si et ipsi praemissam poenam vel consimilem voluerint evitare.

Ut ergo prelibata firma et inconvulsa permaneant, praesens scriptum sigillo nostro et capituli nostri fecimus communiri.

Datum Hapasellae, anno MCCLXXXIV.

Перевод

Во имя Святой и Нераздельной Троицы. Аминь.

Германн, милостью Божией епископ эзельской церкви, всем верным во Христе, пребывающим в нашем диоцезе, спасения в Том, кто есть истинное Спасение всех верующих.

Желаем довести до вашего всеобщего сведения, что мы, идя по стопам предшественника нашего, в силу власти, коей облечены, положили по совету и с согласия прелатов и каноников нашей церкви, комтура и братьев Тевтонского дома в Леале, вассалов и старейшин упомянутой церкви, настоящей грамотой обновить, а также подтвердить установления и законы, которые были ранее изданы и записаны по просьбе неофитов упомянутого нашего диоцеза [и] по совету магистра и иересалим[ских] братьев Тевтонского дома и вассалов нашей церкви уже поименованным блаженной памяти предшественником нашим.

Текст этих установлений и законов мы положили объявить настоящей грамотой, а именно:

[1.] пусть платят десятину со всего, с чего по закону Божию повелось брать десятину.

[2.] Далее, с каждой сохи пусть дают две марки … с половиной.

[3.] Далее, с каждой сохи — одного цыпленка.

[4.] Далее, пусть один день пашут для своих господ на собственных быках и за собственный счет, а два дня жнут.

[5.] Далее, с умеющего косить — по одному от каждого жилья[9] — обещали платить два воза сена.

---

[8] Очевидно, следует читать *quivis in*. (Перевод дан в соответствии с этой конъектурой. — *Ред.*).

[9] Эст. *vitzkatu* от *vits* «прут» и *katus* «кровля».

[6.] Далее, с каждой сохи они поставляют одну меру дров, равную в длину, ширину и высоту, которая на народном языке именуется *vaden*[10].

[7.] Далее, относительно вина — пусть делают ячменное пиво[11] и отвозят его своим господам.

[8.] Далее, упомянутую уже десятину пусть везут туда, куда прикажут господа, лишь бы место, куда везут, находилось в диоцезе, а везти за пределы диоцеза пусть их не заставляют.

[9.] Кроме того, строят замки, церкви и дома своих господ, если случится, что они разорены пожаром или набегом неприятелей; строят также свои церкви и [дома] священников и восстанавливают, если они разрушены пожаром или вследствие какого-либо другого случая.

[10.] Далее, будут готовы к походу и к защите земли, когда им будет объявлено епископом.

[11.] Далее, обязываются [соблюдать] духовные и епископские законы, а в других случаях подлежать мирскому закону и суду перед своими господами, в коем, если случится, что потерпят незаслуженно, могут в соответствии с апостольским мандатом и народным правом обратиться к епископу.

[12.] Если же сверх того, что предписано, пожелают без какого-либо принуждения, а добровольно [что-то] прибавить своим господам в службах ли, или в иных дарах, то мы положили оставить это на их свободное усмотрение.

Итак, никому из людей да не будет позволено нарушить эту грамоту, [содержащую] наше обновление и подтверждение, или безрассудно противодействовать ей.

Если же кто-нибудь осмелится на такую попытку, то да знает, что подпадет под приговор отлучения [от церкви], которому мы подвергнем такового, прибегая далее, более того, в силу апостоль-

---

[10] Средненем. *Vaden* означало различные меры длины, но всегда около сажени — расстояния между кончиками пальцев разведенных рук; поэтому в данном случае переводим лат. *cubitum*, которое обычно соответствует длине локтя, более неопределенно — «мера». Действительно, кубический локоть дров кажется неоправданно малым объемом подати. — *Ред.*

[11] *Brazni* латинского оригинала, несомненно, связано со среднелат. *bracile, bracium* (аллографы *braza/brazium, braxa/braxium* и др.), которое обозначало заготовку из проросших зерен, обычно ячменных, предназначенную для приготовления пива (сусло), или с его продолжениями в народной речи (отсюда нерегулярность флексии); в этом смысле конъектура *hordei* (лат. *hordeum* «ячмень») имела бы смысл. — *Ред.*

ского мандата и к другим карам, если того заслужит дерзость беззаконника.

А священников, поставленных в этих семи кихелькондах, мы строго обязываем, дабы они, каждый в своей церкви, не забывали дважды в году, именно на праздник Пасхи и на Успение Святой Девы, в присутствии вассалов и неофитов оглашать текст упомянутой грамоты, если и сами желают избегнуть названного или подобного наказания.

Итак, дабы изложенное пребывало прочным и нерушимым, мы распорядились скрепить настоящую грамоту печатью нашей и нашего капитула.

Дано в Хаапсалу в лето 1284-е.

Топонимический комментарий к немецко-куршским договорам 1230–1231 гг.

А. Топонимы, подлежащие локализации в «Мирной Курсе»

SLVA. № 161 (см. выше № 1): «quod cum Curonibus de locis, quorum hec sunt nomina: 1. Rende, 2. Walegalle, 3. Pidewale, 4. Matecule, 5. Wane, 6. Pure, 7. Ugesse, 8. Candowe, 9. Anses».

Географическое расположение пунктов по номерам указано на карте арабскими цифрами. Это Восточная Курса, ранее всех других частей замиренная (так как располагается ближе к Риге, оттуда и шло завоевание) и в 1253 г. поэтому называемая «Мирная Курса» (Vredecuronia).

SLVA. № 163 (см. выше № 3): «pagani de Curonia, scilicet de Bandowe, de Wanneman, de citra Winda, de villis, quarum nomina sunt hec»: 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9 (все они были уже в № 161, см. по их номерам); дополнительно названы: 10. Talse, 11. Arowelle, 12. Pope et pluribus aliis.

Названные тут дополнительно villae № 10–12 тоже располагались в Восточной Курсе и тоже помечены на карте арабскими цифрами.

Восточная, или «Мирная» Курса (1)

При локализации топонимов немецко-куршских договоров 1230–1231 гг. надо иметь в виду и тексты о разделе Курсы между орденом и епископом в 1253 г., в которых топонимия намного богаче, полнее (частично она повторяет топонимы 1230–1231 гг.).

Договор о разделе Курсы между орденом и курляндским епископом от 4 апреля 1253 г.: раздел северной («обжитой», давно освоенной) Курсы: SLVA. № 357 = LUB. Bd. I. Regeste. № 280; SLVA. № 358 = LUB. Bd. I. № 248 (другая редакция текста). В другом договоре, тоже от 4 апреля 1253 г., разделу подверглась южная, менее заселенная часть Курсы: SLVA. № 359 = LUB. Bd. I. Regeste. № 282; № 360 = LUB. Bd. I. № 249 (другая редакция). Сопоставление актов 1230–1231 и 1253 гг. показывает, что все villae из актов 1230–1231 гг. (SLVA. № 161 и 163), числом 12, располагались тут, в «Мирной Курсе». Договор 1253 г. упоминает «in Vredecuronia», 26 (28) топонимов, т. е. вдвое больше. На карте цифрами отмечены только топонимы из актов 1230–1231 гг. Все это villae, притом, видимо, наиболее крупные поселения. Как правильно отмечал А. Швабе, акт 1253 г. также учитывал не все, а лишь более или менее значительные поселения, имевшие значение местных центров (*Švābe A.* Senā Kursa // Straumes un avoti». Rīgā, 1938. T. 1. 1pp. 96). Приведем в этой связи два примера.

№ 7. *Ugesse,* или *Ugenesse.* Согласно SLVA. № 201 (= LUB. Bd. I. № 136) в 1234 г. вице-легат Балдуин Альна (тот самый, что заключал договоры 1230 г.) пожаловал рижской соборной церкви 25 гаков (это очень много) в «провинции Угессе» («in 25 uncis in Curonia, in castellatura Lodgie, in provincia Ugesse»).

№ 11. *Arowelle* или *Arwale.* В 1387 г. это центр церковного прихода (LUB. Bd. III. № 1248. S. 528), в 1503 г. — центр сбора феодальных повинностей, т. е. «пагаст» (LUB. 2-te Abt. Bd. II. № 563: «in Erwalensi pago censitico», а в 1582/3 г. это крупный центр епископской вотчины, объединяющий вокруг себя 20 других деревень, или «служба Арлава»-Amt Erwahllen (*Arbusow L.* Verzeichnis der bauerlichen Abgaben im Stift Kurland // Latvijas Universitates Raksti. Rīgā, 1924. T. X. S. 242).

О *других топонимах «Мирной Курсы»*

Bandowe — это, собственно, название другой куршской «земли» (III). Неясно, почему она тут упоминается; встречающиеся на ней деревни (Kiemala, Aliswanges) показаны в другом договоре, а именно — SLVA. № 162. Bandava — это среднее течение р. Вента, не входившее в «Мирную Курсу».

Wanneman, или *Wannenia* (?) — это другое, более раннее название «Мирной Курсы» (*Vredecuronia* впервые встречается лишь в 1253 г.).

«Мирная Курса» — это местность, которую можно географически определить так: северная часть Курсы между течением р. Абава и Рижским заливом. Тут располагаются современные городки Тукум, Кандава, Сабиле, Талсы, Пилтене; из этих (будущих) городов договоры 1230–1231 гг. упоминают лишь Кандаву (№ 8) и Талсы (№ 10).

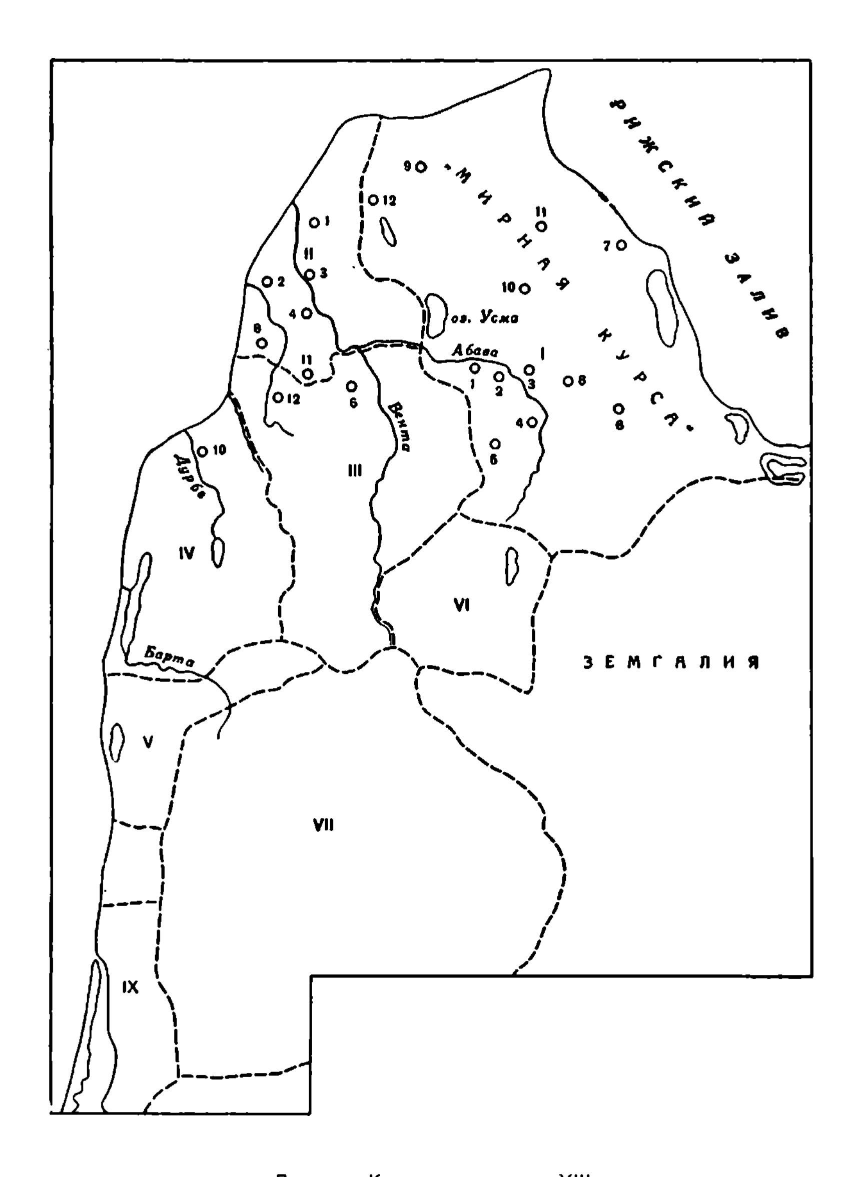
citra Winda — «по сю сторону от р. Венты» (если смотреть со стороны Риги), т. е. к востоку от Венты. Это все та же «Мирная (Восточная) Курса».

Характер остальных поселений в «Мирной Курсе» (в скобках даны позднейшие, правильные их названия, сперва немецкое, потом латышское) таков:

1. *Rende* (*Rönnen*, *Rende*) — позже казенное имение в приходе Кулдига (Голдинген).
2. *Walegalle* (*Walgahlen*, *Valgāle*) — позже центр казенного имения в приходе Сабиле (Zabeln).
3. *Pidewalle* (*Pedwalen*, *Pedole*) — позже центр частновладельческого имения.
4. *Matecule* (*Matkuln*, *Matkule*) — позже центр казенного имения в приходе Сабиле (Zabeln).
5. *Wanne* (*Wahnen*, *Vāne*) — позже частновладельческое имение в том же самом приходе Сабиле.
6. *Pyrre*, или *Puren* (*Puhren*, *Püre*) — позже частновладельческое имение в приходе Кандава.
7. *Ugesse*, или *Ugenesse* (латышская деревня Ugunsciems? Igene?).
8. *Candowe* — будущий город Кандава, центр одноименного прихода.
9. *Anzes*, *Anses* (*Ance*) — позже подмызок при имении Попе (Popen) в Пилтенском приходе.
10. *Talse* — будущий город Талсы, центр одноименного прихода.
11. *Arowelle* (*Erwalen*, *Arlava*) — позже частновладельческое имение в одноименном церковном приходе.
12. *Pope* (*Popen*, *Pope*) — ср. № 9, позже частновладельческое имение в Пилтенском приходе.

Б. Топонимы, подлежащие локализации в других «землях» древней Курсы

SLVA. № 162: «et pagani de Curonia, de terris Esestua, scilicet Durpis, et Saggara, et kiligundis, quarum hec sunt nomina: 1. Thargolae,

Древняя Курса в середине XIII в.
(из кн.: *Bielenstein A.* Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. SPb., 1892

2. Osua, 3. Langis, 4. Venelis, 5. Normis, 6. Kiemala, 7. Pygawas, 8. Sarnitus, 9. Riwa, 10. Saccze, 11. Edualia, 12. Aliswanges, 13. Ardus, 14. Alostanotachos».

«Земли» Вентава (II), Бандава (III) и Пиемаре (IV)

Пункты, поддающиеся локализации, на карте пронумерованы особо (1, 2, 3, 4, 6, 11 и 12). Большая часть из них приходится на куршскую «землю» Вентава (Winda), т. е. нижнее течение р. Вента, по обоим ее берегам (II), а единичные — на «землю» Бандава (Bandowe), т. е. среднее течение Венты (III), и на «землю» Пиемаре (Bihavelanc), на карте это — IV.

Преобладающая часть топонимов из SLVA. № 162 (1230 г.) встречается в 1253 г. (SLVA. № 357–358), но там их значительно больше. В акте раздела Курсы 1253 г. приходится на Winda (II) — 21, Bandowe (III) — 48, Bihavelanc (IV) — 41 географическое название (villae), т. е. топонимика документа 1253 г. много богаче, чем 1230 г. Все пункты — это, конечно, villae, притом большие, самые крупные центры, они бросились в глаза писцам 1230 г.; они же ими и названы. На деле уже тогда тамошняя сеть поселений была гуще изображенной в договоре. Это можно показать на двух-трех примерах:

№ 1. *Thargolae*. Несколько позже, но еще в XIII в. упомянутое название применяется для обозначения целого округа (provincia, или regio) в составе владений рижского соборного капитула (LUB. Bd. I. № 198, 219 и 534). Тем не менее, в грамоте 1387 г. названный пункт по-прежнему могли обозначать скромно как villa (LUB. Bd. III. № 1248). Зато в 1582/3 г. в этом самом Targele встречаем более 41 гака земли, а на них 12 крестьянских хозяйств (*Arbusow L.* Verzeichnis. S. 207).

№ 5. *Normis*. В 1290 г. показано 90 гаков «in territorio Normes» (LUB. Bd. I. № 532).

№ 10. *Saccze*, *Sakke*. Уже в 1253 г. здесь «Bona quae habet Waltherus in Sacke, habebit in feudo de manu nostra... Preterea Nicolaus Curo, interpes, bona quae habet Sacke, habebit de manu episcopi», т.е. в одном пункте два феодальных владения от разных сеньоров — ордена и епископа (SLVA. № 361). В 1386 г. — dorpe Sakke, но там же и господский двор — have; Sakke — центр вотчинного округа — gebede (LUB. Bd. II. № 1232). Позже оно попало в руки известных феодалов Сакенов (LUB. 2-te Abt. Bd. III. № 44 — 1506 г.), быть может, получивших от него и фамилию?

№ 11. *Edualia.* Позже это замковый округ — borchsokynge (LUB. 2-te Abt. Bd. III. № 205 — начало XVI в.) замок Эдоле — см.: LUB. Bd. VIII. № 545.

Следовательно, в договоре 1230 г. упомянуты лишь более или менее крупные пункты.

О других топонимах Вентавы, Бандавы и Пиемаре

Esestua — «нигде не обнаружена» (*Bielenstein A.* Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. SPb., 1892. S. 178), но, может быть, это *Ezertuve*, лежащее вблизи Лиепайского озера, и тогда местность локализуется в земле Bihavelanc-Piemare (IV).

Durpis — в той же земле Piemare (Приморье в районе г. Лиепаи). Это Durbe на оз. Дурбе, к западу от Лиепаи (IV).

Saggara — А. Биленштейн указывает на грамоту XIII в., где «Sagere ex utraque parte Winde» («по обе стороны р. Венты»). Значит, указанная местность располагалась на Венте, скорее всего в «земле» Вентава (II).

О характере остальных поселений в Вентаве, Бандаве и Пиемаре известно следующее:

1. *Thargolae* (*Tergeln*, *Targale*) — позже частновладельческое имение в приходе Пилтен.
2. *Osua* (*Hasau*, *Usava*) — позже казенное имение в приходе Виндава.
3. *Langis* (*Landsen*, *Landse*) — часть более позднего имения Suhrs — Sūras.
4. *Venelis* (*Wensau*, *Vensava*) — позже частновладельческое имение в приходе Виндава. Быть может, правильнее читать Venetis, на р. Вента.
5. *Normis* — на р. Вента (ибо в грамоте 1253 г.: «Norme ab utraque parte Winda»), но локализации не поддается.

   Все названные выше поселения располагались в земле Вентава (Winda).

6. *Kiemala* (*Kimalen*, *Kimāle*) — позже частновладельческое имение в церковном приходе Голдинген, в «земле» Бандава (III).
7. *Pygawas* (*Tigwen*, *Tigve*) — позже казенное имение в приходе Голдинген, тоже в «земле» Бандава (III).
8. *Sarnitus* (*Sernaten*, *Sarnate*) — позже частновладельческое имение в приходе Виндава, в «земле» Вентава (II).

9. *Riwa* — известна лишь река Riewa в «земле» Bihavelanc-Piemare (IV).
10. *Saccze* (*Sackenhausen*, *Sakas-muiža*) — позже известный феодальный замок курляндских магнатов Сакенов, центр одноименного церковного прихода, в «земле» Пиемаре (IV).
11. *Edualia* (*Edwalen*, *Edole*) — позже частновладельческое имение в приходе Пилтен, в «земле» Вентава (II).
12. *Aliswanges* (*Alschwangen*, *Alsunga*) — казенное имение и центр церковного прихода того же имения, в «земле» Бандава (III).
13. *Ardus* — ? Среди поздних топонимов не обнаруживается.
14. *Alostanotachos* — по А. Биленштейну (*Bielenstein A.* Die Grenzen. S. 226), это речушка Alokste в районе Сакенхаузена (см. № 10), в «земле» Bihavelanc-Piemare (IV)

Впервые опубликовано в кн.: Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 302–320.

Корчула и Сааремаа
(опыт сравнения статутов)

В истории международных отношений средневекового мира значительное место принадлежит крестовым походам. Сравнительно-исторические исследования раскрыли правомерность и плодотворность сопоставления двух потоков крестоносного движения: в Переднюю Азию и в Восточную Европу. Дальнейшие разыскания позволяют уточнить некоторые формы и результаты этого движения на материалах правовой истории Прибалтики и Адриатики. Решение подобной задачи облегчается тем, что на современном этапе наши историко-правовые исследования тоже приняли региональный характер.

Принципиально новые пути таким исследованиям раннесредневековых памятников, в частности, Правд и Статутов, положила советская школа Б.Д. Грекова и А.И. Неусыхина, которая открыла возможности сравнительного изучения их как источников по истории становления и развития феодального общества. Преимущество подобного регионального подхода для подготовки будущих глобальных обобщений очевидно. Вместе с тем этот подход требует возможно большего числа сопоставлений синхростадиально однотипных кодексов. Такие типологические сопоставления возможны лишь после тщательного изучения каждого памятника в отдельности на основе строго научного метода и определяемой им методики.

Среди памятников такого рода Статуты 1254–1271 гг. славянского острова Корчула на Адриатике[1] и Статуты, права и установления

[1] Statuta et leges civitatis et insulae Curzulae (1214–1558) // Monumenta historico-juridica Slavorum meridionalium / Ed. J.J. Hanel. Zagrabiae, 1877. Pars I. Vol. I. Ниже я оперирую выводами, полученными мною в подготовленном к печати исследовании: *Пашуто В.Т., Шталь И.В.* Корчульский статут как источник по истории общественно-политического строя острова Корчула XIII в. Статьи статута цитируются по переводу И.В. Шталь (книга издана в 1976 г. — *Примеч. ред.*).

1241–1284 гг. эстонского острова Сааремаа на Балтике[2] заслуживают пристального внимания. Их сопоставление правомерно, ибо они отражают общинное самоуправление островов и относятся к тому времени, когда эти острова стали жертвами, один — венецианского «напора», другой — немецкого «натиска», т. е. феодальной экспансии на Восток, которая, однако, в силу исторических условий (о них — ниже) породила разные уровни синтеза феодального и дофеодального обществ[3].

Исследований, специально посвященных анализу Краткой Редакции (ниже — КР) Корчульского Статута, в международной (югославской, венгерской, итальянской, немецкой и русской) историографии нет, хотя написан целый ряд интересных статей, характеризующих те или иные стороны его происхождения и содержания[4].

Ввиду этого — несколько слов об острове и времени кодификации корчульского права[5]. Корчула — крохотный (276 км^2) островок, на котором расположились четыре села, объединенные в коммуну, и приморская крепость. Остров имеет давнюю греко-римскую историческую традицию[6]; нормы местного общинного права постепенно складывались со времени его славянской колонизации. Греко-римско-славянский континуитет — самостоятельная и благодарная тема. Корчула — типичный остров Адриатики — лежала в зоне противоречивых интересов — византийских, венецианских, хорватских, сербских, пока после падения Константинополя (1204 г.) не попала под удар окрепшей республики крылатого льва[7]. Над воль-

---

[2] Текст и перевод (И.В. Шталь) в кн.: *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В.* Пути развития феодализма. М., 1972. Приложение. С. 306–311, 314–315. При цитировании: G-1241, G-1255 и G-1284. См. в настоящем томе: Страны прибалтийского региона. Приложение IV (= G-1241), V (= G-1255), VIII (= G-1284). — *Примеч. ред.*

[3] Различия, относящиеся к исходной степени христианизации и иноземной этнической инфильтрации на островах, не меняют существа анализа по избранным мною параметрам.

[4] См. обзор историографии в весьма содержательной книге корчульского краеведа: *Foretić V.* Otok Korčula u srednjem vijeku do g. 1420. Zagreb, 1940; новейшие: *Gjivoje M.* Otok Korčula. 2 izd. Zagreb, 1969; см. также: Sbornik otoka Korčule. Zagreb, 1970. 1; Zagreb, 1972. 2.

[5] Разбор литературы вопроса: *Соловьев А.В.* Древнейший судебник юго-западных славян (Статут острова Корчула) // Тр. IV съезда русских академических организаций за границей. Белград, 1929. Ч. 1. С. 349–353.

[6] *Lisičar P.* Crna Korkira i kolonije antickich Grka na Jadranu. Skopje, 1951.

[7] *Соколов Н.П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963.

нолюбивой Корчулой сгустились тучи, когда венецианцы завладели Задаром на севере побережья Далмации и Дубровником на юге, да и почти всем дубровчанским островным миром. Не удивительно, что в 1254 г. на Корчулу был призван ставленник Венеции князь Дубровника Марсилий Джоржи, бывший сирийский наместник — баил.

С его именем и связан Статут. Статут (КР, состоящая из 73 статей) — весьма примечательный памятник. В его вводной стихотворной апологетической в отношении князя части о призвании Марсилия сказано: «Корчула, направляя послов, усиленно домогается чести, сама испрашивает себе князя Рагузы».

Прибыв на остров, Марсилий, «желая оберечь [его] и будучи сведущим, *стал даровать права*». Нормы корчульского права возникли вместе с коммуной за века до Марсилия и жили долго после него, регулируя жизнь острова. И Марсилий Джоржи лишь приказал записать (или переписать) их как дополнение к своему договору с островом. Это поначалу и не был кодекс.

Ведь статут — название ученое, сборник законов. Сам памятник назывался *статуты*, под которыми подразумеваются отдельные законоположения (ст. XXIV, ср. ст. LXIV, LXIII), именуемые также *главами* (ст. XXI, XLVI), *статьями* (ст. XXXII), *разделами* ст. XXXVI). Они составлялись, обновлялись, утверждались (ст. I), постановлялись (ст. LIII), устанавливались (ст. LIV, LV, LVI, LX), сохранялись (ст. LXIX).

И сам венецианско-корчульский договор сложился не сразу. Мы лишены возможности точно определить пройденные им редакции, но бросается в глаза, что на формирование Статута влияли и борьба корчульцев за независимость, и внешнеполитические условия. Эти факторы побуждали Венецию вести гибкую и осторожную политику не только на Корчуле, но и на всем Адриатическом приморье. Уже в 1256 г. Марсилий утратил власть над островом, скорее всего потому, что его позвали на два года, а он не захотел добровольно уходить. Изгнанный, он привел венецианское войско, разорил крепость и захватил остров силой 30 июля 1256 г. При том корчульцы упорно отбивались, и князь даже потерял свою хоругвь. В Статуте связанный с этим второй этап законодательства Марсилия тоже, хотя и глухо, отражен: «По истечении двух лет пришло время, он, достойный, воздвиг город, наполнил [его] множеством оружия… из-за врагов внутри и вовне»; в это время

он «*обновил*» статуты. Корчульцы, собранные на вече, принесли Марсилию присягу[8].

Но дело управления явно не клеилось. В 1262 г. корчульский вопрос обсуждался правительством Венеции, и остров призвали к покорности. Одновременно Венеция обратилась к городу Трогиру с просьбой помочь удержать остров[9]. Сама она с 1257 г. вела трудную войну с Генуей. В 1265 г. ей удалось продлить на десять лет договор с Пизой[10]. На 13 апреля 1265 г. приходится и решение Марсилия еще раз «*обновить статуты*» и *составить «благие права»*, видимо, отраженные в I–LIII статьях.

Но и на этом дело совершенствования Статута не кончилось. В 1271 г. Венеция, победоносно заставив Геную признать свое господство на Адриатике, тогда же столкнулась с новым и затяжным восстанием на Крите[11]. Видимо, Корчула этим воспользовалась, и Венеция вновь должна была обратиться к Статуту: от ее лица Марсилий «*укрепил статуты*», дополнив их статьями LIV–LXXIII.

В дошедшем виде КР Статута лишь в некоторой мере отражает этапы законодательной деятельности Марсилия и корчульских правоохранителей в 1254–1271 гг. Бросается в глаза, что по форме Статут весьма далек от жалованной грамоты. Возникший в процессе военно-дипломатической борьбы, он гораздо больше напоминает феодальный договор («feodum oblatum»). Это — не пожалованье князем-итальянцем прав славянскому острову, а результат политического соглашения. Поэтому он и сохранил столь многое из местного права. Вот почему исследователь, осведомленный о перерождении древнерусских кормлений[12] или сербских жупанств[13] в феодальные вотчины, тщетно будет искать здесь что-либо подобное. Да, Корчула своего рода кормление, наместничество бывшего сирийского баила Джоржи, но островное. Корчульцы уже успели поделить свою зем-

---

[8] Monumenta Spectantia Historiam Meridionalium / Ed. S. Ljubić. Listine o odnošajih izmedju južnoga Slavenstva i Mletačke republike. Zagrabiae, 1872. T. III. № 36. P. 405.

[9] CDCDS. № 740. P. 236 (29 ноября 1262 г.); *Foretić V.* Otok Korčula. S. 65.

[10] *Соколов Н.П.* Борьба Венеции за преобладание на Востоке с западными итальянскими республиками в XII–XIII вв. // Уч. зап. Горьковского гос. ун-та. 1959. Вып. 46. С. 53–81.

[11] *Соколов Н.П.* Народно-освободительное движение и классовая борьбьа на Крите в первые полтораста лет венецианского владычества // Уч. зап. Горьковского гос. ун-та. 1959. Вып. 46. С. 31–51.

[12] *Новосельцев А.П. и др.* Пути развития феодализма. С. 159–162.

[13] *Грачев В.П.* Сербская государственность в X–XIV вв. М., 1972. С. 237–294.

лю, а недостаток площадей, пригодных для сельского хозяйства, и устойчивость патриархальной домашней общины (или, быть может, патронимии) лишали вотчинную форму феодализма еще в большей степени, чем в континентальной Хорватии[14], условий, необходимых для быстрого развития.

Статут отразил жизнь островной общины-коммуны, давно вступившей на путь имущественного расслоения, но идущей по нему крайне медленно, несмотря на существующую столетия денежную оценку движимости и недвижимости, на устойчивые штрафы, подати, пошлины и внеочередные сборы. Это — земледельческое общество с развитым скотоводством, виноградарством и пр.[15] В общественном строе Корчулы много черт, схожих с чертами, выявленными А.И. Неусыхиным на другом материале в связи с анализом взаимоотношения собственности и свободы. Эти основные элементы общественно-политической структуры я и попытаюсь сравнить в Статутах Корчулы и Сааремаа. Мы часто говорим о силе общины, но уже лишены возможности проследить ее на древнерусском материале (отражающем гораздо более высокий этап общественного развития), здесь же совершенно ясно выступает значение острова как природного условия жизни корчульцев, как их «первоначальной собственности»[16], удержать которую они стараются с помощью Статута.

Коммуна выступает под терминами государство («civitas»), или община («comitatus»). От ее имени Статут-договор заключает вече: «мы, вся в совокупности Корчула, собранная по звуку колокола, единодушно даем и уступаем...», «мы же, общество Корчулы, все и каждый, добросердечно, без обмана, по собственному побуждению, никакой силой не приневоленные, клянемся...» и, наконец, «я, народ, клянусь на святом евангелии господнем...». На острове скла-

---

[14] *Бормлей Ю.В.* Становление феодализма в Хорватии. М., 1964. С. 376.

[15] Не касаясь вопроса подробнее, замечу, что хозяйство Корчулы, в основном, вписывается в те характеристики, которые на материале иных островов Адриатики дают исследователи (см., например: *Бабаев В.Г.* Экономическое состояние общин Кварнера в XIII–XIV вв. // Уч. зап. Горьковского гос. ун-та. 1965. Вып. 67. Сер. историч. С. 219–236; *Фрейденберг М.М.* Деревня и городская жизнь в Далмации XII–XIV вв. Калинин, 1972; *Наумов Е.П.* Средневековые источники о развитии производительных сил на Балканах (конец XIII — первая половина XIV в.) // Славяно-балканские исследования. М., 1972. С. 24–33). *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 485; см. также: *Неусыхин А.И.* Проблемы средневекового феодализма. М., 1974. С. 35–210.

[16] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 485; см. также: *Неусыхин А.И.* Проблемы средневекового феодализма. С. 35–210.

дываются органы власти и управления, например, большой совет из выборных, а позднее, в XIV в., и наследственных членов — хотя и действующий от имени свободных корчульцев и народного веча, — но все чаще за счет их прав.

То, чем особенно дорожила коммуна, нашло отражение в Статуте. Во-первых, он гарантировал наследственные права «людей острова» на все до 1256 г. принадлежавшие им в течение одного года «земли и владения» («terra et possessione»). Синонимом «владения» в Статуте является «достояние» («res»).

Во-вторых, Статут закреплял неделимость территории острова. Нераздельность острова — условие признания корчульцами власти Венеции, князь — наследственный правитель, но знавшие цену родовому наследованию корчульцы сочли нужным не только обезопасить свой остров от разделов, продаж, дарений залогов, но и от возможного многовластия потомков Марсилия или превращения своей родины в выморочный удел. В основу наследования положен принцип родовой, фамильный, словом, корчульский. Корчульское наследственное (письменно — по закону и завещанию) право характеризуется фактическим отсутствием выморочного имущества, что, понятно, сдерживало накопление собственности. Не знает Статут и опеки (кроме преимущественных прав матери-вдовы). Выморочный участок растворялся в патриархальной домашней общине (или в патронимии), в коммуне, хотя способ использования его коммуной от нас скрыт.

В-третьих, Статут обеспечивал поступление общине «десятин и судебных штрафов» («decimarum et bannorum»); лишь незначительная часть последних по ст. III–V с бежавших, обвиняемых за удар мечом, железным посохом, камнем, нежелезным посохом и рукой, была полностью выделена князю. Что касается домениального суда князя, то он распространялся только на слуг его двора: по ст. XXIV выборные судьи общины должны быть «для всех, кроме как княжеской семьи и тех, кто за денарии служит ей, добывая этим себе на хлеб, каковых князь должен испытывать и судить («examinare et iudicare») по желанию своему сообразно с их поступками».

В-четвертых, Статут запрещал колонизацию острова иноземцами, которые могли получить право на недвижимость, лишь став гражданином коммуны: «чтобы у него (князя. — *В.П.*) была власть... давать в лен именно иноземным людям, пожелавшим быть гражданами, которые обязуются делать все, как всякий гражданин».

В-пятых, Статутом подтверждена неизменность выплачиваемой островом князю или его наместникам, преемникам и т.п. ежегодной весьма скромной суммы (350–360 золотых византийских перперов).

Наконец, Статутом признавалось соблюдение прав всех корчульцев «невзирая на лица».

В Статуте нет городского права: население крепости не выделено из среды земледельцев.

Права католической церкви ничтожны. По ст. XXXIX, «если муж приблизится к смерти, может изъять из своего движимого достояния ради [спасения] души своей по желанию своему». Недвижимость не упомянута. Мало что значит и колоритная ст. LI: «если кто будет хулить господа или святых его, или таинства церкви и будет показано о нем одним свидетелем, уплатит один перпер». Видимо, это явление среди жизнелюбивых, чуждых постным церковным идеалам корчульцев было широко распространено; штраф, как видим, невелик. Да и тот они отказывались платить: «и если не даст, будет привязан к столбу и пребудет один день привязанным». Любопытно, что оскорбление корчульца-судьи земного осуждалось (в пользу общины) вдвое дороже (ст. LIX), чем судьи небесного. Церковь Корчулы находилась в управлении епископа острова Хвар. Лишь в 1299 г. по окончании венецианско-генуэзской войны на Корчулу был перенесен стонский епископский стол, причем по договору 1300 г. ловкие корчульцы сумели обсчитать епископа даже на десятине, выделив 1/15 с компенсацией разницы виноградником и полем[17], и обязали его делить свой доход на четыре части: одна — ему, другая — церкви, третья — каноникам и четвертая — убогим. И ничего сверх этого он требовать не смел.

Община издавна располагала правом распоряжения общественным доходом, приучая сограждан к развитию начал самоуправления и отказу от остаточных форм внесудебного сговора и самосуда. От десятин, штрафов, торговой пошлины община имела достаточный доход, чтобы обеспечивать (частью за счет пострадавшего) содержание суда («избранных судей общины»; преобладающий суд общины сопрягался с судом князя), тюрьмы и руководить снабжением острова продовольствием — зерном, солью и т.п. и оружием. Статут знает не куплю-продажу земли, а лишь перемещение прав на нее среди земельных собственников острова; нет в нем и залога (де-

[17] CDCDS. 1910. T. VIII. № 474. P. 580.

нежная ссуда запрещена ст. LXVI), заклада и даже дарения. Налицо сочетание общинной собственности на весь остров и индивидуальной на пашню, скот, виноградник, огород, ограниченной в пользу коммуны («ad commune»), которой шла половина штрафа (другая — пострадавшему) от уголовных дел, связанных с нарушением прав собственности на землю (ст. LIV), дом (ст. IV), скот (ст. LVIII), виноградник (ст. LX), сад; а в случае внесудебного сговора хозяина (в частности, виноградника, но это, видимо, прецедент более широкого значения) общине шел весь штраф (ст. LX). Поступали ей и другие судебные доходы.

Соответствующая форме собственности свобода корчульцев выражена в их правах-обязанностях: участвовать в вече, носить оружие (ст. LII, LIII, LXXII) и выступать на суде судьями, советниками, соприсяжниками, свидетелями, заседателями при существенном ограничении участия родственников тяжущихся сторон (до третьей степени кровного родства).

Ввиду равноправия на Корчуле отсутствует дифференцированный вергельд (возмещение убийства), и прав А.И. Неусыхин, что имущественное расслоение не обязательно приводило к его колебаниям в среде свободных[18]. Наличие небольшого числа полусвободных («rusticus» в ст. XI) и рабов («servus» в ст. XLVI) не меняло существа строя, как и упоминание группы пастухов (ст. LXIII, LXIV, LXV, LXXII, LXXIII), четко не выделенных социально, что, видимо, типично для адриатического региона[19].

Община, стесненная колониальным господством Венеции, несла в ее пользу немалые материальные издержки, но благодаря прочной структуре, которая своей производственно-хозяйственной деятельностью восполняла партикуляризм парцеллы — члена коммуны, патронимии, семьи, да и княжеского домена, она не дает превратить остров в вотчину и не допускает его иноземной колонизации. За ней — право на внутреннее самоуправление и наследственное владение недвижимой и движимой собственностью.

Правовая основа Статута — славянская (и нормы, в целом, мягче романских), а форма — венецианская. Любой местный статут — звено в закономерном развитии права Далмации, ее земель, городов, островов. Уже В. Богишич, К. Иречек, А. Соловьев справедли-

---

[18] *Неусыхин А.И.* Проблемы средневекового феодализма. С. 204.

[19] *Фрейденберг М.М.* Деревня и городская жизнь в Далмации. С. 48.

во указывали на скрещение двух правовых культур — славянской и романской, особенно заметное в сфере уголовного права. Это не исключает и возможности поисков общих истоков отмеченного скрещения, ибо и сами венецианские статуты относительно молоды и возникли в конце XII в. из сочетания обычного и писаного римского и византийского права[20] и отражали тот же процесс феодальной аристократизации коммуны. Словом, славяно-романский синтез — интересная исследовательская тема.

Но одно устанавливается бесспорно, что Венеция не имела средств раздавить общину Корчулы. В этом смысле у ее современников — Любека и Ганзы в Прибалтике, поддержанных военной силой Ливонского и Тевтонского рыцарских орденов, возможностей было больше. В Прибалтике завершающий этап немецкого «натиска на Восток», сомкнувшись с агрессией Дании и Швеции, при широкой поддержке Германии и папства, привел к подчинению прав аборигенов власти завоевателей. Достаточно посмотреть нормы прусской Помезанской и ливонских Латышских и Эстонских Правд[21]; о том же свидетельствуют предшествующие им «статуты», «права» и «установления» острова Сааремаа, как они зафиксированы в актах 1241, 1255 и 1284 гг. (т.е. примерно тогда же, когда корчульские статуты), к которым мы и обратимся.

Сперва несколько слов об острове и исторических условиях появления этих актов. Остров Сааремаа (площадь 2712 км^2) много крупнее Корчулы, и население на нем исчислялось тысячами[22]. Это — древний очаг эстонской культуры, быть может, как полагают археологи (А.Э. Кустин, Ю.Я. Селиранд и др.), сохранивший к XIII в. более архаическую структуру языческого раннефеодального общества, чем континентальная Эстония. Тем не менее остров, с его флотом, включавшим не одну сотню судов (по 30 корабельщиков на каждом), был

---

[20] *Kretschmayr H.* Geschichte von Venedig. Gotha, 1905. Bd. I. S. 342–351; 1920. Bd. II. S. 14; ср.: *Самаркин В.В.* О городских статутах и статутном праве в средневековой Италии // ВИД. 1972. Т. V. С. 310–322.

[21] *Пашуто В.Т.* Помезания. М., 1955; *Новосельцев А.П. и др.* Пути развития феодализма. С. 285 и сл. Недавно этот вопрос был глубоко исследован на широкой археографической основе [*Фридберг Е.Л.* Ливонские правды как исторический источник. Автореф. канд. дисс. М., 1975 (диссертация опубликована: *Назарова Е.Л.* «Ливонские» Правды как исторический источник // ДГ. 1979 год. М., 1980. С. 5–218. — *Примеч. ред.*)].

[22] При подавлении восстания 1343–1345 гг. на острове было убито около 10 тысяч человек: *Hermann Wartberge.* Chronicon Livoniae // SRP. Leipzig, 1863. P. 72.

активным участником балтийской торговли. Сочетая ее с пиратством, сааремаасцы плавали в Швецию, Данию и другие земли[23].

Сааремаа — типичный остров Балтики, лежавший в сфере давних древнерусско-скандинавских противоречий. Как и вся Эстония, остров состоял из групп сельских общин-кихельконд; их насчитывалось здесь семь (G-1284); они объединялись в мааконду — «землю». Можно предполагать и существование на острове единой коммуны, ибо достоверно известно, что управление и суд здесь вершил «совет старейшин земли». Это (см. G-1284, ст. 3; G-1255, ст. 6) seniors — старейшины (так было повсюду в Восточной Прибалтике) происходили из общинных нобилей. Нобили или «лучшие» («beste») люди составляли многочисленную группу и имели на основе «своего права» («ius suum»), или права «земли» (G-1255, ст. 6 и 7) общественное значение на острове: именно сыновей этих знатных («nobelium») людей рыцари забирали в заложники[24].

Острову принадлежала важная роль в «великой войне русских и эстов против ливонцев». Он отбивал нападения датчан (1206 г.), немцев (1216 г.), шведов (1220 г.)[25]; деятельно помогал русским князьям-сюзеренам в антинемецких походах на Отепяа (1217 г.), на Венден (1218 г.). После захвата Северной Эстонии Данией и ее попыток подчинить Сааремаа последний стал зачинщиком нового большого восстания всей Эстонии в союзе с Русью (1223 г.)[26].

Татаро-монгольский удар на Калке и потеря Юрьева привели к утрате Русью ее давних позиций в Эстонии. Это сказалось и на судьбе острова: папский легат Вильгельм Моденский подготовил поход на него по льду из Риги и с Готланда 20-тысячного войска. Был занят замок Вальяла (1227 г.), народ крещен и обложен данью и десятиной в пользу епископа, взяты заложники[27].

Более точно условия зависимости острова становятся известны лишь с 1241 г., когда после выступления на немцев и датчан войск Александра Невского свободолюбивый остров вновь восстал. Рыцари и духовенство были перебиты, епископ Генрих бежал, и магистр Ордена Андрей фон Вельфен должен был «по настоятельной необходимости» заключить с сааремаасцами договор и «даровать»

---

[23] ГЛ. XIX, 5; VII, 2; VII, 1; XXX, 1.
[24] ГЛ. XXI, 7; XXX, 5; LR, v. 6292. S. 144.
[25] ГЛ. X, 13; XIX, 9; XXIV, 2–4.
[26] ГЛ. XXVI, 2, 8.
[27] ГЛ. XXX, 3–5.

«отступникам эзельцам», которые «христианам чрезвычайно враждебны и приносят им много вреда на море, приморских землях и прибрежных островах», — «некоторые права и вольности» («quedam jura et libertates»)[28]. Так возник первый из интересующих нас актов (G-1241).

Но остров и не думал покориться, хотя его епископ нашел себе союзника не только в Ордене, но и в Риге и в Дерпте[29]. Ледовое побоище, восстание в Пруссии (1243–1249), укрепление Литовского государства — все это вселяло надежду на освобождение. И сааремаасцы опять сбросили иго тевтонов. Орден искал компромиссов и потому под 1255 г. в хронике Германа Вартберге читаем, что магистр Анно «пожаловал эзельцам после их вторичного отпадения некоторые права («quedam jura»)»[30], чтобы, как сказано в договоре, «подкрепить отступников», «будто новорожденных, сосцами всяческого утешения, дабы под столь тяжелым бременем, усугубленным нашим жестокосердием, они никоим образом не воздали злому духу» (G-1255). Так возник второй из наших актов, содержащий то, что магистр Анно и рыцари «*добавили*» к правам, данным магистром Андреем.

Когда Литва расторгла договор с Орденом и нанесла ему тяжелый удар при Дурбе (1260 г.), когда вновь восстала Пруссия (1260–1283 гг.), поднялся и остров. В орденской Рифмованной хронике описываются и совет («rat»), призвавший остров к восстанию, и паника в Ревеле, и новый поход из Риги и Ревеля, когда избивали «молодых и старых» и принудили местных «лучших» мужей к миру[31]. Поражение ливонцев от русских при Раквере, поход литовцев к Сааремаа и новый разгром ими рыцарей у Карузена (1269 г.) вновь пробудили остров[32]. Но непрерывная помощь Ордену от союзных стран, отсутствие единства между Русью, Польшей и Литвой, последствия татаро-монгольского нашествия и ига обусловили неуспех столетней борьбы народов Восточной Прибалтики за независимость. Поражение пруссов (1283 г.), наступление Ордена в Латвии, общий рост немецкого феодально-колонизационного гнета породили последний из привлеченных нами актов (G-1284) — уже не договор, а установление («forma») епископа сааре-ляэнеского Германа,

---

[28] *Hermann Wartberge.* Chronicon Livoniae. P. 38.

[29] LUB. Riga, 1873. Bd. VI. № 2725. Reg. 198a (1 октября 1243 г.).

[30] *Hermann Wartberge.* Chronicon Livoniae. P. 39.

[31] LR. S. 140–144.

[32] *Hermann Wartberge.* Chronicon Livoniae. P. 47; LR. S. 178–181.

решившего по совету вассалов «*возобновить*» и «*упрочить*» прежде данные «статуты и права».

Сравнивая уровень развития собственности и свободы по его отражению в статутах эстонского и южнославянского островов, мы наблюдаем на Сааремаа грубую деформацию коммунального строя и узурпацию ставленником папства — епископом, его церковными и светскими вассалами основ автономии и свободы.

Оказавшись в зависимости от Ордена и его союзников, сааремаасцы, т.е. в первую очередь их нобили, отстаивали свое право на «наследство», имея в виду собственность недвижимую и движимую.

О наследовании читаем: «...Ни одно наследство («hereditas») среди них не может быть передано в пользование господина земли, пока есть некто, о ком известно, что он в родстве (с оставившим наследство. — *В.П.*) и выплатил возмещение за человекоубийство» (G-1255, ст. 2). Речь идет о тех, кто участвовал в освободительном восстании, но выплатил компенсацию и старался оградить свое имущество от немецких властителей.

Эта собственность сохранялась за наследниками и в том случае, если ее владелец изгонялся с острова, как то предусматривалось в определенных случаях местным обычным правом (там же, ст. 3); по этому же праву присвоение наследства «ближним» первоначально каралось его убийством (там же, ст. 6). Упоминание этого «ближнего» не вполне понятно, но что он относится к патриархальной семье — очень вероятно.

Наследовались и рабы (это могли быть иноземные и туземные пленные и их потомки) — раннефеодальная челядь, которая сидела на землях нобилей, имевших право на нее и ее имущество (там же, ст. 4). Вот и все, что осталось от прав собственности на острове. Из полного права свободных оно превратилось в право наследования для той части нобилитета, которая была готова занять место на низшей ступени среди мелкого служилого люда немецкой феодальной иерархии после превращения общины в одно из звеньев немецкой государственной структуры.

Что это так — видно из статей, характеризующих возрастающую степень общей несвободы сааремаасцев. Поначалу мы видим взыскание с острова чинша (около 90,8 кг ржи[33]) с сохи, с доставкой

---

[33] Уточняю перевод в соответствии с любезным указанием проф. П. Раткоша по изданию: Magyar Oklevél-szótár. Budapest, 1902–1906. 817.l.

или без доставки его в хранилище (G-1241, ст. 1 и 2); подтверждалось право церкви на получение того, что ей «обычно давали» прежде (там же, ст. 8) — без уточнения десятинного характера побора. Немецкая власть узурпирует главную статью светского уголовного права, вводя кару в 10 марок за человекоубийство (там же, ст. 7), видимо, взамен прежде господствовавшей дофеодальной кровной мести, и отдельно — за убийство мальчика — 1½ марки (там же, ст. 4). Позднее было уточнено, что самоубийство не требует выплаты вергельда (G-1255, ст. 5). Из сферы церковного права упомянуты лишь кара в ½ марки за жертвоприношение (G-1241, ст. 5) и за нарушение поста (там же, ст. 6)

Но уже в следующем договоре находим статью о вассальной военной зависимости острова: «Со своей стороны они клятвенно обязались быть готовыми к походам, на конях зимой и на кораблях весной и летом, если это понадобиться от них братьям, и ревностно и без принуждения, будучи добровольными нашими помощниками, постоянно поддерживать нас против всех, сколько позволяют силы» (G-1255, ст. 8).

И, наконец, в установлении епископа видим десятину, и денежную (G-1284, ст. 1), и барщинную (там же, ст. 8). С сохи взимается высокий денежный чинш размером в 2½ марки (там же, ст. 2), что, вероятно, связано с торговыми возможностями жителей острова; барщина на своих быках, равная трем дням (1 день пашни и 2 дня жатвы) в год (там же, ст. 4); с каждой сохи шла курица (там же, ст. 3), поставлялось сено (два воза с семьи, имеющей косца) (там же, ст. 5), сажень дров (там же, ст. 6), крепкая брага (там же, ст. 7); замковая повинность выполняется и на государство, и на церковь, и на господина (там же, ст. 9); сверх того военная повинность (там же, ст. 10) и, наконец, «добровольное» приношение господам в виде оброков («servitum») и даров (там же, ст. 12). Так утверждался на острове немецкий «особый» феодально-колониальный порядок, таковы его первые шаги от натуральной дани к продуктовой ренте, денежному оброку, церковной десятине, регламентированной полевой и неограниченной строительной и подводной барщине.

Что же осталось на острове от былых свобод? В первом договоре сааремаасцы еще смогли добиться права иметь то ли собственного судью — фогта, то ли немецкого, но действующего от имени совета: «В светском суде они выговаривают себе судью, который судит от [имени] совета старейшин земли то, что подлежит суду раз в году, именно в то время, когда взимается чинш» (G-1241). Кому

шли доходы от суда — не сказано. Ясно, что прежде совет вершил суд самостоятельно. В следующем договоре появилась более точная регламентация суда, где определены сроки ежегодной деятельности фогтов — от дня св. Михаила (29 сентября) до великого поста, т.е. около половины года, а в остальное время жители «пользуются в суде своим правом» (G-1255, ст. 7). Какова была роль фогтов, можно судить по тому, что во время восстания 1343–1345 гг. сааремаасцы, избравшие тогда себе в вожди «короля» Весе, побили фогта и других немцев каменьями, а монахов утопили в море[34].

Прослеживая судьбы двух островов в пору крестовых походов XIII в., мы видим поразительную силу общины-коммуны, которая в одном случае (итало-славянская форма общественно-политического синтеза) сумела устоять и, сохранив автономию под эгидой Венеции, развивалась по пути от народной коммуны в коммуну феодальную. В другом случае (немецко-прибалтийская форма общественно-политического синтеза) община-коммуна около ста лет сопротивлялась открытому вооруженному разбою численно превосходящего врага и была подчинена, поделена и колонизована немецкими церковными и светскими феодалами. Но в обоих случаях она не исчезла и сыграла свою роль в борьбе за сохранение этнической самобытности островов вплоть до дней воссоединения с матерью-родиной. Правовые акты Сааремаа позднее, в середине XIV в., вошли в Эстонскую Правду[35], а статьи КР Статута Корчулы около того же времени влились в его Пространную редакцию. Сопоставление этих памятников тоже интересная исследовательская задача.

Впервые опубликовано в кн.: Международные отношения и внешняя политика СССР. М., 1977. С. 230–239.

---

[34] *Hermann Wartberge.* Chronicon Livoniae. P. 72.

[35] *Фридберг Е.Л.* Ливонские правды как исторический источник. С. 19.

Христбургский (Кишпоркский) договор 1249 г. как исторический источник

Советских исследователей раннего средневековья глубоко интересует изучение общественного и политического строя народов в дофеодальный период их истории и, в частности, генезис феодальной собственности, классов, государства.

Источники указывают на наличие в X в. на Руси индивидуальной семьи, института наследования движимой и недвижимой собственности, относительного политического единства страны под властью знати, владеющей землей и господствующей в городах, — все это очень важно.

Историки, признающие социально-экономическую обусловленность образования государства, углубленно ищут новые пути изучения этой проблемы, исследуют источники, в том числе и археологические, изучают сравнительно исторические процессы в разных странах. Но историки, не признающие марксистского понимания длительного и сложного процесса образования государства, предпочитают упрямо настаивать на решающей роли «внешнего толчка»[1]. Дискуссия была бы более плодотворной, если бы противники советской историографии сочли возможным взглянуть на проблему шире и обратить внимание на использованный ею материал по истории других народов в пору генезиса феодализма, становления государства. Тогда они, быть может, заметили бы, что повсюду основу этого процесса составляло превращение общества свободных земледельцев, основанного на коллективной собственности и свободе, в общество, расколотое на враждебные классы, основанное на господстве той или иной формы феодальной собственности на средства производства.

---

[1] См.: *Stender-Petersen A.* Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen // Relazioni del Xe Congresso Internazionale di scienze storiche. Roma, 1965. T. III. P. 165 и сл.; *Vuginich A.* The First Russian State: An Appraisal of the Soviet Theory // Speculum. 1953. Vol. XXVIII. № 2. P. 324–339; *Vernadsky G.* On Feudalism in Kiewan Russia // The American Slavic and East European Review. 1948. Vol. 7. № 1. P. 3–14.

Нам представляется, что источники по истории древних пруссов позволяют в известной мере показать, какие сложные социально-экономические сдвиги имели место в их обществе в период существования конфедерации дофеодальных областей.

История древних литовцев и пруссов чрезвычайно интересна для нас потому, что становление государства происходило здесь позднее, чем у других народов Европы, и получило относительно большее отражение в источниках. Примечательно, однако, что именно эта сторона содержания источников не привлекла к себе внимания буржуазных историков Литвы, которые, подобно норманистам, не считают, что главное в истории этого периода — жизнь крестьян и ремесленников и то, как они, прежде свободные, попали под власть собственников земли, возглавивших феодальное государство.

Недостаточное внимание к социально-экономической стороне дела, к процессу превращения общинной собственности в феодальную — особенность, присущая буржуазной историографии древней Литвы (И. Тоторайтис[2], М.К. Любавский[3], Г. Пашкевич[4], С. Заянчковский[5] и др.), в частности тем, кто изучает историю сословий (З. Ивинскис[6], К. Авижонис[7] и др.), и тем, кто исследует историю духовной жизни литовского народа (М. Альсекайте-Гимбутиене[8] и др.)

Этими и другими авторами написано по древней литовской истории немало интересных и ценных в определенных отношениях исследований, но, странное дело, до сих пор в литовской историографии нет книги, где бы история образования государства была связана с историей «сословий» — классов. Поскольку ранняя история Литвы не знает внешнего завоевания, образование государства приписывается деятель-

---

[2] *Totoraitis J.* Die Litauer unter dem König Mindowe bis zum Jahre 1263. Freiburg, 1905.

[3] *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-Русского государства по Люблинской унии включительно. М., 1910. Предисловие.

[4] *Paszkiewicz H.* Jagellonowie a Moskwa. Warszawa, 1933. T. 1; последняя книга этого же автора, извращенно рисующая русскую и литовскую историю, не вносит ничего нового в освещение дофеодальной Литвы (*Paszkiewicz H.* The Origin of Russia. L., 1954).

[5] *Zajączkowski S.* Studia nad dziejami Żmudzi wieku XIII. Lwów, 1925.

[6] *Ivinskis Z.* Geschichte des Bauernstandes in Litauen von den ältesten Zeiten bis zum Anfang des XVI Jahrhunderts. B., 1933.

[7] *Avižonis K.* Die Entstehung und Entwicklung des litauischen Adels im 13. und 14. Jahrhundert bis zur litauisch-polnischen Union im Jahre 1385. B., 1932.

[8] *Alsekaitė-Gimbutienė M.* Die Bestattung in Litauen in der vorgeschichtlichen Zeit. Tübingen, 1946.

ности то Миндовга, то Гедимина, притом в зависимости от политических симпатий автора решающая роль в последующих судьбах Литвы придается либо вторжению и деятельности немецких крестоносцев, либо завоеваниям земель на Руси, либо, наконец, унии с Польшей.

Для разработки проблемы генезиса феодализма в Литве может быть очень полезен сравнительно-исторический материал по истории одного из наиболее родственных литовцам племен, оставшегося за рамками древнелитовского государства, — по истории пруссов. Литовско-прусские земли делились на несколько крупных союзов племен — Аукштайтию, Жемайтию, Пруссию и, может быть, Галиндию. В отличие от почти недоступных детальному анализу древнерусских племенных союзов, мы можем без труда перечислить 11 областей, территориально-политических единиц, из которых состояла Пруссия в III в., в прошлом представлявшая собой союз племен. Более того, источники позволяют заглянуть даже во внутреннюю жизнь некоторых из этих областей, таких как Помезания, Вармия, Самбия, Ятвягия (Судовия).

* * *

В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть Христбургский (Кишпоркский) договор 1249 г. — один из ценнейших памятников международного права европейского средневековья, богатого материалами по истории общественных отношений дофеодального периода[9]. Лучшее издание Христбургского договора было осуществлено в 1882 г. Р. Филиппи и К. Вольки[10]. Как отметили издатели, текст основного варианта А сохранился в государственном архиве Кёнигсберга с указанием на обороте, что это — копия 1420 г., т. е. того времени, когда, возможно, еще был цел оригинал. Эта Originalkopie («alterum originale») — пергамен размером листа 51 × 38 см, содержащий 63 строки тесного письма, с надрезами для пяти шнуров, которые, кажется, никогда не были привешены. От текста варианта

---

[9] Дофеодальным, или предфеодальным, периодом мы называем последний этап первобытнообщинной формации, когда имеется налицо наследственная частная собственность — аллод, на основе которого происходит становление собственности феодальной и развитие политической власти растущих собственников земли.

[10] PUB. Bd. I. № 218. S. 158–165. С того же экземпляра договор был издан в: Codex Diplomaticus Warmiensis / Ed. K.P. Woelky und J.M. Saage. Mainz, 1860. Bd. I. № 19. S. 28–41; по копии XVI в. он был опубликован в: Codex Diplomaticus Pomoraniae / Ed. F. Dreger. Stettin, 1748. Bd. I. № 191.

Б сохранились лишь приведенные в виде параллельных чтений куски в одной копии 1453 г., из которой видно, какими печатями он был скреплен. Мы не имеем сведений о нынешней судьбе названных выше документов бывшего Кёнигсбергского архива.

Ныне известен еще один экземпляр этого договора, обнаруженный научным сотрудником Института истории и права АН Литовской ССР М.А. Ючасом в 1956 г. Это — копия договора варианта А, находящаяся в сборнике документов под названием «Sammlung von Urkunden, Ausrügen und Abhandlungen zur Geschichte, Staatsrecht und Statistik Preussens gesammelt von Ludvig von Baczko, Erster Band». Этот сборник был составлен известным историком Пруссии XVIII в. Л. Бачко. В этом сборнике, который хранится в Центральной библиотеке АН Литовской ССР, — MLF (Mažosis Lietuvos Fondas — фонд малой Литвы) за № 70, — помещены копии документов XIII–XVIII вв. Интересующая нас копия находится на листах 102–114 об. среди документов XVII в.

Историография Христбургского договора сравнительно невелика. Специальные исследования о нем нам неизвестны. История пруссов и, в частности, их борьба за независимость, мужество этого народа и его славных героев до сих пор не получили научного освещения[11]. Старая немецкая историография (Л. Бачко[12], И. Фойгт[13], А. Эвальд[14] и др.) ввела в научный оборот обширный материал по истории пруссов, в том числе Христбургский договор, но обработала его под углом зрения прославления действий немецких рыцарей-крестоносцев. Более поздние работы немецких буржуазных историков (Э. Каспара[15], Э. Машке[16], Ф. Бланке[17] и др.) шире осветили исторические условия появления договора, но стремление увидеть в нем не документ борьбы

---

[11] Это справедливо отмечено Г. Ловмяньским в специальном обзоре историографии древних пруссов: *Łowmiański H.* Dotychczasowy stan badań dziejów dawnych Prusów. Olsztyn, 1947. S. 2–3, 18.

[12] *Baczko L.* Geschichte Preussens. Königsberg, 1792–1800. Bd. I–VI; см.: Bd. I. S. 230–236, 269–278.

[13] *Voigt Y.* Geschichte Preussens. Königsberg, 1827–1839. Bd. I–IX; см.: Bd. II. S. 620.

[14] *Ewald A.L.* Die Eroberung Preussens durch Deutschen. Halle, 1872–1886. Bd. I–IV; см.: Bd. II. S. 232 и сл.

[15] *Caspar E.* Hermann von Salza und die Gründung des Deutschordenstaats in Preussen. Tübingen, 1924. S. 86.

[16] *Maschke E.* Der Deutsche Orden und die Preußen. Bekehrung und Unterwerfung in der preußisch-baltischen Mission des 13. Jahrhunderts // Historische Studien. B., 1928. H. 176.

[17] *Blanke F.* Die Missionsmethode des Bischofs Christian von Preussen // Altpreussische Forschungen. 1927. Bd. IV. H. 2. S. 20–42.

пруссов за независимость, а прежде всего свидетельство борьбы между «монахом» и «рыцарем» за разные пути «миссии» среди язычников закрыло этим ученым путь к его познанию как источника по истории пруссов[18]. Польская историография пруссов (Г. Ловмяньский[19], К. Тыменецкий[20], С. Заянчковский[21] и др.) использовала Христбургский договор, справедливо подчеркнув его важное значение для характеристики польско-прусских связей и борьбы пруссов за независимость. Польские католические историки (С. Куйот[22] и др.) привлекали договор для попыток апологии прибалтийской политики папской курии.

Значительно больше сделано для изучения — на основе договора — идеологии пруссов — язычества в работах В. Маннгарда[23], А. Межиньского[24], Ф. Буяка[25], А. Брюкнера[26] и др.

В советской историографии договор был использован П.И. Пакарклисом[27], который по достоинству оценил его как один из ис-

---

[18] Предела апологии Ордена достиг, пожалуй, М. Тумлер, согласно мнению которого и Христбургский договор стал возможен потому, что «со всех сторон господствовало возвышающее душу миролюбие и единодушное стремление установить справедливое и упорядоченное правление под руководством Ордена. Таким образом, этот мирный документ, несмотря на различные немаловажные недостатки, есть поистине “Magna Charta”» (*Tumler M.* Der Deutsche Orden. Wien, 1955. S. 271; в приложении к этой книге, на с. 595–602, помещен перевод договора на немецкий язык).

[19] *Łowmiański H.* Prusy pogańskie. Toruń, 1935.

[20] *Tymieniecki K.* Misja polska w Prusiech i sprowadzenie krzyżaków. Toruń, 1935.

[21] *Zajączkowski S.* Podbój prus i ich kolonizacja przez krzyżaków. Toruń, 1935.

[22] *Kujot S.* Dzieje Prus Królewskich. Część I (do roku 1309) // Rocznik Towarzystwa Naukowego w Toruniu. Toruń, 1914. Rocz. 21. Эта работа проникнута стремлением оправдать курию, представить ее как силу, сдерживавшую неумеренные жестокости Ордена (см.: с. 704). Но даже собранный автором материал характеризует не только Григория IX, но и Иннокентия IV как ревностных покровителей Ордена (см.: с. 724, 739, прим. 1 и др.).

[23] *Mannhardt W.* Letto-preussische Götterlehre. Riga, 1936.

[24] См.: Mythologie Lituanicae Monumenta / Ed. A. Mierzyński. Warszawa, 1892. T. I. S. 88–97.

[25] *Bujak F.* Dwa bóstwa prusko-litewskie — “Curche” i “Okkupirnus” // Studija społeczne i gospodarcze. Księga jubileuszowa dla uczczenia 40 letn. pracy nauk. L. Krzywickiego. Warszawa, 1925. См. также перевод в кн.: *Hubatsch W.* Quellen zur Geschichte des Deutschen Ordens. Göttingen, 1954. S. 81–99.

[26] *Brückner A.* Slaven und Litauer // Lehrbuch der Religionsgeschichte / Ed. A. Bertholet und E. Lehmann. Tübingen, 1925. Bd. 2. S. 506–539.

[27] *Пакарклис П.И.* Литовский народ в борьбе против папства и Тевтонского ордена за свою государственность. Автореф. М., 1951. С. 19–20. Ср.: *Pakarklis P.* Kryziuočių valstybės santvarkos bruožai. Vilnius, 1948. В приложении к этой книге помещен перевод Христбургского договора на литовский язык. Ранее обзор договора дал *Jonynas Y.* Christburgo taika // Lietuviškoji Enciklopedija. Kaunas, 1937. T. V. Sk. 459–464.

точников, характеризующих политику крестоносной агрессии в Пруссии, а также отметил общность некоторых его норм с нормами литовского права; В.Н. Перцев привлек некоторые статьи договора в своей работе, посвященной культуре и религии древних пруссов[28]. В целом же Христбургский договор как исторический источник, характеризующий общественный строй пруссов, не изучался. Проделанная доныне работа дает возможность осуществить подобное его исследование[29].

Договор заключен между представителями трех прусских земель — Помезании, Вармии и Натангии — и немецким Орденом при посредничестве папского легата Якова из Люттиха.

Договоры представителей народов Восточной Прибалтики с Орденом и другими государствами в то время — не редкость. О них упоминают немецкие и польские хроники, а также русские летописи. Сохранились договоры с ливонцами, заключенные куршами (1230, 1231, 1267 гг.)[30], сааремасцами (1241, 1255, 1284 гг.)[31], земгалами (1272 г.)[32], дошел и договор Литвы с немцами (1323 г.)[33], но его характер иной, потому что Литва выступает уже как суверенное государство.

Перечисленные договоры хранят в основном право аборигенных народов и представляют собой ценные источники для исследования их истории. Отдельные нормы этих договоров совпадают с нормами Христбургского трактата.

Пруссы также вступали в договорные отношения с крестоносцами — с Тевтонским орденом. Первый договор (1233 г.), заключенный с орденом Помезанией, не сохранился, но он, видимо, содержал признание определенных прав за помезанами и послужил в даль-

---

[28] *Перцев В.Н.* Культура и религия древних пруссов // Уч. зап. Белорусского гос. ун-та им. В.И. Ленина. Сер. историч. Минск, 1953. Вып. 16. С. 348, 354, 375.

[29] Текст договора по обоим вариантам в переводе С.П. Кондратьева был опубликован в кн.: *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 494–507 и перепечатывается в данном томе в Приложении к настоящей статье. — *Примеч. ред.*

[30] LUB. Bd. I. № 103, 104, 105, 405. Публикуются в настоящем томе в Приложении к ст.: Страны прибалтийского региона. № 1–3, 6. — *Примеч. ред.*

[31] Ibid. № 169, 285, 490. Публикуются в настоящем томе в Приложении к ст.: Страны прибалтийского региона. № 4, 5, 8. — *Примеч. ред.*

[32] Ibid. № 430. Публикуются в настоящем томе в Приложении к ст.: Страны прибалтийского региона. № 7. — *Примеч. ред.*

[33] PUB. 1932. Bd. II.1. № 418. Публикуются в настоящем томе в Приложении к ст.: Послания Гедимина как исторический источник. № 8. — *Примеч. ред.*

нейшем образцом при заключении договоров с другими прусскими землями , как это ясно из сообщения Петра Дюсбурга[34].

Среди всех этих памятников Христбургский договор занимает особое место по богатству сведений о внутренней жизни прусского общества той поры. Эта особенность договора объясняется сложными историческими условиями, при которых он был заключен.

* * *

Христбургский договор — результат кровопролитной освободительной борьбы, которую вели пруссы против Тевтонского ордена, располагавшего поддержкой папской курии, Германской империи и ряда других европейских государств. Неудачные походы на прусские земли правителей Дании и Польши в X–XII вв. не обескуражили курию, которая в начале XII в. направила сюда для миссионерской деятельности своего агента Христиана, получившего вскоре сан епископа прусского.

Эти действия курии на Висле носили отнюдь не изолированный характер, а были частью общей политики империи и папства — наступления на земли Прибалтики. Однако первому прусскому епископу повезло на Висле гораздо менее, чем его современнику епископу Альберту на Двине. Последний сумел довольно быстро обзавестись вооруженной организацией — Орденом меченосцев, который, по крайней мере на первых порах, экономически и политически зависел от него и помог епископу прочно стать ногой на земле, захваченной у латышей и эстонцев.

В прусской земле дела сложились иначе. Правда, Христиану удалось привлечь на свою сторону и крестить кое-кого из местной прусской знати и простого народа, главным образом Помезании и Погезании. Из грамоты папы Иннокентия III (1198–1216 г.) известны два знатных прусса (Сурвабуно и Варпода), которые крестились в Риме и в согласии с «consortes sui» сделали новому епископу немалые земельные пожалования[35]. Наученная горьким опытом, курия с первых шагов остерегала епископа и союзных ему польских феодалов от излишне поспешных действий по эксплуатации прусского

---

[34] *Petr von Dusburg.* Chronicon terrae Prussiae (Далее — PD). III. 14 // SRP. Leipzig, 1861. T. I («Et secundam pacta et libertates, que ipsis tunc dabantur, alii neophiti postea regebatur»); ср. там же: III. 67.

[35] PUB. Bd. I. № 9, 10 (документ Иннокентия III от 18 февраля 1216 г.).

населения, рекомендуя не слишком отягощать народ повинностями, не лишать свободы и т. п.[36]. Но подобные осмотрительные советы никогда не помогали. Пруссы быстро поняли, что Христиан не апостол, а захватчик.

В 1215–1218 гг. произошло решительное выступление пруссов против части собственной знати, сблизившейся с Польшей и курией, против самого Христиана и привлеченных им польских рыцарей. Папа Гонорий III (1216–1227 гг.), осведомленный о том, что возмущенные тяжелыми поборами пруссы выступили против епископа, поспешил объявить против пруссов крестовый поход рыцарей из Германии, Богемии, Моравии, Дании, Польши и Померании[37], а также торговую блокаду прусского побережья, запретив доставку «опекаемым» курией пруссам в первую очередь оружия, железа и соли[38]. Это не помешало папе позднее обратиться с ханжеским воззванием соблюдать мягкость в отношении неофитов[39], которых курия взяла под свое покровительство[40].

Пруссы упорно противостояли всяким новым попыткам силой оружия поддержать епископа и его сторонников из местной знати и сами предпринимали набеги на земли Польши. Попытки Конрада, кн. Мазовецкого, организовавшего собственный рыцарский орден в Добжини (1228 г.), изменить положение не достигли цели[41]. Его обращение к Тевтонскому ордену, приглашенному князем в надежде укрепить свои позиции в Поморье, было роковым политическим просчетом, который дорого обошелся польскому народу[42].

Завладев Хельминской землей (1233 г.), немецкий Орден, используя поддержку польских князей, отсутствие единства среди прусских земель и предательство части прусской знати, сумел подчинить себе немалую территорию в прусских областях — Помезании (1236 г.)[43],

---

[36] Ibid. № 7 (документ Иннокентия III от 13 августа 1212 г.).

[37] Ibid. № 26 (булла Гонория III от 16 мая 1218 г.); ср.: № 15.

[38] Ibid. № 25 (булла Гонория III от 15 мая 1218 г.); ср.: № 39, 81.

[39] Ibid. № 54 (булла Гонория III от 3 января 1225 г.); ср.: № 60.

[40] Видимо, в ответ на подобные же действия Фридриха II, который своим воззванием (март 1224 г.) провозгласил имперское покровительство над жителями Ливонии, Эстонии, Самбии, Пруссии, Земгалии и соседних земель, гарантируя им свободу «cum omnibus bonis eorum» (Ibid. № 52).

[41] *Polkowska-Markowska W.* Dzieje Zakonu Dobżyńskiego // Roczniki Historyczne. Poznań, 1926. T. II. Zesz. 2. S. 145–210.

[42] *Ketrzyński W.* Der Deutsche Orden und Konrad von Masovien (1225–1235). Lemberg, 1904. S. 64; Ср.: *Kujot S.* Dzieje Prus Królewskich. S. 503–647.

[43] PD. III. 11–14.

Погезании (1237 г.)[44], Вармии, Натангии и Бартии (1240 г.)[45]. Орден залил кровью цветущие прусские земли, беспощадно разорял местные крепости — Рогов, Пастелин, Бальга, замок Пипина и другие, уничтожая гарнизоны и население. На захваченной земле рыцари возводили свои замки — Кульм (Хельмно), Торн (Торунь), Мариенвердер (Квидзынь) и др.

Что касается епископа Христиана, то он был оттеснен на второй план. Еще в 1233 г. он попал в плен к пруссам. Орден, разумеется, ничего не сделал для того, чтобы освободить своего соперника, который находился в Самбии; епископ лишь в 1238 г. выбрался на свободу. Стремясь восстановить свое положение, епископ принялся обличать действия Ордена перед курией.

Эти обличения, как и другие источники подобного рода, хранят некоторые данные об истинных целях и действиях рыцарей. Характеризуя притеснения пруссов Орденом, Христиан высказал уверенность, что Орден умышленно препятствовал пруссам принять христианство, опасаясь, что «господа язычников могут стать сильнее, чем господа христиан»[46]. Если мы вспомним политику Ордена в отношении христианизации Литвы, то это утверждение не покажется парадоксальным. В конце концов, распря между представителями церкви и государства среди захватчиков была урегулирована курией при посредничестве ее легата Вильгельма из Модены. Было достигнуто соглашение, по которому две трети доходов с земель (включая десятину) шли Ордену, а одна треть — епископу, церковная власть которого сохранялась на всей захваченной территории[47].

Папская курия, в частности Григорий IX (1227–1241 гг.), делая основную ставку на Орден, деятельно помогала ему средствами и подкреплениями, сопровождая свою помощь призывами к гуманности. Подобная позиция была достаточно дальновидной, она позволяла курии сохранять видимость беспристрастия и в трудные для Ордена моменты выступать в качестве высшего третейского судьи. Однако до достижения целей завоевателей было еще далеко.

Укрепление Литовского государства и его борьба с ливонскими рыцарями, блестящая победа литовцев при Шауляе, разгром ливон-

---

[44] Ibid. 15–17.

[45] Ibid., 19–26.

[46] PUB. Bd. I.1. № 134 (документ Григория IX от апреля 1240 г.).

[47] Codex Diplomaticus Prussicus / Ed. J. Voigt. Königsberg, 1836. T. I. № 41.

цев на Чудском озере русскими всколыхнули пруссов — с новой силой вспыхнула освободительная борьба всех западнопрусских земель, захваченных Тевтонским орденом. В течение 1242–1249 гг. восставшие пруссы, при неоднократной поддержке поморского князя Святополка, а также Литвы[48], почти полностью очистили свои земли от рыцарей, которые потеряли Мариенвердер и все другие укрепления, кроме пяти (Кульм, Торн, Рейден, Бальга, Эльбинг); их потери составили до 4 тысяч человек[49]. Прусско-поморские войска нападали на Хельминскую землю (1242–1243 гг.)[50]; в битве при Рейзенском озере 15 июня 1243 г. они под руководством Святополка наголову разбили рыцарей, которые потеряли здесь и своего ландмаршала Берливина, и орденское знамя[51]; они ходили и на Куявию (1244 г.)[52]. И хотя раздробленность сил помешала полностью ликвидировать власть Ордена — бои шли по всей Нижней Висле. Орден нуждался в срочной помощи, и она была оказана курией.

В продолжение нескольких лет представители пруссов вели против Ордена и дипломатическую борьбу[53]; на лионском соборе 1245 г. уполномоченные Святополка и пруссов-христиан также настаивали на вмешательстве папы в конфликт и на обуздании Ордена. Тогда Иннокентий IV вновь направил в Прибалтику своего легата Опизо из Месаны, поручив ему установить перемирие с пруссами, суля восставшим сохранить все свободы, гарантированные еще его предшественниками[54]. В то же время курия оказывала самый энергичный нажим на поморского князя, угрожая ему карами небесными и земными за связь с пруссами и литовцами[55], натравливала на него других польских князей, набирала крестоносцев и т. п. Миссия легата Опизо, однако, не увенчалась успехом.

Но курия не оставила своих усилий. Когда немецко-польским войскам удалось занять помезанский город Кишпорк (видимо, замок прусса Кирса; по-немецки — Кирсбург) и нанести войскам поморского князя ряд поражений, курия в конце 1247 г. направила в

[48] PUB. Bd. I. 1. № 160 (булла Иннокентия IV от 1 февраля 1245 г.); ср.: № 161–162.
[49] PD. 35.
[50] Ibid. 40, 44.
[51] Ibid. 40.
[52] Ibid. 45.
[53] PUB. Bd. I.1. № 84 (1231 г.), 95 (1233 г.).
[54] Ibid. № 172 (1245 г.); ср.: № 173.
[55] Ibid. № 160 (1245 г.); ср.: № 162.

Прибалтику нового легата для Польши, Пруссии и Померании — Якова из Люттиха, доверенного Иннокентия IV. Укрепление позиций Ордена на Висле находилось в ряду других мероприятий, проводившихся курией в Восточной Европе после крупных провалов в ее политике наступления на Русь и другие земли[56].

Новому легату были предоставлены широкие полномочия[57]; ему было поручено восстановить мир между Орденом и союзными ему польскими князьями, с одной стороны, и Святополком поморским и пруссами — с другой[58]. В то же время, как видно из текста Кишпоркского договора, в Риме продолжали находиться представители пруссов-помезан[59], которые обличали Орден в том, что он нарушает имущественные и прочие права неофитов. Новый легат (впоследствии он стал папой — Урбаном IV) оказался весьма деятельным и ловким дипломатом. Ему удалось склонить князя Святополка, политика которого вообще не отличалась последовательностью, отказаться от поддержки пруссов и подписать мир с Орденом[60].

Пруссы западных областей, и прежде всего жители Помезании, отчасти Вармии и Натангии, испытавшие наиболее тяжелые удары врага, оказались вынужденными подписать в Кишпорке (будущий Христбург) мирный договор, предложенный им после долгих переговоров папским легатом от имени ландмейстера Пруссии Генриха фон Гонштейна, при свидетельстве епископа кульмского Гейденрейха. Так возник Христбургский договор, который нам предстоит рассмотреть[61].

---

[56] *Пашуто В.Т.* О политике папской курии на Руси (XIII век) // ВИ. 1949. № 5. С. 57.

[57] PUB. Bd. I. 1. № 195–199 (1247 г.).

[58] Ibid. № 200 (1247 г.).

[59] Ср.: PUB. Bd. I.1. № 174 (1245 г.); *Mannhardt W.* Letto-preussische Götterlehre. S. 20–21. Автор этой работы (написанной еще в 70-е годы XIX в.) справедливо отметил роль Помезании в переговорах с курией и Орденом. Эта роль подчеркнута и ее упоминанием в конце Христбургского договора. Однако он ошибался, полагая, что пруссы восстали лишь во имя соблюдения Орденом тех прав, которые им сулила курия. Целью пруссов была полная свобода, а принятие условий договора — вынужденный компромисс, на который пошли прусские, прежде всего помезанские, представители-нобили.

[60] PUB. Bd. I.1. № 213 (24 ноября 1248 г.).

[61] Текст договора см.: PUB. Bd. I.1. № 218. S. 158–165. Пользуюсь переводом проф. С.П. Кондратьева. Полностью этот перевод будет издан в приложении к моей монографии, посвященной образованию Литовского государства (М., 1959, а также публикуется в настоящем томе в Приложении к данной статье. — *Примеч. ред.*).

* * *

Как видно из преамбулы договора, переговоры в Кишпорке представляли собой продолжение тех споров, которые вели с администрацией Ордена при папском дворе представители пруссов, прибывшие туда с жалобой на тевтонцев. «Жестокие разногласия» между Орденом и представителями пруссов, согласившихся после долголетней борьбы принять христианство и признать власть рыцарей, возникли потому, что последние, нарушая уже известные нам декларации пап Иннокентия III, Гонория III и Григория IX, лишали пруссов, даже принявших христианство, прав, олицетворявших в их глазах понятие свободы. Вот почему основной смысл договора, видимо, отражавшего настойчивые требования прусских представителей, заключался в восстановлении личной свободы пруссов под верховенством Ордена, подвластного курии.

Договор устанавливал, что папской курией «было уступлено» (договор выдержан в стиле, типичном для документов курии, которая квалифицировала любое свое действие как пожалование, уступку) принявшим христианство пруссам, «чтобы они оставались в своей свободе и не были никому подвластны», кроме как богу, и повиновались бы римской церкви. Далее констатировалось, что рыцари Ордена после вторжения, «нарушая такого рода разрешение» курии, «притесняли» пруссов «тяжкими рабскими притеснениями» («duris servitutibus opprimebant»), вызывая к себе ненависть в соседних землях или, как дипломатически выразился легат, притесняли так, «что соседние язычники, слыша об их отношениях, стали бояться возложить на себя приятное ярмо господа».

Курия всегда старалась контролировать деятельность Ордена и, расширяя свои доходы, не допускать «крайностей», способных подорвать саму идею «миссии» на Востоке. Курия была готова использовать согласие части крестившихся пруссов, в первую очередь из числа нобилей, пойти на мир с Орденом, так как понимала, что это позволит ей, действуя в роли «миротворца», внести раскол в среду пруссов и в конечном итоге подготовить новое наступление.

В силу изложенного договор интересен прежде всего тем, что он позволяет определить, какое же содержание вкладывали представители пруссов в понятие свободы, присущей их обществу на этапе догосударственного существования конфедерации областей.

Текст договора явственно распадается на три части. Первая, идущая после преамбулы (от слов «In primis» до слов «nisi secundum racionabilia iudicia dicte legis» включительно) говорит о правах, предоставляемых немецким Орденом жителям трех завоеванных прусских земель; вторая (от слов «Porro neophiti sepedicti» до слов «viris catholicis fuerint eruditi») — о принимаемых на себя пруссами обязательствах церковного характера — об отказе от ряда языческих обрядов и верований; третья (от слов «Ceterum, ne neophiti» до слов «illorum fideliter laborabunt») посвящена принятым на себя пруссами обязательствам политического характера.

Каждая часть договора в свою очередь может быть разбита на статьи. В первой части мы выделяем (обозначая их начальными словами) в последовательном порядке следующие статьи: ст. 1 — идет (после небольшого введения) от слов «ut videlicet licitum»; ст. 2 — «et quod, quicquid»; ст. 3 — «Et concesserunt idem»; ст. 4 — «Concesserunt eciam predicti»; ст. 5 — «et insuper quod»; ст. 6 — «Concesserunt preterea»; ст. 7 — «Item concesserunt fratres»; ст. 8 — «et ut possint»; ст. 9 — «et ut tamquam»; ст. 10 — «et ut ipsi»; ст. 11 — «et quod illi»; ст. 12 — «et ut omnia»; ст. 13 — «Postea dicti neophiti»; ст. 14 — «Et promiserunt» до слов «dicte legis» включительно. Итак, в первой части договора можно выделить 14 статей.

Во второй части договора помещены после небольшого введения статьи: ст. 1 — от слов «quod ipsi vel»; ст. 2 — «Ydolo, quod»; ст. 3 — «Promiserunt eciam»; ст. 4 — «Item promiserunt»; ст. 5 — «Promiserunt eciam, quod nullus»; ст. 6 — «et quod nullus filium»; ст. 7 — «Promiserunt eciam»; ст. 8 — «Et quia longo tempore»; ст. 9 — «Promiserunt etiam»; ст. 10 — «Preterea promiserunt» до слов «fuerint eruditi». Следовательно, во второй части мы выделяем 10 статей.

В третьей, последней, части мы видим следующие статьи (по варианту А): ст. 1 — от слов «Ceterum, ne neophiti»; ст. 2 — «et insuper promiserunt»; ст. 3 — «et quod, si ipsam»; ст. 4 — «et quod cum aliquo»; ст. 5 — «et quod ad omnes» до слов «fideliter laborabunt». Таким образом, в этой части выделяются пять статей. Далее следует заключение договора.

Отбрасывая неизбежные в такого рода памятнике церковно-дипломатические формулы, рассмотрим по существу те права, на соблюдении которых настаивали представители пруссов, притом будем следовать в основном намеченной структуре источника, отмечая, где необходимо, аналогичные явления, отраженные в разных его частях.

Начнем с имущественных прав, которым посвящена **первая часть договора**.

I. О движимом имуществе пруссов.

1. **О праве свободной купли и продажи движимого имущества**. Представители Ордена должны были согласиться (I, ст. 1), чтобы «было разрешение» пруссам «покупать любые вещи, у кого только они захотят, и приобретать другими законными способами, как они захотят и за сколько они смогут», и открыто ими пользоваться. Следовательно, первое, на чем настаивали представители пруссов, это — право свободной купли-продажи движимого имущества, право, которого Орден, судя по папским буллам, старался их лишить. Отсутствие этого права — несовместимо со свободой, есть одно из проявлений «рабских притеснений».

Это — знаменательное свидетельство. Оно явно противоречит обычно принятым в русской историографии представлениям об уровне товарно-денежных отношений в дофеодальный период. Наши сведения о состоянии прусской экономики того времени вполне согласуются с содержанием договора[62].

Выражение «законными способами» («iustis modis») может свидетельствовать либо о том, что папский легат употребил привычный для него и для Ордена термин, либо, что пруссы считали свое обычное право законным.

2. **О праве наследования движимого имущества**. Соответствующий текст (I, ст. 2) гласит, что «все, что бы они (пруссы. — *В.П.*) ни купили или приобрели (намек на дарение, обмен и т. п. — *В.П.*), пусть они приобретают для себя лично и для своих законных наследников («heredibus suis legitimis»). К числу законных наследников отнесены — сын, незамужняя дочь, которые, видимо, имеют равное право на наследство (судя по выражению «пусть они наследуют»), отец, мать, внук, брат, племянник. Документ содержит в этой части примечание, что представители пруссов «приняли с удовольствием» это широкое право наследования, т. к., будучи язычниками, они, по их словам, «не имели [этих прав], а [признавали] только сыновей в качестве наследников».

Из этого следует, что пруссы все же знали (хотя и недостаточно развитое) право наследования движимой собственности по прямой мужской линии. Пользуясь переговорами, представители пруссов,

---

[62] См.: *Пашуто В.Т.* Помезания. М., 1956. С. 36 и сл.

люди, как постараемся показать ниже, знатные и власть имущие, расширяли это право, содействуя тем самым подрыву общинной собственности и ее концентрации в руках экономически более сильных людей.

3. **О праве завещания движимого имущества**. Этот вопрос затронут (I, ст. 4) в таком контексте: признано, что пруссы могли «свободно» использовать, «давать [взаймы], дарить, продавать и делать все другое, что они захотят как при жизни, так и после смерти со своим движимым имуществом»; кроме того, еще раз (I, ст. 6) сказано, что они получают «право составлять завещания о своем имуществе движимом, а также недвижимом» (ср. также I, ст. 3).

Итак, в прусском обществе до завоевания его рыцарями налицо право купли-продажи движимого имущества и его наследования (ограниченное сыновьями) по закону и (видимо, без ограничений) по завещанию.

II. О недвижимом имуществе пруссов.

1. **О праве купли и продажи недвижимого имущества**. Оно сформулировано (I, ст. 5) следующим образом после того, что сказано в этой связи о движимом: «а сверх того» пруссам «было разрешено из-за необходимости или также для своей пользы продавать свою недвижимость («bona sua») себе равным, или тевтонам, или пруссам, или поморянам» — следовательно, налицо, видимо, давно существующая продажа недвижимой, т. е. прежде всего земельной собственности среди пруссов разных областей, а также продажа ее пруссам, поморянам и тевтонам.

Договором предусмотрено ограничение этого давнего института одним весьма стеснительным для пруссов условием. Продажа разрешается «не раньше, чем они (видимо, желающие продать. — *В.П.*) представят достаточное поручительство» Ордену «по отношению к стоимости подлежащей продаже вещи так, чтобы после ее продажи они не убежали к язычникам или к врагам».

Выходит, что продажа недвижимой собственности ограничена по усмотрению Ордена даже в том случае, если эту статью толковать так, что продающий вносит ему залог в сумме, равной стоимости объекта купли-продажи. Не имея возможности отменить продажу недвижимой собственности, Орден разрешал в дальнейшем ее лишь своим наиболее верным сторонникам, и то в ограниченном размере. Орден, как можно судить и по скупым размерам его пожалований прусской знати, ревниво оберегал своим экономические привилегии

и препятствовал возможному укреплению уцелевших представителей формирующегося прусского господствующего сословия[63].

2. **О праве наследования недвижимой собственности**. Поскольку в договоре сказано (I, ст. 2), что все купленное или приобретенное пруссами «пусть они приобретают для себя лично и для своих наследников», — наследование недвижимости не вызывает сомнений. При отсутствии наследников, предусмотренных в договоре, выморочное имущество (движимое и недвижимое) переходило, прежде всего, Ордену, как явствует из следующей статьи (I, ст. 3): «...если кто из них и их вышеназванных наследников умрет и никого не останется в живых из вышеназванных наследников, то все их недвижимое имущество» переходит Ордену «и к другим господам, под властью которых» они находились, а также и движимое, «если только сами новообращенные при жизни или умирая не решили сделать относительно него какое-либо иное распоряжение». Установив свое господство в стране, Орден узурпировал право мертвой руки. Прежде выморочное имущество могло идти общине.

3. **О праве завещания недвижимой собственности**. Из слов одной из статей (I, ст. 6) о том, что пруссы «имели право составлять завещания о своем имуществе движимом и недвижимом», следует признать наличие и этого института. Нетрудно заметить, однако, что эта статья находится в противоречии с вышеприведенной — о праве мертвой руки. Можно найти выход из противоречия, если допустить, что Орден согласился на расширение круга наследников с целью ограничить этим кругом права завещания недвижимой собственности. В дальнейшем Орден неуклонно стремился урезать прусское наследственное право.

В приведенную статью открыто введено лишь одно ограничение, которое характеризует уже не столько общественные отношения в среде пруссов, сколько борьбу за прусские земли между Тевтонским орденом и прусским епископом. В отличие от Ливонского ордена, тевтоны сумели быстро занять экономически и политически привилегированное положение, урезав права местного епископа. Это видно из статьи договора (I, ст. 6), решительно ограничивающей право пруссов завещать недвижимую собственность церкви. Договор в этой

---

[63] Материал по этому вопросу можно найти в содержательной работе *Plümicke R.* Zur ländlichen Verfassung des Samlandes unter der Herrschaft des Deutschen Ordens. Leipzig, 1912. S. 11–18.

части гласит: «…если кто завещает по завещанию какую-либо недвижимость какой-либо церкви или духовному лицу, эта церковь или лицо» должны продать эту недвижимость «в течение года наследникам умершего или другим», и «пусть эти церкви или лица оставляют за собой деньги, которые они получили от продажи за это [имущество]»; если же в течение года полученная церковью недвижимая собственность «по небрежности» не будет продана, то она переходит к Ордену. Следовательно, церковь могла пользоваться такого рода прусскими земельными владениями лишь в течение года.

Право родственников завещателя как право родового выкупа не отражено. Родственники-наследники упомянуты наряду с другими, желающими купить у церкви подлежащую обязательной продаже недвижимость. Более того, преимущественное право покупки у церкви такого вида имущества предоставлено Ордену. Стороны согласились (I, ст. 6), что «при всех вышеназванных продажах» рыцари, давая в уплату за вещь «столько же, сколько и другой» возможный покупатель, имеют преимущественные права на покупку («то сами братья должны быть предпочтены всем другим»). Притом рыцари обещали «не мешать и публично или тайно не принимать меры, чтобы за вещь другими давалось меньше, чем она стоит», т. е. обещали не сбивать цену; значение такого рода обещания едва ли следует переоценивать.

Ограничение роста церковного землевладения епископа рыцари пытались в договоре обосновать ссылкой на то, что церковь едина и пр., но по существу это — яркое свидетельство борьбы в среде разных групп феодалов-завоевателей за прусские земли.

Рассмотренные выше статьи составляют самую суть первой части договора. Представители пруссов отлично понимали, что основу их личной свободы составляют не отвлеченные декларации о свободе, которыми так богаты папские буллы, а их экономические права и прежде всего право распоряжения собственностью — недвижимой (аллодом) и движимой. Своевременно поднятый в нашей историографии вопрос о взаимосвязи этих двух явлений — собственности и свободы в дофеодальный и раннефеодальный периоды[64] — находит в Христбургском договоре еще одно бесспорное обоснование. Ниже мы коснемся дальнейшей судьбы прусского аллода, а теперь

[64] См.: *Неусыхин А.И.* Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI–VIII веков. М., 1956. С. 34–35.

рассмотрим те политические права, которые признаны за пруссами по первой части договора.

III. ***О брачном праве***. Согласно договору (I, ст. 7), пруссы могли «свободно заключать браки с какими угодно лицами, имеющими право на заключение законного брака». Эта статья стала необходима пруссам потому, что в дальнейших статьях договора предусмотрена отмена разного рода прусских языческих обычаев. Рыцари считали нужным подчеркнуть, что речь идет лишь о тех, кто принял христианство и вступает в законный брак.

IV. ***О судебных правах***. Договором предусмотрено, что пруссы должны быть признаны (I, ст. 8) в качестве полноправных участников любого судебного дела — «быть сторонами («procuratores») во всех [судебных] делах и выступать против кого угодно и отстаивать свои права». Термин «procurator», видимо, идентичен имеющемуся в немецкой записи прусского права слову «sachwalde»[65]. Признано также (I, ст. 9), чтобы пруссы «как лица, имеющие законное право, допускались ко всем законным действиям перед лицом каких угодно судей — как перед церковным судом, так и перед светским». Статьи эти понятны — пруссы стремились оградить себя от судебного произвола орденских властей.

V. ***О праве занимать духовные должности***. Эта статья (I, ст. 10) предусматривает, что пруссы «и их законные сыновья могли быть клириками и вступать в исполнение религиозных обрядов». Естественно стремление прусских представителей пресечь попытки Ордена препятствовать христианизации народа и использовать это в качестве предлога для разбоя. Кроме того, часть прусского нобилитета могла искать путей политического возвышения не только в сотрудничестве с Орденом, но и с епископом.

VI. ***О рыцарском праве***. Эта очень интересная статья (I, ст. 11) гласит: «...и чтобы те из новообращенных, которые происходят или в будущем будут происходить из знатного рода («qui sunt vel erunt ex nobili prosapia procreati»), могли бы быть опоясаны военным поясом». Статья позволяет утверждать, что прусский нобилитет (известный для этого времени и по другим источникам) достиг такого общественного положения, что мог в официальном документе настаивать на получе-

---

[65] Видимо, поэтому следует внести необходимую поправку в данную нами ранее трактовку этого термина (см.: *Пашуто В.Т.* Помезания. С. 75). Немецкое право знает термин Sachwältige (sakewolde, sakeweldige) — представители тяжущихся сторон (*Bunge F.G.* Geschichte des Gerichtswesens und Gerichtsverfahrens in Liv-. Est- und Curland. Reval, 1874. S. 27).

нии рыцарских прав. Позднее, но еще в XIII в., источники сообщают о прусской знати, перешедшей на сторону Ордена и получившей рыцарское достоинство по кульмскому и прусскому праву[66].

Суммируя все экономические и политические права пруссов, подтвержденные в этой части договора, его составители отметили, что рыцари, таким образом, согласились признать за пруссами «всяческую личную свободу», которая будет им присуща до тех пор, пока они сохраняют верность католической церкви и Ордену. Если же «какая-либо община («patria») или отдельное лицо («vel persona») в чем-либо окажутся отступниками, они совершенно теряют вышеуказанную свободу».

Кстати, можно отметить, что представители пруссов заключали мир от имени общества, которое делилось на общины (если правильно предложенное понимание терминов) и на отдельных лиц, — видимо, тех самых нобилей, которые в других источниках экономически выступают в качестве мелких вотчинников, а политически — в виде владетелей замков, лиц, ведающих вопросами мира и войны, а иногда имеющих и жреческие права. Что касается общин, то, как увидим ниже, они находились в какой-то связи с местными центрами — «селениями» и «местами». В помезанском праве эти общины ясно представлены как общины сельские[67].

VII. ***О польском праве***. Весьма важную статью первой части договора представляет, наконец, ст. 13, посвященная вопросу о «всеобщем законе». Здесь представители пруссов делают выбор того «всеобщего закона» или тех «светских судебных установлений», которыми они хотели бы руководствоваться в своей дальнейшей жизни. Прусские представители, «посоветовавшись между собой», выбрали «закон» и «судебные установления» «соседних с ними поляков», но без применения судебного испытания каленым железом.

Эта статья примечательна во многих отношениях. Во-первых, для прусского дофеодального догосударственного общественно-политического устройства оказались пригодны законы феодальной Польши; во-вторых, тесные исторические связи пруссов с Польшей были, видимо, давними, коль скоро прусские представители, прежде всего нобили, достаточно хорошо знали содержание польского права — и закона, и судебных установлений.

---

[66] *Plümicke R.* Zur ländlichen Verfassung des Samlandes. S. 25.

[67] *Пашуто В.Т.* Помезания. С. 39–41.

Вероятно, прусские представители считали, что польское право должно будет как-то содействовать охране имущества пруссов, и прежде всего нобилей, от покушений сюзерена-завоевателя. Это, очевидно, так, поскольку дополнительная статья (I, ст. 14), если верна наша конъектура, вновь подчеркивает обещание рыцарей, что «имущество новообращенных, о которых идет речь, они не будут незаконно уносить (т. е. отнимать. — *В.П.*), кроме как по разумно установленному решению этого [названного всеобщим] закона».

Мы говорим о прусских нобилях, которых договор упоминает лишь однажды, но вполне недвусмысленно (I, ст. 11). Именно их в первую очередь должны были интересовать права, предоставленные договором[68]. Эти нобили хорошо известны нам не только из тогдашних хроник, но и из современных договору актов пожалований Ордена и епископов.

Договор не содержит детальной регламентации прав прусской знати и норм зависимости от нее прусского крестьянства, и это понятно, потому что договор вводит польское право, где подобные нормы наличествовали; кроме того, формально (допускаю непоследовательность) он исходит из признания прав всех пруссов на свободу и земельную собственность.

Но под юридическим покровом личной свободы у пруссов уже существовала владевшая земельной собственностью знать и возникли ранние формы зависимости менее состоятельных земельных собственников от более зажиточных, нередко становящихся мелкими, а подчас крупными вотчинниками-феодалами. Выше мы приводили сведения о тех земельных пожалованиях, которые были сделаны епископу двумя знатными пруссами, говорили мы и о некоторых разрешенных Орденом замках прусских нобилей[69]. Все эти факты не должны вызывать удивления: в условиях, когда земли являлись объектом купли-продажи, имущественное неравенство экономически неизбежно.

С особой ясностью оно выступило в источниках тогда, когда новое восстание (1260–1270 гг.) потрясло власть Ордена и благосостояние его приспешников из прусской знати. Стремясь привлечь на свою сторону прусский нобилитет, Орден, лишив пруссов свободы, одно-

---

[68] Ср. договор 1272 г. земгалов с Орденом, заключенный от имени «eldesten des landes» (LUB. Bd. I. № 430); ср. упоминание «совета старейших» в договоре 1241 г. сааремаасцев с Орденом (LUB. Bd. 1. № 169).

[69] См. также: *Пашуто В.Т.* Помезания. С. 48–52.

временно подтвердил права верных ему нобилей, которые искали в Кёнигсберге, Эльблонге, Христбурге и других немецких замках спасения от восставших, и пожаловал им земли. Орден оформлял эти пожалования на основе прусского (реже кульмского или иного) права.

В актах пожалований прусские нобили выступали как мелкие вотчинники, владельцы 5–25 крестьянских семейств. За ними признавались личная свобода, а также свобода от десятины и крестьянских повинностей[70]; им жаловались определенные иммунитетные права (либо «малые права» суда по делам, касающимся «крови» и «синяков», либо «большие», относящиеся к делам, где ответственность искупается «шеей» и «рукой»[71]), со своих владений они обязаны были сдавать определенную норму зерна в год, участвовать в строительстве и ремонте замков и нести неограниченную военную повинность.

Понятно, что их личное участие в выполнении повинностей состояло лишь в военной службе, хотя встречались и такие нобили, которые, имея несколько зависимых крестьянских семейств, и сами работали в поле[72], это — наиболее мелкие из растущих прусских вотчинников, включенные в служилый феодальный люд Ордена. Следовательно, прусский аллод не получил самостоятельного развития, земля была объявлена собственностью Ордена, а прусские нобили заняли свое место в рядах служилых феодалов (так называемые «витинги» и им подобные). Особого внимания заслуживает упоминание в этих актах, кроме прусской, также и литовской знати, которая бежала из своей страны, побросав прежние владения. Жалуя ей новые земли, Орден обещал, по завоевании Литвы, вернуть литовским нобилям-эмигрантам их старые литовские владения[73]. Следовательно, вновь подтверждается сходство общественного строя пруссов и литовцев, из чего следует, что Христбургский договор пригоден для анализа общественных отношений не только древней Пруссии, но и коренной Литвы.

Вторая часть договора, трактующая вопрос об отказе пруссов от языческих обычаев и верований, а также принятии ими христианских церковных обрядов, чрезвычайно интересна для понимания идеологии феодализирующегося общества и территориальной струк-

---

[70] См., например: PUB. Bd. I.2. № 173 (1262 г.).

[71] См.: Ibid. № 140 (1261 г.); особенно яркий документ № 204 (1263 г.); ср.: *Пашуто В.Т.* Помезания. С. 83 и сл., С. 92 и сл.

[72] PUB. Bd. I.2. № 329.

[73] Ibid. № 791 (1303 г.); ср.: № 576 (1291 г.) и др.

туры прусских областей. Рассмотрим относящиеся к этой теме статьи Христбургского договора; они имеют особую ценность потому, что внесены в текст рыцарями — очевидцами жизни пруссов, в частности, Помезании, бывшей под властью Ордена в 1236–1242 гг.

1. **О похоронных обрядах**. В соответствующей статье (II, ст. 1) содержится обязательство пруссов, что они «не будут сохранять [обычаев] сжигания мертвых или их захоронения [вместе] с конями или людьми, или с оружием и платьем, или с какими-либо другими драгоценными вещами, и по каким-либо другим [обрядам], не будут сохранять родовых [племенных, простонародных] обычаев («ritus gentilium»), но своих мертвых будут хоронить по христианскому обычаю на кладбищах, а не вне их». Следовательно, у пруссов существовал обычай и сожжения, и захоронения мертвых; это находит полное подтверждение и в археологическом, и в этнографическом литовском и прусском материале[74].

В договоре идет речь об отказе от старинных обычаев, которые иллюстрированы примерами из жизни нобилитета: именно его представителей могли хоронить вместе с конями, рабами, с оружием, дорогим платьем и различными драгоценными вещами[75]. Но поскольку использование труда патриархальных рабов присуще в этот период не одним нобилям, а свободным вообще, то статья эта относится и ко всей массе пруссов.

Что договор верно отражает существование имущественного и социального неравенства у пруссов, легко установить, сравнив его с сообщением «Хроники прусской земли», законченной немецким хронистом Петром Дюсбургом в 1326 г. В особом разделе этой хроники, составленном на основе свидетельств крестоносцев — участников походов[76] — и озаглавленном «Об идолопоклонстве, обрядах и нравах пруссов», он сообщал, что пруссы «верили в воскресение плоти, но все-таки не так, как следовало бы. Они верили, что если

---

[74] *Куликаускас П.З.* Некоторые данные о первоначальном заселении территории Литвы и о племенных границах в I и начале II тысячелетия по данным археологии // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. 1954. Т. XXIII. С. 36–46; *Он же.* Исследование археологических памятников Литвы // КСИИМК. 1952. Вып. 42. С. 92–107; ср.: *Гуревич Ф.Д.* Древние памятники юго-восточной Прибалтики // Там же. С. 13–22.

[75] Так этот вопрос трактуется и в археологии (см.: *Куликаускиене Р.* Погребальные памятники Литвы конца I — начала II тыс. нашей эры // КСИИМК. 1952. Вып. 42. С. 108–122).

[76] *Mannhardt W.* Letto-preussische Götterlehre. S. 90.

кто-нибудь в этой жизни был знатным («nobilis») или незнатным («ignobilis»), богатым («dives») или бедным («pauper»), могущественными («potens») или слабым («impotens»), таким же он будет после воскресения в будущей жизни. Отсюда происходит то, что вместе со знатными («nobilibus») умершими сжигались: оружие, кони, рабы и служанки («servi et ancille»), одежда, охотничьи собаки, хищные птицы и все остальное, что имеет отношение к военной службе («ad miliciam»). С людьми же незнатными («ignobilis») сжигали то, что имело отношение к их обязанностям («ad officium suum»)»[77]. Итак, имущественное неравенство у пруссов существовало настолько давно, что получило отражение и в их идеологии. Примечательно и то, что знать занимала руководящее положение в войске; отсюда — упоминание ее «воинской службы», с одной стороны, и «обязанностей» людей незнатных — с другой.

2. **Об идолах**. Язычество пруссов не было примитивным. Оно существовало давно. Первые известия о нем восходят еще к Тациту[78]. Согласно статье (II, ст. 2), говорящей об отмене идолопоклонства, пруссы обещали, что не будут делать возлияний идолу Курхе, — ежегодный обычай, связанный с окончанием сбора урожая[79], — а также не будут почитать и других богов, «которые не создали неба и земли». Упоминание о других богах — не случайность. Согласно Дюсбургу, пруссы «чтили вместо бога всякие творения [явления], как, например, солнце, луну, звезды, гром, пернатых и даже четвероногих животных, вплоть до жабы. Имели они также священные рощи, поля и воды, так что в них они не осмеливались ни рубить [деревья], ни обрабатывать поля, ни ловить рыбу».

Сопоставление данных Дюсбурга с другими источниками, в частности с русскими, позволяет заключить, что литовское язычество, как и известное нам славяно-русское[80], уже миновало в своем развитии более раннюю стадию — тотемизм.

Быть может, сложился и пантеон богов во главе с Диверихсом. В него, по-видимому, входили Кальвялис (Телявелис) — бог-кузнец, что сковал солнце, творец культуры, подобный славянскому Сварогу; покровитель очага — Номодьевас; покровители леса и охоты — Ме-

---

[77] PD. III. 5. P. 53–54.

[78] Сочинения Корнелия Тацита. Германия / Изд. В.И. Модестова. СПб., 1886. Т. I. С. 63.

[79] *Mannhardt W.* Letto-preussische Götterlehre. S. 46–47.

[80] *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 386.

деинас и заячий бог. Обожествлялись и гром — в образе Перкунаса, известного и славяно-руссам под именем Перуна-громовержца, и звезды — созвездие Пса и др.[81]. Некоторым из этих богов, как сообщает Волынская летопись, «жряше» литовский великий князь Миндовг[82], другие упомянуты в замечательной русской глоссе XIII в. к славянскому переводу сирийской хроники Иоанна Малалы. В этой глоссе речь идет о ереси Совия — трупосожжении, широко распространенном в литовских, прусских и других прибалтийских землях[83].

3. **О жречестве**. Развитой языческой идеологии соответствовало существование жречества, ликвидацию которого предусматривает договор (II, ст. 3). Жречество, как увидим, имело значительное влияние в обществе. Пруссы обещали, что они в дальнейшем не будут иметь «тулиссонов или лигашонов», людей, как сказано в договоре, «само собой разумеется, самых лживых лицедеев, которые как родовые («gentilium») жрецы считают себя вправе присутствовать на похоронах умерших». Функции этих жрецов очерчены колоритно, но не слишком ясно[84]; в договоре их поносят подобно тому, как в свое время летописец-киевлянин чернил волхвов.

Прусские жрецы «зло называют добром и восхваляют мертвых за воровство и грабежи, за грязь их жизни и хищения и остальные пороки и прегрешения, которые они совершили, пока были живы». Эти жрецы при обряде похорон произносили какие-то речи: «...и вот, подняв к небу глаза, они восклицают, ложно утверждая, что они видят теперешнего мертвеца, летящего посередине неба на коне, украшенного блистающим оружием, несущего на руке сокола, с большой свитой направляющегося в другой мир». Произносили они и другие речи, ибо дальше читаем, что «такими и подобными лживыми словами они отвращают народ и зовут обратно к обычаям язычников». Это был, однако, лишь рядовой состав жречества.

---

[81] В толковании этимологии слов, означающих божества, и в понимании функций последних исследователи не единодушны (см.: *Mannhardt W.* Letto-preussische Götterlehre. S. 49–68; ср.: Mythologie Lituanicae Monumenta. S. 126–152; *Brückner A.* Slaven und Litauer. S. 506–549; *Вольтер Э.* Западнорусское свидетельство о литовских богах // Зап. имп. АН. СПб., 1886. Т. 53. Прил. 3. С. 173–179.

[82] ПСРЛ. Т. II. Стб. 817.

[83] *Истрин В.М.* Александрия русских хронографов, исследование и текст. М., 1893. С. 359–360.

[84] *Mannhardt W.* Letto-preussische Götterlehre. S. 45 и сл. Термин «тулиссон» автор возводит к славянскому, польскому *tuliczyna* «утешитель»; а в термине «лигашон» видит его прусский синоним (ср.: *Перцев В.Н.* Культура и религия древних пруссов. С. 365).

О его верхушке находим сообщение у Дюсбурга, едва ли основательно отвергаемое некоторыми исследователями.

Дюсбург пишет, что в середине страны пруссов, в Надровии, на месте по имени Ромов, жил верховный жрец Криве, которого весьма чтили (хронист сравнивает его авторитет с папским) не только пруссы, но и литовцы и жители ливонской земли (видимо, курши, земгалы и др.). Его власть была, кажется, наследственной. Если он сам или кто-либо из его «единокровных» переходил границы отдельных прусских земель, то они принимались повсюду «с большим уважением царями («regibus») и знатными людьми («nobilibus») и простым народом («communi populo»)»; с большим почетом принимали правители земель и его вестника с жезлом или каким-либо другим знаком отличия.

При некоторых преувеличениях, естественных в устах тех, кто информировал хрониста, сведения его вполне вероятны. Не только литовские великие князья вроде Миндовга, но и отдельные более крупные нобили могли выполнять функции жрецов, как, например, известный нашей летописи ятвяг Скомонд, который «бе волъхв и кобник нарочит»[85]. Это, однако, не мешало постепенному развитию жречества. Длительное существование тулиссонов и им подобных при относительно развитой языческой идеологии вполне могло породить и высший слой жречества. Криве по старинному обычаю поддерживал вечный огонь. По просьбе родственников умершего этот жрец также брался определить его судьбу на том свете, он «указывал, в каком положении находился покойник в одежде, с оружием, с конем и с челядью».

Трудно сказать, из чего слагались доходы жрецов. Известно, однако, что после победы пруссы приносили своим богам жертвы, кроме того, одну треть добычи они отдавали Криве, который ее якобы сжигал. Ясно, что при таких условиях жречество составляло своеобразную группу нобилитета.

Говоря о прусско-литовской идеологии этой поры, нельзя не отметить ее значительного сходства со славяно-русским язычеством. Это сходство касается не только пантеона божеств, но и обрядов, в частности, погребальных. Достаточно сопоставить в этом отношении сообщение Вульфстана (IX в.), Христбургский договор и хронику Петра Дюсбурга с тем, что писал Ибн Фадлан (X в.) о древних руссах. Сходство обычаев руссов и пруссов уже привлекло к себе

---

[85] ПСРЛ. Т. II. Стб. 799.

внимание исследователей. Известный востоковед В.Ф. Минорский пытался объяснить его аварским влиянием[86].

Вполне убедительный ответ на этот вопрос пока еще дать нельзя. В частности, трудно допустить столь сильное проникновение аварских влияний в Прибалтику через галиндские и надровские пущи. Думается, что если более оптимистично оценить возможность экономических и политических отношений славяно-русских княжений дофеодальной поры с их соседями, если вспомнить сношения славяно-руссов с пруссами[87] по «Скифскому» (Балтийскому)[88] морю, а также генетические связи и общение кривичей с литовцами, то отмеченное выше сходство не будет казаться столь поразительным.

В других статьях договора, также говорящих о христианизации, достойны особого внимания два момента, а именно: уходящие в прошлое яркие пережитки патриархально-общинных отношений и признаки растущей власти прусского нобилитета. Остатки патриархально-общинной старины видны в следующих статьях.

4. **О многоженстве** (II, ст. 4) говорится, что пруссы «не будут в дальнейшем иметь двух жен или более», а будут довольствоваться одной, вступая с ней в законный брак (как это предусмотрено договором — I, ст. 7). Многоженство — несомненный пережиток патриархально-общинных отношений.

5. **О покупном браке**. Еще более выразительна в этом отношении статья (II, ст. 5), говорящая об отказе пруссов от обычая продавать своих и покупать чужих дочерей в жены: «...никто из них в дальнейшем не будет продавать своей дочери кому-либо, [желающему] соединиться с ней браком», и «никто не будет покупать жены ни сыну своему, ни себе». Примечательно пояснение к этой статье, проливающее свет на состояние прусской семьи: «Когда отец покупал какую-нибудь женщину на общие деньги себе и своему сыну, до тех пор они сохраняли [обычай, разрешавший], чтобы после смерти отца его жена переходила к сыну, как и всякая другая наследственная вещь, купленная на общие деньги». Перед нами патриархальная домашняя

---

[86] См.: Scharaf al-Zamañ Tāhir Märvazī / Ed. V. Minorsky. L., 1942. P. 35–36, 116–117.

[87] *Adam Bremensis.* Gesta Hammaburgensis Ecclesiae pontificum / Ed. B. Schmeidler. Hamburg, 1917. (MGH SS). P. 244–245. Ср.: P. 75.

[88] *Helmoldi presbyteri Bozoviensis.* Chronicon Slavorum / Ed. B. Schmeidler. Hannoverae et Lipsiae, 1909. T. I, 1. P. 5; *Lewicki T.* Bałtyk w opisach autorów arabskich IX–X w. // Przegląd Orientalistyczny. Wrocław, 1949. Zesz. 1 (1948). S. 58.

община, значительно более прочная, чем та, что отражена в Помезанской правде[89], но уже насквозь пронизанная денежными отношениями, которые охватили движимую и недвижимую собственность. Едва ли это сообщение договора следует понимать буквально. Очевидно, и у пруссов, подобно саксам[90], наличествовали в отношении матери различные формы покровительства сына либо брата ее первого мужа (на что есть намек и в Помезанской правде) и т. п.

Прусских представителей чрезвычайно интересовало экономическое содержание договора. Видимо, поэтому, внедряя церковный брак, рыцари вновь отметили его значение для права наследования, заставив пруссов подтвердить, что они «не будут признавать в качестве законных наследников обоего пола и не допустят до участия в вышеназванном наследстве никого, кроме тех, которые рождены от законного брака, [заключенного] согласно установлениям римской церкви».

6. **О правах отца**. Одним из пережитков дофеодальной старины было право отца отвергнуть и даже убить своих детей. Пруссы отказались (II, ст. 6) от этого обычая, заявив, что «никто из них по какой бы то ни было причине в дальнейшем не отвергнет и не убьет своего сына или дочь, сам ли или через постороннее лицо, открыто или тайно, и не будет сочувствовать и позволять, чтобы делалось [кем-либо] другим что-то подобное каким-либо образом». Таковы уходящие в прошлое черты патриархально-общинного строя.

Относительно статей 4–6 части II договора литовские историки полагают, что здесь занижен уровень общественного развития пруссов. Они основательно ссылаются на то, что частная собственность в прусском обществе представлена в договоре значительно более развитой, чем семья; что в оценке брака здесь отразился традиционный взгляд западноевропейских юристов, знавших у себя на родине чаще договорный брак и потому писавших о покупном браке. Между тем этот институт долго жил в соседней феодальной Литве, где взнос родителям жены составлял 30 грошей, тогда как рабыня стоила несколько сот коп грошей; наконец, в среде нобилей источники рисуют моногамную семью[91].

---

[89] *Пашуто В.Т.* Помезания. С. 41–43.

[90] Ср.: *Неусыхин А.И.* Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе. С. 158.

[91] Об одном исключении см.: PD. III, 190.

Проф. К. Яблонскис высказал интересное соображение, что в этих статьях может идти речь и о превратно понятом институте заклада и даже продажи членов семьи[92] (явление, долгое время известное феодально развитым странам, в том числе Литве и Руси). Принимая это толкование, мы получаем право говорить о значительном имущественном расслоении среди пруссов и о тех грубых формах угнетения, порождаемых деньгами на ранних этапах классового общества, которые отметил К. Маркс. При всем том, однако, не приходится сомневаться в серьезном влиянии патриархально-общинных отношений на прусское общество, еще не успевшее облечься в государственные формы.

В следующих статьях, посвященных христианизации пруссов, мы хотели бы выделить иные черты. Договором предусмотрено (II, ст. 6, 8 и 10) крещение пруссов, соблюдение ими постов, исповеди, причастия и отказ от тяжелых работ в воскресные и праздничные дни (последняя статья типична для средневековой церковной юрисдикции), а также строительство ими церквей (II, ст. 9).

Интересно то, каким образом предполагали прусские представители осуществить эти нововведения. Отметив, что «многие до сих пор среди них остаются ожидающими крещения», прусские уполномоченные обещали (II, ст. 8) «твердо и решительно», что «всех еще не крещеных в течение месяца они заставят («facient») креститься». Они, видимо, располагали какой-то властью в своих землях, т. к. обязались, что «конфискуют имущество родителей», которые в течение указанного срока не крестят своих детей; тех же, которые, «будучи взрослыми, упорно не желают принять крещение», «изгонят из пределов христиан нагими в одной рубашке, чтобы добрые нравы других не портились их превратными разговорами», а имущество их конфискуют, т. е. предадут виновных потоку и разграблению (обычай потока хорошо известен и славяно-русскому праву).

Следовательно, прусские представители не закрывали глаз на то, что решенное в Кишпорке может встретить в других местах Помезании, а также в Вармии и Натангии упорное сопротивление, и рассчитывали преодолеть его не только убеждением, но и силой; подобный расчет мог быть реальным лишь в том случае, если эти представители и им равные играли руководящую роль на вече. Конечно, они

---

[92] Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить моих коллег Ю. Жюгжду, К. Яблонскиса, М. Юргиниса и М. Ючаса за их ценные замечания, высказанные при обсуждении этой статьи в Институте истории АН Лит. ССР.

могли надеяться на помощь Ордена, но едва ли очень большую, т. к. Орден еще воевал в восточной Натангии и других землях, а в 1260 г. новое восстание пруссов смело власть рыцарей почти повсюду, включая и значительную часть Помезании, открыто не примкнувшей к освободительной борьбе. Как бы то ни было, прусские уполномоченные имели определенную власть в своих землях. За их спиной стояло общество, способное воспринять и быстро осуществить изменения в своем праве и в его практическом применении.

Для познания внутренней структуры прусских областей и уровня их культуры известный интерес представляет статья, посвященная строительству храмов (II, ст. 9). В Помезании было намечено возвести 13 церквей, из них две в селениях («villa») — Позолова[93] и Пастелина[94] и две в местах («in locis») — Лингвес[95] и Люпиец[96], две — в Герии[97], по одной в Коморе св. Адальберта[98], Бобусе[99], Прозиле[100], Резии[101], Христбурге[102], Райдеце[103] и Ново-Христбурге.

Представители Вармии обещали построить шесть храмов, из них один в селении, где находился Иедун, или около того места; другие — в Суримесе, Слинии, Вунтенове, Брузебергве. Уполномоченные Натангии согласились на постройку трех храмов — в Лабегове[104], близ Туммониса[105] и в Сутвиерте.

Прежде всего, возникает вопрос о характере поселений древних пруссов. Ниже мы встретим поселок («villula») в качестве типичной формы поселения; но пруссы жили не только в общинных поселках. В Помезании, помимо двух «селений» («villa») и двух «мест», на-

---

[93] Посильге, ныне Жулавка, Штумского повета.

[94] Пестлин, ныне Постолин, Штумского повета.

[95] Линкен, ныне Линки, Штумского повета.

[96] Липпитц, ныне Липич, под Дзежгонью.

[97] Местоположение не установлено.

[98] Каммерау, ныне Коморово, Штумского повета.

[99] Побурсе, ныне Побуже, Острудзского повета.

[100] Пренцлау, ныне Преславек, Квидзиньского повета.

[101] Ризенбург, ныне Прабуты, Суского повета.

[102] Ныне Кишпорк.

[103] Раудниц, ныне Рудзич, Суского повета.

[104] О местоположении этих пунктов см.: PUB. Bd. I.1. S. 162–163; ср.: *Łowmiański H.* Studia nad początkami społeczeństwa i państwa Litewskiego. Wilno, 1932. T. II. S. 24–28. Нынешнее местоположение вышеназванных пунктов см.: *Chojnacki W.* Słownik polskich nazw miejscowości w B. Prusach wschodnich i na obszarze B. Wolnego Miasta Gdańska. Poznań, 1946.

[105] Домнау, ныне Домново, Бартошицкого повета.

считывалось не менее восьми центров, где сосредоточивалось население. Понятно, что ни курия, ни Орден не стали бы возводить храмы в пустыне; ясно также, что эти центры существовали издавна, а не созданы рыцарями: во время войны крестоносцы, в лучшем случае, соорудили незначительные замки в некоторых из них.

Далее, насколько можно судить по акту раздела помезанского диоцеза[106], перечисленные в договоре центры были равномерно распределены по всей Помезании; их было несколько больше в северной ее части, где лежит и Кишпорк. Следовательно, можно допустить, что Христбургский договор подписан представителями всей Помезании. Из этого напрашивается вывод, что Помезания — одна из 11 прусских областей — распадалась в свою очередь на несколько групп общин, общинных поселков. Каждая группа имела свой центр. Два более крупных центра упомянуты в договоре в качестве «villa», два менее крупных, как «места», а прочие лишь названы (см. карту на с. 464).

Здесь нет необходимости подробно рассматривать вопрос о сущности литовско-прусского «villa». Достаточно отметить, что он (как и понимание термина «villa» историками западноевропейского средневековья[107]) не получил еще общепризнанного решения. Наиболее подробно изучал характер раннего литовско-прусского поселения известный исследователь Литвы Г. Ловмяньский. Мы не можем признать убедительной принятую этим ученым общую схему развития поселения, но для выяснения проблемы генезиса феодализма весьма существенны выводы о глубокой древности «villa» и аргументированные соображения о том, что под этим термином могло скрываться как многодворное поселение крестьян, так и однодворное поселение нобиля, приобретавшее в этом случае черты поместья («curia», «habitatio»)[108]. С такой трактовкой поселения совпадает сказанное выше (I, ст. 12) о терминах договора — «patria» и «persona». Многодворное поселение («villa») соответствует общине («patria»); в однодворном поселении («curia») проживает, как правило, нобиль («persona»).

---

[106] См.: PUB. Bd. I.1. № 233 (документ от 18 марта 1250 г.).

[107] См.: *Грацианский Н.П.* К толкованию термина «villa» в Салической Правде // Средние века. М.,; Л., 1946. Вып. II. С. 72–81.

[108] *Łowmiański H.* Przyczynki do kwestji najstarszych kształtów wsi litewskiej // Ateneum Wileńskie. 1929. Rocz. VI. Zesz. 3–4. S. 299, 303, 328–329, 330; ср.: *Юргинис М.* Сельская община и феодальная вотчина в Литве в XIII–XIV веках // Тр. АН Лит. ССР. Сер. А. Вильнюс, 1957. № 1. С. 51–67.

Следовательно, нет оснований отрицать, что у пруссов наблюдалась та же территориальная структура, что и у других народов Восточной Прибалтики. Например, в земле эстов группы общин-мааконд объединялись в кихельконды, во главе которых стояли «старейшины» от общин; мааконды имели свои центры — места сбора населения на собрания, в походы и пр. Вполне естественно и появление здесь укреплений, первоначально общинных, а затем (или наряду с ними) — растущей знати. Таков, видимо, и характер центров, перечисленных в Христбургском договоре. Договором предусмотрено, что «жители тех селений («illi de villis»), которые приписаны или будут приписаны к какой-либо церкви», будут в ней собираться. Едва ли иначе обстояло дело и с жителями «мест» и «поселков».

Бросается в глаза, что обязательства представителей Вармии и Натангии значительно скромнее. В этих областях было не меньше относительно крупных центров, чем в Помезании. Как свидетельствует последующая история этих земель, они были еще не полностью подчинены Ордену и менее прочно, чем Помезания. Отсюда небольшие обязательства по договору.

Наконец, примечательно, что пруссы располагали значительными строительными возможностями, взявшись соорудить новые церкви за сравнительно короткий срок. Эти возможности не вызывали сомнений у противной договаривающейся стороны. Более того, предусматривалось, что пруссы выстроят храмы «настолько внушающими почтение и красивыми, что они покажутся более привлекательными» для «совершения служения и принесения жертв в них, чем в лесах»; притом каждую церковь они украсят «украшениями, чашами, книгами и всем другим необходимым, как следует».

Сомнение вызывало другое — готовность пруссов строить, что и отражено в договоре: в случае невыполнения пруссами этого пункта соглашения рыцари могли насильственно взыскать «от каждого из них <u>согласно с принадлежащим каждому состоянию</u>» какую-нибудь «разумную часть» на постройку[109].

Рассмотренная часть договора позволяет полагать, что язычество у пруссов выступает в качестве идеологии феодализирующегося общества. Оно отражает значительную имущественную и социальную дифференциацию этого общества и до поры уживается с нею, с ра-

[109] Не рассматриваем вопроса об экономических правах немецких священников, т. к. он не имеет прямого отношения к истории общественного строя пруссов.

стущим новым базисом, приспосабливаясь (при известных условиях, как свидетельствует история Литвы, на длительное время) к его нуждам. Следовательно, само по себе язычество не может служить существенным критерием для определения уровня общественно-политического развития страны.

<u>Последняя часть договора</u> касается тех экономических и политических обязательств, которые приняли на себя пруссы. Во-первых, определяется (III, ст. 1) порядок доставки пруссами натурального оброка. Так как рыцарям, гласит статья, «очень трудно» объезжать «все поселки («villulas») Пруссии для того, чтобы обмолотить и отвезти своим десятины («suis decimis»)», то пруссы должны сами «привозить ежегодно эту десятину, обмолоченную», в закрома рыцарей. Эта статья, как и некоторые другие, свидетельствующая о широком распространении у пруссов устойчивого земледелия, возникла, видимо, в связи с расширением подвластных Ордену земель и представляла собой вывод из предшествующего опыта хозяйничанья рыцарей в Помезании и других областях. С упрочением власти немецких феодалов над пруссами первоначальный сбор дани сменился натуральной рентой.

Пруссы обязались соблюдать верность Ордену. Они обещали (III, ст. 2), что «по мере сил и добросовестно будут охранять жизнь, члены, честь и права» рыцарей, а именно, «не будут сочувствовать [тому] или допускать, молча или громко, тайно или открыто, чтобы против них была какая-нибудь измена». Прусские представители, т. е. нобили, обещали (III, ст. 3) активно бороться против возможной «измены», т. е. освободительного движения; в частности, если узнают, что «измена» «совершена или будет совершена, они по мере возможности ей помешают или так разумно ее разоблачат», что рыцари смогут уберечься.

По следующей статье (III, ст. 4) прусские нобили обязались не вступать с другими государствами в союзы, направленные против Ордена: «…что они не будут заключать с каким-либо христианином или язычником договора [о] союзе и заговоре». Здесь имелись в виду с одной стороны, Святополк поморский, с другой — правители соседних прусских областей, а возможно, и литовский великий князь.

Наконец, они обязались служить своими вооруженными силами Ордену: «…и что во все походы их [рыцарей] пойдут [с ними], как следует готовые и вооруженные по мере своих возможностей». Обязательство характерное — Орден воевал, используя противоречия

среди отдельных прибалтийских земель, руками самих прибалтийских народов.

Рассмотренная часть договора не оставляет сомнений в том, что личная свобода пруссов была сохранена Христбургским договором не только ценой их отказа от языческой идеологии, но и на условиях оброка, неограниченной военной повинности и церковной десятины. В обстановке непрерывных войн и произвола рыцарей эта свобода находилась под постоянной угрозой.

Договор был скреплен «словом верности» вице-магистра Ордена и клятвой представителей пруссов.

Таково содержание этого интересного документа. Если реально значение его было невелико (т. к. он действовал лишь до 1260 г., когда освободительное восстание пруссов вновь потрясло Орден, и содержащиеся в договоре нормы личной свободы, не исчезнув вовсе, нашли отражение прежде всего в правах прусской и литовской знати, перешедшей на сторону Ордена[110]), то неизмеримо больше его познавательное значение как источника по истории становления феодальных отношений.

* * *

Подведем некоторые итоги.

Христбургский договор — яркий памятник раннефеодального права, ценный источник изучения генезиса феодализма в Прибалтике. Он порожден освободительной борьбой прусского народа за независимость против агрессии немецкого Ордена.

1. Перед нами общество дофеодальное, догосударственное. Оно представляло собой своеобразную конфедерацию областей, три из которых участвовали в заключении договора. Насколько можно судить по данным договора, каждая из областей в свою очередь делилась на группы селений (общин), имевших свои центры.

2. Экономическую основу этого общества составляла еще общинная земельная собственность, но притом давно возникла, окрепла и получила отражение в договоре наследственная (в рамках семьи) собственность на землю-аллод. Недвижимая и движимая собственность стала объектом купли-продажи — товаром. Право на свободное распоряжение недвижимой и движимой собственностью древние пруссы рассматривали как основу своей свободы.

---

[110] *Plümicke R.* Zur ländlichen Verfassung des Samlandes. S. 25–31 и сл.

3. Договор, хотя и не содержит данных относительно политической структуры общества, но позволяет говорить о достаточно развитом правосознании древних пруссов.

4. Договор заключает в себе яркий материал, характеризующий языческую идеологию прусского общества.

5. Установление господства Ордена над частью прусской земли сопровождалось значительными изменениями в ее экономике, политике и культуре. Если взять формально-юридическую сторону вопроса, это выразилось в следующем: 1) замене сбора дани первоначальной формой натурального оброка; 2) введении польского права; 3) расширении прусского наследственного права при одновременном сужении права купли-продажи недвижимой собственности; 4) узурпировании Орденом права мертвой руки; 5) привлечении местной знати в состав рыцарства и на духовные должности; 6) аннулировании языческих верований и обычаев и введении христианства; 7) распространении на пруссов тяжелого бремени неограниченной военной повинности.

Если взглянуть на фактическое положение вещей, то станет ясно, что все права пруссов имели очень шаткую гарантию — «верность» Ордена своим обещаниям. Произвол и разбой Ордена на прусской земле вызвали возмущение прусского народа, его открытое освободительное восстание. Подавление восстания сопровождалось ликвидацией свобод, предусмотренных договором. Пруссы попали под ярмо феодально-колониального угнетения, приведшего к их ассимиляции и вымиранию.

Впервые опубликовано в кн.: Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. 7. С. 357–390.

Приложение

ХРИСТБУРГСКИЙ (КИШПОРКСКИЙ) ДОГОВОР 1249 г.*

Текст

Universis presentes litteras inspecturis, [1-]Jacobus, Leodiensis archidiaconus, domini pape capellanus ac eiusdem in Polonia, Pruscia et Pomerania[-1] vices gerens, in actore salutis salutem.

Noverit universitas vestra, quod cum inter neophitos Pruscie ex parte una et [2-]rel[igiosos] viros magistrum et fratres dom[us] Theuton[icorum] in Pruscia ex altera[-2] graves discordie orte essent super hoc, quod dicti neophiti dicebant, quod, licet a fel[icisj rec[ordationis] Innocentio papa tercio, Honorio et Gregorio, Romanis pontificibus, predecessoribus sanctissimi patris nostri Innocentii pape quarti, qui nunc divina clementia providente preest ecclesie sancte dei, ipsis neophitis esset concessum, ut, cum vocati essent in libertatem filiorum dei, ex aqua et spiritu sancto renati, in libertate sua manentes nulli alii essent quam soli Christo et obedientie ecclesie Romane subjecti, [3-]dicti tamen fratres contra concessionem huiusmodi[-3] venientes ipsos neophitos interim duris servitutibus opprimebant, quod vicini pagani, eorum gravamina audientes, tollere supra se suave iugum domini formidabant.

Et cum super hoc fuisset coram predicto sanctissimo patre nostro per procuratores partium predictarum diutius altercatum, et per ea, que pro

---

* Для настоящего издания текст и перевод сверены и коренным образом исправлены А.В. Назаренко. Исправления отдельных опечаток или добавление раскрытия сокращений в квадратных скобках в латинском оригинале особо не оговариваются. А.В. Назаренко принадлежат также примечания к переводу, добавленные от редакции. — *Ред.*

[1 1] *По варианту Б:* fratres H. vicemagister, H. marschalcus, totus conventus in Balga ceterique fratres ordinis dom[us] b[eate] Marie Theuton[icorum] in Prussia.

[2 2] *По варианту Б:* et nos ex altera.

[3 3] *По варианту Б:* nos tamen ut dicebant, contra concessionem.

utralibet partium fuere proposita coram ipso, plene scire non potuerit veritatem, ipse huiusmodi dissensionis extinguere fomitem et discordes ipsos optans ad concordie reducere unitatem: nos ad partes illas transmisit, dans nobis litteris apostolicis in mandatis, ut, partibus ad nostram presentiam convocatis, sollicite tractaremus de facienda concordia inter ipsos. Nos igitur ad partes Pruscie de mandato apostolico pro solo bono obedientie pape huc specialiter accedentes, partibus ad nostram presentiam convocatis, de dicta concordia tractavimus diligenter, et easdem partes, domino faciente, ad concordie unitatem reduximus sub hac forma.

[I.] In primis siquidem dicti fratres, ardenti desiderio affectantes, ut negotium fidei christiane libere in partibus illis currat et nomen domini Jhesu Christi in gentibus dilatetur, cum hoc precipue querant in illis partibus, sicut dicunt, neophitis supradictis iam ad fidem Christi conversis et baptizatis, necnon et paganis omnibus in eisdem et circumadiacentibus partibus convertendis et baptizandis, in nostra et ven[erabilis] patris H., Culmensis episcopi, ad hoc a nobis specialiter evocati, presentia, presentibus eciam pluribus aliis bonis viris, talem libertatem liberaliter concesserunt:

[1.] ut videlicet licitum sit eisdem neophitis emere res quascumque, a quibuscunque voluerint aliisque iustis modis acquirere, prout voluerint et valuerint sibique viderint expedire;

[2.] et quod, quicquid emerint vel acquisierint, sibi ipsis acquirant et heredibus suis legitimis; ita videlicet quod, quando aliquis ex eis recesserit ab hac vita, habens filium vel filiam, que numquam fuerit maritata, vel utrumque, isti succedant eidem; et si filium vel filiam non habuerit, et habeat adhuc patrem vel matrem, succedant isti suo filio morienti; si vero nec filium vel filiam, nec patrem vel matrem habuerit, et adhuc filius sui filii sit superstes, succedat avo suo; porro si nullum habuerit superstitem de predictis et habuerit fratrem, succedat ei idem frater; et si ipse frater morte preventus reliquerit filium, idem filius fratris succedat patruo morienti.

Que predicti neophiti gratanter acceptaverunt, cum in paganismo non habuissent, ut dicebant, nisi solos filios successores.

[3.] Et concesserunt idem neophiti coram nobis et aliis antedictis libera voluntate, ut, si quis ex eis vel successoribus suis obierit et nullum superstitem reliquerit de omnibus heredibus antedictis, omnia bona ipsorum immobilia ad ... magistrum et fratres predictos et domum eorum et alios dominos, sub quibus idem neophiti manserint, libere devolvantur, et eciam mobilia, nisi ipsi neophiti in vita vel in morte de illis aliud duxerint ordinandum.

[4.] Concesserunt eciam predicti fratres neophitis antedictis, ut libere possint expendere, dare, erogare, vendere et alia, quecumque voluerint, facere tam in vita quam in morte de mobilibus bonis suis;

[5.] et insuper quod licitum sit eisdem, pro necessitate sua vel pro sua eciam utilitate, immobilia bona sua vendere paribus suis, vel Theutonicis sive Prutenis vel Pomeranis, dum tamen prius prefatis ... magistro et fratribus sufficientem faciant cautionem ad valorem rei vendende, quod, postquam eam vendiderint, ad paganos non fugient vel ad hostes, quos manifeste ipsorum fratrum constiterit esse hostes.

[6.] Concesserunt preterea prefati fratres neophitis supradictis, ut licitum sit eis condere testamentum de bonis suis mobilibus et eciam de immobilibus, ita tamen quod, si aliquis aliqua immobilia in testamento suo legaverit alicui ecclesie vel persone ecclesiastice, eadem ecclesia vel persona illa immobilia infra annum vendere teneatur heredibus defuncti vel aliis supradictis, et habeant sibi ille ecclesie vel presone pecuniam, quam ex vendicione receperint pro eisdem; alioquin elapso anno illa immobilia sic legata et per negligentiam non vendita infra annum ad dictos ... magistrum et fratres libere devolvantur. Cum enim iidem ... magister et fratres unam faciant ecclesiam et conventum, et totam terram, quam habent in Pruscia, a Romana ecclesia teneant, credunt, ut dicunt, quod licitum non sit eis, ut terram eandem in dominium alterius ecclesie vel persone ecclesiastice transferant absque summi pontificis consensu et licentia speciali.

Que omnia dicti neophiti gratanter receperunt et consenserunt coram nobis et aliis supradictis, quod in predictis omnibus vendicionibus faciendis, si prefati ... magister et fratres de quacumque re vendenda tantum voluerint dare, quantum alius, ipsi fratres omnibus aliis preferantur; et iidem fratres fideliter promiserunt, quod ipsi non impedient vel procurabunt publice vel occulte, ut ab alio de re illa minus, quam valeat, offeratur.

[7.] Item concesserunt fratres predicti neophitis supradictis, ut liceat eis libere contrahere matrimonium cum quibuscunque personis legitimis ad legitimum matrimonium contrahendum;

[8.] et ut possint esse procuratores in omnibus causis et adversus quoscunque agere et iura sua repetere;

[9.] et ut tamquam persone legitime ad omnes actus legitimos admittantur coram iudicibus quibuscunque tam in foro ecclesiastico, quam eciam seculari;

[10.] et ut ipsi et filii eorum legitimi possint esse clerici et religionem intrare;

[11.] et quod illi ex ipsis neophitis, qui sunt vel erunt ex nobili prosapia procreati, accingi possint cingulo militari;

[12.] et ut omnia breviter comprehenderent iidem fratres, sepedictis neophitis concesserunt libertatem omnimodam personalem, quamdiu fidem catholicam observabunt et in subiectione et obediencia Romane ecclesie permanebunt et contra ipsos magistrum et fratres et domum ipsorum fideliter se habebunt. Et concesserunt iidem neophiti, ut, quecunque patria vel persona de cetero apostataverit, predictam perdat penitus libertatem.

[13.] Postea dicti neophiti requisiti a nobis, quam legem mundanam vellent eligere, vel que vellent secularia iudicia observare, habito inter se consilio, pecierunt et elegerunt legem mundanam et secularia iudicia Polonorum vicinorum suorum. Et predicti fratres eis concesserunt benigne; et ad peticionem ipsorum ferri candentis iudicium, et ad mandatum nostrum omnia alia, si que sint in eadem lege contra deum vel Romanam ecclesiam sive contra libertatem ecclesiasticam, ab eadem lege penitus removerunt et concesserunt penitus non servari.

[14.] Et promiserunt iidem fratres coram nobis et aliis antedictis, quod bona dictorum neophitorum indebite non accipient, nec eis auferent, nisi secundum racionabilia iudicia dicte legis.

[II.] Porro neophiti sepedicti, specialiter autem illi de Pomezania, Warmia at Natania, a nobis instructi, quod pares sunt omnes homines, dum non peccant, et quod solum peccatum miseros facit homines et subiectos, et etiam quod quilibet, quantumcunque sit liber, si facit peccatum, servum constituit se peccati, nolentes supradictam perdere libertatem nec se de cetero subicere homini pro peccato, coram nobis et aliis supradictis deo et Romane ecclesie ac fratribus sepedictis voluntate spontanea firmiter et fideliter promiserunt:

[1.] quod ipsi vel heredes eorum in mortuis comburendis vel subterrandis cum equis sive hominibus vel cum armis seu vestibus vel quibuscunque aliis preciosis, vel eciam in aliis quibuscunque ritus gentilium de cetero non servabunt, sed mortuos suos iuxta morem christianorum in cymiteriis sepelient et non extra.

[2.] Ydolo, quod semel in anno, collectis frugibus, consueverunt confingere et pro deo colere, cui nomen Curche imposuerunt, vel aliis diis, qui non fecerunt celum et terram, quibuscunque nominibus appellentur, de cetero non libabunt; sed in fide domini Jhesu Christi et ecclesie catholice ac obedientia et subiectione Romane ecclesie firmi et stabiles permanebunt.

[3.] Promiserunt eciam, quod inter se non habebunt de cetero Tulissones vel Ligaschones, homines videlicet mendacissimos histriones, qui quasi

gentilium sacerdotes in exequiis defunctorum ve tormentorum infernalium promerentur, dicentes malum bonum et laudantes mortuos de suis furtis et spoliis, immundiciis et rapinis ac aliis viciis et peccatis, que, dum viverent, perpetrarunt: ac erectis in celum luminibus exclamantes, mendaciter asserunt se videre presentem defunctum per medium celi volantem in equo, armis fulgentibus decoratum, nisum in manu ferentem et cum comitatu magno in aliud seculum procedentem; talibus et consimilibus mendaciis populum seducentes et ad ritus gentilium revocantes. Hos, inquam, promiserunt se nunquam de cetero habituros.

[4.] Item promiserunt, quod duas uxores similiter vel plures de cetero non habebunt; sed una sola contenti cum ipsa contrahet unusquisque sub testimonio competenti et matrimonium illud in ecclesia statutis temporibus cum sollempnitate debita publicabit.

[5.] Promiserunt eciam, quod nullus eorum de cetero filiam suam vendet alicui matrimonio copulandam, et quod nullus uxorem filio suo emet vel sibi; nam ex hoc talis inter ipsos consuetudo, sicut intelleximus, inolevit, qualis nec inter gentes …, ut videlicet uxorem patris sui aliquis habeat. Cum enim aliquam uxorem de pecunia communi sibi et filio emerat sibi pater, hactenus servaverunt, ut, mortuo patre, uxor eius devolveretur ad filium, sicut alia hereditas de bonis communibus comparata. Et ne aliquis hac de causa novercam suam possit sibi vendicare ulterius in uxorem, uxores nec vendere nec emere promiserunt.

Si tamen a sponso patri vel matri sponse, vel e converso, vestes vel alia clenodia data fuerint vel promissa, vel si dos viro vel donacio propter nuptias uxori data fuerint vel promissa, secundum quod iura permittunt, hec nullatenus prohibemus.

Unde promiserunt dicti neophiti, quod nullus ex eis quacunque de causa novercam suam ducet de cetero in uxorem, vel uxorem fratris sui, vel eciam aliam sibi in primo, secundo, tercio vel quarto consanguinitatis vel affinitatis gradu attinentem, absque summi pontificis dispensatione et licencia speciali; et quod nullum utriusque sexus heredem legitimum reputabunt vel ad supradictam successionem hereditatis admittent, nisi solos illos, qui de legitimo matrimonio secundum statuta Romane ecclesie fuerint procreati,

[6] et quod nullus filium suum vel filiam quacunque de causa per se vel per alium abiciet de cetero vel occidat, publice vel occulte, vel ab alio talia quoquomodo fieri consentiet vel permittet.

[7.] Promiserunt eciam, quod, quamcito puer alicuius natus fuerit vel ad minus infra octo dies, si tam diu potest absque mortis periculo reservari, ipsum baptizandum facient ad ecclesiam deportari et a presbitero baptizari; et mor-

tis periculo imminente, ab aliquo christiano, baptizandi intentionem habente, quamcitius poterunt facient baptizari, immergendo puerum ter in aqua et dicendo: puer, ego baptizo te in nomine patris et filii et spiritus sancti.

[8.] Et quia longo tempore presbiteris et ecclesiis caruerunt et idcirco multi non baptizati ad inferos descenderunt, et multi adhuc inter eos remanent baptizandi, tam pueri quam adulti, promiserunt firmiter et expresse, quod omnes nondum baptizatos infra mensem facient in forma ecclesie baptizari; alioquin consenserunt, ut bona parentum, qui natos suos infra dictum tempus ex contemptu non fecerint baptizari, et eciam bona illorum, qui adulti pertinaciter baptismum recipere noluerint requisiti, publicentur, ipsique extra christianorum fines nudi in tunica expellantur, ne boni aliorum mores ex eorum pravis colloquiis corrumpantur.

[9.] Promiserunt etiam illi de Pomezania, quod infra proximum Pentecosten ecclesias edificabunt in locis inferius nominatis. Primam videlicet in villa, que vocatur Pozoloue, que alio nomine vocatur Rutiz. Secundam in villa, que vocatur Pastelina. Terciam in loco, qui vocatur Lingues. Quartam in loco, qui dicitur Lyopiez. Quintam in Chomor Sancti Adalberti. Sextam in Bobus. Septimam et octavam in Geria. Nonam in Prozile. Decimam in Resia. Undecimam circa antiquum Christiborc. Duodecimam in Raydez. Terciamdecimam in novo Christiborc.

Illi autem de Warmia promiserunt, quod infra terminum antedictum edificabunt ecclesias in locis inferius annotatis. Primam videlicet in villa, in qua sedet Jedun, vel prope locum illum. Secundam in Surimes. Terciam in Bandadis. Quartam in Slinia. Quintam in Wuntenowe. Sextam in Brusebergue.

Illi vero de Natania promiserunt, quod infra eundem terminum edificabunt ecclesias, unam in Labegow. Aliam in vicinia Tummonis. Terciam in Sutwiert.

Et quamlibet istarum ecclesiarum tenebuntur edificare et ornare ornamentis, calicibus et libris et aliis necessariis, prout decet, illi de villis, que sunt vel erunt ad quamlibet ecclesiam assignate, ut ad illam convenient, et in ea vel ex ea ecclesiastica suscipiant sacramenta. Et promiserunt omnes predicti, quod dictas ecclesias edificabunt adeo honorabiles et decoras, quod plus videbuntur delectari in oracionibus ac oblacionibus factis in ecclesiis quam in silvis.

Si autem predictas ecclesias non edificaverint infra terminum supradictum, consenserunt, ut prefati ... magister et fratres accipiant vel accipi faciant, eciam si opus fuerit violenter, ab unoquoque ipsorum secundum proprias facultates aliquam racionabilem portionem, et ex hiis edificare faciant ecclesias antedictas. Et promiserunt predicti fratres, quod, dictis

ecclesiis edificatis, ipsi bona fide easdem presbiteris conferent infra annum eisque infradicta beneficia assignabunt. Et ipsi neophiti promiserunt, quod, edificatis dictis ecclesiis, ipsi singulis diebus dominicis et festivis ad minus suas parrochiales ecclesias frequentabunt.

Preterea prefati fratres cupientes, ut dicunt, ut in dictis ecclesiis perpetuis temporibus deo digne et laudabiliter serviatur, singulas ecclesias supradictas sic in nostra presencia dotaverunt ad presens, quod videlicet ad sustentacionem presbiteri uniuscuiuscunque ecclesie de predictis promiserunt et concesserunt octo mansos terre, quatuor videlicet in campis et quatuor in silvis, et decimam viginti unchorum, duos boves, unum equum et unam vaccam; et si decima presbiteri, quando advenerit, parata non fuerit, dabunt ei eciam bladum ad faciendum panem et cerevisiam pro se tercio et pro equo predicto et eciam pro seminandis agris sibi assignatis, quo usque tempus advenerit percipiendi decimam sibi assignatam, et insuper oblaciones et legata et alia, que ei collata fuerint intuitu pietatis. Promiserunt insuper dicti fratres, quod, quando ad maiorem pacem et meliorem fortunam venerint, in duabus partibus terre, postquam eis fuerint assignate, ecclesias et numero et beneficiis ampliabunt.

[10.] Preterea promiserunt neophiti sepedicti, quod omnes utriusque sexus, tam iuvenes quam adulti, in Quadragesima a carnibus et lacticiniis abstinebunt, et in sexta feria a carnibus similiter abstinebunt, et prout poterunt, ieiunabunt, et dies dominicos et festivos ab omni servili opere observabunt; et confessiones suas ad minus semel in anno facient proprio sacerdoti, et in Pascha recipient sacratissimum corpus Christi, et alia facient et cavebunt, que debent boni cavere et facere christiani, prout a prelatis suis et aliis bonis viris catholicis fuerint eruditi.

[III.] [1] Ceterum, ne neophiti sepedicti viderentur ingrati libertatis et gratie supradictis[4], que semper optaverant, ut dicebant, concesserunt coram nobis et aliis supradictis et firmiter promiserunt, quod, quia difficile nimis esset magistro et fratribus antedictis omnes villulas Pruscie circuire pro suis decimis triturandis et adducendis, ipsi neophiti

[III.] [1] Ceterum, ne neophiti sepedicti ingrati libertatis et gracie supradictis[4], que semper optaverant, viderentur, concesserunt coram predictis et firmiter promiserunt, quod quia nobis difficile nimis esset, omnes villulas Prussie circuire pro nostris decimis triturandis et adducendis, ipsi neophiti et successores eorum decimam in horrea

[4] Так в рук., надо: *supradicte* или *supradictarum*. — *Ред.*

et successores eorum decimam in horrea dictorum fratrum annuatim inferent trituratam.

[2] Et insuper promiserunt, quod predictorum magistri et fratrum omnium et singulorum vitam, membra, honorem et iura pro posse et bona fide servabunt nec consencient vel permittent, tacite vel expresse, publice vel occulte, quod aliqua fiat prodicio contra ipsos;

[3] et quod, si ipsam noverint esse factam vel faciendam, eam pro posse inpedient, vel ita prudenter revelabunt, quod ipsi magister et fratres sibi poterunt precavere;

[4.] et quod cum aliquo christiano vel pagano federa indebita sive colligationes vel conspirationes contra eosdem magistrum et fratres de cetero non facient vel habebunt;

[5.] et quod ad omnes expediciones ipsorum ibunt decenter parati et armati iuxta proprias facultates.

Et dicti fratres coram nobis et aliis supradictis firmiter promiserunt, quod, si qui ex dictis neophitis in expedicionibus ipsorum fratrum a paganis vel hostibus fuerint captivati, ipsi fratres sine suo dando ad liberationem illorum fideliter laborabunt.

nostra trituratam per se vel alios inferent annuatim.

[2] Et insuper promiserunt, quod omnium et singulorum nostrorum vitam et membra, honorem et iura pro posse et bona fide servabunt, nec consentient vel permittent, tacite vel expresse, quod aliqua prodicio fiat circa nos;

[3] et si ipsam noverint esse factam vel faciendam, eam pro posse impedient vel ita prudenter revelabunt, quod nos nobis poterimus precavere;

[4.] et quod cum aliquo christiano vel pagano federa indebita sive colligaciones et conspiraciones circa nos de cetero non facient vel habebunt;

[5.] et quod ad omnes expediciones nostras decenter parati et armati ibunt secundum proprias facultates.

Et nos eis promittimus, quod, si qui ex eis in nostris expedicionibus fuerint a paganis vel hostibus captivati, nos sine nostro dando ad liberacionem ipsorum laborabimus bona fide.

Et ut predicta omnia firmiter et inviolabiliter in perpetuum observentur, frater H., vicemagister dicte domus in Pruscia, pro se et universis fratribus dicte domus fidem dedit. Et predicti neophiti coram nobis corporaliter iuraverunt, quod omnia et singula supradicta, sicut promissa sunt et concessa, inviolabiliter in perpetuum observabunt. Et hec omnia facta sunt de consensu partium et concessa, salvis in omnibus apost[olice] sedis auctoritate et obedientia, dominio et iure; et salvo iure prelatorum patrie presenci-

um et futurorum; et salva omni ecclesiastica libertate; et salvis in omnibus privilegiis et libertatibus dictorum magistri et fratrum. Denique in signum, quod prefati discordes reducti sunt ad vere pacis et concordie unitatem, omnes offensas preteritas, perpetratas hinc inde, prefati magister et fratres dictis neophitis de Pomezania penitus remiserunt, et illi eis similiter versa vice. Et se ad invicem coram nobis ad pacis osculum receperunt.

In quorum omnium memoriam et testimonium presentes litteras sigillo nostro et sigillo ... episcopi supradicti, qui nobiscum in predictis omnibus presens fuit, et quia vir religiosus frater Th., magister dicte domus in Pruscia, presens non erat, sigillis prefati H. vicemagistri et conventus in Balga et H., marschalci dicte domus in Pruscia, fecimus roborari. Actum anno dom[ini] MCCXL nono. Septimo Idus Februarii.

In quorum omnium memoriam et testimonium, quia vir rel[igiosus] fr[ater] Theodericus, magister noster, presens non erat in Pruscia, presentes litteras sigillis nostris et sigillo ... episcopi et archidiaconi predictorum ad petitionem predictorum neophitorum fecimus roborari. Actum in Christiborc anno dom[ini] MCCXLVIIII, septimo idus Februarii.

Перевод

Всем, кто будет читать эту грамоту, [1-]Яков, архидиакон из Люттиха, капеллан господина папы и его викарий в Польше, Пруссии и Померании, [желает] спасения[-1] во Творце спасения.

Да будет всем вам известно, что между новообращенными Пруссии, с одной стороны, и [2-]благоч[естивыми] мужами магистром и братьями Тевтон[ского] дом[а] в Пруссии — с другой[-2], возникли жестокие разногласия относительно того, что названные новообращенные говорили, что, хотя блаж[енной] пам[яти] папой Иннокентием Третьим, римскими первосвященниками Гонорием (III. — *Ред.*) и Григорием (IX. — *Ред.*), предшественниками святейшего отца нашего папы Иннокентия Четвертого, который ныне по промыслительному милосердию Божию правит святой церковью Господней, этим новообра-

[1-1] *По варианту Б:* братья Г., вице-магистр, Г., маршалк, все собрание в Балге и остальные братья ордена Тевтон[ского] дом[а] в Пруссии [желаем] спасения.

[2-2] *По варианту Б:* нами с другой стороны.

щенным было дозволено, чтобы они, как призванные в свободу сынов Божиих, принявшие новое рождение в воде и Святом Духе, пребывали в своей свободе, не будучи подвластны никому, кроме одного Христа и долга римской церкви, [3]названные братья [Ордена] в нарушение такого дозволения[3], придя, тем временем обременили этих новообращенных тяжкими повинностями, так что соседние язычники, слыша об их тяготах, убоялись возложить на себя сладкое иго Господне.

И так как об этом пред лицом названного святейшего отца нашего долго велись препирательства между представителями названных сторон и из того, что каждой из сторон было пред лицом его предъявлено, он не смог вполне узнать истины, он, желая затушить фитиль этого раздора и оных несогласных привести к единству согласия, отправил нас в те края, дав нам апостольским посланием поручение, дабы мы, призвав к себе стороны, со тщанием переговорили об устроении согласия между ними. И вот мы, единственно ради повиновения папе, специально прибыв по апостольскому поручению в Прусские края, призвав к себе стороны, старательно переговорили о названном согласии и с Божией помощью привели оные стороны к единству согласия на таких условиях.

[I.] Прежде всего, названные братья, испытывая горячее желание, чтобы дело христианской веры свободно ширилось в тех краях и имя Господа Иисуса Христа распространялось среди язычников, ибо этого, как они говорят, они собственно в тех краях и ищут, в присутствии нашем и досточ[тимого] отца Г., епископа кульмского, специально для того нами призванного, в присутствии также многих других добрых мужей, щедро предоставили вышеназванным новообращенным, уже приобщенным к вере Христовой и крещеным, равно как и всем язычникам в тех и окрестных краях, подлежащим обращению и крещению, такие свободы:

[1.] чтобы, именно, было разрешено оным новообращенным покупать у кого угодно какие угодно вещи и приобретать другими законными способами, сколько захотят и смогут и сочтут для себя полезным;

[2.] и чтобы все, что бы они ни купили или приобрели, приобретали для самих себя и своих законных наследников; то есть чтобы, если кто из них уйдет из этой жизни, имея сына или дочь, которая не была замужем, или обоих вместе, они наследовали ему; а если у него не будет

[3-3] *По варианту Б:* мы, как они говорили, в нарушение дозволения.

сына или дочери, а еще будет отец или мать, чтобы они наследовали своему умершему сыну; если же у него не будет ни сына, ни дочери, ни отца, ни матери, а останется сын его сына, чтобы он наследовал своему деду; далее, если не останется никого из названных, а будет брат, чтобы ему наследовал этот брат; и если сам брат, предвосхищенный смертью, оставил сына, чтобы этот сын наследовал умершему дяде.

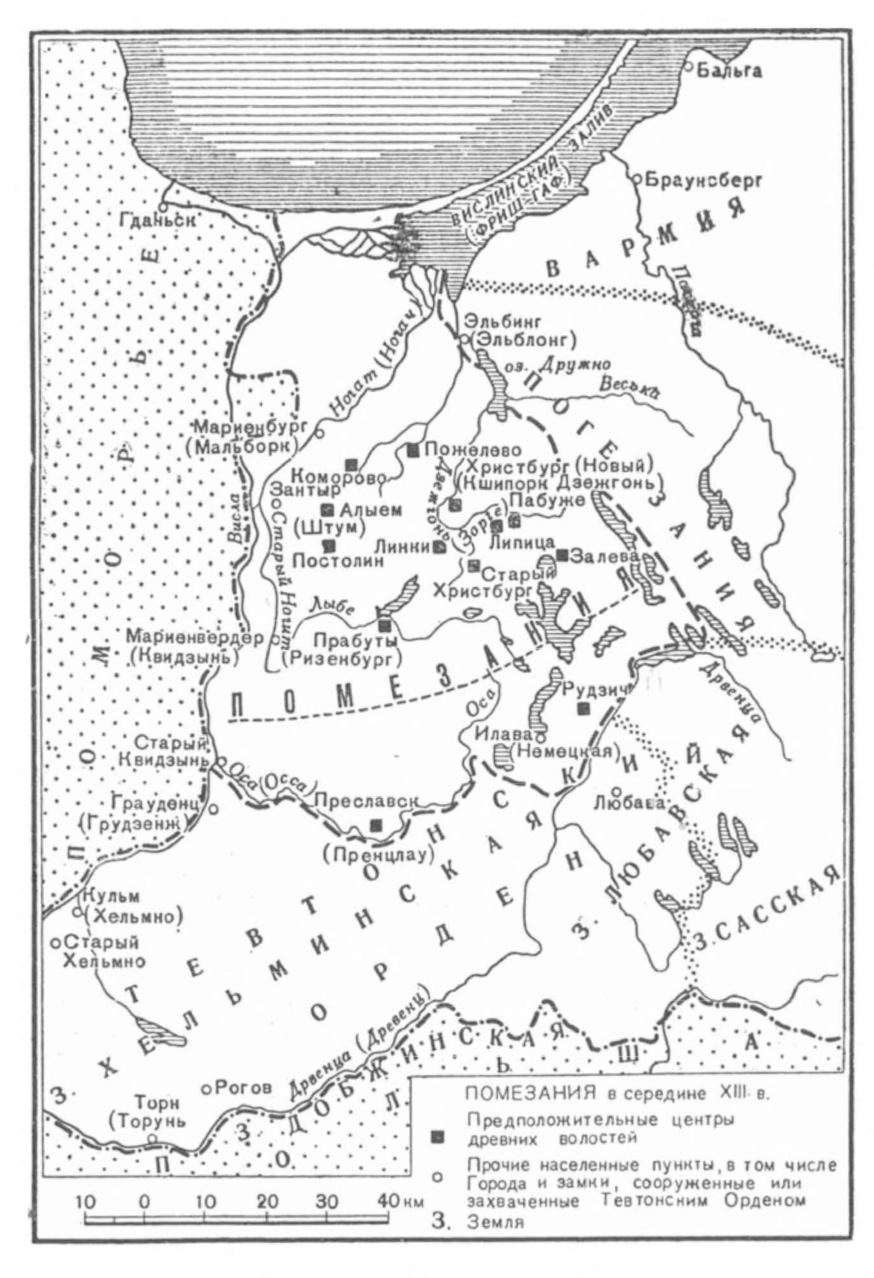
Вышеназванные новообращенные приняли это с благодарностью, так как в язычестве, по их словам, они не имели других наследников, кроме сыновей.

[3.] И оные новообращенные в присутствии нашем и других вышеназванных по доброй воле согласились, что если кто из них и их вышеназванных наследников умрет и никого не останется из всех вышеназванных наследников, то все их недвижимое имущество беспрепятственно перейдет к ... магистру и названным братьям и к их дому и к другим господам, под властью которых были оные новообращенные, а также и движимое, если только сами новообращенные при жизни или при смерти не посчитают нужным сделать относительно него какое-либо иное распоряжение.

[4.] Вышеназванные братья разрешили вышеназванным новообращенным, чтобы они могли свободно тратить, дарить, раздавать, продавать и делать со своим движимым имуществом прочее, что бы ни захотели, как при жизни, так и при смерти;

[5.] а сверх того, чтобы им было разрешено по своей нужде или также ради своей выгоды продавать свое недвижимое имущество своим соплеменникам или тевтонам, или пруссам, или поморянам, но не раньше, чем они представят достаточное ручательство вышеназванным ... магистру и братьям соответственно стоимости подлежащей продаже вещи, чтобы после ее продажи они не убежали к язычникам или к врагам, про которых будет твердо известно, что они враги братьев.

[6.] Кроме того, вышеназванные братья разрешили вышеупомянутым новообращенным, чтобы те имели право составлять завещания о своем имуществе движимом и также недвижимом, но так, что если кто передаст по завещанию какую-либо недвижимость какой-либо церкви или духовному лицу, эта церковь или то лицо обязаны продать эту недвижимость в течение года наследникам умершего или другим вышеназванным и пусть эти церкви или лица берут себе деньги, которые они получили от продажи за то [имущество]; если же нет, с истечением года эта недвижимость, так завещанная и по небрежению

Карту составил И. А. Голубцов.

не проданная в течение года, беспрепятственно переходит к названным … магистру и братьям. Ведь так как оные … магистр и братья составляют одну церковь и одну общину и всю землю, которая у них есть в Пруссии, они держат от римской церкви, они полагают, по их словам, что им нельзя передавать эту землю во владение другой церкви или духовного лица без согласия первосвященника и особого разрешения.

Все это вышеназванные новообращенные с радостью приняли и согласились в присутствии нашем и других вышеназванных лиц, что при всех вышеназванных продажах, если вышеупомянутые … магистр и братья за всякую продаваемую вещь будут давать столько же, сколько прочие, то они предпочтут братьев всем прочим; а оные братья клятвенно обещали, что не будут препятствовать или публично или тайно способствовать тому, чтобы за ту вещь другими давалось меньше, чем она стоит.

[7.] Далее, вышеназванные братья разрешили вышеназванным новообращенным, чтобы тем было позволено свободно заключать браки с какими угодно лицами, имеющими право на заключение законного брака;

[8.] и чтобы они могли быть судебными поверенными в любых делах и выступать против кого угодно и отстаивать свои права;

[9.] и чтобы как правоспособные лица они допускались ко всем законным действиям перед какими угодно судьями как в церковном суде, так и в мирском;

[10.] и чтобы они сами и их законные сыновья могли быть клириками и вступать в орден;

[11.] и чтобы ныне и впредь те из оных новообращенных, которые происходят из знатного рода, могли быть опоясаны рыцарским поясом;

[12.] и чтобы все суммировать вкратце, оные братья признали за упомянутыми новообращенными всяческую личную свободу до тех пор, пока те будут блюсти католическую веру и оставаться в подчинении и повиновении римской церкви и соблюдать верность в отношении оных магистра и братьев и их дома. А оные новообращенные согласились, что, если какие-либо область или лицо впредь окажутся отступниками, они совершенно теряют вышеназванную свободу.

[13.] После этого названные новообращенные, будучи спрошены нами, какой мирской закон они хотят выбрать или приговорам какого светского суда хотят следовать, посоветовавшись между собой, просили и выбрали мирской закон и светский суд соседних с ними по-

ляков. И вышеназванные братья благосклонно согласились с ними; и по их просьбе судебное испытание каленым железом, а по нашему поручение все прочее, если что есть в этом законе против Бога или римской церкви или против свободы церкви, из этого закона полностью удалили и полностью согласились [этого] не соблюдать.

[14.] И оные братья в присутствии нашем и других ранее названных обещали, что не будут незаконно получать имущество названных новообращенных, ни отнимать у них, кроме как по разумным приговорам [на основании] названного закона.

[II.] Далее, неоднократно упомянутые новообращенные, главным образом из Помезании, Вармии и Натан[г]ии, выслушав от нас поучение, что все люди равны, пока они не согрешают, и что единственно грех делает людей несчастными и подчиненными, и что любой, как бы он ни был свободен, если совершает грех, становится рабом греха, не желая потерять вышеназванную свободу и в дальнейшем за грех подчинить себя человеку, в присутствии нашем и других вышеназванных по свободной воле твердо и клятвенно обещали Богу и римской церкви и неоднократно упомянутым братьям:

[1.] что они или их наследники не будут впредь держаться [обрядов] сжигания мертвых или погребения вместе с конями, или людьми, или оружием и платьем, или какими-либо другими дорогими вещами, или по каким-либо другим языческим обрядам, но будут хоронить своих мертвых по христианскому обычаю на кладбищах, а не вне их.

[2.] Идолу, которого они имели обыкновение делать один раз в году по сборе урожая и почитать за бога, имя которому дали Курхе, и другим богам, которые не создали неба и земли, какими бы именами они ни назывались, впредь приносить жертв не будут, но будут твердо и неизменно пребывать в вере Господа Иисуса Христа и католической церкви, а также послушании и повиновении римской церкви.

[3.] Они также пообещали, что впредь не будут держать у себя тулиссонов или лигашонов, то есть людей лживейших, лицедеев, которые, [будучи] у язычников как бы священниками на похоронах умерших, заслуживают, увы, адских мучений за то, что зло называют добром и восхваляют мертвых за их воровство и грабежи, за нечистоту и хищения и прочие пороки и грехи, совершенные ими при жизни; поднимая к небу факелы[4], восклицают, лживо уверяя, будто видят предлежащего мертвеца летящим по небу на коне, в блеске оружия, с

---

[4] Возможен также перевод: «возводя взоры к небу». — *Ред.*

ястребом на руке, с большой свитой направляющимся в другой мир, такими и подобными выдумками совращая народ и призывая обратно к обычаям язычников. Их, повторяю, они обещали впредь никогда не держать.

[4.] Далее, они обещали, что равным образом не будут впредь иметь двух жен или более, но, довольствуясь только одной, каждый будет сочетаться с нею при достойных свидетелях и об этом браке объявит в церкви в установленное время с должной торжественностью перед народом.

[5.] Они также обещали, что никто из них впредь не будет продавать свою дочь кому-либо, [желающему] сочетаться с ней браком, и что никто не будет покупать жену ни своему сыну, ни себе; ибо из-за этого привился между ними, насколько мы знаем, такой обычай, какого [нет] даже у язычников, что берут [в жены] жену своего отца. Ведь коль скоро отец покупал себе жену на общие деньги, свои и свого сына, то до сих пор они держались [обычая], что после смерти отца его жена переходила к сыну, как и прочее наследство, приобретенное на общие средства. И вот, чтобы никто по этой причине не претендовал больше на свою мачеху как на жену, они обещали жен ни продавать, ни покупать.

Однако если, жених подарит или пообещает отцу или матери невесты, или наоборот, платья или другие подарки или если мужу будет дано или обещано приданое, а жене — свадебный дар, как дозволено законом, того мы ни в какой мере не воспрещаем.

Вследствие этого названные новообращенные дали обещание, что никто из них ни по какой причине впредь не возьмет в жены свою мачеху, или жену брата, или другую [женщину], находящуюся с ним в первой, или второй, или третьей, или четвертой степени кровного родства или свойства, без разрешения первосвященника и особого дозволения; и что они не будут признавать в качестве законных наследников обоего пола и не допустят до участия в вышеназванном наследовании никого, кроме единственно тех, которые будут рождены от законного брака, согласно установлениям римской церкви;

[6.] и что никто из них ни по какой причине впредь ни сам, ни через другого, ни открыто, ни тайно не прогонит и не убьет своего сына или дочь, и не согласится и не позволит, чтобы подобное каким-либо образом делалось другими.

[7.] Они также обещали, что как только у кого родится ребенок или самое большее в течение восьми дней, если он способен выдер-

жать столько, не подвергаясь опасности смерти, они примут меры к доставке его для крещения в церковь и к крещению священником; и если [ему] угрожает опасность смерти, то сделают так, что он будет возможно скорее крещен каким-либо христианином, согласным крестить, трижды окунув ребенка в воду со словами: дитя, я крещаю тебя во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

[8.] И так как в течение долгого времени они были лишены священников и церквей и потому многие ушли к праотцам некрещеными, и многие среди них до сих пор остаются в ожидании крещения, как дети, так и взрослые, они твердо и решительно обещали, что всех еще не крещенных в течение месяца они заставят креститься по церковному чину; в противном же случае они согласились, что они, произведя розыск, конфискуют имущество родителей, которые в течение названного времени по небрежению не дадут крестить своих детей, а также имущество тех, которые, будучи взрослыми, упорно не желают принять крещение, а их самих изгонят из христианских пределов нагими, в [одной] рубашке, чтобы добрые нравы других не развращались от их гнусных речей.

[9.] Кто из Помезании, обещали также, что до ближайшего Троицына дня выстроят церкви в нижепоименованных местах. Именно, первую — в селении под названием Позолове, которое иначе называется Рутиц. Вторую — в селении под названием Пастелина. Третью — в месте под названием Лингвес. Четвертую — в месте под названием Лиопиц. Пятую — в Коморе святого Адальберта. Шестую — в Бобусе. Седьмую и восьмую — в Герии. Девятую — в Проциле. Десятую — в Резии. Одиннадцатую — близ старого Христбурга. Двенадцатую — в Райдеце. Тринадцатую — в новом Христбурге.

А кто из Вармии, обещали, что в вышеназванный срок выстроят церкви в ниженазванных местах. Именно, первую — в селении, где находится Йедун или около того места. Вторую — в Суримесе. Третью — в Бандадисе. Четвертую — в Слинии. Пятую — в Вунтенове. Шестую — в Брузебергве.

А кто из Натан[г]ии, обещали, что в тот же срок выстроят церкви: одну — в Лабегове, другую — в окрестностях Туммониса, третью — в Зутвиерте.

И каждую из этих церквей они обязуются построить и украсить украшениями, чашами, и книгами, и прочим необходимым, как подобает, дабы те [жители] селений, которые приписаны или будут приписаны к какой-либо церкви, собирались к ней и принимали в ней

или из нее церковные таинства. И все вышеназванные обещали, что выстроят указанные церкви настолько внушительными и красивыми, что молитвам и жертвам в церквях они будут радоваться больше, чем в лесах.

Если же они не построят названных церквей в вышепоименованный срок, то согласились, чтобы вышеназванные … магистр и братья взяли или поручили взять, пусть даже и насильственно, от каждого из них согласно его состоянию какую-нибудь разумную часть, и на эти [средства] построили вышеназванные церкви. А вышеназванные братья обещали, что после постройки названных церквей они добросовестно в течение года передадут их священникам и предоставят им нижеупомянутые бенефиции. А сами новообращенные обещали, что после постройки названных церквей они по крайней мере каждый воскресный день и в праздники будут посещать свою приходскую церковь.

Кроме того, вышеназванные братья, желая, по их словам, чтобы в названных церквях во все времена служилось Богу достойно и похвально, в нашем присутствии наделили каждую из вышеназванных церквей на настоящий момент так, что для содержания священника каждой из вышеназванных церквей ясно обещали и выделили восемь мансов земли, а именно четыре в полях и четыре в лесах, и десятую часть с [каждых] двадцати сох, двух быков, одну лошадь и одну корову; и если десятина священника, когда он прибудет, не будет готова, то дадут ему еще жита, чтобы сделать хлеб, и пиво для него и еще двоих и для вышеназванной лошади, а также для посева на назначенных ему полях, пока не наступит время получения назначенной ему десятины, и сверх того, требы[5], вклады по завещаниям и прочее, что будет ему подноситься как знак благочестия. Кроме того, названные братья обещали, что, когда мир и благосостояние укрепятся, в двух третях земли, после того как они им будут выделены, они увеличат и число церквей, и их содержание.

[10.] Кроме того, неоднократно поименованые новообращенные обещали, что все они обоего пола, как юные, так и взрослые в Четыредесятницу будут воздерживаться от мяса и молочной еды, а по

[5] Условно переводим лат. *oblationes* как «требы», хотя значение латинского термина шире: он обозначал не только плату священнику за те или иные окказиональные службы (венчания, погребения, освящения и проч.), но и взносы в пользу священника, делавшиеся в католических храмах в ходе мессы перед евхаристической жертвой. — *Ред.*

пятницам равным образом будут воздерживаться от мяса и насколько возможно поститься, а по воскресеньям и праздничным дням не будут выполнять никаких рабских работ; а по крайней мере раз в году будут исповедоваться у своего священника и на Пасху причащаться священнейшего Тела Христова и будут делать прочее и остерегаться всего, чего должны остерегаться и что должны делать добрые христиане, как они будут наставлены своими прелатами и другими добрыми мужами-католиками.

[III.] [1.] Кроме того, чтобы не показалось, что неоднократно поименованные новообращенные не благодарны за вышеназванные свободу и милости, которых они, по их словам, всегда желали, то перед нами и другими вышеназванными [лицами] согласились и твердо обещали, что, так как магистру и вышепоименованным братьям очень трудно объезжать все поселки Пруссии, чтобы обмолачивать и отвозить свою десятину, то сами новообращенные и их потомки будут ежегодно доставлять эту десятину обмолоченной в житницы названных братьев.

[2.] И сверх того, обещали, что они по мере сил и добросовестно будут охранять жизнь, тело, честь и права вышеназванных магистра и братьев, всех и каждого, не согласятся и не допустят, молча или открыто, тайно или явно, чтобы против них была какая-нибудь измена;

[3.] и что если узнают, что таковая совершилась или имеет совершиться, они по мере сил ей

их без уплаты ими выкупа.

[III.] [1.] Кроме того, чтобы не показалось, что неоднократно поименованные новообращенные не благодарны за свободу и милость, которых они всегда желали, они перед вышеназванными [лицами] согласились и твердо обещали, что, так как нам очень трудно объезжать все поселки Пруссии, чтобы обмолачивать и отвозить нашу десятину, то сами новообращенные и их потомки будут ежегодно доставлять эту десятину обмолоченной в наши житницы сами или через других.

[2.] И сверх того, обещали, что они будут по мере сил и добросовестно охранять жизнь и тело, честь и права всех и каждого из нас, и не согласятся и не допустят, молча или открыто, чтобы вокруг нас была какая-либо измена;

[3.] и если узнают, что таковая совершилась или имеет совершиться, они по мере сил ей вос-

воспрепятствуют или рассудительно сообщат [о ней], так чтобы сами магистр и братья смогли охранить себя;

[4.] и что не будут впредь иметь или заключать с кем-либо из христиан или язычников недолжных договоров, союзов или заговоров против оных магистра и братьев;

[5.] и что будут ходить во все походы оных надлежащим образом подготовленными и вооруженными по мере своих возможностей.

И названные братья в присутствии нашем и других вышеназванных [лиц] твердо обещали, что если кто из названных новообращенных в походах этих братьев будет взят в плен язычниками или врагами, то эти братья будут честно стараться освободить

препятствуют или рассудительно сообщат [о ней], так чтобы мы смогли охранить себя;

[4.] и что не будут впредь иметь или заключать с кем-либо из христиан или язычников недолжных договоров, союзов и заговоров против нас;

[5.] и что будут ходить во все наши походы надлежащим образом подготовленными и вооруженными по мере своих возможностей.

И мы им обещаем, что если кто из них в наших походах будет взят в плен язычниками или врагами, мы будем добросовестно стараться освободить их без уплаты нами выкупа.

И дабы все вышесказанное соблюдалось вечно твердо и нерушимо, брат Г., вице-магистр названного дома в Пруссии, дал слово за себя и за всех братьев названного дома. А вышеназванные новообращенные в нашем присутствии принесли форменную присягу, что они будут вечно нерушимо соблюдать вышесказанное, все в целом и по отдельности, как обещали и согласились. И все это совершено и обещано с согласия сторон, полностью блюдя покорность авторитету апостольского престола, [его] власть и права; и блюдя права прелатов [в этой] земле, настоящих и будущих; и блюдя во всем свободу церкви; и блюдя во всем привилегии и свободы названных магистра и братьев. Наконец, в знак того, что вышеназванные несогласные приведены к единству истинного мира и согласия, вышеназванные магистр и братья совершенно простили названным новообращенным Помезании, а те в свою очередь им, все прошлые обиды, претерпленные с той и другой стороны. И в нашем присутствии они даровали друг другу поцелуй мира.

В память и свидетельство обо всем этом мы признали нужным скрепить настоящую грамоту нашей печатью и печатью …, вышеназванного епископа, который вместе с нами присутствовал при всем вышесказанном, и, так как благочестивого брата Д., магистра названного дома в Пруссии, не было, то печатями вышеназванного Г., вице-магистра, и конвента в Балге, и Г., маршалка названного дома в Пруссии. Совершено в лето Господне 1249-е, в седьмой [день] февральских ид.

В память и свидетельство обо всем этом, так как благоч[естивого] бр[ата] Дитриха, нашего магистра, не было в Пруссии, мы по просьбе вышеназванных новообращенных велели скрепить настоящую грамоту нашими печатями и печатью вышеназванных …., епископа и архидиакона. Совершено в Христбурге в лето Гос[подне] 1249-е, в седьмой [день] февральских ид.

Впервые опубликовано в кн.: Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 494–507; перевод С.П. Кондратьева.

Рифмованная хроника как источник по русской истории

Среди иностранных источников по русской средневековой истории важное место принадлежит немецким хроникам. Систематический анализ их русских известий мог бы содействовать как прояснению истории Руси, так и изучению истоков ее пангерманской концепции.

Рифмованная хроника, как установлено трудами Ф. Вахтсмута, Р. Линдера, П. Экке, Н. Буша, З. Ивинскиса[1] и др., была составлена сторонником Ордена; примерно с 1280 г. и почти до 1290 г. автор хроники — очевидец и деятельный участник описанных им событий. Хронист использовал письменные источники (грамоты — briven орденского архива, некую книгу — buch и т. п.) и устную традицию (рассказы очевидцев, песни и предания о выдающихся рыцарях, комтурах и магистрах).

Советские историки определили идейно-политические взгляды хрониста — воинствующего сторонника Ордена[2] — и не раз использовали отдельные его сведения о событиях, участниками которых были русские[3].

---

[1] *Wachtsmuth F.* Über die Quellen und den Verfasser der älteren livländischen Reimchronik. Mitau, 1878; *Linder R.* Zur älteren livländischen Reimchronik (Diss.). Leipzig, 1891; *Ecke P.* Die livländische Reimchronik (Diss.). Greifswald, 1910; *Busch N.* Die greifswalder Dissertation über die livländische Reimchronik // Sitzungsberichte der Gesellschaft zur Geschichte und Altertumskunde der Ostprovinzen Russlands, 1911. Riga, 1912. S. 7–14; *Ivinskis Z.* Eilėtoji Livonijos kronika ir jes autentiškumas // Židinys. Kaunas, 1936. T. 24. № 10. P. 289–302.

[2] *Тихомиров М.Н.* Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. 1. С. 150; *Зутис Я.Я.* Очерки по историографии Латвии. Рига, 1949. Т. I: Прибалтийская немецкая историография. С. 18–22; ср.: *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 134–139.

[3] *Тихомиров М.Н.* Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII–XV вв. М., 1941. С. 32–33; ср.: *Пашуто В.Т.* Очерки истории СССР. XII–XIII вв. М., 1960. С. 152–154, 210–211.

С первых страниц хроника изображает Русь как главного противника Ордена, наступавшего на земли латышей и эстонцев. Уже епископ Мейнгард сталкивается с Русью[4]; это и понятно, ибо земли селов, ливов и латгалов, по словам источника, были подвластны Руси («waren in der Rußen hant»)[5]. Хронист оценивает как тяжелые удары по русским владениям постройку Ашерадена[6], захват Кокнесе[7], Ерсике[8] и поражение русских войск у Огенгузена[9]. Кроме этих разрозненных ранних упоминаний о Руси (которые лишь гадательно можно возвести к рижской епископской хронике Генриха), хроника содержит ряд обстоятельных известий о Ледовом побоище, о русско-литовском союзе, о Раквереской битве, о немецко-датском походе на Псковскую землю[10]. Вопрос о возможном источнике этих известий не ставился.

Спрашивается, где мог автор, создавая в 80-х годах XIII в. свою проникнутую апологией Ордена хронику, почерпнуть эти сведения? Думается, что поиски ответа — дело не безнадежное. При просмотре хроники в ней можно обнаружить ряд известий, бесспорно связанных с историей Дерптского епископства. Хотя хроника вовсе не говорит о завоевании Юрьева и глухо упоминает о возникновении этого епископства, она изображает Дерпт наряду с Ригой и Леалем послушным подручником Ордена[11], когда нужно посылающим магистру рыцарей и ополчение («stiftes man || und irs lantvolkes vil»)[12]. Говоря о современных ему событиях, хронист ограничивается лишь

---

[4] LR. S. 7, v. 285.

[5] LR. S. 15, v. 646; ср.: ГЛ. I, 3; XIV, 9; XX, 5.

[6] LR. S. 15, v. 644 («das was den valschen Rûßen leit»); ср.: ГЛ. IX, 9; X, 15; XI, 5.

[7] LR. S. 16, v. 654 («die Rûßen liden grôße not»); ср.: ГЛ. XI, 9.

[8] LR. S. 16, vv. 677–678 («sechs hundert Rûßen tôt bliben; || wip und kint von dan getriben»); ср.: ГЛ. XIII, 4.

[9] LR. S. 37, v. 1604. Это известие о русском походе в Ливонию можно отнести к 1218 г. (ср.: ГЛ. XXII, 2–6). Русские потеряли якобы 1900 человек и много оружия — стальных и золотых доспехов («vil brujen ûber maße || von stâle und von golde || sie gâben dâ zû solde»), кроме того, при отступлении было убито 500 русских у Огенгузена. При локализации битвы и определении источника, сообщающего о ней, надо учитывать, что в 1213 г. папство номинально создало епископство Саккалы и Огенгузена; к нему генетически восходит, через епископство Леаля, организация епископства Дерптского (*Schonebohm F.* Die Besetzung der livländischen Bistümer bis zum Anfang des 14. Jahrhunderts // Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Esth- und Kurlands. Riga, 1910. Bd. 20. S. 333–337; *Hellmann M.* Das Lettland im Mittelalter. Münster; Köln, 1954. S. 137–188).

[10] LR. S. 48–53, 152, 173–175, 176–178.

[11] LR. S. 75, v. 3211; ср. 153–155.

[12] LR. S. 155, v. 6764–6765.

беглыми упоминаниями Дерпта как помощника Ордена[13]. Тем более примечательно, что хроника поразительно внимательна к сменяющим друг друга дерптским епископам Герману, Александру, Фридриху. С ними связаны и интересующие нас известия о Руси. Имея в виду отмеченную особенность хроники, попробуем рассмотреть ее русские известия, сопоставив их с данными наших летописей.

Известие о Ледовом побоище (1242 г.). Дерптский епископ Герман (возможно, фон Уггенус[14]) давно терпел от русских много невзгод («tâten leides... genûc»)[15]; наконец, епископ призвал на помощь немецких и датских рыцарей. Магистр (как полагают историки, Андрей фон Велвен) прибыл с большим войском («quam im ûf der stat || und brâcht im manchen rischen helt»), и датский наместник в Ревеле прислал своих людей («des kuniges man quâmen dar || mit einer hovelîchen schar»)[16]. Это обрадовало епископа («das was bischof Herman vrô»[17]). Войско епископа и его союзников вторглось в русские земли и захватило Изборск («Isburc»), защитники которого были или перебиты, или взяты в плен[18].

Тревога охватила Русь («in deme lande ûbiral || erhûb sich ein michel schal»). На помощь Изборску двинулись очень суровые люди («dâ sint lûte harte sûr») — псковичи; они столкнулись с немецко-датским войском под Изборском 16 сентября 1240 г. Битва, в которой доблестно сражался епископ Герман («als ein helt mit sîner schar»), была ожесточенной и закончилась поражением русских; оставив на поле боя 800 убитых, они укрылись в Пскове[19].

Союзники — епископ Герман и люди датского короля («der bischof und des koniges man») — осадили Псков, и посад, и крепость. По

---

[13] LR. S. 218, 251, 254.

[14] *Osten-Saken P.* Der erste Kampf des deutschen Ordens gegen die Russen // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Riga, 1907. Bd. 20 (1). S. 115.

[15] LR. S. 48, v. 2075.

[16] LR., v. 2080–2081.

[17] LR., v. 2083.

[18] Ср.: «Взяша немци, медвежане (Отепаа — Оденпэ. — *В.П.*), юрьевцы (Дерпт. — *В.П.*), вельядцы (Вильянди, Феллин. — *В.П.*) с князем Ярославом Владимиричемь Изборско» (НПЛ. С. 77). Князь-перебежчик тесно связан с Дерптом; в 1233 г. он ходил с немцами под Изборск (НПЛ. С. 72); он подарил дерптскому комтуру и церкви половину Пскова. Не видя пользы от этого дара, они передали его 3 октября 1248 г. Ордену (LUB. 1857. Bd. III. Nachtr. № 200[a]).

[19] LR. S. 49, v. 2119–2120; ср.: ПЛ. Вып. I. С. 13 («Избиша немци пскович под Изборском 600 муж»); ср.: НПЛ. С. 77.

просьбе псковичей был заключен мир: Ярополк («Gêrpolt»), считавшийся местным князем, должен был добровольно («mit sîme gûten willen») передать крепость и земли в руки Ордена («ir der meister solde pflegen»)[20]. В Пскове остались два рыцаря-фогта и отряд кнехтов. Наши источники говорят лишь об измене посадника Твердилы и не упоминают князя Ярополка, который, видимо, был новгородским княжеским наместником; но можно думать, что это он, как подручник Дмитрия Александровича, участвует позднее в походе на Раквере[21]. Он мог оставить Псков и вместе с другими уйти в Новгород.

Новгородская летопись утверждает, что Твердило «сам поча владети Пльсковомь с немци»[22]. Судя по Псковской летописи, окончательное подчинение Пскова, когда в нем остались два немецких тиуна, т. е. фогта, произошло позднее: «И по сем пришедше немци и взяша град Псков и седоша немци в Пскове два лета»[23]. Но господство рыцарей не было прочным.

Дело в том, что в Новгороде правил «король», который, узнав о беде Пскова, двинулся на его освобождение с крупными силами («mit grôßer macht»). Действовал он быстро («nicht lange sûmete er dar nâch»), и его войско изгнало из Пскова двух фогтов с их кнехтами («die zwêne brûdere er verstieß || der vogetie er sie erließ || und alle ir knechte man vertreib»). После этого король воротился в Новгород[24], однако пробыл там недолго.

Был еще другой большой город («ein stat ist groß unde weit») — Суздаль, его «король» Александр (здесь названный впервые) поднял народ на войну («sin volk er sich bereiten ließ»), причем войско собралось очень быстро («snelle wurden sie bereit»). Александр двинул в поход большое («mit im vil manich ander») и хорошо вооруженное войско — в шлемах, доспехах с луками («sie vurten bogen âne zal || vil manche brunje wunneclich || ir banier die waren rich || ir

---

[20] LR. S. 50, v. 2157–2164.

[21] НПЛ. С. 85.

[22] Там же. С. 77; ср. с. 295; ПСРЛ. Пг., 1915. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. С. 228.

[23] ПЛ. Вып. I. С. 13; Вып. II. С. 21 («три лета»); немецкие тиуны упоминаются также в житии Александра (см.: ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. V. С. 191). В московских сводах эта тема развита подробнее; см. ПСРЛ. Т. XXV. С. 133–134 («в зимнее время»); Т. XX. 1-ая половина. С. 160 («тое же весны»).

[24] LR. S. 50–51, v. 2173–2203. В отличие от НПЛ хроника говорит о прибытии в Новгород суздальских полков (князя Андрея) после освобождения Пскова. О быстроте действий князя см.: НПЛ. С. 77 («изгони князь Пльсков, изъима немци» и т. д.). В LR нет сведений о немецких набегах на Новгородскую землю и о судьбах Копорья.

helme die wâren liecht bekant»). В составе русского войска упомянуты и язычники[25]. Это войско вторглось во владения дерптского епископа и подвергло их разорению («und stifte roub und brant»)[26].

Дерптский епископ собрал свои военные силы и срочно послал известить Орден. Рыцари пришли на помощь, но войска союзников были слишком незначительны, по численности они будто бы в 60 раз уступали русским. Едва ли это верно: ведь в битве участвовали, кроме сил епископа, войска магистра (правда, не Германа Бальке, как ошибочно сообщает хронист[27]) и датчане[28]. Русское войско вновь оценивается очень высоко: в нем было много вооруженных самострелами стрельцов, которые и завязали битву, выступив впереди войска («die Rûßen hatten schutzen vil, || die hûben do das êrste spil || ... menlich vor des kunigs schar»). С ними столкнулись рыцари и бились сперва успешно («man sach der bruder bamer dar || die schutzen underdringen»)[29]. Упоминание о русских стрельцах вполне в духе времени: подобные действия стрельцов в войсках князя Даниила Романовича отмечены Волынской летописью[30].

Однако рыцари попали в окружение («wer in der brûdere her was || die wurden ummeringet gar»)[31]. О судьбе рыцарей хронист знает лишь, то, что они, хотя и бились смело, все погибли, но зато он сообщает, что уцелела часть отряда дерптского епископа, который потерял 20 рыцарей убитыми и 6 — пленными («der von Darbate quam ein teil || von deme strite, daß was ir heil: || sie mûsten wichen durch die nôt || dar bliben zwenzic brûder tôt, || und sechse wurden gevangen || sus was das strît ergangen»). Похоже, что хронист выдал здесь дерптские потери (которые могли быть указаны в его источнике) за орденские

---

[25] LR. S. 51, v. 2282. В составе войска, освобождавшего Копорье, летопись называет карел и ижорян (НПЛ. С. 78).

[26] LR. S. 51, v. 2225 («Zû Darbete wart vernomen || kunic Alexander wêre komen»). Ср.: НПЛ. С. 78 («и яко быша на земли, пусти полк весь в зажития»).

[27] LR. S. 53, v. 2281–2282; ср.: *Chudzinski E.* Die Eroberung Kurlands durch den deutschen Orden. Leipzig, 1917. S. 19.

[28] О них упоминает московский свод — ПСРЛ. Т. XXV. С. 125 («и с помочью королевою»).

[29] Хронист, вероятно, имеет в виду победу над бывшим в «разгоне» отрядом Домаша и Кербета (НПЛ. С. 78); в некоторых московских сводах известие о гибели этого отряда опускалось (ПСРЛ. Т. XXIII. С. 79).

[30] ПСРЛ. Т. II. Стб. 813, 831–832.

[31] Летопись знает, что они «прошибошася свиньею сквозе полк» (НПЛ. С. 78). Не всегда рыцари, пробившись сквозь ряды противника, попадали в окружение — ср. известие о победе над эстами (LR. S. 26, v. 1124).

(едва ли он мог иметь о них представление, если даже не знал, кто из магистров участвовал в сражении).

Известие о русско-литовском договоре и походе на Юрьев-Дерпт (1262 г.). Сообщение о договоре Миндовга и Александра Невского мы имели возможность оценить в другой работе[32]. Оно попало в хронику, видимо, лишь потому, что результатом договора был поход большого («vil groß») русского войска на Дерпт. Это войско захватило и сожгло посад. Власти города — капитул и епископ («tûmhêrren und der bischof») — укрылись в крепости. Хронист иронизирует над испугом местного духовенства («die pfaffen vurchten sêre den tôt»). Но и на этот раз он почти ничего не знает об Ордене. Он сообщает, что против русских рыцари действовали не одни («das ander volk sie riefen an || ûf der burc was manich man || die zû der were griffen dô»). Говорит и о том, что это обрадовало капитул («des wâren die tûmhêrren vrô»). Захватив пленных и добро («leûte und gût»), русские ушли. Магистр не смог их догнать. Известие совпадает с данными летописей[33].

Известие о Раквердской битве (1268 г.). При ландмейстере Отто фон Люттерберг во владения датского короля вторглось сильное («mit eine kreftigen her; vil starc geschart») тридцатитысячное русское войско. Автор подчеркивает условность этой цифры («nicht vorder man sie zehlen kan»). Против них выступили союзники, названные в таком порядке: дерптский епископ Александр, а с ним много других («vil manich ander») — рыцари из Феллина, но их было немного, так как магистр был отвлечен войной в другом месте, рыцари из Леаля (область юрисдикции дерптского епископа) и из Вейсенштейна («ouch mâßen vil»)[34]. Здесь названо общее число рыцарей — 34, с ними было большое ополчение («lantvolkes hatten die brûdere gnûc»); хронист вновь утверждает, что русские превосходили их численно в 60 раз[35].

---

[32] *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. С. 382.

[33] Ср.: НПЛ. С. 83, где говорится, что немцы «бяху пристроили собе брань (т. е. укрепление) на граде крепку», но о том, что эту крепость не удалось взять, умалчивается. Здесь тоже отмечается участие больших русских сил в походе и ущерб, нанесенный Дерпту. В последующих сводах как инициаторы похода называются либо владимирский князь Александр Ярославич (ПСРЛ. Т. XXV. С. 144), либо тверской князь Ярослав Ярославич (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. С. 234).

[34] Хронист умалчивает о нарушении немецкими властями Риги, Феллина и Дерпта «и из инех городов» (в Ермолинской летописи добавлен Оденпэ: ПСРЛ. Т. XXIII. С. 87) соглашения с Новгородом о невмешательстве в его войну с Ревелем (Таллином) и Везенбергом (Раквере) — ср.: НПЛ. С. 85.

[35] LR. S. 175, v. 7635.

Союзники строились в битве при Раквере так: ополчение («lantvolk») — по левой стороне, датское войско («des kuniges man») — по правой, а рыцари и их кнехты («die brudere und ouch ire man») сражались повсюду («allenthalben hiwen an»). Хронист располагал источником, который пренебрежительно относился к Ордену. Это ясно видно, если привлечь летописи: они прямо говорят, что немецкие рыцари держали центр союзного войска.

Наиболее полное (хотя со следами доработки и пропусков) русское описание построения войск сохранила Новгородская летопись. Подойдя к Раквере, русские с берега реки Кеголе[36] (т. е. Киюла) увидели «полк немецьский». Новгородцы перешли реку, а за ними другие, и «начаша ставити полки»: «по правой руце» (т. е. против ополчения) стала псковская рать Довмонта, «по праву же выше» стали низовские полки князей Дмитрия Александровича и Святослава Ярославича, «а по леву», т. е. против датчан, стало войско Михаила Ярославича и, вероятно, более мелкие отряды князей Константина, Юрия Андреевича и Ярополка. Новгородцы же «сташа в лице железному полку противу великой свиньи».

На первом этапе битвы новгородское войско понесло тяжелейшие потери, пострадали также бывшие на правом крыле псковичи и (видимо, им приданные) ладожане. На втором этапе, как можно думать, низовские рати князя Дмитрия энергично повели битву и спасли положение, несмотря на то, что на левом крыле обратился в бегство князь Юрий Андреевич, а в новгородские обозы врезалась еще одна «великая свинья». При этом и княжеская рать понесла немалые потери[37].

Нечто похожее сообщает и хроника. В начале сражения, когда был убит дерптский епископ Александр, две части русских («zwei teil der Rûzen»), т. е., видимо, новгородцы и псковичи, были разбиты и оставили поле боя[38]; но потом русские возвратились («karten sich dicke wider»). Очень мужественно («was ein helt») сражался князь («kunic») Дмитрий с пятитысячным отрядом, в то время как другое

---

[36] Киголе — ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. I. С. 237.

[37] Там же. С. 237 («и много паде бояр княжее рати»). — Осуждая новый конфликт Новгорода с Орденом в 1269 г., князь Ярослав говорил: «мужи моя и братья моя и ваша побита, а вы разратилися с немци» (НПЛ. С. 87).

[38] Ср.: *Hermann Wartberge.* Chronicon terrae Prussiae // Scriptores rerum Prussicarum. Leipzig, 1863. T. II. P. 46. В первом столкновении у Магольмской церкви были убиты епископ и два орденских рыцаря.

его войско отступило («entriten was sîn ander her»). Хронист, противореча себе, говорит, что во время битвы отряд рыцарей («der brûdere vane») состоял из 160 человек; была еще пехота («vußgenger»), а 80 человек бились на мосту, вероятно, с теми русскими, которые пытались отойти за реку; и все они совместно разбили и уничтожили 5 тыс. русских. Хронист утаил окончательный исход битвы: поспешное отступление с поля боя основных сил рыцарей, а затем и отряда, ударившего по новгородскому обозу. В московских сводах сообщение о битве неоднократно переделывалось[39].

Известие о немецко-датском походе на Русь (1269 г.). В походе участвовало 180 рыцарей, 18 тыс. ополчения и 9 тыс. корабельщиков («schiflûte»)[40]. Они сожгли Изборск и двинулись на Псков. Русские сами пожгли посад и укрылись в крепости, которая была хороша («die was gut») и практически, при единстве обороняющихся, неприступна («daß die nicht zweien under sich || sô ist die burc ungewinlich»). Псковичи получили значительную помощь из Новгорода и располагали сильным войском («hatten rischer lûte vil»), да и погода якобы испортилась — стала мокрой и холодной. Немецкие рати отошли от Пскова за реку Великую. Сообщение о погоде должно было скрасить неудачу похода, о которой ясно говорят и летописи[41].

Затем в Псков («an des kuniges stat») прибыл князь («vurste») Юрий. Он предложил магистру начать переговоры; магистр при-

---

[39] На первый план выдвигался князь Дмитрий и соответственно изменялось построение войск: «Князь велики Дмитреи и Святослав Ярославич и брат его князь Михайло сташа с новгородци противу железному полку, великой свиньи в лице»; Довмонт с псковичами — по правую руку, а князья Юрий, Константин и Ярополк — по левую. Отходя от Раквере, русские видят в новгородском обозе уже не другую «великую свинью», а лишь «ин полк велик», и нападать на него предлагают не новгородцы, а князь (ПСРЛ. Т. XXV. С. 147–148; то же см.: Т. V. С. 194; Т. VII. С. 167–168; ср.: Троицкая летопись. С. 329: Дмитрий же «воротися съ множеством полона въ свояси»). Последующие редакции сгладили шероховатости более ранних: после гибели части войска русские взывают к господу, и он обращает врага в бегство. Малопонятное отступление русских от Раквере вовсе опускается (ПСРЛ. Т. X. С. 146–147; Т. XXI. 1-ая половина. С. 303–304).

[40] LR. S. 176–177, v. 7685–7770; ср.: НПЛ. С. 87 («в силе велице»); ПЛ. Вып. II. С. 17.

[41] НПЛ. С. 87 («и яко уведаша немци новгородьскый полк, побегоша за реку»). Иное говорится в псковской повести о Довмонте, где последний разбивает врагов, «не дождав полков новгородскых» (ПЛ. Вып. II. С. 17). В так называемой средней редакции жития Довмонта новгородский и псковский варианты даны вместе (*Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 139–142).

плыл на корабле. Результатом встречи на реке Великой был мирный договор (он не сохранился), который заключил с магистром русский князь («machte vride gut»)[42]. Этим соглашением были подтверждены условия русско-немецкого договора времен магистра Волквина и епископа Альберта[43]. Окончательный договор был выработан несколько позднее — под угрозой нового русского наступления с ведома великого баскака Амрагана[44].

Возможно, что и это известие хроники восходит к Дерпту, тесно связанному с орденской политикой Пскова. Но как бы то ни было, дерптский епископ Фридрих в это время дважды выступает в хронике как центральная фигура: при описании поражения литовцами немецких войск у Карузена (1269 г.)[45] и в рассказе о неудачном походе рыцарей в Земгалию[46].

Только возведя русские известия хроники к дерптскому источнику, можно понять ее осведомленность о деятельности дерптцев и крайнюю скупость (которую хронист не имел чем восполнить) упоминаний о самом Ордене, бывшем для епископов Дерпта более чем обременительным союзником[47]. Близкое участие Дерпта в событиях делает понятным сравнительно независимое, свободное от апологии Ордена их описание предполагаемой епископской хроникой; следы этого описания, как видим, сохранились даже в переработанном и рифмованном тексте хрониста.

Впервые опубликовано в кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских народов: Сб. статей к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 102–108.

---

[42] ПСРЛ. Т. XX. 1-ая половина. С. 88 («мир взяша на всей воли Пскову»); Т. XX. 1-ая половина. С. 166.

[43] О его содержании узнаем из посланий Любеку магистра Отто и рижского рата (LUB. 1853. Bd. I. № 410).

[44] НПЛ. С. 88; ср.: ПСРЛ. Т. XXIII. С. 88: Аргамана (вар. Армагана) «со множеством вои татар привед». Проект договора см.: LUB. Bd. I. № 414; ГВНП. № 31.

[45] LR. S. 182.

[46] Ibid. S. 216–217.

[47] Герман, брат рижского епископа Альберта, назначенный в 1219 г. епископом Дерпта, зависел не только от Магдебурга и Ревеля; свою долю земель и доходов он с трудом отстаивал от притязаний Ордена (ГЛ. XXVI, 13; XXVIII, 2) и Дании (ГЛ. XXIII, 11; XXIV, 2, 4).

Послания Гедимина как исторический источник

Среди других источников XIV в. грамоты Гедимина и связанные с ними документы выделяются ценными особенностями: они хранят реальные черты истории литовской раннефеодальной монархии, последнего языческого государства средневековой Европы.

Нами рассматриваются послание короля Гедимина папе Иоанну XXII (1322 г.)[1], его же две грамоты 1323 г. ганзейским городам[2], а также орденам доминиканцев[3] и францисканцев[4], наконец, ответное письмо города Риги литовскому королю[5]. Все эти источники имеют прямое отношение к мирному договору 1323 г. Литвы с Орденом, Ригой и их союзниками[6].

Договор не привел к решению вероисповедных вопросов и к христианизации Литвы, что явствует из ответного послания 1324 г. папы Иоанна XXII Гедимину[7] и отчета посланцев папских легатов о переговорах с литовским правительством[8]. Осуществление договора встретило сопротивление подписавшего его Ордена, в связи с чем возникло письмо Гедимина Риге[9] и оказались необходимыми меры, принятые королевским и рижским правительствами в подкре-

---

[1] LUB. Bd. II. № 687. См. Приложение к данной статье, № 2. — *Примеч. ред.*

[2] РЛА. № 54; LUB. Bd. II. № 690. См. Приложение к данной статье, № 3 и 4. — *Примеч. ред.*

[3] LUB. Bd. II. № 688 (от 26 мая 1323 г.). См. Приложение к данной статье, № 5. — *Примеч. ред.*

[4] Там же. № 689 (от 26 мая 1323 г.). См. Приложение к данной статье, № 6. — *Примеч. ред.*

[5] РЛА. № 53. См. Приложение к данной статье, № 7. — *Примеч. ред.*

[6] Текст и перевод см. в Приложении к данной статье, № 18. — *Примеч. ред.* О содержании этого договора см.: *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 155–156.

[7] LUB. Bd. II. № 703. См. Приложение к данной статье, № 12. — *Примеч. ред.*

[8] РЛА. № 67. См. Приложение к данной статье, № 14. — *Примеч. ред.*

[9] Там же. № 69. См. Приложение к данной статье, № 16. — *Примеч. ред.*

пление действенности договора, в частности, письмо рижан главе ганзейцев Любеку[10] и рижское заявление 1326 г. литовского посла Лессе[11]; последний подробно изложил факты, о которых и ранее в общей форме писал рижанам его король[12].

Мы попытаемся рассмотреть эти источники в нескольких аспектах, чтобы определить их значение для истории, во-первых, народного хозяйства, во-вторых, общественного строя, в-третьих, политической структуры и, наконец, внешней политики Литвы.

В довольно обширной историографии этих памятников (в работах В.Г. Васильевского, А. Прохаски, Ю. Якштаса, К. Форштрейтера, Г. Шплита и др.) в интересующем нас плане они почти не изучались.

Понятно, однако, что эти источники, будучи актами международного права, как таковые с разной степенью полноты могут ответить на вопросы, которые мы собираемся с их помощью осветить.

I

Историк народного хозяйства может почерпнуть из этих источников немало полезных сведений.

Прежде всего, бросается в глаза, что литовская государственная власть — верховный собственник основы благосостояния страны (земли). Гедимин предполагает сам пожаловать землю приглашенным переселенцам: «...мы *желаем наделить землей* (здесь и далее курсив мой. — *В.П.*) каждого, сообразно его положению»[13]. Это, конечно, не новость; то же, по словам Гедимина, делал и его «предшественник» король Витень, который обращался в Ригу «с просьбой прислать ему двух братьев Ордена миноритов, *предоставляя им землю* и уже воздвигнутую церковь»[14].

---

[10] Там же. № 62. См. Приложение к данной статье, № 15. — *Примеч. ред.*

[11] Там же. № 71. См. Приложение к данной статье, № 17. — *Примеч. ред.*

[12] См. Приложение к данной статье, № 16. — *Примеч. ред.*

Документы цитируются в переводе по сборнику «Грамоты древней Литвы», подготовленному к печати И.В. Шталь и мною (Опубликованы: *Пашуто В.Т., Шталь И.В.* Gedimino laiskai [Послания Гедимина. Вст. ст., тексты и пер. со старонем. и латин. на литов. и рус. яз.]. Vilnius, 1966. Тексты и переводы публикуются в Приложении к данной статье. — *Примеч. ред.*).

[13] РЛА. № 54.

[14] LUB. Bd. II. № 687.

Можно проследить и более глубокие корни этого явления: в единственной достоверной грамоте Миндовга — жалованной грамоте 1254 г. епископу Христиану, мы видим ту же верховную юрисдикцию королевской власти, которая может предоставить «*в дар*» и ввести «*во владение*»[15] этого епископа. Причем, что очень важно, земли уже тогда имели ясно очерченные границы, поэтому в пожаловании можно было довольно точно обозначить даруемые участки (Христиану даны *половины трех* земель).

Из грамот зримо выступает прогрессивное значение нового государства для хозяйства страны. Королевское правительство настойчиво приглашает переселенцев-ремесленников: кузнецов, серебряников, оружейников (баллистариев), плотников, каменотесов, соледобытчиков, кожевников, сапожников, мельников, пекарей, рыбаков и лекарей, т. е. представителей железоделательного, древодельного, кожевенного и других производств. В одной из грамот говорится, что они могут приходить «с женами, детьми и домашним скотом»[16], т. е. предполагается, что они поселятся здесь навсегда.

Значительное внимание обращало правительство на развитие торговли как внутренней, так и внешней: Гедимин звал в страну купцов[17] и лавочников[18], т. е., видимо, «гостей», ведших международную торговлю, и просто купцов. Переселенцам предлагался путь через свободную от блокады Мазовию. Реализация планов правительства относительно свободы торговли и безопасности ее путей ясно видна из договоров 1323 и 1338 гг.

Торговля с Литвой весьма интересовала Орден, который хотел сосредоточить ее в своих руках, минуя Ригу, о чем рижане прямо писали Любеку, обвиняя Орден в нарушении договора 1323 г.; Орден хочет лишить союзников возможности торговать с Литвой, делает он это «из-за товаров, которые находятся в его крепостях Дюнабург, Митава, Розитен и в других укрепленных местах, смежных с литовцами и их соседями», где рыцари «тайно, ради торговли, соблюдают *особый мирный договор*» с Литвой, не согласованный с союзниками[19].

---

15 Ibid. Bd. II. № 263. См. Приложение к данной статье, № 1. — *Примеч. ред.*

16 РЛА. № 54.

17 LUB. Bd. II. № 690, 688, 689. См. Приложение к данной статье, № 4, 5, 6. — *Примеч. ред.*

18 РЛА. № 54.

19 Там же. № 62.

Заявление литовского посла Лессе подтверждает широкие размеры литовской торговли по суше — на Ашераден, Дюнабург, и по воде — на Дюнабург и Митаву.

Лессе, обвиняя Орден в нарушении договора, упоминал о судьбе «кораблей с товаром, именуемых ладьями, державших путь в сторону Руси, которые, как нас известили, были задержаны теми же братьями в их крепости Дюнабург и к тяжкому убытку для дел их [владельцев] не были пропущены далее туда, куда они направлялись».

Говорил посол и о «примере купеческого каравана», который рыцари «недавно захватили, ограбили [и] даже некоторых [из бывших на судах] эти же братья увели в оковах с собой в крепость свою Митаву, подвергнув [их] на время тяжелому плену, и вынудили после этого вернуться домой, не закончив дела»[20].

Наконец, в Ашерадене были захвачены в плен и ограблены сам Лессе и его русские спутники, которых «братья снова ограбили в своей крепости Дюнабург, когда те, вернув себе добро, после плена возвращались домой».

Из грамот очевидно стремление государственной власти твердо определить политические границы страны[21] («При нашем покровительстве», — писал Гедимин, — каждый «может иметь свободный доступ» в страну[22]), охранять их, а также жизнь и собственность подданных за рубежом. Литовское правительство защищает права феодалов на бежавшую в Орден челядь, права короля на охотников (видимо, королевского домена) из Упите, права Войната (может быть, полоцкого князя, известного в летописи под именем Воина) на захваченных у него рыцарями коней, наконец, права полочан, десятки которых были убиты или ограблены тевтонами[23].

II

Немало важного содержат интересующие нас документы для оценки общественного строя. Гедимин в качестве верховного юридического собственника земли, приглашая в страну христиан (за

---

[20] Там же. № 71.
[21] LUB. Bd. II. № 703.
[22] Ibid. № 690
[23] РЛА. № 69.

исключением тевтонов), обещал всем благомыслящим предоставить «*собственность* и *власть*» («dominum et regnum»[24]) — выражение не очень ясное. Но есть основания видеть здесь феодальное владение. В таком толковании нас укрепляет тот факт, что король сулил наделить землей воинов (рыцарей и их оруженосцев), купцов и ремесленников, «каждого сообразно его положению»[25], т. е. в соответствии с нормами существующей в Литве общественной иерархии.

В другой грамоте Гедимин писал об этом так: «Если пожелают остаться воины («milites», т. е. рыцари) и оруженосцы («armigeri», т. е. вассалы рыцарей; это толкование справедливо, ибо в одной из грамот читаем — «milites, vasales»[26]), то мы, как подобает, [обеспечим] их доходом и *наделим владением*» («dotabo eos rebus et possessione prout decet»[27]).

Это пожалование не на полном иммунитете, а на срочном: нет речи о независимости от королевского суда, но есть — об освобождении от налогов и пошлин.

Любопытно, что налоги и пошлины — тоже дело не новое. По словам Гедимина, уже его предки отправляли послов с грамотами в города Ганзы и «*предоставили*» горожанам-переселенцам «землю», но тогда дело сорвалось, ибо никто из них не пришел «и [даже] собака из владений их не принесла благодарности за [это] *пожалование*»[28]. Уже и тогда в Литве существовали налоги, пошлины и торговые сборы, но от них переселенцев еще не освобождали; Гедимин же идет дальше: «превосходя [пожалования] всех наших предшественников, мы уже в настоящем послании объявляем, что отныне *по королевскому пожалованию* наша земля свободна от торговых пошлин («sine theoloneo») и дорожных повинностей («exactione angariarum et oerangariarum»[29])». Налицо — иммунитет.

Земледельцы, которых зовет в страну Гедимин, именуются то колонами («coloni»)[30], то земледельцами («agricolae»)[31]. Первый тер-

[24] Там же. № 54.
[25] Там же.
[26] LUB. Bd. II. № 690.
[27] РЛА. № 54.
[28] LUB. T. II. № 690.
[29] Ibid.
[30] РЛА. № 54.
[31] LUB. Bd. II. № 690.

мин известен документам и Польши, и Чехии того времени для обозначения феодальнозависимых крестьян вообще[32].

Земледельцы грамот Гедимина — это не рыцари и не вассалы, и земля дается им с освобождением от налога на десять лет с тем, что позднее они будут платить королю десятину. Они — люди феодальнозависимые. Вот эта важная статья. «Земледельцам, желающим прийти в наше королевство и остаться [в нем], мы даем землю и разрешаем в течение десяти лет свободно и без налога («absque censu») обрабатывать ее и половину этого времени [т. е. в течение пяти лет] быть свободными от любой королевской повинности («ab omni opere regio»). По истечении же вышеупомянутого срока и, конечно, в зависимости от плодородия земли, они будут давать десятину, как заведено в других королевствах..., однако, с таким расчетом, чтобы у нас доход их возрастал сильнее, чем обыкновенно бывает в других королевствах»[33]. Последнее замечание можно понять так, что уровень жизни крестьян в Литве был пока еще выше, чем в соседних странах. Еще полнее общественный строй Литвы отражен в договорах 1323 и 1338 гг.

III

Значительно больше данных содержат грамоты для характеристики государственной структуры страны. Уже Миндовг оформлял акты государственного значения от имени «нашего королевства» при участии совета, в который входили двое его сыновей (третий — Войшелк — был тогда во вражде с отцом) и приближенный советник: грамота епископу Христиану дана «*в присутствии* и *при согласии* сыновей наших Реплена и Герстухена[34], [а также] верного нам Парбсена», видимо, выполнявшего обязанности канцлера.

Совет был и при Витене, и при Гедимине, который ставил возможность пожалования переселенцам иного, лучшего, чем рижское, права в зависимость от решения, «исходящего от совета благородных»[35]

---

[32] См.: *Разумовская Л.В.* Очерки по истории польских крестьян от древних времен до XV в. М.; Л., 1958. С. 184; ср.: *Graus F.* Dějiny venkovského lidu od 10. století do první poloviny 13. století. Praha, 1953. S. 246–247.

[33] LUB. Bd. II. № 690.

[34] Их знает и наша летопись; см.: ПСРЛ. Т. II. Изд. 2. Стб. 860.

[35] РЛА. № 54.

(от «*мудрого совета благородных*»[36]); договор 1323 г. был им заключен «*по совету и при одобрении наших мудрейших*»; второе письмо к папе Иоанну XXII (о нем папа упоминает в своем ответе[37]) король писал не только от своего имени, но и от имени «*остальных князей и баронов*», т. е. княжеской семьи и боярской знати.

В донесении посланцев папских легатов ярко, с натуры, описана деятельность государственного совета: Гедимин принимал их «*вместе со своими советниками*, в своих палатах». Советников было около двадцати. Затем литовские представители «*от* [имени] *совета*» вели переговоры с посланцами на подворье, где те остановились; наконец, на подворье миноритов переговоры вел *член совета* — королевский тиун (судья), вначале один, потом *совместно с некоторыми другими советниками*. В совет входили и некоторые монахи. В донесении ясно представлена роль таких советников — францисканцев и доминиканцев, которые посвятили посланцев в политические тайны королевского двора, выведанные ими у приближенных короля — его переводчика (монаха Геннекина) и слуг королевы.

Было в Литве и налаженное правительственное делопроизводство. Государственные акты скреплялись королевской печатью. Уже в грамоте Миндовга читаем: «Мы распорядились скрепить настоящую грамоту нашей печатью»[38]. Печати имели и преемники Миндовга, ибо Гедимин сообщал, что его «предки» отправляли «послов и грамоты»[39]. Все документы самого Гедимина скреплялись, помимо его подписи (т. е. он — человек грамотный), еще и королевской печатью[40].

Юридическую силу такой печати признавали и враги Литвы: рыцари сумели уничтожить печать на одной из отправленных им папе грамот, думая подорвать доверие к высказанной королем мысли о христианизации Литвы. Тогда Гедимин отправил новую грамоту, скрепленную печатью, подтверждая ею то, что говорил в перехваченном и испорченном рыцарями документе[41].

Приглашая в страну францисканцев, знающих польский, земгальский и русский языки[42], Гедимин имел в виду использовать их не

---

36 LUB. Bd. II. № 690.
37 Ibid. № 703.
38 Ibid. Bd. I. № 263.
39 Ibid. Bd. II. № 690.
40 Ibid.; РЛА. № 53.
41 LUB. Bd. II. № 688.
42 Ibid. № 689.

как проповедников, а для дипломатических нужд латинско-русского делопроизводства государственной канцелярии.

Государство охраняло привилегии людей свободных и их права на угнетение несвободных. Защищая права холоповладельцев, королевское правительство карало холопов, «подлежащих наказанию», а в случае их протеста в форме бегства за рубеж, в Орден, требовало у последнего выдачи непокорных подданных: Гедимин протестовал, когда Орден укрыл 300 беглых холопов[43].

Государство укрепляло вооруженные силы, приглашая на службу рыцарей и вассалов, ремесленников-оружейников. Литовские партизаны («latrunculi»), ведшие борьбу на литовско-немецком пограничье, стали заметным фактором политики и объектом международных переговоров: если уж Рига жаловалась на них королю за «огромный ущерб», нанесенный окрестностям города, то Ордену, вероятно, и подавно от них доставалось. Важно отметить, что они были подчинены королю, и потому Рига именно его просила «укротить» их[44].

Развивалась и королевская титулатура. Если Миндовг именовался «милостью божией король Литвы», то Гедимин считал своим полным титулом «милостью божией король литовцев и русских, правитель и князь Земгалии»[45]. За этим устойчивым титулом скрывается хорошо известная политическая гибкость литовского правительства, оставившего за Земгалией право иметь собственного правителя («haubtmann»), упомянутого и источниками XIII в. Титул короля варьировался в зависимости от того, кому адресовались грамоты: папе он писал как «король литовцев и многих русских и прочих»[46], ливонским епископам и Риге как «король литовцев и русских»[47]. Это делалось, вероятно, чтобы не раздражать их упоминанием Земгалии. В свою очередь папа признает за ним титул «короля литовцев и многих русских»[48], рижане тоже не включали в титул земгалов[49], а Орден называл его «королем Литвы», отрицая, следовательно, его право и на русские земли.

---

[43] РЛА. № 69.
[44] Там же. № 53.
[45] Там же. № 54; LUB. Bd. II. № 688–690.
[46] LUB. Bd. II. № 687.
[47] РЛА. № 69.
[48] LUB. Bd. II. № 703.
[49] РЛА. № 53.

Из документов четко выступает столица страны Вильно, пришедшая на смену Новогородку[50], остававшемуся, впрочем, центром православной церкви.

Литовское государство имело устойчивую систему внутреннего управления и, в частности, такие его важные элементы, как налоги с земли и пошлины с торговли. О том, что это так, свидетельствует освобождение правительством земледельцев-переселенцев от налога (в форме десятины), притом «в зависимости от плодородия земли»; освобождались они и от других повинностей. Не менее ясно представлены и пошлины с торговли: «Купцы пусть въезжают [в нашу землю] и выезжают [из нее] без побора и пошлины» («sine exatione et teloneo»[51]); в другой грамоте эта формула полнее: «sine theoloneo, exatione angariarum et perangariarum»[52], т.е. она предусматривает освобождение купцов-переселенцев и от дорожных повинностей. Трудно сказать, несли ли эти повинности собственно литовские купцы-старожилы[53]. Это тем более затруднительно сделать, что в другой грамоте речь идет не об отмене дорожных повинностей, а лишь об устранении их «несправедливого» применения («omni exactione, theoloneo, infestatione iniusta angariarum et perangariarum»[54]).

Правительство обещало всем этим людям немецкое рижское право. Следовательно, оно поступало осмотрительно, допуская у себя в стране существование, помимо литовского, русского и польского, также одной из форм немецкого права. Со свойственной ему политической гибкостью правительство не исключало возможного изменения этого права на иное; «Пусть же весь [этот] народ пользуется гражданским правом города Риги, если только затем не будет найдено лучшее [решение], исходящее от совета

---

[50] Там же. № 54; см. также: *Jurginis J.* Vilniaus miesto įkūrimo klausimu [К вопросу об основании города Вильнюса] // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai. Ser. A. Vilnius, 1959. T. 1 (6). P. 103–113.

[51] РЛА. № 54.

[52] LUB. Bd. II. № 690.

[53] Новый материал, подтверждающий развитие собственно литовской торговли, см.: *Sadauskaitė I.* XII–XIII amžių pirklio kapas Sargėnuose [Погребение купца в Сергенай XII–XIII вв.] // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai. Ser. A. Vilnius, 1959. T. 2 (7). P. 57–76; ср. также: *Сотникова М.П.* Рязанский клад серебряных литовских слитков из собрания Эрмитажа // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1957. Т. XII. С. 15–18.

[54] LUB. Bd. II. № 689.

благородных»[55]. Надо иметь в виду, что формулы грамот Гедимина (как, впрочем, и Риги) не чеканные, они отражают мысли, возникавшие у составителей в момент написания документа, а также содержат приписки, сделанные в конце текста, при его последнем чтении королем. Тем дороже они как источник.

Но все же о характере власти короля по этим грамотам судить надо очень осторожно. Сам Гедимин не сомневался в своей силе, когда писал ганзейским городам: «В своих землях, где предписываем и повелеваем, казним и милуем, открываем и закрываем [доступ в наши владения], мы самое могущественное лицо»[56]. Он справедливо подчеркнул устойчивость прерогатив законодательной и исполнительной, судебной и административной власти; это — «право земли», упомянутое в договоре 1323 г. Но сам он — выразитель воли феодального класса (господ земли) и его правящей группы, а не абсолютный монарх.

Достаточно развит был и внешнеполитический аппарат государства. Уже Миндовг имел дипломатические связи и договоры с разными частями Руси, с Ригой, Орденом, папством. Это — не случайность. Витень — брат и предшественник Гедимина, имел с Ригой мир — перемирие[57], сам Гедимин писал папе о своих «предшественниках», которые «неоднократно направляли для заключения мира к господам рижским архиепископам своих послов»[58]. Кроме того, в письме к Гедимину рижане свидетельствовали, что «исстари повелось» заключать с Литвой договоры трем партнерам (архиепископ с капитулом, магистр тевтонский и город Рига) одновременно[59]; значит, при Витене это во всяком случае практиковалось. Источникам известны Парнус — посол Миндовга к папе и Лессе — посол Гедимина в Ригу. Речь последнего, произнесенная в Риге, свидетельствует о зрелости литовской дипломатической мысли (в его посольстве участвовали и русские дипломаты и купцы). Сам Гедимин, как явствует не только из его политики, но и из речей, сохраненных в записи посланцев папских легатов, был умным дипломатом и пропагандистом своих политических идей.

[55] Ibid. № 688.
[56] Ibid. № 690.
[57] РЛА. № 53.
[58] LUB. Bd. II. № 687.
[59] РЛА. № 53.

Например, заявив посланцам о решительном отказе от принятия христианства — «если у меня было когда-нибудь [такое] намерение, то пусть меня крестит дьявол», Гедимин сказал, что вообще «хотел бы, чтобы христиане почитали и славили бога своего по-своему, русские — по-своему, поляки — по-своему, а мы славим по нашему обычаю, и у всех [нас] один бог». Эта веротерпимость язычника представляется особенно человечной рядом с воинствующим разбоем крестоносцев. «Что вы мне говорите о христианах! — продолжал король. — Где больше несправедливости, насилия, жестокости, бесчестия и излишества, чем у христиан, особенно у тех, которые кажутся благочестивыми, как, например, крестоносцы, которые совершают всякое зло; они захватывали епископов, бросали их в темницу и содержали в тяжелых условиях до тех пор, пока те не соглашались на все их желания, а других они отправляли в изгнание. Они убивали клириков и священнослужителей, нанесли огромный ущерб городу Риге и не выполнили ничего из того, что в первое время насаждения этой христианской веры клятвенно обещали»[60].

IV

Понятно, что особенно ценны грамоты Гедимина и смежные с ними источники для изучения международного положения Литвы. По ним можно получить представление о борьбе литовского правительства за осуществление двух внешнеполитических задач, тесно связанных между собой: во-первых, за прорыв экономической блокады, осуществляемой Орденом и Ганзой, и, во-вторых, за устранение идеологической изоляции; в сущности, Литве пришлось, как некогда и Руси, завоевывать свое право на христианизацию.

Правительство Литвы имело давние связи с некоторыми городами Ганзы и использовало влияние Риги и других дружественных городов[61] для подготовки мирного договора. Чтобы облегчить действия городов, правительство Гедимина (через посредство Риги, а также саксонских францисканцев и доминиканцев) одновременно завязало сношения с папой Иоанном XXII. Папе король направил два послания, одно из которых (первое) сохранилось.

[60] Там же. № 67.
[61] Там же. № 54.

Дошел до нас и ответ папы на второе послание короля, в котором говорится, что папа получил два послания, одно, где Гедимин перечисляет проступки Ордена, вспоминает политику Миндовга и говорит, что воевал не против христианской веры, а против нарушителей права, и просит прислать архиепископа рижского Фридриха и легата «для установления мира и определения границ». Позже, «по прошествии некоторого времени», папа получил и второе письмо короля, написанное не только от его имени, но и от имени князей и бояр («principes et barones»), которые подтвердили точку зрения Гедимина на крещение, выраженную в его первом письме.

Мы не знаем всего, о чем писал Гедимин во втором письме, где он, возможно, нашел и золотой ключ к сердцу папы, сидевшего без денег в Авиньоне. Сам папа выражается глухо, что послание короля «содержало много благоприятного нашим намерениям», но упоминание об этом он, папа, не включил в текст своего ответа «вследствие краткости последнего»[62].

Папство охотно воспользовалось случаем вступить в сношения с виленским двором, видя в этом если не возможность расширения сферы своей власти на Востоке, то средство давления на Орден. Папа обещал королю послать после крещения Литвы особый мандат «магистру и братьям» и сделать так, чтобы они не чинили королю «неприятности, убытки и несправедливости» и постарались жить с ним «по-братски и в мире».

Успех правительства Гедимина можно видеть в том, что папа издал свое послание *до крещения*: он предписал своим легатам, епископу Бартоломею и аббату Бернарду, ехать в Литву и в «указанных областях» между нею и Орденом «все уладить и примирить»[63]. Любопытно, что от короля папа требовал лишь согласия с легатами, разрешения им и другим католикам свободы проповеди и отеческого отношения к католикам.

Легаты прибыли уже после заключения договора 1323 г. Это дает основание думать, что переписка с папой была использована литовским правительством для создания церковно-политических возможностей союза с Ганзейскими городами. Подобная тенденция сквозит и в письмах городам, которым король сообщал, что вступил в сно-

[62] LUB. Bd. II. № 703.
[63] Ibid.

шения с папой («ответ его мы получили»[64]) и ожидает легатов. Из позднейшего письма рижан Любеку мы узнаем, что уже тогда Гедимин был склонен к раздельному рассмотрению вопросов торговли и веры: «Пусть ко мне придут послы господина папы, которых я ожидаю с величайшим нетерпением, [а] что на сердце у меня, то один бог знает и я»[65].

Влияние Литвы на Ганзейские города в немалой степени объяснялось их заинтересованностью в литовских торговых путях на Новгород и Псков. Об этом Гедимин напоминал во втором послании городам[66], о том же писали королю рижане, признавая, что их сограждане «многократно проезжают» через псковские земли, находящиеся под покровительством Литвы[67]. Словом, справедливо сообщали рижане Любеку, что договор 1323 г. был заключен с немецкой стороны по «непреложной необходимости»[68].

Интересующие нас документы характеризуют обстановку, сложившуюся после подписания договора 1323 г. Когда стало ясно, что Орден не собирается соблюдать договор, правительство Гедимина решило выяснить, с кем из подписавших его оно может надеяться сохранить мир. В письме к ливонским епископам, Риге и Ревелю король добивался ответа, «с кем поддерживать мир» Литве, ибо мир, предусмотренный договором, «долго сохраняться не сможет, если вы не найдете для этого иного пути»[69]. Ответ ему от имени ливонских епископов и Риги (Ревель в деле не участвует) привезли уже посланцы папских легатов, которых, как видно из их отчета, король тоже спрашивал, кто будет поддерживать с ним мир, нарушенный Орденом[70].

Нарушение Орденом договора 1323 г. давало Гедимину формальную возможность отказаться от христианизации Литвы. Королю было ясно, что папские буллы его от Ордена не защитят[71], кроме

---

[64] РЛА. № 54.

[65] Там же. № 62.

[66] LUB. Bd. II. № 690.

[67] РЛА. № 53.

[68] Там же. № 62.

[69] Там же. № 69.

[70] Там же. № 67.

[71] Трудно согласиться с К. Форштрейтером, который отводит обвинение Ордена в срыве договора на том основании, что Гедимин не собирался принимать христианство (см.: *Forstreuter K.* Die Bekehrung des Litauerkönigs Gedimin. Eine Streitfrage // Jahrbuch der Albertus-Universität zu Königsberg. Würzburg, 1955. Bd. 6. S. 157–158). Но Гедимин потому и не мог его принять, что Орден продолжал штурмовать границы Литвы.

того (и это главное), соглашение с папством встретило решительное противодействие в Жемайтии и Белоруссии. Даже советники-францисканцы считали, что королю следует подумать о союзе с Чехией и Венгрией. Ясно одно, что правительству Гедимина удалось сделать первый шаг в международной компрометации Ордена; позднее Ягайло и Витовт продолжат это дело.

Правда, Орден предпринял ответные меры и развернул пропаганду против договора 1323 г., используя для этого епископа вармийского Эбергарда и его капитул и Николая, стража прусских францисканцев. Они выступили с посланиями в защиту Ордена и с обвинениями Литвы[72]. Они утверждали, что Орден не мешает христианизации Литвы, но что путь к ней закрывает литовский король, воюя с католическими державами. Послания духовных отцов не блещут логикой: христианизация не устраняла войн, они же отрицали за язычниками право на самооборону.

Как бы то ни было, экономические интересы сделали свое дело, и через недолгий срок сам Орден оказался вынужденным подписать с Литвой торговый договор 1338 г.

Стало очевидно, что ни Ганза, ни Орден не могли экономически преуспевать без торговли с Литовским великим княжеством, в частности, с подвластными ему городами Белоруссии и связанными с ним Смоленском и Псковом.

Впервые опубликовано в кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию С.Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 463–473 (Тр. ЛОИИ. Вып. 7).

---

[72] LUB. Bd. II. № 695, 698.

Приложение

ПОСЛАНИЯ ГЕДИМИНА*

1. 12 марта 1254 г. Жалованная грамота Миндовга епископу Христиану

Копия, снятая между 31 марта 1352 – 28 мая 1388 гг. (см.: *Chodynicki K.* Próby zaprowadzenia chrześcijaństwa w Litwie przed r. 1386 // Przegląd Historyczny. 1914. T. XVIII. S. 241); хранилась в Кёнигсбергском архиве Ордена (ниже — КА), ныне — в Гёттингене (см.: Regesta. № 140).

Публикуется по изданию: LUB. Bd. I. № 263.

Основание датировки — в тексте.

Текст

Mindowe, Dei gratia rex Lettowiae, omnibus Christi fidelibus, ad quos praesens scriptum pervenerit, salutem in Domino Ihesu. Universitatem vestram scire volumus, quod nos, de maturo consilio nostrorum, recepimus venerabilem patrem, dominum Christianum, quem consecrari postulavimus in episcopum regni nostri, mittentes ipsum in corporalem possessionem, assignantes etiam eidem pro dote Rassegene medietatem, Betegallen medietatem, Lokowe medietatem, in cuius rei perhennem memoriam praesentem paginam sigillo nostro fecimus communiri. Acta sunt haec praesentibus et consentientibus filiis nostris Replen et Gerstuchen, et Parbsen, fideli nostro, anno Domini millesimo ducentesimo quinquagesimo quarto, quarto idus Martii.

---

* В публикуемых текстах раскрыты аббревиатуры, проставлены абзацы и дана современная пунктуация. (Для настоящего издания переводы И.В. Шталь с латинского сверены и радикально исправлены А.В. Назаренко; им же в ряде случаев от редактора добавлены примечания к текстам и переводам. — *Ред.).*

Перевод

Миндовг, милостью Божией король Литвы, всем верующим во Христе, до которых дойдет это писание, здравствовать во Господе Иисусе.

Да будет вам всем известно, что по зрелому размышлению [советников] наших мы приняли досточтимого отца господина Христиана, которого решили посвятить в епископы нашего королевства, введя его во владение имуществом и предоставив ему в дар половину Рассиене, половину Бетегалле, половину Лукове, в вечную память чего мы распорядились скрепить настоящую грамоту нашей печатью.

Это совершено в лето Господне тысяча двести пятьдесят четвертое, в четвертые иды марта в присутствии и при согласии сыновей наших Реплена и Герстухена, а также нашего вассала Парбсена.

2. [1323 г.] Послание Гедимина папе Иоанну XXII

Современная копия на пергамене, без даты; хранилась в КА, ныне в Гёттингене (см.: Regesta. № 520).

Публикуется по изданию: LUB. Bd. II. № 687.

Основание датировки — ссылка Гедимина на это послание в грамоте от 25 января 1323 г. (см. ниже № 3).

Текст

Excellentissimo patri, domino Iohanni, Romanae sedis summo pontifici, Gedeminne, Letwinorum et multorum Ruthenorum rex etc. Diu est, quod audivimus, quod omnes cultores Christianae fidei vestrae auctoritati et paternitati debent esse subiecti, et quod ipsa fides catholica iuxta provisionem Romanae ecclesiae gubernatur. Hinc est quod reverentiae vestrae praesentibus litteris declaramus, quod praedecessor noster, rex Mindowe, cum tote suo regno ad fidem Christi fuit conversus, sed propter atroces iniurias et innumerabiles proditiones magistri fratrum de domo Theutonica omnes a fide recesserunt, sicut proh dolor et nos usque in hodiernum diem in errore ipsorum progenitorum nostrorum permanere. Nam multociens praedecessores nostri nuntios suos dominis archiepiscopis Rigensibus miserunt pro pace facienda, quos crudeliter occiderunt, sicut patet per dominum Isarnum, qui nobiscum et cum fratribus de domo Theutonica ex parte domini Bonifacii pacem et treugas ordinavit, et litteras suas nobis misit, sed, nuntiis de domino Isarno revertentibus, in via alios occiderunt, alios suspenderunt et ut se ipsos submergerent

coegerunt. Item praedecessor noster, rex Viten, misit litteras suas domino legato Francisco et domino archiepiscopo Frederico, rogans, ut sibi duos fratres de ordine minorum fratrum mitterent, assignans eis locum et ecclesiam iam constructam. Hoc intelligentes fratres Prusciae de domo Theutonica, miserunt exercitum per devia, et praedictam ecclesiam igne succenderunt. Item dominos archiepiscopos et episcopos et clericos capiunt, ut patet in domino Iohanne, qui temporibus domini Bonifacii in curia fuit defunctus, et in domino Frederico archiepiscopo, quem fraudulenter de ecclesia eiecerunt. Item clericum unum, dominum Bertoldum, quem in civitate Rigensi in propria domo crudeliter occiderunt. Item terras ponunt desertas, ut.patet in Semigallia et in aliis multis. Sed dicunt, quod faciunt propterea, ut Christianos defendant. Pater sancte et reverende! nos Christianos non impugnamus, ut fidem catholicam destruamus, sed ut iniuriis nostris resistamus, sicut faciunt reges et principes Christiani, quod patet, quia habemus nobiscum fratres de ordine fratrum minorum et de ordine fratrum praedicatorum, quibus dedimus plenam libertatem baptizandi, praedicandi et alia sacra ministrandi. Ista enim, pater reverende, vobis scripsimus, ut sciatis, quare progenitores nostri in errore infidelitatis et incredulitatis decesserunt. Nunc autem, pater sancte et reverende, studiose supplicamus, ut flebilem statum nostrum attendatis, quia parati sumus, vobis, sicut ceteri reges Christiani, in omnibus obedire et fidem catholicam recipere, dummodo tortoribus praedictis, videlicet magistro praedicto et fratribus, in nullo teneamur.

Перевод

Высочайшему отцу, господину Иоанну, первосвященнику римского престола, Гедимин, король литовцев и многих русских и проч.

Издавна мы слыхали, что все исповедующие христианскую веру должны подчиняться вашей воле и отцовской власти и что сама католическая вера направляется попечением римской церкви.

Вот почему настоящим посланием мы сообщаем вашему благочестию, что наш предшественник король Миндовг со всем своим королевством был обращен в христианскую веру, но из-за жестоких обид и бесчисленных предательств магистра братьев Тевтонского дома все [они] отпали от веры, так же как, о горе, и мы до нынешнего дня пребывали в заблуждении оных предков.

Ведь наши предшественники неоднократно направляли к господам рижским архиепископам своих послов для заключения мира, которых безжалостно убивали, как это явствует из [случившего-

ся с] господином Изарном, который от лица господина Бонифация устроил между нами и братьями Тевтонского дома мирный договор и направил нам свое послание, но когда послы возвращались от господина Изарна, то по дороге одних убили, других повесили и принудили утопиться.

Также предшественник наш, король Витень, направил свою грамоту господину легату Франциску и господину архиепископу Фридриху с просьбой прислать ему двух братьев ордена миноритов, предоставив им место и уже построенную церковь. Проведав об этом, прусские братья Тевтонского дома окольными путями послали войско и предали вышеназванную церковь огню.

Также они захватывают господ архиепископов, и епископов, и клириков, как явствует из [случившегося с] господином Иоанном, которого умертвили в курии во времена господина Бонифация, и с господином архиепископом Фридрихом, которого они обманом изгнали из церкви. А также одного клирика, господина Бертольда, которого в городе Риге безжалостно убили в собственном доме[1].

Также они опустошают земли, как явствует из [примера] Земгалии и многих других. Но говорят, что делают [это] для того, чтобы защитить христиан.

Святой и досточтимый отец, мы воюем с христианами не для того, чтобы уничтожить католическую веру, но чтобы противостоять [наносимым] нам обидам, как поступают короли и князья христианские; это явствует из того, что у нас есть братья ордена браев-миноритов и ордена братьев-проповедников, которым мы дали полную свободу крестить, проповедовать и совершать прочие священнодействия.

Ибо мы написали это вам, досточтимый отец, чтобы вы знали, почему наши предки умерли в заблуждении неверности и неверия. Ныне же, святой и досточтимый отец, усердно молим, чтобы вы обратили внимание на наше бедственное положение, поскольку мы готовы, как и остальные христианские короли, во всем вам подчиняться и принять католическую веру, лишь бы только никак не зависеть [в этом] от вышеупомянутых притеснителей, а именно вышеупомянутых магистра и братьев.

---

[1] Здесь и систематически ниже очевидные синтаксические сбои в переводе отражают особенности языка оригинала; латынь Гедиминовых грамот весьма далека от совершенства. — *Ред.*

3. 25 января 1323 г. Послание Гедимина гражданам Любека, Штральзунда, Бремена, Магдебурга, Кёльна

Писана на пергамене современным почерком, без печати и следов печати; хранится в Рижском Городском государственном архиве (ниже — РГА), фонд 2 («Внешний архив») Рижского магистрата, ящик № 18, документ № 18.

Публикуется по изданию: РЛА. № 54.

Основание датировки — в тексте; была скопирована 18 июля 1323 г. в Любеке (см.: PUB. Bd. II (1). № 414, 415; Regesta. № 527).

Текст

Christicolis vniuersis in toto orbe diffusis, viris et mulieribus, precipue cum[1a] aliquibus ciuitatibus prerogatiuis, Lubicensi, Sundensi, Broemensi, Maydeborgensi, Colloniensi, ceteris vero vsque Romam, Gedeminne dei gratia Letphinorum Ruthenorumque Rex, princeps et dux Semigallie, honoris et fauoris constantiam cum salute. Tenore presencium significamus tam presentibus absentibus, quam futuris, nostrum nuncium cum litteris nostris domino apostolico et patre nostro sanctissimo sub Katholice fidei receptione direxisse, cuius responsum nouimus: et suorum legatorum tediosissime omni die exspectamus; quod si ad vos veniunt, ipsos promouentes honorifice nostre presencie transmittendo. Quod volumus promereri casu simili vel maiori; quia quidquid eis beneficii fecistis, nobis fecisse dinoscatis. Quum cuncta, que sanctissimo patri et domino nostro summo pontifici litteraliter conscripsimus, ad laudem Dei et honorem ecclesie sancte inuiolabiliter studebimus obseruare, ecclesias erigere, sicuti iam fecimus: vnam de ordine predicatorum sciatis nos infra duos annos erectam in ciuitate nostra Vilna de nouo. Quas vero de ordine minorum vnam in Vilna ciuitate nostra predicta, aliam in Noggardis quam cruciferi Prucie ob destructionem christianitatis et fratrum minorum exstirpationem terre nostre igne combusserunt. Quam hoc anno iterum ad honorem Dei omnipotentis et sue genitricis virginis Marie, et beati Francisci fecimus reedificare, vt laus Christi ad vtilitatem nostram et in remedium salutiferum filiorum et vxorum nostrarum et eciam omnium verum Deum Jhesum Christum colentium ab eisdem fratribus iugiter perseueret. Episcopos, sacerdotes, religiosos ordinis cuiuscunque[2],

---

[1a] Возможно, следует читать precipue tamen или т.п.ж перевод дан по общему смыслу. — *Ред.*

[2] Явный дефект текста: отсутствует сказуемое — судя по смыслу последующего, *invitamus* или подобное. — *Ред.*

dummodo eorum vita non sit vitiata, sicut illorum qui claustra edificant, et tollunt elemosinas bonorum hominum et tunc vendunt, et implent dictam civitatem (vos autem fecistis speluncam latronum) — talibus exceptis: nam eorum amicicia non erit nobis socia. Insuper terram, dominium et regnum vnicuique bone voluntatis patefacimus, militibus, armigeris, mercatoribus, curensibus, ferrariis, carpentariis, sutoribus, pellificibus, pistoribus, tabernariis, artis mechanice cuiusque — hiis omnibus prescriptis volumus terram diuidere, vnicuique secundum suam dignitatem. Hi qui coloni venire volueriut, annis decem colant terram nostram absque censu. Mercatores intrent et exeant sine exactione et teloneo libere omni inpedimento procul moto[3]. Milites et armigeri[4], si mane[5] voluerint, dotabo eos rebus et possessione, prout decet. Omne vero vvlgus gaudeat iure ciuili Rygensis ciuitatis, nisi tunc melius fuerit inuentum de concilio discretorum. Quicunque predicta inpedierit, et venientes perscrutare prenotata etiam inpedierint, grauiter nos molestant, et non eis, sed nostre regali magnificentie cognoscant esse factum. Nam post istud tempus nulli obesse, sed omnibus prodesse volumus, ac pacem, fraternitatem karitatemque veram cum omnibus fidelibus Christi firmare federe sempiterno. Vt hec maneant illibata, nostrum sigillum presentibus in testimonium dedimus et munimen. Datum iu ciuitate nostra Vilna, matura deliberatione, anno domini M°CCC°XXIII° in conuersatione sancti Pauli apostoli. Rogamus vniuersos consules, ut hec litera exscribatur, et exscriptum ad ecclesie postes affigatur, et ipsa litera amore nostri sine aliqua dilatione ad vicinam ciuitatem transmittatur, vt Dei gloria sic innotescat vniuersis. Orate Deum pro nobis.

Перевод

Всем христианам, рассеянным по всему миру, мужам и женам, особенно же некоторым выдающимся городам Любеку, Штральзунду, Бремену, Магдебургу, Кельну, прочим же вплоть до Рима, Гедимин, милостью Божией король литовский и русский, князь и герцог Земгалии, — постоянства в чести и почете и здравия.

---

[3] *sine exactione et teloneo libere omni inpedimento procul moto* — ср. № 4 («sine theoloneo, exactione angariarum et perangariarum... omni turbatione procul mota»), N 5 («sine ulla exactione sive theoloneo et omni turbatione procul mota»), N 6 («omni exactione, theoloneo, infestatione iniusta angariarum et perangariarum procul motis»). Следовательно, содержание документа 1387 г. — не новость.

[4] *milites et armigeri* — ср. № 4 (*milites, vasales*).

[5] Очевидно, следует читать *manere*; перевод дан в соответствии с такой конъектурой. — *Ред.*

Сим уведомляем как нынешних отсутствующих[5a], так и будущих, что мы направили нашего посла с нашими грамотами к господину апостольскому [наместнику] и святейшему отцу нашему о принятии католической веры, коего ответ мы знаем, и всякий день с нетерпением ожидаем прибытия его легатов, так что, если они придут к вам, содействуя им, с почетом препровождайте к нам. Мы отплатим вам таким же образом или больше, ведь какое бы благодеяние вы им ни оказали, знайте, что оказали нам.

Ибо все, о чем мы святейшему отцу и господину нашему первосвященнику написали в грамоте, мы будем стремиться неукоснительно во хвалу Господа и к чести святой церкви выполнять, возводить церкви, как уже делаем. Да будет вам известно, что за два года мы заново построили одну для ордена проповедников в нашем городе Вильне. А оные для ордена миноритов — одну в вышеупомянутом нашем городе Вильне, другую — в Новогородке, которую прусские крестоносцы сожгли ради уничтожения христианства и искоренения на нашей земле братьев-миноритов. Оную в этом году мы приказали отстроить вновь во славу Господа всемогущего и Его родительницы Девы Марии и блаженного Франциска, дабы хвала Христу неустанно возносилась теми братьями на пользу нам и во спасительное исцеление детей и жен наших, а также всех, почитающих истинного Бога Иисуса Христа.

[Приглашаем] епископов, священников, монашествующих любого ордена, лишь бы жизнь их не была порочна, как у тех, которые строят монастыри[6] и вымогают милостыню у добрых людей и потом торгуют и наполняют упомянутое государство (вы же устроили вертеп разбойников) — исключая таковых, потому что дружба с ними не будет нашей спутницей.

Сверх того, мы открываем землю, державу и королевство любому человеку доброй воли — рыцарям, оруженосцам, купцам, curensibus[7], кузнецам, тележникам, сапожникам, кожевникам, пекарям, лавочникам, [представителям] любого ремесла — всем им вы-

---

[5a] Текст явно испорченж ввиду затруднительности конъектуры даем его буквальный перевод. — *Ред.*

[6] Возможен также перевод «замки», но аналогичный пассаж в грамоте № 4 не оставляет сомнений, что речь идет о монастырях. — *Ред.*

[7] Кто такие *curenses*, непонятно; И.В. Шталь, очевидно, по догадке и ассоциации с лат. *cura* «забота, уход», переводила это слово как «лекари», однако в известных нам словарях оно не отыскивается. Напрашивающаяся конъектура *curienses* (< лат. *curia* «двор») также не дает внятного смысла и не представлена в словарях. — *Ред.*

шеперечисленным мы намерены давать землю, каждому сообразно его положению.

Те земледельцы, которые захотят прийти, пусть в течение десяти лет без налога возделывают нашу землю. Купцы пусть въезжают и выезжают без сборов и пошлин, свободно [и] совершенно беспрепятственно.

Рыцарей и оруженосцев, если пожелают остаться, я наделю их имением и владением, как подобает.

Весь же народ пусть пользуется гражданским правом города Риги, если только затем советом рассудительных [людей] не будет придумано лучше.

Всякий, кто станет препятствовать вышесказанному и также станут препятствовать приходящим узнать вышеизложенное, нанесут нам тяжкое оскорбление, и пусть знают, что сделали [это] не им, но нашему королевскому величию.

Ведь после сего времени мы не хотим никому причинять вреда, но всем помогать и скрепить вечным союзом мир, братство и истинную любовь со всеми верными во Христе.

Чтобы это оставалось нерушимым, мы засвидетельствовали и скрепили настоящее [послание] нашей печатью.

Дано в нашем городе Вильне, по зрелом размышлении, в лето Господне 1323-е в [день] обращения святого апостола Павла.

Мы просим всех советников, чтобы эта грамота была списана и список прикреплен к дверям церкви, а сама грамота из любви к нам без малейшего промедления была переправлена в соседний город, дабы так слава Божия стала известна всем. Молите Бога о нас.

4. 26 мая 1323 г. Послание Гедимина гражданам Любека, Ростока, Штральзунда, Грейфсвальда, Штеттина и Готланда

Копия, снятая 18 июля 1323 г. (см.: РЛА. С. 33, ср.: CDL. P. 27–32); хранилась в КА, ныне — в Гёттингене (см.: Regesta. № 526).

Публикуется по изданию: LUB. Bd. II. № 690.

Основание датировки — в тексте.

Текст

Gedeminne, Dei gratia Lethphanorum Ruthenorumque rex, princeps et dux Semigalliae, honorabilibus viris, providis et honestis, advocatis, consulibus civibusque Lubicensibus, Rostockcensibus, Sundensibus, Gripesvaldensibus, Stetinensibus, Gotlandiaeve, mercatoribus et mechanicis cuiuscunque

conditionis, salutem et regalem gratiam et favorem. Cum omnia regna subiacent coelesti regi Iesu Christo, de quibus unum tenemus, tamquam forma in materia vel servus in domo, licet omnium regum minimus apparemus, tamen Dei providentia in propriis maximus, in quibus habemus praecipere et imperare, perdere et salvare, claudere et reserare; iamdudum nostros terminos transivistis, absque ulla recognitione, visitando Novgardiam, Pleskowiam, quae omnia permisimus futurum propter bonum. Nunc vidistis et aure percipitis de die in diem omnium vestrorum detrimentum; miserunt progenitores nostri vobis suos nuntios et litteras, aperuerunt vobis terram, nullus vestrorum veniens, aut canis ex parte eorum referens grates de praeceptis. Non vos terreant praescripta. Si ipsi unum promiserunt, Domino annuente, nos dupla faciemus, ideoque amplius, quia patri nostro, sanctissimo domino papae, nostras litteras misimus, pro ecclesiae Dei unione, et legatorum suorum adventum cum inenarrabili taedio expectamus, quorum praesentiam litteraliter recepimus nos videre. Idcirco consulentes vobis ipsis, mittentes nobis ex parte vestrorum omnium sollemnes nuntios veros et viros fidedignos, super manum nostram et super praesens scriptum, nostro regio sigillo roboratum, super hoc promittimus vobis omnibus, fide data, quod talem pacem ordinabimus [in] invicem, quod Christiani similem nunquam sentiebant. Episcopos, sacerdotes, religiosos ordinis praedicatorum et minorum colligemus, quorum vita laudabilis et probata; talium nolumus accessum, qui de coenobiis faciunt latronum refugium et elemosinam vendunt in detrimentum animarum, et etiam unde latrunculi exeunt in praeceptis et mortificationem clericorum; de talibus monachis sibi unusquisque caveat consulimus dominorum. Insuper ex regali dono damus iam in praesenti carta nostram terram liberam esse, sine theoloneo, exactione angariarum et perangariarum, super omnes praedecessores nostros, omnibus mercatoribus, militibus, vasallis, quos dotabo redditibus, unicuique suam secundum dignitatem, mechanicis conditionis cuiuscunque, scilicet fabris, sutoribus, carpentariis, lapicidis, in arte salis peritis, pistoribus, argentariis, balistariis, piscatoribus, cuiusve conditionis veniant, cum liberis, uxoribus et iumentis intrent et exeant secundum placitum, omni turbatione procul mota, quod spopondimus in his fide data, quod ab omni iniusta impetitione meorum subditorum manebunt securi et exemti. Agricolis, nostrum regnum intrandi commorandique volentibus, damus et concedimus ad decem annos colere libere absque censu, et medio tempore ab omni opere regio sint exemti[8];

[8] *ab omni opere regio sint exemti* — ясное свидетельство существования различных государственных повинностей.

termino praedicto exspirato, et etiam secundum terrae fertilitatem, dabunt decimam, prout in aliis regnis vel populis dare consueverunt; ita tamen, quod nobiscum plus exuberabit granum, quam in aliis regnis est consuetum. Iure civili utantur Rigensis civitatis omnis vulgus, nisi tunc melius fuerit inventum de sano consilio discretorum. Ut igitur securiores et magis certiores vos reddamus, duas ecclesias fratrum minorum, unam in civitate nostra regia, Vilna dicta, et aliam in Novgardis habemus erectas, et tertiam fratrum praedicatorum, at quivis secundum ritum suum Deum colat. Quod ergo nostrae donationis concessio maneat impermutabilis et firma, praesentem cartam conscribi iussimus et sigilli nostri appensione fecimus roborari, quia hoc scientes, quod idem sigillum domino nostro ac patri sanctissimo misimus, et quidquid sibi litteraliter conscripsimus, servabimus illibatum. Contradictores huius sigilli, tamquam malitiosos fidei destructores, hereticos, mendaces, repudiamus, et omni honore privatos in his scriptis. Per ducatum domini Bonislav, ducis Masoviae, ad nos poterit habere securum accessum super manum nostram unusquisque. Datum Vilna, anno Domini MCCCXXIII, ipso die corporis Christi. Littera perlecta in una civitate, petimus sub testimonium religiosorum ac aliorum fide dignorum virorum exscribi et mittere in aliam sine mora, ut desiderium nostrum manifestetur universis. Valete.

Перевод

Гедимин, милостью Божией король литовский и русский, князь и герцог Земгалии, мужам почтенным, разумным и честным, фогтам, советникам и гражданам Любека, Ростока, Штральзунда, Грейфсвальда, Штеттина и Готланда, купцам и ремесленникам всех профессий — здравия, королевской милости и почета.

Поскольку все королевства подвластны царю небесному Иисусу Христу, одним из которых владеем мы, как форма — содержанием и слуга — домом, то, хотя среди всех королей мы являемся наименьшим, однако Божиим промыслом в своих землях — наибольшим, в которых нам дано повелевать и править, казнить и миловать, запирать и отпирать.

Прошло уже время с тех пор, как вы безо всякого досмотра перешли наши границы, чтобы посетить Новгород, Псков. Все это мы позволили, уповая на благо в будущем.

Теперь вы изо дня в день видите и слухом слышите об убытке, [который] вы все [понесли]. Наши предки посылали к вам своих послов и грамоты, распахнули вам землю, никто из ваших не пришел,

ни даже собака с их стороны не ответила благодарностью за [такие] намерения.

Вышенаписанное пусть не пугает вас. Если они обещали одно, то мы с благословения Господа сделаем вдвойне и потому больше, что ради единения с церковью Божией мы направили наши грамоты отцу нашему, святейшему господину папе и с несказанным нетерпением ожидаем прибытия его легатов, про которых мы письменно уведомлены, что их увидим.

Поэтому позаботьтесь о себе, шлите ото всех вас к нам торжественных истинных послов и людей веродостойных, к нашей руке[9] и в ответ на настоящее послание, скрепленное нашей королевской печатью; в ответ на это клятвенно обещаем вам всем, что установим такой мир, подобного которому христиане никогда не знали.

Мы соберем епископов, священников, монахов ордена проповедников и миноритов похвальной и проверенной жизни; [но] мы не желаем доступа [к нам] тех, которые из монастырей делают притоны разбойников и торгуют милостыней на погибель души, и откуда даже выходят разбойники по предумышлению и на умерщвление клириков. Полагаем, всякий государь да остережется таких монахов.

Сверх того, сверх всех наших предшественников, мы уже в настоящем послании жалуем королевским пожалованием, чтобы наша земля была свободна, без пошлин и взимания всех и всяческих податей[10] для всех купцов, рыцарей, вассалов, которых я обеспечу доходами каждого сообразно его положению, для ремесленников любой профессии, именно кузнецов, сапожников, тележников, каменотесов, искусных в добыче соли, пекарей, серебреников, арбалетчиков, рыбаков, какой бы профессии ни пришли, пусть приходят с женами, детьми и скотом и уходят по желанию совершенно беспрепятственно, как мы в том клятвенно обязались, что они пребудут в безопасности и избавлены от всякой несправедливости со стороны моих подданных.

---

[9] Оборот *super manum cuiuslibet,* встречающийся еще раз в конце грамоты, плохо поддается переводу, обозначая пребывание рядом, бок о бок с кем-либо или движение с целью такого пребывания; поэтому передаем его буквально «идти к руке». — *Ред.*

[10] Выражение *angariarum et perangariarum* означает не разные виды податей, а чисто риторическое усиление смысла, заменяющее конкретное перечисление, в дословном переводе что-то вроде «податей и переподатей», «податей и распроподатей»; перевод дан по смыслу. — *Ред.*

Земледельцам, желающим прийти в наше королевство и остаться, мы жалуем и дозволяем в течение десяти лет свободно без налога обрабатывать [землю], и в течение [этого] времени они да будут свободны от любой королевской повинности. По истечении вышеупомянутого срока и также соответственно плодородию земли они будут давать десятину, как заведено в других королевствах и у других народов — так, однако, что у нас хлеб будет изобильнее, чем обыкновенно бывает в других королевствах.

Пусть весь народ пользуется гражданским правом города Риги, если только тогда по здравому совету [людей] рассудительных не будет придумано лучше.

А чтобы вы чувствовали себя увереннее и надежнее, мы построили две церкви миноритов: одну в нашем королевском городе, именуемом Вильной, и другую в Новогородке, и третью — братьев проповедников, да служит каждый Господу согласно своему обряду.

А чтобы наше пожалование пребывало нерушимым и крепким, мы повелели написать эту грамоту и скрепить ее привешиванием нашей печати. Ведь знаете, что такую печать мы послали господину нашему и святейшему отцу, а все, что мы написали ему в грамоте, будем хранить неизменно. Перечащих этой печати мы отвергаем и этим посланием лишаем всякой чести как злобных разрушителей веры, еретиков, лжецов.

Всякий может безопасно добраться до нас к руке нашей через княжество господина Болеслава, князя Мазовии.

Дано в Вильне, в лето Господне 1323-е, в самый день Тела Христова.

Послание, оглашенное в одном городе, просим переписать при свидетельстве духовных лиц и других веродостойных мужей и без промедления переслать в другой, чтобы наше желание стало известно всем.

Прощайте.

5. 26 мая 1323 г. Послание Гедимина монахам ордена проповедников (доминиканцев)

Копия, снятая 18 июля 1323 г.; хранилась в КА, ныне — в Гёттингене (см.: Regesta. № 525).

Публикуется по изданию: LUB. Bd. II. № 688.

Основание датировки — в тексте.

Текст

Gedeminne, Dei gratia Lethphanorum Ruthenorumqae rex, princeps et dux Semigalliae, litteratis viris et devotis, ordinis praedicatorum magistris cuiuscunque provinciae, prioribusve, fratribus universis, principialiter tamen magistro Saxoniae, ac prioribus sub eodem constitutis, salutem et quidquid melius poterit adoptari. Sciat vestra honorabilis commendabilisque scientia, nostros nuntios cum litteris misisse ad patrem nostrum gloriosissimum, dominum Iohannem papam, ut nos vestiat stola prima, cuius nuntios cum grandi timore et taedio de die in diem exspectamus, quia domino Iesu Christo annuente iam parati erimus ad quaeque suae beneplacita voluntatis, ita quod episcopos cupimus, sacerdotes, religiosos colligere, exceptis his, qui claustra sua vendunt[11] et machinantur in mortem clericorum. Iura ecclesiastica protegere, clerum honorare volumus et cultum Dei ampliare. Idcirco petimus, ut vos haec in civitatibus, locis et villis, ubi aliquem vestrum praedicare contigerit, populo nuntietis. Etiam si qui milites essent et armigeri, daremus eis redditus et agriculturam[12], quantum vellent, mercatoribus, fabris, carpentariis, balistariis, sutoribus, artis mechanicae cuiuscunque, cum uxoribus et liberis et iumentis, concedimus liberum introitum et exitum terrae nostrae, sine ulla exactione sive theolonio, et omni tnrbatione procul mota. Licet cruciferi, huius negotii causa praescripti sigillum nostrum in contumeliam nostram igne cremaverunt, videbitur, ut a Deo inceptum exstinguerent, et oculos hominum obsecarent[13], tamen hanc cartam cum ipso sigillamus, prout sigillari fecimus litteras domini patris apostolici praedilecti, in certam credentiam et munimen, quum prius ferrum in ceram transit et aqua in calibem commutatur, quam verbum a nobis progressum retrahamus. Malignantes contra hoc scriptum et sigillum sunt detractores veritatis, diaboli cultores, fidei destructores, heretici mendaces et omni honore privati in his scriptis. Hac littera lecta et exscripta a magistro et prioribus Saxoniae ultra mittatur quanto prius, ut Dei gloria perficiat, quod incepit. Datum anno Domini MCCCXXIII, ipso die corporis Christi. Valete.

---

[11] *exceptis his, qui claustra sua vendunt* — намек на цистерцианцев, продавших Ордену в 1305 г. Дюнамюнде без согласия архиепископа рижского. (Скорее всего, все же речь идет о рыцарях Тевтонского ордена, как и в аналогичных оборотах других одновременных грамот; см. № 3–4, 6. — *Ред.*)

[12] *agricultura* — ср. № 4 (*terra*) — рыцарям и вассалам жаловалась, следовательно, окультуренная, видимо, населенная крестьянами земля.

[13] Очевидно, следует читать *obcecarent;* перевод дан в соответствии с этой конъектурой. — *Ред.*

Перевод

Гедимин, милостью Божией король литовский и русский, князь и герцог Земгалии, ученым мужам и благочестивым, магистрам и приорам ордена проповедников всех провинций и всем братьям, а в первую очередь магистру Саксонии и приорам, под ним сущим, здравия и всего наилучшего, чего бы ни пожелал.

Да знает ваша достойная уважения и похвалы премудрость, что [мы] направили наших послов с грамотой к славнейшему отцу нашему господину папе Иоанну, дабы облачил нас в крещальную рубаху. Его послов с великим трепетом и нетерпением мы ожидаем со дня на день, ибо с благословения Господа Иисуса Христа тотчас же с готовностью примем любое благоусмотрение его воли, так что желаем собрать к себе епископов, священников, духовных лиц, кроме тех, которые продают свои обители и чинят убийства клириков. Мы намерены защищать права церкви, чтить клир и ширить почитание Бога.

Потому просим, чтобы вы оповещали об этом народ в городах, местах и селах, где бы кому-либо из вас ни случилось проповедовать.

И если которые будут рыцари и оруженосцы, то дадим им доход и землю, сколько пожелают; купцам, кузнецам, тележникам, арбалетчикам, сапожникам, [представителям] любого вида ремесла вместе с женами, детьми и скотом мы предоставляем свободный вход в нашу землю и выход без каких бы то ни было сборов и пошлин, совершенно беспрепятственно.

Хотя крестоносцы в обиду нам сожгли нашу печать при грамоте, написанной по этому поводу, с тем, очевидно, чтобы уничтожить начатое Богом и ослепить глаза людские, однако мы скрепляем ею эту грамоту, подобно тому как приказали скрепить печатью послание к господину возлюбленнейшему апостолическому отцу в знак несомненной истинности и крепости, ибо скорее железо превратится в воск, а вода — в сталь, чем мы возьмем назад слово, сказанное нами.

Злоумышляющие против этой грамоты и печати суть исказители истины, поборники дьявола, разрушители веры, еретики лживые и лишенные всякой чести этой грамотой.

По прочтении и списании этого послания магистром и приорами Саксонии, пусть как можно скорее будет послано дальше, дабы слава Божия завершила, что начала.

Дано в лето Господне 1323-е, в самый день Тела Христова.

Прощайте.

6. 26 мая 1323 г. Послание Гедимина монахам ордена миноритов (францисканцев)

Копия, снятая 18 июля 1323 г., хранилась в КА; ныне — в Гёттингене (см.: Regesta. № 524).

Публикуется по изданию: LUB. Bd. II. № 689.

Основание датировки — в тексте.

Текст

Gedeminne, Divina providentia Letphanorum Ruthenorumque rex, princeps Semigalliae et dux, religiosis in Christo viris et patribus reverendis et devotis, ministris, custodibus et gardianis, ceterisque fratribus minoribus universis, toto orbe diffusis, praecipue tamen ministro Saxoniae, ceterisque fratribus universis, salutem cum promotionis amminiculo continuum incrementum. Scire vos volumus litteras nostras patri nostro excellentissimo, domino Iohanni, sedis apostolicae summo pontifici, direxisse, ut iuvaret nos una cum ceteris suis ovibus ad pascua ubertatis; recepimus itaque in responso breviter adventum fieri suorum legatorum, quorum dilatio taedia nobis generat infinita, ut eo citius perficeretur opus Dei et fraus seductoria cassaretur. Cupimus per vos et vestros fratres in omnibus civitatibus, locis seu villis nostrum pandere velle universis, et populum hortari salutaribus monitis, ut, quod rigavit Deus, pullulet ac metat, et in coelestibus collocet cum beatis. Volumus enim episcopos, sacerdotes, religiosos ordinis cuiuscunque colligere, praecipue de vestris, quibus iam ereximus duas ecclesias, unam in civitate nostra regia, dicta Vilna, aliam in Novgardia, ad quas nobis hoc anno quatuor fratres, scientes Polonicum, Semigallicum ac Ruthenicum[14], ordinetis, tales ut nunc sunt et fuerunt, et etiam de praedicatoribus, quibus dabimus ecclesiam tempore successivo; exclusis tamen religiosis, qui coenobia eorum in dispendium dominorum et mortificationem clericorum vendunt, miserabiliter animas illudentes. Intimantes etiam populo et fratribus, incipiatis intimare in civitatibus, locis et villis amore nostri, quod militibus et armigeris redditus dabimus, mercatoribus autem, fabris, carpentariis, argentariis, salis arte peritis, ac plane mechanicis conditionis cuiuscunque

---

[14] *ac ruthenicum* — В.Г. Васильевский считал это чтение верным (имея в виду частую путаницу в средневековых текстах между *Ruthenicum* и *Pruthenicum*. — *Ред.*), ссылаясь на *utraque lingua* (A. Theiner: VMPL. № 296 — в грамоте папы; *Васильевский В.Г.* Обращение Гедимина в католичество // ЖМНП. 1872. Ч. 159. № 2. С. 159), ср.: *Forstreuter K.* Die Bekehrung des Litauerkönigs Gedimin. Eine Streitfrage // Jahrbuch der Albertus-Universität zu Königsberg. Würzburg, 1955. Bd. 6. S. 244, Anm. 18.

liberam facultalem intrandi et exeundi terram nostram, per ducatum ducis Masoviae, domini Bonizlai, omni exactione, theoloneo, infestatione iniusta angariarum et perangariarum procul motis. Haec scripta servabimus rata, quia verbum nostrum ut calibs manebit duraturum. In cuius rei testimonium nostrum sigillum, quod domino apostolico et patri nostro sanctissimo misimus, quod nunc cruciferi ad ignem proiecerunt, in contumeliam huius legationis, praesentibus duximus apponendum. Huius sigilli contradictores et seriei reddimus falsoris fidei persecutores, haereticos malitiosos et perversos in his scriptis. Datum Vilna, anno Domini MCCCXXIII, ipso die corporis Christi. Littera perlecta a ministro et custodibus, mittatur ad aliam provinciam, et omnes fratres fideliter orent pro rege, filiis et reginis, et tota terra, ut Dominus perficiat, quod incepit.

Перевод

Гедимин, промыслом Божиим король литовский и русский, князь и герцог Земгалии, благочестивым во Христе мужам и досточтимым и богопослушным отцам, министрам провинций, главам кустодий и пастырям обителей и всем остальным братьям-миноритам, рассеянным по всему миру, а в первую очередь министру Саксонии и всем остальным братьям, здравия и помощи в постоянном преумножении.

Да будет вам известно, что [мы] направили нашу грамоту высочайшему отцу нашему господину Иоанну, первосвященнику апостольского престола, чтобы управил нас вместе с прочими овцами своими к пастбищам тучным. Из ответа мы узнали, что скоро прибудут его легаты, промедление которых рождает в нас глубокое беспокойство, чтобы тем скорее исполнилось дело Божие и прекратились совратительные бедствия.

Мы хотим через вас и ваших братьев во всеуслышание объявить нашу волю во всех городах, местах и селах и наставить народ спасительными увещаниями, дабы, что оросил Господь, взрастил бы и пожал и вселил на небесах со святыми. Ибо мы желаем собрать епископов, священников, духовных лиц любого ордена, особенно из вас, коим мы уже выстроили две церкви, одну в нашем королевском городе, именуемом Вильной, другую — в Новогородке, для которых назначьте нам в этом году четырех братьев, знающих польский, земгальский и русский языки, таких, какие есть теперь и были прежде; а также из ордена проповедников, которому мы предоставим церковь в скором времени; исключая, однако, монашествующих, ко-

торые продают свои обители во вред господам и на умерщвление клириков, прискорбно пренебрегая [своими] душами.

Также, говоря с народом и братьями, начните ради любви нашей говорить в городах, местах и селах, что рыцарей и оруженосцев мы обеспечим доходом, а купцам, кузнецам, тележникам, серебреникам, искусным в соледобыче — словом, ремесленникам любой профессии дадим возможность свободного входа в нашу землю и выхода через княжество князя Мазовии господина Болеслава совершенно безо всяких сборов, пошлин, незаконного взыскания всех и всяческих податей[15].

Силу этого писания мы будем сохранять, ибо наше слово пребудет твердым, как сталь.

В свидетельство этого мы почли нужным приложить к настоящему нашу печать, каковую послали апостольскому господину и нашему святейшему отцу и каковую теперь крестоносцы предали огню, в поношение этого посольства. Перечащих этой печати и содержанию мы этим писанием объявляем последователями исказителя веры, злобными и коварными еретиками.

Дано в Вильне, в лето Господне 1323-е, в самый день Тела Христова.

По прочтении грамоты министром [провинции] и главами кустодий пусть его перешлют в другую провинцию и пусть все братья усердно молятся за короля, детей и королев и всю землю, дабы Господь завершил, что начал.

7. [до 2 октября] 1323 г. Послание совета города Риги Гедимину

Маленький листок пергамена; поздним почерком на свободном месте приписано: «Exemplum literarum ciuitatis Rigensis ad Regem Lithuaniae Gedemunde de iniuriis fratrum militiae, pacem impedientium: igitur ne cum ijsdem pacem faciat, Rex rogatur» («Экземпляр послания города Риги к литовскому королю Гедимину об обидах со стороны воинства братьев, препятствующих миру: поэтому короля просят не заключать с ними мира». — *Ред.*).

Хранится в РГА, фонд 2 («Внешний архив») Рижского магистрата, ящик № 18, документ № 17.

Публикуется по изданию: РЛА. № 53.

---

[15] См. примеч. 10. — *Ред.*

Основание датировки — приписка на обороте с просьбой пресечь военные действия князя Давыда — литовского наместника в Пскове. По псковским летописям это произошло в 1323 г.; новгородско-немецкий договор, направленный против Литвы и Пскова датируется 28 января 1323 г. (ГВНП. № 37).

Текст

Illustri principi domino Gedemynde dei gratia lethwinorum ruthenorumque regi. Consules ciuitatis rigensis salutem in domino. Noueritis nos litteram vestram breuiter destinatam recepisse, in qua percepimus, quod pacem et treugas nobiscum contrahere essetis parati, sicut Vithene bone memorie, frater vester et antecessor, nobiscum habuit, et quod super eo nuncios nostros ad vos secure mitteremus, vnde sciatis, quod nuncios nostros pro eo ad vos libenter mitteremus, sed pro fratribus hoc facere non possumus; nam ipsi mittunt nuncios suos ad vos, quando volunt, quod nos facere non poterimus, et quicquid ipsi ordinant, penitus ignoramus, nichil ipsi nobis reuelant. Quare petimus prouidenciam vestram instanter et obnixe, ut nullam specialem pacem et treugas contrahatis cum eisdem fratribus, nisi cum consensu trium parcium, videlicet archiepiscopi et sui capituli, magistri fratrum Theuthonicorum et nostre ciuitatis Rigensis, secundum quod consuetum est ab antique. Praeterea de statu archiepiscopi nostri petiuistis rescribendum, vnde sciatis, quod dominus noster archiepiscopus in curia Romana contra fratres antedictos in omnibus suam optinuit voluntatem, sicut veraciter percepimus et speramus ipsum breuiter cum gaudio venturum, domino concedente. Ceterum noscat vestra dominatio, quod vestri latrunculi nobis magna dampna inferunt iuxta nostram ciuitatem, quare vobis supplicamus, ut taliter ordinare dignemini latrunculis, ut huiusmodi damna nobis de cetero non contingant. Valete.

На обороте:

Regraciamur scinceritati vestre pro amicabili littera nobis nuperrime destinata, vnde noscat vestra regalis munificencia, quod fratres nos grauiter ac multipliciter perturbant, eo quod nostros conciues infra treugas tam in nostra ciuitate quam extra crudeliter occidere non formidant, quare nescimus, vtrum vel quando nos hostiliter et nostram invadere voluerint ciuitatem. Quocirca rogamus vestram serenitatem studiose, quatenus, si dicti fratres nos impugnare presumpserint, nobis succurratis occasione remota, sicut nobis in vestris litteris demandastis; propterea rogamus, ut nullam pacem cum antedictis fratribus ineatis, quin nos simus in eadem

pace sicut ipsi. Ceterum scripsistis nobis, vt de statu nostri archiepiscopi vobis mandaremus, vnde sciatis quod negocium suum est in curia in bono statu, vt breuiter percepimus et speramus ipsum breuiter aduenturum. Valete! Scripta vigilia Andree.

Ceterum percepimus, quod dominus Dawid sit rex Plescowie. Cum igitur vos et ipse estis amici speciales, quare scinceritatem vestram petimus studiose, vt taliter ordinare dignemini vestra gracia mediante, quod ipse sit amicus nostre ciuitatis et promotor nostrorum conciuium, quia per terram suam multociens proficiscuntur, quod intendimus deseruire.

Перевод

Славному правителю господину Гедимину, Божией милостью королю литовскому и русскому, советники города Риги — спасения во Господе.

Да будет вам известно, что мы получили ваше недавно отправленное послание, из которого узнали, что вы готовы заключить с нами мир и договор, какой был с нами у вашего брата и предшественника Витеня, доброй памяти, и чтобы мы без опасения направили к вам для этого своих послов.

Посему знайте, что мы охотно направили бы к вам ради этого наших послов, но не можем этого сделать из-за братьев. Ведь сами они направляют к вам своих послов, когда хотят, чего мы сделать не можем и находимся в совершенном неведении относительно их замыслов: нам они ничего не открывают.

Поэтому настоятельно и нижайше взываем к вашей предусмотрительности не заключать никакого особого мира с этими братьями, кроме как с согласия трех сторон, именно архиепископа с его капитулом, магистра тевтонских братьев и нашего города Риги, как то исстари повелось.

Кроме того, вы просили написать, каковы дела у нашего архиепископа. Потому знайте, что господин наш архиепископ в римской курии во всем достиг желаемого против вышеназванных братьев, как нам доподлинно известно, и мы надеемся, что он, с Господней помощью, скоро с радостью прибудет.

Затем, да будет вашему господству известно, что ваши разбойники наносят нам близ нашего города большой ущерб. Поэтому молим вас, чтобы вы соблаговолили распорядиться относительно разбойников, чтобы впредь у нас не случалось подобного ущерба.

Прощайте.

На обороте:

Благодарим вашу честность за совсем недавно направленное нам дружественное послание. Посему да будет известно вашей королевской крепости, что братья причиняют нам тяжкие и многочисленные беспокойства, ибо вопреки миру не стесняются жестоко убивать наших сограждан как в самом нашем городе, так и вне [его], так что мы не знаем, не захотят ли они вражески напасть на нас и наш город, и когда.

По этой причине мы усердно просим вашу светлость, чтобы, если упомянутые братья возымели бы желание напасть на нас, вы, не дожидаясь удобного случая, пришли бы к нам на помощь, как обещали нам в вашем послании; потому просим вас не заключать никакого мира с вышеупомянутыми братьями, разве что мы были бы участниками оного мира, как они.

Кроме того, вы писали нам, чтобы мы вам сообщили, каковы дела у нашего архиепископа. Посему знайте, что дела его в [римской] курии, как нам недавно стало известно, идут хорошо, и мы надеемся на его скорое возвращение.

Прощайте.

Писано в канун [святого] Андрея.

Далее, узнали мы, что господин Давид стал королем псковским. А поскольку вы с ним близкие друзья, то мы усердно просим вашу честность соблаговолить устроить так, чтобы при вашем милостивом посредничестве он стал бы другом нашего города и покровителем наших сограждан, потому что они часто проезжают через его землю, что мы будем стараться отслужить.

8. 2 октября 1323 г. Мирный договор Гедимина с Немецким орденом, датским наместником Ревельской земли, епископами и Ригой

Пергаменный оригинал на старонемецком языке, с 13 печатями; хранится в РГА ф. 2 («Внешний архив») Рижского магистрата, ящик № 18, документ № 20.

Публикуется по изданию: PUB. Bd. II (1). № 418 (добавлено разделение на смысловые абзацы и рубрикация договора. — *Ред.*). Кроме того, договор дошел: а) в тексте подтвердительной буллы папы Иоанна XXII (в исследовании — под сиглом P) от 31 августа 1324 г. на латинском языке (с приписками); цитируется по изданию:

LUB. Bd. II. № 693 (это — перевод с нижненемецкого текста. — *Ред.*); б) в оригинале противня ливонских представителей (сигл L_1), на старонемецком языке (ср.: РЛА. № 58); цитируется по изданию: LUB. Bd. II. № 694; в) в латинском переводе того же противня из подтвердительной буллы от 31 августа 1324 г. (сигл L_2); цитируется по изданию: LUB. Bd. II. № 694 (параллельный текст); г) в копии доклада ливонских послов к Гедимину (после 2 октября 1323 г.); издана в LUB. Bd. VI. № 3070.

Основание датировки — в тексте.

Текст

Alle den yenen, de dessen bref ansen unde horen, de let groten Gedeminne, de koning van Lethowen, unde wunschet en heil unde vrede an gode.

Wi don witlich an desseme jegenwardigen breve, dat to uns komen sint na unsen breven boden van des bischopes wegene van der Ryge, her Woldemer van Rosen unde her Arnolt Stoyve, de in des bischopes stede is, van des capitules weghene her Johan Molendinum unde her Thomas, von des bischopes wegene van Osele her Bartholomeus van Vellin unde her Ludolf van den Wittenhove, eyn domhere van Hapeselle, van des bischopes wegene van Darbete unde siner menen man unde siner stad her Herman Lange, van des hovetmannes wegene des edelen koninges van Denemarken unde siner menen man broder Arnolt, de prior van Revele, unde her Hinric van Parenbeke, van des meysters wegene unde der menen brodere van Liflande broder Johan van Lowenbroke, de kummeldur van der Mytowe, broder Otto Bramhorn, van des stades wegene van der Ryge her Hinric van der Mytowe, her Johan Langeside und her Ernest, van dersulven stad broder Wessel, prior der predekere, van der minneren broderen wegene broder Albrecht Scluth.

Wi mit dessen vorbenomeden hebbet mit rade unde mit vulborde unser wisesten enen Steden vrede gemaket mit allen cristenen luden, de ere boden tho uns sendet unde vrede mit uns holden willet, in aldus daner wise:

[1.] Dat alle weghe in lande unde in watere open unde vri wesen scolen eneme jeweliken menschen to komende unde to varende, se tho uns unde wi tho em sunder jenegherllyge hindernisse.

[2.] Dit sint de lant, dar wi den vrede mede maket hebbet: van unser wegene dat lant to Eusteythen unde Sameyten, Plessekowe unde alle der Russen, de under uns besethen sin; van der landesheren wegene dat

bischopedom to Ryge unde de stad to Ryge, van des meysteres wegene de Memele unde de lant Kurelande unde alle dat Liflande thohoret, dat deme meystere unde sinen broderen steyth tho bewarende, van des bischopes wegene van Osell sin ganse bischopedom unde alle dat under eme beseten is, van des bischopes wegene van Darbete sin ganse bischopedom unde allet dat under eme beseten is mit der stad van Darbethe, van des koninges wegene van Denemarken Hareyn, Wirlant, Allentaken unde allet dat under eme beseten is. Dessen vrede hebbe wi aldus gemaket.

[3.] Were dat also, dat jeneghe manne unrech scude van deme anderen, de scolde dat vorderen, dar eme dat unrech gedan were, unde sine sake vorderen na des landes recht.

[4.] Were dat over also, dat eme dar nen vul recht gheschen mochte, so scolde he dat bringen an den landesheren, dar eme dat unrecht inne geschen is, de scal eme vulles rechtes helpen.

[5.] Vortmer sin jeneghe dinch untferet in dat andere lant, dat scal men utantworden, wan dat geescheth wert.

[6.] Vortmer wil en vri man varen van eneme lande an dat andere, des scal he weldich wesen.

[7.] Lopt en drelle van eneme lande an dat andere, den scal men utantworden, wan he gevorderet werth.

[8.] Is dat oc also, dat en man deme anderen guth ufte jenegerhande dinch untforet an dat andere lant, dat scal men utantworden, wan dat gheescheth wert.

[9.] Desse vrede de scal stede bliven unde vast, dat den nen man breken scal. Wereth over also, dat jenich man, de under uns besethen is, dessen vrede breken wolde, dene scal des nene macht hebben sunder unse vulborth. Sve over dessen vrede upsagen wolde mit rechter sake, de scal deme anderen tve mande vore thoseggen.

[10.] Uppe dat alle dinch tuschen uns vruntliken unde lefliken stan, so geve wi an unseme lande eme jeweliken menschen, de tho uns kumpt ofte van uns varet, Ryges recht.

[11.] Unde en gewelicht copman van beyden syden de mach open allerleyge copenscap, de eme vellich is.

Uppe ene betughinge desser vorebenomeden dinch unde up ene bebingdinge enes steden vredes so hebbe wi unse koninglike inghezegel tho dessen breven gehangen. Desse bref is utgegeven uppe unseme hus to de Vilne na unses heren borth dusent jar drehundert jar in dreuntwinthegesten jare, des sunnendages na sunte Micheles dage.

Перевод

Всем, кто увидит или услышит эту грамоту, Гедимин, король литовский, мира во Господе и спасения.

Настоящим во всеуслышание возвещаем, что к нам по нашим письмам пришли послы от господина архиепископа Риги господа Вольдемар из Розена и Арнольд Стойве, что находится в городе епископа; от капитула господин Иоганн Молендинум и господин Томас; от епископа Эзеля господин Бартоломей из Феллина и господин Лудольф из Виттенгофа, каноник из Гапезелле; от епископа Дерпта и всех его вассалов и его города господин Герман Ланге; от наместника благородного короля Дании и его вассалов брат Арнольд, приор из Ревеля и господин Генрих из Паренбеке; от магистра и всех братьев из Ливонии брат Иоганн из Левенброке, комтур Митавы, брат Отто Брамгорн; от города Риги господин Генрих из Митавы, господин Иоганн Лангезиде и господин Эрнест, от того же города; брат Вессель, приор проповедников; от братьев миноритов брат Альбрехт Склют.

Мы с этими вышеназванными, по совету и с согласия мудрейших, установили прочный мир со всеми христианами, которые отправляют к нам своих послов и хотят поддерживать с нами мир, следующим образом:

[1.] что все пути по суше и по воде должны быть открыты и свободны любому человеку для прохода и проезда от них к нам и от нас к ним без каких-либо препятствий.

[2.] Вот земля, на которой мы установили мир: с нашей стороны земля Аукштайтия и Жемайтия, Псков и все [земли] русских, которыми мы владеем; со стороны господ земли — епископство рижское и город Рига; со стороны магистра — Мемель и земля Курляндия и все, относящееся к Лифляндии, что подлежит власти магистра и его братьев; со стороны епископа Эзеля — все его епископство и все, чем он владеет; со стороны епископа Дерпта — все его епископство и все, чем он владеет, с городом Дерптом; со стороны короля Дании — Гария, Вирляндия, Аллентакен и все, чем он владеет. Этот мир мы следующим образом установили.

[3.] Если будет так, что с каким-либо человеком кто-нибудь поступит несправедливо, то он должен требовать [удовлетворения] от поступившего несправедливо и требовать [решения] своего дела по праву земли.

[4.] Если при том будет так, что ему не могло быть дано полное удовлетворение по праву, то должен он это [дело] довести до

господ земли, в которой несправедливость совершена, они должны дать ему полное удовлетворение по праву.

[5.] Далее. Если какое-либо имущество будет увезено в другую страну, его следует возвратить там, где произойдет.

[6.] Далее, если захочет свободный человек поехать из одной страны в другую, он может это свободно сделать.

[7.] Если бежит холоп из одной страны в другую, то следует выдать его, когда потребуют.

[8.] Если будет так, что один человек потребует в другой стране у другого [свое] недвижимое имущество или какую-либо иную вещь, это следует выдать там, где произойдет.

[9.] Этот мир должен быть прочным и крепким, и ни один человек не должен его нарушать. Если будет так, что какой-нибудь человек, который нам подвластен, захотел бы нарушить этот мир, он не может иметь на то права без нашего согласия. Кто захотел бы отказаться от этого мира по праву, тот должен предупредить другого за два месяца.

[10.] Чтобы все это дело дружественно и наилучшим образом сохранялось между нами, мы даем в нашей стране каждому человеку, который к нам придет или от нас поедет, рижское право.

[11.] И каждый с обеих сторон, желающий купить товар, [пусть] ведет любую торговлю, какую хочет.

А для подтверждения этого вышеуказанного дела и для скрепления прочного мира мы привесили к этой грамоте нашу королевскую печать. Эта грамота составлена в нашем замке в Вильно в тысяча триста двадцать третьем году от Рождества Господня, в воскресенье, после дня святого Михаила.

9. 16 октября 1323 г. Послание Эбергарда, епископа Вармии, и его капитула к верующим

Оригинал на пергамене, из 7 печатей сохранились 4; хранился в КА, ныне — в Гёттингене (см.: Regesta. № 529).

Публикуется по изданию: LUB. Bd. II. № 695.

Основание датировки — в тексте.

Текст

... Christi fidelibus praesentium notitiam habituris Eberhardus, Dei gratia episcopus, Iordanus praepositus, Iohannes decanus, totumque

capitulum ecclesiae (Warmiensis), salutem in filio virginis gloriosae. Cum ineffabilis summi bonitas plasmatoris, cuius munere vegetamur, vivimus et movemur, quod mucronem non … eos aspernua nece peremtos infernalibus poenis non deputat flagellandos, qui crudelitatem gentilium inimicorum crucis Christi colorant mendaciter …ant, immo effusionem sanguinis fidelium non revelant. Hinc est, quod quidam …catis factis caritatem negantes, quae ambitiosa non est, nugis victum quaerentes, in populo apud fideles praedicare et asserere mendaciter sunt inventi, quod … gentiles Christi fidelium sanguinis effusores velint converti ad fidem Christi, sed per fratres de domo Theutunica nullatenus admittantur, quod in his scriptis …oram Deo et Dei fidelibus mendacium manifestum, quod et iidem infideles verbis negant manifestissime atque factis, nam nomen Domini nostri Iesu Christi fidemque Christianam catholicam quantum in eis est delere in Christiano populo moliuntur, quia proh dolor, quod cum amaritudine cordis referimus, iidem gentiles Litwini anno Domini millesimo trecentesimo vicesimo tertio in carnisprivio intraverunt Revaliam, terram Regis Daciae in partibus Livoniae, ac etiam episcopatum Tarbatensem, quas terras rapinis et incendiis exsiccialiter destruxerunt, occidentes et capientes quatuor millia hominum sexus promiscui et quingentos duas parochiales ecclesias cum sacramentis occulte comburentes, fratres ordinis Cisterciensis, videlicet presbiterum in fine missae et conversum, multosque presbiteros saeculares inhumaniter occidentes. Praeterea eodem anno post festum beati Gregorii iidem Litwini civitatem Memelam armata manu intraverunt hostiliter, et eam cum suburbiis suis, praeter solum castrum, muro circumdatum, in quo fratres eiusdem ordinis domus Theutonicae morantur, ceperunt, cremaverunt et penitus destruxerunt, multos ibidem occidentes homines, ac etiam captivantes virgines, mulieres ac alios quosquos capere voluerunt, unum praeterea fratrem presbiterum praedicti ordinis crudeliter occiderunt. Item eodem anno in vigilia ad vincula beati Petri[16] in territorio Vilunniwe (?)[17] quinque villas hominibus et rebus rapina et incendio vastaverunt, et unum militem praedicti ordinis occiderunt; item in die exaltationis crucis[18] iidem infideles Christi Litwini cum exercitu valido intraverunt nobilis dominae ducissae de Doberin terram, et eam destruxerunt incendiis et rapinis, civitatem quoque Doberin

---

[16] *in vigilia ad vincula beati Petri* — 31 июля.

[17] *Vilunniwe* — Феллин (?), Вильянди.

[18] *in die exaltationis crucis* — 14 сентября.

ceperunt, incendio funditus destruentes, in ea duo milia hominum et in ipsa terra Doberin praedicta sex milia hominum utriusque sexus, item septem sacerdotes et quadraginta clericos quosdam occiderunt, quos … proh dolor in captivitatem perpetuam deduxerunt. Item duos monachos ordinis beati Benedicti occiderunt et decem parochiales ecclesias praeter capellas ignis … destruxerunt. Praeter haec iidem infideles in districtu fratrum domus Theutunicae, videlicet in Strazburg, sexaginta homines, virgines, mulieres et viros … occiderunt, et in dicto districtu ipsis fratribus damna mille marcarum damnabiliter intulerunt. Nihilominus ultra quam dicitur et credi possit humanum Christi … sanctum crudeliter in villis, districtibus, hominibus et locis aliis circumquaque. Praeterea autem … audivimus et scimus, sicut de facto contingerunt, a … et est fama publica et manifesta, ut profitemur in hiis scriptis et credimus bona fide. Praebet igitur Christiana religio super … res … habeantur, qui notam ex falsitatis temeritate ponere nituntur in alios, Deum, qui est vera veritas, in hoc abnegantes, se ipsos ignorare … ac perfuttorie a Deo et ipsius semitis, si fas est dicere, retrocedunt. Quapropter attente et obnixius vestram universitatem rogamus in Domino …acibus fratrum detractatoribus veritatis et iustitiae suffocatoribus aures non adhibeatis benivolas, sed eis quantum in vestra est benivolentia curetis …atione sicut et publicis delatoribus, si ad vos venerint, respondere, adiuncto, ut Christum in corde vestro portetis Christianum tam abunde … medullitus condolentes. In cuius rei testimonium et pleniorem evidentiam praedicta conscribi fecimus sub nostro et capituli nostri sigillis fideliter …sberg in castro nostro, in die beati Galli, anno Domini supradicto.

Перевод

… Эбергард, милостью Божией епископ, пробст Иордан, декан Иоанн и весь капитул [Вармийской] церкви верным во Христе, коим станет известна настоящая [грамота], спасения в Сыне Преславной Девы.

Поскольку неизреченная благость Всевышнего Творца, чьим даром мы обретаем жизнь, живем и двигаемся, коий острие не <...> не обрекает на терзание адскими муками тех погибших позорной смертью, кто лживо приукрашивает жестокость язычников, врагов Креста Христова <...>, мало того, утаивают пролитие крови верующих.

Вот почему обнаружились иные <...> отвергая любовь, которая бескорыстна, изыскивая пропитание болтовней, проповедуют в народе среди верующих и лживо утверждают, будто <...> язычники, проливающие кровь верующих христиан, желают обратиться к вере Хри-

стовой, но им никак не дают братья Тевтонского дома, что в тех посланиях <...> [п]ред лицом Бога и верующих в Бога явная ложь. Что с очевидностью опровергают те же неверные на словах и на деле, ибо стремятся по мере своих сил сокрушить в народе христианском имя Господа нашего Иисуса Христа и христианскую католическую веру. Ведь — увы! мы говорим это с горечью в сердце — те же язычники литовцы в лето Господне 1323-е, в пост проникли в Ревель, землю датского короля на территории Ливонии, а также в Дерптское епископство, кои земли они разорили вконец грабежами и пожарами, убив и взяв в плен четыре тысячи человек обоего пола, и тайком сожгли пятьсот две приходских церкви вместе со святыми дарами, бесчеловечно убив братьев Цистерцианского ордена, именно священника в конце мессы и обращенного[19], и многих мирских священников.

Кроме того, в том же году после праздника святого Григория те же литовцы с оружием в руках как враги ворвались в город Мемель и захватили, сожгли и совершенно разорили его вместе с предградиями, за исключением крепости, обнесенной стеной, где пребывали братья оного ордена Тевтонского дома, и убили там многих людей, захватив также в плен девиц, женщин и прочих, кого только пожелали, безжалостно убив, сверх того, одного брата-пресвитера вышеназванного ордена.

Далее, в том же самом году, в канун праздника оков святого Петра[20] на территории Вилуниве[21] они разграбили и предали огню пять сел с людьми и имуществом и убили одного рыцаря вышеупомянутого ордена. Далее, в день Воздвижения Креста[22] те же неверующие во Христа литовцы с сильным войском вошли в землю знатной госпожи добжиньской княгини, разграбили ее и предали огню, а город Добжинь захватили, сожгли его пожаром дотла. Две тысячи там, да шесть тысяч человек обоего пола в оной вышеупомянутой Добжиньской области, а также семь священников и сорок клириков — кого умертвили, кого <...> увы, увели в вечный плен. Далее, они убили двух монахов ордена святого Бенедикта и огнем <...> спалили, помимо часовен, десять приходских церквей.

---

[19] Не поддающийся адекватному переводу термин лат. *conversus* обозначал монашествующего, который не вырос и получил образование в монастыре, а принял обет в силу тех или иных обстоятельств позднее, в зрелом возрасте. — *Ред.*

[20] 31 июля (вернее, 1 августа. — *Ред.*).

[21] Феллин (Вильянди) (?).

[22] 14 сентября.

Кроме того, те же неверные в области братьев Тевтонского дома, именно в Страсбурге, убили шестьдесят человек — девиц, женщин и мужчин <...> и нанесли в указанном округе тем братьям ущерб на тысячу марок. И все же, более чем [можно] выразить словом, и сверх вероятия человеческое Христово <...> святое жестоко в селах, областях, людях (так! — *Ред.*) и других местах повсюду.

А кроме того, мы <...> слышали и знаем, как на деле <...> идет всенародная и явная молва, как мы [то] исповедуем в настоящем послании и добросовестно убеждены. Ибо христианская религия открывает <...> кто безрассудной ложью стремится заклеймить других, тем отрекаясь от Бога, который есть истинная истина, не знать самих себя <...> уходят вспять, если позволено будет так сказать, от Бога и путей его.

Вот почему мы усердно и смиренно просим всех вас во Господе <…> не преклоняли благосклонный слух к исказителям истины и душителям справедливости, но позаботились бы, насколько у вас есть благоволения ответить <…> так и официальным обвинителям, если они придут к вам, прибавив, что носите Христа в сердце своем, столь глубоко христианское <...> вполне сострадая.

Во свидетельство чего и для вящей достоверности мы повелели записать вышеизложенное под нашей печатью и нашего капитула печатями <…>сберге[23], нашем замке, в день святого Галла, в вышеупомянутое лето Господне.

10. 7 ноября 1323 г. Послание папы Иоанна XXII королю Франции

Известно по изданию: *Raynaldo O.* Annales ecclesiastici. T. IV (Baronii, Annales ecclesiastici, t. XXIII), ad ann. 1323.

Публикуется по изданию: LUB. Bd. II. № 697.

Основание датировки — в тексте.

Текст

Iohannes etc. regi Francorum etc.

Gedeminne, qui se regem Letthoviae et Ruthenorum intitulat, nobis nuper per suas litteras intimavit, se desiderare intense cum suis regnicolis sacrosanctae Romanae ecclesiae subiacere unitati; supplicans a nobis,

[23] Браунсберге.

legatos sibi, qui eum ad fidem orthodoxam admittant et in ea salubriter instruant, destinari: super quibus per nuntios nostros plenius informari poterit regia celsitudo. Datum Avinion[e], VII idus Novembris, anno VIII.

Перевод

Иоанн и проч. королю французскому и проч.

Гедимин, именующий себя королем литовским и русским, недавно сообщил нам своим посланием, что вместе с обитателями его королевства настоятельно желает подчиниться единству священной римской церкви; он молит нас направить к нему легатов, которые привели бы его к правой вере и спасительно наставили бы в ней. Более подробно королевское высочество узнает об этом от наших послов.

Дано в Авиньоне в седьмые ноябрьские иды, в восьмой год.

11. 25 ноября 1323 г. Послание Николая, кустода прусских миноритов (францисканцев), к верующим

Оригинал на пергамене, копия — от 17 января 1324 г.; хранился в КА, ныне — в Гёттингене (см.: Regesta. № 531).

Публикуется по изданию: LUB. Bd. II. № 698.

Основание датировки — в тексте.

Текст

Universis Christi fidelibus, hanc litteram inspecturis, frater Nicolaus, custos fratrum minorum custodiae Prusciae, cum ceteris gardianis suae sollicitudini commendatis, sinceram in Domino caritatem. Cum veritatem veritatis professores calumnias sustinere conspiciunt, debent iniuriam patientibus non solum compati, verum etiam remediis subvenire prout expedit oportunis. Ea propter nos, considerantes virorum religiosorum, de domo Theotonica dominorum, famam gravius et immerito fore denigratam, ex eo, quod nonnulli ipsorum aemuli audeant asserere, Litwanorum regem, fidem cum suis catholicam assumere cupientem, ipsi nitantur studiosius impedire, universitati vestrae, cogente iustitia, pro ipsorum iam dictorum excusatione dominorum, prout nobis certius et plenissime constat ex nuper actis, patefacimus per praesentes, eundem praefatum regem quasdam per mundi partes direxisse litteras, in quibus se cum suis et toto regno asseruit baptizari et coniungi velle turbae fidelium populorum. Super quo venientes quamplures ad ipsum

nuntii solemnes, non solum in hoc facto fictitium reperientes, sed etiam eundem blasphemare Deum ibidem audierunt. Nec his contenti satellites ipsius fines Christianorum circumquaque invaserunt, intantum laedentes, ut maximam utriusqne sexus hominum multitudinem, exceptis occisis et crematis in ecclesiis, quorum non est numerus, in captivitatem redigentes penitus abduxerunt. Quomodo ergo verisimile aut credibile esse poterit, saepedictos viros, qui, relinquentes mundum et e[24] tali religioni pro defensione Christionorum tradentes, cottidie etiam corpus proprium periculis et morti exponant, ut oculata saepius fide conspeximus, regis praefati et gentis ipsius debeant impedire conversionem, cum tanta ab ipso et suis satellitibus Christianis et sibimet ipsis mala frequentius inferantur. Cupientes igitur, ut veritatis testimonium supra memoratum, praenotatis dominis utile et laudabile fiat, appensione nostrorum sigillis officiorum praesentia roboramus. Datum in Culmine, anno Domini MCCCXXIII, in die Catherinae.

Перевод

Всем верующим во Христа, кто увидит эту грамоту, брат Николай, кустод Прусской кустодии миноритов вместе с остальными гардианами, вверенными его попечению, искренней любви во Господе.

Когда исповедующие истину видят, как истина подвергается поношению, то они должны не только сострадать потерпевшим, но и ради пользы дела оказывать им помощь подходящими средствами. Посему, видя, как имя благочестивых мужей, господ из Тевтонского дома, тяжко и незаслуженно очернено тем, что иные из их противников дерзают утверждать, будто они усиленно стремятся воспрепятствовать литовскому королю, желающему принять вместе со своими [подданными] католическую веру, мы справедливости ради в оправдание уже названных господ настоящим объявляем всем вам, что, как нам совершенно и вполне известно из недавних событий, оный вышеупомянутый король разослал в разные концы света послания, в которых утверждает, что желает вместе со своими [приближенными] и всем королевством креститься и присоединиться к числу верующих народов. Поэтому к нему прибывали многочисленные торжественные посольства, [которые] не только убедились, что он в этом солгал, но даже слышали, как он там богохульствовал.

---

[24] Очевидно, следует читать *se;* перевод дан в соответствии с этой конъектурой. — *Ред.*

На этом он не остановился: его приспешники отовсюду вторглись в христианские пределы, нанеся большой ущерб, ибо, захватив в плен, угнали прочь огромное количество людей обоего пола, не считая убитых и сожженных в церквах, коим нет числа.

Итак, каким же правдоподобием или вероятием может обладать [утверждение], будто неоднократно упомянутые мужи, которые, оставив мир и предавшись столь великому благочестию ради защиты христиан, даже ежедневно подвергают себя, как мы воочию неоднократно убеждались, телесным опасностям и смерти, препятствуют обращению вышеупомянутого короля и его народа, если от этого короля и его приспешников христианам, да и им самим, бывают столь частые беды?

В желании, чтобы вышеизложенние свидетельство истины послужило бы на пользу и хвалу названным господам, скрепляем настоящее, привесив печати наших служб.

Дано в Кульме, в лето Господне 1323-е, в день [святой] Екатерины.

12. [1 июня] 1324 г. Послание папы Иоанна XXII Гедимину

Рукопись из собрания булл папы Иоанна XXII.

Публикуется по изданию: HRM. Т. I. № 108 (= LUB. Bd. II. № 703).

Основание датировки — на эту дату приходится серия булл, посвященных той же теме (см.: LUB. Bd. II. № 704–705).

Текст

Iohannes episcopus etc. excellenti et magnifico viro Gediminne, Letwinorum et multorum Ruthenorum regi illustri, Deum colere et timere. Missa nobis tuae magnitudinis littera devotione referta, verbisque succinta, grata nimirum nostris ac fratrum nostrorum, sanctae Romanae ecclesiae cardinalium, venit affectibus, in qua dum tuam devotionem attendimus, dum advertimus salvationis tuae salubre prepositum, dum illum, quem ad Deum et nos ac Romanam ecclesiam te gerere asseris devotionis affectum, intentae meditationis intuitu contemplamur, auditui nostro gaudii et laetitiae materiam praebuisti. Post primum quidem tuae gratae salutationis alloquium, in ipsius primordio litterae subiunxisti, quod omnes fidei Christianae cultores auctoritati nostrae debent esse subiecti, quodque tota fides catholica iuxta provisionem Romanae eccle-

siae gubernatur, declarans nobis, quod quondam praedecessor tuus Mindowe cum toto regno suo fuit ad fidem Christi conversus, sed propter atroces et innumerabiles iniurias dilectorum filiorum magistri, et fratrum ordinis s[antae] Mariae Theuton[icorum] Ierusalemitan[orum] a fide huiusmodi recesserunt, et in errorem pristinum sunt relapsi, sicut et te oportet propterea usque in hodiernum diem, licet invitum, in errore huiusmodi permanere, ac subsequenter quamplures articulos contra eosdem magistrum et fratres in eisdem litteris annotasti multorum gravaminum, iniuriarum, excessuum expressivos, subnectens, quod tu Christianos nequaquam inpugnas, tamquam fidem velis destruere Christianam, sed defendis te ab inimicis tuis, ut faciunt reges et principes alii Christiani, et quod praedicatorum et minorum ordinum fratres tecum habes, quibus commisisti et licentiam dedisti liberam, ut baptizent, praedicent, et informent Christianum populum et etiam infideles, ut ad omnipotentem Deum et Dominum convertantur. Supplicasti denique nobis, ut ad statum tuum flebilem attendere dignaremur, qui paratus es, nobis in omnibus, sicut ceteri reges catholici, obedire, ac fidem recipere orthodoxam, dummodo praedictis magistro et fratribus in nullo penitus tenearis, eligens nos dictosque fratres nostros praedictae Romanae ecclesiae cardinales cum filiis tuis praesentibus et futuris in patres, ac iterato supplicans, ut venerabilem fratrem nostrum Fridericum, archiepiscopum Rigensem, una cum legato nostro et apostolicae sedis ad te ad partes illas, pro facienda pace ac terminis disponendis, mittere dignaremur. Consequenter post aliqualis decursum temporis profusae devotionis odore secundae litterae, quas nobis tua excellentia destinavit, exultationem et gaudium super eo nobis et eisdem fratribus nostris uberrima[25] cumularunt, quod tu et alii omnes principes et barones regni tui, perseverantes laudabiliter in praemiis circa nos et eandem ecclesiam, te et ipsos plena sinceritate conspicuos indicarunt, illum in persona tua innuentes obedientiae reverentis haberi spiritum, tibi, ut credimus, non sine Divinae clementiae dono concessum, prout in earundem litterarum principio adnotatur, quod ex illustratione Divina te[26] asseris, unum esse Deum, patrem et filium et spiritum sanctum; et hoc firmiter credis et tenes, noscens, ab eodem Deo vero et vivo nos pastorem et gubernatorem salvandorum omnium constitutum, ut quidquid ligaverimus et solverimus in coelo et in terra ab altissimo iudice ratum maneat. Multa insuper grata, nostrisque accepta propositis

[25] Так в LUB; очевидно, следует читать *uberrime*. — *Ред.*
[26] Так в LUB; очевидно следует читать *tu*. — *Ред.*

earundem tenor continet litterarum, quae inserere praesentibus causa omittimus brevitatis. Nos igitur, tam primis quam secundis debita cum iisdem fratribus nostris attentione discussis litteris, Deo patri omnipotenti, a quo bona cuncta procedunt, in cuius manu regum corda consistunt, cui etiam quaecumque vult illa sine obice difficultatis inclinat, multimodas gratiarum actiones retulimus pro eo, quod spiritus sancti gratia videtur mentales tuos oculos sui fulgoris radiis illustrasse, ac ostendisse tibi viam catholicae veritatis, ut regalis prudentia reformet salubriter fidem ipsam catholicam, quam praedecessor tuus praedictus cum suo regno susceperat, licet ab ea deficientes postmodum, damnabiliter in errorem pristinum laberentur, ut tuae litterae continebant, praesertim cum et nostrum ex hoc et ipsius ecclesiae conspectemus magnum et salutare desiderium adimplendum, si viderimus eandem ecclesiam multiplicatae prolis foetu concrescere, variasque gentium nationes, sub eiusdem fidei observantia in unum acceptabilem Christo populum congregatas, in domo Domini habitare. Hanc utique domum, unam videlicet ecclesiam, sibi et gentibus congregatam, non habentem maculam neque rugam, Dominus noster elegit, iuxta quod legitur in canticis canticorum: una est sponsa mea, electa mea, immaculata mea. Ipse quoque Dominus unum esse ovile ovium, et unum pastorem in evangelio protestatur, et in apostolorum symbolo unam esse catholicam et apostolicam ecclesiam fides catholica profitetur. Hanc autem idem dominus Iesus Christus in semetipso lapide angulari fundavit, hanc et sui pretiosi sanguinis effusione redemit, cuius ministerium apostolorum principi beato Petro, vicario suo, et per ipsum suis successoribus singularis privilegii praerogativa commisit: Tu es, inquiens, Petrus, et super hanc petram aedificabo ecclesiam meam, et cum illi post suam resurrectionem verbo tertio repetito dixisset: Pasce oves meas. Pro cuius etiam fide se orasse fatetur, loquens ad eum in evangelio: Ego pro te rogavi, Petre, ut non deficiat fides tua, et tu aliquando conversus confirma fratres tuos. Ac ut eiusdem apostolorum principis, suorumque successorum universalis ecclesiae esset auctoritas et introducendi in regnum coelorum indubitata potestas, ad eum dixit: Tibi dabo claves regni coelorum, et quodcumque ligaveris super terram, erit ligatum et in coelis, et quodcumque solveris super terram, erit solutum et in coelis. — Qui ergo se ad huiusmodi ovile, et sub eiusdem pastoris cura reduxerint, ac sub eius doctrina et magisterio cursum vitae peregerint, salvationis gratiam merebuntur; qui vero ab eis deviarint, damnationis sententia ferientur. Et ideo paterno desideramus affectu, ut, salutis tuae vitato dispendio, electorum aggregari consortio merearis, et

quae credit, tenet et servat eadem Romana mater, ecclesia, derelictis omnino schismaticorum erroribus, in quorum observatione deviatur a via lucis, et panditur iter ad tenebras, verae conversionis et conversationis gratiam amplectaris. Hinc est, quod nos ad venerabilem fratrem nostrum Bartholomaeum, Electensem episcopum, et dilectum filium Bernardum, abbatem monasterii sancti Theofredi Aniciensis diocesis, viros utique litterarum scientia praeditos, vita et conversatione laudabiles, et gratiam evangelicae praedicationis habentes, nobisque propterea ac dictis fratribus acceptos, dirigentes oculos mentis nostrae, ipsos ad te et partes tuae ditioni subiectas, de ipsorum fratrum consilio, ut nostros et dictae sedis nuntios duximus specialiter destinandos, ut tibi ac regno tuo evangelizent, et praedicent Deum et Dominum nostrum Iesum Christum, vosque in orthodoxae ac sanctae catholicae et apostolicae Romanae ecclesiae fidei veritate salubriter instruant et informent; quatinus ipsum Iesum Christum, Dei filium, tu et gens tua salutaribus eorum eruditionibus agnoscentes, baptismi, qui nondum illo forsan renati estis, fortificari mereamini in sacramento, ac suum gloriosum nomen Christianae fidei observantia colatis. Ceterum quod super memoratis articulis, in praedictis primis ac secundis etiam litteris, contra dictos magistrum et fratres expositis, ad nos, dictosque cardinales fratres nostros habuisti recursum, nos attendentes, quod ex recta confidentia et pura devotione procedit, quod nostrum et ipsius ecclesiae subire in illis iudicium non recusas, et imploras auxilium confidenter, eius obedientiae te submittens, eisdem magistro et fratribus, te post susceptionem eiusdem fidei ad gremium eiusdem ecclesiae redeunte, nostris dabimus literis in mandatis, et faciemus auctore Domino, per circumspectam apostolicae sedis providentiam, quod ab huiusmodi molestiis, damnis et iniuriis, tibi de ceteris inferendis penitus resipiscant, tecumque fraterne teneantur convivere et in pace, sine qua non congrue colitur pacis auctor, et nihilominus cum simus omnibus secundum apostolum debitores in iustitia, super huiusmodi articulis, causis et quaestionibus, quos et quas cum dictis magistro et fratribus, vel adversus eos te habere proponis, post tuae felicis conversionis auspicium adeo favorabilis iustitiae plenitudinem ac defensionis praesidium tibi, tuis natis et regno exhibere proponimus, quod tu, qui nos, dictosque cardinales, fratres nostros, in patres cum eisdem filiis tuis, ut praemittitur, elegisti, merito gaudere poteris, tales elegisse patres, teque in nobis et praedicta Romana ecclesia id, quod in patris et matris auxilio reperire speraveras, invenisse. Sed et memoratis episcopo et abbati dedimus in mandatis, ut omnia inter te, dictosque magistrum et fra-

tres, in dictis partibus agere studeant et tractare, quae ad cultum et laudem Dei, exaltationem catholicae fidei, honorem apostolicae sedis, relevationem ecclesiarum et pauperum, animarum salutem et corporum pertinebunt. Ideoque magnificentiam tuam rogamus, monemus et hortamur attente, quatinus eosdem episcopum et abbatem, pro Divina, dictaque apostolicae sedis ac nostra reverentia, immo potius nos in ipsis benigne recipiens, et honeste pertractans, eorum salubribus monitis acquiescas, sisque Christianis catholicis, qui apud te degunt, pius et misericors, benevolus et benignus, et permittas, quod iidem episcopos et abbas, aliaeque personae idoneae, gratiam evangelicae praedicationis habentes, quas ad huiusmodi praedicationis officium duxerint assumendas, Christianis eisdem, aliisque infidelibus tibi subditis evangelizare libere valeant Iesum Christum. Datum Avinione.

Перевод

Иоанн, епископ и проч. выдающемуся и блестящему Гедимину, славному королю литовцев и многих русских, чтить и страшиться Бога.

Направленное к нам послание твоего величия, исполненное почтения и немногословное, пришлось весьма по сердцу нам и братьям нашим, кардиналам святой римской церкви. Им ты даровал слуху нашему основание для радости и веселия, когда мы внимали твоей преданности, узнали о разумном замысле твоего спасения, пристально испытывали умственным взором то чувство почтения, которое ты, как уверяешь, питаешь к Богу и к нам, а также к римской церкви.

После первого же твоего любезного приветствия, в начале послания ты добавил, что все исповедующие христианскую веру должны подчиняться нашему руководству и что вся вера католическая направляется попечением римской церкви, сообщив нам, что некогда твой предшественник Миндовг вместе со всем своим королевством был обращен в веру Христову, но вследствие жестоких бесчисленных обид со стороны возлюбленных сынов [наших] магистра и тевтонских братьев Иерусалимского ордена святой Марии они от такой веры отступили и вновь впали в прежнее заблуждение, подобно тому как и тебе поэтому приходится, хотя и против воли, до сего дня пребывать в таковом заблуждении; в оном послании ты также один за другим перечислил множество ярких примеров многочисленных притеснений, несправедливостей, бесчинств, обличающих оных магистра и братьев, добавляя, что ты никогда не воюешь с христианами из желания сокрушить христианскую веру, но защи-

щаешь себя от врагов своих, как поступают прочие короли и князья христианские, и что у тебя живут братья орденов проповедников и миноритов, которым ты предоставил и дал полную свободу крестить, проповедовать и просвещать христиан, а также неверных, дабы обратить их к всемогущему Богу и Господу.

Наконец, ты умолял нас удостоить вниманием твое бедственное положение, [поскольку] ты готов, подобно другим королям-католикам, во всем подчиняться нам и принять истинную веру, если только ни в чем не будешь обязан вышеупомянутым магистру и братьям, избрав с сыновьями своими, настоящими и будущими, нас и упомянутых братьев наших кардиналов римской церкви в отцы, а также неоднократно молил, чтобы мы соблаговолили послать к тебе в те края для установления мира и определения границ достопочтенного брата нашего Фридриха, архиепископа рижского, вместе с легатом нашим и апостольского престола.

Следом, по прошествии некоторого времени, вторая грамота, которую направило нам твое высочество, пропитанная ароматом благочестия, преизобильно исполнила нас и оных братьев наших ликованием и радостью о том, что ты и все остальные князья и бароны твоего королевства, похвально держась преимущественных прав наших и упомянутой церкви, свидетельствовали, что ты и они явно вполне искренни, указуя на то, что в тебе есть тот дух почтительного послушания, данный тебе, как мы верим, не без божественной милости, ибо в начале того же послания говорится, что посвещением Божиим ты признаешь единого Бога Отца и Сына и Святого Духа и в это крепко веришь и на этом стоишь, зная, что тот же Бог, истинный и живый, поставил нас пастырем и кормщиком всех спасаемых, так что что бы мы ни связали и ни разрешили на небесах и на земле, будет утверждено высшим Судией.

В оной грамоте и сверх того есть много приятного и согласного с нашими намерениями, о чем мы не стали писать в настоящем [послании] краткости ради.

Итак, мы, с должным вниманием обсудив вместе с оными братьями нашими как первое, так и второе послание, всячески возблагодарили всемогущего Бога Отца, от коего проистекает всякое благо, в чьей руке пребывают сердца королей, к коей без помех и препон склоняет их, чего бы ни пожелал, за то, что милость Святого Духа своими сияющими лучами просветила твои духовные очи и показала тебе путь католической веры, дабы королевская рассудительность

спасительно восстановила ту католическую веру, которую принял вместе со своим королевством твой вышеназванный предшественник, хотя, затем отклонившись от нее, они и впали погубительно в прежнее заблуждение, как повествовало твое послание, в особенности в предвидении того, что исполнится великое и благотворное желание наше и самой церкви, когда увидим, как оная церковь окрепнет произрастанием преумножающегося потомства и как различные племена и народы, объединенные исповеданием оной веры, слившись в единый любезный Христу народ, будут обитать в доме Господнем.

Поистине этот дом, а именно единую церковь, собранную для Себя и народов, непорочную и незапятнанную, избрал Господь наш, как о том читается в Песни песней: одна есть невеста моя, избранная моя, незапятнанная моя.

Также сам Господь свидетельствует в Евангелии, что одна есть овчарня у овец и один пастырь, а в апостольском символе [веры] католическая вера исповедует, что есть единая католическая и апостольская церковь. Ее же поставил на Себе самом, [как] на краеугольном камне, Господь Иисус Христос, ее искупил пролитием драгоценной крови Своей [и] управление ею вверил главе апостолов святому Петру, наместнику Своему, и через него его преемникам [предоставил] преимущество исключительного права, сказав: ты — Петр, и на сем камне создам церковь Мою[27], и когда после воскресения Своего трижды повторил Петру: паси овец моих[28]. И еще свидетельствует, что молился за веру его, говоря ему в Евангелии: Я за тебя молился, Петр, чтобы не оскудела вера твоя, и ты, некогда обратившись, утверди братьев твоих[29]. И дабы у оного главы апостолов и его преемников была власть над всей церковью и несомненное право вводить в царствие небесное, сказал ему: Тебе дам ключи царствия небесного, и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах[30]. Итак, кто введут себя в эту овчарню и под надзор этого пастыря и совершат жизненный путь по его учению и под его руководством, те удостоятся благодати спасения, а кто от них уклонятся, будут осуждены на погибель.

---

[27] Матф. 16, 18.

[28] Иоанн 21, 15–17.

[29] Лук. 22, 32.

[30] Матф. 16, 19.

И потому мы с отеческой любовью жаждем, чтобы ты, не замедлив в своем спасении, удостоился включения в сообщество избранных и воспринял благодать истинного обращения и общения, во что верит, что держит и хранит матерь римская церковь, совершенно отложив заблуждения схизматиков, соблюдение которых уводят с дороги света на широкий путь во мрак[31].

Вот почему мы направили наш умственный взор на досточтимого брата нашего Бартоломея, епископа электензийского, и любезного сына Бернарда, аббата монастыря святого Теофрида из аницийского епископства[32], мужей, известных особенным знанием грамоты, достохвальной жизни и обхождения, обладающих даром евангельской проповеди и потому любезных нам и названным братьям и положили по совету наших братьев назначить их нашими и названного престола особыми нунциями к тебе и в области, подчиненные твоей власти, дабы благовествовали тебе и в королевстве твоем, проповедали Бога и Господа нашего Иисуса Христа и спасительно научили и наставили вас в истине правой веры святой, католической и апостольской римской церкви, дабы, признав благодаря их спасительным поучениям сего Иисуса Христа, Сына Божия, ты и народ твой, кто еще не приняли нового рождения в таинстве крещения, удостоились укрепиться им и почтили Его славное имя соблюдением христианской веры.

Далее, поскольку относительно обвинений против названных магистра и братьев, изложенных в первом, да и во втором вышеназванных посланиях, ты обратился к нам и к названным кардиналам, братьям нашим, то мы, принимая во внимание, что [это] проистекает от искреннего доверия и чистого послушания [и] что ты не отказываешься подчиниться в этом деле нашему и самой римской церкви суду и с доверием молишь о помощи, покорно повинуясь ей, поручим грамотой нашей оным магистру и братьям, после того как ты, вприняв оную веру, вернешься в лоно оной церкви, и сделаем с Господней помощью и в силу осмотрительной заботливости апостольского престола так, чтобы они полностью отказались от причинения тебе впредь такого рода тягот, ущерба и обид, обязались жить с тобою по-братски и в мире, без которого невозможно подобающее почитание Зиждителя мира; и, кроме того, поскольку,

---

[31] Следовательно, папа не забывал и о соперничестве православной церкви.

[32] Anicium — древнее название города Le Puy-en-Veley во Франции, на Верхней Луаре. — *Ред.*

по слову апостола, мы призваны блюсти всеобщую справедливость, то в отношении тех пунктов, дел и вопросов, кои и каковые, как ты утверждаешь, у тебя имеются с названными магистром и братьями или против них, мы намерены, по счастливому знаку твоего обращения, явить тебе, твоим родным и королевству такие полноту благосклонной справедливости и защитной охраны, что ты, избрав, как сказано выше, вместе с оными сыновьями своими нас и названных кардиналов, братьев наших, в отцы, сможешь заслуженно радоваться, что избрал таких отцов и нашел в нас и вышеназванной римской церкви такую помощь, какую надеялся найти у отца и матери.

Но и упомянутым епископу и аббату мы поручили, чтобы во всех делах между тобой и названными магистром и братьями старались действовать и поступать так, чтобы это служило к славе и хвале Божией, возвышению католической веры, чести апостольского престола, облегчению [положения] церквей и бедных, спасению души и тела.

Посему мы просим, призываем и настоятельно убеждаем твою королевскую блистательность, чтобы ты из почтения пред Богом, а также названным апостольским престолом и нами благосклонно приняв тех епископа и аббата, вернее говоря, нас в их [лице], и достойно обходясь с ними, преклонил слух к их спасительным увещаниям, стал для проживающих у тебя христиан-католиков благочестивым и милосердным, благожелательным и благосклонным и разрешил, чтобы оные епископ и аббат и другие подходящие лица, имеющие дар евангельской проповеди, которых они посчитали бы привлечь для дела такого рода проповеди, имели возможность свободно благовествовать Иисуса Христа христианам, равно как и другим, неверным, находящимся под твоей властью.

Дано в Авиньоне.

13. 1 июня 1324 г. Послание папы Иоанна XXII Немецкому ордену

Копия, хранилась в КА, ныне местонахождение неизвестно.

Публикуется по изданию: LUB. Bd. II. № 705.

Основание датировки — в тексте.

Текст

Iohannes XXII etc. dilectis filiis, magistro et fratribus hospitalis s[anctae] Mariae Theutonicorum Ierosol[ymitanorum] salutem etc. Pater luminum, a quo omne datum optimum et omne donum perfectum descendere nosci-

tur, mentem magnifici viri Gedemine, regis Letwinorum et multorum Ruthenorum, praeparasse videtur, sicut per devotissimas litteras eius nobis et fratribus nostris, s[anctae] Romanae eclesiae cardinalibus, nobis directas, percepimus, ad cognoscendam et percipiendam lucem catholicae veritatis, propter quod ad eiusdem regis devotae requisitionis instantiam venerabilem fratrem nostrum Bartholomaeum, episcopum Electensem, et dilectum filium Bertrandum, abbatem monasterii s[ancti] Theofredi Aniciensis diocesis, viros utique litterarum scientia praeditos, in magnis et arduis gerendis negotiis hactenus laudabiliter comprobatos, ac fervidos catholicae fidei zelatores, tanquam speciales apostolicae sedis nuntios ad partes illas providimus destinando, sperantes, quod per manus eorum idem rex et alii principes et nobiles cum populis dictarum partium, regenerati sacri unda baptismatis, veram sanctamque doctrinam catholicae fidei et evangelicam percipient veritatem. Cum autem idem rex super certis articulis, causis et quaestionibus, quos et quas contra vos se habere proponit, nostrum et eiusdem ecclesiae subire iudicium non recuset, quin immo super his implorat auxilium confidenter, nos, cupientes eundem et quoslibet infideles ad catholicam fidem converti, volentes, quod, quantum cum Deo possumus, fovere favore et beneficiis provocare, universitatem vestram rogamus, monenus et hortamur attente, vobis in virtute sanctae obedientiae districtius iniungentes, quatinus, postquam idem rex fidem catholicam Deo auctore susceperit, a molestiis, damnis et iniuriis inferendis eidem et hominibus regni sui, resipiscatis omnino, quin immo teneri vos volumus cum eodem rege et aliis personis illarum partium, quae ad fidem catholicam convertentur, fraterne et in pace vivere, sine qua non congrue colitur pacis auctor.

Nos enim, cum simus omnibus, secundum apostolum, in iustitia debitores, super praedictis articulis, causis et quaestionibus post conversionem ipsius regis ad fidem catholicam intendimus per optimae ac celeris exhibitionem iustitiae partes apostolicae sollicitudinis adhibere. Datum Avinione, calendis Iunii, anno octavo.

Перевод

Иоанн XXII и проч. любезным сыновьям магистру и братьям [ордена] тевтонских госпитальеров св[ятой] Марии Иерусал[имской] здравия и проч.

Отец светов, от которого, как известно, исходит всякое благое даяние и всякий совершенный дар, предуготовил, кажется, ум славного мужа Гедимина, короля литовцев и многих русских, к познанию и приятию света католической веры, как мы узнали из его направ-

ленных нам почтительнейших посланий к нам и братьям нашим, кардиналам св[ятой] римской церкви; поэтому в ответ на почтительную, настоятельную просьбу оного короля мы озаботились направить в те края в качестве особых нунциев апостольского престола досточтимого брата нашего Бартоломея, епископа электензийского, и любезного сына Бернарда, аббата монастыря св[ятого] Теофрида из аницийского епископства, мужей, особенно известных ученостью, похвально проявивших себя ранее в важных и трудных делах и горячих ревнителей католической веры, в надежде, что из их рук оный король и другие князья и знать вместе с народом названных краев, родившись заново в водах святого крещения, воспримут истинное и святое учение католической веры и евангельскую истину.

И поскольку оный король в некоторых пунктах, делах и вопросах, кои и каковые, как утверждает, у него есть против вас, не отказывается подчиниться суду нашему и упомянутой церкви, и более того, с доверием молит о помощи в них, то мы, желая его и всякого неверующего обратить в католическую веру, стремясь, насколько нам с Божией помощью удастся, поощрить это милостями и подтолкнуть благодеяниями, просим, призываем, и настоятельно убеждаем, решительно вменяя [это] вам в добродетель святого послушания, чтобы вы, после того как оный король примет с Божией помощью католическую веру, совершенно отказались чинить тяготы, ущерб и обиды ему и людям его королевства, и более того, намерены обязать вас, чтобы вы с оным королем и другими обратящимися к католической вере людьми из тех краев жили по-братски и в мире, без которого невозможно подобающее почитание Зиждителя мира.

Мы же, поскольку, по слову апостола, призваны блюсти всеобщую справедливость, будем стараться после обращения оного короля в католическую веру явить в отношении вышеназванных пунктов, дел и вопросов апостольское попечение, вынеся добрый и скорый приговор.

Дано в Авиньоне, в июньские календы, в восьмой год.

14. [1324 г.] Сообщение посланцев папских легатов

На пергамене, если не подлинник, то подлинный проект отчета; хранится в РГА, ф. 2 («Внешний архив») Рижского магистрата, ящик № 18, докум. № 22.

Публикуется по изданию: РЛА. № 67.

Основание датировки — 22 сентября 1324 г. легаты вместе с архиепископом Фридрихом прибыли в Ригу; 3 ноября их посланцы были в Вильно — см. в тексте, а 25 ноября — возвратились в Ригу (см.: *Voigt J.* Geschichte Preussens. Bd. IV. S. 392. Anm. 1).

Текст

Sciendum quod nos ... missi a dominis legatis sedis apostolice ... domino archiepiscopo et consulum ciuitatis rigensis ad regem lethowie ... venimus in ciuitatem suam vilnam sabbato post festum omnium sanctorum et circa horam vesperarum fecit nos vocare ad suam presenciam. Cum venimus ad eum, cum consiliariis in aula sua sedentem, presentauimus sibi literas dominorum legatorum, domini archiepiscopi, episcopi osiliensis et tharbatensis et consulum de riga, quas recepit gratiose. Postea sibi diximus, quod negocia haberemus secum volutare ex parte domini apostolici et dominorum premissorum, qui respondit, quod tali hora non expediret, quia venimus de via et post labores deberemus recreari, et esse leti ac iocundi. Sequenti mane iuimus ad fratres minores audire missam, et ante missam loquebamur cum fratre nicolao, inquirendo, si rex esset eiusdem voluntatis, sicut domino apostolico scripserat et toti mundo, petendo instanter consilium suum, ex quo percepimus, eum esse de consilio regis, quod nos informaret amore christianitatis, sub qua forma possemus persequi negocium domini apostolici nobis commissum, qui respondit, quod propositum suum esset mutatum, ita quod nequaquam vellet recipere fidem Christi, et aliud concilium non poteramus ab ipso optinere, et sic intrauimus ecclesiam audire missam. Finita missa loquebamur cum fratre hinrico et bertoldo, minoribus fratribus, inquirendo consilium sicut prius, qui responderunt quod rex habuerat bonum propositum, sed proh dolor superuenientibus aliis totaliter esset mutatus et auersus, qui quidem per integrum annum in concilio suo non fuerunt, sed solum frater nicolaus, de quo habebant suspicionem eius mali et auersionem[33] propositi boni ex instinctu spiritus sancti quod incepit. Interim quod fuimus in missa, rex misit post fratrem nicolao[34] et post missam volebamus redire ad hospicium, fratre bertoldo nobis comitiuam faciente, venit nuntius regis et vocauit fratres bertoldum et hinricum ad presenciam regis. Peracta comestione rex misit post nobis; venientibus autem nobis, invenimus eum in aula sua cum conciliariis suis

[33] Так в РЛА; ожидалось бы *aversionis*. — *Ред.*

[34] Так в рукописи; надо *nicolaum*. — *Ред.*

circa viginti, quod nobis multum displicuit, quia sperauimus ipsum solum invenire. Habito concilio inter nos, videbatur nobis consultum, ex quo percepimus eum auersum, propter captandam suam beneuolentiam, incepimus loqui de aduentu dominorum et processu facto contra fratres et restitutionem captiuorum ac bonorum suorum infra pacem, de quo multum regratiabatur ac gaudebat. Postea sibi narrauimus, qualiter litteras suas misisset dominis consulibus in riga, significans, quod non posset mittere nuntios suos ad ciuitatem cum litteris, quia precedenti anno nuntium suum misit ad ciuitatem qui captus fuit in via, fame afflictus et male cruciatus, rogando consules, ut ipsi aliquem de suis cum litteris et negociis suis ad presenciam domini apostolici destinarent, et quod non parcerent expensis, quia tempus veniret, quod maius solueret cum minuta, de quo consules gauisi miserunt me … cum litteris vestris ad dominum nostrum summum pontificem, qui vestras litteras procurante domino archiepiscopo cum inenarrabili gaudio recepit, et sequenti die fecit vocare cardinales ad consistorium, quibus significauit vestram voluntatem secundum quod in vestris litteris continebatur, vbi dominus archiepiscopus et ego presentes fueramus, et statim non poterat invenire personas ydoneas ad tantum factum et salutiferum perficiendum; sed mora aliqua transacta, misit reuerendos in Christo patres ac dominos ... cum plenaria potestate secundum desiderium vestrum, prout domino apostolico et archiepiscopo scripseratis, qui domino annuente salui in rigam cum domino archiepiscopo peruenerunt, mittentes nos ad vestram presenciam, cupiendo vestrum statum de bono in melius prosperari, et missi sunt pro expeditione conuersionis vestre, pro qua vos et progenitores vestri multo tempore laborarunt, qui cum magno desiderio cupiunt vos videre, quia missi sunt pro vestra salute et exaltalione vestri regni. Postea quesiuit rex, si sciremus, quid continebatur in litteris, quas domino apostolico, domino archiepiscopo et toti mundo destinasset; respondimus, quod intencio litterarum fuit, quod vellet recipere fidem christi et baptizari. Tunc ipse respondebat, quod non iussisset hoc scribere; sed si frater bertoldus scripsisset, in capud suum redundaret. Sed si unquam habui in proposito, dyabolus me baptizaret. Postea affirmabat, quod vellet tenere dominum apostolicum pro patre, sicut scripsit, quia est antiquior me, et tales tenebo sicut patres, et dominum archiepiscopum similiter pro patre teneo, quia est antiquior me, et qui sunt similes mei tenebo pro fratribus, et minores me pro filiis, et christianos facere deum suum colere secundum morem suum, ruthenos secundum ritum suum, polonos secundum morem suum et nos colimus deum secundum ritum nostrum, et omnes habemus

vnum deum et breuiter dictum tenorem litterarum, totaliter confirmabat excepto solo baptismo, quia nollet baptizari, et sic protulit ista verba: quid dicitis mihi de christianis? vbi invenitur maior iniuria, maior iniquitas, violentia, perdicio et vsura, quam in hominibus christianis et precipue in illis, qui videntur religiosi, sicut cruciferi, qui faciunt omne malum, captiuauerunt episcopos, incarcerauerunt eos et tenuerunt in miseria, quousque oportebat eos componere cum eis secundum eorum voluntatem, quosdam exulauerunt, clericos et religiosas personas occiderunt, ciuitati rigensi maxima dampna intulerunt, et a primeua planlatione istius christianitatis, quicquid iuramentis promiserant, minime tenuerunt, precipue anno preterito, cum nuntii dominorum terre hic fuerunt, cum consensu eorum omnium, non coacti pacem fecerunt pro tota christianitate, et iuramentis ea confirmabant, et super ea osculati fuerunt crucem et statim postea, quicquid iuramentis confirmauerant nichil penitus tenueruut, quia meos nuncios occiderunt, quos pro pace misi confirmanda sicut compromisimus, et non solum illos, sed multos alios et multociens occiderunt, captiuauerunt, ad vincula posuerunt et grauiter tenuerunt, et pro tanto omnibus iuramentis eorum non credo. Sequenti die iuimus ad ecclesiam minorum et audiuimus missam. Finita missa reuersi fuimus ad hospicium nostrum, et facta comestione, rex misit ad nos nuncios suos de suo concilio, qui requirebant a nobis, vtrum vellemus tenere pacem, quae facta fuit, vel qui essent, qui velle ut[35] tenere vel non tenere, et si aliqui essent, qui vellent tenere pacem; ipse paratus esset tenere secundum quod promisit, et qui nollent tenere, ipse vellet eis satis dare ad manus; et super ista petiuerunt responsum. Consilio inter nos habito, respondimus, ex quo rex esset auersus a proposito bono, sicut domino apostolico, domino archiepiscopo et toti mundo demandauit, nesciremus, quid domini legati, archiepiscopus et sui suffraganei intenderent facere; sed si sibi placeret, quod mitterent nuncios suos nobiscum, qui eum de pace seruanda uel non seruanda plenius possent informare. Et hoc sibi placuit tali condicione, quod reciperemus illos nuncios super capud nostrum, quod secure possent ire et redire, quod et fecimus. Postea die subsequente vocauit nos interpres regis et christianus ad hospicium fratrum minorum. Ibi invenimus aduocatum suum videlicet regis cum consiliariis ipsius presente[36] maioribus fratribus et minoribus, et

[35] Так в РЛА; надо *vellent.* — *Ред.*

[36] Так! Латынь документа страдает многочисленными грамматическими и лексическими вульгаризмами. Впрочем, допустимо думать, что издатель РЛА не распознал в рукописи сокращения и следует читать *presentibus.* — *Ред.*

idem aduocatus regis quesiuit a minoribus, a quo ille littere, domino apostolico directe, primum habuerunt processum. Respondit frater hinricus, quod ipse scripsisset litteras, cum quibus rex nuncium suum proprium misit ad ciuitatem, qui male fuit tractatus in via, incarceratus et fame afflictus, et littera domino pape reportata. Tunc quesiuit a fratre bertoldo, si ipse scripsisset litteras, quod rex vellet baptizari. Respondit quod scripsisset vltimas litteras que fuerunt misse per consules rigenses, et in eis nichil scripsit nisi ex ore regis, quod vellet esse filius obedientie et venire ad gremium sancte matris ecclesie, et recipere christianos et fidem christi breuiter dictum ampliare; nam cognoscebat, se stare in errore. Et sic respondit aduocatus: ergo recognoscis, quod non iussit te scribere de baptismo? Tunc ipse bertoldus et frater nicolaus de ordine maiorum responderunt et nos omnes, quod esse filius obediencie et venire ad gremium sancte matris ecclesie, aliud non esset nisi baptismus. Tunc respondit aduocatus et frater nicolaus, quod ipse frater bertoldus esset, qui regi fecerat talem confusionem, et cum talibus responsionibus recesserunt, et in recessu eorum rogauimus aduocatum constantissime, quod solitarii et ad partem possemus loqui cum rege, qui dixit, quod vellet nunciare regi. Et die sequenti rex misit eundem aduocatum suum cum quibusdam aliis de concilio suo, qui nobiscum secrete deberent loqui, quia rex ad partem non poterat loqui nobiscum, nam cum tartaris erat impeditus; et sic incepimus ipsis narrare negocium secundum quod a dominis nostris nobis erat iniunctum, et informauimus eos in quantum potuimus, rogando, quod ipsi per consilium informarent regem, si maneret firmus et stabilis in bono proposito, ipse tantum honorem consequeretur, sicut aliquis rex christianus haberet in mundo et maiorem, et regnum suum exaltaret et tota gens sua[37]. Praeterea dominus apostolicus dedit istis dominis nostris legatis omnem potestatem, quam ipse personaliter haberet, et quicquid ipse desideraret vnum, ipsi darent duo, et breuiter, tam potens et magnus efficeretur dominus et rex, sicut aliquis esset in mundo. Insuper rogauimus, ut mitteret responsum dominis nostris legatis, archiepiscopo et ciuitati per suas litteras, qui dixerunt quod rex| vellet facere et mittere cum suis nunciijs, quod non fecit.

На обороте

Hec, que secuta sunt, que secrete audiuimus de isto facto, post audiuimus a fratre hinrico, fratre bertoldo et aliis fratribus et eciam laycis, quod fratres de pruscia dederunt multas tunicas et bona potencioribus

---

[37] Так в РЛА; ожидалось бы *totam gentem suam*. — *Ред.*

de sameytis, ita quod ipsi insurrexerunt contra regem, dicendo, si ipse reciperet fidem ipsi vellent eum, filios et omnes sibi adherentes expugnare et vna cum fratribus de domo theuthonica expellere de suo regno et totaliter exstirpare. Ista verba minatoria multocies isto anno loquebantur in facie regis, et similia verba minatoria habuerunt rutheni contra eum, et propter ista rex esset auersus a fide, ita quod non auderet amplius loqui de baptismo. Insuper audiuimus ab eisdem fratribus minoribus, se audiuisse a socio fratris nicolai de ordine maiorum, et etiam nos ab ore suo audiuimus, sed secrete inter nos, quod frater nicolaus sibi retulisset ista verba: quadam vice ego sedebam cum rege in collacione, tunc rex incepit loqui de conuersione sua, petens concilium a me, qvid faceret. Ego respondi: videtur mihi, quod non sapienter facitis; vos elegistis archiepiscopum rigensem in patrem, ipse se ipsum non potest defendere, nam iacuit bonis XII annis in ciuitate romana pro negociis suis; adhuc non habet finem, qualiter ergo ille vos defendet, qui se ipsum non potest iuuare, et dominus apostolicus est ita remote, antequam ipse vobis veniret in adiutorium, vos essetis radicitus et totaliter destruens[38]; sed si velletis per illam viam procedere, tunc debetis eligere aliquem regem potentem, sicut regem vngarie vel boemie; illi possent vos defendere ac tueri. Et multa de ista materia audiuimus, quod non possumus ad memoriam reuocare. Postea cum debebamus recedere, traximus ad patrem hennekinum interpretem regis, dicentes sibi ista verba: Hennekine, tu es homo christianus et teneris diligere christum et christianam fidem, ut scimus te facere ex toto corde. Nos monemus te per baptismum, quod recepisti, ut cogites in salutem anime tue et in extremum iudicium christi, vbi vnusquisque tenetur reddere de omnibus factis suis manifestis et occultis rationem, ut dicas nobis veritatem, si rex fuerit illius propositi, sicut domino nostro summo pontifice scripsit de sua conuersione et fide ihesu christi recipienda, quia intelleximus, te fuisse interpretem inter regem et fratrem ber., cum scripsit litteras predictas. Ad hoc respondit, rogans, quod ea, quae diceret, nobis teneremus sub sigillo confessionis, quia si alicui innotesceret, ipse amitteret vitam: Vos, domini, ita profunde monuistis me, quod oportet me vobis dicere veritatem. Ego scio, quod rex firmus fuit in proposito sue conuersionis, quia cum magno desiderio fecit conscribi litteras; sed qualiter est auersus, ignoro; sed dyabolus suum semen seminauit, et rogo, ut prius, quod ista apud vos secrete teneatis. Postea audiuimus de quodam fratre minore, quod vna

[38] Так! Надо *destructi*. — *Ред.*

mulier de familia regine sibi reuelauit, quod rex omni nocte interim, quod fuimus ibi, post discessum nostrum de collacione, intrauit cubiculum suum assumpto secum cognato suo erudone et fleuit amarissime, et facto interuallo iterum incepit flere, et qualibet nocte hoc fecit tribus vicibus, et secundum quod illa mulier poterat iudicare, hoc fecit ratione illius, quod deberet retrocedere a proposito inchoato.

Перевод

Да будет известно, что мы ..., посланные господами легатами апостольского престола, господином архиепископом … и советников города Риги к королю Литвы ..., прибыли в его город Вильну в субботу после праздника всех святых, и примерно в час вечерней молитвы король приказал позвать нас к себе.

Когда мы пришли к королю, восседавшему вместе с советниками в своих палатах, мы вручили ему послания господ легатов, господина архиепископа, епископа эзельского и дерптского и советников Риги, которые он милостиво принял. После этого мы сказали ему, что хотим обсудить с ним дела от лица господина апостольского [наместника] и вышеуказанных господ. Он ответил, что в такой час неудобно, так как мы прибыли с дороги и после трудов должны отдохнуть и быть довольными и веселыми.

На следующее утро мы пошли к братьям-миноритам слушать мессу, а до мессы говорили с братом Николаем, стараясь узнать, придерживается ли король того намерения, о котором писал господину апостольскому [наместнику] и всему миру, настоятельно прося его совета, поскольку мы слышали, что он состоит в совете короля, дабы брат христианской любви ради научил нас, каким образом мы могли бы выполнить дело господина апостольского [наместника], порученное нам. Он ответил, что намерения его изменились, так что он вовсе не хочет принимать веру Христову, и другого совета мы добиться от него не смогли и с тем пошли в церковь слушать мессу.

По окончании мессы мы говорили с братом Генрихом и Бертольдом, братьями-миноритами, прося, как и прежде, совета. Они ответили, что у короля было доброе намерение, но, увы, под влиянием других неожиданных обстоятельств он совершенно изменил и оставил [оное]. Они в течение целого года даже не были в его совете, а только брат Николай, в котором они подозревали [причину] этого несчастья и отказа от благого намерения, которое он начал по внушению Святого Духа.

Пока мы были у мессы, король послал за братом Николаем, и [когда] после мессы мы хотели идти на подворье в сопровождении брата Бертольда, пришел посланный от короля и позвал братьев Бертольда и Генриха к королю.

По завершении трапезы король послал за нами, а когда мы пришли, то застали его в его палатах вместе со своими советниками, примерно двадцатью, что нам было очень неприятно, так как мы надеялись застать его одного.

Посовещавшись между собой, нам показалось разумным, поскольку мы узнали, что он оставил [свое намерение], для снискания его благосклонности начали говорить[39] о прибытии господ [легатов] и об имевшем место процессе против братьев[40] и о возвращении после заключения мира пленных и его добра, за что он очень благодарил и был доволен.

После этого мы напомнили королю, что он направил свое послание господам советникам в Ригу с сообщением, что он не может направить в город[41] своих послов с грамотой, потому что в предыдущем году он направлял в город своего посла, который был схвачен по дороге, морен голодом и жестоко пытан, [и] с просьбой к советникам, чтобы они сами направили к господину апостольскому [наместнику] кого-нибудь из своих с его грамотой и по его делам и чтобы не скупились на расходы, потому что подошло время, которое за малое принесет великое, чему советники обрадовались [и] отправили меня[42] … с вашей грамотой к первосвященному господину нашему, который по ходатайству господина архиепископа с несказанной радостью вашу грамоту принял и на следующий день приказал созвать в консисторию кардиналов, которым он сообщил вашу волю согласно содержанию вашей грамоты, где присутствовали господин архиепископ и я; и тотчас он не мог найти подходящих лиц для столь значительного и спасительного дела, но по истечении

---

[39] Синтаксический сбой отражает особенность оригинала. — *Ред.*

[40] Имеются в виду переговоры между архиепископом рижским Фридрихом и великим магистром Немецкого ордена Карлом фон Трир осенью 1323 г. в Авиньоне, при папском дворе.

[41] Здесь и чуть ниже в другом, более кратком, списке значится не *ad civitatem* «в город», а *ad curiam* «в папскую курию», что по смыслу кажется более исправным. — *Ред.*

[42] Следует текст речи рижского посредника Гедимина, ездившего к папе; весь документ состоит из трех частей: отчета посланцев, речи (написанной заранее) одного из них и записей (сделанных на обороте) секретной информации.

некоторого времени послал, согласно вашему желанию, о котором вы писали господину апостольскому [наместнику] и архиепископу, достопочтенных во Христе отцов и господ ..., [облеченных] полнотой власти, которые с Господней помощью невредимыми прибыли в Ригу вместе с господином архиепископом, направив нас пред лицо ваше с пожеланием вам преуспевать от хорошего к лучшему, а посланы они ради совершения вашего обращения, которого долго добивались вы и ваши предки, и с великим нетерпением желают видеть вас, так как они посланы для вашего спасения и возвышения вашего королевства.

Тогда король спросил, знаем ли мы, что содержалось в послании, которое он направил господину апостольскому [наместнику], господину архиепископу и всему миру. Мы сказали, что смысл послания был [тот], что он-де желал принять веру Христову и креститься.

Тогда он ответил, что не приказывал писать этого, а если брат Бертольд написал, то пусть это падет на его голову. «Но если у меня было когда-нибудь [такое] намерение, то пусть дьявол меня окрестит».

Потом он стал уверять, что хотел бы, как и писал, чтобы господин апостольский наместник был ему как отец, так как он старше меня, и таковые будут у меня как отцы, и господин архиепископ мне тоже как отец, так как он старше меня[43], а мои ровесники будут мне как братья, а те, кто моложе меня, — как сыновья, и чтобы христиане почитали своего Бога по своему обычаю, русские — по своему обряду, поляки — по своему обычаю, а мы чтим Бога по нашему обряду, и у всех нас один Бог, и, короче говоря, целиком подтвердил содержание названного послания, исключив только крещение, поскольку не желал креститься, и произнес такие слова: «Что вы мне говорите о христианах? Где найдется больше беззакония, больше несправедливости, насилия, развращенности и лихоимства, чем у христиан, а особенно у тех, которые представляются благочестивыми, как, например, крестоносцы, которые совершают всякое зло, захватывали епископов, бросали их в темницу и содержали в тяжелых условиях, покуда им была нужда заключить с ними договор на

---

[43] Ср. речь Довмонта (*Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915); ср. слова Войшелка: “се ми зде близ мене сын мой Шварно, а другый господин отец мой князь Василко” (ПСРЛ. Т. II. Стб. 867). На Руси — еще в Изборнике Святослава (1076 г.) — см.: *Шимановский В.* К истории древнерусских говоров. Варшава, 1894. С. 56.

их условиях, других же изгоняли, убивали клириков и монахов, нанесли огромный ущерб городу Риге, а от первого насаждения оного христианства, почти ничего не сохранили, как клятвенно обещали, особенно в прошлом году, когда здесь находились послы государей земли[44], с их согласия, без принуждения заключили мир от имени всего христианства[45] и скрепили его клятвами и в том целовали [крест], и тотчас после этого ничего, что скрепили клятвами, не выполнили, ибо убили моих послов, которых я, как мы постановили, направил ради скрепления мира, да и не только их, но и многих других и многократно убивали, брали в плен, заключали в оковы и мучили, и потому всем их клятвам я не верю».

На следующий день мы отправились в церковь миноритов и слушали мессу. По окончании мессы мы вернулись на наше подворье и после трапезы король прислал к нам своих послов из своего совета, которые спросили у нас, будем ли мы соблюдать мир, который был установлен, и кто будет и кто не будет соблюдать, и есть ли кто-нибудь, кто будет соблюдать мир. Сам-де он готов соблюдать сообразно с тем, что обещал, а с теми, кто соблюдать не будет, не устанет воевать, и на это они просили ответ.

Посовещавшись между собой, мы ответили: так как король отказался от благого намерения, о котором сообщил господину апостольскому [наместнику], господину архиепископу и всему миру, то мы не знаем, что намерены делать господа легаты, архиепископ и подчиненные ему епископы, но если ему угодно, пусть отправит вместе с нами своих послов, которые смогли бы обстоятельно объяснить ему, будет соблюдаться мир или нет. И ему это было угодно при том условии, что мы возьмем этих послов под свою ответственность, чтобы они могли безопасно прийти и уйти, что мы и сделали.

Затем на следующий день переводчик короля, христианин, позвал нас на подворье братьев-миноритов. Там мы нашли его, то есть короля, уполномоченного вместе с его советниками в присутствии старших братьев[46] и миноритов, и этот королевский уполномоченный

---

[44] *domini terre* — Landesherren — немецкие участники Виленского договора.

[45] Имеется в виду Виленский договор (между Гедимином и Ливонией от 1323 г. — *Ред.*).

[46] По оппозиции с миноритами-францисканцами (*fratres minores*) можно догадываться, что под «старшими братьями» (*fratres maiores*) здесь и ниже имеются в виду доминиканцы, хотя официально такое название не употреблялось; поэтому в переводе остаемся при неопределенности оригинала. — *Ред.*

спросил у миноритов, кто был первым, от кого вышло послание, направленное господину апостольскому [наместнику]. Брат Генрих ответил, что он писал то послание, с которым король направил в город своего личного посла, с которым по дороге обошлись плохо, бросили в темницу и морили голодом, а послание было переслано господину папе.

Тогда спросил у брата Бертольда, не он ли писал послание, будто король хочет креститься. Тот отвечал, что писал второе послание, которое было послано через рижских советников, и в нем не писал ничего, кроме [исходившего] из уст короля, что тот-де желает быть покорным сыном и войти в лоно святой матери-церкви, принять христиан и, короче говоря, распространить веру Христову, ибо он осознал свое заблуждение.

И уполномоченный ответил так: «Значит, ты признаешь, что [король] не приказывал тебе писать о крещении?» Тогда оный Бертольд и брат Николай из ордена старших [братьев] и мы все отвечали, что быть покорным сыном и войти в лоно святой матери церкви есть не что иное, как крещение. Тогда ответил уполномоченный и брат Николай, что это оный брат Бертольд причинил королю такое бесчестье, и с такими словами они ушли.

А когда они уходили, мы настоятельно просили уполномоченного дать нам возможность поговорить с королем наедине и лично. Он ответил, что сообщит [об этом] королю.

И на следующий день король прислал того же своего уполномоченного с некоторыми другими из своего совета, чтобы они поговорили с нами отдельно, потому что сам король не мог говорить с нами лично, так как ему не позволили татары. И тогда мы начали излагать им дело сообразно с тем, что было нам поручено нашими господами, и, как могли, рассказали им с просьбой, чтобы они через совет рассказали королю, что если он пребудет твердым и неизменным в благом намерении, то удостоится такой великой чести, какую имеют на земле прочие христианские короли[47], и [даже] большей, и возвеличит свое королевство и весь свой род. Более того, господин апостольский [наместник] дал оным господам нашим легатам всякую власти, какую он лично сам имеет, и

[47] Учитывая аналогичный, но более прозрачный оборот в конце данного абзаца, эту фразу можно понять и иначе: «удостоится такой великой чести, какой не имеют на земле прочие христианские короли». — *Ред.*

что бы король ни пожелал, они дадут [ему] вдвое, и, короче, он станет столь великим и могущественным королем и повелителем, как никто в мире. Кроме того, мы просили, чтобы он дал письменный ответ господам нашим легатам, архиепископу и городу, [а] они сказали, что король сделает [это] и отправит [грамоты] со своими послами, чего не сделал.

На обороте

То, что произошло потом [и] что мы тайно услыхали относительно этого дела.

Позднее мы услыхали от брата Генриха, брата Бертольда и других братьев и также от мирян, что братья из Пруссии дали много одежд и имения наиболее влиятельным в Жемайтии, в результате чего те восстали против короля, говоря, что если он примет веру, они пойдут войной на него, [его] сыновей и всех его сторонников и вместе с братьями Тевтонского дома изгонят из его королевства и полностью истребят. Эти угрозы они много раз на протяжении этого года высказыли пред лицом короля; и с похожими угрозами королю выступали и русские, и из-за этого король отвернулся от веры, так что не решается больше говорить о крещении.

Сверх того, мы слыхали от тех же братьев-миноритов, что они слышали от сотоварища брата Николая из ордена старших [братьев], и даже мы из его уст слышали, но тайно между нами, что брат Николай сказал ему следующее: «Однажды, когда мы сидели и беседовали с королем, король заговорил о своем обращении, прося у меня совета, что делать. Я ответил: "Мне кажется, вы поступаете неразумно. Вы избрали в отцы рижского архиепископа, [а] он сам себя не может защитить, ведь добрых двенадцать лет просидел в городе Риме по своим делам; и до сих пор конца этому нет, так как же защитит вас тот, кто не может помочь себе самому; а господин апостольский [наместник] так далеко, что прежде, чем он придет к вам на помощь, вас полностью и совершенно уничтожат. Но если вы хотите успеха на этом пути, тогда вам нужно выбрать какого-нибудь могущественного короля, как король Венгрии или Чехии; они смогли бы вас защитить и оберечь"».

И много такого мы слыхали, чего в памяти удержать не смогли.

Потом, когда нам нужно было возвращаться, мы направились к отцу Геннекину, переводчику короля, и сказали ему следующее: «Геннекин, ты христианин и обязан почитать Христа и христиан-

скую веру, что ты, мы знаем, [и] делаешь от всего сердца. Призываем тебя во имя принятого тобой крещения, подумай о спасении своей души и о страшном суде Христовом, где каждому придется дать отчет о всех своих делах, явных и тайных, скажи нам правду, было ли у короля то намерение, как он писал господину нашему первосвященнику о своем обращении и принятии веры Иисуса Христа, ибо мы узнали, что ты был переводчиком между королем и братом Бер[тольдом], когда тот писал вышеназванное послание».

Он ответил на это, прося, чтобы то, что он скажет, мы хранили как тайну исповеди, так как, если [это] кому-нибудь станет известно, он лишится жизни: «Вы, господа, так основательно уговаривали меня, что мне следует сказать вам правду. Я знаю, что король был тверд в своем намерении креститься, так как приказал написать послание с величайшей охотой, а почему он отказался, я не знаю. Но дьявол посеял семя свое, и я прошу, как и прежде, чтобы вы держали это в тайне».

Потом мы услыхали от одного брата-минорита, будто одна женщина из приближенных королевы открыла ему, что, пока мы там оставались после окончания аудиенции, король каждую ночь удалялся в свою опочивальню[48], беря с собой родственника своего Ерудона[49], и горько плакал, переставал и начинал снова, и каждую ночь он делал так трижды, и, насколько эта женщина могла судить, делал это по той причине, что должен был отказаться от своего первоначального намерения.

15. [1324 г.] Послание совета города Риги Любеку

Современная копия на пергамене, написана крайне мелким почерком; хранится в РГА, ф. 2 («Внешний архив») Рижского магистрата, ящик № 18, докум. № 24.

Публикуется по изданию: РЛА. № 62 (LUB. Bd. VI. № 3072).

Основание датировки — упоминание о том, что прошлым летом рижский совет переслал письма Гедимина совету Любека. Заверенная копия Любека датируется июлем 1323 г. (CDL. P. 27–32).

---

[48] Можно понять также: «в ее опочивальню». — *Ред.*

[49] По другому списку — «Крудона» (*Crudone*). — *Ред.*

Текст[50]

Honorabilibus et discretis viris dominis consulibus in lubeke consules ciuitatis Rigensis obsequii et honoris promptitudinem cum affluencia omnis boni. Innotuit nobis relacione quorundam veridicorum, scriptis eciam auctenticis, videlicet publicis instrumentis, quod fratres ordinis theoth[onice] domus apud vos suis litteris nos grauiter infamarunt, racione litterarum Regis lethowye, quas vobis in estate preterita misimus eiusdem Regis ex parte, quas quidem fratres predicti a nobis dicunt confectas et sigillatas, quod in verbo veritatis dicimus, quod deus hoc in nobis non nouit neque tollerat[51], neque mundus, prout in veritate pacis, quia terrarum domini lyuonie et estonie, et precipue fratres ordinis memorati vnanimiter et concorditer, pro se quispiam solempnes suos direxit nuncios ad Regem lethowye supradictum, ad inuestigandam et perscrutandam veritatis formulam de litteris, vobis et ceteris ciuitatibus principibus et ceterarum[52] dominis in theothonia et in nostra prouincia Rigensi ab ipso Rege missis, qui nuncii cum ad presenciam dicti regis peruenerunt cum litteris suis antedictis, quibus perlectis et examinatis coram universis nunciis, quare Rex recognouit publice sigillum litteris appensum esse suum, et articulos in ipsis litteris conscriptos ex ore suo perlatos. Rursum, rex requisitus si secundum predictos articulos se regere vellet, respondit quando legati domini pape ad me venerint, quorum aduentum prestulor desiderio summo, quod in corde meo habeo, hoc deus scit et ego, et sic singulos articulos, in ipsis litteris scriptos adeo firmauit rationibus, prout dictorum nunciorum ab ipso rege reuersorum vniuersitas se…[53] testabatur. Quod dicti nuncii non causa metus aut violencie, sed considerata necessitate et vtilitate christianitatis, cum ipso Rege et suis pacem firmam inierunt, pro cunctis hominibus christianis, quam predicti nuncii et precipue nuncii fratrum domus theotonice predictorum, scilicet frater johannes de leuenborgh commendator Mithowye et frater otto bramhorn, qui interrogati ab honesto milite vno de nunciis,

[50] Здесь и ниже в ряде случаев молча скорректирована пунктуация, в РЛА иногда противоречащая смыслу текста. Неупорядоченное употребление прописных сохранено. — *Ред.*

[51] Так в РЛА вместо очевидного *tolerat,* провоцируя обессмысливающее сближение с *tollo*. — *Ред.*

[52] Так в РЛА; вероятно, следовало бы исправить на *terrarum* (ср. примеч. 61). Нелегко понять, что в этом списке, трудночитаемом вследствие мелкости почерка и обилия сокращений, следует отнести к погрешностям переписчика, а что — к недоразумениям издателя. — *Ред.*

[53] Далее в рукописи издатель РЛА вычитывал бессмысленное *fqssio*. — *Ред.*

domino Woldemaro de Rosen, quatuor vicibus responderunt, se habere ex parte ordinis sui domus theoth[onice] faciendi dimittendi liberam facultatem primo et principaliter dicti fratres pro se et eorum ordine, reliqui vero nuncii cum premissis fratribus, a dominis predictarum terrarum emissis, pro se et eorum dominis obseruare inviolabiliter iurauerunt, et scripta super predictam pacem confecta prefati fratres suis sigillis cum sigillis aliorum omnium nunciorum muniuerunt, committendo sepedicto Regi in predicte pacis testimonium et cautelam, prout inuenietis in transscriptis dictarum litterarum, quas exhibitor presencium vobis et aliis habet ostendere in commissum, cum predicti regis responso nunciorum processibus predictorum, et aliis articulis in eisdem litteris scriptis plenius continere. Huic vero paci fratres domus theoth[onice], licet nuncii eorundem supradicti vt dictum pacem firmam ex parte ordinis predicti iuramentis receperunt sigillisque suis eandem in euidenciam signauerunt, contra deum, iusticiam, et in graue preiudicium tocius christianitatis lyuonie et estonie dedixerunt, et partibus non consencientibus eisdem fratribus in premisse pacis renunciacione sicuti domino Episcopo osiliensi et sue dyocesi et ciuitati Tharbatensi atque nobis, quare nullatenus fieri aut inueniri periuri intendimus domino innuente, publice et occulte, adinuencionibus quibuscunque poterunt aduersantur, et magis tam nobis quam ceteris, quibus manifestum est, quare modo in hyeme Magister et fratres ordinis memorate domus theoth[onice] cum Ruthenis in Nogardia pacem osculando crucem inierunt, tali condicione, quod omnes de nostris conciuibus Nogardia aduentantes priuati sint corporibus atque rebus, ipsi vero Rutheni bona predictorum nostrorum ciuium obtinendo, capita vero eorundem dictis fratribus presentando, quod dux et borgrauius ibidem in nogardia in foro communi et in publico colloquio coram cunctis astantibus publicarunt, quod iidem Nogardici nostris quibusdam ciuibus responderunt, quominus forma perhibita occuparunt, quod pro eorundem vita et bonis posuerant fideiussoriam caucionem, qui communi mercatorum adiutorio tunc ibidem existentium de vestra ciuitate et aliis ciuitatibus dimissi sunt liberi et soluti, pro quo vobis et ipsis immensas gratiarum referimus actiones, post hec cum breuiter venit in Nogardiam frater otto bramhorn predictus, qui vt dictum est in lethowya cum ceteris nunciis predictam pacem cum iuramentis pro se et suo ordine sepedicto acceptauit, quosdam ibidem in Nogardia tunc nostros ciues primo quitos dimissos[54], denuo in pristina formula occupauit, qui ab arresta-

[54] Так в РЛА; грамматически требовалось бы *dimitti*. — *Ред.*

cione iterum dei clemencia et mercatorum predictorum auxilio suffragante dimissi sunt liberi et soluti. Ista et alia importabilia grauamina nobis in bona securitate non dedicendo[55] inferunt, ea de ratione, quod ut supra diximus nolumus fieri aut inueniri periuri, dei nos gratia conseruante, in predicte pacis contradictionem consenciendo fratribus domus theoth[onice] memoratis. Ceterum, quoniam episcopus et capitulum ecclesie Warmiensis forte nutu aliorum vobis presumpsit scribere, quod nos lucri causa quarundam rerum temporalium, cito euanescentium, quasi criminose mendose dolose et falsiter, querentes victum ordinassemus premissa omnia inportune. Ad quae respondemus et probare volumus euidentius, quod quantum in nobis fuit in pace predicta firmanda, ad vtilitatem tocius christianitatis, per nostros nuncios manifeste cum ceteris nunciis predictarum terrarum dominorum lyuonie et estonie decreuimus laborare, sed nobis luce clarius manifestum est, quod predicti fratres domus theoth[onice] propter mercimonia que habent in castris suis, scilicet Duneborgh, Mythow[ia] et Rositen et in aliis municionibus cum lethowinis et eisdem in vicinio adiacentibus, pacem nituntur infringere memoratam, quam tum in castris, et municionibus predictis cum ipsis lethowinis predicti fratres seruant clam destine[56] sine consensu parcium, mercacionis gratia specialem. Ceterum antequam predicta communis pax per sepedictos nuncios cum Rege et suis fuisset firmata, illustris princeps katholicus, Dux mazowye, qui eiusdem Regis lethowye dudum christianitatis ritu filiam sibi matrimonio copulauit, magna precum instancia apud eundem regem in adiutorio optinuit lethowinorum exercitum super inimicos suos in terram scilicet matertere sue, ducisse de doberin deducendum, qui propere ante dicte pacis ordinacionem ad propria redierat. Insuper deuastacio terrarum videlicet dyocesis Tharbatensis et Regis daciae, prius quam predictus Rex aliquas emisit litteras fuit facta, et qui contra promissa vobis perscripta vel per verba aut amplius vestris auribus scriptis vel dictis referre presumpserint quibuscunque, scire[57] debetis et in bona consciencia dicimus, quod tales quicunque fuerunt in premissis procedunt contra formulam equitatis, quod ad probandum scriptis super premissam pacem hinc inde confectis sigillis[58] predicti regis lethowye et nunciorum omnium prefatorum quicumque requisiti fu-

[55] Так в РЛА; надо, несомненно, читать *dediscendo*. — *Ред.*

[56] Так в рукописи! Надо *clandestine*.

[57] В РЛА *quibuscunque. Scire,* что совершенно невозможно. — *Ред.*

[58] Так в РЛА. Текст настоятельно требует конъектуры; вместо *sigillis* следует читать что-то вроде *appensorum sigillorum*. — *Ред.*

erimus officiosius nos paratos, et quod predicti episcopus et capitulum Warmiensis ecclesie et quidam monachi vestre honestati contra nos scripserant, non debetis in veritate aliqualiter inuenire, verum vestre discrecioni presentibus deuote et attencius supplicamus, quatenus si aliqui vt dictum est contra perhibita materiam dicere vel scribere presumpserint, ullam fidem, donec nostris scriptis responsum nostrum audieritis, dignemini adhibere, sed nos fovere protegere diligere, causa nostri perpetui seruicii in omnibus promouere, quod apud vos et vestros quibuscunque poterimus intendimus promereri, et memoratas litteras vobis diu libentissime misissemus, sed non potuimus propter passagii protrahenciam et insultus fratrum predictorum domus theoth[onice], qui non permittunt aliquas deduci litteras extra terram, et quia predicti fratres rata et grata non seruant, quae inter ipsos et nos in perona placitata et ordinata fuerant, iuramentis et scriptis vallata, presentibus terrarum dominis lyuonie et estonie sepedictis, nec nos frui permittunt nostris libertatibus, quas secundum nostra privilegia et libertatem quiete possedimus ab antique. Timemus vt percepimus, nobis ab ipsis fratribus gwerram magnam et contenciones breuiter imminere, contra quam si pro nostra defensione quidquam fecimus, scitote pro certo et testamur in deum patrem omnipotentem et in matrem misericordie virginem mariam, quod hoc racione iusticie nostre et defensione necessaria faciemus, et petimus vniuersitatem vestram attencius et deuote, quatenus vna nobiscum ipsum deum fauctorem iusticie et beatissimam virginem mariam ipsius iusticie protectricem[59] partem iusticie protegant et defendant. Amen.

Перевод

Почтенным и умудренным мужам господам советникам Любека советники города Риги — вящей чести и уважения с умножением всяческого блага.

Из донесений неких верных людей, а также из достоверных документов, а именно официальных грамот, нам стало известно, что братья ордена Тевт[онского] дома, в своих посланиях тяжко бесчестили нас перед вами по поводу грамот литовского короля, которые мы прошлым летом послали вам от имени оного короля [и] которые, как утверждают вышеупомянутые братья, мы даже сами сочинили и скрепили печатью. Свидетельствуем во слове истины,

---

[59] Здесь по вине переписчика или издателя налицо явный пропуск; следует добавить нечто вроде *oretis, ut*. Перевод дан в соответствии с конъектурой. — *Ред.*

что такого за нами ни Бог не знал и не терпит, ни люди, как то в истине мира[60], ибо правители земель Ливонии и Эстонии, и особенно братья упомянутого ордена, каждый от своего имени, единодушно и при взаимном согласии, направили свои торжественные посольства к вышеназванному литовскому королю, чтобы разузнать и расследовать правдивость грамот, присланных оным королем вам и другим городам, главнейшим и управляющим другими[61], в Германии и в нашей рижской области.

Когда эти послы прибыли к названному королю с его вышепоименованными грамотами, по оглашении их и проверки в присутствии всех послов, почему король публично признал, что к грамотам привешена его печать и что статьи, записанные в этих грамотах, исходили из его уст. С другой стороны, когда короля спросили, собирается ли он руководствоваться этими статьями, он ответил: «Когда ко мне придут послы господина папы, которых я ожидаю с величайшим нетерпением, [а] что на сердце у меня, то знает Бог и я». И так он подтвердил рассуждениями каждую статью, содержащуюся в оных грамотах, как о том, вернувшись от оного короля, единодушно … свидетельствовали упомянутые послы.

Так что упомянутые послы не по причине страха или насилия, но имея в виду необходимость и пользу для христианских народов заключили с оным королем и его [подданными] от имени всех христиан прочный мир, неукоснительно соблюдать который поклялись вышеназванные послы, и особенно послы вышеназванных братьев Тевтонского дома, именно брат Иоанн из Левенборга, комтур Митавы, и брат Отто Брамгорн, которые, будучи спрошены одним из послов почтенным рыцарем господином Вольдемаром из Розена, четырежды ответили, что со стороны их ордена Тевт[онского] дома им предоставлены полномочия совершать [или] отказываться, прежде всего и преимущественно упомянутые братья от собственного имени и своего ордена, остальные же послы — вместе с ранее упомянутыми братьями, посланными правителями вышеназванных земель, от собственного имени и своих правителей. А грамоты, со-

---

[60] Здесь и ниже неупорядоченный синтаксис отражает синтаксическую невнятность в оригинале. — *Ред.*

[61] Латинский текст в настоящем его виде можно понять только так; однако, учитывая непосредственно предшествующий текст, вместо *ceterarum* напрашивается конъектура *terrarum*, и тогда перевод должен был бы быть: «вам и другим главнейшим городам и правителям земель». — *Ред.*

ставленные по поводу вышеназванного мира, вышепоименованные братья скрепили своими печатями вместе с печатями всех остальных послов для предоставления неоднократно названному королю во свидетельство и удостоверение вышупомянутого мира, что, изложенное более полно, вы найдете в списках вышеуказанных грамот, которые податель сего имеет поручение предъявить вам и остальным вместе с ответом короля на выступления вышеупомянутых послов, а также другими статьями оных грамот.

Однако братья Тевт[онского] дома, хотя их названные выше послы, как было сказано, клятвенно заключили прочный мир от имени вышеназванного ордена и на глазах у всех скрепили его своими печатями, отреклись от этого мира противно Богу и справедливости и к тяжелому ущербу для всех христиан Ливонии и Эстонии, а сторонам, несогласным с оными братьями в отказе от вышепоименованного мира, а именно, господину епископу эзельскому и его епископству, и городу Дерпту, и нам, ибо, по слову Господню, никоим образом не желаем быть или оказаться клятвопреступниками, открыто и тайно противятся с помощью всевозможных измышлений. А более всего как нам, так и прочим, кому хорошо известно, как только что зимой магистр и братья упомянутого ордена Тевт[онского] дома, целовав крест, заключили в Новгороде с русскими мир на том условии, что все наши сограждане, пришедшие в Новгород, лишились бы свободы и имущества. А русские, завладев имуществом вышеупомянутых наших граждан, их самих выдавали бы упомянутым братьям, о чем князь и посадник официально объявили там в Новгороде на городской площади на общественном совете[62] на глазах у всех присутствовавших; да и те же новгородцы отвечали некоторым нашим гражданам, что они забрали по форме договора, что относительно жизни и имущества оных они дали обязательства и ручательства. При общей поддержке присутствовавших тогда там купцов из вашего города и других городов они были освобождены и отпущены, за что вам и им мы приносим величайшую благодарность.

Когда вскоре после этого в Новгород прибыл вышеупомянутый брат Отто Брамгорн, который, как было сказано, в Литве вместе с

---

[62] *in foro communi et in publico colloquio,* видимо, следует понимать: на вече и на господе. Имеются в виду последствия договора Новгорода с Орденом (ГВНП. № 37). (Это толкование исходит из неверного перевода И.В. Шталь «на вече и на совете»; более точный перевод процитированного гендиадиса, данный нами, позволяет говорить только о вечевом собрании на городском торгу-*forum*. — *Ред.).*

остальными послами клятвенно заключил вышеназванный мир от собственного имени и своего неоднократно упомянутого ордена, он на основании прежнего договора снова схватил тогда там, в Новгороде, некоторых наших граждан, которых вначале смогли отпустить. По милости Божией и при поддержке и помощи вышеназванных купцов они были вторично освобождены и отпущены из заключения.

Эти и другие невыносимые тяготы, не останавливаясь и во времена безопасные, они чинят нам по той причине, что мы, как сказали выше, хранимые милостью Божией, не хотим быть и оказаться клятвопреступниками, выступая заодно с упомянутыми братьями Тевт[онского] дома против вышеупомянутого мира.

Далее, что епископ и капитул вармийской церкви осмелились, возможно, по наущению других, писать вам, что будто бы мы ради снискания каких-то имуществ, временных и скоро преходящих, преступно, ложью, коварством и обманом изыскивая пропитание, все вышеупомянутое дерзко устроили [сами]. На это мы отвечаем и хотим с очевидностью доказать, что мы решили открыто способствовать, насколько это зависело от нас, укреплению вышеназванного мира на пользу всех христиан через наших послов вместе с другими послами правителей вышеупомянутых земель Ливонии и Эстонии, но нам яснее света очевидно, что вышеназванные братья Тевт[онского] дома из-за товаров, которые находятся в их крепостях, именно Дюнабурге, Митаве и Розитене и в других замках, прилегающих к Литве и по соседству с ней, стараются разрушить упомянутый мир, каковой вышеназванные братья в вышеназванных крепостях и замках с теми же литовцами блюдут тайно и отдельно, без согласия [других] сторон, ради торговли.

Далее, еще до того как через неоднократно упоминавшихся послов был установлен вышеназванный общий мир с королем и его [подданными], сиятельный католический правитель князь Мазовии, который только что по христианскому обряду сочетался браком с дочерью оного литовского короля, в результате весьма настойчивых просьб получил от оного короля в помощь литовское войско, чтобы повести его против своих врагов, а именно в землю тетки своей со стороны матери, княгини добжиньской, которое перед заключением названного мира поспешно вернулось восвояси.

Далее, опустошение земель, а именно епископства дерптского и короля датского, состоялось прежде, чем вышеназванный король отправил какие бы то ни было грамоты.

А кто осмелится доносить вашему слуху на словах ли, или пространнее письменно либо устно [что-либо], противоречащее обещанным [нами] вам спискам, кто бы они ни были, то знайте, и мы говорим [это] с чистой совестью, что таковые, каковы бы ни были их намерения, выступают против правил справедливости, [и] что каждый из нас, если будет нужда, готов со всем тщанием подтвердить печати вышеназванного литовского короля и всех вышепоименованных послов, [привешенные] к грамотам, изготовленным с той и другой стороны по поводу вышеупомянутого мира.

А что вышеназванные епископ и капитул вармийской церкви и некие монахи писали вашей чести против нас[63], то никоим образом не доверяйте, но настоящим покорно и усердно умоляем вашу рассудительность, что если кто-нибудь, как было сказано, осмелился бы говорить или писать против представленных документов, то соблаговолите не придавать [тому] никакой веры, пока не услышите наш письменный ответ, но ради нашего постоянного служения во всем оказывать нам поддержку, защиту, любовь, покровительство, что постараемся заслужить перед вами и вашими [согражданами] чем только сможем.

И мы с великой охотой давно послали бы вам упомянутые грамоты, но не могли вследствие дальности пути и нападений вышеназванных братьев Тевт[онского] дома, которые не позволяют вывозить какие бы то ни было грамоты за пределы земли, и по той причине, что эти братья не блюдут договоров и обязательств, которые были обсуждены и приняты между ними и нами в Перроне, скреплены клятвами и грамотами в присутствии неоднократно упоминавшихся правителей земель Ливонии и Эстонии, и не позволяют нам пользоваться нашими вольностями, которыми в соответствии с нашими привилегиями и вольностью мы исстари беспрепятственно владели.

Боимся, что вскоре, как мы узнали, нам предстоит большая война и распри с этими братьями, против которых если предпримем что-нибудь в свою защиту, наверное знайте, и мы призываем в свидетели Бога-Отца всемогущего и матерь милосердия Деву Марию, что мы сделаем это в соответствии с нашим правом и необходимой обороной, и усердно просим всех вас вместе с нами [молить] само-

---

[63] Имеются в виду письма прусских духовных лиц в защиту ордена (см. выше послания № 9, 11).

го Бога, подателя справедливости, и Пресвятую Деву Марию, покровительницу оной справедливости, [да] окажут покровительство и защитят дело справедливости. Аминь.

16. [после 22 сентября 1324 г.] Послание Гедимина епископам дерптскому, эзельскому, датскому наместнику Ревельской земли и совету города Риги

Современная, слегка дефектная копия на пергамене, без печати; хранится в РГА, ф. 2 («Внешний архив») Рижского магистрата, ящик № 18, докум. № 24.

Публикуется по изданию: РЛА. № 69; ср.: LUB. Bd. VI. № 3074.

Основание датировки — упоминание в приписке о возвращении рижского архиепископа Фридриха (22 сентября 1324 г.).

Текст

Godeminnus lethowinorum Ruthenorumque Rex. Reuerendis in christo patribus et dominis Episcopis tharbatensi Osyliensi et capitaneo terre reualiensis necnon consulibus ciuitatis rygensis, ceterisque omnibus pacem nobiscum tenentibus amiciciam suam cum plenitudine omnis boni. Notum facimus vobis omnibus et singulis, et cum dolore cordis nostri conquerimur, quod pax quae inter nos et vos facta et litteris ex vtraque parte munita, et per dominum papam confirmata, nullis nostris demeritis nunc hostiliter est violata per fratres cruciferos de domo theuthonica. qui formam litterarum non seruantes in hoc, vt quum pacem seruare nollent, duobus mensibus eandem ante renunciare deberent, hiis omnibus obmissis nec attendentes quod iustum est, nobis in terris dominio nostro subiectis dampna plurima intulerunt, tanquam homines immemores proprie salutis et primo in hoc, quia sinogthones VI. ceperunt, quos oportebat, vt se ab eis redimerent, et duos crudeliter occiderunt. Item omnes vias tam in terra quam in aquis suis custodiis munierunt, ita quod nullo a nobis ad vos vel a vobis ad nos valeat transmeare, cum hoc sit directe contra ordinacionem vtrarumque litterarum. Item de vpiti vnum venatorem occiderunt et duos captos deduxerunt. Item Woynatoni tres equos abstulerunt, qui ad fratrem dictum Vngnade sunt deducti. Item Medelo, castrum nostrum, fere ceperant, si non fuissemus premuniti, sed homines plurimos occiderunt, et alios secum deduxerunt. Item terram Ploscensem hostiliter vastauerunt, homines et equos rapientes deduxerunt, de quibus partem reddiderunt, et adhuc XX personas

in animarum suarum non modicum detrimentum tenent violenter. Item eandem terram modo in quadragesima transacta denuo, tamquam lupi rapaces, octogenta homines ense crudeli confectam[64] necauerunt, quosdam secum deduxerunt, L equos notabiles, vestes et res alias, quarum numerus sciri non potest. Item famulos obnoxios bene ad CCC qui ...[65] dominio nostro fuerunt, quos receperunt, nec vnum ex eis reddiderunt. Ita omnia et plurima alia que longum esset enarrare, infra ordinacionem et tempore dicte pacis nobis sunt illata per dictos fratres cruciferos, qui deum non timent nec homines verentur, tamquam homines, qui in potentia sui brachii confidunt. Quo[66] autem pena sit posita hanc pacem violantibus vobis omnibus patet. Nos igitur iusticiam ac permissum nostrum coram vobis ostendentes, eis in nullo aliquam iniuriam fecimus in hanc horam, quod sub specie pacis predicte dampna percepimus infinita. Quid vero vltra sit faciendum, aut cum quibus pax sit tenenda nos de hoc quantocius informetis. Datum Wilno in die Sancte trinitatis. In signum credencie sigillum nostrum duximus presentibus apponendum. Item in hoc fidem violauerunt, quod nunciis nostris securitatem dederunt ad se veniendi, qui postquam venerunt, eos captiuauerunt, excepto lessone, quem membris defectis dimiserunt, reliquis in hodiernum diem nescimus quid factum sit de eis, equos et omnes res eorum detinentes. Item postquam audiuimus f. dominum archiepiscopum de curia rediisse, nuncium nostrum ad eum misimus, de sanitate sua inquirentes, dictum nuncium suspenderunt. Item in ordinacione fuit, quod duo castra reddere debebant videlicet duneborch et medizota, quod non fecerunt. Ista omnia predicta dampna percepimus infra tempus dicte pacis. Insuper vbicunque possunt hanc pacem nituntur destruere ...[67] ad homines nostros pro posse eorum. Ita quod pax inter nos diu durare non potest, nisi aliam viam ad hoc inueniatis.

Перевод

Гедимин, король литовский и русский, досточтимым во Христе отцам и господам епископам дерптскому, эзельскому и наместнику

---

[64] Это прочтение издателем РЛА непонятного сокращения в оригинале очевидно неверно. — *Ред.*

[65] Затерто; издатель РЛА вполне резонно предполагает, что утрачено слово *profugi;* перевод дан в соответствии с этим предположением. — *Ред.*

[66] Следовало бы *Que.*

[67] Далее в тексте следуют непонятные сокращения под титлами: *pcio ac pce;* перевод дан по общему смыслу текста. — *Ред.*

Ревельской земли, а также советникам города Риги и всем остальным, пребывающим с нами в мире, — свою дружбу и полноту всякого блага.

Извещаем вас, всех и каждого, и сетуем с болью в сердце, что мир, который был установлен между нами и скреплен с обеих сторон грамотами и утвержден господином папой, ныне без всякой вины нашей враждебно нарушен братьями-крестоносцами из Тевтонского дома, которые, не соблюдая того условия договора, что, если они не намерены соблюдать мир, то должны были расторгнуть его двумя месяцами ранее, пренебрегая всем этим и не внимая справедливости, нанесли нам в землях, подчиненных нашей власти, огромный ущерб, словно люди, забывшие о спасении собственной души, и прежде всего тем, что захватили в плен шестерых *sinogthones*[68], которым пришлось выкупать себя у них, а двоих безжалостно убили.

Далее, повсюду на дорогах — и на суше, и на воде — они расставили свою стражу, так что никто ни от вас к нам, ни от нас к вам пройти не может, хотя это прямо противоречит предусмотренному в обеих грамотах.

Далее, они убили одного охотника из Упите, а двоих схватили [и] увели.

Далее, они похитили трех коней у Войната, которые были уведены к брату по имени Унгнаде.

Далее, они, пожалуй, захватили бы нашу крепость Медело, если бы мы не были заранее предупреждены, однако множество людей они убили, а иных увели с собой.

Далее, они вражески разорили Полоцкую землю, захватили [и] увели людей и коней; часть из них они вернули, но, к немалому вреду для душ своих, все еще насильно удерживают двадцать человек.

Далее, сразу по окончании Четыредесятницы они снова, словно хищные волки, жестоко [разорили] ту же землю, безжалостным мечом ...[69] убили восемьдесят человек, некоторых увели с собой,

---

[68] *sinogthones* — от греч. — «живущие на одной земле». (Эта догадка, возводящая загадочный латинско-литовский термин к никогда не существовавшему греч. **συγχθονες*, конечно же, неосновательна; вероятно, речь идет о каких-то представителях литовской знати. — *Ред.*).

[69] Оставлено без перевода одно слово: см. примеч. 64. — *Ред.*

пятьдесят прекрасных коней, одежды и другое добро, которого не счесть.

Далее, добрых триста холопов, подлежавших наказанию, бежавших из наших владений, которых они приняли и ни одного из них не возвратили.

Так все [это] и многое другое, о чем рассказывать было бы долго, причинили нам после установления и во время мира упомянутые братья-крестоносцы, которые ни Бога не боятся, ни людей не страшатся как люди, полагающиеся на силу своей руки. Но какая кара положена нарушителям сего мира, вам известно. Мы же, показуя пред вами нашу обещанную справедливость, им ни в чем никакой обиды не нанесли в то время, что под видом вышеназванного мира претерпевали бесконечный урон. Что надлежит после этого делать или с кем поддерживать мир, сообщите нам об этом как можно скорее.

Дано в Вильне в день Святой Троицы. В знак достоверности мы положили прикрепить к настоящему нашу печать.

Далее, и в том они нарушили клятву, что обещали нашим послам безопасный к себе доступ, которые когда пришли, они схватили их, исключая Лессе, которого, изувечив члены, отпустили, с остальными же что сталось, не знаем по сей день о них, а лошадей и все имущество их удерживают.

Далее, после того как мы услыхали, что господин архиепископ Ф[ридрих] вернулся из курии, то направили к нему, справляясь о его здоровье, нашего посла; они упомянутого посла повесили.

Далее, в установлениях [мира] было, что они должны вернуть две крепости, именно Дюнабург и Межотне, чего они не сделали.

Весь этот вышеперечисленный ущерб мы претерпели после заключения указанного мира.

Сверх того, везде, где только могут, они стараются разрущить этот мир, творя насилия нашим людям, как могут. Так что мир между нами долго сохраняться не сможет, если вы не найдете к тому иного пути.

17. 2 марта 1326 г. Заявление Лессе, посла Гедимина

Оригинал на пергамене; хранится в РГА, ф. 2, ящик № 18, докум. № 25.

Публикуется по изданию: РЛА. № 71.

Основание датировки — в тексте.

Текст

In nomine domini amen. Anno eiusdem M[70] CCC°XXVI° Indictione VIII, Pontificatus Sanctissimi patris ac domini domini Iohannis diuina prouidentia pape XXII anno X° mensis marcii die secunda hora quasi tertia. In presencia mei notarii publici et testium subscriptorum Constitutus quidam nomine Lesse nuncius magnifici principis domini Gedeminni lethowinorum et multorum ruthenorum regis, hec vel similia verba proposuit atque dixit. Domini Reuerendi, et precipue tu clerice et notarie publice, quedam vobis habeo proponere et dicere ex parte domini mei Gedeminnen regis lethowinorum, cuius nuncius, vt scitis, existo et pluries extiti manifeste, ex cuius corde loquor, que dico, et volo, ut sciatis luculenter, quod predictus rex, dominus meus, cum omnibus suis subditis et obedientibus et adherere volentibus, pacem nuper inter christianitatem et nos lethowinos factam, a romana curia confirmatam, a domino nostro archiepiscopo et nunciis domini preposito[71] abbate et episcopo publicatam, cuius pacis patentes litteras vos nostras hic, et nos vestras in nostris partibus habemus, a dicto vero domino papa litteras confirmacionis etiam super pace huiusmodi hic habetis, iuxta contenta earundem litterarum videlicet super pace et confirmacione iam dicta confectarum, intendit firmiter obseruare, nisi necessitate coactus quod emulorum suorum insultibus se defendat, quibus cottidie vt patet publice impugnamur. Quia postquam dicta pax firmata et confirmata fuerat, a cruciferis homines nostri regis sunt captiuati, spoliati, crudeliter et occisi, vt iam in ipsius domini regis patet nunciis manifeste, quia cum dicta pax confirmata et firmata fuerat, nuncius tunc vt nunc domini mei regis extiti ad partes istas, quod omnibus vobis constat, in ascradis a fratribus domus theot[onice], cum comitatu et sociis meis, captiuati, spoliati, de castro ad castrum deducti fuimus, misere perituri pro tempore et detenti grauissime, quousque dicti nuncii domini pape nos suis protestationibus, promotionibus et mandatis quitos et liberos cum rebus nobis ablatis a captiuacione et vinculis reddiderunt, quibus dominus deus noster refundat pro nobis, socios vero meos, videlicet ruthenos, vna mecum missos, bonis sibi post captiuacionem restitutis, in itinere ad propria redeuntes, iidem fratres in castro suo duneborch denuo spoliarunt, et quod super omnia

---

[70] В РЛА, очевидно, по недоразумению *№*; перевод дан в соответствии с этой поправкой. — *Ред.*

[71] Так! Очевидно, следует исправить на *pape* или *pontificis* (перевод дан в соответствии с такой конъектурой. — *Ред.*).

conquerimur, famam domini nostri regis predicti et omnium nostrorum lethowinorum apud dominum apostolicum, cardinales, reges, principes, ciuitates et alios quoscunque christianos quibus possint denigrare nituntur, in eo videlicet, quod nos predicte paci renunciauerimus, quod non est in aliqua veritate, quia hoc nec ipse dominus noster rex nec aliquis nostrum concepit hucusque in mentem, nisi quod deus auertat, ut dictum est, necessitate aliqua imminente. Quia dictam vero pacem iuxta sui ordinacionem, vt supradicte littere expostulant, quod omnes vie in terris et in aquis vnicuique per omnia libere debent esse, dictos fratres domus theoth[onice] inuenimus non seruare, vt plenius liquet in nauibus, lodigen dictis, que versus rusciam iter suum cum mercimoniis arripuerunt, quas iidem fratres in castro suo duneborch ut nobis innotuit occuparunt, nec ultra eas ad partes, quas tendebant, ire in graui suarum rerum dispendio permiserunt, et vehiculis, nuper ad lethowiam euntibus, quibus vltra dimidietatem itineris peruenientibus grauibus laboribus et expensis, quos captiuarunt, rebus spoliarunt, quosdam etiam vinculatos iidem fratres secum ad castrum suum Mythowe deduxerunt, pro tempore grauiter detinendo, et post hec eosdem redire, inperfecto negocio, ad propria coegerunt. Quod dum predicto nostro regi innotuit, quod dicta pax secundum sui contenta minime seruaretur, me versus pruciam ad fratres theot[onice] domus transmisit, ad inuestigandum de obseruacione iam dicte pacis, quare non seruarent eandem, vbi placitatum fuerat, quod omnes nuncii etiam quorumcumque inter terras christianorum et lethowinorum transire deberent libere et secure donec perscrutetur rei veritas de premissis. Posthec misit predictus rex noster Gedeminne nuncios suos, quorum quidam nomine Curso exstitit capitaneus ad partes lyvonie, qui in aschrad occupati a fratribus memoratis fuerant et detenti, nec permissi sunt ad presenciam dominorum, ad quos scilicet erant missi. Dehinc simile accidit in Mythovia a fratribus, cum nunciis iam dictis. Ideo iidem[72] rex noster et nos omnes vltra modum et indicibiliter miramur, et mirari non sufficimus, quod dicti fratres domus theot[onice] dominum suum papam, qui vt dicitis in terra est in loco dei et est caput et dominus tocius mundi curant minime vt videtur, quod pacem videlicet ab ipso domino papa confirmatam, iuxta sui contenta minime seruare nituntur, super quo dominus noster rex predictus desiderat et est sue voluntatis, vt nuncii modo sibi mittantur, qui eum expediant finaliter in omnibus de premissis. Actum ryge, anno domini, Indiccione, pontificatu,

---

[72] Так в РЛА; следовало бы *idem*. — *Ред.*

mense, die, quo supra, presentibus honorabilibus et discretis viris dominis Iohanne Langheside, bodolas[73], Ernesto de monasterio, hinrico de calmer, hermanno de monasterio et hinrico meye, testibus ad hec vocatis specialiter et rogatis.

L. S. not.

Et ego arnoldus de vyfhusen, publicus sancti romani Imperii auctoritate notarius publicus, predicta omnia ut audiui de verbo ad verbum scripsi, et in hanc publicam formam redegi, et rogatus solito meo signo signaui.

Перевод

Во имя Господа, аминь. В лето Его 1326-е, в восьмой индикт, в десятый год понтификата святейшего отца и господина господина Иоанна, Божиим промыслом папы, XXII, во второй день марта, около третьего часа. В присутствии моем, официального нотария, и нижеперечисленных свидетелей некто по имени Лессе, посол, назначенный славным правителем господином Гедимином, королем литовцев и многих русских, произнес и сказал следующие или подобные слова: «Досточтимые господа и особенно ты, клирик и государственный нотарий, я имею кое-что объявить и сказать вам от имени господина моего Гедимина, короля литовского, чьим послом, как вы знаете, я являюсь и неоднократно, как общеизвестно, являлся, от чьего сердца я произношу то, что говорю; и я хочу, чтобы вы хорошо знали, что вышеупомянутый король, господин мой, вместе со всеми своими подданными и подчиненными и вольными приверженцами мир, установленный недавно между христианскими народами и нами, литовцами, утвержденный римской курией, объявленный всенародно господином нашим архиепископом и послами господина папы, аббатом и епископом, коего мира здесь у вас есть наша открытая грамота, а у нас в наших краях — ваша, от названного же господина папы у вас есть еще подтвердительная грамота оного мира, намерен строго соблюдать согласно содержанию оных грамот, именно свершенных о мире и уже упомянутом утверждении, если не будет вынужден необходимостью защищаться от нападений своих соперников, которым мы, как во всеуслышание известно, ежедневно подвергаемся.

---

[73] Так в РЛА; следовало бы *bodolo;* перевод дан в соответствии с этой конъектурой; ср. примеч. 75. — *Ред.*

Ведь после того как упомянутый мир был заключен и утвержден, люди нашего короля бывали захвачены крестоносцами, ограблены и даже безжалостно убиты, как ясно видно уже [на примере] послов самого господина короля. Ведь когда указанный мир был заключен и утвержден, я, как [и] теперь, был послом господина моего короля в эти края, как вам всем хорошо известно, в Ашерадене мы были вместе со свитой и спутниками моими захвачены братьями Тевт[онского] дома, ограблены, возимы из крепости в крепость, будучи обречены со временем на жалкую погибель и содержась в тягчайших условиях, пока упомянутые послы господина папы не освободили нас вместе с отнятым у нас имуществом из плена и оков своим свидетельством, заступлением и распоряжением, коим Господь Бог наш да воздаст за нас. Спутников же моих, а именно русских, когда они после пленения получили назад свое добро и возвращались восвояси, те же братья по дороге снова ограбили в своей крепости Дюнабург.

А поскольку мы на все [это] жалуемся, то они стараются, как могут, очернить имя господина нашего, вышеназванного короля, и всех наших литовцев перед господином апостольским [наместником], кардиналами, королями, князьями, городами и всеми прочими христианами, что мы-де отвергли вышеназванный мир, в чем нет нисколько правды, ибо ни сам господин наш король, ни кто-нибудь из наших об этом доселе не помышлял, разве только — избави Бог — как уже было сказано, под угрозой какой-либо необходимости.

Ибо мы узнали, что названные братья Тевт[онского] дома не соблюдают названного мира в его установлении, как требуют вышеназванные грамоты, чтобы все дороги по суше и по воде должны быть во всякое время свободны для каждого. Это совершенно ясно [на примере] кораблей, именуемых “ладьями”, которые с товарами отправились на Русь и, как нас известили, были задержаны оными братьями в их крепости Дюнабург и им, к тяжкому убытку для их товаров, не было дозволено двинуться далее туда, куда они направлялись; и [на примере] возов, недавно двигавшихся в Литву и, когда они с тяжкими трудностями и издержками прошли больше половины пути, оные братья кого захватили, отняли товары, кого даже увели в оковах с собой в свою крепость Митаву, до времени подвергнув тяжкому плену, а потом принудили вернуться домой, не закончив дела.

Когда вышеназванному королю нашему стало известно, что названный мир в его содержании соблюдается весьма плохо, он послал меня в Пруссию к братьям Тевт[онского] дома разузнать о соблюдении названного мира, почему они не соблюдают его, где было уговорено[74], что все послы между землями любых христиан и литовцев должны передвигаться свободно и беспрепятственно, пока не разузнается правда относительно вышеизложенного. После этого вышеназванный король наш Гедимин направил в земли Ливонии своих послов, главой которых был некто по имени Курсо, которые в Ашерадене были задержаны и пленены упомянутыми братьями и не пропущены к тем господам, к которым они были посланы. Затем подобное же приключилось упомянутым уже послам от братьев в Митаве.

По этой причине оный король наш и мы все безмерно и несказанно дивимся и дивиться не устаем, что названные братья Тевт[онского] дома, как видно, весьма мало считаются с господином своим папой, который, как вы говорите, есть наместник Бога на земле и является главой и господином всего мира, ибо ведь вовсе не стремятся соблюдать содержания мирного договора, утвержденного самим господином папой.

Итак, господин наш король желает и воля его такова, чтобы к нему тотчас были направлены послы, которые дали бы ему окончательные разъяснения относительно всего из вышесказанного».

Свершено в Риге, в лето Господне, в индикт, понтификат, месяц, день, как выше, в присутствии почтенных и рассудительных мужей господ Иоанна Лангезиде, судебного пристава[75], Эрнеста из монастыря, Генриха из Кальмера, Германна из монастыря и Генриха Мейе, особо для того приглашенных и призванных свидетелей.

М[есто] п[ечати] нот[ария].

И я, Арнольд из Вифгузена, официальный властью святой римской империи официальный нотарий, все вышесказанное слово в

---

[74] По смыслу рассказа имеется в виду договоренность, достигнутая в результате посольства Лессе в Тетонский орден, но двусмысленная конструкция фразы позволяет также видеть здесь отсылку на одну из норм мирного договора; намеренно сохраняем в переводе эту двусмысленность. — *Ред.*

[75] Ср. примеч. 73; средневековый латинский термин *bodellus/bedellus* (встречаются и другие орфографические варианты) происходит от средневерхненем. *butil* / средненижненем. *budil* и, как этот последний, обозначал лиц, исполнявших разного рода служебные функции в суде (ср. устаревшее нем. *Büttel* «судебный слуга»); поэтому условно переводим его здесь как «судебный пристав». — *Ред.*

слово, как слышал, записал, и привел в сию официальную форму, и, будучи прошен, обычной своей подписью подписал.

18. 1 ноября 1338 г. Торговый договор Гедимина с Орденом

Современная копия, на пергамене, без следов печати; хранится в РГА, ф. 2, ящик № 18, докум. № 28.

Публикуется по изданию: HUB. Bd. II. № 628.

Основание датировки — в тексте.

Текст

Dit is de vrede, den de mester van Liflande unde de koningh van Lettowen hebbet ghemaket, unde ludet m aldusdanighen worden.

[1.] Van der Ewestenmunde to reghte in den wegh, den Ghodeminne de koningh van Lettowen herede, tho der Nycevre unde van der Ewestenmunde dvers over [de] Dune tho ener hofstede dese het Uspalde unde van denne reghte tho eme dorpe dat het Stripayne, boven deme dorpe scal nen her dvers over den wegh nogh in den wegh slan nogh van Lettowen nogh van des mestres lude nogh scrodere[76]. Dit sint de vredelant[77] ymme lande tho Lettowen: Balnike, Kedrayche, Nemensyane[78].

[2.] Vortmer scal de vrede gan van der Eweste up wente an de beke de gheheten is de Pedene unde vort van der beke wente an den olden vrede tho Adsellen tho. In den vrede unde boven den vrede schal nyn her ut nogh yn sclan ofthe nyn scroder.

[3.] Vortmer scal de Dune vrigh wesen eneme jeweliken kopmanne, he sy cristen eder heyden, up unde nedder tho varende also hoghe, alse de Dune gheyt unde al de beke, de dar ingat boven der Ewesten.

---

[76] *scrodere* (ст. 1, 2) переводим условно, ибо *schroden* — «разрезать на части, размельчать» (*Schiller K.*, *Luebben A.* Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bremen, 1878. Bd. IV. S. 140), *croeden* — «intromittere, occupare» (Ibid. 1876. Bd. II. S. 574).

[77] *Vredelant* (ст. 1, 2) — зона мира, по-видимому, не оставалась неизменной — ср. pax latrunculorum 1376 г., заключенный между Орденом, с одной стороны, и Ольгердом, Кейстутом, Владимиром (сыном Ольгерда), «герцогом»-бояриным (dux) Ступейкой (Стирпейкой) и Вайсевистом — с другой. Мирная зона начиналась у Икскюля, где кончался «мир» (т. е. владения) Ступейки, и шла вверх по Двине. В этой зоне были запрещены грабежи разрозненных отрядов, но большие и малые войска обеих сторон могли проходить через нее в любом направлении (см.: LUB. Bd. II. № 1041).

[78] *Balnike, Ketrayche, Nemensyane* — вероятно, Балнинкай, Гедрайчяй, Неменчине.

[4.] Vort scal de Dudesche kopman varen also wyde, alse de koningh van Lettowen ret over Ruscen unde over Lettowen, seker lyves unde ghudes.

[5.] Vort scal over van beyden syden der Dune benedder der Eweste nedderwart veligh wesen eneme jeweliken kopmanne also verne, alse he myt ener keygen werpen magh.

[6.] Weret ok dat eyn unbevredet man in den vrede queme, de scal veligh wesen; wonede he ok in deme vrede unde queme he ut deme vrede, worde he ghesclaghen, darane scholde nen part scult ane hebben, ne wedder de mester ofite de koningh.

[7.] Vortmer scal de kopman hebben eynen vrighen wegh, de gheheten is de loyse wegh: svan de Dusche kopman kumt int lant tho Lettowen ofte to Ruslande, so magh he varen in dat lant, wor dat he wil; desghelik de Ruscesche efte de Lettowesche copman, svan he kumt to Ryghe, so magh he varen, wor he wil, int lant tho Liflande also verne, alse de mester ret.

[8.] Vortmer is dat de Dutsche copmau ymme lande tho Lettowen is, queme tot eme eyn kersten, de kopman scal bliven bi sineme ghude veligh; men worde he ghesclaghen van deme here, dar en schulde de koningh nen schult ane hebben; desghelik weret dat eyn Lettowesch her thoghe int kerstene lant unde scloghen se eren copman, he were Rusce ofte Lettowe, dar sculde de mester nene scult ane hebben.

[9.] Vortmer worde eme Dudeschen copmanne to Lettowen efte tho Ruscelande wat vorstolen, dat scal men righten, dar dat schut; weret ok dat de Dudesche eme Ruscen efte eme Lettowen wat vorstele, desghelik scal men dat righten, dar dat schut; weret ok dat de Dudesche copman schelende worde under sik to Lettowen efte tho Ruscelande, dat scholen se thogheren wante to Righe unde dar scal men dat righten; desghelik worden Ruscen efte Lettowen schelende in des mesters lande under syk, dat scholen se thogeren wente vor eren oversten.

[10.] Vortmer worde de Dudesche copman schelende wedder Lettowen efte Ruscenb efte Ruscen efte Lettowen wedder den Dudeschen, dat scal men righten, dar dat schut. Vlut eyn Lettowe efte Rusce dor de vredelant tome kerstendome, bringbet he gut mit sik unde wil de koningh sine hant darup don, dat dat ghut eme anderen thohore, dat gut schal men wedder gheven; des sulven ghelik vlut en man van deme cerstendome dor de vredelant tho Lettowen efte to Ruscelande, bringhet he gut mit sik unde wil de mester efte de lantmarscalk er hant darup don, dat eme anderen dat ghut thohore, dat ghut scal men wedder gheven, unde vlut

eyn Lettowe efte eyn Rusce dor de unbevrede lant tome kerstendome, bringhet he ghut mit sik, dat ghut darf men night wedder gheven, unde vlut eyn dor de unbevrede lant vamme kerstendome tho Lettowen efte tho Ruscelande unde bringhet he ghut mit sik, dat ghut darf men night wedder gheven.

[11.] Vortmer scal men van beyden parten nene pandinge[79] don, mer wil eyn Lettowe efte Rutse eme Dudeschen scult gheven umme olde sake, des scal he ten vor den ghenen, dar he under beseten is; des sulven ghelik scal don eyn Dudesche eyme Lettowen efte Ruscen.

Desse vrede is ghemaket na Ghodes bort dusent jar drehundert jar unde aghtendertigh jar, in alle Ghodes hilleghe daghe, van vulbort des mesters unde des lantmarscalkes unde vele anderer bedere unde des rades van der Ryghe, de hirup hebbet dat cruce ghekusset, unde van vulbort des koninghes van Lettowen unde siner kindere unde alle siner boyarlen, de oc ere hilligh hirup hebben ghedan, unde mit vulbort des biscopes van Ploscowe, des koninghes unde des stades van Ploscowe unde des koninghes van Vytebeke unde des stades van Vitebeke, de alle uppe dessen vorebenomeden vrede dat cruce hebben ghekusset. Desse vrede scal waren theyn jar unghebroken.

Перевод

Это мир, который магистр Ливонии и король Литвы установили и высказали в следующих словах:

[1.] от устья Эвясты прямо по дороге, которой владеет Гедимин, король Литвы, к Ницевре, и от устья Эвясты, пересекая Двину, к усадьбе, которая называется Успальде и от нее прямо к деревне, которая называется Стрипайне; выше той деревни, ни через дорогу, ни на дороге, никакое войско, ни литовское, ни людей магистра, не должно ни убивать, ни грабить. Вот мирные земли в Литве: Балнике, Кедрайхе, Неменсиане.

[2.] Далее должна идти мирная земля от Эвясты вверх по направлению к ручью, называемому Педене и далее от ручья — по старому миру, к Адзеле. В мирной земле и выше ее не должно ни то ни другое войско никого убивать или грабить.

---

[79] *nene pandinge don* — это выражение соответствует русскому «рубежа не творити» (см.: *Goetz K.* Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916. S. 45 и 336; ср.: *Schroeder H.* Der Handel auf der Düna im Mittelalter // Hansische Geschichtsblätter. Münster, 1917. Bd. XXIII. H. 1. S. 69).

[3.] Далее, для любого купца, будет ли он христианин или язычник, Двина должна быть свободна,– для едущих вверх и вниз,– где она течет, и [должны быть свободны] все ручьи, которые впадают [в нее], выше Эвясты.

[4.] Далее, немецкий купец может ехать по Руси и по Литве безопасно [для] жизни и имущества столь далеко, сколь простирается власть короля Литвы.

[5.] Далее, пусть дорога вниз по обеим сторонам Двины, ниже впадения Эвясты, будет безопасна любому купцу на расстояние, на которое он может метнуть копье.

[6.] Если случится, что человек, который не жил в мирной земле, попадет в мир[ную землю] , он должен быть в безопасности; если же кто жил в этой мир[ной земле] и вышел из нее и был убит, в этом не следует винить ни одну из сторон, ни магистра, ни короля.

[7.] Далее, должен купец иметь свободный путь, который называется "чистый путь": всегда, когда немецкий купец приходит в Литву или Русь, пусть едет по стране, куда он хочет; равно же русский или литовский купец, всегда, когда он приходит в Ригу, пусть едет, куда он хочет, по стране Лифляндии столь далеко, сколь простирается власть магистра.

[8.] Далее, если немецкий купец находится в Литве и умрет как христианин, его имущество должно остаться в безопасности; если же он будет убит [немецким] войском, не должен король иметь в том вины; равно же если будет, что литовское войско двинется в христианскую землю и убьют они своего купца, будет он русский или литовец, не должен магистр в том иметь вины.

[9.] Далее, если у немецкого купца в Литве или в Русской земле будет что-либо украдено, это следует судить там, где произойдет; будет также, что немец украдет что-либо у русского или литовца, равно же следует это судить там, где произойдет.

[10.] Если будет, что немецкие купцы затеют тяжбу между собой в Литве или в Русской земле, то должны они перенести ее в Ригу и там следует это судить; равно же, если русские или литовцы затеют тяжбу между собой в земле магистра, они должны это представить своим старейшинам.

[11.] Далее, если немецкий купец затеет тяжбу против литовца или русского или русский или литовец против немца, это следует судить там, где произойдет.

[12.] Если бежит литовец или русский через мирную землю в христианскую и принесет с собой имущество и захочет король поручиться, что это имущество принадлежит другому, имущество следует возвратить; равно же если бежит человек из христианской земли через мирную землю в Литву или в Русскую землю и принесет с собой имущество и захочет магистр или ландмаршалк поручиться, что имущество принадлежит другому, имущество следует возвратить; и если бежит литовец или русский через не защищенную миром землю в христианскую и принесет с собой имущество, это имущество можно не возвращать; и если бежит кто-либо из христианской земли через не защищенную миром — в Литву или Русскую землю и принесет с собой имущество, это имущество можно не возвращать.

[13.] Далее, не следует с обеих сторон произвольно устанавливать границы [для купцов].

[14.] Еще, если захочет литовец или русский предъявить по стародавнему делу иск немцу, он должен обратиться к тем, кому тот подвластен; равно же должен поступать немец [в отношении] литовца или русского.

Этот мир заключен от Рождества Господня в тысяча триста тридцать восьмом году, в день всех святых с согласия магистра и ландмаршалка и многих других достойных и совета Риги, которые на этом целовали крест; и с согласия короля Литвы и его детей и всех его бояр, которые так же свои обряды при этом совершили, и с согласия епископа Полоцка, короля и города Полоцка и короля Витебска и города Витебска, которые все на этом вышеназванном мире целовали крест. Этот мир должен сохраняться нерушимо десять лет.

Впервые опубликовано в кн.: Gedimino laiškai — Послания Гедимина / Вступ. ст., тексты и перев. со старонемецкого и латинского на литовский и русский яз. подгот. В.Т. Пашуто, И.В. Шталь. Vilnius, 1966.

Часть III

РУСЬ И ПАПСТВО

Половецкое епископство

Наши ученые плодотворно исследуют историю папской политики в средневековой Восточной Европе — в Прибалтике, на Руси, в Византии. Наступление папства на Причерноморье, в частности, на Молдавию и Половецкую землю в марксистской историографии специально не изучалось. Между тем, оно составляет одно из звеньев той цепи, которой апостольский престол намеревался опутать народы Восточной Европы.

I

Когда в 1204 г. был захвачен католическими крестоносцами Константинополь, папство активизировало свою политику не только в Прибалтике[1], но и в Причерноморье. Делая главную ставку на Латинскую империю, курия старалась использовать традиционные приемы разжигания вражды среди возможных противников, прямое вооруженное вмешательство немецкого Тевтонского ордена и Венгрии и, наконец, свою церковно-политическую агентуру-миссионеров.

Международные отношения в Причерноморье были сложными, но в отличие от Прибалтики, развивались не к выгоде курии. Второе Болгарское царство (возникшее в 1187 г.) признавало унию[2], но попытки подкрепить унию военным давлением встретили решительный отпор: в 1205 г. болгары разбили войско крестоносцев под Адрианополем[3]. Упрочились связи Болгарии с Русью, где Иван-Асень II, наследник Калояна, нашел военную помощь в борьбе за отцовский пре-

---

[1] *Пашуто В.Т.* О политике папской курии на Руси (XIII в.) // ВИ. 1949. №. 5. С. 52–76.

[2] *Державин Н.С.* История Болгарии. М., 1946. Т. II. С. 126.

[3] *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 499.

стол[4]. Союз с Болгарией был нужен Руси, опасавшейся постоянного вмешательства Венгрии и папства в дела Галичины[5].

Царь Иван-Асень (1218–1241) имел также пугавший латинян союз с Никеей. Русь, не признавая унии, сохраняла с Никейской империей церковно-политическую связь. С конца 30-х годов наметилось сближение никейского императора Иоанна Ватаца (1222–1245) с врагом курии германским императором Фридрихом II[6], который пытался вести и прямые переговоры, как свидетельствует его посольство 1234 г.[7] Стремясь разрушить болгаро-никейский «союз нечестия»[8], папа грозит Болгарии венгерским походом и, в конце концов, отлучил 25 мая 1236 г. Асеня от церкви[9]. Начались болгаро-папские переговоры, и весной 1237 г. в Болгарию направились епископы Сальви и Иоанн Тевтон, который прибыл из Бремена (этот центр поставлял папских агентов и для Причерноморья) и ранее подвизался в качестве епископа в Боснии, где боролся с еретическим павликиано-богомильским движением[10]. Переговоры касались безопасности Латинской империи, о чем папа извещал духовенство Болгарии и Валахии[11]. Они не дали результатов, и 9 августа 1238 г. папа издал распоряжение, чтобы венгерский король отправился в крестовый поход на Болгарию[12]. Это — в канун монгольского нашествия!

На этом фоне следует рассматривать и половецкую политику курии.

II

Предлогом наступления на Причерноморье стала «половецкая угроза», миссия «просвещения» степных язычников. Кто знает ку-

---

[4] *Georgii Acropolitae* opera / Ed. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903. T. I. P. 333.

[5] *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 194—195.

[6] *Vasiliev A.* Histoire de l'Empire Byzantin. P., 1932. T. II. P. 203.

[7] *Gardner A.* Lascarids of Nicea. An Empire in Exile. L., 1912. P. 167; см.: *Андреева М.А.* Очерки по культуре византийского двора в XIII веке. Прага, 1927. С. 77.

[8] *Васильев А.А.* История Византийской империи. Пгр., 1923. Т. II (От крестовых походов до падения Константинополя). С. 27.

[9] RPR. Nr. 10165; см.: *Altaner B.* Die Dominikanermissionen des 13. Jahrhunderts. Habelschwerdt, 1924. S. 156—157.

[10] VMH. Nr. 275. P. 155; см.: *Pfeiffer N.* Die ungarische Dominikane Ordenprovinz von ihrer Gründung 1221 bis zur Tatarenverwüstung 1241–1242. Zürich, 1913. S. 130.

[11] VMH. Nr. 279. P. 157.

[12] RPR. Nr. 10637; VMH. Nr. 295. P. 165—166.

рию по Прибалтике, тот не найдет здесь ничего нового в приемах ее дипломатии. Половцы не могли не интересовать папство. Они — союзники Руси, Владимиро-Суздальской (вспомним сильнейшего хана Юрия Кончаковича)[13] и Галицко-Волынской, которую хан Котян не раз поддерживал против Венгрии[14]. Они — союзники Болгарии, которой помогли разбить сперва Исаака Ангела (1190 г.)[15], а потом тяжеловооруженных рыцарей Балдуина (1205 г.)[16]; затем они выступали на стороне то латинян, то болгар, в пользу которых в битве при Клокотницах (1230 г.) небольшой половецкий отряд решил судьбу Фессалоникийской империи[17].

В наступлении на половцев курия опиралась на Венгрию. Столкновения Венгрии с половцами начались еще при Владиславе I (1077–1095)[18]. Венгерское правительство применяло два средства борьбы — возведение укреплений и поселение кочевников и земледельцев колонистов. Геза II (1141–1161) поселял саксонских колонистов и иоаннитов[19]. При Андрее II (1205–1235) настал черед тевтонов.

История «тевтонской миссии» — яркий пример политического лицемерия курии, поддержки ею «немецкого натиска» в Причерноморье. Тевтонские рыцари во главе с Германом фон Зальца, предвидя неудачный исход политики западноевропейских правительств в Передней Азии, постепенно перенесли центр своей деятельности на европейский континент и обзавелись землями в Германии, Италии и других странах.

При энергичном содействии папы Гонория III король Андрей пригласил в 1211 г. этих рыцарей нести охрану половецкой границы своей страны. В документе Ордену Андрей выражал надежду, что с их помощью удастся расширить пределы королевства[20]. Рыцари обосновались в юго-восточной части Семиградья, где возникли Крейц-

---

[13] ПСРЛ. Т. II. Стб. 740; НПЛ. С. 63.

[14] ПСРЛ. Т. II. Стб. 753, 761, 770—771, 775.

[15] *Georgii Acropolitae* Opera. P. 18_{26}.

[16] Ibid. P. $21_{10\text{-}19}$.

[17] Ibid. P. 42_{9}.

[18] *Расовский Д.А.* Половцы // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1935. Т. VII. С. 245—262; 1936. Т. VIII. С. 162—182; 1937. Т. IX. С. 71—85; 1938. Т. X. С. 155—177; Белград, 1940. Т. XI. С. 95—128.

[19] *Pfeiffer N.* Die ungarische Dominikane Ordenprovinz. S. 75.

[20] *Tumler M.* Der deutsche Orden. Wien, 1954. S. 184 ff.

бург и другие крепости[21]; за ним находились уже владения половцев. Но рыцарей больше интересовала сама Венгрия, чем опасные войны с кочевниками. Нарушая установленные для них ограничения, тевтоны стали опасны для суверенитета страны. Г. Мюллер, вопреки взгляду Э. Каспара, точно установил, что папа чинил ущерб королевскому праву в пользу Ордена, особенно взяв его в лен Св. Петра (1223 г.)[22]. Как писал король, тевтоны в Венгрии были подобны «мыши в торбе, змее — за пазухой»[23], и грозили не расширить, а сократить пределы королевства.

Невзирая на горькие сетования и протесты папы, который прямо призывал рыцарей не выполнять распоряжения короля об оставлении Семиградья, несмотря на оказанное ими[24] вооруженное сопротивление, — сомнительные наемники были выдворены из Венгрии. Благодаря осмотрительным действиям Андрея II немецкий Орден ничего прочного для «западной культуры» в юго-восточной Европе не приобрел[25]. Изгнанные из Венгрии тевтоны вскоре проникли в польско-прусское Поморье, где создали очаг многовековой агрессии[26].

III

В половецкое пограничье давно проникали цистерцианцы, чьи опорные пункты возникли в Пасто (1190 г.) и в Эгере (1232 г.), где еще жила часть язычников-половцев[27]. Теперь сюда устремились доминиканцы. В половецкую степь будто бы уже рвался сам Св. Доминик в 1205 г., ради чего он якобы отрастил бороду, но его ученики-доминиканцы прибыли сюда в 1221 г.[28]; они «nullam dei

---

[21] *Caspar E.* Hermann von Salza und die Gründung des Deutschordensstaats in Preussen. Tübingen, 1924. S. 6.

[22] *Müller G.* Die Ursachen der Vertreibung des deutschen Ordens aus dem Burzenlande und Komanien im Jahre 1225 // Korrespondenzblatt des Vereins für siebenbürgische Landeskunde. Hermannstadt, 1925. Jg. 48. H. 6–8. S. 68, 63.

[23] *Caspar E.* Hermann von Salza. S. 9.

[24] См.: *Tumler M.* Der deutsche Orden. S. 191–192.

[25] *Forstreuter K.* Der deutsche Orden und Südosteuropa // Kyrios. 1936. Bd. I. H. 3. S. 266.

[26] *Пашуто В.Т.* Борьба прусского народа за независимость // ИСССР. 1958. № 6. С. 54—81.

[27] Ср.: *Manteuffel T.* Papiestwo a cystersi. Warsawa, 1955. S. 29.

[28] Annalium Ordinis Praedicatorum / Ed. Th.M. Mamachio. Romae, 1756. T. I. P. 644—645.

omnino notitiam habuerunt», но все же пронырливые доминиканцы добрались до половецких веж на Днепре[29], правда, некоторые из них были схвачены, а двое убиты.

Тогда ловкие монахи, чтобы привлечь к своему делу Венгрию, пошли на такой шаг. Когда Роберт, архиепископ Эстергома и примас Венгрии (родом франко-бельгиец), направлялся в крестовый поход в Святую землю, по пути ему встретился сопровождаемый доминиканцами сын половецкого хана Бортца (Bortz — Борис?); он просил о крещении и сообщил Роберту, что послан отцом, который с двумя тысячами своих подданных тоже ждет крещения[30].

Роберт обратился к папе за разрешением идти не на арабов, а в половецкую землю. Григорий IX назначил его 31 июля 1227 г. легатом для половцев и бродников (in Cumaniae et Brodnicae terra), разрешив крестить население, строить храмы, ставить епископов и пр. Пожалование, как это нередко бывало, — широкое и неопределенное; реальный объем подчиненных земель должен был определиться в ходе миссии. Земля половцев — огромна, от Дуная до Яика; бродники тоже известны на широком пространстве и в Подунавье (где как «ветвь русских» из Вордоны их наряду с половцами отметил Никита Хониат в числе болгарских союзников в победоносной войне против Византии[31]), и во внутренней Руси, как союзники черниговских (1146 г.), суздальских (1216 г.) и киевских (1223 г.)[32] князей, они отмечены нашими летописцами. Нет основания отождествлять бродников с берладниками, хотя они и схожи с этой южной разновидностью ушкуйничества.

В разгар борьбы русских войск Мстислава Удатного и Даниила Романовича и союзных им половцев за освобождение Галичины от венгерских феодалов[33] и стоявшей за их спиной курии, архиепископ Роберт в сопровождении епископов (оба родом французы) Бартоломея, Рейнальда и Белы, сына короля, двинулся к половцам. В посла-

---

[29] *Fratris Geradi de Fracheto.* Vitae Fratrum Ordinis Praedicatorum necnon Cronica Ordinis ab anno 1203 usque ad 1254 / Ed. B.M. Reichert (Monumenta Ordinis Fratrum Praedicatorum, T. I). Lovanii, 1896, Append. 305–306; Annalium Ordinis Praedicatorum. P. 646–647. Nr. XV («in eam Cumaniae partem, quae est ad Boristhenem fluvium, reverterunt»).

[30] VMH. Nr. 154. P. 86—87.

[31] См.: *Успенский Ф.И.* Образование второго Болгарского царства. Одесса, 1879. С. 035—039; VMH. P. 87, 93.

[32] ПСРЛ. Т. II. Стб. 342. Т. XXV. С. 112—113; НПЛ. С. 63.

[33] *Пашуто В.Т.* Очерки. С. 207—208.

нии от 21 марта 1228 г. папа приветствовал их действия и просил довести до конца крещение половцев[34]. Епископам удалось крестить хана Бортца с его ордой[35]. Результат не замедлил сказаться: в 1229 г. мы находим половцев в войсках Белы IV, идущих на Галичину[36]. Этот хан и несколько других, более мелких, умерли христианами и погребены в половецких часовнях[37].

Чтобы придать наступлению на Половецкую землю должный размах, 21 марта 1228 г. папа, по представлению эстергомского примаса, назначил провинциала[38] венгерских доминиканцев Теодориха епископом половцев[39]. Папа писал, что желающих его поддержать много, и отпускал грехи тем, кто пойдет строить прочное здание церкви, чтобы посадить кочевников на землю[40]. Но миссия вовсе не шла так гладко. В послании (написанном до 21 мая 1228 г.) папа выражал озабоченность угрозой со стороны Иконийского султаната и других соседних половцам владений, а также тех, кто преследует крестившихся половцев[41].

Протяженность половецкого епископства к востоку определяется известием хрониста Рогерия о том, что татары fluvium, qui Zerech (р. Серет в Молдавии) dicitur transeuntes pervenerunt ad terram episcope Comanorum[42]. Районы Серета, Прута, Днестра — сфера широкой славянской колонизации[43]. На Серете стояли галицкие города Романов Торг, Текуч, к востоку от реки лежал Берлад, неподалеку от слияния

---

[34] Видимо, это был военный поход; за участие в нем папа благодарил Белу: Analecta s. Ordinis Fratrum Praedicatorum seu vetera Ordinis Monumenta / Ed. A. Frühwirth. Romae, 1897. T. III. P. 487. Nr. 190 (21 марта 1228 г.); VMH. T. I. Nr. 156; RPR. Nr. 8153.

[35] VMH. Nr. 154. P. 86–87; RPR. Nr. 7984; ср.: *Altaner B.* Die Dominikanermissionen. S. 141. Написание имени Бортца варьируется: ср. Boricins: MGH SS. Hannoverae, 1874. T. 23 / Ed. G.H. Pertz. P. 511.

[36] Не половцы ли Бортца названы летописью, которая сообщает: «а у короля бяху половцы Беговаръсови» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 761).

[37] *Pfeiffer N.* Die ungarische Dominikane Ordenprovinz. S. 79.

[38] Орден имел трехчленную структуру: монастырь-конвент-приор; группа монастырей — провинция — главный провинциал; группа провинций — орден — генеральный магистр.

[39] Bullarium Ordinis Fratrum Praedicatorum / Ed. Th. Ripoll et A. Bremond. Romae, 1729. T. I. P. 26. Nr. 23; MGH SS. T. 23. P. 921.

[40] Analecta Ordinis Praedicatorum. T. III. P. 486. Nr. 189.

[41] VMH. Nr. 157. P. 87 («ac euntibus contra illos, qui Cumanos conversos impugnant»).

[42] SRH. P. 564.

[43] *Федоров Г.Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в 1 тыс. н. э. М., 1960 (МИА. Т. 89); *Тимощук Б.А.* Славянские поселения Северной Буковины // КСИИМК. 1954.

Серета с Дунаем — Малый Галич. Это край южных ушкуйников-берладников, бродников и галицких «выгонцев», способных выставить войско в несколько десятков тысяч[44].

Половецкое епископство нашло деятельную поддержку курии. Папа посылал новому епископу пополнения доминиканцами[45]. Новое епископство было 13 сентября 1229 г. непосредственно подчинено курии. Не было недостатка и в обычной демагогии, вроде королевских грамот[46], папских булл о защите исконных половецких свобод (libertatis et immunitatis et possesionis)[47]; на деле права половцев нарушались, судя по булле Андрею, в которой папа запрещает венгерским «сарацинам» использовать крещеных половцев в качестве рабов, покупать и продавать их и пр.[48]. Архиепископ Роберт получил новую отсрочку похода в Святую землю, ради продолжения его легатства у половцев и волохов[49]. По настоянию папы[50], король поддержал Теодориха, который обосновался в Милькове (Milcow) — в Молдове на р. Мильков[51]. В свою очередь королевич Бела усвоил себе титул «короля куманов».

Этот шаг связан с претензиями венгерских феодалов и на Галич, и на междуречье Серета–Дуная — область галицких интересов, унаследованных еще от Киева. Здесь имела давние устойчивые позиции и православная церковь, видимо, и русская, и византийско-болгарская. В Малой Валахии эта церковь пустила уже такие прочные корни, что волохи Юго-Восточной Венгрии в церковном смысле ассимилировали венгров, а также и немецких колонистов, живших среди них. 14 ноября 1234 г. папа определил, что эти волохи должны подчиняться половецкому епископу.

Папе нельзя отказать в гибкости: чтобы облегчить доминиканцам их задачу он разрешил поставить вспомогательного епископа, в качестве генерального викария Валахии при половецком епископе.

Вып. 53. С. 86—87; *Wide B.* Zur ostslavischen Kolonisation in vormongolischer Zeit / Jahrbuch für Geschichte UdSSR und den volksdemokratischen Länder Europas. 1963. Bd. 7. S. 298—301.

[44] ПСРЛ. Т. II. Стб. 742.

[45] VMH. Nr. 155. P. 87 (21 марта 1228 г.).

[46] Ibid. Nr. 161. P. 90 (13 сентября 1229 г.).

[47] Ibid. Nr. 162. P. 90—91 (1 октября 1229 г.).

[48] Ibid. Nr. 195. P. 114 (12 августа 1233 г.).

[49] Ibid. Nr. 167. P. 93 (27 февраля 1231 г.).

[50] Ibid. Nr. 224. P. 130—131 (25 октября 1234 г.).

[51] *Altaner B.* Die Dominikanermissionen. S. 146.

Папа надеялся, что с помощью Венгрии удастся подчинить его престолу православных волохов и их греческих «псевдо-епископов», не изгоняя последних, а лишь ставя их под церковную юрисдикцию Половецкого епископства[52]. Напомним, что в 1235 и 1237 гг. венгерские доминиканцы Юлиан и др. в качестве миссионеров-разведчиков проникли и в Волжскую Булгарию, и в Северо-Восточную Русь[53]. Продолжали они свое дело и у половцев: монах Бенедикт доносил в 1238 (1239) г. генеральному капитулу о крещении нескольких князей со многими людьми[54]. Наибольших успехов доминиканцы добились среди половцев Малой Валахии (к западу от реки Олт) в Юго-Западной Трансильвании.

Половецкое епископство, видимо, сыграло свою роль и в переселении в Венгрию орды хана Котяна. В годы монгольского нашествия Котян обратился с письмом к Беле IV, прося убежища и выражая готовность принять католичество. Король приветствовал это предложение, одарил половецких послов и направил с ними в обратный путь монахов-доминиканцев. Осенью 1239 г. король лично торжественно встретил Котяна и его 40-тысячную орду на границе[55]. Высоким чиновникам было поручено расселить половцев внутри Венгрии. При крещении с Котяном было заключено соглашение.

Но здесь произошел конфликт, очередной раз показавший, что политический интерес выше всяких миссий. Венгерские магнаты встревожились усилением власти короля. В результате заговора хан Котян и другие половецкие неофиты были предательски перебиты в Пеште, а половецкое войско устремилось к Саве и, сокрушая все на

---

[52] VMH. Nr. 225. P. 131; Bullarium Ordinis Fratrum Praedicatorum / Ed. Th. Ripoll et A. Bremonds. Romae, 1729. T. 1. P. 70. Nr. 114 (не полностью); RPR. Nr. 9764; *Altaner R.* Die Dominikanermissionen. S. 147.

[53] Анализ источников см.: *Sinor D.* Un voyageur du treizième siècle: le dominicain Julien de Hongrie // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London, 1952. Vol. XIV. Part 3. P. 589—602. Автор датирует поездку Юлиана временем между весной—летом 1236 г. и 27 декабря 1237 г. Он следует письму Юлиана папскому легату в Венгрии, отвергая достоверность меморандума «De facto», принадлежащего перу монаха Рихарда (SRH. T. II. P. 529—542), по-видимому нотария Фридриха II (*Sinor D.* Un voyageur. P. 591, 589, 597). Русское издание см.: *Анинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. 1940. T. III. C. 88—89.

[54] Monumenta Ordinis Praedicatorum historica / Ed. B. M. Reichert. T. I. P. 309.

[55] VMH. Nr. 493. P. 268—270.

своем пути, ушло на Балканы[56]. Позднее немало половцев оказалось на службе у Никеи[57].

Само Половецкое епископство просуществовало до 1241 г.; оно было сметено в огне борьбы молдавского народа с монгольским нашествием, когда воевода Бохетур (Байдар?) «вместе с другими вождями, переправившись через реку, именуемую Серет, вторглись в землю половецкого епископа, и, победив людей, которые собрались на битву, приступили к полному ее завоеванию»[58]. Половецкое епископство осталось в истории еще одним свидетельством папской агрессии на огромном протяжении между Балтийским и Черным морями.

Впервые опубликовано в кн.: Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Festschrift für Eduard Winter zum 70. Geburtstag. B., 1966. S. 55–40.

---

[56] SRH. T. II. P. 553—554, 559—561, 566.

[57] *Georgii Acropolitae* opera. 65_{16}.

[58] SRH. T. II. P. 564.

Некоторые данные об источниках по истории монгольской политики папства

Восточноевропейская политика папской курии XIII–XIV вв. подвергается за последние годы решительной переоценке в советской и народно-демократической историографии. Современные защитники политики курии из числа католических и неофашистских историков, возражая против этой переоценки, не приводят каких-либо аргументов, ограничиваясь заключениями, что мнения историков-марксистов превратны.

Но выводы последних основаны на источниках: отчетах легатов курии в Сарай, Тавриз, Каракорум, Пекин (Ханбалык), переписке пап с ханами, а главное — на реальных военно-политических действиях апостольского престола. Папство пыталось превратить монгольских ханов в своих союзников по наступлению на страны Передней Азии и Восточной Европы и достигло некоторых успехов.

Католические авторы, рассуждая о политике курии в России, извращают смысл источников и закрывают глаза на одновременные шаги папства в Персии и Северной Африке. Между тем это — два потока одной и той же политики с единственным различием, что там в качестве ударной силы курия старалась использовать Англию, Францию, Испанию, а в России — Польшу, Орден, Германию. Для исследования взаимосвязи, взаимозависимости двух направлений политики курии нужно сперва тщательно изучить каждое из них в отдельности.

Трудами Ж.-П. Абель-Ремюзы, И. Шмидта, И. Шабо, В. Котвича, П. Пеллио, А. Клюкина, С.А. Козина, Е. Хениша и др. немало сделано для выявления и дешифровки документов переписки папской курии и ее западноевропейских союзников с монгольскими властителями[1]. Но

[1] Подробнее см.: *Pelliot P.* Mongols et papes aux 13–14 siècles // Revue de l'Orient Chrétien. P., 1922–1923. T. XXIII. № 1–2. P. 1–139; 1924. T. XXIV. № 3–4. P. 25–235; 1931–1932. T. XXIX. № 1–2. P. 3–84; *Tisserant E.* Une lettre de l'Ikhan de Perse Abaga adressée en 1268 au pape Clément IV // Muséon. Louvain, 1946. T. LIX. P. 547–556; *Haenisch E.* Zu den Briefen der mongolischen Ilkhane Argun und Öljeitü an den König

работа эта не закончена, и сравнительное сопоставление опубликованных источников с неопубликованными еще впереди. Можно пожалеть, что архивы иностранной Rossica находятся у нас в забвении, а какие запасы нового материала они хранят, можно видеть хотя бы по фонду Е.Ф. Шмурло, недавно бывшему предметом изучения Б.Б. Кафенгауза[2].

В свою очередь, хочу обратить внимание историков на другой архив. В 20-х годах прошлого века граф Н.П. Румянцев (1754–1826) задумал собрать все иностранные источники по истории России. Для этой цели Н.П. Румянцевым был привлечен М. Штрандманн, который доставил ему большое число первоклассных источников.

Иоганн Густав Магнус фон Штрандманн (1784–1842) родился в Эстонии; по окончании Дерптского университета работал в Иностранной коллегии (1805–1827), выполнял дипломатические поручения в Германии, Швеции и Англии. С 1813 г. состоял в переписке с Н.П. Румянцевым. Будучи коллежским советником, жил в Италии (1818–1827), где деятельно разыскивал и копировал древние рукописи из архивов и частных светских и церковных собраний Милана, Флоренции, Венеции, Рима и Монтекассино. Вновь посетил Рим в 1833 г., когда получил графское достоинство (comes palatii) от папы Григории XVI[3]. Материалы, собранные М. Штрандманном, частично были опубликованы[4].

Во время научной командировки в Чехословакию в 1951–1952 гг., кандидат технических наук С.В. Шухардин, занимаясь в Городском архиве Братиславы изучением вопросов истории техники, обратил внимание на несколько сборников, написанных на латинском, итальянском и французском языках; сборники имели вид небольших (в четвертку) переплетенных в картон книжечек.

Philipp den Schönen von Frankreich (1289 und 1305) // Oriens. Leiden, 1949. Vol. 2. № 2. S. 216–235; *Mostaer A. et Cleaves F.W.* Trois documents Mongols // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1952. Vol. 15. № 3–4. P. 419–506; *Sinor D.* Les relations entre les Mongols et l'Europe jusqu'a la mort d'Arghoun et de Bela IV // Cahiers d'histoire mondiale. Neuchatel, 1956. T. 3. № 1. P. 39–62.

[2] См.: *Кафенгауз Б.Б.* Новые материалы иностранных архивов о международных отношениях России // Международные связи России (до XVII в.). М., 1961. С. 533–536.

[3] Подробнее см.: Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland / Bearb. von Y.F. von Recke und K.E. Napiersky. Mitau, 1832. Bd. 4. S. 311–313; Nachträge und Fortsetzungen. Mitau, 1861. Bd. 2. Nachtrag L–Z. S. 215. Этой справкой я обязан любезной помощи сотрудниц Мейер и Грассе из берлинской Госуд. библиотеки.

[4] Переписка пап с российскими государями в XVI в., найденная в римской Берберииевой библиотеке / Изд. И. Григорович. СПб., 1834; Сказания о России в XVI и XVII вв. / Перев. В. Любич-Романович. СПб., 1834.

Они оказались собранием копий документов, снятых М. Штрандманном для Н.П. Румянцева в 1821–1826 гг. По просьбе С.В. Шухардина работники архива любезно изготовили фотокопии этого собрания; после систематизации, произведенной В.В. Вертоградовой и И.В. Шталь, можно насчитать три обширных сборника копий общим объемом около 1900 страниц. Здесь копии, снятые в римских архивах Ватикана, библиотек Валличелли, Барберини, Мальябекки, храма Санта-Марии-над-Минервой, флорентийской библиотеки Риккарди и др.

Среди копий видим составленный М. Штрандманном «Систематический каталог основных славянских рукописей, которые хранятся в библиотеке Ватикана и некоторых других общественных и частных библиотеках Рима», Рим, 1826. Здесь же находятся «Описания» путешествий в Россию Р. Барберини (1565), Г. Кобенцеля (70-е годы XVI в.), неизвестного лица (1555); «Донесения» имперского посла в России Николая Варкоча (1593), Франческо Тиеполо (1560), Альберто да Ченада (1657), а также анонимные донесения из Московии (1557, 1605); материалы к посольству Рудольфа Кленхена; письма из Польши нунция Маласпина (от 12 января 1596 г.), кардинала Энрико Гаэтано (от 27 августа 1596 г.), анонимное донесение 1598 г. и др. Наиболее ранним источником являются два письма хана Абаки папе Клименту IV (1267).

Некоторые из названных источников опубликованы в русском переводе, часть вышла в свет за рубежом[5], и сейчас еще трудно сказать, в какой мере братиславский архив М. Штрандманна нов по своему содержанию, особенно потому, что М. Штрандманн, видимо, снимал свои копии в двух экземплярах; думать так дает основание знакомство с его рукописным наследством в наших архивах. В Государственной библиотеке им. В.И. Ленина сохранилось значительное число рукописей М. Штрандманна. Они совпадают, но лишь в некоторой части, с содержимым братиславского собрания[6]; хранятся в

---

[5] См.: *Adelung F.* Kritisch-literarische Übersicht der Reisenden in Rußland 1700. St-Petersburg, 1846. Bd. I–II.; ср.: *Кордт В.* Чужоземні подорожні по східній Європі до 1700 р. // Збірник исторично-філологічного відділу Укр. АН. Київ, 1926. № 38.

[6] О некоторых рукописях М. Штрандманна см.: *Житомирская С.В.* Западное средневековье в рукописях ГБЛ // Средние века. М., 1957. Вып. X. С. 297–299. См. также: *Strandmann M.* Materiaux pour servir à l'histoire du commerce de l'ancienne Tana. Florence, 1820 // ГБЛ. Отдел рукописей, ф. 183 (Ин.), № 82; *Он же.* Matériaux pour servir à l'histoire des plus anciennes relations politiques et religieux entre le Saint-Siège et les

Библиотеке им. В.И. Ленина и славянские рукописи, доставленные этим собирателем Н.П. Румянцеву[7].

Часть архива М. Штрандманна оказалась в известной коллекции Г.В. Юдина[8]. Это — копии переписки Льва X, Климента VII и Климента VIII с московскими великими князьями, а также одно из упомянутых выше писем хана Абаки папе Клименту IV[9].

Оставляя до будущих времен комплексное изучение иностранных источников по истории восточной политики папства, хотим обратить внимание на публикуемое ниже (в переводе И.В. Шталь) письмо хана Абаки.

Его содержание показывает, что папство не ограничивалось «моральной» поддержкой западных держав, пытавшихся восстановить свои колониальные владения на арабских землях, а вникало и в военные детали операций. Историки русской политики папства все более внимательно относятся к подобного рода документам.

Папская курия на словах ратовала за борьбу с угрозой монгольских ханов Европе. Она мешала восточноевропейским католическим государям вступать в непосредственные контакты с Ордой. Само же папство и его западноевропейские союзники прилагали немалые усилия к тому, чтобы использовать монгольских правителей для расширения своего влияния в Восточной Европе и для поддержания неуклонно слабевших позиций крестоносцов в Передней Азии. Об этом свидетельствуют документы переписки пап не только с ильханом Абакой (1265–1281), но и его преемниками Аргуном, Улдзейту и Гасаном.

Grands Princes de Russie. Rome, 1822 // ГБЛ. Отдел рукописей, ф. 183 (Ин.), №.124; *Он же.* Bemerkungen über die alten Grabhügel oder Kurgane in Rußland und Siberien. Londres, 1816 // ГБЛ. Отдел рукописей, ф. 183 (Ин.), № 37; *Он же.* Recueil de mémoires sur histoire et la géographie de la Russie. Florence, 1821. ГБЛ. Отдел рукописей, ф. 183 (Ин.), № 79; Собрание старинных карт XIV–XVII вв., скопированных им в библиотеках Италии. 1820–1822 гг. // ГБЛ. Отдел рукописей, ф. 183 (Ин.), № 1400 (ср. № 1401, 1402) и даже Matériaux pour servir à une géographie du moyen âge. 1822 г. // ГБЛ. Отдел рукописей, ф. 183 (Ин.), № 239, составленные на основании летописей итальянских хранилищ, и другие собранные им материалы.

[7] *Востоков А.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 382–391, 423–425.

[8] *Преображенский А.А.* Коллекция Г.В. Юдина в Государственном архиве Красноярского края (краткий обзор) // АЕ за 1958 г. М., 1960. С. 273.

[9] ЦГАЛИ, ф. 796, оп. 1, № 7124, 7125, 8315. Ср.: Переписка пап с российскими государями.

В основу публикации положен текст братиславской копии (Б); Ю — обозначены разночтения с копией юдинской коллекции. Обе копии писаны одной рукой и сняты в архиве библиотеки Валличели в Кьеза-Нуова в Риме. Т — обозначены разночтения со списком, опубликованным Е. Тиссераном. Список Т представляет собой официальную копию оригинала (пока не найденного), снятую в 1366–1367 гг. по распоряжению Урбана V в Авиньоне и хранящуюся в фонде замка Сант-Анджело Archivum Arcis, секретного архива Ватикана. При передаче текста раскрыты аббревиатуры; в разночтениях не оговорены стяжения диграфа *ae* списка Т, а также расхождения в прописных буквах и пунктуации.

Приложение

ПОСЛАНИЕ ХАНА АБАКИ ПАПЕ КЛИМЕНТУ IV*

Текст

Per virtutem Dei vivi et potentia[1] Chan[2] verbum Abagha etc.[3] S[acrae][4] Sanctae Ecclesiae Roman[ae] Sommo[5] Pontifico[6].

Reverendarum Litterarum Vestrarum tenore diligenter audito, intelleximus, quoniam[7] Sanctitatae[8] Vostrae[9] Nuntiorum[10] Nostrorum anno praeterito directorum Verbis tantum non Litteris Nostris audientiam responsionemque praebere oportuit, eoque[11] in Curia Sanctitatis Vestrae Litteras sciens Mogalicas nullus reperiret[12]. Verum Mogalice signavimus, quia illo tempore Scriba Noster Latinus praesens non fuit[13].

Praeterea Litteris Vestris Nobis innotuit, qualiter Regem Karolum[14] contra inimicos Ecclesiae Mamfridum[15] Siciliae[16] exercitumque eius direxistis. Ipsumque dictum M[anfridum] cum exercitu suo universa sua pro libito invadendo, dictus Rex Karolus[17] usque ad interitum consumpserit[18].

Quod quidem modicum esse[19] de magnificentia Vestra, per subdilectum[20] et[21] venerabilem Socerum[22] Nostrum Imperatorem Constantinopolitanum clarissime nobis innotuit.

* В данном издании перевод И.В. Шталь, при ближайшем рассмотрении оказавшийся совершенно негодным, заменен переводом А.В. Назаренко; ему же принадлежат текстологические примечания от редакции к латинскому оригиналу. — *Ред.*

[1] *T* potentiam. *(Здесь и ниже чтения списка T практически во всех случаях оказываются более исправными. —* Ред.*).*

[2] *T* Chaan.

[3] *T опущено.*

[4] *T раскрыта аббревиатура.*

[5] *T* summae.

[6] *T* pontifici.

[7] *T* quomodo.

[8] *T* Sanctitati.

[9] *T* vestre

[10] *T* nunciorum.

[11] *T* eo quod.

[12] *T* reperitur.

[13] *T* affuerat.

[14] *T* Carolum.

[15] *T* Manfridum.

[16] *T* scilicet; *Ю* Sciliae

[17] *T* Carolus.

[18] *T* consumpsit.

[19] *Б и Ю аббревиатура* éé; *T* esse.

[20] *Вместо* superdilectum, *ср. текст ниже*; *T* superdilectum.

[21] *T* ac.

[22] *T* Socerum *после* Imperatorem.

Ceterum noveritis quoniam[23] per virtute[24] Dei vivi ab Oriente usque in Occidentem quocunque[25] Soldani, Reges, Principes nobis benigne pacificeque adhaeserunt, tum[26] universis sibi spectantibus in suis bonis, maioribus etiam potiti quiete permanserunt. Contra nos aut[27] sinistra automantes[28] cum universis ac[29] singulis sibi adhaerentibus de terra extirpando[30] delevimus, neceque pestifera fecimus interire, sua omnia usque[31] fundamenta devastando.

Qualiter vero Christianos diligendo[32], eorumque etiam[33] Ecclesias defendendo, benigne custodivimus, quotiens Sanctitati Vestrae litteratorie dilucidavimus. Venerabilis[34] atque Sup[er]dilectus Socer Noster Imperator Constantinopolitanus super hoc Sanctitatem Vestram diligenter per litteras etiam suas saepius certificavit.

Vobis autem Christianorumque[35] pluralitati[36] per Nuntios significabimus[37], quoniam germanum Nostrum Higei[38], cum exercitus multitudine in subsidium Christanorum transmissimus[39]. Exercitum autem que[m] Sanctitas Vestra ad partes cismaticas[40] put[41] nobis signastis[42] destinare disposuit, festinanter curet adunare, ut pariter cum Rege Arragonae[43] et exercito[44] suo, ex una parte veniendo, per consilium[45] superdilecti Soceris[46] Nostri Imperatoris, Nostris quidem ex alia inimici a medio funditus extirpentur.

In quoque[47] exercitum pariter adunatur[48] adventu nuntii[49] festini in medio discurrunt[50], ut Nostrorum atque Vestrorum ex utraque parte rumor, verbum atque[51] factum pro tempore statuto simul[52] et infideles canini generis Babilonici in medio corruant penitus consumpti.

---

[23] *T* quomodo.

[24] *T* virtutes.

[25] *T* quicumque.

[26] *T* cum.

[27] *T* autem.

[28] *T* autumantes.

[29] *T* et

[30] *T* extirpanda.

[31] *T* usquem.

[32] *T* diligendo.

[33] *T опущено.*

[34] *T* Venerabilisque.

[35] *T* christianorumque.

[36] *T* pluritati.

[37] *T* certificavimus.

[38] *T* Hegei.

[39] *T* transmisimus.

[40] *Вместо* schismaticas; *T* cismarinas.

[41] *В Б аббревиатура принята переписчиком за дефект рукописи; Ю* put nobis; *T* prout *(перевод следует за чтением T, ибо остальные бессмысленны. —* Ред.*).*

[42] *T* significastis.

[43] *T* Aragonae.

[44] *T* exercitu.

[45] *T* per concilium.

[46] *T* Soceri.

[47] *T* quorum.

[48] *Ю* adunator; *T* adunatorum. *(Из дальнейшего ясно, что читать следует скорее всего* adunaturorum; *перевод дан в соответствии с такой поправкой. —* Ред.*).*

[49] *T* nuncii.

[50] *Ю и T* discurrant.

[51] *T опущено.*

[52] *T* simul fiant. *(Только это чтение дает смысл и потому положено в основу перевода. —* Ред.*).*

Super his[53] quidem Vobiscum ordinandis Sanctitati Vestrae Salomonem Arcasius[54] S[acro] sanctae[55] Ecclesiae Dei in Curia Nostra Custodem, atque Nekpei, Nuntios Nostras destinaivimus.

Dat[um][56] Koga Nirgund L. v. Iel.[57], I Anno Draconis. Alting ai[58] Mense sexto Vigesimo Tertio Die mensis.

Перевод

Силою и могуществом Бога живого, хан Абака и прочее [держит] слово к первосвященнику святой римской церкви.

Внимательно выслушав ваше достойное уважения послание, мы поняли, что выслушано и отвечено было, как видно, только на речи наших послов, направленных к вашему святейшеству в прошлом году, но не на наше послание, потому что в курии вашего святейшества не нашлось никого, знающего монгольскую грамоту. Мы же писали по-монгольски, так как в то время отсутствовал наш латинский писец.

Кроме того, из вашего послания к нам стало известно, что вы направили короля Карла[59] против врагов церкви — Манфреда Сицилийского[60] и его вóйска и что названный король Карл, ходя как угодно по всем его [владениям], полностью уничтожил самого названного М[анфреда] вместе с его войском. Что это было разумно со стороны вашей блистательности, мы узнали через наилюбезнейшего и досточтенного тестя нашего, императора константинопольского[61].

В остальном да будет вам известно, что силою Бога живого повсюду от восхода до заката султаны, короли, князья благосклонно и мирно приятельствовали с нами, покойно пребывая со всеми своими до них относящимися [землями] в своем имении, и даже приобретая еще большее. Но злоумышляющих против нас со всеми и каждым их сторонниками мы уничтожили, вырвав с корнем, и заставили погибнуть злой смертью, опустошив у них все до основания.

---

[53] *T* hiis.

[54] *T* Arkaoun; *Б и Ю чтение неясно:* Arcasius *или* Arcasins.

[55] *T раскрыта аббревиатура S. Sancte* sacrosanctae.

[56] *T* Datum Koga Birgunda Loy Jel, id est Anno draconis. Alting Ai, id est mense sexto vicesimo tertio die mensis.

[57] Монг., год дракона.

[58] Тюрк., шестой месяц.

[59] Карл Анжуйский, граф Прованса, брат французского короля Людовика IX (1226–1270).

[60] Манфред Гогенштауфен, король Сицилии. Имеется в виду битва под Беневенто (1266 г.), в которой он погиб.

[61] Михаила VIII Палеолога (1261–1282), на дочери которого Марии Абака женился в 1265 г.

А как мы милостиво оберегаем [и] любим христиан и даже защищаем их церкви, мы столько раз письменно разъясняли вашему святейшеству. Да и достопочтенный и наилюбезнейший тесть наш, император константинопольский, также не раз усердно удостоверял в том ваше святейшество в своих посланиях.

Мы сообщали вам и всем христианам через наших послов, что направили брата нашего Хигея с многочисленным войском в помощь христианам. Он позаботится спешно соединиться с войском, которое ваше святейшество решило, как вы нам сообщили, направить в земли схизматиков, дабы одновременным пришествием короля Арагона и его войска, с одной стороны, по совету наилюбезнейшего тестя нашего, императора константинопольского, а наших — с другой враги были окончательно искоренены.

И об одновременном приближении объединяющихся войск пусть во всеуслышание во всех концах объявят спешные гонцы, дабы слух, слово и дело наших и ваших с той и другой стороны в урочный час соединились вместе, и неверные из собачьего рода вавилонского падут [и] совершенно истребятся.

Об устроении сего вместе с вами мы направили вашему святейшеству наших послов Соломона ..., блюстителя святой церкви Божией при нашем дворе, а также Некпея.

Дано в Синем Хребте. В год дракона, в шестой месяц, двадцать третий день.

Впервые опубликовано в кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сб. статей к 70-летию А.А. Новосельского. М., 1961. С. 209–213.

Часть IV

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ В.Т. ПАШУТО

Список научных трудов В.Т. Пашуто[1]

1939

Александр Невский // Уч. зап. ЛГУ. № 36. Сер. ист. наук. Вып. 3. С. 62–84.

1940

Невская битва // На страже родины. Л., 14 июня.

1941

Галицко-Волынское княжество времен Даниила Романовича // Уч. зап. ЛГУ. № 67. Сер. ист. наук. Вып. 7. С. 25–82.

1943

Даниил Галицкий // ИЖ. № 3/4. С. 37–44.

1947

Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова // ИЗ. Т. 24. С. 111–159.

Хозяйство и техника средневековой Литвы // ВИ. № 8. С. 74–81.

Юрий Долгорукий — основатель Москвы // Московский большевик. 26 авг.

1948

Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829) // Дипломатический словарь. М. Т. 1. Стб. 517–518.

Киевская летопись 1238 г // ИЗ. Т. 26. С. 273–305.

Рец. на кн.: Еремин И.П. Повесть временных лет: Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1946 (на обл. 1947). 92 с. // ВИ. № 6. С. 105–106.

---

[1] Звездочкой отмечены работы, публикуемые в настоящем томе.

Составители М.Н. Перегуд и П.В. Пронина, дополнения А.С. Щавелёва. В списке не указана работа В.Т. Пашуто в качестве члена редколлегий сборников статей и серийных изданий.

1949

О политике папской курии на Руси (XIII в.) // ВИ. № 5. С. 52–76.

Очерки по истории Галицко-Волынской Руси и Литвы (XIII в.). Автореф. дис. к.и.н. М. 14 с.

Очерки по истории Галицко-Волынской Руси и Литвы (XIII в.) // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. Т. 6. № 4. С. 360–362.

Рец. на кн.: Записки НИИ при Совете министров Мордовской АССР. История и археология. Саранск. Т. 6. 1946. 160 с.; Т. 9. 1947. 229 с. // ВИ. № 8. С. 138–140.

Рец. на кн.: Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. 470 с. // ВИ. № 9. С. 119–122 (совм. с А.А. Зиминым).

1950

Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М. 328 с.

Рец.: За марксистско-ленинскую историю литературы // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 5. 1947. 308 с.; Т. 6. 1948. 413 с.; Т. 7. 1949. 496 с. // ВИ. № 3. С. 114–120.

Рец.: Новый труд о Золотой Орде (*Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. 479 с.) // Новый мир. № 9. С. 268–270.

Рец. на кн.: Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. 512 с. // ВИ. № 11 С. 145–148.

1951

Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII в. М., 132 с.

То же. На венг. яз.: Будапешт, 1952. 139 с.; на чеш. яз.: Прага, 152 с.; на рум. яз.: Бухарест, 165 с.; на укр. яз.: Киев, 1953. 152 с.; на нем. яз.: Берлин, 1954. 140 с.

О периодизации истории России эпохи феодализма // ВИ. № 2. С. 52–80 (совм. с Л.В. Черепниным).

То же. На польск. яз.: In: Nowe drogi. Zeszyty hist. Warszawa, 1951. № 3. S. 198 i nast; на чеш. яз.: In: Sovětska věda. Historia. Praha, 1951. Č. 7. S. 27–60; In: Dějiny SSSR / Red. B.D. Grekov i dr. Praha, 1953. T. 1. S. 377–414; на нем. яз.: In: Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge. Berlin, 1952. Bd. 20. S. 425–464.

Рец. на кн.: Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1. 404 с.; Ч. 2. 554 с. // ВИ. № 7. С. 117–121.

1952

Несколько наблюдений над «Прусской Правдой» // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. ст. М. С. 112–116.

О возникновении Литовского государства // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. М. Т. 9. № 1. С. 29–49.

А.А. Шахматов — буржуазный источниковед // ВИ. № 2. С. 47–73.

Рец.: Ценный труд о Золотой Орде (*Греков Б.Д., Якубовскпй А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. 479 с.) // Славяне. № 6. С. 54–56.

Ред.: Исторический архив. М. Вып. 8. 332 с.

1953

Очерки истории СССР: Период феодализма. IX–XV вв.: В 2-х ч. М. Ч. 1. IX–XIII вв. Введение. С. 7–24 (совм. с Б.Д. Грековым и Л.В. Черепниным); Гл. 3, § 2. Социально-экономические отношения и политический строй феодальных княжеств XII–XIII вв. С. 275–310; § 3. Образование феодальных княжеств и республик и судьба Киевской земли. С. 310–320 (совм. с Л.В. Черепниным); § 4в) Галицко-Волынское княжество. С. 357–380; Гл. 4, § 6. Народы Прибалтики в IX — первой четверти XIII в. С. 670–677, 686–695; Гл. 5, § 1. Историография. С. 760–768 (совм. с Л.В. Черепниным); § 2. Внутриполитическое положение Руси в начале XIII в. С. 768–776; § 3. Вторжение иноземных феодалов в Восточную Прибалтику. С. 777–791; § 5. Завоевание монгольским государством Средней Азии и вторжение татаро-монгольских захватчиков в Закавказье и Восточную Европу. С. 802–813 (совм. с А.Ю. Якубовским и И.П. Петрушевским); § 6. Падение Тарту (Юрьева) и борьба с немецкими захватчиками в Восточной Прибалтике. С. 813–828; § 8. Борьба русского народа с татаро-монгольским нашествием. С. 830–838; § 9. Решающие победы русского народа над шведскими и немецкими захватчиками (1240 и 1242 гг.). С. 838–853; § 10. Разгром венгерско-польских захватчиков в Юго-Западной Руси (1245 г.). С. 853–858; § 11. Установление татаро-монгольского ига на Руси и борьба русского народа за независимость в XIII в. С. 858–907; Ч. 2. XIV–XV вв. Гл. 5, § 1а) Образование Литовского государства. С. 475–494.

То же. На нем. яз.: Берлин, Т. 1. 1957; Т. 2. 1958; на кит. яз.: Гл. 5. Борьба русского народа за независимость в XIII в. и ее всемирно-историческое значение. Пекин, 1958. 115 с.

Рец. на кн.: Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951. 259 с. // ВИ. № 8. С. 165–169.

Ред.: Исторический архив. М. Вып. 9. 327 с.

Ред.: Кончаловская Н. Наша древняя столица: Картины из прошлого Москвы. М. Кн. 3. 120 с.

Ред.: Очерки истории СССР: Период феодализма. IX–XV вв.: В 2-х ч. М. Ч. 1. 984 с.; Ч. 2. 812 с. [совм. с Б.Д. Грековым (отв. ред.) и Л.В. Черепниным].

1954

Товарное производство на Руси (до XVII в.) // ВИ. № 1. С. 117–136 (совм. с Л.В. Даниловой).

Рец. на кн.: ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. 434 с.; Т. 9. 1953. 480 с. // Изв. АН СССР. ОЛЯ. М. Т. 13. Вып. 2. С. 187–194.

1955

Помезания. «Помезанская Правда» как исторический источник изучения общественного и политического строя Помезании XIII–XIV вв. М., 184 с. Прилож.: *публ.* «Помезанская Правда» / Пер. А.В. Десницкой. С. 109–178; *сост.:* Предметно-термин. указ. С. 179–182.

Рец. на кн.: Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven, 1953. 462 p. // ВИ. № 8. С. 180–186 (совм. с Н.Я. Мерпертом).

1956

Героическая борьба русского народа за независимость. XIII век. М., 279 с.

История СССР: Учебник для ист. фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов / Отв. ред Л.В. Черепнин. М. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г. Первобытнообщинный и рабовладельческий строй. Период феодализма: разд. 2, гл. 4, § 3. Принятие христианства. Государство на Руси первой половины XI в. С. 80–82; § 4. Восстания смердов и горожан в 60–70 годах XI в. С. 82–84; § 5. Переход к феодальной раздробленности. Восстание в Киеве в 1113 г. Княжение Владимира Мономаха. С. 84–86; § 7. Культура Древней Руси. С. 88–91; § 8. Значение Древней Руси в истории народов нашей Родины. С. 91–92; § 9. Международное значение Древней Руси. С. 92–93; § 10. Народы Закавказья и Средней Азии в VIII–XI вв. С. 94–100; § 3–5, 7–10 (совм. с Л.В. Черепниным); разд. 3, гл. 5, § 1. Социально-экономическое и политическое развитие Руси. С. 101–109; § 2. История отдельных русских земель. С. 109–114;

§ 3. Международное положение Руси. С. 114–116; § 4. Культура. С. 116–118; § 5. Народы нашей страны. С. 119–125; гл. 6, § 1. Борьба Руси и народов Прибалтики против немецких, шведских и датских феодалов. С. 125–128; § 2. Героическая борьба народов нашей страны с татаро-монгольским нашествием. С. 128–135; § 3. Решающие победы русских воинов под предводительством Александра Невского над шведскими и немецкими захватчиками. С. 135–140; § 4. Установление татаро-монгольского ига над народами нашей страны и его последствия. С. 140–145; § 5. Освободительная борьба русского народ против монгольского ига. С. 145–147

То же. На нем. яз.: Берлин, 1960. Т. 1. Ч. 1.

1957

Всемирная история: В 10-ти т. М. Т. 3. Ч. 2. Гл. 15. Разд. 2. Древняя Русь конца IX — начала XII в. С. 250–266. Подразд. Культура Древней Руси (совм. с Н.И. Ворониным). С. 261–266; Ч. 3. Гл. 32. Русь в период феодальной раздробленности. XII — начало XIII в. С. 452–472; Ч. 4. Гл. 38. Борьба русского народа и других народов Восточной Европы с татаро-монгольским нашествием. Наступление на Русь шведских, немецких, датских, венгерских и польских феодалов в XIII в. С. 591–602.

То же. На греч. яз.: Афины, 1958; на рум. яз.: Бухарест, 1960; на чеш. яз.: Прага, 1960; Прага, 1962; на яп. яз.: Токио, 1962–1963; на венг. яз.: Будапешт, 1963; на нем. яз.: Берлин, 1963.

1958

Борьба русского народа за независимость (до конца XIII в.) // ИСССР. № 6. С. 54–81.

Против некоторых буржуазных концепций образования Литовского государства (По поводу статьи западногерманского историка: *Hellmann M.* Zu den Anfänger des litauischen Reiches // JGO. Wiesbaden, 1956. Bd. 4. Hf. 2. S. 159–165) // ВИ. № 8. С. 40–62.

1959

Образование Литовского государства. М., 531 с.

То же. На лит. яз.: Вильнюс, 1971. 424 с.

Так называемое «изучение Востока» — идеология западногерманского реваншизма // ВИ. № 3. С. 60–76.

То же. На нем. яз.: In: Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftlichte Beiträge. Berlin. № 6. S. 599–616.

Труды польского академика Г. Ловмяньского по истории Литвы, Руси и славянства // ВИ. № 10. С. 107–120.

*Христбургский (Кишпоркский) договор 1249 г. как исторический источник // Проблемы источниковедения. Вып. 17. С. 357–390.

Комментарии // *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: В 15-ти кн. М. Кн. 1. Т. 1, 2. С. 745–764.

Ред.: Греков Б.Д. Избранные труды. М. Т. 2. 624 с. (совм. с Л.В. Черепниным); От редакции. Там же. С. 3–10.

1960

Очерки истории СССР. XII–XIII вв.: Пособие для учителей. М. 220 с.

Научная сессия в Варшаве, посвященная тысячелетию Польского государства (21–23 июня 1960 г.) // ВИ. № 10. С. 210–211.

То же // Вестник АН СССР. № 10. С. 85–86.

550-летие Грюнвальдской битвы // Военно-исторический журнал. № 7. С. 78–88 (совм. с М. Ючасом).

Меч Грюнвальда: К 550-летию со дня разгрома Тевтонского ордена // Комсомольская правда. 15 июля.

Комментарий // *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: В 15-ти кн. М. Кн. 2. Т. 3, 4. С. 701–708.

1961

Борьба русского народа против иноземных рыцарей // Детская энциклопедия. М. Т. 7. С. 240–243.

*Некоторые данные об источниках по истории монгольской политики папства. Прилож.: *публ.* «Послание хана Абаки папе Клименту IV» / Пер. И.В. Шталь // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. ст. к 70-летию А.А. Новосельского. М. С. 209–213.

Против фальсификации истории нашей Родины немецкими реваншистами. М. 32 с. (совм. с В.И. Саловым, А.Л. Хорошкевич).

Рец.: Новый труд о выдающемся русском дипломате (*Шостакович С.В.* Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова. М., 1960. 294 с.) // ИСССР. № 4. С. 184–186.

Рец.: Создать полноценный учебник по истории Литвы (*Юргинис Ю.* История Литовской ССР: Учебник для средних школ. 3-е изд. Каунас, 1960. 188 с.) // Коммунист. № 18. С. 109–112 (совм. с Р. Шармайтисом).

То же. На рус. яз.: Коммунист. Вильнюс, 1962. № 1. С. 72–76; на лит. яз.: Tiesa. Vilnius, 1962. Sansio 10; Tarybinis mokytojas. Vilnius, 1962. Sansio 14.

Рец. на кн.: Winter E. Russland und das Papsttum. Berlin, 1960. Bd. 1. 375 S. // ИСССР. № 1. С. 216–221.

Ред.: Международные связи России до XVII в.: Сб. ст. М. 580 с. (совм. с А.А. Зиминым); От редакции. С. 3–6.

1962

Истоки немецкой неофашистской концепции истории России // ВИ. № 10. С. 61–79.

О мнимой соборности Древней Руси // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма: Сб. ст. М. С. 162–214.

Чингисхан и его наследие // ИСССР. № 5. С. 92–119 (совм. с Н.Я. Мерпертом, Л.В. Черепниным).

То же. На рум. яз.: In: Probleme de istorie. Bucureşti, 1963. № 3. P. 155–206.

Russland und Europa // Auf den Spuren der «Ostforschung». Eine Sammlung von Beiträgen. Leipzig. S. 1–39 (совм. с В.П. Саловым).

Wladymir Nikolajew Piercew, 1877–1960: [Некролог] // Rocznik Białostocki. Białystok. T. 3. S. 560–561.

Рец. Ценный труд по истории Эстонии (История Эстонской ССР: В 3-х т. Таллин, 1961. Т. 1. С древнейших времен до середины XIX в. 955 с.) // Советская Эстония. 17 мая (совм. с Н.И. Павленко, В.К. Яцунским).

Ред.: Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма: Сб. ст. М. 429 с. (совм. с Л.В. Черепниным, М.М. Штранге); Предисловие. С. 3–6.

Ред.-консультант: Кончаловская Н. Наша древняя столица: Картины из прошлого Москвы. М. 320 с.

1963

Аграрный вопрос в современных буржуазных концепциях истории России периода феодализма // Тез. докл. и сообщ. VI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в г. Вильнюсе (сентябрь 1963 г.). Вильнюс. С. 25–26.

*Рифмованная хроника как источник по русской истории // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова. М. С. 102–108.

Средневековая Русь в советской художественной литературе // ИСССР. № 1. С. 83–118.

Russland und Europa // Auf den Spuren der «Ostforschung». Eine Sammlung von Beiträgen. 2 verb. Ausg. Leipzig. S. 1–39 (совм. с В.И. Саловым).

Рец. на кн.: История Эстонской ССР: В 3-х т. Таллин, 1961. Т. 1. С древнейших времен до середины XIX в. 955 с. // ВИ. № 3. С. 132–138 (совм. с Н.И. Павленко, В.К. Яцунским).

1964

Аграрный вопрос в России в освещении современной буржуазной историографии // ВИ. № 7. С. 88–105.

Возрожденный Рублев. [Послесловие к сценарию А. Кончаловского, А. Тарковского «Андрей Рублев»] // Искусство кино. № 5. С. 159–160.

*Голодные годы в Древней Руси // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск. С. 61–94.

То же. На фран. яз.: In: Annales: Economies. Societés. Civilisations. Paris, 1970. № 1. P. 185–199.

«Дранг нах Остен» // Советская историческая энциклопедия. М. Т. 5. Стб. 322–325.

История СССР: Учебное пособие для ист. фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов / Отв. ред. Л.В. Черепнин. 2-е изд. перераб. и доп. М. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г. Первобытно-общинный и рабовладельческий строй. Период феодализма. Гл. 4, § 3–5. С. 115–121; § 7–10. С. 123–134 (совм. с Л.В. Черепниным); Гл. 5, 6. С. 135–180.

О достоверности художественной историографии. [В связи с откликом А.К. Югова на статью автора «Средневековая Русь в советской художественной литературе» (История СССР. 1963. № 1)] // ИСССР. № 4. С. 231–235.

*Послания Гедимина как исторический источник // Исследования по отечественному источниковедению. Сб. ст., посвященный 75-летию С.Н. Валка. М.; Л. С. 463–473 (Тр. ЛОИИ. Вып. 7).

Признаки феодализма и призраки прошлого: к критике взглядов буржуазных историков на формы существования феодализма на Руси // ИСССР. № 2. С. 188–204.

Baltijas jautājums (līdz XVI gs.) J. Zuša darbos // Akademiķis Janis Zutis. Rīgā, 1pp. 151–156.

Die Ostforschung wird reorganisiert // Informationen über die imperialistische Ostforschung. Berlin. Jg. 4. № 4. S. 1–13.

Ред.: Винтер Э. Папство и царизм. М. 533 с. (совм. М.М. Шейнманом); Предисловие. С. 5–16 (совм. с М.М. Шейнманом).

Отв. ред.: Шушарин В.П. Современная буржуазная историография Древней Руси. М. 304 с.

1965

*Древнерусское государство и его международное значение. М. (совм. с А.П. Новосельцевым, Л.В. Черепниным, Я.Н. Щаповым, В.П. Шушариным). Черты политического строя Древней Руси; Особенности структуры Древнерусского государства. С. 11–127; Предисловие. С. 3–8.

В национальном комитете историков Советского Союза // ВИ. № 3. С. 165–166 (совм. с М.П. Кимом).

Верность исторической правде // Известия. 2 марта (совм. с Е. Стасовой, А. Карповой и др.).

Эволюция исторической мысли в середине XX в.: Доклад, прочитанный на XII Междунар. конгрессе ист. наук в Вене (сентябрь 1965 г.) // ВИ. № 12. С. 3–10 (совм. с М.В. Нечкиной, Е.Б. Черняком).

То же. На англ. яз.: In: XIIe Congrés international des sciences historiques. Rapports. Wien, 1965. T. IV. P. 57–67; на нем. яз.: In: Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge. Berlin, 1966. № 5. S. 517–526.

Tanulmànyozzàtok a történelment és az életet. V.T. Pasuto professzor nyilatkozata Magyarorszàgról, a tudomànyos életröl, üzenete a magyar egyetemistaknak. [Изучайте историю и жизнь по первоисточникам: Интервью проф. В.Т. Пашуто газете Будапештского ун-та] // Egyetemi Lapok. Budapest, 4 dec.

Рец. на кн.: Jurginis J. Baudžiavos įsigalėjimas Lietuvoje. Vilnius, 1962. 344 p. // Acta Baltico-Slavica. Białystok. T. 2. S. 450–454 (совм. с М. Ючасом).

Ред.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 476 с. (совм. с Л.В. Черепниным).

Отв. ред.: Улащик Н.Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. М. 479 с.

1966

*Gedimino laiškai / Parengë V. Pašuta ir I. Štal. Vilnius, 199 p. [Послания Гедимина / Подготовили В.Т. Пашуто и И. Шталь][2].

Гродно в хронике Петра Дусбурга // Культура Древней Руси: Посвящается 40-летию научной деятельности Н.Н. Воронина: Сб. ст. М. С. 191–192.

О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России: Сб. ст. памяти Н.В. Устюгова. М. С. 93–98.

---

[2] В настоящем томе публикуются оригиналы текстов и переводы на русск. яз.

«Остфоршунг» перестраивается // Критика западногерманского «Остфоршунга». М. С. 141–150.

*Половецкое епископство // Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Festschrift für E. Winter zum 70. Geburstag. Berlin. S. 33–40.

Принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики // Коммунист. № 4. С. 72–79 (совм. с В. Саловым, Л. Черепниным).

Консультант: Кончаловская Н.П. Наша древняя столица: Картины из прошлого Москвы. М. 320 с.

1967

Борьба русского народа против иноземных рыцарей // Детская энциклопедия. 2-е изд. М. Т. 8. С. 232–235.

*Внешняя торговля Древней Руси до середины XIII в. // ИСССР. № 3. С. 81–108 (совм. с А.П. Новосельцевым).

1968

Внешняя политика Древней Руси. М. 472 с.

Борьба народов нашей страны за независимость в XIII–XV вв. // Страницы боевого прошлого: Очерки военной истории России. М. С. 8–36.

Древняя Русь и Венгрия // Славяне и Русь: К 60-летию акад. Бориса Александровича Рыбакова. М. С. 345–351.

Профессор Г. Штёкль размышляет об уроках истории: анализ работ западногерманского историка // ВИ. № 8. С. 30–48.

Русско-польские взаимоотношения (с середины XI в. до монгольского нашествия) в связи с политикой Германской империи // Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения. М. С. 15–27.

Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // IV Всесоюзная конференция по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 1968 г.: Тез. докл. Ч. 1. Петрозаводск. С. 176–177 (Ротапр.).

Эволюция политического строя Руси X–XIII вв. // L'Europe aux IXe–Xe siècles. Varsovie. P. 241–247.

Det gamle «Rus» og skandinaverne // Fakta om Sovjetunionen. København. № 22. S. 13–14, 25.

Vikingarnas roll i Ryssland? // Nyheter från Sovjet Unionen. Stockholm. № 23, 25–IX. S. 13–14.

Рец.: В ущерб истине: По поводу книги о русском вече [*Zernack K.* Die burgstädtischen Versammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung der Veče. Wiesbaden, 1967. 318 S.] // ИСССР. № 5. С. 235–237.

Рец.: Новый славяно-балтийский ежегодник (Acta Baltico-Slavica. Białystok, 1964. Т. 1. 277 s.; 1965. Т. 2. 534 s.; 1966. Т. 3. 196 s.; 1966. Т. 4. 259 s.) // СС. № 1. С. 100–103 (совм. с М.А. Ючасом).

1969

Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в XIII–XV вв. // ВИ. № 6. С. 112–129; № 7. С. 109–128.

[Выступления в прениях] // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М. С. 96–98, 306.

О плане научн.-исслед. работы Сектора истории древнейших государств на территории СССР в связи с основными направлениями науч.-исслед. работы Ин-та истории СССР на 1971–1975 гг. // ИСССР. № 6. С. 19–21.

Особенности этнической структуры Древнерусского государства // Acta Baltico-Slavica. Białystok. Т. 6. S. 159–174.

Brief von V.T. Pašuto an H. Ludat (Zum Problem der altrussischen Veče) // JGO. Wiesbaden. Bd. 17. Hf. 1. S. 77–81.

Рец.: Труд польского историка о первом столетии русской церкви (*Poppe A.* Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968. 252 s.) // СС. № 6. С. 78–80.

1970

Марксистско-ленинский принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма: Сб. ст. М. С. 39–63 (совм. с В.И. Саловым, Л.В. Черепниным).

Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М. С. 204–221.

*Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сборник. Таллин. Т. 15. С. 51–62.

[Сообщение В.Т. Пашуто и Е.П. Подъяпольской о материалах привезенного ими в Москву архива чешского слависта А.В. Флоровского] // ВИ. № 3. С. 160–161.

Was wird im Westen gelehrt? Die Darstellung der Geschichte Russlands und der Sowjetunion in westdeutschen Lehrbüchern // Jahrbücher für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin. Bd. 14/2. S. 79–106.

1971

План-проспект Корпуса древнейших источников по истории народов СССР: Материалы для обсуждения. 21 с. (Ротапр.).

Реваншисты — псевдоисторики России. М., 160 с.

Вопросы истории СССР на XIII Международном конгрессе историков (Москва, август 1970 г.) // ИСССР. № 1. С. 3–22 (совм. с Ю.А. Поляковым).

Забуте повідомлення про рабство у червонарусів (XI–XII ст.) // УІЖ. № 3. С. 86–89 (совм. с И.В. Шталь).

Норманнский вопрос в свете летописной традиции о племенах и княжениях // V Всесоюзная конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. Москва, 1971: Тез. докл. М. С. 45–47. (Ротапр.).

Памяти Ежи Антоневича // СС. № 3. С. 126.

Послание папы Иннокентия IV князю Александру Невскому // Studia historica in honorem Hans Kruus. Tallinn. С. 133–140 (совм. с В.И. Матузовой).

Проблемы истории Древней Руси (В связи с итогами XIII Междунар. конгресса ист. наук в Москве) // Средние века. М. Вып. 34. С. 72–76.

Советский археограф С.А. Аннинский // Археографический ежегодник за 1969 год. М. С. 179–183.

Чему их учат (История России в учебниках ФРГ) // ВИ. № 4. С. 68–85.

Рец.: К выходу в свет сборников «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы». Вып. 1, 2. М., 1964–1969 // ИСССР. № 4. С. 202–203 (совм. с А.П. Новосельцевым).

1972

*Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М. (совм. с А.П. Новосельцевым, Л.В. Черепниным). Страны Прибалтийского региона. С. 252–301; Предисловие. С. 3–8.

Место Древней Руси в истории Европы // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. ст., посвященный Л.В. Черепнину. М., С. 188–200.

Отв. ред.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. ст., посвященный Л.В. Черепнину. М., 439 с.; Предисловие: Ученый-патриот. С. 5–6.

Отв. ред.: *Jučas M.* Baudžiavos irimas Lietuvoje. Vilnius, 319 p.

1973

За творческое содружество историков и писателей // ВИ. № 4. С. 191–195.

Некоторые общие вопросы летописного источниковедения // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. М. Вып. 1. С. 64–77.

Новое в изучении Древней Руси // Преподавание истории в школе. № 5. С. 15–21.

Памятники прошлого в мире настоящего // Методические рекомендации по подготовке Свода памятников истории и культуры СССР. М. Вып. 5. С. 57–62 (Ротапр.).

Цели и задачи издания Корпуса древнейших источников по истории народов СССР // Корпус древнейших источников по истории народов СССР: Материалы совещания археографов-медиевистов РСФСР 11–12 апреля 1972 г. М., С. 8–16 (Ин-т истории СССР АН СССР). [Реплика по ходу прений]. С. 42. (Ротапр.); Там же. Заключительное слово. С. 111–115.

Писатель и историк: Содружество необходимо // Литературная Россия. 3 авг. С. 15.

Рец.: К выходу в свет «Гісторыі Беларускай ССР». Минск, 1972. Т. 1. 632 с. // ИСССР. № 2. С. 159–165 (совм. с В.Д. Королюком, М.А. Ючасом).

Ред.: Корпус древнейших источников по истории народов СССР: Материалы совещания археографов-медиевистов РСФСР 11–12 апреля 1972 г. М., 129 с. (совм. с Я.Н. Щаповым) (Ротапр.).

1974

Александр Невский. М., 160 с.

Иллюстрированная история СССР: Первые страницы истории. М. С. 9–10; Феодализм. С. 13–137.

Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси // Польша и Русь: Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М. С. 9–17.

Итоги и задачи изучения истории древнейших государств нашей страны // ИСССР. № 2. С. 71–93 (совм. с А.П. Новосельцевым, И.С. Чичуровым, Я.Н. Щаповым).

Корпус древнейших источников по истории народов СССР // ВИ. № 7. С. 49–54 (совм. с Б.А. Рыбаковым).

*Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973 г.: Посвящен памяти А.Н. Насонова: Сб. ст. М., С. 103–110.

О Корпусе древнейших источников по истории народов СССР: (Материалы и исследования). М. 12 с. (совм. с Б.А. Рыбаковым) (Ротапр.).

Algirdas // Encyclopaedia Britannica. 15th ed. Chicago. Vol. 1. Col. 572–573.

Сохранить для науки, для истории // Голос Родины. № 7 (1787). Янв. С. 4–5.

Рец.: К спорам о достоверности жития (*Дмитриев Л.А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973; *Лурье Я.С.* О некоторых принципах критики источников // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 78–100; *Он же.* Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 464–475; *Он же.* Критика источника и вероятность известия // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 121–126; *Он же.* К изучению летописного жанра // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 74–93) // ИСССР. № 6. С. 208–209.

Отв. ред.: Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском: Историко-текстологическое исследование. М., 291 с.

1975

Александр Невский. 2-е изд., испр. М. 160 с.

То же. На молд. яз.: Кишинэу, 1982. 192 с.

The Formation of the Russian Centralized State Viewed from a Comparative-Historical Aspect (XVI–XVII cent.). San Francisco, 32 p. (XIVth Intern. congress of historical sciences) (совм. с Л.В. Черепниным).

То же. На нем. яз.: Die Herausbildung des zentralisierten russischen Staates in historisch-vergleichender Sicht (16.–17. Jh.) // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin, 1977. Bd. 21/2. S. 131–144; на англ. яз.: In: The Comparative Historical Method in Soviet Mediaeval Studies. M., 1979. P. 96–112 (Social sciences today); на фр. яз.: In: Méthode historique comparative dans les études médiévales en URSS. M., 1980. P. 139–163 (Sciences sociales aujourd'hui); на нем. яз.: In: Die historisch-vergleichende Methode in der Sowjetischen Mediävistik. M., 1980. S. 134–156 (Gesellschaftswissenschaften und Gegenwart).

Борьба русского народа против немецких рыцарей // Детская энциклопедия. 3-е изд. М. Т. 8. С. 214–216.

К семидесятилетию академика Л.В. Черепнина // ИСССР. № 2. С. 224–228 (совм. с Н.М. Дружининым).

К семидесятилетию Л.В. Черепнина // Общество и государство феодальной России: Сб. ст., посвященный 70-летию акад. Л.В. Черепнина. М. С. 3–8 (совм. с Н.М. Дружининым).

Назревшие проблемы типологии древнейших государств нашей страны // Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования. М. С. 90–106 (совм. с А.П. Новосельцевым, Я.Н. Щаповым).

Рец. на кн.: Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974. 638 с. // ВИ. № 5. 161–165.

То же. На фр. яз.: Sciences sociales. M. № 2. P. 292–296; на англ., нем., исп. яз.

Рец. на кн.: Tumins V.A. Tsar Ivan IV' reply to Y. Rokyta. The Hague; Paris; Hague, 1971 // Russia mediaevalis. München. T. 2. S. 202–203 (совм. с Б.Н. Флорей).

Ред.: Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 302 с. (совм. с Л.Г. Бескровным, В.А. Кучкиным).

Отв. ред.: Общество и государство феодальной России: Сб. ст., посвященный 70-летию акад. Л.В. Черепнина). М., 351 с.; Предисловие. С. 1–2.

Отв. ред.: Batura R. Lietuva tautų, kovoje prieš Aukso Ordą. Vilnius. 383 p.

1976

Корчула: Корчульский статут как исторический источник изучения общественного и политического строя острова Корчула XIII в. М., 207 с. (совм. с И.В. Шталь).

Древняя Русь и Австрия // Ost-West-Begegnung in Österreich. Festschrift für Eduard Winter zum 80. Geburtstag. Wien; Köln; Graz. S. 235–239.

Закономерности и особенности развития феодализма в России (до XIII в.): (Краткое излож. докл. на 5-м симпозиуме финских и советских историков). Тампере, 1–3 дек. 1975 г. // ВИ. № 4. С. 188–189.

То же // ИСССР. № 4. С. 234.

Подготовка к изданию Корпуса древнейших источников по истории народов СССР: (Ответы на вопросы редакции о работе сектора) // ИСССР. № 1. С. 223–226.

[Пражский архив П.А. Остроухова: Краткое изложение доклада на совместном заседании сектора и Археографической комиссии] // Археографический ежегодник за 1975 год. М. С. 358.

Проблемы общественно-политической истории феодальной России в новейшей историографии // ВИ. № 4. С. 25–48 (совм. с В.Д. Назаровым, Л.В. Черепниным).

Die Korčulaer Inselgemeinde // Congrès international consacré à l'histoire comparative des Communautés rurales. Varsovie, 25–30 mai 1976. Varsovie. Résumé. № 123.

Die politischen Wechselbeziehungen zwischen der Rus', Litauen und Deutschland im 13. Jh. // Russisch-deutsche Beziehungen von der Kiever Rus' bis zur Oktoberrevolution. Berlin. S. 69–105.

Рец. на кн.: История Белорусской ССР. Минск. Т. 1–5. 1972–1975 // ИСССР. № 6. С. 180–183 (совм. с А.В. Никоновым).

Рец.: «Се бо суть реки, напаяюще вселенную...» (*Буганов В.И.* Отечественная историография русского летописания. М., 1975. 344 с.) // Новый мир. № 8. С. 272–274.

Ред.: Древнейшие источники по истории народов СССР: Тематика и состав выпусков по Европейскому региону (Материалы для обсуждения). М., Вып. 1. 55 с. (совм. с Я.Н. Щаповым) (Ротапр.).

Отв. ред.: Даркевич В.П. Аргонавты средневековья. М. 200 с.; От редактора. С. 3–4.

Отв. ред.: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1975 г. М. 212 с.

1977

Иллюстрированная история СССР. 2-е изд. М., Первые страницы истории. С. 7–9; Феодализм. С. 13–139.

То же в сокр. варианте на нем., англ., фр. яз.

*Корчула и Сааремаа (Опыт сравнения статутов) // Международные отношения и внешняя политика СССР: История и современность. М. С. 230–239.

Культура Великого княжества Литовского // ВИ. № 4. С. 94–117 (совм. с Р.К. Батурой).

Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. 2-е изд., перераб. и доп. М. С. 210–227.

Научный журнал и творческий поиск ученых (Журнал «История СССР» 1957–1976 гг. // Коммунист. № 7. С. 121–124 (совм. с А.М. Самсоновым, В.М. Селунской).

Предисловие // Проблемы социально-экономической истории СССР: Сб. ст. М. Вып. 1. С. 5–7 (совм. с Ю.А. Поляковым) (Ротапр.).

Ethnische Vielfalt und Klassenkampf in der Alten Rus' // Klassenkampf und revolutionäre Bewegung in der Geschichte Russlands von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution. Berlin. S. 17–30.

Feodalismin kehityksen lainmukaisuudet ja erityispiirteet Venäjällä (ennen 1600-lukua) // Eripainos. Historiallinen Arkisto (Julkaissut Suomen Historiallinen Seura, 72). Helsinki. S. 22–39.

Ред.: Великий Октябрь и всемирно-исторический прогресс: Московская конференция молодых ученых, посвященная 60-летию Вели-

кой Октябрьской социалистической революции, 25–27 окт. 1977 г. Тез. докл. М. 249 с. (Ротапр.).

Ред.: Klassenkampf und revolutionäre Bewegung in der Geschichte Russlands von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution. Berlin. 335 S. (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas. Bd. 23).

Отв. ред.: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи: Тексты, перевод, комментарии (Древнейшие источники по истории народов СССР). М. 276 с.; От редактора. С. 5–6.

1978

Новое в исследовании истории нашей Родины. М. 64 с. (совм. с В.Д. Назаровым, Л.В. Черепниным).

О Своде древнейших источников по истории народов Прибалтики // Материалы межреспубл. науч. конференции по источниковедению и историографии народов Прибалтийских республик Союза ССР: Источниковедение. Вильнюс. С. 3–15 (совм. с С.Х. Вахтре, Т.Я. Зейдсом, М.Ю. Ючасом).

Образование Русского централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте. XVI–XVII вв. // ВИ. № 2. С. 41–53 (совм. с Л.В. Черепниным).

Основные проблемы изучения истории СССР периода феодализма // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Дооктябрьский период. М. Вып. 2. С. 5–40 (совм. с В.Д. Назаровым, Л.В. Черепниным). Международные отношения России. X–XX вв. // Там же. С. 93–123 (совм. с Л.Г. Бескровным, В.А. Емецем, А.Л. Никифоровым, А.В. Станиславской, А.Л. Хорошкевич).

Памяти старшего друга: О Льве Владимировиче Черепнине // ИСССР. № 1. С. 144–156 (совм. с В.Д. Назаровым).

Пути изучения истории Древней Руси // Будущее науки: Перспективы. Гипотезы. Нерешенные проблемы. М. Вып. 11. С. 276–285.

О временах добылинных (Интервью Ю. Андреотти) // Правда. 26 апр.

Gesetzmässigkeiten und Besonderheiten der Entwicklung des Feudalismus in Russland bis zum 17. Jh. // Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus. Berlin. Bd. 1. S. 121–134.

Рец.: Убеждения и предубеждения (*Nolte H.-H.* «Drang nach Osten». Sowjetische Geschichtsschreibung der deutschen Ostexpansion. Frankfurt-a.-M., 1976. 270 S.) // ИСССР. № 3. С. 200–202.

Ред.: Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества: Тез. докл. и сообщ. XVII сессия симпозиума по

изучению проблем аграрной истории. Ростов-на-Дону, 21–25 сент. 1978 г. М. 211 с. (Ротапр.).

Ред.: Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории: Сб. ст. М. 146 с.; Предисловие. С. 3–5 (Ротапр.).

Отв. ред.: Дудзинская Е.А. Международные научные связи советских историков. М. 290 с.; От редактора. С. 3.

Отв. ред.: Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР: Сб. ст. М. 206 с.; От редактора. С. 3–7.

Отв. ред.: Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М. 240 с. (Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1979 г.).

1979

Антикоммунизм в школьных учебниках ФРГ // ВИ. № 12. С. 52–65 (совм. с В.И. Саловым).

[Выступление на заседании «круглого стола» в редакции по теме: «Предмет и метод истории культуры», январь 1979 г.] // ИСССР. № 6. С. 129–130.

О Своде древнейших источников по истории народов Прибалтики // ВИ. № 8. С. 151–155 (совм. с С.Х. Вахтре, Т.Я. Зейдсом, М.А. Ючасом).

The Place of Ancient Rus in the History of Europe // The Comparative Historical Method in Soviet Mediaeval Studies. M. P. 40–66 (Social science today).

То же. На нем. яз.: In: Die historisch-vergleichende Methode in der sowjetischen Mediävistik. M., 1980. S. 56–92 (Gesellschaftswissenschaften und Gegenwart); на фр. яз.: In: Méthode historique comparative dans les études médiévales en URSS. M., 1980. P. 60–97 (Sciences sociales aujourd'hui).

Профессия фоторежиссер [Участие в дискуссии] // Советское фото. № 2. С. 26.

Интервью газете по поводу 400-летия Вильнюсского гос. ун-та // Tiesa. 25 сент.

Рец.: У истоков древнерусского права (*Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. 291 с.) // Новый мир. № 8. С. 280–282.

Ред.: Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода: Сб. ст. М. 198 с. (совм. с С.О. Шмидтом); Предисловие. С. 3–5 (Ротапр.).

Отв. ред.: Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий (Древнейшие источники по истории народов СССР). М. 268 с.

Отв. ред.: The Comparative Historical Method in Soviet Mediaeval Studies. M., Social sciences today. 152 p. (Problems of the Contemporary World).

То же. На нем. яз.: M., 1980. 205 S.; на фр. яз.: M., 1980. 210 p.

1980

Значение истории преимущественно в школьном преподавании для формирования человека XX в. М. 64 с. (XV Междунар. конгресс ист. наук. Материалы). Ч. 1. С. 1–31; Ч. 2. С. 32–64 (Ротапр.).

То же. Ч. 1 (полностью); Ч. 2 (сокращ.) // ВИ. № 6. С. 62–77; на англ. яз.: In: Social Sciences. Vol. 11. № 3. P. 67–81; Rapports de IVe Congrés international des sciences historiques. Bucureşti. Vol. 1. P. 437–456; на нем. яз.: [Ч. 2] с сокр. — Общественные науки и современность. № 3. С. 79–97; на фр. яз.: Sciences sociales. № 3. P. 74–91.

«И въскипе земля Руская…»: К 600-летию Куликовской битвы // ИСССР. № 4. С. 66–91.

Иллюстрированная история СССР. 3-е изд. М. Первые страницы истории. С. 7–9; Феодализм. С. 12–139.

То же. На словац. яз.: In: Ilustrované dejiny ZSSR. Bratislava. S. 7–10, 13–139.

[Интервью о совместном советско-польском издании Литовской Метрики] // Życie Warszawy. 27–28 grudzień.

Исследования по истории СССР периода феодализма // Советская историческая наука в 1975–1979 гг. М. С. 9–22 (Ротапр.).

То же. На чеш. яз.: In: Československý časopis historický. Roč. 28. Z. 4. S. 594–602.

Кино и отечественная история // Искусство кино. № 2. С. 30–37.

Поборник научного историзма (О Л.В. Черепнине) // Русское централизованное государство: Образование и эволюция. XV–XVIII вв. Чтения, посвященные памяти акад. Л.В. Черепнина. Тез. докл. и собщ. Москва, 26–28 нояб. 1980 г. М. С. 5–6 (Ротапр.).

Симпозиум по истории Древней Руси (Об интернациональном симпозиуме в Галле) // ВИ. № 11. С. 153–155.

Во славу Отчизны (К выдвижению гр. Л.В. Черепнина на соискание Государственной премии СССР) // Правда. Октябрь (совм. с Б.Б. Пиотровским).

Ред.: Древнейшие источники по истории народов СССР. Тематика и состав выпусков: (Материалы для обсуждения). М. Вып. 2. 40 с. (совм. с Я.Н. Щаповым) (Ротапр.).

Ред.: Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. 1979 г. М. 277 с.; Предисловие. С. 3–4.

Отв. ред.: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1979 г. М. 269 с.; От редактора. С. 3–4.

Отв. ред.: Ленинский кооперативный план и современная деревня. Материалы XVII сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Ростов-на-Дону, 1978 г. Ростов-на-Дону. 223 с.

Отв. ред.: Русское централизованное государство: Образование и эволюция. XV–XVIII вв. Чтения, посвященные памяти акад. Л.В. Черепнина. Тез. докл. и сообщ. Москва, 26–28 нояб. 1980 г. 125 с. (Ротапр.).

Отв. ред.: Советов П.В. Развитие феодализма и крестьяне Молдавии: Очерки истории ренты в XVI — начале XVIII в. Кишинев. 288 с.; От редактора. С. 3–4.

Отв. ред.: Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи: Материалы XVII сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Ростов-на-Дону. 1978 г. Ростов-на-Дону. 295 с.; Предисловие. С. 3–4.

Отв. ред.: Социально-политический и культурный облик деревни в его историческом развитии: XVIII сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тез. докл. и сообщ. Воронеж, 25–29 сент. 1980 г. Воронеж. Вып. 1. 135 с.; Вып. 2. 137 с.

Отв. ред.: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., 1980. 215 с. (Древнейшие источники по истории народов СССР).

1981

[Интервью об итогах XV МКИН] // Magazin istoric. Bucureşti. № 2. P. 18.

Итоги и проблемы изучения внешней политики Русского государства с древнейших времен до начала XVII в. // Итоги и задачи изучения внешней политики России. М. С. 8–85.

Москва: Иллюстрированная история (Подарочное издание). Т. 1. С древнейших времен до 1917 г. М.

Некоторые проблемы отечественной истории и преподавания истории в школе на XV Международном конгрессе исторических

наук // ИСССР. № 5. С. 115–130 (совм. с Ю.А. Поляковым, С.С. Хромовым).

Образование Русского централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте. XVI–XVII вв. // *Черепнин Л.В.* Вопросы методологии исторического исследования: Теоретические проблемы истории феодализма: Сб. ст. М. С. 149–161 (совм. с Л.В. Черепниным).

Поборник научного историзма (О Л.В. Черепнине) // Там же. С. 5–11.

Совместная публикация советских и польских историков (По поводу издания Литовской Метрики) // ВИ. № 2. С. 158–160 (совм. с А.Л. Хорошкевич).

Moskau als das dritte Rom (Biblio- und Historiographie der Frage) // Da Roma alla terza Roma. Relazioni e comunicazioni. Roma. P. 123–153.

То же. На итал. яз.: In: Da Roma alla terza Roma. Documenti e studi. Roma. P. 459–473.

Stand, Perspektiven und Wege der Erforschung der Geschichte der Kiever Rus // Gesellschaft und Kultur Russlands im frühen Mittelalter. Halle (Saale). S. 42–57.

Рец.: Новый труд историков ГДР (*Straube F., Zeil W.* Geschichte Russlands. 1789–1861. Berlin, 1978. 243 S.) // ИСССР. № 1. С. 205–206.

Отв. ред. Вопросы источниковедения и историографии СССР: Дооктябрьский период. Сб. ст. М. 203 с.; Предисловие. С. 3–5 (Ротапр.).

Отв. ред.: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1980 г. М. 238 с.; От редактора. С. 3–4.

Отв. ред.: Москва: Иллюстрированная история. М. Т. 1. С древнейших времен до 1917 г. 478 с.

Отв. ред.: Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования: Теоретические проблемы истории феодализма: Сб. ст. М., 280 с.; От редакции. С. 3–4.

1982

Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М.: Возрождение Великороссии и судьбы восточных славян. С. 7–68; От авторов. С. 5–6; Заключение. С. 239–240 (совм. с А.Л. Хорошкевич, Б.Н. Флорей).

[Выступление на XV МКИН] // Congrés international des sciences historiques. Actes. Vol. IV(1). Bucarest. P. 111–114.

Б.Д. Греков как ученый и общественно-политический деятель: К 100-летию со дня рождения // ИСССР. № 1. С. 81–86.

Б.Д. Греков как ученый и общественно-политический деятель // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения акад. Б.Д. Грекова. М. С. 4–11.

Давньоруська спадщина и історична доля східного слов'янства // УІЖ. № 4. С. 77–87.

Исследования по социально-экономической и внутриполитической истории СССР периода феодализма // Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М. С. 356–380 (совм. с А.А. Преображенским).

Исследования по истории внешней политики России. X — начало XX в. // Там же. С. 422–472 (совм. с А.Л. Хорошкевич, Г.А. Саниным, Л.А. Никифоровым, О.В. Орлик, В.М. Хевролиной, А.В. Игнатьевым).

Историческое значение Куликовской битвы // Сказания и повести о Куликовской битве. Л. С. 262–290.

Литература и история: Пути творческого содружества // Литературное обозрение. № 7. С. 12–17.

По поводу книги И.Я. Фроянова «Киевская Русь: Очерки социально-политической истории» // ВИ. № 9. С. 174–178.

Средневековая Русь в журнале «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas» // ВИ. № 4. С. 152–158.

Труд о великом наследии (На соискание Государственной премии СССР. Очерки русской культуры XIII–XVII вв. М. Т. 1–6. 1970–1979) // Советская культура. 13 июля.

Ziel und Aufgaben des «Corpus der ältesten Quellen zur Geschichte der Völker der UdSSR» // Klio. Leipzig, Bd. 64. № 2. S. 533–542.

Ред.: Молдавия в эпоху феодализма. Кишинев. 479 с.

Отв. ред. Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1980 г.; От редактора. С. 3–4.

Отв. ред. XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР: Социально-политическое развитие деревни: XIX сессия Всесоюз. симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тез. докл. и сообщ. Уфа, 30 сент. — 3 окт. 1982 г. Вып. 1–2. М. 253 с. (Ротапр.).

Отв. ред.: Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения акад. Б.Д. Грекова. М. 264 с.; От редактора. С. 3.

Отв. ред.: Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в истории Геродота. Текст, перевод, комментарий (Древнейшие источники по истории народов СССР). М. 455 с.

Отв. ред.: Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья: Сб. ст. М. 100 с. (Ротапр.).

Отв. ред.: Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. М. 184 с.; От редактора. С. 3–5.

Отв. ред.: Россия на путях централизации: Сб. ст. М. 296 с.; Предисловие. С. 3–5.

1983

Важный вклад в изучение истории советской культуры (исследования академика М.П. Кима) // Советская культура: История и современность. М. С. 5–22. (совм. с А.М. Самсоновым, В.Д. Есаковым, А.П. Ненароковым).

История России эпохи феодализма в учебнике Швеции // Преподавание истории в школе. № 5. С. 72–76 (совм. с Т.Н. Джаксон).

Международное значение Древней Руси // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Междунар. съезд славистов. Киев, сент. 1983 г. Докл. сов. делегации. М. С. 47–62.

Наследие Древней Руси // Наука в СССР. № 2. С. 22–29, 34–35.

Опыт периодизации истории русской дипломатии (ранний и развитой феодализм) // Общество, государство, право России и других стран Европы. Норма и действительность. Ранний и развитой феодализм: Чтения, посвященные памяти академиков С.Д. Сказкина и Л.В. Черепнина. Тез. докл. и сообщ. Москва, 25–27 окт. 1983 г. С. 5–8.

Фильм о русском богатыре (О фильме «Василий Буслаев») // Правда. 6 июня.

Отв. ред.: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1981 г. М. 232 с.

Отв. ред.: Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического: Тексты, пер., коммент. М. 94 с. (Древнейшие источники по истории народов СССР); От редактора. С. 5–7.

Отв. ред.: Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж. 270 с.; Предисловие. С. 3–5.

1984

Опыт периодизации истории русской дипломатии (ранний и развитой феодализм) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 г. М. С. 6–25.

Отв. ред.: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982 г. М. 263 с.

Отв. ред.: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1983 г. М. 252 с.

1985

Ziele, Aufgaben und erste Ergebnisse der Corpus der ältesten Quellen zur Geschichte der Völker der UdSSR // Jahrbuch für Geschiche der sozialistischen Länder Europas. Bd. 29. S. 217–232 (совм. с Е.А. Мельниковой).

Ред.: *Подосинов А.В.* Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. Тексты, перевод, комментарий. М. 287 с. (Древнейшие источники по истории народов СССР).

1992

Русские историки-эмигранты в Европе. М. 399 с.

Часть V

НЕИЗВЕСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ (к биографии В.Т. Пашуто)

Невыдуманные рассказы псевдоанонима Фильки о Пашуте*

КАК ПАШУТА У ЧУХОНСКИХ БУРЖУИНОВ ПИРОВАЛ

Поехал как-то Пашута в Чухляндию. И других мужиков и баб с собою повез. Известное дело, как в Чухляндию ездить. Денег ихних, чухонских, от казны грош на день дают, чтобы не совсем люмпенами себя ощущать. А буржуины тамошние, про то зная, что ни день на пир зовут. Накормим их, смекают, от пуза, и им грошовая ихняя жизнь на ярманках еще горше покажется.

А Пашута — гордый. На пиры ходит, а в рот ничего не берет. «Мне, — говорит, — мое здоровье не позволяет в сытости ходить». И ведь как обманул чухну. Сядут все на пир, а он встанет, глазом зыркнет да крикнет: «Ешь, мужики, лососину с моего плеча! Гуляй за мое здоровье!» Ну, мужики едят, Пашуту благодарят да славят. А хозяева глазами хлопают и сами себе гостями Пашутиными кажутся.

И ведь другой бы деньги потом за свое угощение требовал, чтобы на ярманках проживать. А Пашуте то делать доброта его не позволяла. Вернулись все из Чухляндии толстые, а Пашута еще тощее стал.

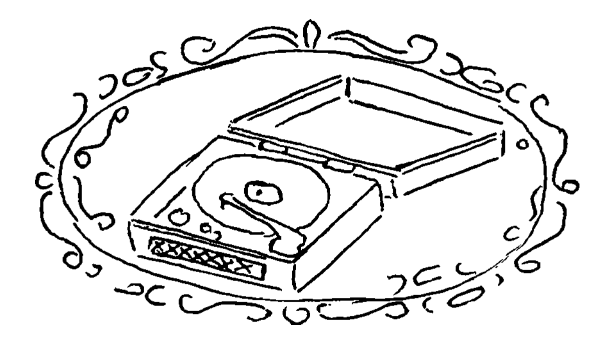
* Тексты обнаружены и подготовлены к печати В.Л. Яниным, рисунки — Н.И. Щавелевой.

КАК ПАШУТА ОТ ЧУХНЫ ПРАВОСЛАВНУЮ ВЕРУ ЗАЩИЩАЛ

Пришел Пашута в магазин чухонский, где дудками да гудками торгуют, и говорит: «Пупхен! Попхен?»[1]. Поняли его чухонские девки и к прилавку повели, а над прилавком на стене написано: «Поп-музыка». Стал Пашута по прилавку шарить, твисты и шейки перебирать. Смотрит — на пакете поп изображен бородатый, в камилавке. Сильно огорчился Пашута: «Что же вы, сволочи, службу нашу божественную с бесовскими игрищами совокупили?». И начал поклоны земные попу тому бить и на него лоб крестить троеперстно.

А девкам чухонским возмечталось, что он их танцу новомодному учит. И начали они вкруг его приседать задами, будто стул под собой ищут. И все, кто там был, кругом их обступили и в ладоши захлопали, как на большом празднике.

Потом Пашуту уговаривали: «Продай, Пашута, попа, а деньги чухонские за него выручишь — жене чего нужное купишь». А Пашута от того отрекся. «Духовное, — говорит, — на материальное не меняю, чтобы слава обо мне дурная не пошла». Так и бережет того попа на пакете. А скоро и проигрыватель купит.

[1] Уважаемая госпожа продавщица! Где в Вашем магазине находится отдел православной литургической музыки? (нем.)

Music

КАК ПАШУТА У ЧУХНЫ КУКЛУ ПОКУПАЛ

Пришел Пашута в другой чухонский магазин. Он, как деньги чухонские в кармане пересчитал, как раз на куклу пришлось. И говорит: «Пупхен! Пупхен?»[2]. А девка чухонская глазами своими белыми лупает и ничего не понимает. Стал тогда Пашута ее кинетической речью убеждать. Руки к груди приложил, одной водит широко, а другой узко, как бы на скрипке печальную мелодию играет. Это он вид делает, будто у него на руках младенец зашелся и он его в радостное чувство приводит. А чухонка стоит дура дурой и нивесть что думает. Тут на Пашутино счастье живого младенца в коляске мимо провезли. Стал Пашута в младенца пальцем тыкать и повторять: «Пупхен! Пупхен?» А чухонка заулыбалась, на Пашуту ласково посмотрела и говорит по-своему: «Какала ойкала»[3].

С тем Пашута и ушел.

[2] Уважаемая госпожа продавщица! Могу ли я приобрести в Вашем магазине сравнительно недорогую куклу? (нем.)

[3] Профессор Пашуто! Хватит ли у нас времени? (финск.)

КАК ПАШУТА ЗДОРОВЬЕ ПОПРАВЛЯЛ

Пришел раз Пашута к доктору здоровье поправлять. Доктор его со всех сторон выстукал и говорит: «У Вас один орган всех остальных болезненней, мы его в первую очередь лечить начнем». «Нет, — говорит Пашута, — органов у меня много. Можно сказать, их у меня в избытке. И всегда какой-нибудь слабее других окажется. Это, — говорит, — что же получится? Один орган вылечим — за другой приниматься придется? А заседать когда? Исцелися, — говорит, — сам!»

Так доктора убедил, что он теперь и других никого не лечит. Зато Пашута теперь сам лекарства скупает ото всех недугов, чтобы все какие у него ни есть органы в одно время крепить.

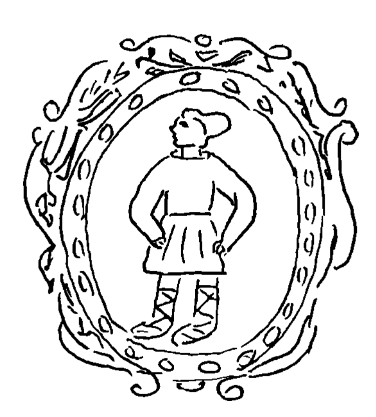
КАК ПАШУТА УМОМ ВСЕХ ЛЮДЕЙ ПРЕВЗОШЕЛ

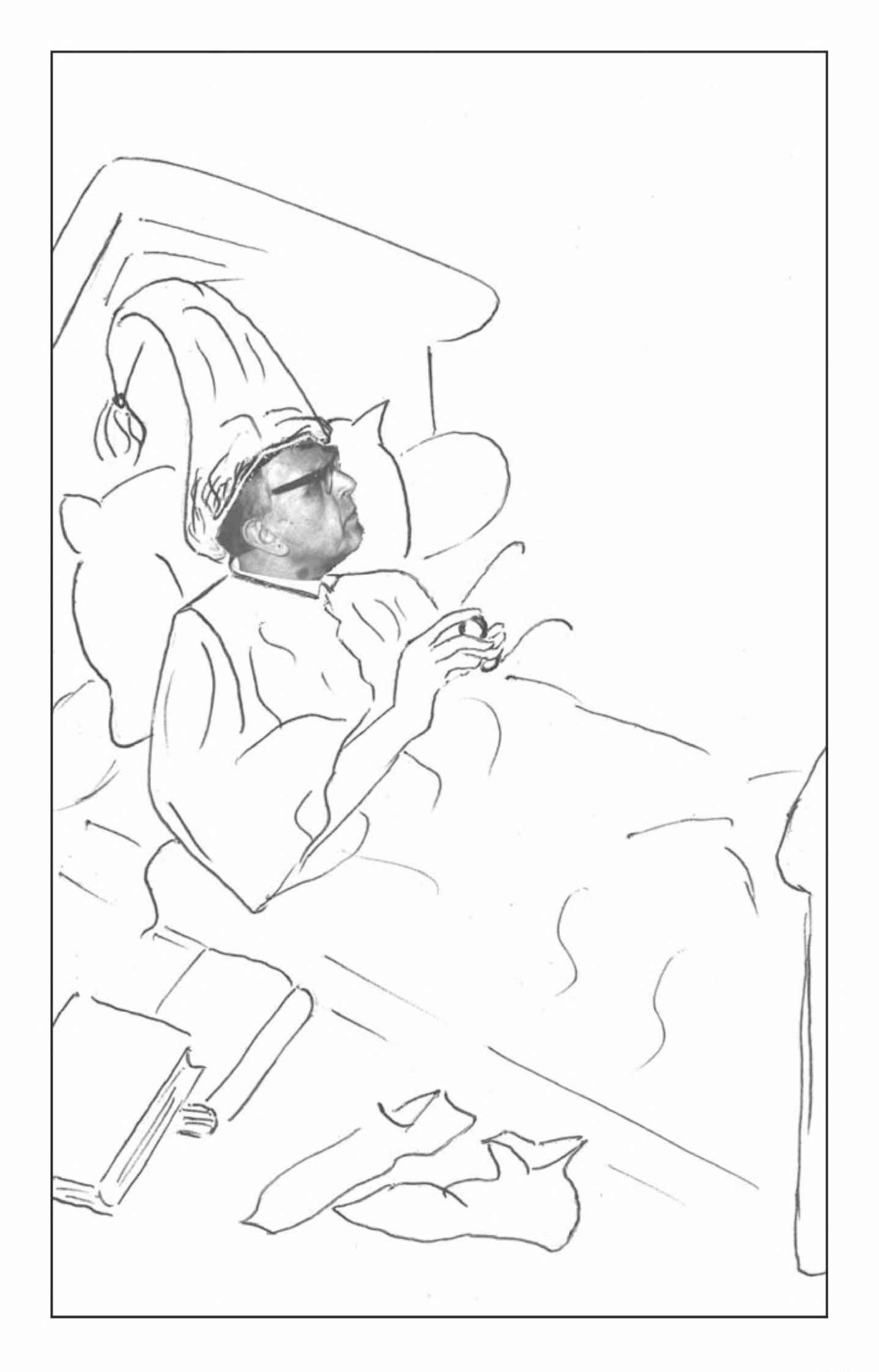
Голова у Пашуты очень умная. Он ею цельные дни думает про разные факты и обстоятельства, а также процессы и ихние закономерности. Известное дело — если с утра думать начать и весь день не останавливаться, к вечеру голова разогревается сильно, и из нее частичное испарение мыслительного вещества происходит. А ночью, наоборот, нежелательное охлаждение наступает.

И вот как-то решил Пашута цельный день про процессы вовсе не думать, а способ сыскать, как ночное переохлаждение побороть. И — конечно дело — додумался. Надо, сообразил, колпак теплый с вечера надевать и в нем спать, чтобы все вещество на месте оставалось.

Колпак-то немцы в Гамбурге изобрели, у нас его и не пользуют. Из ночных предметов на голову только что горшок надевают, да и то, когда дурной волос постричь надо поровнее. И стал Пашута по заграницам ездить и на всех ярманках нужного колпака добиваться. Даже за морем побывал, а только нигде ничего не добился. А отчего? Кто же кроме Пашуты думает по стольку? У других-то людей, что утром, что вечером, в голове градус один и тот же.

А Пашута тем доказал, что он всех прочих умнее.

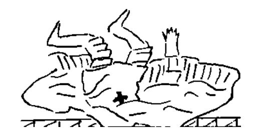

КАК ПАШУТА НЕМЦА ПОБИЛ

В те поры, как Пашута по дальним странам колпак теплый искал, надумал он у всех народов сознательность ихнюю обследовать. А сознательность через пищу определяется — кто чего ест, тот про то и думает. Швейцар, к примеру, заместо мяса сыр употребляет, и оттого со всеми соседями в мире живет. Смекнул Пашута — надо, дескать, где бываешь — ихнего привычного поесть и за собой смотреть, куда у тебя национальные мысли повернулись. Оттого — куда Пашута ни приедет, везде, как сядет за стол, у соседа выспрашивает: «Ты чего ешь? Дай попробовать!»

Так он доехал до Праги в Чешской земле. Сел за стол, выпытывает у сосоеда: «Ты чего ешь? Дай попробовать!» Тот говорит: «Мацу». Цельный год Пашута мацой питался, ничего другого в рот не брал. А через год дальше поехал — мацу по дороге доедал — и объявился в Париж-граде. В Париж-граде жара стояла. Ну, французы, чтобы охолонуть, игру придумали. «Ты, — говорят, — Пашута, за Александра Невского будешь, а мы против тебя немца ученого выставим за магистра, каток зальем, и вы с ним Ледовое побоище перед нами сыграйте».

Немец вышел в сапогах железных, начал на Пашуту ногами топать. А Пашута ему говорит: «Не дрожи каток, я тебя от этого отвикну!» Немец растерялся, стал каску свою рогатую поправлять. А Пашута его дразнит: «Не ковирай в носу, положи обратно!» Полез немец на Пашутин рожон, а Пашута как закричит: «Ты-таки майстер, а я тебе сделаю обрезание!» Затрясся немец и весь как есть под лед провалился. Французы, конечное дело, с крестным ходом к синагоге решили идти, но перед тем Пашуту лягушками угостили. Сознательность у него переменилась, и он заместо того с галльской непринужденностью за дамами пошел ухаживать.

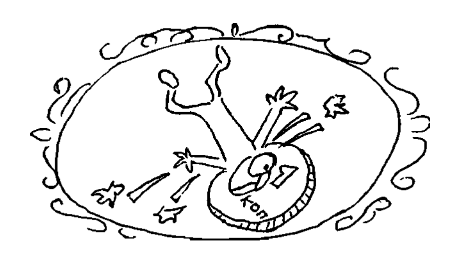
КАК ПАШУТА В БЕЗДЕЛЬНОМ ДОМУ ОТДЫХАЛ

Переутомился Пашута, трудясь, и подался на две недели в бездельный дом на койке полежать. Приехал — а в бездельном дому печи не топлены: хозяин дрова ворует и на рынок носит. Смотрит Пашута — бездельные, которые до него приехали, в валенках топчутся, треухи напялив, и, чтобы согреться, на стенках по инею слова непристройные пишут.

Подошел Пашута к хозяину, руку ему честь честью подал и вежливо любопытствует: «Каков нынче в дому бездельном процент смертности среди отдыхающих?» Хозяин, конечное дело, отвечал на то уклончиво, а сам на Пашуту страсть как озлобился. «Сейчас, — думает, — за счет Пашуты энтот процент подыму». И койку ему отвел в подвале, рядом с холодильным чуланом, где припасы съестные хранят.

Купил тогда Пашута валенки и шапку-ушанку. Надел и на койку лег, рядном покрылся. И дышать стал жарко и все прочее делать, чтобы спираль покруче завернуть. Неделю на койке пролежал и из каморки той ни ногой не выходил. И так градус поднял, что в съестном чулане провиант весь протух и плесенью покрылся, а картошка вся как есть проросла.

Видит хозяин — плохо дело. Убытки свои великие прикинул — и горницу, в которой сам спал, Пашуте отвел. С тех пор, в какой бездельный дом Пашута ни приедет, ему везде честь и место, а хозяин сам с салфеткой у его стола стоит.

КАК ПАШУТА СВЕЙСКИХ ДЕТЕЙ ГРАМОТЕ ОБУЧАЛ

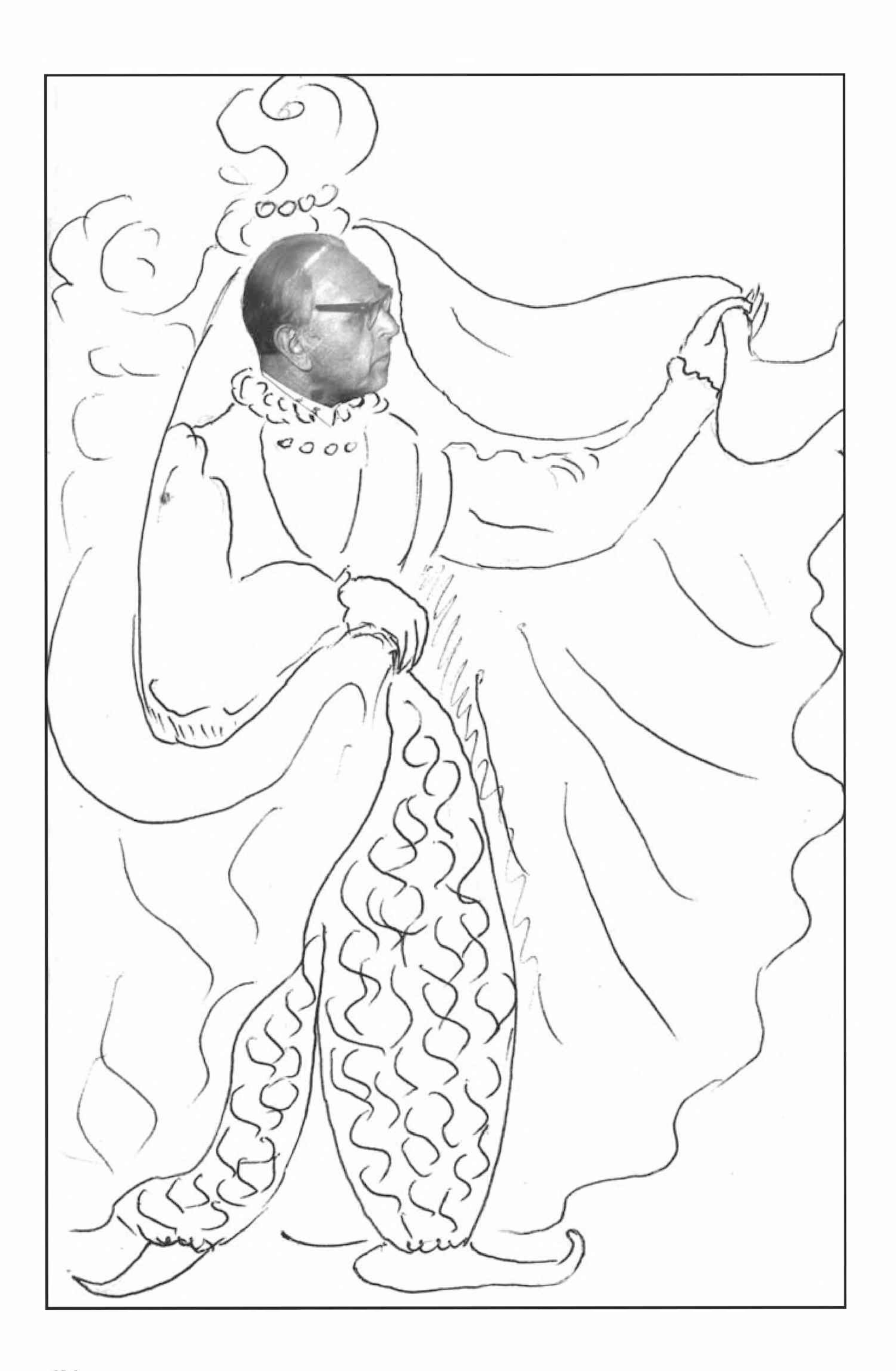
Пашута с малых лет все книжки писал. Одни — из головы, другие — из иных книжек. И так правую руку развил, что захотелось ему детей грамоте учить. Известно, что слабою рукою грамоте не научишь — розга из нее выпадает. Набрал для начала Пашута отроков разного полу талант свой проверить и так все рассчитал, что потом, как они в разум придут, послать их в разные земли людей своей вере учить. Не первый он в том был по писаниям. Оттого и школяры у него были от разных языков. Одна отроковица — Джаксон, другая — Метьюз, третья — Шёне Мюллерин, а отроков — Чечюра. И так началил их, что розга из руки выпадать стала, а яйца курицу учить принялись.

И в те поры смекнул Пашута, что пришло время в чужих землях апостольским светом светить. Поводил он слабым пальцем своим по земному чертежу, а палец в Стекольный город уткнулся. Ехать туда далеко, через море, в трюме вонючем, а какое учение в Стекольном — слуху не было. И взял Пашута книжки ихние, по которым детей свейских грамоте обучают, открыл и за сердце схватился. В книжках тех рассказ, а к нему картинка, как швед под Полтавой Петра Великого пленил и в клетке содержал, сырым мясом кормил.

Совсем Пашута от того с тела спал, а голосом вскрикнул: «Подать сюда детей свейских! И лозы нарезать для их сечения!»

Собрали тогда детей свейских и привезли в Новый Град. А в Новеграде стужа лютая, и люди новгородские от той зимней лютости мяса не подвезли, а шатаются меж двор мирским подаянием. Тут Пашута собрал к себе Джаксон и Мюллерин и говорит: «Мне без мяса голосу нет, лучше я на койке лежать буду, а Джаксон мяса не есть, она и с пирожных с тела не спадет, пущай она их и обучает».

Только наказ наказал: если дети свейские про Стеньку Разина не узнают, то дураками помрут, а до того другие дураки от них родятся.

Лег Пашута на койку, зубом больным цыкает, а Джаксон со всем школьным инструментом в Новый город отправил.

Встала Джаксон перед доской, тряпку в руки взяла и мелу кусок, посмотрела, как дети свейские ухмыляются, и все, что про Стеньку знала, в лицах выложила. Дети свейские с мест повскакали и говорят ей: «Джаксон! Мы теперь в Стеньку играть будем, а тебя за персидскую княжну в игру примем». «Нет, — сказала Джаксон, — за персидскую княжну у нас Пашута, которая теперь в узорных шальварах на койке лежит. С ней вы и играйте».

Побегали дети свейские по Нову Граду, все в чужие окна смотрели, Пашутины шальвары высматривали, да так и не высмотрели. «Ну, ничего, — говорят, — мы его в Стекольный выпишем, у нас там вод великих хватает. А тут пущай перед нами Филька попляшет!»

Ну, Филька и плясал три дня и три ночи, Пашуту добрым словом поминаючи.

Вновь открытые нарративные и правовые памятники в синхроперсональном освещении*

В длинном перечне библиографий
Сотый выпуск, увы, не сыскать;
Он на полке рабочего шкафа
Будет тихо и скромно стоять.

В нем не встретишь помет Nota bene!
В нем не будет подчеркнутых строк.
Он возник не в процессе сомнений
И явился в несбывшийся срок.

ОТ ОДНОГО ИЗ РЕДАКТОРОВ

Настоящий, 100-й выпуск свода «Древнейшие источники по истории народов СССР» только кажется вышедшим вторым, после столь нашумевшего первого, содержавшего скандинавские рунические надписи. На самом деле между ними был издан длинный ряд однотомных, двухтомных и трехтомных выпусков, перечень которых, однако, из-за перегруженности типографии издательства «Древнейшие государства» поместить не удалось. Однако внимательный читатель может составить о них представление, даже бегло просмотрев скрупулезно составленный список трудов сектора, оставшихся нераспроданными в магазинах Академкниги на 1 января 2010 г. (см. раздел IV).

В отличие от изданных прежде выпусков, в которых собраны сведения из произведений одного автора или из источников сравнительно близкого времени, 100-й выпуск объединяет в себе нарративные и правовые памятники разного, иногда далеко отстоящего времени (см., например, № 2–3 и 10). Тем самым составители и редакторы

* Собраны и подготовлены к печати сотрудниками и аспирантами сектора «Истории древнейших государств на территории СССР» Института истории СССР РАН (далее — ИДГ) к 19.04.1978 г.

предлагают новый синхроперсональный (греч. syn — вместе, лат. persona — личность, греч. chronos — время,) принцип изучения, еще не получивший признания в современной науке, но, как представляется, в качестве замены устаревшего синхростадиального очень перспективный для широких и основополагающих академических исследований.

Особенностью этого метода является изучение как одновременных, так и разновременных источников, посвященных какой-либо выдающейся личности в онтологическом аспекте в окружающем ее большем (15–17 человек) или меньшем (1, редко более 2–3 человек одновременно) коллективе.

Разработка этого метода участниками 100-го выпуска потребовала создания некоторых новых правил Памятки авторам-составителям корпуса. Однако эти правила вполне годятся и при пользовании рутинным методом (см. раздел I).

Во втором разделе выпуска собраны статьи, являющиеся, собственно, образцом применения этих принципов на материале различных источников, найденных в последнее время и посвященных главным образом одному лицу. Оно действует в разные исторические эпохи, в различных регионах нашей страны и за рубежом, выступает под разными именами, хотя имеются данные, которые позволяют видеть во всех этих сообщениях нечто общее и единственное. Так, например, имя героя начинается на разных языках согласной В (Б): лат V, сканд., рунич., арабск. Место его деятельности тоже в основном совпадает (см. указание «на востоке» в док. № 4, «базар ал-Черемушка» в док. № 8 и область Вальдамаррики в док. № 1). Что касается времени событий, то указания на год хиджры, 1398, год лошади по тюркско-монгольскому календарю и упоминание события, происшедшего тогда, когда солнце проходило созвездие Овен, также не противоречат друг другу. Это служит блестящим подтверждением правильности предлагаемого здесь метода.

Выпуск, как всегда, богато снабжен иллюстрациями, подобранными в соответствии с предложенным методом исследования и указанными онтологическими принципами.

Учитывая, что прозаическое повествование не всегда может отразить некоторые тонкости научной мысли, редколлегия смело пошла на включение в книгу стихотворных строф, предлагая этим разнообразить форму научного повествования и приблизить ее к массам.

При этом, однако, был учтен полезный опыт издания самого первого выпуска серии, как и некоторых других. Тираж их был таким, что книги оказались недоступными для покупки в магазинах. На этот раз было решено ограничиться тиражом в один экземпляр, что, с одной стороны, вполне позволяет отразить это издание в Государственной текущей библиографии и на обложках специализированных журналов, а с другой — избежать хлопотливой рассылки книг по многим адресам заинтересованных специалистов и библиофилов. Нужно надеяться, что опыт подготовки 100-го выпуска, как в свое время и 1-го, будет глубоко изучен и широко распространен.

I. ПАМЯТКА АВТОРАМ-СОСТАВИТЕЛЯМ КОРПУСА

1. Если сочинение Константина Багрянородного не поддается вашему анализу, займитесь критическим комментированием текста статей из газеты «Футбол-хоккей». Константина смогут одолеть и ваши потомки, что вряд ли возможно со вторым из упомянутых источников.

2. Если вы разучились читать по-арабски, переходите на японский. В японских изданиях всегда есть английские аннотации.

3. Заполняя план-карту, помните, что она тоже со временнем может стать историческим источником.

4. Не ведите записей гусиными перьями: это архаизирует рукопись и затрудняет работу позднейших исследователей.

5. Помните, что задняя левая нога — не самый удобный орган для комментирования сочинений древних авторов.

6. Исторический источник неиссякаем, но весьма подвержен загрязнению.

7. Помните, что от любого корпуса в процессе исторического развития может сохраниться только свод.

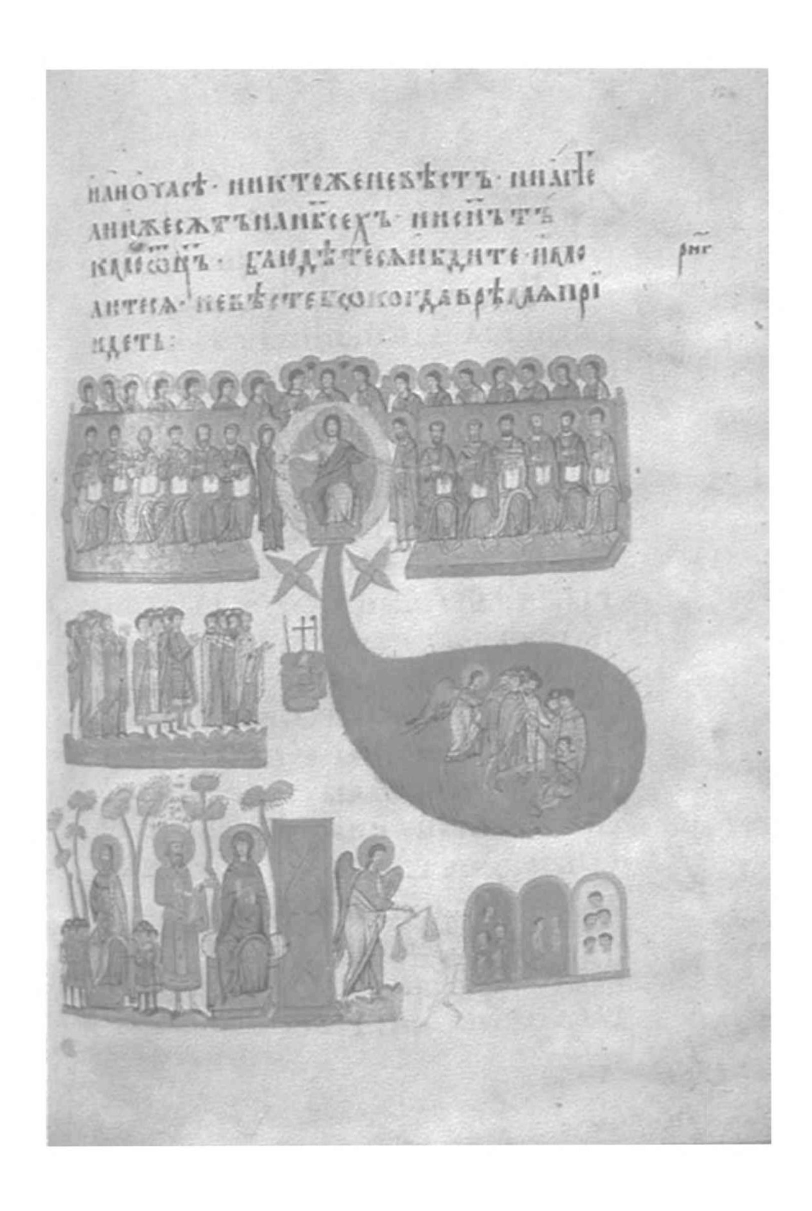
II. ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

МИНИАТЮРА ИЗ РУКОПИСИ БРИТАНСКОГО МУЗЕЯ
Add. MS 39627, XIV в.

Церковная иерархия? Возможно...
Возможно, всевышний ареопаг...
А может быть, в глазах художника,
Научные кадры готовились так...

Как установлено последними исследованиями, миниатюра рукописи Add. MS 39627 (XIV в.) содержит изображение сектора истории древнейших государств Института истории СССР АН СССР, коллективный образ которого был чудесным даром предвидения писца-миниатюриста создан около 1356 г.

По мнению ряда специалистов-искусствоведов, усматривается несомненное портретное сходство между человеком, сидящим в центре и обращающимся к окружающим, и руководителем упомянутого выше научного подразделения чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Фигура мужчины, стоящего справа, идентифицируется большинством исследователей с Я.Н. Щаповым; женщина слева, хотя это и вызывает определенные разногласия, чаще отождествляется с Е.А. Мельниковой. Фигуры сидящих справа и слева, а также стоящих вверху имеют реальные прототипы.

и на оуасѣ · никтоже не вѣсть · ни аггле
ли иже сѫть на нбсехъ · ни снъ тъ
кмо оць · блюдѣтесѧ и бдите и мо рмг
литесѧ · не вѣсте бо когда врѣмѧ прі
идеть :

ЗНАЧЕНИЕ МАРСИАНСКИХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙШИХ СУДЕБ НАШЕЙ СТРАНЫ

Нередко так в науке получается,
Что вдруг тушканчик в зайца
превращается;
Но должен миг однажды наступить,
И зайца в прототипа превратить.

Чтоб истину увидеть отовсюду,
Возьми за правило: не бить посуду*.

Недавно автору этих строк пришлось работать в местном архиве научного центра КУ-ДЫ провинции ТУ-ДЫ третьего района планеты Марс. Сохранившиеся здесь уникальные документы, относящиеся к истории нашей планеты VI в. до н.э. — XX в. н.э., дают много нового источникового материала.

Пленки видеозаписи, сделанные марсианами того времени при помощи спектроакустического аппарата, позволяют воссоздать некоторые спорные и малоизученные моменты отечественной истории. К сожалению, многие летающие тарелки, производившие эти записи, были сбиты стрелковым оружием землян (стрелами, копьями, дротиками и пращами), поэтому сохранившиеся видеозаписи фрагментарны и малочисленны. Предстоит большая работа по отбору материалов из марсианских документов, их сравнительному изучению, датировке и сопоставительному анализу с точки зрения соответствия земным нарративным и прочим источникам. Считаю необходимым включение этих источников в План-проспект Свода на 2000–2050 гг.

Для иллюстрации важности этого материала приведу один фрагмент видеозаписи, проливающий некоторый свет на малоизвест-

* Имеется в виду неопознанные летающие тарелки.

ные факты отечественной истории. В частности, Геродот сообщает, что в стане скифов перед решающим сражением с персами Дария, вторгшегося в Северное Причерноморье, началось замешательство из-за зайца, проскочившего через их ряды (IV, 134). Крик и шум, поднявшиеся среди скифов по этому поводу, так напугали Дария, решившего, что скифы презирают персов, коль скоро перед битвой они гоняются за зайцем, что он решил убраться побыстрее восвояси. Таким образом, заяц сыграл роковую роль в знаменитом походе Дария. Героический образ зайца прочно вошел в последующую мировую историографию, тем не менее видеозапись, сделанная в этот момент с летающей тарелки, которую не сбили только потому, что все увлеклись поимкой бедного животного, со всей очевидностью показывает, что пресловутого зайца... вообще не существовало (sic!). Это был всего-навсего серый тушканчик, разбуженный поступью многих тысяч воинов. На экране можно отчетливо разглядеть характерные черты этого животного. Окрас, форма ушей и хвоста, оскал зубов не оставляют сомнений на этот счет. Таким образом, истина восстановлена: не заяц, а тушканчик войдет отныне в мировую историю как символ освободительной борьбы скифского народа против поработителей.

«ГЕОГРАФИЯ» СТРАБОНА

Разве было Страбону под стать
Уловить, что его «География»
Для далеких коллег может стать
Материалом для монографии?

Страбон родился, по-видимому, в 63 или 64 г. до н.э., хотя возможно, что и в 58 г., кроме того, достаточно вероятно, что это произошло в 68 г., а также в любой другой подходящий к этому событию год. Впрочем, согласно новейшим исследованиям буржуазных ученых, он так совсем и не родился, несмотря на что на рубеже нашей эры написал довольно увесистый кирпич объемом около 40 п.л. греческого текста. Будучи человеком недальновидным, а также слабо знакомым с «Правилами подготовки текста к печати» 1977, 1985, 1993 и др. гг. издательства «Наука», он не составил указателя, примечаний и списка разночтений; кроме того, что совсем уж непростительно, не перевел свое сочинение на русский и прочие иностранные языки и не дал к нему краткой аннотации, не говоря уж о том, что совершенно забыл в ряде случаев указать источники своих сведений и использованную литературу, к которым относился с непростительным легковерием.

Доказано, что написал он труд свой в Риме, хотя не менее очевидно, что это произошло в Александрии, Амазее, некотором количестве других малоазийских городов[1] или в Афинах, которые он, впрочем, так и не успел посетить при жизни. Абсолютно точно установлено, что это не могло произойти в Якутске, Москве и Аддис-Абебе.

[1] Список из полутора десятка названий можно составить на основании изучения предыдущей страбоноведческой историографии.

Уселся он за сочинение свое в достаточно зрелом возрасте 70–80 лет, причем, по предположению ряда авторитетнейших буржуазных исследователей, сведения о народах СССР вылились из-под вдохновенного пера географа, близящегося к своему столетнему юбилею, что естественнейшим образом сильно повышает научную точность его сочинения. Кстати, кончина географа дискуссионна до такой степени, что, возможно, ее так и не последовало...

Добавим, что все эти удивительно оригинальные наблюдения сделаны не одним поколением ученых на протяжении почти пятисот лет изучения текста, причем отрадно отметить, что ни одного бесспорного основания для них нет ни в тексте «Географии», ни в каких-либо других доступных исследователям источниках. Все это говорит о неизменном и вечном сиянии источниковедческих вершин, покоренных современными страбоноведами, а также о научной безупречности их методологических предпосылок.

Благодаря вышеизложенным обстоятельствам, а также несмотря на них, «География» все же была написана, вследствие чего ей пришлось пережить не только ошибки переписчиков и издателей, но и почти пятивековые конъектировочные упражнения над ее текстом большого количества ученых мужей разных стран. И все же сочинение это сохранило почти в первозданной свежести исконную простоту и непритязательность изложения, характеризующуюся отсутствием нормативной фонетики, морфологии, лексики и синтаксиса, неудобоваримостью конструктивных построений и, сверх того, причудливым нагромождением взаимоисключающих фактов.

Будучи по природе своей стоиком, а по сущности, вероятнее всего, перипатетиком, географ уснастил свое детище максимумом философско-космографических пассажей, наиболее примечательной особенностью которых можно считать абсолютное отсутствие в них не только какой бы то ни было философской основы, но подчас и обыкновенной человеческой вразумительности.

Подводя итоги вышесказанному, мы с совершенной очевидностью приходим к заключению, что «География» Страбона является уникальным, универсальным, увлекательным, умиляющим, а также одним из наиболее доступных широким массам читающих историков источником по истории народов СССР античного периода.

ГРЕЧЕСКИЙ ТЕКСТ[2]

РУССКИЙ ПЕРЕВОД

Предварительные замечания

В связи с существованием в современной науке разнообразных переводов, трактующих оригинальный текст «Географии» по испытанному принципу «кто во что горазд», мы остереглись присоединить свой слабый голос к этому мощному ансамблю на данном этапе работы над публикацией.

Предполагаем сделать это после выяснения вопроса, мог ли Митридат одновременно послать войско в защиту Херсонеса, о чем свидетельствует, как кажется, сам Стрбон и другие источники, и против Херсонеса, о чем с недвусмысленной уверенностью сообщает русский переводчик текста Г.А. Стратоновский. Возможно, что выработка среднеарифметического винегретозного варианта приведет к новым открытиям, позволяющим провести широкие типологические параллели между античной, средневековой и современной теориями военного дела. Результаты этих изысканий не замедлим опубликовать в виде отдельной статьи.

КОММЕНТАРИЙ

В связи с двумя упомянутыми в предыдущих разделах обстоятельствами, Ученый Совет Института решил не печатать в этом выпуске существующий текст комментария, дабы не нарушать структурную стройность всего выпуска и не вызвать недоумения читающей публики очередным появлением обоснованной и, безусловно, научной концепции на пустом месте.

---

[2] В связи с поломкой веритайпера и административными затруднениями, связанными с введением ставки механика, набор греческой части источника переносится в издательский план 2001 г. и будет выпущен приложением к 26 тому «Материалов и исследований».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Дневниковые записи Страбона времен сочинения «Географии», счастливо сохраненные недавно найденным палимпсестом, так называемым Paris, gr. 66666.

Окончил труд я свой монументальный.
Пусть чрез века к потомкам он бредет.
И вот, опустошенный и печальный,
Отдавши манускрипт свой в переплет,
Хочу создать поэму-эпитафию
О том, как породил я «Географию».

Заказ был дан: для августейших деток
Создать энциклопедию-букварь,
Чтоб было все там: от политконфеток
«Как правит папа — принцепс или царь»
До задушевных жизненных моментов —
Как устранить коллег и конкурентов,
Какой пригоден к экспорту товар,
Как печь блины и как лечить катар
(Все это в государственных масштабах).
И хорошо б сказать о баобабах,
О климатах, границах, козах, жабах,
О реках, городах, морях, проливах,
Торговых и военных перспективах.

Немножко философской манной каши
Не помешает также деткам вашим.

И надлежит сие построить здание
На тучной почве землеописания.

Ах, как легко такое поручить!
Ой, мама, как такое сочинить?

* * *

Вот этнокарта северных пределов.
Казалось бы: «Дерзай, берись за дело!»

Но ведь Зевес и тот не разберет,
Кто где живет.
И кто что есть и пьет
Из волосатых диких джентльменов,
Гуляющих в степях за Борисфеном.
Об них Эфор и Посидоний врали,
Пускался в рассужденья Геродот;
Почем зерно у них и как пасется скот;
Митридатисты нечто изрекали
И что-то городил Эрастосфен, —
Изволь учесть, что там насочиняли,
Чтоб в ненаучности потом не обвиняли.

А сколько ежедневно перемен:
Асандр зачем-то порешил Фарнака,
А Друза к таурискам занесло.
Опять же Полемон, такая бяка,
Колхиду Риму захватил назло.

А ну-ка разберись в хаосе этом
И четкую концепцию построй!

Это при том, что в нынешнее лето
От зноя камни плавятся порой,
Шалят нервишки, маюсь головой,
Да вдвое вздорожала пятерчатка[3].

А молодежь... Того гляди на пятки
Наступят и весь мир перевернут:
То в Скандинавию, то в Африку плывут,
Теории и карты сочиняют,
Пределы ойкумены расширяют...
Охальники!

Судите сами: кто же теперь наверно знает,
Откуда Танаис и Фасис вытекают
Или куда стремится Термодонт?

---

[3] Античный вариант пентальгина.

(Когда-то, впрочем, тек он просто в Понт,
Но нынче дамбы и плотины в моде,
Не углядишь — весь свет перегородят!)

* * *

Намедни выхожу гулять на форум
И слышу, как какой-то дюжий олух
(Мерзавец, лжеученый, изувер)
Твердит о том, что устарел Гомер,
Что, де, не знал он скифов, гетов, боев...
Тут у меня взыграло ретивое, —
Сцепились мы: я бью авторитетом —
Он фактами. Хоть в юности атлетом
Считался я в родимой Амазее,
Изрядно схлопотал в тот раз по шее.

И вот придя, рассерженный, домой,
Решил я так составить опус свой,
Чтоб он в теченье многих поколений
Источником служил различных мнений.

Поэтому, смешав свои источники,
Надергал я из каждого по строчечке,
И этот винегрет из жеребятины
Фаршировал кусками отсебятины.

Пускай ломают головы историки,
Где фтейрофаги обитали, а где норики,
Куда девались города Колхиды,
Любил ли Племон Пифодориду,
И отправлялись ли из Синдской гавани
Суда в океанические плаванья...

Далее страбоновский текст, к сожалению, стерт совершенно, а поверх него написана средневековая «Ода разуму», к данной публикации отношения не имеющая.

НОВОНАЙДЕННАЯ РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ МОСКВЫ

Те, кого называют «варяги»,
Шли до греков нелегким путем
И оставили руны и саги.
Мы из них о Руси узнаем.

№ 145. Москва, хранился в Донском монастыре, инв. № 4527-99, позднее украден (см. рис. 1–2).

Памятник обнаружен в 1999 г. при реставрации здания № 19 по ул. Дм. Ульянова, Москва. Он находился под правой боковой стеной здания на глубине 3,12 м. Остается открытым вопрос, имеет ли он отношение к одному из учреждений Отделения истории АН СССР, находившихся в этом здании до 1992 г., или был заложен ранее.

Высота памятника — 2,35 м, ширина — 1,19 м. Материал — желтый кирпич. Текст высечен на туловищах змеев (?), змей (?), головы и хвосты которых, хаотично переплетаясь, образуют орнамент, заполняющий всю поверхность камня; конец надписи находится на хвосте последнего змея, найденного рядом с памятником.

Орнаментика аналогий не имеет и датировке не поддается.

A: в л а д и м и р[1] п а ш...[2] o k þ e i R f e l a g i[3]
в о з д в и г л и с е й к а м е н ь п о с е б е
с а м и м[4] о н и в о з н а м е р и л и с ь t r e k a
h a r þ a k u þ a n[5] о т п р а в и т ь с я д а л е к
о з а м о р е[6] з а и с т о ч н и к о м н е и с
с я к а е м ы м[7]

B: и на востоке кормили орды ор-
лов[8] он шедро делился горьким
опытом[9] древо игры языков[10] ad
majorem

C: corporis gloriam[11] бороздил
волны

D: на западе севере юге с нера-
зумной дружи́ной[12]

E: бог и божья матерь

F: – да помогут их душам

G: и телам[13]

H: ... высек руны

1. Имя заказчика — Владимир, однако никаких сведений о нем надпись не приводит, кроме некоторых стереотипных характеристик (см. ниже). Если установка памятника, как предполагает И.С. Торичный, связана с деятельностью Отделения истории, то заказчика следует искать среди тех, кто в середине — второй половине XX в. посещал правое крыло здания. Однако выяснение личности заказчика требует дополнительных, кроме имени, материалов, т.к., по данным архива АН СССР (см. фонд 1238, дело 546, 921, 1328), в Отделении истории за этот период засвидетельствовано 322 Владимира.

2. Вероятно, производное от «пáшет»; однако, чтó можно было пахать в Институте истории? Очевидно, прозвище, символизирующее высокую эффективность работы (ср. «трактор»). Аналогия: Паша Ангелина.

3. ok þeiR felagi — др.-исл. от liggja fé — «складывать, объединять имущество», т. е. «сотоварищи, содружинники, компаньоны».

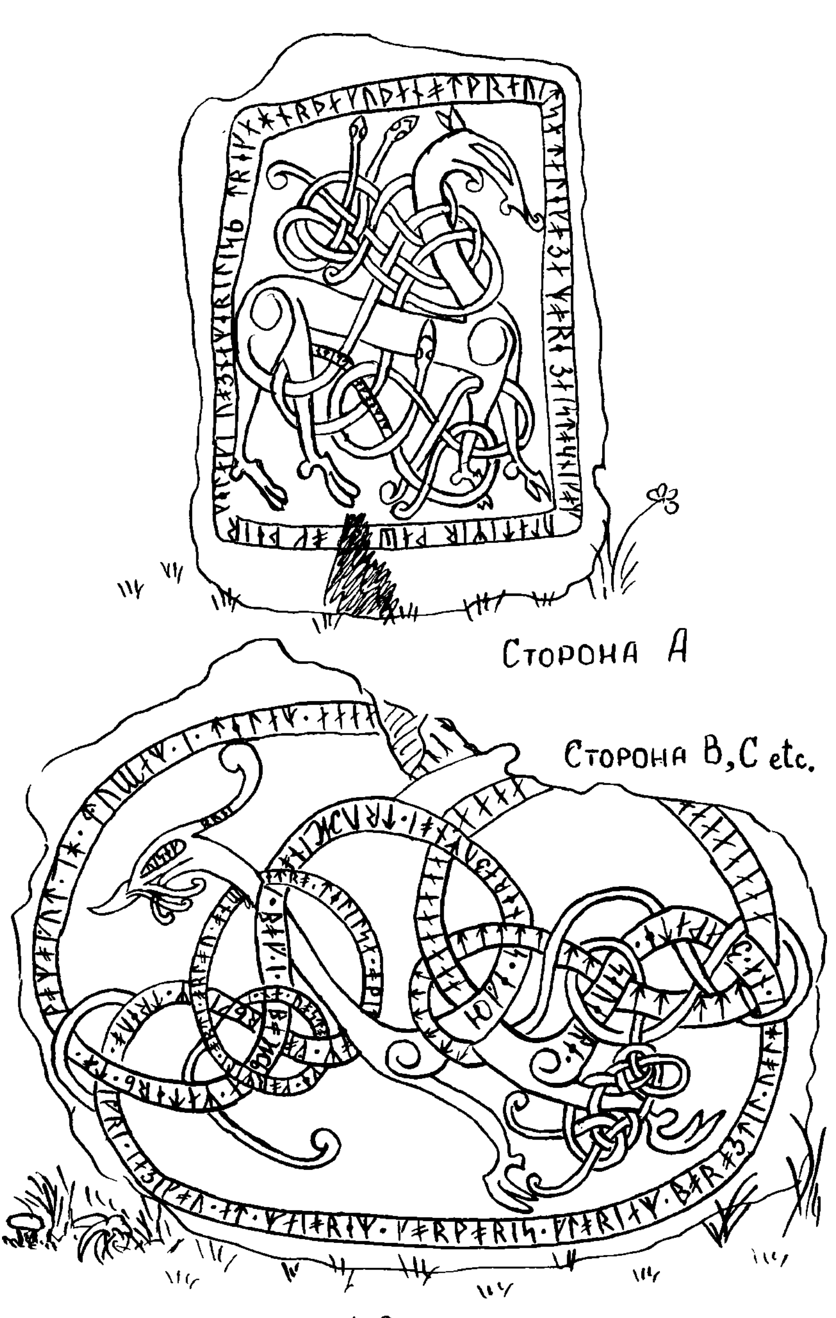

Рис. 1-2.

Подробнее о термине félagi см. сильно устаревшую, но единственную на русском языке работу: *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. М., 1977. С. 192–193.

4. по себе самим — засвидетельствовано около 30 памятников X–XIII вв. с аналогичным посвящением, ср. № 79 по указ. соч., которое делалось, вероятно, в тем случаях, когда путешественники, не надеясь на благополучный исход предприятия, сами воздвигали памятники.

5. traka harþa kuþan — др.-исл. — «очень отважный воин», распространенное в надписях X–XII вв. определение. Указывает на военно-авантюрный характер предприятия.

6. далеко за море — ср. ниже: «на западе, севере, юге». Неясно, почему поездка в середине XX в. «за море» (в Америку? Африку?) могла считаться столь опасной, что требовалось воздвигать по этому поводу памятник. Аэрофлот уже тогда работал с надежностью не ниже 50%.

7. за источником неиссякаемым — возможны два толкования этого темного места. 1) ср. источник с живой водой. 2) Анагогическое толкование: кладезь премудрости, философский камень и т.д. Но в период расцвета материализма вряд ли кто-нибудь отправится в опасное путешествие за столь нематериальным предметом. Но ср. найденный здесь же текст «Исторический источник неиссякаем». Смысл этой фразы установить не удается, поэтому предпочтительнее первое толкование.

8. кормили орды орлов — видимо, модификация скальдического выражения «кормить орлов», т.е. убивать врагов и их телами кормить орлов (см. Ragnarsdrápa, Ynglingatál и Skáldskaparmál). Это толкование согласуется с замечанием 5 о военном характере похода, но противоречит примечанию 7, особенно второму возможному толкованию, чем, вероятно, можно пренебречь (ведь не могут же быть названы «ордами орлов» почтенные и уважаемые историки, филологи и др. собравшиеся у «источника неиссякаемого»?).

9. горьким опытом — неясное место (ср. русск. идиом. «пить горькую»?).

10. древо игры языков — модификация известного скальдического кеннинга «игра мечей или копий» — сражение: «древо сражения» — муж, воин. Неясно лишь, что понимается под выражением «игра языков».

11. a d m a j o r e m c o r p o r i s g l o r i a m — видимо, парафраз общеизвестного выражения ad majorem dei gloriam. Очевидна атмосфера эпикурейства, в которой создавалась надпись, что и нашло отражение во фразе «к вящей славе тела». Лишь черствые аскеты могут отрицать это толкование и твердить о некоем мифическом «своде» (лат. — «корпусе»), который якобы имеется здесь в виду.

12. с н е р а з у м н о й д р у ж и н о й — очевидно, имеется в виду недостаточная опытность дружины (ср. воины «старшие» и «младшие» в дружинах).

13. и т е л а м — ср. примечание 11. Это ли не подтверждение сказанного выше!

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Надпись выполнена не имеющим аналогий сочетанием пунктированных рун (вторая половина XI в.) и знаков кириллического алфавита, палеографически датируемых серединой XX в., что, видимо, определяет и дату создания памятника. Столь же необычен и язык текста: смешение русского, латинского и древнеисландского языков, в сочетании с многочисленными грамматическими ошибками, указывает, вероятно, на создание памятников в полиязычной, но малообразованной среде.

Содержание надписи оставляет много неясного. Очевидно лишь, что в середине XX в. группа отважных воинов (нахальных юнцов?) отправилась в опасное путешествие «за море», предполагая принять участие в кровопролитных сражениях, не щадя корпусов своих и твердо рассчитывая не сносить голов. Посему и поставили себе этот памятник.

«ОБЗОР САГ О КОНУНГАХ ГАРДАРИКИ»

То на камне, а то на пергамене
Нам фрагменты достались в дар,
Но и в том, и в другом прославлен
Сын Терентия Вальдамар.

«Ágrip af Garðaríks konunga sǫgum» — «Обзор саг о конунгах Гардарики» — краткая история гардских конунгов с IX в. по 1978 г. Автор ее, как и вообще авторы большинства исландских саг, не может быть установлен с полной вероятностью. Тем не менее ряд черт позволяет видеть в авторе саги одного из сторонников или учеников конунга Вальдамара Великого. Сага датируется исследователями последней третью XX в. В некоторых работах высказывается предположение, что она создана в 1978 г. по случаю юбилея конунга. Сага написана на основе устной традиции, стихов скальдов, генеалогии конунга Вальдамара (к сожалению, плохо сохранившейся) и письменных исторических источников (более ранних саг). Сага отличается правдивостью и живостью

Hér hefr upp sǫgu Valdamars konungs

Valdamar hefir konungr heitit, er réð fyrir Moskvulǫndum í Garðaríki; þat fylki var kallat Valdamarsríki, er hann var konungr yfir. Svá segir Þjóðolfr:

réð Valdamar
ofsa fordum
víðri grund
of Garðaríki.

Hann var sonr Jerentijar, Ivanssonar ins gamla, er konungr var á Lížki við Palteskju. Valdamar var allra manna fríðastr ok mestr vexti. Var hann mildr af fé ok gleðimaðr mikill; var hann frægr ok vinsæll. En þat er at segja, fyrir hverja sǫk hann var svá mjǫk tignaðr, þá báru þessir hlutir til: Hann var svá fagr ok gǫfugligr álitum, þá er han sat með vinum sínum, at ǫllum hló hugr við. En þá er hann var í her, sýndisk hann grimligr sínum óvinum. Ǫnnur var sú, at hann talaði svá snjallt ok slétt, at ǫllum er á heyrðu, þótti þat eina satt.

Valdamar konungr átti Natalia, dóttur Alexanders konungs, Sevssonar. Hon var allra kvinna fríðust ok skǫrungr mikill, gleðimaðr inn mesti. Brátt fanakk þat, at hon var vitr ok vel orðum farin ok allra hluta vel kunnandi. Konnungr elskaði hana svá mjǫk, at matti hann nær vetkis gøra í gegn hennar vilja. Þetta tjár Stúfr blindi:

Mægð gat allvaldr Garða,
ógnar mildr, þás vildi.
Gulls tók gumna spjalli
gnótt ok bragnings dóttur.

Þau áttu 20 bǫrn, Valdamar ok Natalia,- 12 dætur ok 8 syni. 2 af þeim váru jarlar ok 6- hǫfðingar. Einn hét Jarizleifr, hann var þeirra elztr, annar hét Ingvar, þriði . . . . Allir bǫrn váru harðfengir menn ok konur, ok váru í útgerðum fyrir fǫður sínum ok í víkingum, ok ǫfluðu sér svá metorða. Valdamar kenndi flestar íþróttir sínar bǫrnunum, því at hann kunni fyrst allar. Váru bǫrn hans næst honum um allan fróðleik. Þeir treystusk honum ok trúðu á kraft hans ok á sjalfan hann.

повествования; богата сведениями по истории быта и верований в Вальдамаррики. Сохранилась в единственном бумажном списке начала XXI в., обнаруженном при передаче исландских рукописей из арнемагнеанского собрания — Исландии. Ниже приводится отрывок по изданию Bibliotheca Arnamagaeana, ser. B, v. LX. Reykjavík, 2000, но в нормализированной орфографии.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ САГА О ВАЛЬДАМАРЕ КОНУНГЕ

Вальдамар звался конунг, который правил в Москвулондах в Гардарики; называлась Вальдамаррики та область, над которой он был конунгом. Так говорит Тьодольв:

«Вальдамар в старину
мужественно правил
обширной землей
в Гардарики»[1].

Он был сын Терентия, сына Ивана Старого, который был конунгом в Лыжках под Палтескьей. Вальдамар был красивее и выше ростом большинства людей. Он был щедрым на имущество и всегда веселым; был он широко известен и имел много друзей. И надо сказать, по какой причине был он так почитаем, а было это вот почему: у него был такой красивый и достойный вид, когда он сидел среди своих друзей, что все радовались душою. Но когда он был в походе[2], он казался своим недругам ужасным. Другая причина была та, что он говорил так умно и красиво, что всем, кто слушал, это казалось единственно правильным.

Вальдамар конунг был женат на Наталии, дочери Александра конунга, сына Льва. Она была красивее других женщин, была благородна и жизнерадостна. Легко было заметить, что она была умна, хорошо говорила и разбиралась во многом. Конунг так любил ее, что ничего не мог сделать против ее воли. Об этом сообщает Стув Слепой:

«Воинственный конунг Гардов
взял себе ту жену, какую хотел.
Ему выпало много золота
и дочь конунга»[3].

У Вальдамара и Наталии было 20 детей — 12 дочерей и 8 сыновей; 2 из них были ярлами[4], 6 — хёвдингами[5]. Одного сына звали Ярицлейв, он был старшим из всех, второго — Ингвар, третьего...[6]. Все дети были храбры и защищали все владения отца, бывали в морских походах[7] и так добывали себе почет и уважение. Вальдамар научил детей большей части своих искусств[8], ибо он первый узнал их все. Дети его по учености приближались к нему. Они полагались на него и верили в его силу и в него самого.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] 7-я строфа «Драпы Вальдамара» (Valdamarsdrapa) норвежского скальда Тьодольва из Хвина.
[2] Здесь: выступал на научном заседании.
[3] 4-я строфа «Драпы Вальдамара» (Valdamarsdrapa) исландского скальда Стува Слепого, сына Торда.
[4] Ярл — доктор исторических наук.
[5] Хёвдинг — кандидат исторических или филологических наук.
[6] Пропуск в тексте.
[7] Здесь: заграничных командировках.
[8] Методике и методологии исторического исследования.

КОММЕНТАРИЙ

«Обзор саг о конунгах Гардарики» — типичная королевская сага. О социальной обусловленности в ней не может быть и речи. Перед нами —не тенденциозное возвеличение конунга Вальдамара, а его подлинный образ. Достоверность образа может быть подтверждена сравнением с другими источниками: «Грамотой № 137-49-54», «Былиной о Владимире Свет-секторском и его дружине хороброй» и др. (см. в настоящем издании).

БЫЛИНА О ВЛАДИМИРЕ СВЕТ-СЕКТОРСКОМ И ЕГО ДРУЖИНЕ ХОРОБРОЙ

Зазвучали напевы былинные,
То не вещий Боян их творит, —
О Владимире со дружиною
Красна-девица говорит...

Испокон веков бытуют в народе были о Владимире Красно Солнышко. Недавно исследователи обнаружили еще один памятник былинного творчества. Редакция XX в. представляет собой компиляцию из давно известных сказаний о народных героях прошлых десяти столетий, как-то: Садко, Илья Муромец, Василий Буслаев, Авдотья Рязаночка... Ученые полагают, что первоначальный текст был значительно шире. Думается, большее место занимала хоробрая дружина.

Некоторые слова представляют известные трудности для истолкования. Например, неясно, что значит «стольно-секторский», «шеф», «член-корр.» (карр?) и т.д. Следует надеяться, что будущие изыскания помогут разгадать былинные загадки.

А.Х. Нестор-Пименовский

Как жил Владимир-свет да славился,
С каменной Москвой не перечился,
Исторически работы пописывал.
А призвал его к себе свет Борисушка[1]
Да сказал сам таковы слова:
«Ай же ты, мое чадо милое,
А в твои-то годы надобно
Не иметь в кармане ста рублей,

А иметь дружину хоробрую».
Эти речи Владимир понимает
И берет чернила со бумагою
И пишет письмо-то скорописчато[2]:
«И что идите ко мне на двор,
К моему двору Владимира Терентия
А не работу работать деревенскую,
А пить зелено вино[3] безденежно».
И пришли к нему перво-наперво
Из славного феодалов сектора,
Как два ясные сокола вылетывали,
Выезжали два могучих богатыря,
Что по имени Анатолий Петров млад
А со молодым Ярослав Николаевым.
Как прошло поры-времени три месяца,
Стал опять вставать Владимир ранешенько,
Выбирать себе девиц, жен младых на учение[4].
Так перво триста девиц пропустил,
И третье триста девиц пропустил[5].
Наконец, на свою бессчетну золоту казну[6]
Набрал, сказывают, двенадцать девиц, жен младых, —
Все красавицы, разумницы наукоспорые.
Краше всех загляженна душа Маринушка.
От лица печет, будто красно солнышко,
От затылочка — млад ясен месяц,
Волосинка золота, друга серебряна[7].
Есть еще жена Алена Саши дочь:
Она крест-то кладет по-писанному[8].
А поклоны-то по-ученому,
Да умеет с королем[9] речь говорить
Та жена-красна уч. секретарь дружины хоробрая.
....[10]
А то ли Владимир стольно-секторский,
А он пишет опять письма скорописчатые.
«А вы съезжайтесь ко мне, да собирайтесь,
А ведь и сильные молодцы-богатыри».
Тут съезжалися, собиралися.
Поперечь всех пришел Игорь Сергеев сын,
В грецкой грамоте поученный человек,

Письмена цареградские читал все до единого,
Да в немцах долгий час наукой забавлялся,
А потом пришли да два Санюшки,
Как два Санюшки, да Михайлушка.
И сказал им Владимир стольно-секторский:
«Почто ходите по городу, уродуете,
Руку рвете из плеча вон,
Ногу рвете из ходилов вон,
Головой вертите, будто пуговицей?[11]
А вы идите ко мне на двор,
К моему двору, во дружину хоробрую
Не работу работать деревенскую,
А пить зелено вино безденежно».
Богатырски их сердца тут распотелися,
Распотелися сердца, нажаделися[12],
И пошли они да ко двору ко Владимиру.
А последним пришел Алеша млад.
Говорил, как и всем, ему ласковый Владимир-шеф:
«Ой ты гой-еси, добрый молодец,
Скажися, как тебя звать, величать;
По имени тебе место дать,
По изотчеству тебе пожаловать»[13].
И сказал тут Алеша Владимир сын:
«Меня, осударь, зовут Юрасовский Алеша».
В те же поры Владимир-шеф обрадовался
И говаривал: «Служи сектору и мне, Владимиру!
Да любовью тебя пожалую»[14].
А когда собрались оне все до единого,
Говорил им Владимир стольно-секторский:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая,
Несите мою чернильницу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый.
И будем мы «СВОД-КОРПУС» описывать,
Обрабатывать да комментировать,
Толмачить, да проталкивать»[15].
И тут каждый молодец, да и молода жена
«Выпуски»[16] почали на народ выносить.
С тех-то дней весела пора
Началась в стольном секторе.

Молодец иль жена-краса
Хоромами, дитем, степенью[17] ль обзаводится,
Пуще сам Володимер-свет да Член-корром[18] становится,
Тут же каждый зовет в свой златой терем
Хлеба-соли кушати, белой лебедушки рушати.
И тот прошел, так иной пошел.
Принимается тогда сектор за чару единой рукой
И выпивает чару за единый вздох.
Как работала удало дружинушка,
Так и гуляла хоробрая во полну силу.
Да с той поры сектор славный стал,
Да Древней Руси имя возвеличилось

То старина, то и деяние.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Б.А. Рыбаков —академик, в 1969 г. директор Института истории АН СССР.
2 На имя директора да в Президиум АН СССР.
3 Иносказательно, значит: заниматься тяжелым умственным трудом в городе.
4 Место испорчено. Одни рукописи дают «на учение», другие — «красавиц».
5 Не позволяло штатное расписание.
6 Дотация государства.
7 Друг-секретарь дружины хоробрыя.
8 По-видимому, имеются в виду руны.
9 См. директор, прим. 1.
10 Явный пропуск. Видимо, в архетипе здесь имелось описание всех 12 девиц-жен.
11 Имеются в виду развлечения молодежи того времени: подобные телодвижения именовались танцами (Словарь славянских древностей. М., «Наука», 1997. С. 59).
12 Нажадеться — почувствовать жажду.
13 Имеется в виду заполнение личного листка по учету кадров.
14 В народе преувеличены слухи об особой любви Владимира светсекторского к Алеше.

[15] Проталкивать — проводить по инстанциям.

[16] Видимые результаты тяжелого безденежного умственного труда в городе.

[17] Тисненая книжица, у обладателя которой полное безденежье кончается, а интенсивность труда увеличивается.

[18] Мало понятный термин. Возможно, «князь в Академии Наук».

ГРАМОТА, ВЫЧЛЕНЕННАЯ ИЗ ЮРАСОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ, № 137-49-54

В горниле кузнеца науки
Текст грамоты явился, и
Слов вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли.

Ѿче нашь и наставниче
Володимѣрѣ, оучи̃кні грѣшныи
твои недооумѣют чимъ похва-
лити тѧ, добраго пастуха
нашеͭ, їже пасѧше стадо тебе
порученое і оуслѣдую стопа-
мъ высокомысленым, еси
мужь хитръ книгамъ и оуче-
нію, млⷭтвъ наиъ оубогимъ,
книгами рѣчисть. Не быⷭ
сѧкова преже в Руси ни по
тебе не боудеть таки.

Да препоюши тѧ Бъ силою
свыше на невидимыѧ и види-
мыѧ враги.

ФРАГМЕНТ ИЗ «КНИГИ ОБЪЯТИЯ НЕОБЪЯТНОГО АБУ АБДАЛЛАХА МУХАММЕДА ИБН АХМЕДА АЛ-БУЛТУН АЛ-БАРМАТИ, ФИЛОСОФА И УЧЕНОГО, ЖИВШЕГО В ДЕРБЕНТЕ И ТОРГОВАВШЕГО ИЗЮМОМ И ПРЯНОСТЯМИ НА БАЗАРЕ «АЛ-ЧЕРЕМУШКА» В ГОРОДЕ МУСКУ»

Писано в 1398 г. х.

Арабистики фонды богаты,
И находки историков ждут...
Вот фрагмент Бултуна ал-Барматы,
Он впервые приводится тут.

Если бы нам проницательным взглядом
Пронизать вековую черту!..
Может С-К-Т-Р — где-то рядом?
Что в нем делал В-Т Ба-шу-ту?

Рукопись — уникум, обнаруженная известным собирателем древностей А.В. Юрасовским в медресе города Бармалеевска Смоленской области. Публикаций предпринято не было вследствие неясности большей части смысла и испорченности нравов. Фрагмент переводится впервые. Многие частности в изложении дают основания полагать, что данные фрагмента имеют под собой реальную основу. То обстоятельство, что автор книги, как это видно из названия, посещал в 70-х годах XX в. г. Москву (по-арабски — «Муску») и бывал по делам службы на Черемушкинском рынке, убеждает в достоверности излагаемых им сведений.

... Главный меридиан начинается у острова Наисчастливых, который расположен в месте, называемом почтенными и достойными доверия мужами С-К-Т-Р[1] Ба̄-шӯ-тӯ[2]. Один купец сказал, когда я стал расспрашивать, что С-К-Т-Р — это страна, где много женщин, есть среди них мудрые, но попадаются и мужчины. Иные из них любят говорить. Проповедуют эти варвары многобожие, но нет уже у них в обычае людоедства и охоты[3]. Люди этой страны отличаются от других, населяющих этот климат; знанием языков обитаемого мира, ибо так велит им их правитель. А называется эта страна по их правителю — Ба̄-шӯ-тӯ, титул же правителя — В-Т[4], но я не знаю, что это значит на их языке. Один моряк, бывший у них, рассказывал, что В-Т — это прозвище, а Ба̄-шӯ-тӯ — имя. До меня же дошло известие из древних книг, что этим звуком они заклинают драконов и чудовищ, обитающих в том климате. Но Аллах милостивый и милосердный лучше знает.

Обычай этих неверных таков, чтобы держать ответ перед сородичами и правителем за содеянное. Сородичи говорят, а иногда молчат, правитель же судит. Народ почитает правителя и ждет суда, как мусульмане — праздник рамадана. И не было еще у них так, чтобы на голову невинного упало дурное слово от правителя В-Т. Поэтому его похвала для людей той страны — бальзам и их пища, хула же грозит гибелью, ибо колдовской силой тот(?) Ба̄-шӯ-тӯ обращает виновного в верблюда, а иногда в мула, а иногда в лошадь или слона, но никогда — в осла или собаку.

Вывозят из их страны мудрые сочинения, ввозят же разные другие. Знающие люди говорят, что они нуждаются в рабах, но страна их удалена от солнца, бедна, и купцам не выгодно доставлять им рабов[5].

Сказал один путешественник, будто в их стране построена железная дверь для защиты от народов Йаджудж и Маджудж[6], а за железной дверью находится женская половина, как у правоверных мусульман. Эти женщины похожи на амазонок, ибо готовы убить

[1] По-арабски: سقطار
[2] По-арабски: باشوطو.
[3] Грамматический оборот подразумевает «среди своих».
[4] По-арабски: وط
[5] Социальное значение термина не вполне ясно.
[6] Библейские народы Гог и Магог. Упоминаются в коране.

каждого, кто проникнет за железную дверь[7]. Ведь сказано в священных книгах, что конец света наступит, когда народы Йаджудж и Маджудж проникнут за преграду. А за преградой в стране С-К-Т-Р Ба̄-шӯ-тӯ есть тайный клад, владеют им и охраняют его женщины, распространяя вокруг аромат курений. Не имеет доступа к священному кладу никто, кроме их правителя, но осуждает он женщин за любовь к благовониям.

А если этот правитель В-Т так справедлив и могуществен, как о том ходят легенды, то почему он не закроет этим женщинам лица и не оденет мужчинам его страны тайласан[8]? Воистину, на все — воля Аллаха всемилостейшего и всемогущего!

---

[7] Очевидно влияние античной литературной традиции.

[8] Тайласан — головная повязка, спускающаяся на затылок. Ее носили только ученые.

ПРИВИЛЕЙ СЕКТОРУ ДРЕВНЕЙШЕМУ

Пусть шрифты и запчасти истлели,
«Веритайпер» заржавел давно,
Но о них из листов привилеев
Нам сегодня узнать суждено.

Прочитав их, нельзя не поверить,
Что бесхитростный привилей
Долговечней окованной двери
И заморской машины прочней.

В архиве АН планеты Альфа-Бета-Гамма-Дельта системы был обнаружен странный документ. Это — ксерокопия машинописного текста, без начала и конца, без даты и места издания. Методом палео-дендро-икс гадания он датируется 60–70-ми годами XX в. Смешение разновременной терминологии, формул, языковых и стилистических особенностей, сумбурность изложения мысли и т. п. говорят о неоднократной переработке несохранившегося уникального текста. Совокупность всех гаданий неоспорима: перед нами — ярчайшее свидетельство существования некоего сектора в некотором царстве, некотором государстве во времена оны, а еще скорее не оны. Судя по чудом уцелевшему в глубинах веков комментарию документ был непонятен рядовым современникам (и самому комментатору) уже в период работы последнего редактора. Надеемся, что скорейшая публикация документа послужит толчком для гадания о древнейших примитивных цивилизациях за пределами Дельта системы. Весь комплекс вопросов, связанных с этим замечательным памятником, будет рассмотрен разбуженными вышеупомянутым толчком зачарованными сотрудниками в целой серии монографий и публикаций.

ТЕКСТ

Во имя Божье, аминь,

Ко вечной памяти речи.

Корпус древнейший станься[1].

Вси обещания, которые ж бывають, от людской памяти поспол с часом отходять, а ни потом к памяти могуть приведены быти: олиж писмом имают потвержены быти.

А про то Мы Владимир[2] Божью милостью, король феодалов Русский и Литовский и Помезанский и Корчульский, княжа секторское древнейшее, и иных,

Чиним знаменито сим нашим листом...

Били нам челом тиун[3] и вси бояре[4] — доктора и кандидаты и все поспольство[5] — сектора нашого древнейшого и клали перед нами листы наши, штож перво сего мы пожаловали им, дали им права вольная, добрая, и просила нас, абы-хмо им вси тые права и доброволенста нашим привилеем подтвердили. И мы з ласки нашей за их знаменитые к Корпусу службы тые права им всим знову даем и даруем:

Наперве шлюбуем все боярство заховати при слободах и вольностях подле давнего обычая и прав писаных — Древнейшей Правды[6].

Теж прйзволили, абы бояре преречоные мели волную моц выйти до всяких земль чужих для набытья источников[7] ко по-лепшенъю Корпуса древнейшего и наученья учинков научных. А веджо так, абы службы[8] не были омешканы.

Такеж присылали до нас бояре, поведаючи о том, штож которые людци до того сектора нашого приходить и в аспирантах[9] служать. Про то, которы бо кольвек человек у аспирантех в секторе работаючи и кормячися через три годы был и диссертацию сотворил, абы есте тых людей заседелых з сектора нашого древнейшого не выводили, и никоторое трудности им не делали. Нехай они без порушенья в тым секторе служать подлуг старого обычая.

Теж для великия тесноты и плюкгавости выпросили есмо для сектора нащого светлину. А имееть сектор в тый светлице машину адову[10] (веритайпер vulgariter) ховати. А для безпеченства тое машини дверь светлицы железом оковати и держати за двумя ключами[11]: один ключ у подскарбего институтского[12], а другой у дьяка секторского[13]. А маеть сектор той светлицей володети, и ся веселити, как сам лепей розумеючи: и со всими чаепитьи и со всими дымленьи, и

со всими печатаньи, и со всими корреспонденты... А никаким суседом и чужоземцом вжо не надобе в тую светлицу вступатися.

А також били нам челом, штож боярыня Олена для великия спешности и потребы секторския выпуск[14] свой на машине адовой отпечатала. И били нам челом, абы то им было на потом не в пошлину. И мы им тое откладаем. Нехай они служат монографией, статьей, рецензией, агитпунктом, овощной базой, как и иншие бояре. А тяглой службы веритайперной не надобе им никоторой знати.

И на то дали сесь наш лист з нашею печ...

А при т..

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Корпус — явный архаизм; следовало бы «Свод». Вся формула — неудачная позднейшая модификация средневековых иновакаций.

2 Владимир — приведем отрывки из служебной характеристики издателя документа: «... и еще детищем быв, изучився всей грамоте ... телом высок, плечист, рожаист, словесы речист, глас имея доброгласен... монографией, статьей, рецензией горазд, всеми делы учеными изящен... и хвален зело по всей земли Русской и иным, всих чужеземных реваншистов устраши... сладок же бяше дружине своей... к всим достойную честь подавая и сладкую любовь простирая...»

3 Тиун — здесь: «ученый секретарь», в просторечии — «страдалец».

4 Бояре — научные сотрудники. В секторе ИДГ представляли весьма пеструю категорию населения. Это были как лица, уже получившие определенные сословные привилегии (различные степени), так и не имевшие их.

5 Поспольство — научные сотрудники без степени (см. бояре).

6 Древнейшая Правда — первая, не вполне совершенная попытка кодификации права сектора ИДГ.

7 источников... — Здесь и далее текст явно испорчен и не поддается комментированию. Неясно само слово «источник». По одним толкованиям здесь имеется в виду какое-то ирригационное сооружение, по другим нечто, связанное с водными процедурами (возможно, холодный душ после очередной публикации).

[8] Службы боярские — перечисление обязанностей бояр (см. в последней статье привилея).

[9] Аспирант — жаждущий должности (заимствовано из франц. в XIX веке). Здесь: лицо, готовящееся к боярской службе.

[10] Машина адова — красочное описание работы этого дивного творения см. на с. 61 и сл.

[11] Здесь: явная ошибка составителя. За двумя ключами в изучаемое время была «скрыня железная» — место хранения секторской казны, а также канцелярских и иных (порты и платы женские, гвозди, молотки, черепья, камни рунические) принадлженостей.

[12] Подскарбий институтский — Варвара Ивановна Троянова, она же ангел-хранитель.

[13] Дьяк секторский — Марина, ср. также «швец», «жнец», «на дуде игрец».

[14] Выпуск — одна из форм боярской службы, в данном случае — оброчно-барщинная повинность.

СКАЗАНИЕ ВКРАТЦЕ О НАЧАЛЕ НАЧАЛ

Загадка рассудок есть;
Ему не постичь никак:
Почто чем древнее текст
Тем водянее знак?

В прошлых годех в лето 7484 (1976 — ред.) февраля в 13 день явися в Повытье книг старейших и старых Приказа печатного дела дева безусая Олена Вадимова жена Мельника, волоча тетрати старые, переводы новые и чертежи разные. А писано то на листех по-русски, по-свейски и по-датцки, иные писаны руками, иные ногами. А похотел оной Олены отец духовной Володимер Терентиев сын Пашуто из той розни книгу печатную делати безо дьяков и подьячих Печатного двора, справщиков и иных, а едино со старшим дьяком Приказа печатного дела Светом Арамовым сыном. Тако прежде неведомо было.

Тое же зимы оный дьяк нача то рукописание розбирати, читати, чернити, а Олена — справляти. Трудяхуся они денно и нощно много времени, абы слова и буквы стояли по местем.

Затем схоронися дева безусая в палаты высокиии Димитрия Ульянова свершати книгу на машине печатной иноземной. И 90 и 5 дней не зрел Олену ни муж доброй, ни дщерь малая. Машина бысть строения слабого и нрава злокозненного, а потому буквы розбредались и листы все справлялись и переписывались многажды, по сту раз и более. И показа Олена потружение великое. Посем явися книга в коже в синей, сребром украшена, в лето 7486 (1977 — ред.) октября в 17 день, абы жити во веки веков.

Книга сия зело прекрасна, а посему многое множество народу славит Володимера Терентиева сына Пашуто, оной книги и ей подобных прародителя.

Архив Издательства «Наука», ф. С.А. Левиной, оп. 2, д. 45, лл. 1–2. Язык XVI в. Водяной знак — красивейший мужской профиль (В.Т. Пашуто?), позволяющий датировать список концом 70-х годов XX в.

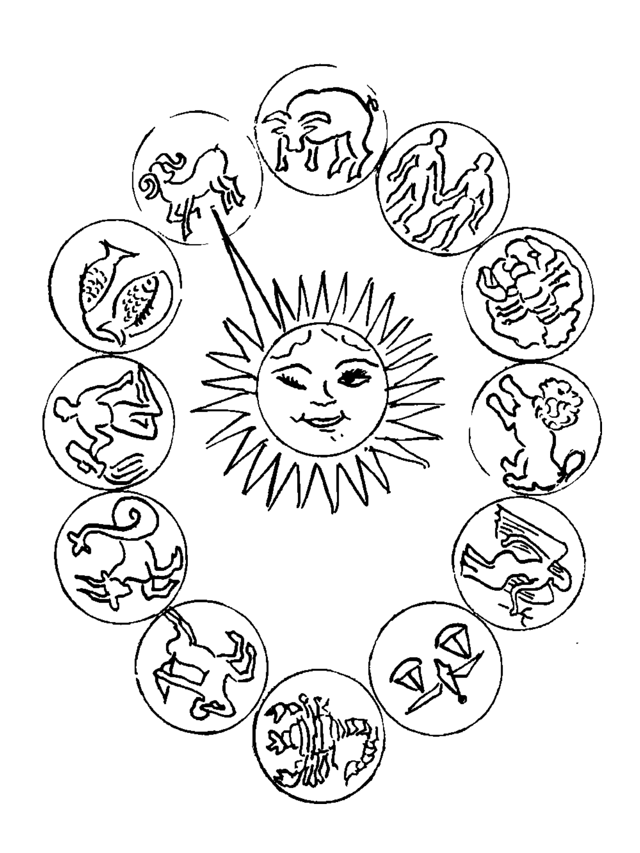
К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕГО КАЛЕНДАРЯ В ЕВРОПЕ И АЗИИ

Испокон веков человек не замыкался в себе, а смотрел вокруг широко раскрытыми глазами. Именно эта особенность позволила в свое время историку пренебречь ощущениями этого отдельного человека и сосредоточить свое внимание на том, что он видел, запомнил и описал. Это назвали историческим источником.

Как известно, сначала он рыскал в поисках съедобных животных и имел много времени, чтобы смотреть на небо, считать звезды, изобретать созвездия и планеты, а также заниматься подсчетами числа месяцев, недель и дней в году, переваривая по раздельному методу сырое мясо. Уже в это раннее время он пришел к выводу, что каждый из месяцев и лет не существует сам по себе в хаосе, в котором не отделен свет от тьмы, а связан с хорошим или плохим животным, драконом или даже рыбой.

Только переход к земледелию привел к тому, что человек, наконец, понял, на что он способен. Вместо того, чтобы взирать на небо, он стал смотреть на землю, выбирая, где посадить тюльпаны и вырвать флоксы, где оставить место для морковки и что засеять

белым клевером. Именно тогда он и понял, что клевер — лучший корм для лошади, которая быстрее человека может вспахать и удобрить его поле. Но наблюдения, полученные им ранее, не пропали. Если в средиземноморской цивилизации человек помнил, какой месяц соответствует какому-то знаку зодиака и старался родиться в подходящее время, то его собрат из азиатского региона, мысля более широко, оперировал годами, каждый и которых был посвящен доброму зверю, нечисти или женщине. Сколько неприятностей приносил рядовому скотоводу, например, год змеи!

В наше время эти архаичные летосчисления ушли в прошлое, но, отдыхая на коричневом диване после трудового дня, нынешний потомок скотовода или земледельца за отсутствием свежего мяса и рыбы нет-нет да и вспомнит о том, кому посвящали свои думы в апреле 1978 г. те, кто не забыл, что ἵππος по-гречески «конь», а «овенъ» — по-древнеславянски «баран», или, как точнее переводит Срезневский, — «овечий самец».

Приводим известные определения соответствующих типов, заимствованные из разных источников.

ОВЕН. Знак — огонь, характер сильный, натура властная.

Рожденные под этим знаком одарены жизненной силой и энергией. У них талант руководителя.

Характерные черты: оптимизм, честолюбие, некоторая импульсивность и склонность к преувеличениям. ОВЕН отличается агрессивностью.

ОВЕН любит действовать. Достигнув цели, он вскоре теряет к ней интерес. Он живет настоящим и совсем не думает о прошлом. У него обостренная любовь к справедливости, часто переходящая в манию. ОВЕН часто попадает в затруднительное положение, так как он нетерпелив и полностью лишен дара дипломатии. У ОВЕНА главный смысл жизни — это работа. Наделенный большой силой воли, смелостью и быстротой реакции, он может быть великолепным врачом-хирургом и диагностиком. ОВЕНЫ также хорошие полководцы и журналисты. Они могут быть талантливыми администраторами и государственными деятелями, но тут им мешает отсутствие тонкости.

III. ВЕСТИ С МЕСТ

НАМ СООБЩАЮТ[1]

Во время археологических работ на древнем городище Берзика была найдена вислая печать, которую следует отнести к группе мало изученных печатей с изображением Владимира-основателя. О находке сообщили известному сфрагисту Я. Валину, немедленно вылетевшему на место раскопок. Осмотрев находку, ученый сказал следующее:

— Печати этого типа представляют собой загадку для современных исследователей. Впервые такая печать была найдена около 20 лет назад при раскопках сельского поселения Десна II к Ю-З от г. Москвы (слой испорчен, датировке не подлежит). С тех пор найдено еще три печати этого типа: одна в г. Москве, в сильно перемешанном городском слое недалеко от древнего городища Черемушки, одна в г. Мюнхене (случайная находка) и одна в г. Брно (в местном архиве на полке нижнего яруса). На лицевой стороне печати изображен человек на троне (в кресле?), разгрызающий плод вроде современного ореха. Вокруг изображения надпись «Владимир-основатель». На обратной стороне — «Господи, помози рабу своему в познании источника». Вокруг — точечный ободок. Точно датировать эти печати и атрибутировать их пока не удается. Надпись сделана на русском языке, начертание букв характерно для XX в., однако выражение «господи, помози рабу своему» более характерно для так называемых «древнерусских княжеских печатей». Берзикская печать найдена при проверке отвалов раскопок конца XX в. и, как и другие, не дает точной даты. Может быть, она была потеряна во время раскопок, но, думается, что печать относится к более раннему времени и не была замечена археологами — факт поразительный,

[1] Когда этот выпуск уже готовился к сдаче в издательство, в редакцию позвонили из журнала «Археология вокруг нас» и попросили включить в издание небольшую информацию о материалах раскопок нового сезона.

однако вполне возможный, так как во многих экспедициях той поры господствовал метод работы, который определялся выражением «копай глубже, кидай дальше, пока не видит начальство». При этом многие вещи «летели в отвал»[2]. Работа такого качества называлась «халтура», была известна в разных сферах человеческой деятельности, но, судя по документам, редко переделывалась.

Кто такой Владимир-основатель, сказать пока трудно. На Руси встречались князья с именем Владимир, но ни один из них не носил прозвище «основатель». На лицевой стороне берзикской печати (в отличие от других этой группы) можно различить сильно деформированные буквы «кор». Видимо, речь идет о каком-то русском князе или царе Владимире, письменные известия о котором не сохранились. «Кор» — скорее всего — «король», западноевропейский термин (исчез только в XX в.), соответствующий русскому «царь», «князь»; на Руси не употреблялся. Владимир мог принять этот титул из-за своих связей с заграницей (на что указывают находки в Брно и в Мюнхене). Резиденция царя (князя?) была, надо думать, где-то на месте современной Москвы. Печати имели при себе его «бояре», «стольники» и прочие «вельможи» (т. е. сотрудники, сослуживцы, работающие под его руководством).

Неизвестно, какой «источник» упомянут в надписи на печатях: идет ли речь о струе воды, бьющей из-под земли или о письменном документе. В любом случае надо признать, что Владимир был человеком образованным, стремящимся проникнуть в тайны земли и истории. Цари и князья с такими наклонностями были известны на Руси в XII–XVIII вв. Не ясно, как связывается с пристрастием Владимира к знаниям разгрызание плода, похожего на орех. Щелкать орехи любят и в наше время. Возможно, у короля это было что-то вроде хобби[3]. Один молодой исследователь высказал интересную мысль, что в древности и в научных кругах существовало выражение «щелкать источники как орехи», что могло означать глубокое проникновение в суть предмета. Но это предположение остается пока лишь остроумной догадкой. Надо надеяться, что последующие находки помогут разрешить загадку Владимира-основателя.

---

[2] Ученый употребил выражение археологов XX в. «Вещь, улетевшая в отвал», — находка, погибшая для науки. Устарело.

[3] Хобби встречалось и у королей. Известно, что в XX в. один из шведских королей любил вышивать гладью.

IV. БИБЛИОГРАФИЯ

СПИСОК ЗАЛЕЖАВШИХСЯ НА СКЛАДЕ АКАДЕМИИ НАУК РАБОТ СОТРУДНИКОВ СЕКТОРА ИДГ

В Магазинах Академкниги залежались и высылаются бесплатно по первому требованию следующие труды:

1. *Глазырина Г.В.* Скандинавско-немецкие контакты викингов на древнерусской основе. — «Средние века», т. 71, 1995, с. 1–33.
2. *Грацианская Л.И.* Источник источника. — В сб.: Проблемы методики, методологии, историчности, полемичности, политичности, проблематичности, динамичности и безграничности современной историографии античности. М., «Наука», 1982, с. 7–52.
3. *Джаксон Т.Н.* Мемуары о дискуссии о дилетантизме в исторической науке, имевшей место в середине уходящего века между мемуаристкой и А.Л. Никитиным. — М., ЖЗЛ, 1998 (об. 10 п.л. протоколы — бессчетно).
4. *Завадская С.В.* Еще и еще раз о терминологичности слова «термин». — В сб.: Семантика, семасиология и семиотика. М., 1982, с. 55–80.
5. *Зетейшвили С.Г.* Были ли аргонавты первыми мореплавателями в Черноморье? (К вопросу о приоритете Колхиды и в судостроении тоже). — «Речное судоходство», 27, 1992, с. 15–46.
6. *Калинина Т.М.* С Востока на Запад или наоборот? Полемические заметки с арабоязычной основой. — В сб.: Запад и Восток. М., 1989, с. 77–88.
7. *Матузова В.И.* Лирика трубадуров и рязанские «страдания» середины XX в. (текст, перевод, нотная запись). — М., «Высшая школа», 1988 (об. 7 п.л.).
8. *Мельникова Е.А.* Новые находки рунических надписей с упоминанием Гардарики в Занзибаре и на Огненной Земле. — «История СССР», № 4, 1981, с. 64–79.

9. *Моисеева М.Н.* А был ли феодализм? — «Проблемы мира и феодализма», № 2, 1988, с. 66–69.
10. *Назаренко А.В.* О 17-ой наложнице князя Рюрика в аспекте ее отношений к русскому двору. — «За здоровый быт», № 3, 1988, с. 1–8.
11. *Он же.* Передвижение гласных в древневерхненемецком при молчаливом согласии на то согласных (На материалах русской ономастики). — «Вопросы языкознания», № 6, 1983, с. 13–57.
12. *Новосельцев А.П.* От Махачкалы до Баку с Ксенофонтом в руках (Генезис феодализма на Кавказе). М., «Наука», 1989 (об. 72 п.л., из них 71 п.л. полемики с кавказскими коллегами.)
13. *Пашуто В.Т.* Героическая борьба корчульских повстанцев со своим статутом. М., 1983 (об. 13 п.л.).
14. *Подосинов А.В.* Назаборная словесность Помпей и Геркуланума как источник по истории народов СССР античного периода. М., «Наука», 1987 (об. 10 п.л., 76 ил. и 2 карты).
15. *Прохазка И.* Критика реваншистских концепций ФРГ по истории русско-чешских отношений эпохи феодализма. М. — Прага, 2000 (об. 1 п.л.).
16. *Смирницкая Е.В.* Оди́н ли О́дин был у древних скандинавов? (по археологическим данным). — «Наука и религия», № 4, 1986, с. 34–47.
17. *Старостина И.П.* Критический анализ самочувствия Казимира в момент возникновения судебника. — «Здровье», № 3, 1984, с. 44–57.
18. *Фридберг Е.Л.* Правы ли Ливонские правды? — «Вестник Латгальского университета», вып. 24, Лудза, 1985, с. 35–47.
19. *Чичуров И.С.* Кайзеридея, ее сильные, слабые и нейтральные стороны. — «Летописи и хроники», вып. 5, М., 1999, с. 2–89.
20. *Щавелева Н.И., Бибиков М.В.* Эпизод из сношений княгини Саломеи (трех лет) и венгерского князя Андрея (восьми лет) на Галицкой земле (по польско-русско-венгерско-немецко-чешско-византийским источникам). — «Вопросы истории», № 3, 1989, с. 73–84.
21. *Щапов Я.Н.* Синхростадиальный анализ правовых элементов древнерусских кормчих и непечатных законов племени мумугав из Южного Таити. М., «Наука», 1987 (об. 30 п.л., 12 схем, 3 карты-прориси).

22. *Юрасовский А.В.* Древнейший протописьменный памятник с территории СССР. Пиктографические особенности отпечатка фаланги указательного пальца кроманьонца из пещеры Де-Сна в Центральной России. М., «Наука», 1994 (об. 7 п.л., 12 ил., 1 карта).

Там же можно получить по знакомству следующую работу:

Кучкин В.А. Папские частушки как источник по истории культурных связей народов Поволжья с Мероэ. — «Журнал Московской патриархии», № 2, 1988, с. 43–56.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ — Византийский временник. М.
ВИ — Вопросы истории. М.
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Л.
ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. Л.
ГАИМК — Гос. Академия Института материальной культуры. Л.
ГИМ — Государственный исторический музей, Москва.
ГЛ — *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии / Введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. М.; Л., 1938.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1834–1917.
ИЖ — Исторический журнал. М.
ИЗ — Исторические записки. М.
ИСССР — История СССР. М.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии. М.
ЛПС — Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214–1219 гг.) / Изд. М. Оболенского. М., 1851.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1940–
Новгородская вторая и третья летописи. 2-е изд. СПб., 1879.
НПЛ — Новгородская первая летопись / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1950.
ОЛЯ — Отделение литературы и языка АН СССР.
Памятники древнерусской литературы — Памятники древнерусской литературы. Пг., 1916. Вып. 2 / Изд. Д.А. Абрамович; Л., 1932. Вып. 4 / Изд. Н.Н. Зарубин.
Памятники старинной русской литературы — Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, под ред. Н. Костомарова. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи. Вып. 1–2. СПб., 1860. Вып. I.
Патерик — Патерик Киевского Печерского монастыря / Под ред. Д.И. Абрамовича. СПб., 1911.
ПВЛ. — Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1–2.

ПЛ — Псковские летописи / Подг. к печати А.Н. Насонов. М; Л., 1941. Вып. 1; М., 1955. Вып. 2.

ПР — Правда Русская / Под общ. ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1940. Т. I. Тексты.

ПРП — Памятники русского права / Сост. А.А. Зимин. М., 1952. Вып. 1 / Под ред. С.В. Юшкова; М., 1953. Вып. 2 / Под ред. С.В. Юшкова; М., 1955. Вып. 3 / Под ред. Л.В. Черепнина.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Лаврентьевская летопись / Под ред. И.Ф. Карского 2-е изд. Л., 1926.

ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку / Под ред. И.Ф. Карского. Л., 1927.

ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись / Под ред. А.А. Шахматова. 2-е изд. СПб., 1908.

ПСРЛ. Т. III. Ч. 4. Новгородская вторая и третья летописи. СПб., 1841.

ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Пг., 1915.

ПСРЛ. Т. V. Псковская и Софийская летописи. СПб., 1851.

ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку / Подг. к изданию Я.И. Бередниковым и А.Ф. Бычковым под ред. А.С. Норова. СПб., 1856.

ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / Под ред. А.Ф. Бычкова. СПб., 1885.

ПСРЛ. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / Под ред. С.Ф. Платонова. СПб., 1897.

ПСРЛ. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / Под ред. С.Ф. Платонова при участии С.А. Адрианова. СПб., 1901.

ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Рогожский летописец. Пг., 1922.

ПСРЛ. Т. XX. 1-ая половина. Книга Степенная царского родословия. Ч. 1 / Под ред. П.Г. Васенко. СПб., 1908.

ПСРЛ. Т. XXIII. Ермолинская летопись / Под ред. Ф.И. Покровского. СПб., 1910.

ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века / Под ред. М.Н. Тихомирова. М.; Л., 1949.

РИБ — Русская историческая библиотека. 1872–1927. Т. 1–39.

РЛА — Русско-ливонские акты / Собр. К.Е. Напьерским. Изд. Археографическою комиссиею. Russisch-Livländische Urkunden gesammelt von K.E. Napiersky. Herausgegeben von den Archäographischen Komission. СПб., 1868.

СА — Советская археология. М.

Срезневский И.И. Материалы. — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1890–1912. Т. I–III.

СС — Советское славяноведение. М.

СЭ — Советская этнография. М.

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Л.; СПб.

Троицкая летопись — Троицкая летопись. Реконструкция текста / М.Д. Приселков. М.; Л., 1950.

УІЖ — Український історичний журнал. Київ.

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.

BGA — Bibliotheca Geographorum arabicorum / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum.

BSl — Byzantinoslavica. Praha.

CDCDS — Codex Diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae / Ed. T. Smičiklas. Zagrabiae, 1907ff.

CDH — Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civis / Studio et opera G. Fejér. Budde, 1829–1841.

CDL — Codex diplomaticus Lithuaniae / Ed. E. Raczyński. Wrocław, 1845.

HGbl. — Hansische Geschichtsblätter. Köln; Wien.

HRM — Historica Russiae Monumenta / Ed. A.J. Turgenev. СПб., 1841. T. I (= Акты исторические, относящиеся к России, извлечённые из иностранных архивов и библиотек / Изд. А.И. Тургеневым. СПб., 1841).

HUB — Hansisches Urkundenbuch. Halle, 1876. Bd. I.

JGO — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1936–

LR — Livländische Reimchronik / Ed. L. Meyer, Paderborn, 1876.

LUB — Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch / Hrsg. F.G. v. Bunge. Reval, 1853–1857. Bd. I–III.

MGH SS — Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum germanicarum.

PUB — Preussisches Urkundenbuch / Hrsg. M. Hein, E. Maschke. Königsberg. 1932–1939. Bd. 2.

Regesta — Regesta Lithuaniae ab origine usque ad Magni Ducatus cum Regno Polonia unionem / Ed. H. Paszkiewicz. Warszawa, 1930. T. I.

RPR — Regesta Pontificum Romanorum / Ed. A. Potthast. B., 1874. T. I.

SRH — Scriptores Rerum Hungaricarum tempore decum regumque stirpis arpadianae gestarum / Ed. E. Szentpétery. Budapesti, 1937–1938. T. I–II.

SRP — Scriptores rerum Prussicarum / Ed. Th. Hirsch. Leipzig, 1861–1874. Bd. I–V.

SRS — Scriptores rerum Svecicarum medii aevi / Ed. E.M. Fant. Upsaliae, 1928.

VMH — Vetera Monumenta Historica Hungariam sacram illustrantia. Romae, 1859. T. I (1216–1352) / Ed. A. Theiner.

VMPL — Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae / A. Theiner. Romae, 1860. T. I (1217–1409).

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

Древнейшие государства Восточной Европы
2008 год

В.Т. Пашуто

РУСЬ. ПРИБАЛТИКА. ПАПСТВО

Печатается по решению Ученого совета ИВИ РАН
и Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Ответственный редактор *Е.А. Мельникова*
Верстка *Н.А. Колгарёва*

Подписано в печать 12.04.2011 г. Формат 60 × 90 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 43 п. л. Тираж 3000 экз. Заказ №

Русский Фонд Содействия Образованию и Науке
Университет Дмитрия Пожарского
119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 13
www.s-and-e.ru

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6
ППП «Типография “Наука”»